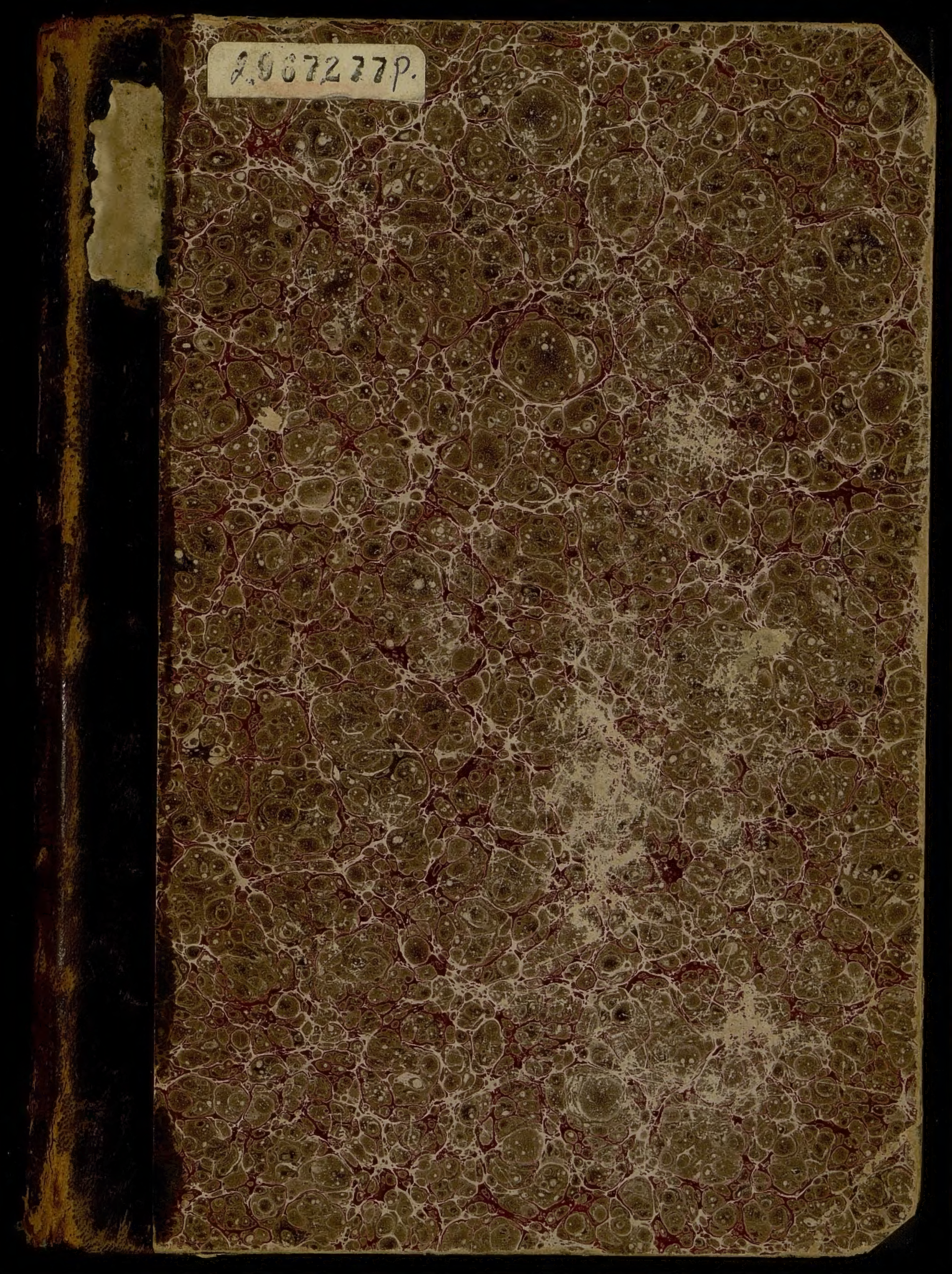
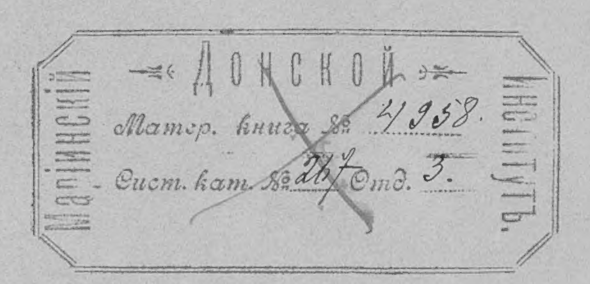

2,967277р.

Маріинскій
Донской
Институтъ.
Матер. книга № 4958.
Сист. кат. № 267 Отд. 3.

КУРСЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

КУРСЪ
ИСТОРІИ НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ

для

ВОСПИТАННИКОВЪ и ВОСПИТАННИЦЪ

СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ,

составленный

В. Шульгинымъ.

Принято въ число учебныхъ руководствъ въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Женскихъ вѣдомства Учрежденія ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ.

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ.

ЦѢНА 1 РУБ. 50 КОП.

Изданіе книгопродавца Н. Я. Оглоблина.
КІЕВЪ, Крещатикъ, № 33. — С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Екатерининская, 4.
1898.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 18 февраля 1898 года.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ.
Кіевское отдѣленіе. Бибиковскій бульв., д. № 8 в.
1898.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Исторія Франціи.

Исторія Великобританіи.

Исторія испанской монархіи.

Исторія скандинавскихъ государствъ.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

От вестфальскаго мира до французской революціи. (1648—1789).

Исторія Франціи.

Исторія Великобританіи.

Исторія Германіи.

Исторія пиринейскихъ государствъ.

Исторія италіанскихъ государствъ.

Исторія скандинавскихъ государствъ.

Предисловіе.

Издавая 3-ю часть **Курса Всеобщей Исторіи**, составитель почитаетъ долгомъ къ сказанному въ предисловіяхъ къ первымъ двумъ частямъ прибавить слѣдующія замѣчанія:

1. Почти всѣ авторы нашихъ историческихъ учебниковъ раздѣляютъ новую исторію на три періода: *реформаціонный*, *меркантильный*, *революціонный*, и стараются совмѣстить изложеніе всѣхъ событій въ томъ же объемѣ, какой даютъ исторіи древней и исторіи средневѣковой. Поэтому самое преподаваніе всеобщей исторіи въ нашихъ гимназіяхъ разбивается на три отдѣла и, при оффиціальныхъ испытаніяхъ изъ цѣлаго курса всеобщей исторіи, ученикъ обязанъ отвѣчать на три вопроса. Если даже согласимся, что дѣленіе исторіи на періоды условливается въ учебникахъ чисто-педагогическою цѣлію „облегчить обозрѣніе событій" (Веберъ); то, и при этой ограниченной цѣли, дѣленіе исторіи должно основываться не на произволѣ автора, не на привычкѣ, а на духѣ и количествѣ событій, на болѣе или менѣе многостороннемъ развитіи исторической жизни. Раздѣляя по привычкѣ на три періода исторію такъ называемыхъ трехъ послѣднихъ вѣковъ, которая съ каждымъ днемъ дѣлается уже исторіею болѣе, чѣмъ трехъ вѣковъ,—наши составители учебниковъ не замѣчали, что при этомъ раздѣленіи, новая исторія, если изложить ее сообразно съ важностію фактовъ, далеко превзойдетъ и древнюю и среднюю, вмѣстѣ взятыя. Поэтому въ нашихъ историческихъ руководствахъ послѣдній (революціонный) періодъ излагается кое-какъ, обращается въ сухой перечень событій, въ которомъ для учащихся все темно, непонятно и сбивчиво. А между тѣмъ нельзя не согласиться, что пониманіе событій этого времени если не болѣе, то ужъ никакъ не менѣе важно для общаго образованія и для пониманія современной, насъ окружающей дѣйствительности, чѣмъ

подробное знакомство съ событіями древней и средневѣковой жизни. Дѣло въ томъ, что исторія новая или исторія трехъ послѣднихъ вѣковъ, сообразно своему названію, должна обнимать собою только время отъ конца XV до конца XVIII вѣка или до французской революціи; а время, начинающееся французскою революціею, составляетъ не періодъ новой исторіи, но само по себѣ образуетъ часть всеобщей исторіи, исторію *новѣйшую*, имѣющую свои періоды и такъ же точно относящуюся къ новой, какъ новая къ средневѣковой. Тутъ дѣло не въ словахъ и не въ названіи, а въ правильности взгляда на относительную важность историческихъ событій и въ логической и исторической правильности дѣленія цѣлаго на части, которая измѣняетъ самый объемъ и сущность изложенія курса и самое распредѣленіе преподаванія исторіи. Дѣйствительно, дѣленіе всеобщей исторіи на четыре части, древнюю, среднюю, новую и новѣйшую, вмѣсто прежняго дѣленія на три, древнюю, среднюю и новую, бывшаго годнымъ и современнымъ только въ началѣ XIX вѣка, уже принято въ лучшихъ иностранныхъ учебникахъ, каковъ напр. учебникъ Вебера. На стр. 31—35 мы изложили взглядъ нашъ на главныя явленія и ходъ исторической жизни отъ начала XVI вѣка до нашихъ временъ и основанную на немъ разгруппировку событій на главные и второстепенные отдѣлы, при чемъ мы нѣсколько отступили отъ учебника Вебера.

2. Въ нашемъ учебникѣ мы рѣшились отступить отъ признаваемаго у насъ образцовымъ, и дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ превосходнаго, учебника Вебера *) и въ самомъ *выборѣ событій*, и въ *методѣ* ихъ изложенія. Главное правило, котораго держался Веберъ въ своемъ „Краткомъ учебникѣ Всеобщей Исторіи", собственно только и написанномъ для *учащихся* и сообразномъ съ объемомъ нашего гимназическаго курса, состоитъ, какъ намъ кажется, въ томъ, чтобы представить въ стройной, строго-научной системѣ какъ можно болѣе именъ и фактовъ. Обращать имена въ личности и событія въ картины жизни Веберъ предоставляетъ преподавателямъ и самостоятельному чтенію учащихся, для чего въ пособіе изданъ имъ болѣе обширный Курсъ Всеобщей Исторіи für höhere Schulanstalten und Selbstbelehrung **) и теперь издается

*) Краткій учебникъ всеобщей исторіи Dr. Вебера, пер. Соколова 1859—60. III тома.

**) Курсъ Всеобщей Исторіи Dr. Вебера, переводъ В. и Е. Корша. М. 1859—61.

еще болѣе полная Всеобщая исторія *). Что касается до насъ, то мы и въ новой исторіи стремились, на сколько позволяли границы учебника, быть вѣрными разъ принятому правилу: „какъ можно менѣе голыхъ чиселъ и безличныхъ именъ и какъ можно болѣе живыхъ людей **)“. Въ нашемъ курсѣ поэтому гораздо менѣе фактическаго содержанія, чѣмъ даже въ краткомъ учебникѣ Вебера, за то выбранныя нами лица и событія изображены съ подробностію, которая допускаетъ даже помѣщеніе такого мелкаго конкретнаго факта, какъ содержаніе мистеріи, представленной въ 1540 году странствующими актерами предъ Карломъ V и объясняющей взглядъ современниковъ на значеніе реформаціи (см. стр. 38). Не беремся судить, на сколько такое правило примѣнимо вообще, но смѣемъ думать, что оно оказалось полезнымъ въ извѣстныхъ составителю русскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отступая отъ Вебера въ выборѣ и объемѣ изложенія событій, мы не согласны съ нимъ и въ самой системѣ изложенія. Строгій систематическій синхронизмъ Вебера, при всей его научной точности, имѣетъ въ педагогическомъ отношеніи ту существенную невыгоду, что заставляетъ учащихся въ каждой дробной эпохѣ безпрестанно перебѣгать отъ жизни одного народа къ жизни другаго и такимъ образомъ нарушаетъ въ ихъ умѣ цѣлостное представленіе о жизни каждаго изъ главныхъ народовъ, которыми опредѣляется и ходъ обще-историческаго развитія. Составитель предлагаемаго курса, опять оставаясь вѣренъ прежде высказанному правилу ***), полагалъ болѣе сообразнымъ съ педагогическою цѣлію и съ возрастомъ учащихся избѣгать дробнаго подраздѣленія исторіи главныхъ историческихъ народовъ; а предпослалъ подробному этнографическому изложенію исторіи въ каждомъ періодѣ краткое синхронистическое обозрѣніе общаго хода событій въ этомъ періодѣ. Обозрѣнія эти преподаватели могутъ дѣлать въ концѣ или въ началѣ періода, по своему усмотрѣнію. Смѣемъ думать, что такое изложеніе, оттѣняя предъ учащимися по возможности различныя эпохи и уясняя имъ постепенное измѣненіе общественныхъ формъ въ каждомъ періодѣ и въ цѣлой новой исторіи, не помѣшаетъ образоваться въ ихъ умѣ и цѣлост-

*) Всемірная Исторія Д-ра Вебера. Переводъ В. Игнатовича и Н. Зуева. Спб. 1860. I-й томъ (Исторія Востока).

**) См. предисловіе къ исторіи среднихъ вѣковъ.

***) См. предисловіе къ исторіи среднихъ вѣковъ.

ному представленію о жизни каждаго главнаго народа въ отдѣльности.

3. Исторія славянскихъ народовъ и Турціи будетъ изложена въ новѣйшей исторіи. Исторія Россіи исключена изъ учебника по причинѣ, указанной въ примѣчаніи къ стр. 40.

4. Развитія экономическихъ отношеній мы въ новой исторіи отдѣльно не излагали, потому что по тѣсной связи въ новое время экономическихъ явленій съ развитіемъ всей общественной жизни народовъ, оно вошло у насъ въ исторію каждаго государства въ приличномъ мѣстѣ (см. статьи объ открытіи новыхъ земель, объ Испаніи, о Сюлли, Кольберѣ и меркантилистахъ, о системѣ Ло и физіократахъ).

5. При очеркахъ умственныхъ движеній составитель имѣлъ въ виду не столько эстетическое достоинство сочиненій, сколько то вліяніе, какое они имѣли на общество. Въ этомъ случаѣ онъ держался по возможности воззрѣнія Шлоссера, у котораго историческіе факты являются результатами двухъ дѣятелей: предшествовавшихъ имъ политическихъ событій и вліянія книгъ и ученій.

6. Относительно формы изложенія или слога мы имѣли въ виду болѣе развитой возрастъ учащихся, которымъ преподается новая исторія.

7. Какъ въ исторіи древней, такъ и въ новой мы помѣщали почти безъ измѣненія статьи изъ монографій и историческихъ курсовъ, которыя находили сообразными съ нашею цѣлію. Читатель встрѣтитъ нерѣдко буквальныя заимствованія изъ Ранке, Маколея, Гизо, Робертсона, Шлоссера, Вебера, Каченовскаго и другихъ, о которыхъ упомянуто въ библіографическомъ указателѣ.

Библіографическій указатель важнѣйшихъ сочиненій по новой исторіи.

A. ОБЩІЯ СОЧИНЕНІЯ ПО ИСТОРІИ НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

1. A. H. L. HEEREN: Handbuch der Geschichte des europäischen Staatensystems u. seiner Colonien seit der Entdeckung beider Jndien bis zu seiner Wiederhertellung nach d. Fall des französ. Kaiserthrons und der Freiwerdung v. America II Th. 1822 4-e verbes. u. fortgesetz. Auff. фр. пер. Nauman'а польскій—Sinkiewicz'а, русскій—Орлова.
2. J. P. F. ANCILLON: Tableau des revolutions du système politique de l'Europe depuis la fin du XV siècle. 1824 IV voll. нѣм. пер. Mann'а, русскій неиз. 1836 первые 2 тома. Оба сочиненія заключаютъ болѣе внѣшнюю, политическую исторію новыхъ временъ. Исходный пунктъ обоихъ авторовъ—идея политическаго равновѣсія. У Герена больше эрудиціи и добросовѣстной обработки внѣшней исторіи колоній, а у Ансильона болѣе живости изложенія.
3. W. WACHSMUTT: Historische Darstellungen aus der Geschichte der neueren Zeit 1831. III Bde.
4. F. v. RAUMER: Geschichte Europas seit dem Ende des XV Jahrhunderts. VIII Bde. 1832—1850. Сочиненіе Раумера принадлежитъ къ числу подробно фактическихъ, впадающихъ въ анекдотизмъ. Многія мелочи живо рисуютъ время и лица, другія (особенно циническаго свойства) помѣщены con amore. Вообще къ Раумеру можно приложить изреченіе pour valet de chambre il n'y a pas des grands hommes. Вдаваясь съ этою цѣлію въ мелочи, онъ упускаетъ изъ виду главное, напр., у него нѣтъ колоніальной исторіи. Группировка и расположеніе сбивчивы; исторія духовнаго развитія поверхностна; экономическаго вовсе нѣтъ. Изложеніе довольно живо и занимательно.
5. H. LEO: Universal geschichte. 3-r und 4-r Bde. 1836—40. Клерикальное направленіе. Реформа объясняется эгоистическими побужденіями и отрицается въ ней прогрессъ. Изложеніе строго научно.
6. E. LEFRANC: Histoire moderne dépuis le grand schisme d'Occident (1387) jusqu'à 1789 II voll. 1860.

B. ИСТОРІЯ КАЖДАГО ИЗЪ 3-хъ ВѢКОВЪ ВЪ ОТДѢЛЬНОСТИ.

XVI и XVII вѣка имѣютъ только исторію политическую, XVIII-й гораздо счастливѣе въ этомъ отношеніи:

1. LINGUET: Histoire universelle du XVI siécle. II voll. 1760.

2. JAEGER: Europäische Historicus über das höshst wundernswerthe saeculum. II Bde. 1701.
3. SCHLOSSER: Gesch. des XVIII und XIX Jahrhund. VIII Bde. 1836—50. Русскій переводъ въ Историч. Библіотекѣ, издаваемый редакціею Современника 1858—60. Достоинства сочиненія Шлоссера: 1) обширная эрудиція источниковъ; 2) многостороннее воззрѣніе на жизнь народную: у него исторія общественнаго развитія идетъ на ряду съ исторіею духовнаго умственнаго развитія человѣка; 3) солидность критеріума при оцѣнкѣ лицъ и событій, иногда впадающая въ пуританскій ригоризмъ. Недостатки: безцеремонная шереховатость изложенія и отсутствіе исторіи экономическаго развитія.
4. DROYSEN: Vorlesungen über die Freiheitskriege. 1846 II Bde. Здѣсь излагается исторія общественныхъ переворотовъ отъ Людовика XIV до настоящаго времени; задача автора: представить исторію пересозданія европейскаго общества посредствомъ новой государственной идеи. Весь матеріалъ 1-го тома сгруппированъ въ слѣд. рубрики: 1) государство, 2) матеріальные интересы, 3) духовное развитіе, 4) старая Европа. Во второмъ томѣ излагается борьба стараго государства съ новымъ обществомъ (революціонное время). У Дройзена мало фактовъ, но выборъ и характеристика ихъ превосходны; изложеніе мастерское и многостороннее.

C. ПЕРЕХОДЪ ОТЪ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЖИЗНИ ВЪ НОВУЮ.

1. F. KORTUEM u. K. REUCHLIN MELDEGG: Geschichte Europas im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit. II Bde 1861.

a) Эпоха открытій и изобрѣтеній.

1. O. DONNDORF: Geschichte der Erfindungen. 1817—20. VI Bde.
2. POPPE: Geschichte der Erfindungen, 1829. IV Bde.
3. NOËL, CARPENTIER et PUISSANT: Nouveau dictionnaire des origines, inventions et découvertes, 1840. IV voll.
4. K. A. SCHAAB: Geschichte der Erfindung der Buchdruckerkunst. 1830—32, III Bde. Mainz. Въ опроверженіе его.
5. J. SCHEĽTEMA: Bericht und Beurteilung von Schaab's Gesch. der Buchdr. Amsterd. 1833— приписываетъ изобрѣтеніе Л. Косгеру.
6. O. A. SCHULZE: Guttenberg oder Gesch. der Buchdruckerkunst. 1840.
7. P. H. KUEELB: Peter Schoeffer oder der Vollender der Buchdrk. 1836.
8. MAUVILLON: Essais sur l'influeuce de la poudre à canon et les changements operés par elle dans l'art de la guerre moderne 1782.
9. G. RAYNAL: Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes 1770. IV voll. Сочиненіе это, написанное въ сотрудничествѣ съ Дидро и другими энциклопедистами, въ свое время надѣлало страшнаго шума, вслѣдствіе рьяныхъ замашекъ противъ деспотизма и религіи, бывшихъ тогда въ модѣ и нисколько впрочемъ не идущихъ къ существу дѣла, излагаемаго въ сочиненіи. Кромѣ нѣсколькихъ статистическихъ данныхъ, въ настоящее время этотъ трудъ весьма мало имѣетъ цѣны: въ немъ больше водянистыхъ фразъ, чѣмъ дѣла.
10. OSKAR PESHEH: Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen. 1858. Отличается основательною эрудиціею въ историческомъ, географическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ и содержитъ исторію открытій съ 1449 по 1520 годъ. Авторъ пользовался рѣдкими оригинальными (даже рукописными) источниками.

Впрочемъ, сочиненіе болѣе пригодно для географа и естествоиспытателя, чѣмъ для историка. Внутренняя организація колоніальной системы мало развита.

11. G. PERTZ: Der aelteste Versuch zur Entdeckung des Seewegs nach Ost-Indien in J. 1291. Изложены и разобраны недавно найденныя свѣдѣнія о плаваніи въ Остъ-Индію Генуэзцевъ еще въ XIII вѣкѣ. 1859.
12. C. RAFN: Antiquitates Americanae s. scriptores septentrionales rerum ante-Columbianarum in America. 1837. Изданіе копенгагенскаго общества Сѣв. Антикваріевъ, заключаетъ въ себѣ извлеченіе изъ сагъ о древнѣйшемъ открытіи (въ X в.) американскаго материка Норманнами; текстъ критическій изданъ проф. Рафномъ, который присоединилъ къ нему цѣлый ученый трактатъ о доколумбіанскихъ сношеніяхъ Европы съ Америкою. Сверхъ того результатъ своихъ изслѣдованій объ этомъ вопросѣ изложилъ Рафнъ въ своемъ Mémoire sur la découverte de l'Amerique au X-e siècle. 1843.
13. W. ROBERTSON: Histori of America. 1777. II voll. нѣм. пер. Schiller'a, франц. Suard'a. По справедливому отзыву самого автора, это вѣрный и безпристрастный докладъ слѣдователя предъ судомъ объ открытіи Новаго свѣта до завоеванія Мексики.
14. WACH. IRWING: Life and Voyages of C. Columbus 1828—30. IV voll. на русскомъ языкѣ перевелъ П. Бредихинъ. 1836—37 IV тома. Дополненіемь служитъ написанная Ирвингомъ History of companions of C. Columbus. пер. на фр. языкъ. Авторъ пользовался изданіемъ Navarrete: Colleccion de viages, заключающемъ въ себѣ всѣ акты, касающіеся Колумба, и всѣ прежнія біографіи его въ томъ числѣ написанную сыномъ Колумба, Фердинандомъ. Документальность, ясный и вѣрный взглядъ, одушевленное изложеніе—достоинства Ирвингова сочиненія.
15. W. PRESCOTT: History of the conquest of Mexico. 1844. На русскомъ языкѣ извлеченіе въ Отеч. Запискахъ. 1847.
16. Его же: History of the conquest of Pera 1848. II voll. Извлеченіе на рус. языкѣ въ Современникѣ 1848 года. Американецъ В. Прескотъ, одинъ изъ лучшихъ новѣйшихъ историковъ, основалъ свои сочиненія на рукописяхъ, хранящихся въ архивѣ мадритской королевской академіи и въ эскуріальской библіотекѣ. Въ первомъ сочиненіи изложена исторія завоеванія Мексики; во второмъ авторъ сначала знакомитъ съ исторіею Перу при Инкахъ и потомъ излагаетъ исторію завоеванія. По художественности изложенія онъ напоминаетъ мастерство О. Тьерри.
17. A. HUENE: Vollständige historisch-philosophische Darstellung aller Veränderungen des Negersclaven-Handels v. dessen Ursprung bis zu seiner gänzlichen Auflösung. 1820. II Bde. Самая подробная внѣшняя исторія негроторговли, доведенная до изданія act of Sclavery 1807 г.

b) Эпоха возрожденія (renaissance).

1. G. VOIGT: Die Wiederbelebung des klassischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus, 1859. Новѣйшее и чуть ли не первое общее сочиненіе объ эпохѣ возрожденія (rinascimento) въ тѣсномъ смыслѣ т. е. до XVI вѣка. Подробнѣе всего разобранъ Петрарка-пробудитель гуманистическаго направленія. Затѣмъ, излагается исторія гуманическихъ студій въ республикахъ и при дворахъ Италіи (особенно во Флоренціи и Римѣ) и, наконецъ, распространеніе гуманизма за Альпы до XVI вѣка.

2. T. PERRENS: Hieronymus Savonarola. Nach Originalurkunden und grösstentheils ungedruckten. Съ фр. Шредеръ. 1859.
3. W. ROSCOE: The Life of Lorenzo de Medici 1797. II voll. (фр. пер. Thuriot). Его же: The Life and Pontificate of Leo X. 1805. IV voll. (фр. пер. M. Henry). Послѣднее сочиненіе почитается лучшею монографіею объ эпохѣ полнаго процвѣтанія гуманизма въ Италіи.
4. ULLMAN: Reformatoren vor der Reformation. 1841—42. II Bde.
5. HAGEN: Deutschlands litterarische und religiöse Verhältnisse im Zeitalter der Reformation. 1841- 44. III Bde.
6. C. MEINERS: Lebensbeschreibung berühmter Männer aus den Zeiten der Wiederherstellung der Wissenschaften. 1795—1797. II Bde.
7. PH. CHASLES: Etudes sur le XVI-e siécle en France. 1848.
8. J. JOLLY: Histoire du mouvement intellectuel au XVI siècle et pendant la première partie du XVII. II voll. 1860.

D. СПЕЦІАЛЬНЫЯ ИСТОРІИ ГЛАВНѢЙШИХЪ НАРОДОВЪ и ГОСУДАРСТВЪ.

I. ИСТОРІЯ ГЕРМАНІИ.

Реформаціонное время: общія сочиненія, біографіи главныхъ дѣятелей, монографіи главныхъ явленій.

1. L. RANKE: Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. 1838. V Bde. Двадцать лѣтъ, посвященныхъ разработкѣ исторіи XVI вѣка (въ Италіи, Германіи, Франціи и Англіи) *), доставили Ранке титулъ историка реформаціи по преимуществу. Онъ принадлежитъ къ современной объективно-критической школѣ историковъ (берлинской) и имѣетъ цѣлію, на основаніи глубокаго критическаго изученія источниковъ, изобразить объективно господствовавшія идеи эпохи въ формѣ пластическихъ очерковъ событій или характеристикъ дѣятелей. Въ критикѣ источниковъ онъ не имѣетъ соперника. Сочиненіе его основано не только на мемуарахъ и хроникахъ современниковъ, но на неизвѣстныхъ до него актахъ и государств. бумагахъ. Вотъ главнѣйшіе: 1) письма и отчеты правительству венеціанскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Римѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ, Туринѣ, Цюрихѣ, Лондонѣ и Неаполѣ; 2) фамильныя бумаги въ архивахъ италіанскихъ нобилей; 3) протоколы имперскаго сейма съ 1414—1613 г. изъ архива во Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ 96 фол.); 4) собраніе государственныхъ бумагъ въ архивахъ Берлина, Дрездена, Брюсселя, Лондона и Мадрида. Ранке безпристрастенъ на сколько можетъ быть безпристрастенъ къ реформаціонному періоду человѣкъ, сочувствующій прогрессу и свободѣ мысли. Въ сочиненіи изложена исторія Германіи отъ конца XV в. до смерти Карла V (VI томъ 1847. Urkunden).
2. K. WOLTMANN: Gesch. der Reformation in Deutschland. 1800. III Bde безъ критики.
3. K. MENZEL: Neuere Gesch. der Deutschen von der Reformation bis zu Bundesacte. III erste Bände. 1826—30. Изъ школы юной Германіи.

---

*) О другихъ его сочиненіяхъ, см. ниже.

4. S. PLANK: Geschichte der Enstehung, Veränderung, Bildung des protestantischen Lehrbegriffs bis zu Concordienformel. 1791—1806. VI Bde. Его же продолженіе до 1000 года изд. въ 1830 г. Болѣе церковный историкъ.
5. W. ROSMANN: Betrachtungen über das Zeitalter der Reformation. 1858. Прагматическое отвлеченіе отъ фактовъ. Авторъ искусно открываетъ зародыши протестантскихъ идей за долго до Лютера. Изложеніе разбито на слѣд. отдѣлы: 1) Евангелизмъ и мистицизмъ (Die Brüder der gemeinsamen Leben und die Mystiker), 2) Евангелизмъ и либерализмъ (Гуссъ и констанцкій соборъ), 3) Евангелизмъ и радикализмъ (Лютеръ и абаптисты).
6. W. ROBERTSON: Histor of the reign of Emperor Charles V. 1769. 3 voll. и многія послѣдующія изданія. Нѣм. п. Remer'a, фр. п. Suard'a, рус. пер. Барышева. Сочиненію предшествуетъ огромное введеніе, излагающее очеркъ гражданственности средневѣковыхъ народовъ. Источниками служили историки и мемуаристы XVI в. Разсказъ спокоенъ, впрочемъ видѣнъ взглядъ Шотландца-пресвитеріанина. Сочиненіе и теперь цѣнно, не смотря на открытія новыхъ документовъ.
7. AM. PICHOT: Charles Quint chronique de sa vie interieure et de sa vie politique 1854.
8. T. JUSTE: Charles V et Margueritte d'Autriche. Etude sur la minorité, l'emancipation et l'avenement du Charles V à l'empire (1477 1521). 1858.
9. MIGNET: Charles Quint. Son abdication, son sejour et sa mort au monastère de Juste. 3-e Ed. revue et augmentée 1838. Сочиненія Пишо, Жюста и Минье написаны по новымъ актамъ и мемуарамъ о времени Карла V, которыхъ особенно много издано въ послѣдніе 20 лѣтъ. Особенно замѣчательно сочиненіе Минье въ томъ отношеніи, что изображаетъ до него неизвѣстное вліяніе Карла V на политическія отношенія Европы, во время его монастырской жизни.
10. П. КУДРЯВЦЕВЪ: Карлъ V (въ Русскомъ Вѣстникѣ 1856 года 1, 7, 20, 21, 22, 23). Сверхъ того изданная Lanz'ом въ 1844 году переписка Карла V и изданныя Heine въ 1848 г. письма къ Карлу V его духовника.
11. MEMOIRE de LUTHER: ecrit par lui même et mis en ordre par Michelet. 1835. Лютеръ самъ не писалъ мемуаровъ, но оставилъ матеріалъ для нихъ. Мишле только выбралъ, перевелъ и расположилъ по времени свѣдѣнія о жизни Лютера, выбранныя изъ 24 томовъ его сочиненій, особенно изъ переписки и застольныхъ бесѣдъ (Tischereden) изданныхъ проф. іенскаго университета Вальхомъ въ 1736—53 г. и провѣренныя по Укерту, Секендорфу, Матезіусу, Кохлену и др. современникамъ, въ особенности по Vifa M. Lutheri breviter exposita (1546) Меланхтона, друга и товарища реформатора, „которому онъ разсказалъ по порядку всю свою жизнь, какъ въ ней одно слѣдовало за другимъ".
12. JUERGENS: Luthers Leben 1846. Богатство фактовъ, начитанность и добросовѣстность взгляда—достоинства сочиненія, которымъ пользовался.
13. НОВИКОВЪ: Гуссъ и Лютеръ. Москва 1860.
14. ABBÉ AUDIN: Hist. de la vie des ouvrages et de la doctrine de Luther. 1851. III voll. Сочиненіе съ ультрамонтанскимъ направленіемъ.
15. ROEBER: Zwingle, ses adversaires 1855.
16. D. F. STRAUS: Ulrich von Hutten, III Bde, 1858. И въ научномъ и въ художественномъ отношеніяхъ превосходное изображеніе личности Гуттена и его вѣка. Извлеченія сдѣланы Кронебергомъ въ Атенеѣ за 1858 годъ.
17. I. HILDEBRANDT: Philipp Melanchton. Sein Leben und. Wirken. 1859. Популярно написанное сочиненіе. Классическою біографіею Меланхтона почитается сочиненіе его современника Каммераріуса.

18. ZIMMERMAN: Geschichte der Bauernkriegs. 1846. Лучшее сочиненіе по исторіи крестьянскихъ войнъ въ Германіи.
19. WEIL: Der. Bauernkrig. 1847. Болѣе соціалистическій памфлетъ, чѣмъ ученая монографія.
20. G. FREITAG: Bilder aus der deutschen Vergangenheit 1858. Картина нравовъ и убѣжденій разныхъ сословій въ реформаціонное время.
21. O. SCHABE: Satyren und Pasquille aus der Reformationszeit. III Bde. 1858.
22. F. v. SCHILLER: Geschichte des dreissigjährigen Kriegs. 2 Bde. 1805 и множество позднѣйшихъ изданій. Продолженіе ея издано W o l t m a n n'омъ (1808—9, II Bde). Знаменитая въ свое время монографія отличается болѣе литературными, чѣмъ научными достоинствами.
23. FLATHE: Geschichte des 30 jährig. Kriegs. IV Bde. 1839.
24. K. MENZEL: Geschichte des 30 jährig. Kriegs in Deutschland. III Bde. 1835—39. Сверхъ того, въ послѣднее 25-лѣтіе, послѣ открытія и напечатанія многихъ актовъ и мемуаровъ явились монографіи по исторіи 30-лѣтней войны: М а к б о л ь д а (1840), К. М ю л л е р а (1841), Б а р т о л ь д а (1841), Г я н д е л и (1859), Ч е п м а н а (1859), Х е м н и н а (1856—57), Б е н з е н а (1859), Л о р е н ц а (От.) 1859.
25. HURTER: Geschichte Kaiser Ferdinands. II 1858. XI Bde. (авторъ ультракатоликъ и придворный льстецъ).
26. FOERSTER: Albrecht V Wallenstein. 1834. Онъ же издалъ его переписку. Лучшая монографія (Сверхъ того монографія Дудика 1860).
27. GFOERER: Gustav-Adolph. 1839. Сверхъ того Хемницъ и мн. другіе).

Исторія Германіи послѣ вестфальскаго міра до конца XVIII вѣка.

1. BIEDERMANN: (K) Deutschlands geistige, sitliche und gesellige Zustände im XVII Jahrh. II Bde. 1858—60.
2. VEHSE: Geschichte des oesterreichischen Hofes. 1858 sq.
3. MICHIELS: Histoire secrète du gouvernement autrichien. Première histoire d'Autriche écrite d'aprés les documents authentiques. 1858. Послѣднее сочиненіе имѣетъ характеръ памфлета, но, не смотря на то, поражаетъ вѣрностію мыслей. Направленіе его выражено въ слѣдующемъ девизѣ: Pretentions des Habsbourgs: Austriae Est Imperari Orbe Universo. Replique de la France: Austria Erit In Orbe Ultima.
4. UHLICH: Leben Maria-Teresiens. 1783. Вообще о царствованіи Маріи-Терезіи до послѣдняго времени мало издано сочиненій. Въ 1859 году явилось нѣсколько спеціальныхъ монографій: Ramshorn'a (Maria Theresia und ihre Zeit) болѣе беллетристическая, K a r a j a n'a (M. Theresia und Graf Sylva-Tarouka), A r n e t h'a M. Th. und der Hofraht von Greiner) и F e i l'я (Sonnenfels und M. Theresia). Всѣ эти сочиненія документально трактуютъ о частной и политической дѣятельности знаменитой императрицы.
5. I. GROSS-HOFFINGER: Lebens-und Regierungsgeschichte Ioseph II und Gemälde seiner Zeit. 1835 V Bde. Это лучшее сочиненіе. Кромѣ его писали: M e n z e l (1700), C a r a c c i o l i (1791), H u b e r (1792), P e z z l (1805), R i o u s t (1817).
6. G. STENZEL: Geschichte des preussischen Staats. 1830—50. III Bde. Разборъ помѣщенъ во 2-мъ томѣ сочиненій Грановскаго. Лучшее общее сочиненіе по исторіи Пруссіи.

7. L. RANKE: Neue preussisch. Geschichte. 1847—48.
8. HORN: Friedrich III, Kurfürst von Brandenburg, erster König in Preussen. 1816.
9. FOERSTER: Friedrich-Wilhelm I. 1834. II Bde.
10. J. PREUSS: Friedrich der Grosse 1833 III Bde. Его же 1) Friedrich der Grosse mit seinen Verwandten und Freunden. 1838. 2) F. d. Grossen Jugend und Tronbesteigung. 1839. Лучшая изъ нѣмецкихъ монографій о Фридрихѣ В.
11. C. PAGANEL: Histoire de Frederic le grand. 1830. II Bde. Лучшая изъ французскихъ монографій о Фридрихѣ В.
12. N. DOVEER: Life of Frederic II 1832. II voll. Лучшая изъ Англійскихъ біографій о томъ же. Сверхъ того изъ огромнаго числа монографій о Фридрихѣ замѣчательнѣе другихъ: Brougam'a (1839), Carlyle'я (1859), Macaulay'я (1842), Reiche (1840 и 1859), Heinsius'a (1840), Biedermann'a (1859), Venedey' (1859: отношенія къ Вольтеру), Archenholz'a (семилѣтняя война), Gotschalk'a (также 1858).
13. KURD v. SCHLOESSER. Friedrich der Grosse und Katharina die Zweite. 1859. Очень дѣльный разборъ исторіи раздѣловъ Польши.
14. FREDERIC II: Histoire de mon temps, въ полномъ собраніи сочиненій. Лучшее изданіе 1840 sqq. годовъ.

II. Исторія Франціи.

Реформаціонное время: общія сочиненія, біографіи главныхъ дѣятелей, монографіи главныхъ событій.

1. J. MISCHELET: 1) La Renaissance. 2) La Reforme et la ligue. 3) Henri IV et Richelieu et 4) La Fronde. 1856—59. IV voll. Образуютъ X, XI, XII, XIII, томы его огромной исторіи Франціи. Основательности критики и художественности изложенія отчасти вредитъ запальчивость сбивающаяся на памфлетъ.
2. LEOP. RANKE: Französische Geschichte im XVI und XVII Jahrhund. 1851—53. III Bde. „На мѣстныхъ подробностяхъ останавливался мало, но старался всесторонне изобразить все всемірно-исторически важное“. Документальность, критика и всѣ историческіе пріемы тѣ же, какъ и въ исторіи нѣмецкой реформаціи. За введеніемъ, излагающимъ элементы французской націи, формацію монархіи и борьбу съ Англіею, слѣдуетъ изложеніе французской исторіи съ Франсуа I до смерти Ришелье.
3. G. FELICE: Histoire des protestants de France depuis l'origine de la réformation jusqu'a nos jours. 1851. Это спеціальная исторія французскихъ кальвинистовъ. „Авторъ останавливался на изображеніи страданій жертвъ болѣе, чѣмъ на изображеніи жестокости гонителей. Изложеніе живо, но не чуждо памфлетнаго характера. Указаній на источники вовсе нѣтъ.
4. CAPEFIGUE: 1) Hist. de la reforme, de la ligue et du régne d'Henri IV. VIII voll. 2) Richelieu, Mazarin, la Fronde. VIII voll. Сборъ фактовъ, безъ ученой критики.
5. AUDIN: Hist. de la vie, des ouvrages et de la doctrine de Calvin 1851. 5-e ed. Сочиненіе, удостоенное почетнаго отзыва отъ папы Григорія XVI, по этому можно ужь судить о его направленіи.
6. P. ROEDERER: Louis XII et Francois I. 1825 II voll.
7. A. HERRMANN: Franz I, König von Frankreich, 1824.
8. L. WACHLER: Die Pariser Bluthochzeit. 1824.

9. П. КУДРЯВЦЕВЪ: Дѣтство и юность Катерины Медичи. (Въ Рус. Вѣстникѣ 1857 г.).
10. POIRSON: Histoire de Henri IV. 1857. III voll.
11. BAZIN: 1) Histoire de France sous Louis XIII. 1840 IV voll. 2) Histoire de France sous le ministère du C. Mazarin. 1842. VI voll.
12. CAILLET: De l'administration en France sous le ministère du card. Richelieu. 1858.
13. COUSIN: 1) La jeunesse de M-me de Longuevilles. Etudes sur les femmes illustres et la société du XVII siècle. 1853. 2) M-me de Longuevilles pendant la Fronde. 3) La marquise de Sablé. 1854. Живая картина придворной жизни. Сверхъ того мемуары: Монлюка, Таванна, Агриппы д'Обинье, Брантома, де-Ту, кардинала Реца.

Время Людовика XIV и XVIII-й вѣкъ.

1. VOLTAIRE: Siècle de Louis XIV. Лучшее изданіе 1852 года, коментированное Charles Louandre'омъ на основаніи подлинныхъ актовъ, переписокъ, мемуаровъ и главнѣйшихъ монографистовъ французскихъ и иностранныхъ.
2. CAPEFIGUE: Histoire de Louis XIV. Сборъ фактовъ. Критика и прагматизмъ очень легкіе.
3. MIGNET: Mémoires politiques et négociations relatives à la succesion d'Espagne. 1850. Съ обширнымъ введеніемъ, прекрасно объясняющимъ дипломатическую сторону вѣка Людовикова вообще, на основаніи тайныхъ бумагъ, извлеченныхъ изъ архива иностранныхъ дѣлъ.
4. PELET: Memoires militaires du siécle de Louis XIV. Изображеніе военнаго быта, военной администраціи и тактики главнѣйшихъ генераловъ Людовика XIV.
5. P. CLEMENT: 1) Hist. de la vie et de l'administration de Colbert. 1846. 2) Le gouvernement de Louis XIV (1836–89). 1848. (La Cour, l'administration, les finances et le commerce). Лучшія монографіи экономической дѣятельности вѣка.
6. HENRI MARTIN: La monarchie au XVII Siècle. 1850. Изложеніе системы и личнаго вліянія короля по отношенію къ двору, вѣрѣ, наукѣ, искуству.
7. CHERUET: De l'administration de Louis XIV (1661—72) d'aprés les mémoires d'Ormesson. 1850.
8. DEPPING: Correspondance administrative sous le régne de Louis XIV. 1850—56. IV voll. Оба послѣднія сочиненія обнимаютъ исторію всей административной дѣятельности вѣка. Оба отличаются строгимъ анализомъ и живостью изложенія. Сверхъ того безчисленное множество современныхъ мемуаровъ. Главнѣйшіе мемуары Данжо, Сенъ-Симона, M-me de Ментенонъ (для придворной) и Вобана (для экономической исторіи).
9. LA CRETELLE JEUNE: Hist. de France pendant le XVIII siécle. 1848 IV voll.
10. TOCQUEVILLE: Hist. philosophique du règne de Louis XV. II voll. 1847. Его же: L'ancien régime et la révolution. 1856.
11. LEMONTEY: Histoire de la régence. 1832. II voll.
12. J. HORN: J. Law. ein finanzgeschichtlicher Versuch. Лучшая монографія системы Ло.
13. И. БАБСТЪ: Джонъ Ло или финансовый кризисъ во Франціи въ первые годы регенства. Разборъ этого сочиненія въ Отеч. Зап. 1852 г. составляющій цѣлую монографію, сост. пр. Бунге.
14. CAPEFIGUE: Histoire de Louis XV. Сборъ матеріаловъ безъ критики.

III. Исторія Великобританіи и Ирландіи.

Тюдоры и реформація.

1. L. RANKE: Engliche Geschichte vornehmlich im XVI und XVII Jahrh. 1858. II. Bde. (до войны Карла I съ парламентомъ). Сочиненіе отличается тѣми же свойствами, какъ и всѣ сочиненія Ранке: документальностію, стройностію, пластицизмомъ. Введеніе, изображающее: „welthistorische Momente der früheren Geschichte Englands,“ короче введенія къ исторіи Франціи и менѣе содержательно. Значеніе Тюдоровъ въ ходѣ общеевропейской исторіи изображено превосходно. Образцемъ историческаго изложенія могутъ служить статьи объ Елисаветѣ и Маріи Стюартъ. Подробностей нѣтъ, рельефно изображены главные моменты.
2. FRONDE: History of England from the Fall of Wolsey to the death of Elisabeth. 1856. sq. II voll. Достоинства: документальность, мастерское изложеніе, умѣнье рисовать отдѣльныя личности. Недостатки: диллетантизмъ въ обращеніи съ историческими лицами, щегольство оригинальностію взгляда въ накладъ нравственной и исторической правдѣ, пристрастіе къ личности Генриха VIII и неумѣнье отдѣлить личную пошлость его, какъ человѣка, отъ государственнаго его значенія.
3. W. COBBET: History of the Reformation of England and Ireland. 1825. II voll. фр. перев. Paris. 1826. Изложено въ формѣ писемъ къ англійскому народу. Авторъ—протестантъ задалъ себѣ задачу показать, что реформа обѣднила и деморализировала массу народа. Какъ сочиненіе, написанное на впередъ заданную себѣ тему, оно не имѣетъ характера строго и объективно историческаго.
4. AB. AUDIN: Histoire de Henri VIII et du schisme d'Angleterre. 1847. Взглядъ на реформу узко-католическій: единственнымъ ея источникомъ представленъ произволъ короля и раболѣпство парламента. Это обвинительный актъ на реформу.
5. F. v. RAUMER: Elisabeth von England und Maria von Schottland. 1836.
6. MIGNET: Histoire de Marie Stuart, 1851. II voll.
7. DARGAUT: Histoire de Marie Stuart 1851. II voll.
8. LOBANOFF: Lettres, instructions et memoires de Marie Stuart. 1844. VII voll.
9. CH. de REMUSAT: Bacon, sa vie, son temps et son influence. 1857.
10. ГРАНОВСКІЙ: Бэконъ, историческая характеристика. 1857.
11. MACAULAY: Lord Bacon, (въ его Essays).

Стюарты и революція.

1. F. GUIZOT: Histoire de la révolution d'Angleterre состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣльныхъ частей: 1) Histoire de Charles I. 1858. 3-e ed. II voll. 2) Histoire de la république et de Cromvell. 1854. II voll. Оба соч. переведены на рус. яз. 1860. 3) Portraits politiques de principaux personnages de divers parties: Parlamenitaires, Cavaliers, Republicains, Niveleurs. 1851. 4) Monk. Chute de la république et rétablissment de la monarchie en Angleterre en 1660. 1851. Цѣлому ряду этихъ сочиненій предшествуетъ Discours sur l'histoire de la révolution d'Angleterre, въ которомъ излагается взглядъ доктринера на весь ходъ англійской революціи отъ начала смутъ при Карлѣ I до Вильгельма Оранскаго. Авторъ особенно мастеръ на изложеніе парламентскихъ преній, и обрисовку направленія партій. Тонъ строгъ и простъ; жизни мало. Лица представляются идеями, которыхъ служатъ выраженіемъ, но безъ тѣла и крови.

2. DAHLMANN: Gesch. der englischen Revolution. 1844. Краткая но обстоятельная, въ рядѣ выпуклыхъ и живыхъ картинъ представленная исторія революціи, которой начало авторъ возводитъ къ Тюдорамъ. По манерѣ изложенія подходитъ къ Ранке; по направленію радикальнѣе демократиченъ, чѣмъ Гизо.
3. VILLEMAIN: Histoire de Cromvell. 1819. Въ сочиненіи преобладаетъ элементъ беллетристическій. Критики мало.
4. PH. CHASLES: La révolution d'Angleterre. Cromvell. Сверхъ того сочиненія Bradie (1822). Merle d'Aubigné (1847), Sanford'a (1858), Knight'a (1858) и др. Мемуары и переписку Кромвеля издалъ Carlyle въ 1847 г.
5. MACAULAY: The history of England from the Accession of James. II VII voll. Послѣднее изданіе 1858 г. Нѣмецкій переводъ Bülau; французскій Am. Pichot и J. du Peurronet (на рус. яз. извлеченіе помѣщено въ Современникѣ 1856 и 57 годовъ подъ заглавіемъ: Разсказы изъ исторіи Англіи). Прагматизмъ не туманно-отвлеченный, какъ у Нѣмцевъ, и не поверхностно фразерный, какъ у Французовъ, но ясный, здравый, исполненный критическаго толка; обширная эрудиція, высокая художественность изложенія, вслѣдствіе которой минувшая Англія и ея дѣятели облекаются въ кровь и плоть предъ читателями, вотъ свойства, ставящія трудъ Маколея въ число сочиненій, которыми гордится современная историческая наука. Впрочемъ его справедливо упрекаютъ за то, что нерѣдко въ накладъ правдѣ, онъ смотритъ на всѣ личности и событія и изображаетъ ихъ подъ угломъ зрѣнія виговъ, къ которымъ принадлежалъ по своимъ убѣжденіямъ.
6. G. MOORE: Hist. of the british Revolution in 1683 and 1689. 1820. (Нѣмец. перев. Halem'a 1823).
7. J. MACKINTOSH Hist. of the revolution in England in 1688. Lond. 1834.
8. WOLTMANN: Gesch. der lezten englischen Revolution, 1797.
9. MENARD: Hist. de la révolution de 1688 en Angleterre. 1858. 2-e ed.
10. PHIL. CHASLES: Etudes sur le XVIII Siècle en Angleterre. II vol.
11. MAHON: History of England from the peace of Utrecht to the peace of Versailes, 1714—1783. 5-e ed. 1858. VII voll.
12. Г. ВЫЗИНСКІЙ: Англія въ XVIII столѣтіи. Публичныя лекціи. М. 1860.
13. TACKERAY: Четыре Георга. Очеркъ обычаевъ, нравственности, придворной и городской жизни. Пер. въ Рус. Вѣстникѣ 1860 года, № 19, 20, 22 и 24.
14. DE WITT: Hist. de Washington et de la révolution des Etats Unis d'Amerique avec une introduction sur Washington par M. Guizot. 1854.
15. LABOULAYE: Hist. politique des Etats Unis dépuis les derniers essais des colonisation jusqu'à l'adoption de la constitution fédérale 1855. I-er voll.
16. F. MOORE: Diary of the American Révolution. 1860.
17. TOCQUEVILLE: Democratie en Amerique. Рус. пер. Якубовича. Кіевъ. 1860.
18. THORNTON: The history of the Britich Empire in India. 1858. 2-ed.
19. J. MILL: The history of British India. 5-ed. wlth notes and continuation by H. Hayman Wilson VII voll. 1858.
20. CAPPER: Gesch des brittischen Indien v. seinen Frühesten Urkunden bis zur Gegenwart. Ins deutsche übertragen v. Lowe. 1858.
21. WARREN: L'Inde anglaise avant et aprés l'insurrection de 1857. II voll. 1858 3-e ed. (русскій переводъ изданъ Голубковымъ въ 1844 году съ перваго изданія). Сверхъ того для исторіи конституціонной Англіи XVIII вѣка важны біографіи

замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей. Лучшія: Macaulay (Біографіи двухъ Питтовъ, лорда Клейва и Уарренъ Гастингса, Russel (J) (Біографія Фокса), Macknight (Біогр. Борка), Дружинина (Біогр. Шеридана).

22. BUCKLE: History of Civilisation in England. II voll. 1858—1860. Нѣмецкій пер. Ruge (1860); русскій Бестужева-Рюмина (1813). Задача оригинальнаго Бокля—изложить исторію англійской цивилизаціи преимущественно въ XVII и XVIII вѣкахъ. Для этого въ первомъ томѣ онъ предварительно разсматриваетъ ходъ европейской цивилизаціи вообще, а за тѣмъ характеризируетъ въ общихъ чертахъ и ходъ англійской цивилизаціи отъ V до XIX в. Вся книга Бокля проникнута оригинальною мыслію, что ходъ исторіи опредѣляется ходомъ научныхъ изслѣдованій, „что сумма событій опредѣляется суммою знаній".

IV Исторія пиринейскихъ государствъ.

Исторія испанской монархіи.

1. W. PRESCOTT: The reing of Ferdinand and Isabella. 1839. III vols (нѣмец. переводъ 1840 г. въ Лейпцигѣ). Новое изд. 1858 г.
2. Его же: History of the reing of Philipp the second king of Spain 1857. III vols. (Рус. пер. въ 1 и 2 томахъ Историковъ и публицистовъ 1848). О Прескотѣ см. выше стр. XI.
3. WATSON: History of the reing of Philipp the second. 1777. III vols (фр. перев. Mirabeau et Ducival 1777—78. IV voll).
4. Его же: Hist. of the reing of Philipp III. 1773. II voll. (Франц. перев. Bonnet 1809). До Прескота сочиненія Уатсона почитались лучшими по этой части.
5. W. HAWEMANN: Darstellungen aus der inneren Geschichte Spaniens während des XV und XVII Jahrh. 1850. Краткіе, но обстоятельные и живые очерки внутренней жизни Испаніи.
6. WEISS (CH.): L'Espagne depuis le règne de Philippe II jusqu'a l'avenement des Bourbons 1844. Одно изъ лучшихъ современныхъ сочиненій.
7. COXE (W.): Memoirs of the kings of Spain of the house of Bourbon from the accession of Philipp V to the death of Charles III (1700—88). Lond. III voll. (франц. пер. Mariel. 1827).
8. COMBES: La princesse des Ursins. Essais sur sa vie et son caractère politique, d'après les nombreux documents inèdits. 1858. Очень важная монографія.
9. TERRER DEL RIO: Histoire du règne de Charles III d'Espagne 1856. (На фр. яз. перев. Viardot). Обстоятельное изложеніе реформъ этого царствованія съ оттѣнкомъ клерикальнаго направленія.

Исторія Португаліи.

1. H. SCHAEFER: Geschichte von Portugal. 1840.
2. R. de VERTOT: Histoire de la révolution de Portugal en 1640. Лучшее изд. 1751 г.
3. J. SMITH: Memoire of the marquis of Pombals. II voll. 1844. (франц. пер. изданъ тогда же. Единственная біографія Помбаля, выходящая изъ разряда памфлетовъ и основанная на подлинныхъ документахъ.

V. Исторія Нидерландовъ.

1. F. v SCHILLER: Geschichte des Abfalls der vereinigten Niederlanden von der spanischen Monarchie 1800. Множество изданій. Доведено до Альбы. Продолжалъ Curths

подъ заглавіемъ: Der niederländiche Revolutionskrieg im XVI u XVII Jahrh. 1808. III Bde. Отличается тѣми же достоинствами и недостатками, какъ и исторія 30-лѣтней войны.

2. H. LEO: XII Bücher niederländischer Gesch. Halle. 1835 2-я часть.
3. J. LOTHROP MOTLEY: The Rise of the Dutch Republic. III voll 1857. Перев. на фр. яз. G. Jottrand и A. Lacroix 1859—60. VI voll. Сочиненіе пріобрѣло извѣстность. Содержаніе: событія съ 1550 до смерти Вильгельма Оранскаго. Достоинства: эрудиція, драматизмъ изложенія, анализъ характеровъ. Упрекають за то, что много мѣста даетъ личностямъ, мало—народу, а отчасти за утрированное презрѣніе къ среднимъ вѣкамъ. Какъ совершенный контрастъ взглядамъ Мотлея на лица и событія, замѣчательно сочиненіе его критика:
4. MATH. v. KOCH: Untersuchungen über die Empörung und den Abfall der Niederlande von Spanien. 1860. Авторъ становится на сторонѣ Филиппа II противъ Вильгельма Оранскаго.
5. TH. JUSTE: Histoire de la révolution des Pays-bas. 1855. Сочиненіе, увѣнчанное преміею, не уступаетъ въ достоинствахъ Мотлею. Дополненіемъ къ нему служатъ монографіи того же автора: Hist. de Marie de Hongrie (1856) и Les Pays bas aux XVI siècle (1858), посвященныя изображенію замѣчательныхъ личностей вѣка.
6. A. HENNE: Histoire du regne de Charles V en Belgique. 1858. IV voll. Сочиненіе чрезвычайно расхваленное Варнкёнигомъ въ Истор. Журналѣ Зибеля. II. Jahrgang 3-tes Heft. Сверхъ того замѣчательны: 1) сочиненія современниковъ великой борьбы Нидерландовъ съ Испаніею: Страды, Бентиволію, Г. Гроціуса. 2) Изданія королевскаго общества исторіи въ Бельгіи, особенно 1858 и 1859 года. Разборъ послѣднихъ представленъ Варнкёнигомъ въ Зибелевомъ истор. журналѣ 1860 г. 3-tes Heft.
7. DAWIES: History of Holland.
8. DOVEZ: Histoire de la Belgique. 1805. VII voll.

VI. Исторія италіанскихъ государствъ.

1. F. GUICCIARDINI Della historia d'Italia libri XVI (съ 1490—1520). Первое изданіе во Флоренціи 1561 г. Лучшее въ Парижѣ съ предисловіемъ Bott'ы 1832. VI voll. Фр. пер. Favre'а и Georgeone'а 1758. Нѣм. пер. Forberger'а.
2. C. BOTTA: Storia d'Italia (1535—1789). Par. 1832. 10 voll (продолженіе Гвичіардини).
3. H. REUCHLIN: Geschichte Italiens von der Gründung der regierenden Dynastien bis zur Gegenwart 1859. 1-er. Th. bis zum Jahr. 1348.
4. E. QUINET: Revolutions d'Italie. 1850.
5. BIANCHI: Storia della politica austriaca rispetto ai soverani ed ai governi italiani. 1857.
6. GIANNONE: Del' Istoria civile del regno di Napoli libri XL 1723. IV voll. Нѣм. пер. Lohenschiold'а Фр. пер. Desmoneaux (первое изданіе было сожжено по повелѣнію папы, а авторъ осужденъ на изгнаніе).
7. HERMANN: Gesch. des Königreichs Neapel und Sicilien. 1830. Рус. пер. 1849.
8. MACCIAVELLI: Del istorie fiorentine. 1532. Нѣм. пер. Ziegler'а 1835. Фр. пер. Periès'а 1823.
9. GALLUCCI: Storia del gran ducato di Toscana sotto il governo del Medici. 1781. IX vols. Нѣмец. пер. Jagemann'а, Фран. пер. Keralio. 1782—83.
10. HASSE: Geschichte der Lombardei 1826. IV Bde. Рус. пер. M. 1848.

11. P. VERRI: Storia di Milano. 1783. Продолжалъ Custodi. 1783. IV vols.
12. G. SERRA: Storia dell antica Liguria e di Genova. 1834. IV voll.
13. P. DARU: Histoire de la république de Venise, 1828 VIII voll.
14. N. FRÉZET: Histoire de la maison de Savoye. 1828. III voll.
15. ѲЕОКТИСТОВЪ: Піемонтъ и Австрія. (Рус. В. 1858. №№ 2 и 3).
16. L. RANKE: Die römische Päpste, ihre Kirche und ihr Staat im XVI u. XVII Jahrh. 1834. III Bde. Рус. перев. Вейнберга, очень плохой. 1842. Образцовое сочиненіе.
17. J. LORENTZ: Sixte V et son temps. 1852.
18. CARACCIOLI: La vie du pape Clement XIV. 1776. (Нѣм. пер.).
19. J. BOURGIGNON: Memoires historiques et philosophiques sur Pie VI et son pontificat. 1800 II voll.
20. J. v. WESSENBERG: Die grossen Kirchenversammlungen des XV u. XVI Jahrh. 1840.
21. PAOLO SARPI: Istoria di concilio Tridentino 1619. (Нѣмец. пер. Münch'a 1839).
22. SCHAEFFER: Précis de l'hist. générale de la C° de Jesus suivie de Monita secreta 1824.
23. DUELLER: Gesch. der. Jesuiten. 1840.
24. CRÉTINEAU-JOLY: Hist. des Jesuites. 1846. VI voll. (въ катол. духѣ).
25. GUÉTTEE: Hist. des Jesuites composée sur les documents authentiques en partie inédits. 1859. II voll.
26. A. de ST. PRIEST: Hist. de la suppression de l'ordre des Jesuites. 1844.
27. J. LIORENTE: Hist. critique de l'Inquisition. 1815—17. IV voll. почитается самою лучшею монографіею.
28. L. GALLOIS: Hist. abrégée de l'Inquisition 1823. Составлено по Льоренте.

VII. Исторія скандинавскихъ государствъ.

Исторія Швеціи.

1. J. ARCHENHOLZ: Gesch. Gustav Wasa's, 1801. II Bde.
2. D. ECKENDAL: Leben und Thaten Gustavs Wasa. 1831. (перев. съ шведскаго).
3. A. GFROEBER: Geschichte Gustavs-Adolfs см. выше.
4. CATTEAU CALLEVILLE: Histoire de Christine. 1815 II voll.
5. VOLTAIRE: Histoire de Charles XII. Множество изданій. Лучшее 1840.
6. G. NORDBERG: Histoire de Charles XII. 1740. франц. переводъ 1742—48 IV voll. Къ этому же сочиненію относятся »примѣчанія« того же автора (1758 г.) или мѣста, которыя въ первоначальномъ трудѣ уничтожены по повелѣнію Ульрики-Элеоноры.
7. J. LUNDBLAD: Gesch. Karls XII aus dem schwed. ins deutsch. übers. v. Jenssen. 1835.
8. A. DE BEAUMONT-DE WASSY: Les Suedois dépuis Charles XII 1840. II v.
9. POSSELT: Geschichte Gustavs III. 1792.
10. GEIJER: Histoire de Gustav III. 1842. Составлено на основаніи бумагъ, открытыхъ по завѣщанію Густава III чрезъ 50 лѣтъ послѣ его смерти. (Пер. съ шведскаго).

Исторія Даніи.

1. ED. OETTINGER: Geschichte des dänischen Hofes von Christian II bis Friedrich VII 1838.
2. MUNTER: Die Reformationshistorie Dännemarks. 1826.
3. BARTHOLD'S: Georg Wullenweber. 1835.
4. J. HOEST: Hist. du comte de Struensée. 1821. III voll.

5. ROGER: Struensée et la cour de Copenhague. 1760—1772. Біографія Струензе, основанная на подлинныхъ документахъ. Paris 1858.

E. ИСТОРІЯ МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ.

1. WHEATON: Histoire des progrés du droit des gens en Europe et en Amérique depuis la paix de Westphalie. 1846. II voll.
2. HEFFTER: Das Europäische Völkerrecht der Gegenwart. 1844.
3. L. HAUTEFEUILLE: Histoire des origines, des progrés et des variations du droit maritime international. 1859.
4. G, de MARTENS: Précis du droit de gens moderne de l'Europe. Nouv. edition, revue, précédée d'une introduction et completée par l'exposition des doctrines des publicistes contemporains par Ch. Vergé. II voll. 1857.

F. ИСТОРІЯ ЭКОНОМИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ.

1. BLANQUI: Hist. de l'economie politique. II voll. 1857. 5-éme ed.
2. J. VILLENEVE-BARGEMONT: Hist. de l'economie politique, (въ католическомъ духѣ).
3. J. ROSSBACH: Gesch. der politischen Oekonomie. 1856.
4. W. ROSCHER: Grundlagen der national Oekonomie. 1854 II Bde. 1157. Фр. переводъ Воловскаго. 1857. Рус. Бабста. 1856 (томъ I). «Рошеръ почитается основателемъ историческаго метода въ политической экономіи. Нѣкоторыя части его сочиненія (исторія цѣнъ, законовъ народонаселенія, о потребленіи и особенно о роскоши) могутъ быть названы образцовыми, но цѣлое сочиненіе нельзя назвать изложеніемъ науки съ исторической точки зрѣнія, скорѣе оно имѣетъ видъ собранія отдѣльныхъ опытовъ, болѣе или менѣе удачныхъ». Цѣхановецкій. (Объ Ад. Смитѣ).
5. H. DANIOL: Hist. des classes rurales en France, 1756.
6. DARRESTE-DE-LA-CHAVANNE: Hist. des classes agricoles en France.
7. BONMERE: Histoire des paysans.
8. LAYMARIE: Hist. de la bourgeoisie и его же замѣчательное сочиненіе Hist. des paysans en France 1856.
9. LUDV. ROENNE u A. LETTEU: Die Landes-Cultur-Gesetzgebung des Preussischen Staates. Nebst einem historischkrittischen und practischen Commentar über die betreffende Gesetze, 1853. II Bde.
10. S. SUGENHEIM: Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa bis um die Mitte des XIX Jahrh. Сочиненіе написано на тему, заданную петербургскою академіею наукъ, и увѣнчано преміею. Оно заключаетъ въ себѣ исторію освобожденія крестьянъ въ государствахъ всей западной, сѣверной, южной и средней Европы. По отзыву академіи „въ европейской литературѣ нѣтъ сочиненія, которое бы представляло такой полный и съ вѣрнымъ тактомъ составленный обзоръ различныхъ фазисовъ, чрезъ которые проходило гражданское и экономическое положеніе земледѣльцевъ въ Европѣ".
11. GUELICH: Geschichtliche Herstellung des Handels, der Gewerbe und des Ackerbaus der bedeutendsten handeltreibenden Staaten unserer Zeit 1839—45. V Bde.

G. НАУКА и ИСКУССТВО.

a) Наука.

1. EICHHORN: Gesch. der Künste und Wissenschaften seit der Wiederherstellung derselben bis ans Ende des XVIII Jahrh. 1769. II Bde.
2. C. BARTHOLOMÈS: Histoire critique des doctrines réligieuses et de la philosophie moderne. 1855. II voll.
3. H. RITTER: Geschichte der Philosophie 9 и 10 Bde.
4. ROB. V. MOHL: Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, in Monographien dargestellt. III Bde. 1855—58.
5. BLAKEY: History of political literature. Lond. 1855. II voll.
6. Д. КАЧЕНОВСКІЙ: Взглядъ на исторію политическихъ наукъ въ Европѣ. М. 1858. Составлено на основаніи двухъ предъидущихъ и заключаетъ въ себѣ полную оцѣнку ихъ. Мы во многомъ пользовались монографіею проф. Каченовскаго при изложеніи умственныхъ движеній во Франціи, Англіи, Италіи, Испаніи въ реформаціонный періодъ.
7. WHEWELL: Geschichte der inductiven Wissenschaften. III Bde.
8. HUMBOLDT: Kosmos 2-ter. Bd. (Рус. пер. Фролова 1849). Заключаетъ въ себѣ исторію постепеннаго расширенія понятій о космосѣ (т. е. общій историческій взглядъ на успѣхи географическихъ открытій, ботаники, зоологіи, минералогіи, физики и астрономіи).
9. FIGUIER: Exposition et histoire des principales découvertes scientifiques modernes. 1853. V. voll. Рус. перев. Сольскаго. Спб. 1860.

b) Искусство.

1. KUGLER: Handbuch der Kunstgeschichte. 1848. 2) Geschichte der Baukunst. 1826. III Bde. 3) Handbuch der Geschichte der Malerei. 1837. II Bde.
2. W. LUEBKE: Geschichte der Architektur. 1859. Съ политипажами.
3. F. FABER: Conversationslexikon für bildende Kunst. 1857. VII Bde. Fortgesetz v. Lorens Class n. Въ алфавитной формѣ изложенная исторія всѣхъ отраслей образовательнаго искусства.
4. CHARLES BLANC: Histoire des peintres dépuis la renaissance jusqu'à nos jours IV voll. 4. Великолѣпное изданіе съ рисунками; но не систематическое. Собраніе біографій, не разгруппированныхъ ни по школамъ, ни по времени.
5. АНДРЕЕВЪ: Живопись и Живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ. 1856. Справочная книга, удостоенная почетнаго отзыва отъ академіи наукъ, но исполненная ошибокъ.
6. ROSENKRANZ: Handbuch einer allg. Gesch. der Poesie. 1832. III Bde.
7. MUNDT: Allg. Literaturgeschichte. 1846. III Bde.
8. SCHERR: Allg. Gesch der Literatur. 1847. II Bde.
9. GERVINUS: Handbuch der Geschichte der poetischen Nationalliteratur der Deutschen. 1844.
10. HILLEBRAND: Geschichte der deutschen Nationalliteratur seit dem Anfange des XVIII Jahrh. 1850—51. III Bde.
11. VILLMAR: Gesch. der deutschen Nationalliteratur. 1850.
12. VILLEMAIN: Cours de literature française. 1828—30.
13. H. HETTNER: Gesch. der französ. Literatur im XVIII Jahrh. 1860.

14. JUL. SCHMIDT: Gesch der franz. Literat. seit Revolution. 1789. II Bde. 1858.
15. H. HETTNER: Literaturgesch. des XVIII Jahrh. 1-r. Theil. die englische Literatur v. 1660—1770. Braunsch. 1856. Одно изъ лучшихъ сочиненій.
16. GERVINUS: Schakespeare. 1840. IV Bde.
17. GUIZOT: Schakespeare et son temps. Etude Literaire. 1854.
18. TICKNOR: Gesch. der. spanischen Poesie.
19. P. VIARDOT: Etudes sur l'Espagne. 1836.
20. DELNPERRE: A sketch of the history of Flemish Literatur. Lond. 1860. (Разборъ въ От. Зап. 1860).
21. RUTH. Gesch. der. italienischen Poesie 1844—49.
22. L. RANKE: Zur. Gesch. der ital. Poesie. 1837.
23. EHRENSTROEM: Notices sur la liter. et les beaux arts en Suède. 1826.
24. LENSTROEM: Gesch. der schwedisch. Poesie. 1840.

Переходъ изъ средневѣковой жизни въ новую.

Четырнадцатое и пятнадцатое столѣтія, образующія переходъ изъ средневѣковой исторіи въ новую, ознаменованы: I., великими изобрѣтеніями и открытіемъ новыхъ земель и II., возрожденіемъ наукъ и искусствъ. Вслѣдствіе этихъ явленій III, жизнь историческихъ народовъ далеко подвинулась впередъ и получила новое направленіе.

I.

Эпоха изобрѣтеній и открытій (XIV и XV в.).

1) Порохъ, тряпичная бумага, книгопечатаніе и компасъ.

а. Порохъ. Исторія открытія пороха наполнена фантастическими разсказами и противорѣчіями. Есть много поводовъ думать, что съ древнѣйшихъ временъ огонь былъ однимъ изъ разрушительныхъ наступательныхъ орудій, особенно у азіатскихъ народовъ, тогда какъ европейцы преимущественно сражались холоднымъ оружіемъ. Въ VI или VII вѣкѣ по Р. Х. огнестрѣльные снаряды перешли изъ Азіи къ византійскимъ Грекамъ, которые употребляли на войнѣ такъ называемый *греческій огонь*, но составъ его хранился въ тайнѣ, а потому для средневѣковыхъ народовъ былъ почти вовсе не доступенъ. Въ XIII вѣкѣ занималъ въ оксфордскомъ университетѣ каѳедру физики ученый монахъ *Рожеръ Бэконъ* (род. 1214, ум. 1292). Въ его сочиненіи *Великій трудъ*, въ статьѣ *„о тайнахъ природы и искусства и о ничтожности магіи“* между прочимъ говорится, что селитра, сѣра и уголь, будучи смѣшаны и заключены въ тѣсную пустоту, производятъ больше шума и свѣта, нежели громъ и молнія. Эти слова показываютъ, что Бэконъ зналъ и испытывалъ тотъ составъ, который мы называемъ порохомъ. Бэконъ былъ преслѣдуемъ церковью, какъ

еретикъ, народомъ какъ колдунъ; десять лучшихъ лѣтъ жизни провелъ въ тюрьмѣ и, умирая, раскаивался въ томъ, что слишкомъ любилъ науку. Полвѣка спустя послѣ Бэкона, францисканскій монахъ *Бартольдъ Анклиценъ* (1350), также занимавшійся алхиміею, также гонимый за колдовство и потому прозванный *Шварцемъ* (чернымъ), усвоилъ мысль Бэкона о порохѣ, усовершенствовалъ его составъ и научилъ, какъ стрѣлять при помощи пороха. А потому Бартольда Шварца большая часть лѣтописцевъ называютъ изобрѣтателемъ этого истребительнаго снаряда, наивно разсказывая, что онъ открылъ его по внушенію злаго духа. Собственно говоря, никто не открылъ пороха, потому что изобрѣтеніе это состояло изъ ряда послѣдовательныхъ усовершенствованій, надъ которыми сотни людей трудились въ теченіи многихъ вѣковъ. Какъ при открытіи мореплаванія, такъ и при открытіи пороха не выступаетъ ни одной исключительной личности, но честь открытія принадлежитъ цѣлому ряду дѣятелей, жившихъ неодновременно. Въ концѣ XIV столѣтія порохъ былъ примѣненъ къ пушкамъ, а въ XV вѣкѣ къ другимъ родамъ огнестрѣльнаго оружія и вошелъ во всеобщее употребленіе. Введеніе пороха въ военное дѣло совершенно измѣнило систему вооруженія, образъ веденія войнъ и самый составъ войскъ. Тяжелые доспѣхи замѣняютъ легкое вооруженіе и господствуютъ до XVIII вѣка. Нужно было имѣть особый классъ людей, привычныхъ обращаться съ новымъ оружіемъ, а потому конныя рыцарскія дружины теряютъ свое значеніе, и оно переходитъ къ дисциплинированной пѣхотѣ изъ наемныхъ солдатъ (отъ слова Solde—плата); наконецъ, являются постоянныя войска, которыя дали перевѣсъ государямъ надъ феодализмомъ и ускорили паденіе рыцарства. Огнестрѣльное оружіе, вытѣснивъ изъ употребленія холодное оружіе, уравняло виллановъ съ гордыми рыцарями, ибо участь битвъ теперь стала зависѣть не столько отъ личной храбрости рыцарей, сколько отъ массы войска и отъ правильности движеній и искусства военнаго. За крѣпкими стѣнами своихъ замковъ феодаламъ нечего было бояться малочисленной королевской дружины. „Глядя на остатки этихъ укрѣпленій, можно вполнѣ оцѣнить переворотъ, произведенный въ общественныхъ отношеніяхъ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія. Только пушка могла вразумить феодальнаго хищника и доказать ему существованіе обязательнаго даже для него закона“ (Грановскій).

b. Тряпичная бумага. До открытія тряпичной бумаги писали на разныхъ матеріалахъ, на египетскомъ *папирусѣ* и на

пергаментъ, который доставлялся изъ Пергама въ Малой Азіи. Но всѣ эти матеріалы были весьма дороги, такъ что книги, медленно списываемыя, были необыкновенно дороги и доступны весьма малому числу избранныхъ. Немного подешевѣли онѣ, когда Аравитяне въ X вѣкѣ стали выдѣлывать писчую бумагу изъ хлопчатой; но такая выдѣлка производилась только въ одной Испаніи, которая снабжала этою бумагою всю Европу. Въ началѣ XIV в., съ изобрѣтеніемъ въ 1320 году *тряпичной бумаги*, дешевой и особенно удобной для скорописи, хотя и упало искусство *калиграфіи*, которымъ такъ славились въ ср. вѣка, но за то чрезвычайно облегчилось списываніе рукописныхъ книгъ и *понизилась ихъ цѣнность*. Такимъ образомъ число книгъ и число читателей увеличились и просвѣщенію проложенъ былъ болѣе свободный путь въ народъ, особенно съ тѣхъ поръ, когда открыто было книгопечатаніе.

с. Книгопечатаніе. Печатаніе досками было извѣстно съ давнихъ временъ въ Китаѣ и около 1400 года введено въ Европѣ для печатанія игральныхъ картъ и другихъ картинокъ, при которыхъ необходимо было нѣсколько словъ или буквъ. Такое печатаніе особенно употреблялось въ Голландіи. Но несправедливо Голландцы усиливаются доказать, что изобрѣтателемъ настоящаго книгопечатанія былъ землякъ ихъ *Лаврентій Костеръ* изъ г. *Гарлема*: онъ только примѣнилъ рѣзьбу на деревѣ къ строкамъ буквъ, т. е. вырѣзывалъ строки на доскахъ, точно такъ, какъ и другія фигуры, и печаталъ ими изображенія святыхъ, съ краткими описаніями ихъ жизни, и книжечки для употребленія въ церквахъ. Но это еще не составляло книгопечатанія: для этого нужно было изобрѣсти *отдѣльныя, подвижныя буквы, отлитыя изъ металлическаго состава*. Открытіе это принадлежитъ безсмертному І. Гуттенбергу, а примѣненіе его на дѣлѣ—ему и отчасти его товарищамъ, Фаусту, и Шefферу.

Іоганъ Гуттенбергъ род. около 1400 г. въ Майнцѣ. Онъ происходилъ изъ благородной фамиліи города. Убѣгая отъ междоусобій, волновавшихъ Майнцъ, Гуттенбергъ переселился въ 1434 г. въ Страсбургъ, гдѣ составилъ общество, имѣвшее цѣлью привести въ исполненіе какіе-то чудесные, имъ открытые „искусства и секреты“. Изъ довольно темнаго для насъ процесса, который вели съ нимъ наслѣдники одного изъ его сотрудниковъ, видно, что Гуттенбергъ уже около 1440 года занимался изобрѣтеніемъ книгопечатанія, но что первые типографскіе опыты разстроивали его состояніе, давая одни безплодные результаты. Возвратившись въ

Майнцъ въ 1445 году, Гуттенбергъ не переставалъ заниматься своимъ изобрѣтеніемъ, но скоро увидѣлъ необходимость присоединить къ себѣ денежныя средства нѣкоторыхъ изъ своихъ сограждань. Въ 1450 году онъ вступилъ въ товарищество съ *Фаустомъ*, золотыхъ дѣлъ мастеромъ, и его работникомъ, а потомъ зятемъ *Петромъ Шефферомъ*, и въ томъ же 1450 г. напечатана была ими въ его и Фаустовой типографіи *латинская Библія*, первая печатная книга, подаренная свѣту безсмертнымъ изобрѣтателемъ. Геніальная мысль о подвижныхъ отдѣльныхъ буквахъ вполнѣ принадлежитъ Гуттенбергу, Шефферъ можетъ быть усовершенствовалъ литье буквъ, а Фаустъ изобрѣлъ типографическія чернила. Въ 1455 г. товарищество разстроилось: началась ссора и тяжба у Гуттенберга съ Фаустомъ. Гуттенбергъ проигралъ, долженъ былъ заплатить Фаусту значительную сумму денегъ и уступить ему свою типографію; онъ впалъ въ нищету, но до конца жизни не переставалъ заниматься типографскимъ дѣломъ. Изъ этого видно, что Гуттенбергъ раздѣлялъ участь, общую почти всѣмъ великимъ изобрѣтателямъ: самъ разорялся и терпѣлъ неудовольствія отъ своихъ трудовъ, а современники и потомство пользовались его открытіемъ. 24 февраля 1468 года, въ родномъ городѣ, окончилъ онъ свою достопамятную и многотрудную жизнь. Послѣ долголѣтнихъ безуспѣшныхъ опытовъ и послѣ разорительныхъ для него успѣховъ, онъ имѣлъ по крайней-мѣрѣ утѣшеніе видѣть, что искусство его было принято во многихъ мѣстахъ Германіи (въ Бамбергѣ, Кельнѣ), Голландіи (Гарлемѣ) и Италіи (въ Римѣ). Онъ оставилъ міръ, сознавая, какое великое изобрѣтеніе передалъ и завѣщалъ потомству, всегда безпристрастному и болѣе признательному, чѣмъ современники. Въ 1837 г Гуттенбергу поставленъ колоссальный памятникъ работы Торвальдсена въ Майнцѣ.

Изобрѣтеніе книгопечатанія принадлежитъ къ числу величайшихъ событій въ мірѣ. До XV в. всѣ свѣдѣнія, вся опытность вѣковъ, всѣ науки сохранялись посредствомъ рукописей, которыя были немногочисленны, и потому большая часть прошедшей жизни народовъ погибла въ забвеніи. Потомки должны были снова открывать и узнавать то, что знали ихъ предки, и оттого просвѣщеніе двигалось медленно, часто даже шло назадъ. Съ другой стороны, рукописи, по своей малочисленности, медленности изготовленія и дороговизнѣ, дѣлали просвѣщеніе доступнымъ только немногимъ богачамъ или ученымъ въ профессіи, а массы оставались въ невѣжествѣ. *Книгопечатаніе вѣрно, быстро и за не-*

сравненно меньшую цѣну, дѣлаетъ просвѣщеніе доступнымъ для массъ. Успѣхи ума человѣческаго, идеи и мнѣнія съ XV вѣка стали быстро передаваться отъ одной страны въ другую. А изъ этого обмѣна знаній, идей и разнородныхъ мнѣній произошло *общественное мнѣніе*, т. е. болѣе или менѣе общія понятія просвѣщеннаго міра о правдѣ и добрѣ,—судъ, предъ которомъ невольно склоняются правители и управляемые, современники и потомство.

d. Компасъ. Свойство магнитной иглы, указывающей всегда однимъ концемъ на сѣверъ, кажется, было уже давно извѣстно (чуть-ли еще не Китайцамъ, потомъ Индусамъ и Аравитянамъ); но только съ того времени, какъ въ XIV вѣкѣ *Флавіо-Жіоіо* изъ Амальфи, приложилъ магнитную иглу къ мореплаванію, компасъ вошелъ въ общее употребленіе и произвелъ такой же переворотъ въ мореходствѣ, какъ порохъ въ военномъ дѣлѣ. До изобрѣтенія компаса, мореходы, не зная пути въ открытомъ морѣ, не осмѣливались входить въ него и днемъ придерживались береговъ, а ночью направляли путь по указанію звѣздъ. Поэтому мореходство прекращалось отъ ноября до февраля (въ періодъ длинныхъ ночей и тумановъ) или ограничивалось береговымъ переходомъ отъ одного мыса къ другому (каботажное плаваніе—отъ испанскаго слова (cabo) [cap] мысъ). Съ открытіемъ компаса мореходы отважились пускаться въ океанъ и открыли новыя невѣдомыя земли, а это открытіе повлекло за собою громадные результаты.

2) Открытіе новыхъ земель и начало колоніальной системы.

a. Открытія и колоніи Португальцевъ. Самому западному народу европейскаго материка суждено было начать длинный рядъ открытій, которыя распространили цивилизацію Европы во всѣхъ частяхъ свѣта. Въ средніе вѣка товары богатой Индіи доставлялись западу Венеціанцами и Генуэзцами, при посредствѣ Аравитянъ. Но такая доставка была трудна и не всегда безопасна, а потому индійскіе товары (драгоцѣнные камни, золото, шелкъ, пряности) продавались очень дорого. Естественно, что пришла, наконецъ, мысль, нельзя-ли достигнуть Индіи моремъ вокругъ Африки, чтобы на корабляхъ доставлять ея произведенія Европѣ, и такимъ образомъ сдѣлать другіе народы участниками тѣхъ выгодъ, которыми пользовались до тѣхъ поръ одни Венеціане и Генуэзцы. Португальцы, тѣснимые Испаніею съ сухого пути, пер-

вые обратили свои взоры на сосѣднюю Африку и море: они рѣшились искать означеннаго пути въ Индію и, сверхъ того, новыхъ племенъ для покоренія и обращенія въ христіанство въ этой, почти невѣдомой тогда части свѣта. Старинные разсказы объ отдаленныхъ народахъ и о богатствѣ ихъ воспламеняли любопытство, отвагу и жадность къ добычѣ; желаніе видѣть тѣ таинственныя страны, гдѣ природа щедро разсыпала золото сдѣлалось общимъ, особенно на Пиринейскомъ полуостровѣ. Инфантъ *донъ Генрихъ* (прозванный мореплавателемъ), третій сынъ португальскаго короля Жуана, явился исполнителемъ надеждъ и стремленій общества. При его содѣйствіи и на его счетъ, открытія слѣдовали за открытіями. Въ 1419 г. отважные мореходы открыли островъ *Мадейру* и утучнили почву его пепломъ выжженныхъ ими густыхъ лѣсовъ его. Вслѣдъ за тѣмъ открыли они острова *Азорскіе*, *Зеленаго мыса* и перешли экваторъ, черту, за которою, по общему тогда мнѣнію, раскаленный воздухъ дышалъ пламенемъ. Другіе мореходы открыли *Гвинейскій берегъ*, гдѣ нашли золотой песокъ, слоновую кость и съ удивленіемъ увидѣли въ первый разъ Негровъ, которымъ суждено было сдѣлаться предметомъ постыднаго торга, опозорившаго и до сихъ поръ позорящаго христіанскіе образованные народы бѣлой расы. Съ переходомъ чрезъ экваторъ, мысль найти морской путь въ Индію—стала общею. Папа Александръ VI даровалъ особенною буллою Португальцамъ право собственности на всѣ открытыя уже земли и на всѣ дальнѣйшія открытія въ Африкѣ, Азіи и Индіи. Поэтому король Жуанъ II повелъ дѣло открытій съ большимъ рвеніемъ и по обширному плану. При немъ отважный *Бартоломей Діасъ* достигнулъ въ 1486 г. южнаго конца Африки, до мыса *Бурнаго*, который Жуанъ переименовалъ въ мысъ *Доброй Надежды*, въ увѣренности, что, плывя мимо его на востокъ, можно достигнуть Индіи. Дѣйствительно, 12 лѣтъ спустя, въ 1498 г., при королѣ Эммануилѣ Великомъ, предпріимчивый *Васко-де-Гама* объѣхалъ этотъ мысъ, проплылъ вдоль восточнаго берега Африки и счастливо присталъ къ Индіи, въ гавани Калькутѣ. Такимъ образомъ, наконецъ, была рѣшена вѣковая задача морскаго пути въ Индію. Владѣтель Калькуты противился водворенію Португальцевъ въ своей землѣ, и потому они рѣшились завоевать себѣ владѣнія въ Индіи оружіемъ и, пользуясь раздорами мелкихъ туземныхъ владѣтелей, при собственномъ мужествѣ и постоянствѣ, достигли своей цѣли. Послѣ Васко-де-Гамы и *Кабраля*, открывшаго Бразилію, болѣе всѣхъ утвердили господство

Португальцевъ въ Индіи *Альмейда* и особенно великій *Альбюкеркъ*. Послѣдній подчинилъ Португаліи оружіемъ и политикою всѣ береговыя земли отъ Ормуза до Малакки, опредѣливъ завоеванный имъ городъ *Гоа* средоточіемъ торговли и управленія. Несмѣтныя богатства потекли въ Португалію; Венеція и Генуа стали упадать, и Лиссабонъ сдѣлался столицею всемірной торговли. Альбюкеркъ, обогатившій Португалію, умеръ въ бѣдности и въ опалѣ. По смерти его, побѣдители потеряли всякое понятіе о справедливости и человѣколюбіи. Долго Индійцы приходили на могилу великаго Альбюкерка жаловаться на притѣсненіе его преемниковъ. *Жуанъ де Кастро*, одинъ изъ этихъ преемниковъ, продолжалъ распространять владычество Португаліи оружіемъ, а іезуитъ *Франсуа Ксавье*, прозванный апостоломъ Индіи, утверждалъ это владычество крестомъ и проповѣдью.

b. Открытія и колоніи Испанцевъ. Въ то время, какъ Португальцы искали *южнаго* пути въ Индію, въ геніальной головѣ Генуэзца Христофора Колумба родилась мысль открыть *западный* морской путь въ Индію. Преслѣдуя эту мысль, при содѣйствіи Испаніи, онъ, на предполагаемомъ пути въ Индію, открылъ новый свѣтъ — *Америку*.

Еще въ X вѣкѣ удалые норманскіе пѣнители морей, подъ предводительствомъ исландскаго викинга *Эриха-Рода*, открыли *Гренландію* или *Сніаландъ*, снѣжный край, какъ его тогда называли, а въ XI вѣкѣ другая дружина исландскихъ удальцовъ, подъ начальствомъ *Лейфа*, изъ Гренландіи заброшена была бурею въ нынѣшній Массачузетсъ и, найдя тамъ дикій виноградъ, прозвала новую землю *Винландомъ*, т. е. краемъ вина, и основала въ ней колоніи. Съ тѣхъ поръ, происходили урывками кое-какія сношенія отдаленной Исландіи съ Винландомъ. Но эти сношенія совершенно были чужды остальному историческому міру, послѣ XII вѣка объ нихъ вовсе не упоминается, и къ концу XV вѣка, быть можетъ, въ одной Исландіи носились смутные слухи о томъ, что на юго-западѣ оттуда есть большой, теплый, богатый край вина. Изъ этого видно, что случайное, мало кому извѣстное и почти забытое въ XV вѣкѣ открытіе нѣкоторыхъ частей Америки Норманнами нисколько не отнимаетъ у X. Колумба славы человѣка, открывшаго новый свѣтъ всему старому свѣту.

Христофоръ Колумбъ родился въ 1435 г. въ Генуѣ. О предкахъ его ничего неизвѣстно; знаемъ только, что отецъ его былъ ткачъ, простой ремесленникъ. Въ дѣтствѣ Колумбъ мечталъ

о вояжахъ, учился превосходно, изучилъ геометрію, науку мореходства и географію со всѣми дикими вымыслами и предразсудками, которыми тогдашніе географы затемняли малую долю достовѣрныхъ географическихъ свѣдѣній. Окончивъ 14 лѣтъ павійскій университетъ, Колумбъ вынесъ оттуда груду свѣдѣній, въ которыхъ только геніальный умъ Колумба могъ почуять и открыть слѣды истины. Практическая опытность помогла ему: частью участвуя въ экспедиціяхъ противъ пиратовъ, а частью путешествуя по торговымъ дѣламъ своего отца, онъ перебывалъ почти во всѣхъ извѣстныхъ тогда моряхъ, тѣмъ болѣе, что море съ младенчества было его страстью. Между прочими землями онъ посѣщалъ и Исландію, гдѣ, быть можетъ, распрашивая всѣхъ съ свойственнымъ ему любопытствомъ о новыхъ земляхъ, слышалъ и о краѣ вина. Все, что онъ читалъ, слышалъ отъ другихъ, самъ видѣлъ и наблюдалъ, наводило его на мысль, что за предѣлами извѣстныхъ тогда морей, на западъ отъ Португаліи, есть обширныя, богатыя земли. Онъ удивлялся и завидовалъ открытіямъ Португальцевъ, которыя были тогда въ полномъ разгарѣ; не разъ приходило ему на мысль предложить свой планъ—открыть западный морской путь въ Индію—просвѣщенному португальскому королю: но не хотѣлось ему, чтобы чужая страна, а не его отечество, воспользовалась его трудами, и Колумбъ предложилъ свой планъ, еще не совсѣмъ созрѣвшій, генуэзскому правительству. Его не хотѣли даже выслушать. Съ этихъ поръ, онъ сталъ безпрестанно думать о Португаліи: кораблекрушеніе выбросило его въ 1470 г. на берега ея, и Колумбъ поселился въ Лиссабонѣ, гдѣ женился на дочери италіанскаго, моряка Палестрелы и поддерживалъ свое существованіе, составляя карты и глобусы и продавая ихъ. Бумаги, оставшіяся по смерти его тестя, постоянное общество и разсказы моряковъ, пріѣзжавшихъ въ Лиссабонъ, чтеніе древнихъ географовъ (особенно Страбона), и средневѣковыхъ путешественниковъ (особенно Марко Поло, путешествовавшаго въ XIII в. въ средней Азіи), собственный опытъ, все это довело его до яснаго убѣжденія въ существованіи новыхъ земель. Проэктъ его вполнѣ созрѣлъ. Изъ прежнихъ писателей онъ узналъ, что по крайней мѣрѣ треть земнаго шара неизвѣстна, и что эта, еще неоткрытая страна должна наполнять обширное пространство отдѣляющее восточную часть Азіи, отъ западной части Европы, что океанъ занимаетъ только небольшую часть этого пространства и что, отправляясь изъ Европы на западъ, мореходы должны дойти

непремѣнно до Зипанго и Китая, о неимовѣрномъ богатствѣ которыхъ разсказывалъ Марко Поло, а съ этихъ острововъ рукой подать въ Индію, желанную страну Колумба. Путешественники, бывшіе у Азорскихъ острововъ, недавно тогда открытыхъ и лежащихъ на срединѣ пути между Португаліею и Ньюфаундлендомъ, разсказывали ему, что тамъ, на морѣ случается видѣть плавающія вѣтви деревьевъ, неизвѣстныхъ въ старомъ свѣтѣ; другіе говорили, что попадаются разные куски дерева, обдѣланные, какъ видно, не желѣзнымъ инструментомъ; третіе разсказывали, что видѣли прибитые къ западному берегу Португаліи трупы мѣднокожихъ людей, нисколько не похожихъ на извѣстные тогда племена. Наконецъ, были и такіе, которые увѣряли, что съ высокихъ горъ на Азорскихъ островахъ видна на западѣ какая-то земля, неизвѣстно только плавучая или неподвижная. Соображая все это, Колумбъ вполнѣ развилъ планъ свой и представилъ его португальскому королю. Король составилъ комитетъ изъ ученыхъ и министровъ для разсмотрѣнія плана. Комитетъ объявилъ, что планъ Колумба вздоръ и что онъ самъ пустой мечтатель и безбожникъ. Осыпанный насмѣшками и оскорбленіями и доведенный до крайней нищеты, но твердо увѣренный въ истинѣ своего плана, Колумбъ съ маленькимъ своимъ сыномъ Діего, отправился въ Испанію, гдѣ царствовали Фердинандъ и Изабелла, осаждавшіе тогда Гренаду. Восемь лѣтъ еще выстрадалъ Колумбъ, таскаясь по переднимъ вельможъ, пропадая почти съ голоду и выслушивая опять обвиненія въ еретичествѣ и въ глупой мечтательности отъ великолѣпнаго собранія саламанскихъ ученыхъ и духовенства. Но онъ не упалъ духомъ. „*Думая кто я*“, писалъ онъ потомъ: „я приходилъ въ смущеніе, но вспомнивъ, *что я приношу*, чувствовалъ себя наравнѣ съ вѣнценосцами: я былъ уже не бѣднякъ, но орудіе Провидѣнія, избранное и назначенное для великаго подвига“. Наконецъ, заступницею его явилась Изабелла. Плѣненная планомъ Колумба, особенно потому, что онъ хотѣлъ просвѣтить жителей новаго свѣта христіанствомъ, а собранныя тамъ сокровища обратить на освобожденіе гроба Господня, королева приняла на себя издержки экспедиціи и выпросила согласіе короля. Колумбу данъ былъ потомственный санъ великаго адмирала и вице-короля всѣхъ земель, которыя онъ откроетъ, и $^1/_{10}$ часть ожидаемыхъ съ нихъ доходовъ. Снаряжено было три ничтожныхъ корабля (Пинто, Нина и св. Марія) и 90 моряковъ, людей бывалыхъ и отважныхъ.

Въ пятницу 3-го августа 1492 г. Колумбъ снялся съ якоря въ гавани Палосъ и отправился въ желанный путь. Родные отправлявшихся моряковъ сопровождали ихъ молитвами, а его проклятіями. Мы ничего не знаемъ трогательнѣе и занимательнѣе Колумбова путешествія. Надо представить себѣ этого старика (60 лѣтъ), болѣе 40 лѣтъ преслѣдовавшаго великую мысль, страдавшаго и нищенствовавшаго за нее, надо вообразить его среди океана, гдѣ дотолѣ не слышенъ былъ голосъ людской, чтобы оцѣнить все величіе его генія и понять все величіе его души. На пути его встрѣчали новыя невѣдомыя явленія природы, его старались захватить въ плѣнъ завистливые Португальцы, на него не разъ роптали его спутники, онъ боролся съ бурями и штилемъ. 18 октября 1492 года раздался вѣстовой выстрѣлъ съ корабля Пинто: предъ Колумбомъ открылся новый желанный міръ. Спутники упали на колѣна предъ великимъ человѣкомъ, и, среди торжественной тишины океана, раздался восторженный гимнъ: „Тебя Бога хвалимъ!"

Земля, на которой Испанцы праздновали счастливое окончаніе своей экспедиціи, была одинъ изъ Багамскихъ острововъ *Гванагани*, переименованный Колумбомъ въ *Санъ-Сальвадоръ*. На островѣ, населенномъ мирными дикарями, Испанцы увидѣли богатую растительность; но напрасно они искали золота и драгоцѣнныхъ камней: ни здѣсь, ни на вновь открытыхъ островахъ, Кубѣ и Гаити, его не было. Основавъ на островѣ Гаити небольшую колонію, Колумбъ возвратился въ Испанію и привезъ удивленной Европѣ вѣсть о новомъ свѣтѣ, который онъ прозвалъ Вестъ-Индіею, потому что причислялъ новооткрытые острова къ юго-востоку Азіи. Испанское правительство приняло Колумба съ восторгомъ, испросило у папы буллу на всѣ земли, которыя будутъ открыты на 370 миль западнѣе Азорскихъ острововъ (демаркаціонная линія), и снарядило цѣлый флотъ. Теперь явилось пропасть охотниковъ, даже изъ разорившейся знати, которые въ надеждѣ найти золото, просили Колумба взять ихъ съ собою. Колумбъ отправился во вторую экспедицію и открылъ еще нѣсколько острововъ Антильскихъ (Ямайку, Гваделупу и др.). Чрезъ два года онъ предпринялъ 3-е путешествіе, въ которомъ открылъ сѣверо-восточный берегъ южной Америки около р. Ориноко. Въ это время Колумба постигла участь всѣхъ великихъ людей: клевета и злоба начали дѣйствовать противъ него. Колонія, основанная Колумбомъ на островѣ Испаньолѣ, пришла въ совершенный упадокъ, какъ вслѣдствіе несогласій ис-

панскихъ колонистовъ между собою, такъ и отъ притѣсненій, которыя они дѣлали туземцамъ. Колумбъ хотѣлъ наказать нарушителей покоя, но они донесли испанскому двору, что онъ жертвуетъ интересами Испанцевъ для дикихъ и самовластно распоряжается въ Новомъ свѣтѣ. Къ клеветамъ нарушителей порядка присоединилась клевета тѣхъ, которые обманулись въ своихъ надеждахъ найти груды золота. Король Фердинандъ послалъ въ Америку для изслѣдованія доносовъ Бовадилью, человѣка неспособнаго, надменнаго, личнаго врага Колумба. Бовадилья нашелъ его виновнымъ и отослалъ скованнаго въ Испанію. Народъ, услышавъ о прибытіи Колумба, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу и увидѣлъ его съ желѣзными цѣпями на рукахъ и на ногахъ. Безъ сомнѣнія Колумбъ оправдался, но уже не могъ возвратить къ себѣ прежней довѣренности. Другіе отважные люди заступили его мѣсто и открывали по слѣдамъ его земли. Труденъ былъ первый шагъ: онъ былъ сдѣланъ Колумбомъ, и теперь Колумбъ казался безполезнымъ старикомъ. Въ забвеніи и бѣдности влачилъ онъ жизнь свою и съ горестью видѣлъ, какъ другіе пожинали плоды его великаго дѣла и какъ Испанцы терзали бѣдное населеніе новооткрытыхъ земель. У великаго адмирала и вице-короля Новаго свѣта не только отняли управленіе, но даже ему препятствовали отправиться туда, боясь его присутствія среди преданныхъ ему туземцевъ. Наконецъ, въ 1502 г. онъ предпринялъ 4-е путешествіе, открылъ Караибскіе острова и часть средне-американскаго материка, и едва не погибъ, претерпѣвъ кораблекрушеніе у острова Ямайки. Несчастному Колумбу отказали въ убѣжищѣ въ имъ же открытыхъ для Испанцевъ гаваняхъ. Возвратясь въ Испанію, больной, удрученный лѣтами и печалью Колумбъ былъ забытъ совершенно и умеръ почти нищимъ въ 1506 году. Сынъ его Діего положилъ ему въ гробъ цѣпи, которыми онъ былъ окованъ въ награду за открытіе Новаго свѣта. Зависть, преслѣдовавшая его при жизни, преслѣдовала и въ гробѣ: у него оспаривали честь открытія, и, тѣ, которые когда-то называли планы его пустою мечтою и ересью, говорили теперь, что онъ воспользовался чужою мыслью. Новый свѣтъ, открытый Колумбомъ, не носитъ имени его; онъ прозванъ Америкою по имени послѣдователя Колумба *Америка Веспуччи*, который первый обнародовалъ описаніе этой части свѣта. Но потомство оцѣнило подвиги Колумба.

Открывъ новый свѣтъ, Колумбъ указалъ новую цѣль пытливости и отвагѣ: какъ въ средніе вѣка западные христіане шли на

завоеваніе гроба Христова, имѣя въ виду славу на землѣ и вѣчное блаженство за гробомъ, такъ теперь отважные моряки пустились на открытія, имѣя въ виду золото.

Въ 1519 г. Португалецъ *Магелланъ* открылъ проливъ, названный по его имени, и достигнулъ остъ-индскихъ острововъ, но былъ убитъ дикими на одномъ изъ Филипинскихъ острововъ. Ему принадлежитъ честь перваго путешествія кругомъ свѣта: по крайней мѣрѣ его товарищи пріѣхали въ Испанію обратно мимо Азіи и Африки.

Почти въ то же время (1519 г.), даровитый авантюристъ *Фернандо Кортесъ*, офицеръ въ войскахъ правителя Кубы, менѣе чѣмъ съ шестью стами человѣкъ, восемнадцатью лошадьми и нѣсколькими пушками, отправился для покоренія самаго сильнаго государства въ Америкѣ, богатой золотомъ, многолюдной и образованной *имперіи Ацтековъ*. Главнымъ городомъ ея былъ *Мексико*, построенный среди огромнаго озера; огромныя шоссе проведены были по озеру, покрытому небольшими деревянными лодками, выдолбленными изъ цѣльнаго дерева. Въ городѣ находились каменные дома, обширные и удобные рынки, лавки, блиставшія золотыми и серебряными издѣліями превосходной работы, глиняною полированною посудою, бумажными матеріями и тканями изъ перьевъ, которыя отличались роскошными рисунками. Въ городѣ находилось много дворцовъ и возвышались пятиэтажныя, построенныя изъ земли и булыжника и выложенныя тесаннымъ камнемъ *теокали*, въ которыхъ на большомъ яшмовомъ камнѣ раскладывались тѣла людей, приносимыхъ въ жертву. Правленіе находилось въ рукахъ императора *Монтецумы*, окруженнаго богатою, свѣтскою и жреческою аристократіею. Населеніе было многочисленно, войско огромное, строгій порядокъ въ управленіи финансами поддерживалъ величіе имперіи, на которую сосѣди смотрѣли со страхомъ и завистью. Но воинственныя животныя, на которыхъ разъѣзжали Испанцы, этотъ искусственный громъ, которымъ они управляли по своему произволу, водяные дома, на которыхъ они переплыли океанъ, покрывавшее ихъ желѣзо, все это произвело такое сильное впечатлѣніе, что когда Кортесъ явился въ Мексико, Монтецума принялъ его какъ своего повелителя, а народъ счелъ его богомъ. Мало-по-малу однакожъ дворъ Монтецумы, сблизившись съ гостями, осмѣлился обращаться съ ними какъ съ людьми. Въ одной схваткѣ съ туземцами три или четыре Испанца были убиты, тогда Кортесъ съ пятьюдесятью Испанцевъ пошелъ во дворецъ,

увелъ императора плѣнникомъ въ свой лагерь, заставилъ его выдать тѣхъ, которые напали на испанскихъ солдатъ и, надѣвъ на него желѣзныя цѣпи, принудилъ публично объявить себя вассаломъ Карла Пятаго. Тогда какъ Кортесъ собирался покорить Мексиканскую имперію съ оставшимися у него пятью стами человѣкъ, правитель Кубы, Веласкесъ, оскорбленный славою своего подчиненнаго, отправилъ почти все свое войско съ приказаніемъ взять Кортеса въ плѣнъ и продолжать начатое имъ завоеваніе Мексики. Стѣсненный съ одной стороны Испанцами, съ другой, озабоченный удержаніемъ въ зависимости покоренной страны, Кортесъ оставилъ восемьдесятъ человѣкъ для наблюденія за Мексикою, а съ остальными выступилъ противъ своихъ соотечественниковъ; часть ихъ онъ разбилъ, а другую склонилъ на свою сторону деньгами. Такимъ образомъ армія, которой было поручено уничтожить его могущество, поступивъ подъ его знамена, пошла съ нимъ въ Мексико. Прибывъ въ Мексико, Кортесъ нашелъ двѣсти тысячъ Американцевъ въ борьбѣ съ восьмьюдесятью Испанцами, которые защищались и вмѣстѣ стерегли императора. Чтобы избавить государя своего, Мексиканцы осадили Кортеса и толпами кидались на пушки и ружья. Кортесъ принужденъ былъ выйти изъ города, гдѣ осаждающіе могли уморить его голодомъ *). Наконецъ, послѣ многихъ сраженій, онъ овладѣлъ опять городомъ Мексико (1531), вмѣстѣ съ которымъ покорились и прочія области имперіи. Въ отечествѣ ожидала Кортеса та самая награда, которую получилъ Колумбъ: онъ былъ гонимъ и едва удостоился получить одну аудіенцію отъ Карла Пятаго. Однажды, раздвинувъ толпу, собравшуюся около экипажа императора, онъ сталъ на ступенькѣ у дверцы. Карлъ спросилъ: „что это за человѣкъ?“ — „Тотъ самый“, сказалъ Кортесъ: „который далъ вамъ больше государствъ, чѣмъ сколько предки ваши оставили вамъ городовъ“.

---

*) Настала страшная борьба ловкости, настойчивости и отваги европейцевъ съ свирѣпою, полною дикаго отчаянія, но лишенною всякого искусства храбростію туземцевъ. Битвы происходили большею частію по ночамъ. Особенно поразительна была рѣзня при первомъ неудачномъ приступѣ Кортеса къ столицѣ. Послѣ отчаяннаго штурма Испанцы должны были отступить, но Мексиканцы подрубили мостъ сзади ихъ; въ общей свалкѣ передніе солдаты Кортеса попали въ отверстіе на мосту и изъ труповъ ихъ образовался новый мостъ. Сорокъ человѣкъ отсталыхъ попали въ руки врагамъ. Ихъ отвели въ теокали, тамъ разрѣзали имъ груди, вырвали сердца и приносили въ жертву богамъ. Спасшіеся товарищи съ ужасомъ смотрѣли издали на кровавое торжество: среди мрака этой страшной ночи они видѣли, какъ упоенные радостію Мексиканцы ликовали и плясали въ ярко освѣщенномъ храмѣ, вокругъ окровавленнаго жертвенника; до нихъ доносились стоны терзаемыхъ жертвъ.

Оставалось еще открыть важнѣйшее государство въ Америкѣ, послѣ Мексики. Однажды Испанцы вѣсили нѣсколько кусковъ золота; находившійся при этомъ Индѣецъ, опрокинувъ ихъ вѣсы, сказалъ, что за шесть дней пути оттуда къ югу, они найдутъ землю, въ которой золото такъ обыкновенно, что употребляется на самыя простыя вещи. Двое авантюристовъ *Пизарро* и *Альмагро*, изъ которыхъ первый былъ найденышъ, а другой свинопасъ, поступивъ въ военную службу, открыли и завоевали обширныя земли, извѣстныя у Испанцевъ подъ именемъ *Перу*. Здѣсь царствовалъ тогда неограниченно государь, владѣнія котораго занимали почти тридцать градусовъ пространства; онъ принадлежалъ къ племени завоевателей, которыхъ называли *инками*, потомками солнца. Перуанцы имѣли обелиски, солнечные часы для означенія точки равноденствій и солнечныхъ поворотовъ, годъ изъ трехъ сотъ шестидесяти пяти дней, прекрасныя дороги, отличныя зданія и превосходныя статуи, словомъ это былъ самый образованный народъ Новаго свѣта. Поставленные на каждой милѣ разсыльщики разносили повелѣнія монарха по всей имперіи. Чтобы имѣть понятіе о богатствахъ этого государства, довольно сказать, что цари его, во время путешествій своихъ, носимы были на золотомъ престолѣ, вѣсомъ въ 25,000 червонцевъ. Пизарро напалъ на эту имперію съ отрядомъ изъ двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ пѣхоты, съ шестьюдесятью всадниками, съ двѣнадцатью небольшими пушками. Когда 10,000 арміи инки и небольшой отрядъ Пизарро стали другъ противъ друга, Испанцы, показывая притворное желаніе мира, послали къ инкѣ монаха съ библіею сказать ему, что должно вѣрить всему, что гласитъ эта книга. Приложивъ библію къ уху и не слыша ничего, инка бросилъ ее, и вслѣдъ затѣмъ началось сраженіе. Пушки, лошади и ружья произвели на Перуанцевъ то самое дѣйствіе, какое и на Мексиканцевъ: инка Атабалипа, низверженный побѣдителями съ золотаго престола, былъ закованъ въ цѣпи. Чтобы скорѣе возвратить себѣ свободу, онъ предложилъ Испанцамъ столько золота, сколько помѣстится въ одной изъ залъ дворца. Не смотря на это, несчастный Атабалипа былъ умерщвленъ. Въ то же время Діего д'Алмагро сквозь толпы непріятелей проникъ въ *Хили* и занялъ край именемъ Карла Пятаго. По окончаніи завоеванія, оба авантюриста поссорились за добычу и уничтожили другъ друга. Всѣ покоренныя Испанцами земли въ Америкѣ, завися отъ верховнаго индѣйскаго совѣта въ Мадридѣ,

составили 2 вице-королевства: *Мексико* и *Перу*, въ послѣдствіи образовалось еще 3-е—*Новая Гренада*.

Слѣдствія открытія новыхъ земель, и особенно Америки, были равно значительны, хотя не равно благотворны, для Новаго и Стараго Свѣта.

Плачевны были результаты появленія Европейцевъ для жителей *Новаго свѣта*. Туземныя населенія вестъ-индскихъ острововъ сдѣлались скоро жертвою безчеловѣчія Испанцевъ. Они погибли или отъ меча и огня, или отъ тягости работъ, невыносимыхъ для ихъ слабаго тѣла. Краснокожіе должны были работать на хлопчатобумажныхъ и сахарныхъ плантаціяхъ и добывать золото въ рудникахъ. Напрасно монахи доминиканскаго ордена, которые хотѣли сдѣлать дикихъ христіанами, проповѣдывали кротость и сострадапіе. Ихъ не слушали *). Видя безуспѣшность своихъ просьбъ и совѣтовъ, благородный защитникъ краснокожихъ *Ласъ-Казасъ*, епископъ хіапскій, предложилъ замѣнить на плантаціяхъ слабыхъ Аме-

*) На Эспаньолѣ нашли Испанцы народонаселеніе въ 200—300 тысячъ душъ. Чрезъ 14 лѣтъ его оставалось едва 60.000, а чрезъ 50 лѣтъ съ небольшимъ туземцевъ осталось только 500 человѣкъ! Десятками тысячъ увозили несчастныхъ изъ ихъ родины, употребляя то явное насиліе, то самые безсовѣстные обманы: такъ, предлагали Испанцы дѣтски-легковѣрнымъ дикарямъ перевезти ихъ на свиданіе съ умершими ихъ родственниками; несчастные толпами садились на корабли европейцевъ, отправляясь на радостное свиданіе и находили цѣпи и тяжкія работы на сахарныхъ плантаціяхъ и въ рудникахъ. Остававшіеся на родинѣ терпѣли неслыханныя притѣсненія и жестокости: объявленные рабами, они, подъ бичемъ неумолимыхъ смотрителей, работали до изнеможенія, получая въ награду скудную пищу и обильные побои. Жизнь казалась для нихъ такимъ мученіемъ, что они съ радостію искали смерти. Самоубійства случались безпрестанно. Матери убивали своихъ дѣтей еще до появленія ихъ на свѣтъ, не желая, чтобы жили несчастные, съ дѣтства обреченные на безотрадную неволю. Между самыми европейцами находились благородныя сердца, горячо протестовавшія противъ такого варварства, позорившаго имя христіанъ. Духовенство первое возвысило свой голосъ. Доминиканскіе монахи, поселившіеся на Эспаньолѣ, энергично возстали противъ беззаконно присвоеннаго Испанцами права обращать туземцевъ въ рабство. Одинъ изъ проповѣдниковъ рѣшился съ церковной каѳедры обличить безчеловѣчныхъ своихъ единовѣрцевъ: онъ выбралъ текстомъ своей проповѣди слова Іоанна Крестителя „гласъ вопіющаго въ пустынѣ", слова, какъ нельзя лучше приходившіяся къ положенію благороднаго проповѣдника Слова Божія; но онъ едва спасся отъ ярости раздраженныхъ Испанцевъ, требовавшихъ у вице-короля примѣрнаго наказанія дерзкому. Вице-король не зналъ что дѣлать и посовѣтовалъ монаху смягчить въ слѣдующей проповѣди смыслъ своихъ словъ. Неустрашимый доминиканецъ сказалъ проповѣдь еще сильнѣе первой, пунктъ за пунктомъ изложилъ онъ всѣ обвиненія и, въ свою очередь, потребовалъ наказанія виновныхъ. Дѣло дошло до короля. Правительство лично заинтересованное въ этомъ вопросѣ, рѣшилось на полу-мѣру: туземцы были объявлены свободными, но обязаны были работать за извѣстную плату. За пять мѣсяцевъ неутомимой работы, туземецъ получалъ столько, что могъ купить себѣ зеркало, гребень и пеструю шапку.

рикапцевъ, сильными африканскими Неграми. Не успѣвъ спасти почти истребленное красное населеніе, онъ этимъ узаконилъ другое, не менѣе страшное зло: торговлю африканскими невольниками *). Не лучше была участь жителей твердой земли Америки. Жители Мексики и Перу, отданные въ рабство испанскимъ колонистамъ, страдали и погибали подъ бременемъ работъ и жестокостей, или же были оттѣснены въ первобытные лѣса.

*) Впрочемъ, еще за долго до Ласъ-Казаса, Португальцы занимались негроторговлею съ такимъ успѣхомъ, что открытыя ими страны быстро пустѣли: испуганные жители скрывались при первомъ появленіи европейскихъ кораблей, такъ что Португальцы стали брать съ собою собакъ, спеціально выдрессированныхъ для охоты за людьми. Пойманныхъ пытали и вывѣдывали у нихъ, куда скрылись ихъ собратья. Одинъ изъ современныхъ писателей, разсказывая объ одной удачной экспедиціи, прибавляетъ: „наконецъ угодно было Богу, награждающему за добрыя дѣла, воздать за понесенныя во имя Его бѣдствія, ибо поймано было 165 штукъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей“. Ласъ-Казасъ только совѣтовалъ покупать Негровъ для работы. Совѣтъ его, какъ нельзя лучше, сообразовался съ выгодами плантаторовъ. Число Индѣйцевъ стало сильно убыватъ, надо было замѣнить ихъ другими рабочими. Европейскіе работники не могли бы вынести тропическаго климата, да сверхъ того наемъ ихъ былъ дорогъ и они нанимались только на извѣстный срокъ. Поэтому всѣ хватились за мысль вывозить изъ Африки сильныхъ, привыкшихъ къ тропическому климату Негровъ. Вывозившіе пріобрѣтали ихъ за ничтожную цѣну на берегахъ Африки, гдѣ, при дикомъ еще состояніи производительности, трудъ не имѣлъ никакой цѣны; но въ Америкѣ продавали ихъ дорого, хотя все таки дешевле сравнительно съ заработною платою европейскаго свободнаго работника. Вслѣдствіе этого, торгъ неграми быстро и сильно распространился. Компаніи, которымъ исключительно отдана была торговля въ колоніяхъ, получали отъ правительствъ не только монополію на торговлю Неграми, но денежную премію за всякаго вывезеннаго Негра. Во Франціи сенегальская и гвинейская компаніи (въ XVII в.) получали по 13 ливровъ преміи за каждаго Негра съ обязательствомъ вывозить ежегодно въ американскія колоніи отъ 1000 до 2000 невольниковъ. По утрехтскому миру (1713 г.) Англія получила исключительное право вывозить негровъ въ испанскія колоніи, и это право почиталось за одну изъ самыхъ значительныхъ выгодъ, извлеченныхъ ею изъ мирнаго договора.

Философы и экономисты конца XVIII вѣка, Тюрго, Монтескьё, Рейналь, Кондорсе, первые возбудили общественное мнѣніе противъ рабства во Франціи. Въ Англіи первое движеніе противъ невольничества началось почти въ то же время, въ разныхъ протестантскихъ сектахъ, особенно квакеровъ. Въ этихъ двухъ странахъ и въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки нѣсколько лицъ съ благородными и горячими убѣжденіями доказывали, что невольничество несправедливо, вредно и противно христіанскому ученію. Вначалѣ этихъ, такъ называемыхъ, аболиціонистовъ, преслѣдовали, какъ хищныхъ звѣрей, но мало по малу истина взяла свое. Франція уничтожила торгъ неграми въ первую революцію, но возстановила при Наполеонѣ I. Англія уничтожила негроторговлю только въ 1807 году, благодаря усиліямъ благородныхъ филантроповъ Уильберфорса, Клерксона, Бокстона и др. и съ того времени была душою великаго дѣла освобожденія Негровъ (эманципаціи). Подъ ея дѣятельнымъ вліяніемъ, конвенціею великихъ европейскихъ державъ, состоявшеюся въ декабрѣ 1841 года въ Лондонѣ, производство торга Неграми признано равносильнымъ разбою и грабительству на моряхъ, и уличенный въ немъ преступникъ наказывается смертію. Вдоль берега Африки учреждено крейсерство для преслѣдованія судовъ съ невольниками.

Другаго рода вліяніе имѣло открытіе Новаго свѣта для *Стараго*: во 1-хъ, торговля изъ средиземно-морской стала всемірною и изъ рукъ небольшихъ италіянскихъ государствъ и ганзейскихъ городовъ перешла въ руки морскихъ державъ, сначала Испаніи и Португаліи, а потомъ Голландіи и Англіи. Во 2-хъ, распространеніе и усиленіе торговаго мореплаванія и желаніе пріобрѣсти себѣ владѣнія въ другихъ частяхъ свѣта повело къ учрежденію постоянныхъ военныхъ флотовъ во всѣхъ государствахъ, владѣющихъ морскими берегами: отсюда появленіе морскихъ державъ и колоніальныхъ управленій,—учрежденій, чуждыхъ среднимъ вѣкамъ. Въ 3-хъ, приливъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ новаго свѣта производитъ переворотъ въ понятіяхъ о народномъ богатствѣ, создаетъ, кромѣ поземельной цѣнности, новый родъ движимаго богатства и даетъ огромное значеніе кредиту. Въ 4-хъ, съ появленіемъ новыхъ предметовъ потребленія—колоніальныхъ товаровъ, видоизмѣняются нравы и обстановка житейскаго быта, являются новые роды потребностей, и, для удовлетворенія ихъ, новые роды производительной дѣятельности (искусствъ и ремеслъ); промышленный трудъ пріобрѣтаетъ то значеніе, какого не имѣлъ ни въ древнія, ни въ среднія времена. Наконецъ, съ усиленіемъ торговаго обмѣна продуктовъ между народами, усиливается и обмѣнъ идей и мнѣній, т. е. самая умственная дѣятельность народа.

Къ сожалѣнію должно признаться, что запрещеніе торговли Неграми и принятыя вслѣдствіе того мѣры, не уничтоживъ этого гнуснаго промысла, увеличили между тѣмъ страданіе несчастныхъ жертвъ торга. Когда запрещеніе не существовало, съ вывозимыми Неграми во время перевозки обращались хорошо, потому что торговцу было нужно привезти товаръ на мѣсто въ хорошемъ состояніи. Когда же стали крейсеры ловить невольническія суда, тогда негроторговцы всячески старались прятать запрещенный товаръ и, въ случаѣ грозящей поимки, бросали несчастныхъ негровъ за бортъ безъ всякаго состраданія. Торговля Неграми не уничтожится до тѣхъ поръ, пока будетъ запросъ на этотъ товаръ въ Америкѣ, т. е. пока въ южныхъ штатахъ сѣверной и въ испанско-португальскихъ государствахъ южной Америки будетъ существовать рабство Негровъ. Въ послѣднее время аболиціоническія движенія въ сѣверныхъ штатахъ противъ рабства Негровъ проявились съ особенною силою. Органомъ ихъ, между прочимъ, былъ извѣстный романъ Бичеръ-Стоу „Хижина дяди Тома“, возбудившій сильное сочувствіе по обѣ стороны океана. *Въ 1861 году вопросъ объ уничтоженіи невольничества произвелъ разрывъ въ сѣверо-американской республикѣ и междоусобную войну между сѣверными и южными штатами.*

II.

Возрожденіе наукъ и искусствъ (Renaissance).

Съ ослабленіемъ власти и значенія Рима, въ концѣ XIV и въ особенности въ теченіи всего XV вѣка, происходитъ новое сильное движеніе въ умственной и художественной жизни западно-европейскихъ народовъ: пробуждается страсть къ собиранію, обнародыванію, изученію и подражанію произведеніямъ умственной, художественной и даже общественной дѣятельности древнихъ классическихъ народовъ (Грековъ и Римлянъ). Это новое направленіе въ наукѣ и искусствѣ, извѣстное подъ именемъ эпохи *возрожденія* (renaissance), обнимаетъ XV и XVI вѣка. Движеніе прежде всего обнаруживается въ Италіи, *Коло-ди-Ріензи*, *Данте*, *Петрарка* и *Бокаччіо* были пробудителями его. Немного позднѣе *Іоаннъ Мальфаджина* равенскій, ученикъ Петрарки, и ученый Грекъ изъ Константинополя *Мануилъ Хриссолорасъ* первые начали публично учить древнимъ языкамъ въ Падуѣ, Флоренціи и Миланѣ, и много замѣчательныхъ людей увлеклось ихъ уроками. Новая мода пошла въ ходъ, особенно съ того времени, когда, послѣ паденія Византіи, множество ученыхъ Грековъ перешло въ Италію и принесло съ собою груды рукописей, драгоцѣнныхъ остатковъ древне-греческой образованности. Въ Италіи, раздѣленной на много владѣній, рѣдкій князь и рѣдкій богачъ не старался выучиться древнимъ языкамъ. Даже знатныя дамы принялись за изученіе и переводы древнихъ *). Ученые и художники стали въ большемъ почетѣ; папы, герцоги и тираны Италіи всячески старались привлекать ихъ къ себѣ. Прежде пышность состояла въ устройствѣ великолѣпныхъ турнировъ, теперь она стала высказываться въ заведеніи академій, ученыхъ обществъ, библіотекъ, музеевъ, въ откапываніи древнихъ вещей, въ постройкѣ новыхъ зданій, составленіи картинныхъ и скульптурныхъ коллекцій. Въ особенности много услугъ въ этомъ отношеніи оказали наукѣ флорентійскіе *Медичи*: Козимо, прозванный отцемъ отечества, сынъ его Лоренцо (Magnifico) основатели платонической академіи, и внукъ его извѣстный папа Левъ X. Фер-

---

*) Герцогиня феррарская Анна на 12-мъ году жизни читала Демосѳена и Цицерона; Венеціанка Кассандра Фидели сочиняла на греческомъ, латинскомъ и италіанскомъ языкахъ, занималась богословіемъ и философіею, читала публичныя лекціи, вступала въ публичные диспуты. Въ Англіи Жанна Грей читала предъ смертію Платона въ подлинникѣ; а Елисавета Тюдоръ, королева англійская, изучала древнихъ классиковъ въ подлинникѣ.

рарскіе герцоги изъ дома *д'Эсте* шли по слѣдамъ Медичи. Книгопечатаніе, появясь въ 1470 г. въ Италіи, довершило ихъ дѣло: типографскіе станки Венеціанцевъ *Альдо Манучи* выпустили въ огромномъ числѣ экземпляровъ оригиналы, переводы и объясненія древнихъ писателей. Однимъ словомъ, въ Италіи повторилась въ этомъ отношеніи исторія древнихъ греческихъ тирановъ, украшавшихъ свое правленіе покровительствомъ наукѣ и искусству. Изъ Италіи новое умственное движеніе сообщилось въ другія страны западной Европы. Распространенію его въ особенности содѣйствовали такъ называемыя италіанскія войны, т. е. походы въ Италію королей французскихъ, Карла VIII и Людовика XII (1492—1515). Въ этихъ войнахъ участвовали, кромѣ Французовъ, Испанцы, Германцы, Швейцарцы и даже Англичане, которые въ теченіи четверти вѣка, безпрестанно толкаясь въ Италіи, переняли тамъ и перенесли къ себѣ на родину страсть къ новому умственному и художественному направленію. Ученые Италіянцы, по приглашенію и безъ приглашенія, являлись во Францію и Англію и, въ союзѣ съ одинаково-настроенными туземцами, насаждали здѣсь классическое образованіе. Во Франціи начали изученіе древнихъ *Іагенъ* и *Буддей*, а распространили его типографскіе станки братьевъ *Этьенней*; въ Англіи особенно прославились классическою ученостію *Линакръ* и канцлеръ *Томасъ Морусъ*, авторъ „Утопіи", напоминающей политическія теоріи Платона. Но самую плодовитую почву нашло классическое образованіе въ Германіи, стоявшей издавна въ ближайшихъ связяхъ съ Италіею. Здѣсь возникло много учебныхъ заведеній съ легкой руки *Гергарда-Гроте*, учредившаго первую классическую школу въ Девентерѣ; основано много новыхъ университетовъ (въ Ростокѣ, Левенѣ, Трирѣ. Фрейбургѣ, Тюбингенѣ, Виттенбергѣ (1502), Франкфуртѣ на Одерѣ и др.) и сильно подвинута наука въ старыхъ (вѣнскомъ и гейдельбергскомъ); составились ученыя общества для распространенія новой науки (напр. рейнское и стразбургское). Сначала Гейдельбергъ, а потомъ Виттенбергъ были метрополіями классицизма; *Конрадъ Цельтесъ*, *Агрикола*, *Эразмъ Ротердамскій* и *Рейхлинъ*—ревностными дѣятелями, поборниками и проповѣдниками его.

1) Науки эпохи возрожденія.

Возстановленіе памятниковъ классической жизни имѣло огромное вліяніе на науку передовыхъ народовъ Запада. Вездѣ въ наукѣ образуются двѣ партіи: *гуманисты* стояли за новое умственное

движеніе, основанное на живомъ изученіи классическихъ литературъ и учрежденій и самостоятельной работѣ мысли, и называли *обскурантами* противную партію ученыхъ, отстаивавшихъ старую схоластическую науку, рабство и застой мысли, и состоявшую преимущественно изъ доминиканцевъ. Въ произведеніяхъ гуманистовъ мы видимъ восторженное увлеченіе не только языкомъ и содержаніемъ сочиненій классической древности, но и самими учрежденіями древнихъ Грековъ и Римлянъ. Это увлеченіе было средствомъ, цѣль была другая: уму человѣческому нужно было завоевать право мысли, которое въ теченіи среднихъ вѣковъ было подавлено авторитетомъ римской церкви. Гуманисты всѣхъ странъ, независимо отъ ихъ происхожденія и національности, находились въ постоянномъ между собою общеніи и образовывали крѣпкій дружный союзъ. Латинскій языкъ, бывшій тогда общимъ языкомъ ученыхъ и дипломатовъ, облегчалъ сношенія между гуманистами; живая переписка, замѣнявшая тогда нынѣшнія газеты, поддерживала союзъ ихъ; всѣ литературныя произведенія направлены были къ одной цѣли, и гуманисты всѣхъ націй смотрѣли на нихъ, какъ на общее достояніе. Знакомство съ древней литературой быстро развило въ гуманистахъ прямой взглядъ на современное состояніе общества: въ ихъ средѣ родилась и бысто развилась мысль о необходимости реформы въ церкви, наукѣ и самой жизни. Недавно изобрѣтенное книгопечатаніе сдѣлалось въ ихъ рукахъ орудіемъ распространенія живыхъ идей. Гуманизмъ сталъ проникать въ университеты. Испугалось духовенство, состоявшее изъ обскурантовъ и имѣвшее до тѣхъ поръ въ рукахъ своихъ исключительное владычество надъ образованіемъ народа, владычество, которое поддерживалось только невѣжествомъ и рутиной. Не въ состояніи будучи побѣдить своею варварскою латынью и безсодержательною, хитросплетенною философіею полную жизни и выражаемую изящнымъ классическимъ языкомъ мудрость гуманистовъ, обскуранты прибѣгнули къ цензурѣ (1486), но цензура не могла остановить быстро развивавшагося книгопечатанія и наплыва новыхъ книгъ, въ которыхъ все сильнѣе, и сильнѣе и путемъ науки и путемъ безпощадно-язвительной сатиры, бичевались современныя злоупотребленія. Тогда на профессоровъ греческаго и латинскаго языковъ воздвигли гоненія, какъ на еретиковъ и безбожниковъ. Они должны были бѣгать изъ города въ городъ, часто гибли за свое ученіе. Но не смотря и на это, духъ совершалъ свое дѣло, и невѣжество уступало ему шагъ за шагомъ. Энтузіазмъ къ новой наукѣ до того

овладѣлъ новымъ поколѣніемъ, что молодые люди, одни, не будучи въ состояніи платить профессорамъ, поступали къ нимъ въ слуги; другіе, презирая надзоръ полиціи, не боясь холода, собирались по ночамъ въ какомъ нибудь отдаленномъ полѣ или глухомъ лѣсу, чтобы слушать объясненія Цицерона или Гомера. Это потому, что не Цицеронъ и Гомеръ были главною цѣлію людей новаго движенія, но право свободной мысли. Писатели эпохи возрожденія сами еще не наслаждались вполнѣ правомъ мысли, многіе изъ нихъ, въ порывахъ вызваннаго высокими образцами восторга, зашли слишкомъ далеко и, погруженные въ созерцаніе прошедшаго, забыли, что сами принадлежатъ новому міру, и мечтали о возстановленіи той жизни, которая была узка для общества, болѣе богатаго духовными силами и болѣе сложнаго, чѣмъ республики Греціи и Рима. Разсматриваемые съ точки зрѣнія нынѣшней науки, ихъ опыты и умозрѣнія покажутся недостаточными. Они на столько же поэты, на сколько ученые; ихъ любовь къ истинѣ была безгранична, силы велики, но у нихъ не выработались ученые пріемы, не было правильнаго метода, безъ котораго невозможно плодотворное научное изслѣдованіе. Они трудились не только головою, но и сердцемъ, и часто смѣшивали чувство съ мыслію, мечты съ дѣйствительностію.

На *философахъ* эпохи возрожденія рѣзче всего отражается общій характеръ научныхъ стремленій этого времени. Отъ *Помпацио* (1462—526) тянется рядъ смѣлыхъ умовъ, самоотверженно и страстно посвятившихъ себя исканію истины и нерѣдко умиравшихъ за нее на кострахъ. Они образуютъ переходное звѣно между схоластикою и философіею новыхъ временъ. Общая черта ихъ въ томъ, что они противопоставляютъ искаженному схоластиками Аристотелю ученіе истиннаго Аристотеля и ученіе видоизмѣненнаго мистицизмомъ неоплатониковъ Платона. Типическими представителями ихъ были Италіанецъ Джіордано Бруно и Французъ Петръ Рамусъ. *Джіордано Бруно* родился около половины XVI вѣка: сначала монахъ—доминиканецъ, онъ принялъ потомъ въ Женевѣ кальвинизмъ, разошелся скоро съ своими новыми единовѣрцами и перешелъ въ Парижъ, гдѣ боролся противъ аристотеликовъ и преподавалъ великую науку алхимиковъ. Отсюда перешелъ въ Англію, перебывалъ въ большей части германскихъ университетовъ, разнося повсюду свои знанія и заводя споры; наконецъ, переселился въ Италію, былъ схваченъ, преданъ суду инквизиціи, съ меньшимъ страхомъ выслушалъ смертный приго-

воръ, чѣмъ судьи его произнесли этотъ приговоръ, и живой возведенъ былъ на костеръ „да казненъ будетъ милосердно, безъ пролитія крови“ (1600). Типъ страстнаго поэта-философа, Бруно защищалъ теорію Коперника и въ то же время вѣрилъ магіи и астрологіи. Философія его чистый пантеизмъ, облеченный въ пиѳагорейскія числа: по его ученію природа, т. е. созданіе, составляетъ одно съ божествомъ, т. е. творчествомъ (natura naturans) и оба они вѣчны и безконечны. *Петръ Рамусъ* (Pierre Ramèe 1502—72), сынъ бѣдныхъ родителей въ Пикардіи, бѣжалъ изъ дома отцовскаго въ Парижъ искать знанія и нанялся слугою въ наварскій коллегіумъ: днемъ исполнялъ обязанности своего званія, ночью съ жаромъ учился философіи, филологіи, математикѣ. Тогдашнее состояніе школярной науки не могло удовлетворить требованій его яснаго и отъ природы полемическаго ума. Ища степени магистра, онъ защищалъ тезисъ: все ученіе Аристотеля ложно. Его лекціи, его сочиненія (Institutiones dialecticae и Aristotelicae animadversiones. 1543) были въ томъ же духѣ. Впрочемъ онъ не столько боролся съ Аристотелемъ, сколько съ его схоластическими толкователями, которыхъ формализмъ ему былъ ненавистенъ. Вся жизнь его была борьба: враги Рамуса обвинили его предъ правительствомъ въ оскорбленіи религіи и отняли у него право преподаванія. Но онъ не упалъ духомъ и добился своего: въ 1551 году онъ сдѣланъ былъ профессоромъ философіи и краснорѣчія. Тогда наступило для него время богатой и страстной дѣятельности. Почти во всѣхъ отрасляхъ знанія онъ явился преобразователемъ: въ наукѣ и способахъ ея изученія указывалъ онъ новые пути, составилъ планъ полнаго физико-математическаго курса, издалъ грамматики, французскую, греческую, латинскую, еврейскую: съ защитниками старыхъ системъ продолжалъ упорную полемику, подалъ королю Карлу IX планъ преобразованія учебныхъ заведеній, въ которомъ доказывалъ необходимость дароваго преподаванія, чтобы устранить опасную для университета конкуренцію духовныхъ школъ. Не было тогда въ Европѣ профессора, равнаго ему по вліянію на слушателей. Онъ былъ усердный протестантъ, не скрывалъ своихъ убѣжденій въ католическомъ Парижѣ и потому не разъ принужденъ былъ скрываться отъ гоненій у протестантовъ внутри и внѣ Франціи: въ Германіи и Швейцаріи. Воинъ науки, онъ умеръ не за религіозныя свои вѣрованія, но за ученыя убѣжденія: въ страшную варѳоломеевскую ночь привелъ къ нему убійцъ его товарищъ, профессоръ Шарпантье, горячій за-

щитникъ Аристотеля; будучи побѣжденъ Рамусомъ на словахъ, онъ кончилъ споръ кинжаломъ.

Не наслаждаясь сами вполнѣ правомъ мысли, но страдая и умирая за него, философы эпохи возрожденія проложили путь побѣдоносной наукѣ, которая въ XVII вѣкѣ создана была Бэкономъ и Декартомъ.

Переходя отъ общей науки — философіи — къ отдѣльнымъ отраслямъ человѣческаго знанія въ эпоху возрожденія, мы видимъ то же смѣшеніе здравой, трезвой мысли съ увлекающимся воображеніемъ, пока первая не взяла въ XVII вѣкѣ верха надъ послѣднимъ.

Въ изученіи природы—въ *наукахъ естественныхъ*, рядомъ съ вѣрою въ магію и алхимію, идутъ великія открытія. Глава врачей-химиковъ XVI столѣтія, то странствующій студентъ, то колдунъ и вызыватель духовъ, то профессоръ хирургіи и физики—*Парацельзъ* скитается изъ одного мѣста въ другое, проводитъ ночи въ кабакахъ и лабораторіи, является предъ учениками своими полупьяный и полувосторженный, утверждаетъ, что его шляпа, башмаки и борода умнѣе всѣхъ медиковъ древности, что онъ владѣетъ элексиромъ долговѣчной жизни, совѣтуетъ медикамъ искать въ химіи рѣшенія всѣхъ медицинскихъ вопросовъ и, наконецъ, умираетъ въ кабакѣ или госпиталѣ (1541). Выросши въ горахъ, среди людей, знакомыхъ съ свойствами разныхъ травъ, одаренный глубокимъ умомъ и живымъ воображеніемъ, Парацельзъ, среди своихъ сумасбродствъ и мечтаній, дѣлалъ отличныя самостоятельныя наблюденія и смѣлыя открытія (опіумъ, водородный газъ и мн. др.). Подобно Парацельзу, его современникъ, мечтательный алхимикъ и даровитый врачъ и математикъ *Карданъ* добровольно уморилъ себя голодомъ, чтобы исполнить астрологическое предсказаніе о днѣ своей смерти. Но рядомъ съ этими полусумасбродными естествоиспытателями выступаетъ знаменитый астрономъ *Николай Коперникъ*, уроженецъ Торна (1472—1543). Въ годъ смерти Колумба (1506) онъ открываетъ систему міозданія (теорію суточнаго и годоваго движенія земли около неподвижнаго солнца), но не обнародываетъ ее, чтобы „не подвергнуться посмѣянію невѣждъ", и только за нѣсколько дней до смерти бросаетъ послѣдній угасающій взглядъ на принесенный ему друзьями первый печатный экземпляръ его знаменитаго трактата о переворотахъ небесныхъ тѣлъ (de revolutionibis arbium coelestium). Система Коперника, подвергнутая искаженію придворнымъ астро-

номомъ Тихо-де Браге, получаетъ подтвержденіе въ трудахъ и открытіяхъ Кеплера и Галлилея, знаменитыхъ современниковъ Бэкона и Декарта.

Науки *соціальныя* въ эпоху возрожденія получили также направленіе, рѣзко противорѣчившее средневѣковому богословскому праву. Теологи-юристы среднихъ вѣковъ (образцомъ которыхъ почитался Ѳ. Аквинатъ) видѣли въ правѣ результатъ падшей природы человѣка и стремились основать юридическія нормы на волѣ Божіей и на покорности ея велѣніямъ. Въ эпоху возрожденія и реформаціи обнаруживается стремленіе отдѣлить право отъ религіозныхъ основаній и дать ему самостоятельный характеръ, поставя его въ среду человѣческихъ отношеній. Предметъ политическихъ сочиненій этого времени главнымъ образомъ заключается въ изслѣдованіяхъ о предѣлахъ свѣтской и духовной власти (вызванныхъ спорами папъ съ императорами) и въ разборѣ правъ государственной власти по отношенію къ подданнымъ (въ особенности въ дѣлахъ религіи). Изложеніе въ этихъ сочиненіяхъ не имѣетъ систематической правильности; соціальные вопросы рѣшаются въ формѣ историческихъ и теоретическихъ изслѣдованій. Образецъ историка публициста временъ возрожденія представляетъ знаменитый *Николо Маккіавели* (1469—1527), одинъ изъ даровитѣйшихъ людей всѣхъ временъ. Въ однихъ сочиненіяхъ онъ является приверженцемъ республиканскихъ формъ, а въ другихъ—умнымъ, но безсовѣстнымъ государственнымъ человѣкомъ, который воспитался и посѣдѣлъ въ эпоху глубокаго упадка гражданской правды и нравственности. Къ первому разряду сочиненій относятся: во первыхъ, его „Разсужденія (discorsi) о Титѣ Ливіи“, въ которыхъ онъ доказываетъ, что старинное устройство римской республики гораздо выше всѣхъ позднѣйшихъ, языческихъ и христіанскихъ государствъ; во-вторыхъ: его „Флорентійская исторія“, въ которой онъ художественно, отчетливо и вѣрно представилъ внутреннія волненія своего отечества. Ко второму разряду относится пріобрѣвшая ему такую громкую и такую незавидную репутацію книга „Государь“ (Il principe). Въ ней изображаетъ онъ образецъ государя, который, попирая правду и нравственность, посредствомъ тонкаго расчета и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, утверждаетъ самовластіе въ порабощенномъ имъ государствѣ и ставитъ свою волю на мѣсто закона. При такомъ образѣ дѣйствія, не обращается вниманія на свободу и счастіе народа, также точно, какъ на честность и правду, а получаетъ цѣну только проницательность, тон-

кость и искусство. Не порокъ, но глупость и нерасчетливость губятъ государей: ибо между политикою и нравственностію нѣтъ ничего общаго; нравственность есть удѣлъ частной жизни, а до государственной ей нѣтъ дѣла: въ послѣдней успѣхъ оправдываетъ всѣ средства. Рѣзкое противорѣчіе между „Государемъ" Маккіавели и убѣжденіями, проведенными въ первыхъ его сочиненіяхъ, многіе старались объяснить тѣмъ, что, изображая въ своемъ государствѣ типъ современнаго италіянскаго тирана, онъ хотѣлъ внушить своимъ соотечественникамъ ненависть и отвращеніе къ тираніи. Говорятъ, самъ Маккіавели сказалъ: „я научилъ государей быть тиранами, но за то научилъ и народы изгонять тирановъ". Какъ бы то ни было, но и монархическія и республиканскія идеи Маккіавели сильно бьютъ папство и вообще средневѣковое государство.

Филологія получила сильное научное развитіе и соціальное значеніе, будучи главнымъ орудіемъ гуманизма въ борьбѣ его съ обскурантами и средневѣковымъ обществомъ. *Лаврентій Валла* († 1457) первый обратилъ новое языкознаніе на борьбу съ схоластикою, на объясненіе библейскаго текста и на историческую критику, доказывая подложность Константинова дара, опираясь на которомъ папы объявляли притязанія на римскую область. Великое соціальное примѣненіе получила филологія въ Германіи, у Рейхлина и Эразма, о дѣятельности которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

3) Искусства эпохи возрожденія.

Эпоха возрожденія была самымъ счастливымъ временемъ въ исторіи искусства. Въ сферѣ искусства видимъ тоже направленіе, враждебное средневѣковому католицизму: великіе художники эпохи возрожденія, влюбленные въ художественные образцы древности, хотятъ замѣнить формы готическія красотами искусства античнаго. Рядомъ съ стремленіемъ откапывать и сохранять памятники древняго искусства идетъ цѣлый рядъ великихъ произведеній, созданныхъ подъ вліяніемъ этихъ памятниковъ. Новое художественное направленіе проявляется въ очищеніи формъ, въ возвращеніи къ живой натурѣ и естественности, и, наконецъ, въ отдѣленіи живописи и скульптуры отъ церковной архитектуры, которая въ средніе вѣка подавляла ихъ самостоятельность.

Архитектура первая отразила на себѣ слѣды классическаго искусства: памятники ея сооружались подъ вліяніемъ правилъ рим-

скаго архитектора Витрувія. Центромъ новаго стиля въ архитектурѣ былъ Римъ, покровителями его—папы Юлій II и Левъ X, величайшими мастерами—*Браманте* и *Микель-Анджело-Буонаротти* (1474—1564), а памятникомъ—„церковь св. Петра“, величайшее произведеніе зодчества эпохи возрожденія, въ которомъ христіанскій храмъ облекся въ антично-языческія формы. Самъ папа Юлій II, желая заживо воздвигнуть себѣ мавзолей, велѣлъ срыть древнюю базилику св. Петра, метрополію христіанства, и на мѣстѣ ея приказалъ соорудить храмъ по образцу древности. Первый строитель его Браманте хотѣлъ дать ему форму Пантеона, утвержденнаго на колоссальныхъ колоннахъ; но Микель-Анджело, продолжавшій постройки при Львѣ X, измѣнилъ первоначальный планъ и возвелъ зданіе до купола. Окончилъ его Бернини.

Еще рѣзче выражается античное пластическое направленіе въ *скульптурѣ*. Великій архитекторъ и живописецъ *Микель-Анджело* былъ однимъ изъ величайшихъ ваятелей эпохи возрожденія. Его статуя „Моисей“ напоминаетъ Зевса олимпійскаго, а его „Бахусъ“ былъ приписываемъ Фидію, по сходству въ направленіи. Разнятся его статуи отъ античныхъ отсутствіемъ спокойствія: онъ внесъ въ скульптуру страсть души, выражаемую грандіознымъ или порывистымъ напряженіемъ мускуловъ. Медальерныя изваянія славнаго ученика его *Бенвенуто-Челлини* по формѣ и содержанію напоминаютъ лучшихъ античныхъ мастеровъ. Въ Ватиканъ, при Львѣ X, ходили не для того, чтобы молиться апостоламъ, а чтобы подивиться во дворцѣ папы недавно открытымъ образцамъ греческой скульптуры—Аполлону Бельведерскому и группѣ Лаокоона.

Живопись, освобожденная великими мастерами эпохи возрожденія изъ оковъ рабскаго подражанія преданію и подлинникамъ, беретъ за образцы античное искусство и окружающую природу. Въ Италіи образовались слѣдующія живописныя школы идеально-пластическаго характера, въ противоположность германской живописи, реальной, опытной въ письмѣ (malen): 1) *Ломбардская* школа имѣетъ великаго представителя въ *Леонардо-да-Винчи* (1452—1519), который владѣлъ самыми многосторонними талантами: былъ геометръ, физикъ, инженеръ, музыкантъ, ваятель и поэтъ, но по преимуществу живописецъ; живопись ставилъ онъ самъ выше всѣхъ искусствъ, выше самой поэзіи. Онъ первый ввелъ драматизмъ въ живопись и почиталъ природу главною наставницею, а наблюденіе явленій ея главнымъ источникомъ искус-

ства. Величайшее произведеніе его—„Тайная вечеря", написанная масляными красками на стѣнѣ одного миланскаго монастыря *). Рядомъ съ Леонардо стоитъ въ этой школѣ *Корреджіо,* творецъ „Св. ночи", отличавшійся мягкостію и нѣжностію кисти. 2) *Флорентинская* школа раньше другихъ и болѣе другихъ отрѣшилась отъ средневѣковаго преданія. Знаменитѣйшимъ мастеромъ ея почитается *Микель-Анджело-Буонаротти,* въ юности ваятель, въ зрѣломъ возрастѣ живописецъ, въ старости архитекторъ. Впрочемъ, ваяніе почиталъ онъ собственно своимъ искусствомъ и сожалѣлъ, что его отвлекли отъ него. Поклонникъ скульптуры, онъ рѣзче другихъ отбросилъ церковное преданіе и ввелъ античное язычество въ живопись. Сильный порывистый драматизмъ, грандіозность и смѣлость образовъ и напряженность позъ составляютъ отличительныя свойства кисти М. Анджело. Стиль его живописи ярче всего выражается въ картинѣ „Страшнаго суда", навѣянной на него чтеніемъ Божественной комедіи Данта. Здѣсь Спаситель представленъ въ видѣ гнѣвнаго Аполлона Бельведерскаго, а тѣла человѣческія изображены въ мучительныхъ, напряженныхъ позахъ не только въ аду и чистилищѣ, но даже въ раю. 3) *Венеціанская* школа особенно выработала колоритъ въ живописи. Развитію въ венеціанскихъ мастерахъ искусства колорита содѣйствовали мѣстныя условія природы и жизни: счастливое сочетаніе неба, земли и моря, безпрерывное отраженіе всѣхъ предметовъ въ водѣ, веселый и праздничный духъ торговаго народа. Лучшіе мастера этой школы *Тиціанъ Вечелліо* (1477—1576) и *Павло Веронезе* (1528-1588), которыхъ произведенія, въ особенности портреты, отличаются тѣлесностію и очаровательнымъ дѣйствіемъ свѣта и красокъ въ исполненіи. 4) *Римская* школа имѣетъ представителемъ величайшаго мастера всѣхъ вѣковъ и народовъ—*Рафаэля Санціо* изъ Урбино (1483—1520), прозваннаго божественнымъ. Въ немъ, какъ въ средоточіи, соединяются великія особенности лучшихъ мастеровъ всѣхъ школъ, возведенныя до высшей степени совершенства. У своего учителя Перуджино, связывающаго живопись эпохи возрожденія съ средневѣковою, заимствовалъ Рафаэль религіозно-идеальное настроеніе, на произведеніяхъ Леонардо-

*) Художникъ изобразилъ ту минуту, когда Спаситель произноситъ слова: единъ отъ васъ предастъ мя. На лицѣ каждаго апостола изображено особое чувство, взволновавшее душу его при этихъ словахъ и выразившееся у всѣхъ однимъ вопросомъ: еда азъ есмь Господи? Отшатнулся отъ словъ учителя только одинъ ученикъ, изобличившій въ себѣ предателя. Это волненіе чувствъ и страстей и есть драматизмъ Леонарда.

да-Винчи и М. Анджело и изучалъ онъ искусство рисунка, вѣрность природѣ и драматическій стиль, на произведеніяхъ венеціанской школы—искусство колорита. Выработавъ оригинальный геній свой на великихъ талантахъ, которыми такъ богато было его время, Рафаэль опередилъ всѣхъ ихъ. Красота формъ, какъ выраженіе свѣтлаго состоянія души, гармонія внутренняго и внѣшняго и высокое безмятежное настроеніе духа — образуютъ существенныя черты Рафаэля. Въ его знаменитомъ „Преображеніи", послѣднемъ произведеніи его кисти—образецъ примиренія античнаго искусства съ христіанскимъ, вѣрности природѣ съ идеальностію, земнаго съ небеснымъ. Святостію божества и вѣрнымъ воспроизведеніемъ человѣческой натуры отзываются его мадонны, въ особенности „Сикстинская"—украшеніе дрезденской галлереи*). Изъ другихъ его произведеній замѣчательны: ложи въ Ватиканѣ и картоны или образцы для ковровъ. Рафаэль умеръ въ цвѣтущую пору жизни; у гроба его выставлено было Преображеніе. По словамъ современника „всѣ, приходившіе смотрѣть на мертвое тѣло художника и живое произведеніе его, не могли не рыдать". Лучшимъ и любимѣйшимъ ученикомъ Рафаэля былъ *Джуліо Романо*. 5) Позднѣе, уже около XVII вѣка образовалась школа *Болонская*, основанная тремя *Караччи*, болѣе подражательная первымъ четыремъ школамъ. Лучшіе мастера ея: *Доменикино, Гвидо Рени, Сальваторъ Роза,* изъ коихъ послѣдній отличается

*) Въ Преображеніи совмѣстилъ художникъ два дѣйствія. Въ *верхней* части картины, въ сіяніи, сотканномъ изъ воздуха и свѣта, изображенъ преобразившійся во славѣ Спаситель, въ то мгновеніе, когда послышался голосъ съ неба: сей есть Сынъ мой возлюбленный. Онъ простираетъ объятія къ Отцу и въ тоже время, какъ бы благословляетъ человѣчество. Фигуры пророковъ Иліи и Моусея, ближе всего созерцающихъ тайну Преобразившагося, а также фигуры св. Юліана и Лаврентія (патроновъ двухъ Медичи), служатъ переходомъ къ *нижней* части картины, на которой изображены апостолы, присутствующіе при исцѣленіи бѣсноватаго, окруженнаго матерью, сестрою и народомъ. Эта часть картины — образецъ художественнаго воспроизведенія дѣйствительности — совмѣщаетъ въ себѣ вѣрность природѣ и драматизмъ Леонардо и М. Анджело. Лучшая гравюра принадлежитъ русскому граверу Іордону. Въ „Сикстинской Мадоннѣ" Богоматерь изображена шествующею изъ глубины небесной, наполненной ангелами, прямо къ зрителю; на рукахъ у нея Предвѣчный Младенецъ. Лицо мадонны отличается божественнымъ просвѣтленіемъ, идеальною непорочностью и въ тоже время римскимъ типомъ. Въ лицѣ Спасителя святое дѣтское выраженіе соединено съ какимъ-то глубоко вдумчивымъ и грустнымъ взглядомъ, направленнымъ въ даль. Внизу картины, лица св. Сикста и св. Варвары напоминаютъ земныя личности, и опять въ нижнемъ облакѣ — два идеально свѣтлыя лица ангеловъ. Лучшій эстампъ съ этой картины сдѣлалъ граверъ Миллеръ, который умеръ въ домѣ умалишенныхъ жертвою трудной задачи передать рѣзцомъ великое произведеніе Рафаэля.

изображеніемъ мрачной стороны жизни и природы Эпоха возрожденія имѣла значительное вліяніе и на живопись у германскихъ народовъ. Произведенія германской живописи относятся къ тремъ школамъ, изъ нихъ двѣ принадлежатъ нидерландской живописи, а одна чисто нѣмецкой. а) Въ *нидерландскихъ* школахъ преобладаетъ реальное направленіе. Изъ нихъ *фламандская* ближе къ античнымъ образцамъ и имѣетъ представителя въ *Рубенсѣ* (1600), котораго фигуры исполнены тѣла и отличаются яркимъ освѣщеніемъ; *голландская* школа, подобно венеціанской выработавшая, вслѣдствіе мѣстныхъ вліяній, колоритъ, пошла оригинальнымъ путемъ, строго держась опытнаго направленія и воспроизводя вѣрно окружающую дѣйствительность (особенно въ портретахъ); произведенія лучшаго ея мастера *Рембрандта* (1674 ум.) отличаются умѣренностью освѣщенія (полусвѣтомъ). У Фламандцевъ развился потомъ жанръ въ живописи (Теньеръ), а у Голландцевъ — ландшафтъ (Рюисдаель). b) *Нѣмецкая* школа занимаетъ средину между идеальностью италіанскихъ и реальностію нидерландскихъ мастеровъ. Особенность ея состоитъ въ рѣзкихъ очертаніяхъ (контурахъ) фигуръ. Основателями ея почитаются *Гансы Гольбейны*, отецъ и сынъ; а лучшими мастерами—*Альбрехтъ Дюреръ* (1471—1548) и *Лука Кранахъ* (1473—1553) *).

Въ *поэзіи* повторяется тоже направленіе. Рыцарская поэзія падаетъ вмѣстѣ съ готическимъ искусствомъ и мѣсто ея заступаютъ произведенія, вдохновенныя чтеніемъ Овидія и Виргилія и отзывающіяся саркастическимъ взглядомъ на средневѣковую церковь и средневѣковое общество. При дворахъ у князей и у аристократіи въ большомъ ходу является легкая эротическая поэзія: поэты заимствуютъ изъ классической миѳологіи свои сравненія, образы и выраженія; даже духовныя пѣсни отзываются идеями язычества: святая дѣва изображается съ атрибутами Венеры. Величавый Дантъ первый вноситъ въ свою поэму воспоминанія о древнемъ Римѣ, ищетъ образцовъ для нея у Горація и Виргилія, и между грѣшниками помѣщаетъ нерѣдко папъ и духовныхъ, которые „предлагаютъ легковѣрнымъ какія то выдумки, а Евангеліе прячутъ". У другого пробудителя античнаго направленія—*Боккачіо* пороки римскаго двора и католическаго духовенства представлены въ такихъ яркихъ чертахъ, съ такою насмѣшкою, презрѣніемъ и цинизмомъ,

---

*) Уже въ XVII вѣкѣ развились *испанская* (Мурильо), *французская* (Ник. Пуссенъ) и *англійская* (В. Гогартъ) школы.

что въ XVI вѣкѣ папа предалъ проклятію и автора и его произведеніе. Въ „Margante Maggiore" произведеніи флорентійскаго поэта *Луиджи Пульчи* (ум. 1487), представлены въ жалкомъ и каррикатурномъ видѣ лица героическаго и религіознаго эпоса: Карлъ В. и духовенство употребляютъ у него площадныя поговорки, благородныя дамы рыцарей говорятъ языкомъ торговокъ, а рыцари состязаются не оружіемъ, но взаимными площадными ругательствами. Тотъ же духъ разочарованнаго скептическаго вѣка слышенъ въ тонкой ироніи самаго великаго поэта эпохи возрожденія—*Аріоста* въ его „Orlando furioso".

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что изученіе произведеній классической древности, открывъ широкій просторъ просвѣщенію, въ то же время дало всей умственной и художественной жизни направленіе, враждебное средневѣковымъ вѣрованіямъ. Направленіе это отразилось въ нравахъ и въ дѣйствительной жизни общества, иначе въ Италіи, иначе въ Германіи.

Въ Италіи все высшее общество, самые кардиналы и прелаты впали въ совершенное безвѣріе. Въ тонѣ римскаго высшаго общества, говоритъ одинъ современникъ, было противорѣчить христіанскому ученію. Тотъ не считался образованнымъ человѣкомъ, кто не держался мнѣній противныхъ христіанству. О догматахъ вѣры говорили шутя, таинства вѣры были въ презрѣніи. Совершая безкровную жертву, священники въ богохульственныхъ выраженіяхъ отрицали ее. Съ равнодушіемъ къ христіанству у высшихъ сословій шелъ рука объ руку упадокъ нравственности: сибаритизмъ, корыстолюбіе и эгоизмъ сдѣлались единственнымъ источникомъ ихъ дѣйствій. Жизнь аристократіи и высшаго духовенства стала похожа на жизнь древнихъ вельможъ римскихъ временъ имперіи. Простой народъ, остававшійся хранителемъ христіанства, утопалъ въ невѣжествѣ и суевѣріи и искалъ спасенія въ однихъ обрядахъ.

Въ Германіи изученіе классиковъ дало серьезные результаты. Освобождая мысль изъ подъ ига Рима, ученые нападали не на христіанство, но на злоупотребленія современнаго духовенства, унижавшія христіанство. Возстановить первобытную христіанскую церковь во всей чистотѣ ея сдѣлалось цѣлію ученыхъ богослововъ и гуманистовъ Германіи. Ученость и просвѣщеніе были въ рукахъ ихъ сильнымъ оружіемъ къ нападенію на римскую іерархію, а злоупотребленія и безнравственность духовенства поводомъ къ нападенію. Гуманисты проложили дорогу реформаторамъ.

III.

Новое направленіе въ жизни общества и человѣка и раздѣленіе исторіи новыхъ временъ.

1. Общимъ слѣдствіемъ всѣхъ изложенныхъ нами событій было то, что, начиная съ XVI вѣка до настоящаго времени, постепенно измѣняется объемъ историческаго міра и характеръ жизни общества и жизни человѣка.

а) *Объемъ историческаго міра.* Съ открытіемъ новыхъ земель, Средиземное море, бывшее въ теченіи тысячелѣтій главнымъ поприщемъ взаимныхъ народныхъ сношеній, теряетъ свое исключительное историческое значеніе. Кромѣ его Атлантическій океанъ (въ особенности сѣверная часть его) дѣлается новымъ великимъ историческимъ моремъ. Океанъ этотъ, по естественному строенію береговъ своихъ, очень хорошо приспособленъ быть посредникомъ въ сношеніяхъ Стараго свѣта съ Новымъ. На восточной сторонѣ его Европа представляетъ самую богатую и разнообразную береговую линію, къ нему склоняются нагорья ея, къ нему текутъ многочисленныя внутреннія воды ея; на западной сторонѣ его тоже разнообразное береговое расчлененіе представляетъ восточная сторона Америки; къ нему же покато склоняются горныя ея возвышенности, въ него вливаются огромныя ея рѣки. Къ этому нужно прибавить морскія теченія и направленія вѣтровъ, самыя благопріятныя для мореходныхъ связей между обоими материками. Такимъ образомъ, западъ Европы и востокъ Америки какъ бы служатъ дополненіемъ другъ друга, а Атлантическій океанъ образуетъ звѣно между ними и великую историческую дорогу, по которой Европа передаетъ свою цивилизацію въ Новый міръ, а отсюда уже, въ наше время, начинаетъ переходить она чрезъ Тихій океанъ въ колыбель исторіи и цивилизаціи въ Азію. Кругосвѣтное путешествіе человѣческаго образованія въ послѣдніе три съ половиною вѣка, приходитъ къ концу: весь земной шаръ дѣлается театромъ исторіи; а главные представители кавказской расы, германо-романскіе и славянскіе народы — ея главными дѣятелями.

b) Измѣняется въ послѣдніе вѣка и *характеръ жизни общества и жизни человѣка.*

Въ жизни *общества*, во первыхъ — внутренній составъ государствъ сталъ представлять единство, котораго они прежде не имѣли. Феодалы, духовенство и городскія общины, представлявшіе,

въ теченіи среднихъ вѣковъ, въ одномъ и томъ же государствѣ и народѣ какъ бы нѣсколько отдѣльныхъ государствъ и націй, съ XVI вѣка начинаютъ сливаться въ одно политическое цѣлое и подчиняются въ каждомъ государствѣ общей государственной власти*). Вмѣстѣ съ этимъ, въ замѣнъ прежнихъ рыцарскихъ ополченій, вводятся вездѣ, на континентѣ, сначала постоянныя войска, а потомъ и народныя милиціи; вмѣсто прежнихъ разнообразныхъ феодальныхъ налоговъ, устанавливается болѣе общая система государственныхъ податей, вмѣсто прежнихъ баронскихъ судовъ и кулачнаго права—болѣе или менѣе общіе государственные суды. Во-вторыхъ, экономическіе интересы обществъ получаютъ огромное значеніе. Съ постепеннымъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, трудъ производительный пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе уваженія; съ водвореніемъ болѣе прочнаго общественнаго устройства и безопасности, выходятъ наружу скрывавшіеся во время феодальной безурядицы оборотные капиталы, которые, съ открытіемъ новыхъ земель и новыхъ источниковъ богатства, получаютъ огромное значеніе, тогда какъ въ средніе вѣка исключительнымъ богатствомъ признавалась собственность поземельная. Торговля дѣлается всемірною, возникаетъ понятіе о кредитѣ частномъ и государственномъ; развиваются новыя потребности и для удовлетворенія ихъ новые роды промышленности. Наука и искусство предлагаютъ промышленности свои великія открытія (прядильный станокъ, пароходы, желѣзныя дороги). Вообще улучшается матеріальный бытъ обществъ, несмотря на нѣкоторыя безотрадныя явленія, какъ слѣдствія несовершенства экономическихъ учрежденій (пролетаріатъ). Въ-третьихъ, внѣшнія международныя сношенія дѣлаются чаще и образуютъ между государствами тѣсную связь, вмѣсто прежняго отчужденія. Въ средніе вѣка европейскія государства мало принимали участія въ судьбѣ другъ друга. Съ XVI вѣка нѣтъ ни одного событія, сколько нибудь важнаго, въ которомъ не принимали бы участія всѣ, или большая часть европейскихъ государствъ. Европа начала представлять собою стройную *систему государствъ*. Въ этой системѣ государства стремятся стать въ такое отношеніе другъ къ другу, чтобы ни одно не могло посягнуть на безопасность другого, безъ того, чтобы всѣ прочія общимъ союзомъ не вооружились противъ насилія преобладающаго государства. Такое

*) Формы и существо которой постепенно мѣняются въ западныхъ государствахъ (абсолютная монархія, конституціонная въ разныхъ ея видахъ, республика).

положеніе европейскихъ государствъ относительно другъ друга называется *политическимъ равновѣсіемъ*, а стремленіе къ нему составляетъ главный интересъ всѣхъ политическихъ международныхъ отношеній въ новой исторіи. Мысль о политическомъ равновѣсіи появляется впервые въ войнахъ, союзахъ и договорахъ, которые были слѣдствіемъ стремленія сначала французскихъ королей изъ дома Валуа утвердить свою власть въ Италіи (1492—1515: это такъ называемыя италіянскія войны), а потомъ главы габсбургскаго дома Карла V утвердить преобладаніе свое на западѣ Европы и въ Германіи (1515—1544: это такъ называемыя соперническія войны между императоромъ Карломъ V и Франсуа I, королемъ французскимъ). Мало-по-малу, въ отношеніяхъ другъ къ другу европейскія государства стали поступать на основаніи болѣе или менѣе общихъ правилъ и законовъ, которые, вытекая изъ началъ разумной правды, опредѣляются общественнымъ мнѣніемъ и договорами и совокупность которыхъ называется *международнымъ правомъ*. Для установленія этихъ правилъ и договоровъ и для наблюденія за исполненіемъ ихъ устанавливаются посольства или такъ называемые *дипломатическіе агенты*.

Измѣняется и жизнь *человѣка*. Во-первыхъ, по отношенію къ в ѣ р ѣ и ц е р к в и: вмѣсто безусловнаго подчиненія авторитету папъ является свобода толкованія священнаго писанія, вмѣсто единства вѣры и церкви— разнообразіе вѣроисповѣданій и церквей, вмѣсто религіи эстетической—религія болѣе раціональная. Во-вторыхъ, по отношенію къ наукѣ появляется свобода мышленія и критическое изслѣдованіе, вмѣсто прежняго поклоненія авторитету и прежнихъ фантастическихъ мечтаній. Въ-третьихъ, наконецъ, въ искусствѣ, вмѣсто стѣснительнаго авторитета подлинниковъ и преданія, появляется свободное творчество, которое, пройдя періодъ увлеченія древне-классическими образцами, обнаруживаетъ стремленіе къ самостоятельному воспроизведенію народной жизни.

2. Всѣ означенныя свойства и условія жизни западно-европейскихъ народовъ выработались въ упорной *борьбѣ протестантизма съ авторитетомъ*, которая и составляетъ главное явленіе, проходящее чрезъ всѣ событія исторіи послѣднихъ трехъ съ половиною вѣковъ (XVI, XVII, XVIII и половину XIX). Подъ именемъ этой борьбы должно разумѣть возстаніе (*протестъ*) отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ противъ насильственнаго стѣсненія произволомъ одного лица, или одного привилегированнаго сословія, или цѣлаго государства (*авторитетомъ*) ихъ совѣсти въ рели-

гіозныхъ вѣрованіяхъ, ихъ мысли въ дѣлѣ умственнаго развитія и, наконецъ, ихъ дѣятельности въ общественной жизни. Демократическія идеи, внесенныя на западъ реформаціею, борятся съ аристократическими и монархическими формами и учрежденіями средневѣковой церкви и средневѣковаго государства (остатками феодальныхъ правъ, папствомъ и поборовшею ихъ королевскою властію). Борьба эта два раза измѣняетъ существеннымъ образомъ свой характеръ, мѣсто, объемъ и содержаніе, и потому исторія ея или исторія послѣднихъ $3^{1}/_{2}$ вѣковъ можетъ быть раздѣлена на двѣ главныя части.

I. *Исторію новую* отъ реформы, произведенной въ западной церкви Лютеромъ въ началѣ XVI вѣка, до большой французской революціи въ концѣ XVIII вѣка. Это время представляетъ возстаніе и *борьбу протестантизма* за свободу вѣры и мысли съ *авторитетомъ преимущественно духовнымъ; паденіе авторитета духовнаго* (папства) и *усиленіе свѣтскаго* (абсолютной монархіи), и можетъ быть раздѣлена на 2 періода:

Періодъ 1-й (реформаціонный) отъ начала реформаціи до вестфальскаго мира (1517—1648). Содержаніе періода: возстаніе и борьба протестантскихъ ученій и учрежденій противъ средневѣковаго папства, борьба религіозная по преимуществу. Исходнымъ пунктомъ историческихъ движеній въ этомъ періодѣ была Германія.

Періодъ 2-й (абсолютной монархіи) отъ вестфальскаго мира до большой французской революціи (1648—1789). Содержаніе періода: усиленіе свѣтскаго авторитета, который, въ лицѣ Людовика XIV, не только стремится подчинить себѣ совѣсть, мысль и дѣятельность гражданъ внутри государствъ (абсолютная монархія), но посягаетъ на самостоятельность другихъ народовъ и государствъ (всемірная монархія), а потому вызываетъ сильную реакцію протестантизма внутри каждаго западнаго государства и огромныя войны за равновѣсіе въ цѣлой западной Европѣ. Главныя роли въ этомъ періодѣ играютъ: Франція и Австрія (представительницы абсолютизма и католицизма), Англія и Пруссія (представительницы протестантизма религіознаго и политическаго).

II. *Исторію новѣйшую* отъ большой французской революціи въ концѣ XVIII вѣка до нашихъ дней. Она представляетъ протестъ и борьбу западно-европейскихъ народовъ съ *свѣтскимъ авто-*

ритетомъ во всѣхъ сферахъ жизни, преимущественно въ общественной, и можетъ быть раздѣлена также на 2 періода:

Періодъ 1-й (переворотовъ политическихъ) отъ большой французской революціи до вѣнскаго конгресса (1789—1815). Содержаніе его: 1) временное разрушеніе протестующими массами всѣхъ выработанныхъ предъидущею жизнію формъ и учрежденій, во имя такъ называемыхъ, слишкомъ умозрительно понятыхъ правъ человѣка; 2) временное разрушеніе наполеоновскими войнами политическаго равновѣсія въ системѣ европейскихъ государствъ, и, наконецъ, 3) возстановленіе прежняго порядка вещей съ слабыми оттѣнками конституціонной монархіи въ интересѣ династій и привилегированнаго меньшинства.

Періодъ 2-й (переворотовъ соціально-племенныхъ) отъ вѣнскаго конгресса до нашихъ дней. Направленіе этого періода еще не вполнѣ установилось; но среди хаоса безпрерывно возникающихъ вопросовъ и событій, рѣзче всего высказываются: 1) стремленіе западно-европейскихъ народовъ къ выработкѣ правильныхъ конституціонныхъ формъ и къ болѣе равномѣрному распредѣленію юридическихъ и экономическихъ правъ и обязанностей въ обществѣ и 2) возстаніе италіанскаго и германскаго племенъ противъ искусственнаго распредѣленія государственныхъ территорій, сдѣланнаго послѣ наполеоновскихъ войнъ, и стремленіе этихъ племенъ сосредоточиться въ большія политическія цѣлыя.

Въ оба періода главную роль играютъ всѣ пять первостепенныхъ державъ, а въ настоящее время выступаетъ на первый планъ Сардинское королевство, около котораго группируется стремящаяся къ единству Италія*).

---

*) Все сказанное должно относиться къ исторической жизни только западно-европейскихъ государствъ. Внутренняя жизнь русскаго государства имѣетъ свои особенности, историческій ходъ ея опредѣляется другими явленіями; но изложеніе ихъ входитъ въ особый курсъ русской исторіи.

НОВАЯ ИСТОРІЯ

(ОТЪ НАЧАЛА XVI ДО КОНЦА XVIII В.).

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

От начала реформаціи до вестфальскаго мира (1517–1648).

Первый реформаціонный періодъ ново-европейской исторіи представляетъ возстаніе и борьбу протестантизма съ авторитетомъ духовнымъ за свободу вѣры и мысли. Происходя преимущественно въ церкви, эта борьба однакожъ, во-первыхъ, имѣетъ сильное вліяніе на юридическія и экономическія отношенія государствъ, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, международныя; во-вторыхъ, сама отчасти зависитъ отъ нихъ. Это потому, что церковь въ средніе вѣка обнимала и государство, и науку, и искусство, такъ что возстаніе противъ церкви должно было отразиться и въ общественной и духовной жизни народовъ.

Ходъ борьбы былъ слѣдующій:

1) Изъ Германіи, гдѣ въ началѣ XVI вѣка обнаруживается впервые рѣшительная оппозиція противъ средневѣковаго авторитета папства и отчасти имперіи, протестантизмъ распространяется на западъ и сѣверъ Европы. Провозглашенное имъ начало свободнаго толкованія Св. писанія и вѣры по убѣжденію порождаетъ въ нѣдрахъ его разнообразіе церквей, которое сводится къ двумъ главнымъ: евангелической (лютеранской) и реформатской (кальвинской). Первая ищетъ опоры себѣ противъ средневѣковой церкви и имперіи въ свѣтскихъ территоріальныхъ властяхъ и, утвердясь въ сѣверо-восточной Германіи, на скандинавскомъ сѣверѣ и отчасти въ Англіи, подчиняется свѣтскимъ властямъ и благопріятствуетъ монархической формѣ. Вторая, исходя изъ народа, гонимая правительствомъ, утверждается въ Шотландіи, Голландіи,

Швейцаріи и южной Германіи и получаетъ болѣе аристократическое направленіе, которое сближается (въ крайностяхъ кальвинизма) съ демократическими идеями. (*Распространеніе протестантизма* до конца XVI вѣка).

2) Когда въ нѣдрахъ самаго протестантизма, вслѣдствіе свободы религіознаго толка, явился раздоръ, то старая церковь, пользуясь этимъ раздоромъ, стремится остановить дальнѣйшее распространеніе новаго ученія въ тѣхъ земляхъ, гдѣ оно не успѣло еще утвердиться (во Франціи, Испаніи, Португаліи, Италіи, Польшѣ) и уничтожить его тамъ, гдѣ оно уже утвердилось. Для этого католицизмъ, во-первыхъ, дѣлая видимую уступку духу времени, самъ подвергается незначительной реформѣ; во вторыхъ, создаетъ новыя средства къ своему возрожденію въ іезуитахъ и другихъ орденахъ, въ инквизиціи и цензурѣ, и, наконецъ, ищетъ опоры себѣ то въ монархіи, то въ аристократіи, то въ демократіи, вооружая въ однѣхъ странахъ католическія правительства противъ некатолическихъ подданныхъ, въ другихъ—католическія массы противъ некатолическихъ правительствъ. (*Возрожденіе католицизма* въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка).

3) Наконецъ, въ Германіи, исходномъ пунктѣ протестантизма, происходитъ новая обще-европейская религіозно-политическая борьба (*тридцатилѣтняя война* (1618—1648), которая оканчивается *вестфальскимъ миромъ*. Этотъ миръ подорвалъ средневѣковый авторитетъ папства и имперіи и разрушилъ религіозное единство Запада признаніемъ законности новыхъ церквей наравнѣ со старою.

Таковъ былъ общій ходъ событій въ реформаціонномъ періодѣ. Чтобы сохранить цѣлостное представленіе о ходѣ жизни въ каждомъ государствѣ отдѣльно, мы изложимъ судьбу реформаціи по государствамъ.

ИСТОРІЯ ГЕРМАНІИ.

I.

Состояніе Римской церкви въ началѣ XVI вѣка и оппозиція противъ нея въ Германіи.

Въ 1540 году, въ самый разгаръ реформаціи въ Германіи, когда Карлъ V, перепробовавши всѣ мѣры остановить мирно новое ученіе, задумалъ уже усмирить приверженцевъ его оружіемъ,

явилась однажды къ нему въ Регенсбургъ труппа странствующихъ актеровъ и разыграла предъ нимъ слѣдующую пантомину. Сперва вышелъ актеръ въ костюмѣ ученаго доктора съ надписью на спинѣ: *Іоганнъ Рейхлинъ*. Онъ принесъ вязанку дровъ, разбросалъ по комнатѣ и удалился. Вслѣдъ за нимъ явилась другая маска и принялась сортировать полѣна: прямыя класть къ прямымъ, а кривыя къ кривымъ. Но полѣна не укладывались ни въ какую систему; маска въ досадѣ ушла и оставила все, какъ было; на спинѣ ея была надпись: *Эразмъ Ротердамскій*. За ней вошелъ монахъ, лице всѣмъ тогда извѣстное, *Лютеръ*: онъ принесъ горящіе уголья и зажегъ дрова; когда пламя съ трескомъ охватило полѣна, онъ весело засмѣялся и ушелъ. Потомъ явился актеръ въ одеждѣ императорской, представлявшій самого *Карла V*: увидѣвъ огонь, онъ вынулъ мечъ и началъ рубить по огню, думая погасить его. Но пламя отъ этого вспыхивало только сильнѣе прежняго и актеръ-императоръ въ гнѣвѣ удалился. Наконецъ, пришелъ актеръ въ папской тіарѣ: при видѣ разгорѣвшагося пламени, онъ спѣшитъ схватить одно изъ стоявшихъ тутъ ведеръ, чтобы залить огонь; но, въ попыхахъ, льетъ на огонь вмѣсто воды—масло. Огонь вспыхнулъ еще сильнѣе, и *папа* въ отчаяніи убѣжалъ. Пантомина, говорятъ, очень не понравилась Карлу: взволнованный и раздраженный, онъ велѣлъ схватить актеровъ; но и слѣдъ ихъ простылъ.

Въ этой аллегорической пантоминѣ сами современники реформаціи высказали свой взглядъ на причины реформаціи, на отношенія къ ней гуманистовъ и на попытки имперіи и папства остановить новое ученіе. Основная мысль пантомины такая: въ современной церкви накопилось много злоупотребленій (кривыя полѣна), которыя никакъ не могли быть соглашены съ новыми, разумными потребностями развившагося общества (прямыя полѣна). Гуманисты, одни (какъ напр. Рейхлинъ) подняли вопросъ объ этихъ злоупотребленіяхъ и обличали ихъ предъ обществомъ, другіе (какъ напр. Эразмъ Ротердамскій, старались мирно, путемъ науки, согласить старое съ новымъ, но, разумѣется, не успѣли привести въ систему вещей несовмѣстимыхъ. Тогда явился Лютеръ и рѣшился истребить то, что оскорбляло современное общество: произошла реформація, остановить которой не могъ ни императоръ, ни папа, дѣйствовавшіе насиліемъ противъ распространенія идей, которыхъ ни мечъ не рубитъ, ни вода не гаситъ.

Вѣрность этого взгляда подтвердится, если разсмотримъ состояніе римской церкви и состояніе германскаго общества въ началѣ XVI вѣка:

1) *Состоянiе римской церкви.* Папская власть имѣла огромное значенiе въ средніе вѣка, когда не было еще прочнаго устройства въ общественной жизни западно-европейскихъ государствъ и когда религiозное настроенiе господствовало въ духовной жизни народовъ. Съ введенiемъ болѣе правильнаго устройства въ государствахъ и съ распространенiемъ просвѣщенiя въ народѣ, власть эта начинаетъ упадать въ общественномъ мнѣнiи и дѣлается тягостною для правительствъ и народовъ, тѣмъ болѣе, что злоупотребленiя и нравственная порча проникаютъ, все сильнѣе и сильнѣе, весь составъ духовенства. И потому еще съ XII в. (какъ мы видѣли въ Средней исторiи) папство начинаетъ подвергаться нападенiямъ, которыя, сначала слабыя, все болѣе и болѣе усиливаются и дѣлаются чаще къ концу среднихъ вѣковъ. Противъ злоупотребленiй римской iерархiи возстаютъ: 1) отдѣльныя лица и народности: Пiерръ Абеляръ и Пiерръ Вальдъ съ Альбигойцами во Францiи, Арнольдъ Бресчiа въ Италiи, Виклефъ въ Англiи, Гуссъ съ Чехами въ Богемiи; 2) свѣтскiя правительства и государи Фридрихъ II и Людовикъ Баварскiй въ Германiи, Людовикъ IX Святой и Филиппъ IV Красивый во Францiи, Эдуардъ III въ Англiи; наконецъ, 3) цѣлые соборы, на которыхъ, по требованiю католическихъ народовъ, сама церковь, въ союзѣ съ учеными и свѣтскою властiю, старается произвести реформу въ римской iерархiи. Таковы, напр., соборы Констанцскiй и Базельскiй. Но всѣ эти попытки преобразовать церковь и духовенство и поставить ихъ въ надлежащiя отношенiя къ мiру не производили желаемыхъ результатовъ. Къ XVI вѣку, нравственная порча и злоупотребленiя западнаго духовенства достигли крайнихъ предѣловъ. Уваженiе къ папскому сану и вѣру въ непогрѣшимость папъ сильно подорвалъ уже долгiй и соблазнительный расколъ въ западной церкви (во второй половинѣ XIV и началѣ XV вѣка), когда авиньонскiе папы поставили санъ свой въ зависимость отъ французскихъ королей, а потомъ въ католическомъ христiанствѣ являлось разомъ по два и по три первосвященника, позорившiе одинъ другого въ глазахъ мiрянъ. Со времени Сикста IV, папы, наученные опытомъ, видя паденiе своего сана въ общественномъ мнѣнiи, приняли за правило искать опоры своего духовнаго значенiя въ усиленiи своей свѣтской власти и въ увеличенiи своей государственной области. Съ этою цѣлью они уничтожили мелкихъ италiянскихъ владѣтелей и ввѣряли ихъ земли управленiю своихъ дѣтей (непотовъ). Въ стремленiи къ этой цѣли, *Александръ VI*

Борджіа торговалъ совѣстію и религіею, употреблялъ ядъ и кинжалъ, для доставленія земель своимъ дѣтямъ Цезарю и Люкреціи, виртуозамъ распутства и злодѣяній. Самъ онъ получилъ тіару подкупомъ, всю жизнь развратничалъ и умеръ отъ яда, приготовленнаго имъ другому. Преемникъ его *Юлій II*, который требовалъ у Миккель-Анджело, чтобы онъ изобразилъ его не съ Евангеліемъ, но съ мечемъ въ рукѣ, и не благословляющимъ, но грозящимъ городамъ Италіи, былъ не намѣстникъ Христа, но отважный воинъ и нечестный, игравшій клятвами государь. Онъ не прибѣгалъ уже къ непотамъ, а самъ неограниченно правилъ церковною областью. Вмѣстѣ съ этимъ распространеніемъ государственной власти папъ шло рука объ руку уничтоженіе городскихъ вольностей и силы фамилій римскихъ нобилей. Нигдѣ такъ рѣзко не бросается въ глаза сходство этой новой тираніи съ тираніею древнихъ, какъ въ этомъ абсолютизмѣ намѣстниковъ Христа, когда папы и ихъ непоты могли поспорить съ древними тиранами въ жестокостяхъ, властолюбіи и совершенной распущенности нравовъ, когда ихъ окружалъ блескъ возрожденнаго искусства, когда языческая свобода мысли внѣдрилась въ духовенство, когда церковью и куріею овладѣла продажность, когда весь западно-христіанскій міръ обложенъ былъ податями для украшенія столицы папъ великолѣпными памятниками.

Отъ папъ безнравственность проникла во все бѣлое и черное духовенство и еще болѣе увеличивалась отъ легкости получать прощеніе за всякій грѣхъ. Римскій дворъ, нуждаясь въ деньгахъ, давалъ прощеніе всякому, кто только могъ купить его; дешево цѣнилось прощеніе за самые тяжкіе грѣхи. Въ самой Италіи явился человѣкъ, громко нападавшій на злоупотребленія и развратъ своего времени и на самаго папу Александра VI. Это былъ доминиканскій монахъ *Іеронимъ Савонарола* (1452—98) восторженный и краснорѣчивый мистикъ, который произвелъ своими рѣчами демократическую революцію во Флоренціи и задумалъ было коренное преобразованіе въ общественной нравственности. Папа Александръ VI сжегъ его на кострѣ, какъ еретика. Но если въ самой Италіи безнравственность духовенства возбуждала негодованіе, то въ Германіи особенно враждебно смотрѣли на нее, потому что привиллегіи, незаконно присвоенныя во время среднихъ вѣковъ, давали духовенству право угнетать всѣ прочія сословія. Владѣя огромною поземельною собственностью и капиталами, духовные въ Германіи, большею частью иноземцы, освободили себя

отъ свѣтской власти, а сами напротивъ старались захватить въ свои руки всѣ дѣла суда свѣтскаго. Преступнику стоило надѣть рясу, чтобы спастись отъ казни за преступленіе. Такимъ образомъ церкви были убѣжищами для преступниковъ, монастыри—скопищами преступной молодежи, а въ Римѣ строили дворцы и храмы „на нѣмецкіе грѣхи". Даже появились духовные, которые, пользуясь привиллегіею не платить пошлины, занимались торговлею и, къ великому соблазну истинно-благочестивыхъ людей, заводили шинки; а если кто-нибудь вмѣшивался въ ихъ беззаконныя дѣла, тому они грозили проклятіемъ и отлученіемъ отъ церкви. Такія злоупотребленія возбуждали презрѣніе и ненависть къ духовенству въ князьяхъ и въ народѣ. Всѣ говорили, что духовенство у всѣхъ сословій беретъ одно только пріятное и убѣгаетъ тягостнаго: у рыцарей прелатъ заимствуетъ блестящія одежды, огромную свиту, соколиную охоту; съ женщинами раздѣляетъ красивые покои и сады, но не знаетъ ни тяжести латъ, ни трудовъ домохозяйства. Отсюда произошла на западѣ и пословица: „кто хочетъ быть доволенъ на одинъ разъ, тотъ убей курицу; кто хочетъ доставить себѣ спокойствіе на годъ, тотъ возьми себѣ жену, а кто на всю жизнь—сдѣлайся священникомъ".

2) Современно съ накопленіемъ злоупотребленій въ церкви, произошелъ и въ *свѣтскомъ обществѣ* переворотъ, враждебный Риму. Правительства, достигнувъ самостоятельности внутри, стремились съ большимъ рвеніемъ достигнуть его извнѣ, посредствомъ освобожденія изъ-подъ опеки Рима. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка имперскій сеймъ нѣсколько разъ возставалъ противъ незаконныхъ поборовъ Рима и зависимости мѣстныхъ церквей отъ папы. Рыцари и бароны Германіи обузданы были при Максимиліанѣ I введеніемъ земскаго мира (Landfrieden) и имперскаго суда, которыми запрещалось кулачное право. Разоренные въ прежнихъ междоусобіяхъ, они теперь завистливо смотрѣли на богатства и земли духовенства и монастырей и искали случая проявить стѣсненный земскимъ миромъ разгулъ воли своей въ возстаніи, какомъ-бы то ни было и противъ кого-бы то ни было. Промышленные горожане съ негодованіемъ видѣли себя въ необходимости раздѣлять плоды своихъ трудовъ съ тунеяднымъ духовенствомъ и вносить поборы въ римскую кассу. Крестьяне, обремененные свѣтскими барщинами и духовными десятинами, до крайности угнетаемые, старались найти случай выйти изъ своего безвыходно-горькаго положенія: имъ все равно было противъ кого возстать—

противъ свѣтскихъ или духовныхъ властителей: и тѣ и другіе тѣснили ихъ одинаково.

Среди такого положенія дѣлъ, развившееся, съ открытіемъ новыхъ путей для торговли, стремленіе къ матеріальнымъ интересамъ и духъ пріобрѣтенія вытѣсняютъ религіозный фанатизмъ и ослабляютъ народныя вѣрованія—опору папства. Возрожденіе наукъ указываетъ міру огромный умственный капиталъ, выработанный древними Греками и Римлянами и таившійся до того подъ спудомъ. Философія, филологія и естественныя науки подрываютъ авторитетъ богословія, которое было опорою папства и царицею, центромъ всего средневѣковаго знанія.

Органомъ нападеній на вопіющія злоупотребленія іерархіи являются въ Германіи наука и сатира гуманистовъ. Первое мѣсто между гуманистами, стремившимися разогнать мракъ средневѣковой іерархіи, побороть схоластику и невѣжество, при помощи основательнаго изученія древнихъ, занимали Іоганъ Рейхлинъ и Эразмъ Ротердамскій, прозванные у современниковъ очами Германіи, и рыцарь Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. *Іоганъ Рейхлинъ* (1455—1522), получивъ основательное филологическое образованіе въ лучшихъ университетахъ Германіи, Франціи и Италіи, былъ по ремеслу правовѣдъ, а по внутреннему призванію филологъ и мистическій философъ. Кромѣ латинскаго и греческаго языковъ, онъ изучалъ еврейскій, имѣя въ виду не столько цѣль филологическую, сколько богословскую: въ знаніи еврейскаго языка онъ видѣлъ не только ключъ къ истинному познанію Св. Писанія, но и доступъ къ таинствамъ кабалы. Наиболѣе пользы гуманистамъ оказалъ онъ изъясненіемъ Ветхаго Завѣта, латинскимъ словаремъ и еврейскою грамматикою. Когда въ Кельнѣ опредѣлено было доминиканцами сжечь всѣ еврейскія священныя книги по доносу одного ренегата, Рейхлинъ возсталъ противъ варварскаго опредѣленія, и за то кельнскіе доминиканцы обвинили его въ ереси и сожгли нѣкоторыя его сочиненія. Личная борьба между Рейхлиномъ и Кельномъ приняла обширные размѣры борьбы между гуманистами и обскурантами. Все, что было мыслящаго въ Германіи и Италіи, вступилось за Рейхлина, и друзья его издали въ свѣтъ собраніе писемъ, полученныхъ имъ отъ знаменитыхъ его современниковъ (epistolae illustrium virorum), чтобы показать, какія духовныя силы находятся на его сторонѣ. Тутъ впервые партія гуманистовъ увидѣла все свое значеніе и могущество. „О славный вѣкъ!“ восклицаетъ одинъ гуманистъ: „ученіе процвѣтаетъ, умы пробуждаются

и жить такъ отрадно!"—*Эразмъ Ротердамскій* (1467—1536), былъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени, характеромъ флегматикъ, но исполненный глубокой ироніи, образецъ нѣмецкой учености и нѣмецкаго юмора. Предназначаемый съ юности къ монашеству, которое ненавидѣлъ отъ души, онъ успѣлъ вырваться изъ монастыря и уѣхалъ въ Парижъ учиться богословію. Здѣсь онъ получилъ такое же отвращеніе къ схоластикѣ, какое изъ монастыря вынесъ къ монашеству, и всю жизнь свою преслѣдовалъ схоластиковъ и монаховъ всею силою своего сарказма и своей учености. Скоро его сочиненія, написанныя на самомъ изящномъ латинскомъ языкѣ, пріобрѣли ему громадную славу между гуманистами и глухую вражду между обскурантами. „Эразмъ снесъ яйцо", говорили обскуранты: „а Лютеръ его высидѣлъ". Хотя Эразмъ и оправдывался, говоря, что онъ снесъ куриное яйцо, а Лютеръ высидѣлъ совершенно иную птицу, но обвинители были правы. Сильно содѣйствуя образованіемъ движенію умовъ, Эразмъ сверхъ того нанесъ особенно сильный ударъ тогдашней богословіи изданіемъ очищеннаго текста Новаго завѣта съ латинскимъ подстрочнымъ переводомъ, въ которомъ, ясно показавъ ошибки латинской библіи, совѣтовалъ изучать христіанство въ его источникѣ (Новомъ завѣтѣ), а не въ сочиненіяхъ римскихъ богослововъ. Какъ сатирикъ, Эразмъ сильно подрывалъ уваженіе къ современному духовенству своею знаменитою народною сатирою „Похвала глупости", которая хотя и написана была на разговорномъ латинскомъ языкѣ, но скоро была переведена на всѣ европейскіе языки и быстро разошлась по всѣмъ слоямъ общества. Здѣсь Эразмъ бичуетъ пороки всѣхъ сословій, но больше другихъ достается духовенству, среди котораго долѣе всего заставляетъ авторъ пребывать выкормленную виномъ и распутствомъ глупость*). Слава Эразма была такъ велика, что владѣтели разныхъ государствъ старались приманить его къ себѣ лестью, подарками, почестями. Но Эразмъ уклонился отъ всѣхъ предложеній, предпочитая независимую жизнь ученаго. Онъ странствовалъ по разнымъ мѣстамъ въ Европѣ, но больше всего жилъ въ Базелѣ. Въ самый разгаръ реформаціи, когда пришлось приводить свои мысли въ дѣло и бороться за убѣжденія, чисто кабинетный преобразователь Эразмъ ужаснулся предстоящихъ волненій и съ холоднымъ эгоизмомъ оттолкнулъ своихъ прежнихъ друзей, которые могли компрометиро-

*) Знаменитый живописецъ Гольбейнъ иллюстрировалъ сатиру Эразма 83-мя рисунками. Вообще живопись этого времени очень дружно содѣйствовала сатирѣ, направленной противъ старовѣровъ.

вать его предъ аристократическими его патронами и нарушить безмятежность его гуманистическихъ занятій. Не таковъ былъ рыцарь-гуманистъ и поэтъ *Ульрихъ фонъ-Гуттенъ* (1488—1523), другъ Рейхлина, Эразма и Лютера, одинъ изъ главныхъ двигателей реформаціи. Неукротимо-пылкій и желчный, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые приносятъ все въ жертву своимъ убѣжденіямъ: имущество, жизнь и даже предразсудки рода, отъ которыхъ иному труднѣе отказаться, чѣмъ отъ жизни. Происходя изъ рыцарскаго франконскаго дома, онъ навлекъ на себя гнѣвъ отца, потому что бѣжалъ изъ монастыря, вопреки волѣ отцовской; потомъ, не смотря на слезы матери, отказался отъ роднаго крова и имущества, предпочитая имъ вольную, исполненную тревогъ жизнь странствующаго рыцаря-поэта, посвященную открытой борьбѣ съ обскурантами и римскимъ духовенствомъ. Онъ принималъ самое жаркое участіе въ дѣлѣ Рейхлина съ кельнскими доминиканцами и въ возстаніи Лютера, защищая того и другого своими рѣзкими памфлетами и сатирами. Ему суждено было пройти сквозь всѣ страданія и закалить свою душу въ борьбѣ съ болѣзнію, нищетою, врагами и ложными друзьями. Жизнь его полна событій и замѣчательна по важной роли, которую онъ игралъ и до Лютера, приготовляя для него дорогу, и при Лютерѣ, помогая ему своимъ мечемъ и перомъ. Въ своихъ сатирахъ, стихотвореніяхъ и политическихъ памфлетахъ онъ бичуетъ юристовъ и римское право, укротившихъ своеволіе рыцарей, бичуетъ тиранію князей, безнравственность и невѣжество духовенства и монаховъ, пустоту и буквоѣдную ученость схоластиковъ. Изъ всѣхъ сатиръ его самая замѣчательная—„Письма темныхъ людей“ (epistolae obscurorum virorum), изданныя по поводу Рейхлинова дѣла. Здѣсь лица, принадлежащія къ партіи обскурантовъ, ведутъ между собою переписку, въ которой повѣряютъ другъ другу свои изслѣдованія и задушевныя убѣжденія. Нельзя удержаться отъ смѣха, видя пустоту, безполезность и пошлость этихъ изслѣдованій и убѣжденій. Но между тѣмъ содержаніе и слогъ этихъ писемъ были такъ вѣрно схвачены съ натуры, что многіе обскуранты сначала симпатически приняли ихъ за подлинное сочиненіе одного изъ своихъ собратовъ, и только подъ конецъ, почуявъ ѣдкость направленной противъ нихъ сатиры, купили дорогою цѣною папскій указъ, которымъ повелѣвалось каждому, у кого была эта книга, сжечь ее въ теченіи трехъ дней. Въ другихъ сочиненіяхъ Гуттенъ является воодушевленнымъ поэтомъ и, между прочимъ, такъ призываетъ новое

поколѣніе ополчиться противъ злоупотребленій старой церкви: „къ шатрамъ Израиль! не долго продержится иго Рима. Сѣкира готова поразить дерево подъ самый корень! Впередъ, впередъ! Обстоятельства благопріятны. Да здравствуетъ независимость Германіи (отъ Рима)! Жребій брошенъ, назадъ намъ нельзя идти: мы побѣдители!“ *).

На этотъ призывъ откликалось все, что было молодо, свѣжо, полно жизни и мыслей, и все это бросало выраженія своихъ мыслей, чувствъ и потребностей въ типографскіе станки, а отсюда эти мысли и желанія, въ формѣ печатныхъ листовъ, разлетались въ короткое время по всему западу Европы и находили отзывъ въ массахъ. Напрасно католицизмъ старался остановить движеніе, то воздвигая чудотворные храмы на развалинахъ синагогъ, обагренныхъ кровью избитыхъ Евреевъ, то совершая процессіи съ чудотворными чашами, то воздвигая цензурные запреты, однимъ словомъ—вооружаясь всякаго рода чудесами и фанатизмомъ. Все это было напрасно: въ началѣ XVI вѣка приготовлено было мѣсто для борьбы съ папствомъ: это мѣсто Германія; приготовлено войско для одолѣнія его: это всѣ недовольные авторитетомъ Рима, князья феодалы, горожане, крестьяне, ученые и литераторы; приготовлены средства къ борьбѣ: это книгопечатаніе и наука. Нуженъ былъ только человѣкъ, который бросилъ бы искру въ накопленный вѣками горючій матеріалъ. Теперь на голосъ реформатора могло откликнуться большинство общества. Въ 1502 году курфирстъ саксонскій Фридрихъ Мудрый основалъ университетъ въ Виттенбергѣ для того, „чтобъ всѣ окрестные народы,“ какъ сказано въ уставѣ: „приносили туда всѣ свои сомнѣнія, рѣшали ихъ тамъ и возвращались домой, полные вѣры и убѣжденія“. Въ 1508 году въ этомъ университетѣ занялъ каѳедру сначала богословія, а потомъ философіи августинскій монахъ *Мартинъ Лютеръ*.

---

*) Ульрихъ фонъ-Гуттенъ является представителемъ новыхъ идей въ рыцарствѣ, а докторъ правъ *Себастіанъ Брандтъ* (1458—1520) вводитъ насъ въ кругъ ученыхъ средняго сословія. Подобно Эразму и Рейхлину и въ союзѣ съ ними, Брандтъ стремился къ обновленію умственной жизни своего времени духомъ классической древности и старался примѣнить новое гуманистическое образованіе въ нѣмецкой литературѣ.—Его „Дурацкій корабль изъ Наррагоніи)“ (Das Narrenschiff von Narragonia) былъ любимою книгою у тогдашнихъ Нѣмцевъ. Всѣ пошлыя и дурныя явленія вѣка олицетворены Брандтомъ въ формѣ всевозможныхъ глупцовъ, украшенныхъ колпаками съ погремушками. Они укладываются на корабль и возвращаются на свою родину Наррагонію, а вмѣстѣ съ ними глупость изгоняется изъ міра.

II.

Начало и распространеніе протестантизма въ Германіи.

1) *Личность реформатора.* Мартинъ Лютеръ родился въ 1483 г. (10 ноября) въ Эйслебенѣ, саксонскомъ городкѣ, отъ бѣдныхъ, но честныхъ родителей. Отецъ его Гансъ былъ рудокопомъ. Суровы и строги были жизнь и нравы того времени—сурово было и воспитаніе. Лютеръ взросъ, не видя ласки родительской: и мать и отецъ любили его, но обращались съ нимъ строго. Особенно отецъ отталкивалъ отъ себя ребенка суровостью, такъ что, потомъ, когда ребенокъ сталъ выростать, онъ съ трудомъ могъ пріучить его къ себѣ. Въ школѣ магдебургской наставники били шестилѣтняго Лютера безпощадно. Хлѣбъ онъ долженъ былъ добывать себѣ милостынею и распѣваніемъ священныхъ пѣсень въ новый годъ подъ окнами. Невесело вообще было дѣтство бѣднаго Мартина: суровость родныхъ, голодъ, холодъ, лишенія окружали его; среди этихъ лишеній закладывалась первая основа его твердаго характера. Съ 15 года положеніе его нѣсколько улучшилось, когда однажды, дрожавшаго отъ голода и холода мальчика приняла подъ кровъ свой одна сострадательная вдова (Урсула Швейкардъ) и доставила ему средства посѣщать четыре года эйзенахскую школу. Въ 1501 году онъ поступилъ въ эрфуртскій университетъ и отецъ его, собравшій себѣ трудомъ небольшое состояніе, доставлялъ ему здѣсь уже достаточное пособіе. Онъ воображалъ, что сынъ его будетъ ученымъ правовѣдомъ, выгодно женится и принесетъ ему честь.

За бѣдствіями и стѣсненіями дѣтства слѣдуютъ въ трудной жизни молодаго человѣка новыя стѣсненія и лишенія.

На 20 году возраста попалась Лютеру въ первый разъ въ жизни Библія. Новый свѣтъ озарилъ умъ его, и безъ того недовольствовавшійся тогдашнимъ сухимъ школьнымъ богословіемъ. Всею душою полюбилъ онъ священное писаніе и духъ его, прорываясь сквозь узы схоластики, неразвлеченный еще заботами житейскими, пламенно сталъ искать рѣшенія высочайшихъ вопросовъ объ отношеніи человѣка къ Богу, Бога къ міру и человѣку. Между тѣмъ, какъ онъ съ жаромъ занимался этими вопросами, его начали тревожить, во первыхъ, воля отца, требовавшаго, чтобы онъ изучалъ право и сдѣлался правовѣдомъ, во-вторыхъ, духовныя сомнѣнія. Лютеръ представлялъ себѣ Бога только судьею и мстителемъ, онъ думалъ, что грѣхи, которые онъ сознавалъ въ своей природѣ, бу-

дутъ наказаны муками ада и что примириться съ Богомъ можно посредствомъ поста, умерщвленія плоти и тяжелаго труда. Въ 1505 году, уже магистръ философіи, возвращался онъ однажды изъ отцовскаго дома въ Эрфуртъ, волнуемый борьбою между собственнымъ призваніемъ и волею отцовскою. На дорогѣ застигла его страшная буря, онъ зашелъ къ одному изъ своихъ друзей и увидѣлъ его бездыханный трупъ. Духъ Лютера, волнуемый сомнѣніями, представлявшій себѣ Бога въ видѣ неумолимаго карателя и судьи, сильно потрясенъ былъ внезапною смертію друга. Вдругъ молнія падаетъ около него; Лютеръ, какъ бы увидѣлъ предъ собою Бога гнѣва и мщенія, падаетъ ницъ и въ ужасѣ даетъ обѣтъ монашества, если будетъ спасенъ. Съ этой поры онъ думалъ только объ исполненіи обѣта и принялъ монашество въ августинскомъ монастырѣ въ Эрфуртѣ. Въ монастырѣ его ждали новыя испытанія: его преслѣдовала ненависть и насмѣшки завистливыхъ и невѣжественныхъ монаховъ, его преслѣдовало собственное убѣжденіе въ своей грѣховности. Онъ мучилъ себя постомъ, бдѣніемъ, истязаніями. Все было напрасно: Лютеръ едва не впалъ въ духовное отчаяніе, пока одинъ старикъ августинецъ не указалъ ему выходъ въ словахъ: „праведный отъ вѣры живъ будетъ". Такъ выработался въ Лютерѣ основной догматъ его ученія объ оправданіи посредствомъ вѣры. Генералъ августинскаго ордена Штаупицъ вызвалъ его профессоромъ философіи, а потомъ богословія, въ новооснованный курфирстомъ саксонскимъ виттенбергскій университетъ. Здѣсь своими лекціями и проповѣдями, Лютеръ пріобрѣлъ себѣ общую славу и уваженіе; отсюда ѣздилъ въ Римъ по дѣламъ своего ордена, видѣлъ лично папу Льва X и развратъ италіянскаго духовенства. По возвращеніи изъ Рима, въ 1517 году Лютеръ начинаетъ дѣйствовать.

2) *Споръ объ индульгенціяхъ и постепенное отпаденіе Лютера отъ старой церкви.* Левъ X, тогдашній папа, происходя изъ фамиліи Медичи, былъ вѣренъ тому направленію, которымъ обезсмертила себя въ исторіи эта фамилія: подобно своимъ великимъ предкамъ, онъ покровительствовалъ наукѣ и искусству. Для окончательной постройки храма св. Петра нужны были огромныя суммы, превосходившія обыкновенные доходы римскаго двора. Папа прибѣгнулъ къ нечистому источнику—къ продажѣ *индульгенцій*, или письменныхъ отпущеній грѣховъ прошедшей, настоящей и будущей жизни человѣка. Продажа была поручена папою курфирсту майнцскому, архіепископу Альбрехту, впавшему въ неоплатные

долги. Альбрехтъ, желая выручить денегъ и для себя, возложилъ продажу на человѣка безнравственнаго, но умѣвшаго продать товаръ лицемъ, на доминиканскаго монаха *Тецеля,* у котораго индульгенціи получили характеръ въ высшей степени скандальный и отталкивающій. Гдѣ ни являлся Тецель, тотчасъ открывалъ что-то въ родѣ аукціона на отпущеніе грѣховъ. Всѣ его проповѣди были на одну тему: „Sobald das Geld im Kasten klingt, sobald die Seele in dem Himmel springt". Лютеръ былъ возмущенъ наглостію продажи, страшнымъ цинизмомъ ея. Сначала онъ возсталъ противъ нея въ своихъ проповѣдяхъ, просилъ Альбрехта остановить дерзость Тецеля; но когда это не помогло, онъ торжественно, 31-го октября 1517 г., прибилъ къ дверямъ собора виттенбергскаго свои 95 тезисовъ, или положеній. Въ этихъ тезисахъ онъ нападалъ на злоупотребленія индульгенціями и отрицалъ ученіе римской церкви объ оправданіи, утверждая, что человѣкъ испорченъ отъ природы такъ, что никакія дѣла, никакія заслуги не могутъ спасти и оправдать его предъ Богомъ; можетъ оправдать только одна вѣра.

Возстаніе Лютера произвело сильное впечатлѣніе въ Германіи. Князья, рыцари и духовенство, вольные города, университеты раздѣлились на партіи. Виттенбергскій университетъ сталъ за Лютера, эрфуртскій сталъ противъ него. Между Лютеромъ и приверженцами католицизма началась война на бумагѣ. Противъ его тезисовъ написаны были опроверженія; онъ не оставилъ ихъ безъ отвѣта: писалъ много, писалъ сильно и съ убѣжденіемъ, а книгопечатаніе распространяло быстро его идеи. Большая часть сѣверной Германіи принимала его сочиненія съ жаромъ и одобреніемъ. Курфирстъ саксонскій Фридрихъ Мудрый открыто сталъ покровительствовать славному профессору своего университета. Лютеръ нашелъ себѣ друзей и приверженцевъ въ Меланхтонѣ и Карлштадтѣ. *Филиппъ Меланхтонъ* (Schwarzerde), профессоръ еврейской и греческой словесности, своимъ ровнымъ, спокойнымъ характеромъ и глубокими знаніями много помогъ Лютеру совершить дѣло реформы. Прозванный „учителемъ Германіи", онъ, по отзыву самого реформатора, былъ сѣятелемъ на той почвѣ, которую взбороздилъ Лютеръ. *Карлштадтъ*, напротивъ, своею пылкостію и фанатизмомъ болѣе вредилъ реформѣ, чѣмъ приносилъ ей пользы, и потому Лютеръ съ нимъ скоро разошелся. Сильнѣйшимъ врагомъ Лютера былъ *Іоаннъ Эккъ*, профессоръ ингольштадтскаго университета, умный и ловкій діалектикъ. Папа Левъ X не принималъ рѣшительныхъ мѣръ, отчасти по безпечности, а отчасти потому,

что лично уважалъ Лютера, сознавалъ справедливость его нападеній и видѣлъ испорченность римскаго духовенства. Три года прошло въ спорахъ; Германія уже сильно волновалась, и папа увидѣлъ, что надо принять мѣры. Онъ послалъ своего легата *Томаса Каэтана*, поручивъ ему убѣдить Лютера отказаться отъ возстанія противъ Рима. Каэтанъ своею надменностью и угрозами не только не уладилъ дѣла, но заставилъ Лютера дѣйствовать рѣшительнѣе: послѣ свиданія съ Каэтаномъ въ Аугсбургѣ, Лютеръ подалъ протестъ къ папѣ, впрочемъ долго еще не разрывалъ союза съ римскою церковью и говорилъ, что онъ повинуется ей, желая только искоренить злоупотребленія. Папа еще разъ думалъ окончить дѣло мирно, и дѣйствительно посланный имъ въ Германію кардиналъ *Мильтицъ* кротостью успѣлъ обезоружить Лютера: онъ обѣщалъ ничего не писать противъ римской церкви и молчать, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы и его противники молчали. Однакожъ дѣло этимъ не кончилось: сильнѣйшій противникъ Лютера Эккъ вызвалъ его друга Карлштадта на публичный диспутъ о дѣлахъ вѣры въ Лейпцигъ. Лютеръ самъ принялъ вызовъ. Диспутъ кончился тѣмъ, что каждая партія приписывала себѣ побѣду, что Лютеръ принужденъ былъ публично высказать свое сочувствіе къ Гуссу, еще сильнѣе сталъ писать противъ злоупотребленій и, съ каждымъ сочиненіемъ, все болѣе и болѣе отступалъ отъ старой церкви. Папа, наконецъ, потребовалъ, чтобы Лютеръ явился на судъ въ Римъ и чтобы курфирстъ выслалъ его изъ своихъ владѣній. Курфирстъ, послѣ нѣкотораго колебанія, отказалъ выдать своего профессора, и Лютеръ окончательно разорвалъ всякій союзъ съ Римомъ, назвалъ римскую церковь новымъ Вавилономъ, а папу—антихристомъ. Тогда Левъ издалъ буллу объ отлученіи еретика Лютера отъ церкви, начинавшуюся словами: „Возстань Господи и суди дѣло Твое!“ Лютеръ, при торжественномъ собраніи народа, 9-го мая 1520 г., въ Виттенбергѣ сжегъ папскую буллу и каноническое право. Этимъ поступкомъ Лютеръ смѣло бросалъ вызовъ всему католическому міру: „жребій былъ брошенъ“, говорилъ У. фонъ-Гуттенъ: „воротиться назадъ уже было невозможно, надо было идти впередъ“.

Много помогло Лютеру и то, что, при началѣ возстанія его, умеръ императоръ Максимиліанъ и, до избранія новаго императора, Германіею управлялъ покровитель Лютера—курфирстъ саксонскій Фридрихъ Мудрый, бывшій въ числѣ кандидатовъ на императорскую корону. При самомъ избраніи новаго императора, Фрид-

рихъ отказался въ пользу Карла, внука Максимиліана и Фердинанда Католика, и отдалъ ему свой голосъ, имѣвшій столько вѣса у князей, что рѣшилъ дѣло выбора. Съ избраніемъ въ императоры *Карла V* (какъ король испанскій онъ считался Карломъ I), въ Европѣ явился государь, съ которымъ по могуществу не могли сравниться всѣ прочіе владѣтели: онъ владѣлъ коронами императора римскаго, короля германскаго, испанскаго, неаполитанскаго, сицилійскаго, нидерландскаго и наконецъ, короля новооткрытаго Колумбомъ міра. Самыя свѣтлыя надежды возлагала Германія на своего молодаго императора: лучшіе люди того времени отъ него ожидали тѣхъ реформъ церковныхъ и государственныхъ, въ которыхъ такъ нуждалась тогдашняя Германія. Гуманисты старались всѣми силами расположить общественное мнѣніе въ пользу императора. „По латини писалъ я до сихъ поръ", говоритъ У. фонъ-Гуттенъ въ своей жалобѣ на папское насиліе,—„теперь взываю я къ своей отчизнѣ. Разсѣемъ туманъ, ослѣпляющій глаза германскаго народа: пусть ярко просіяетъ свѣтъ правды!" Но не сбылись эти надежды передовыхъ людей Германіи на своего императора, презиравшаго даже языкъ, на которомъ говорилъ народъ его. У выросшаго и воспитаннаго внѣ Германія Карла не лежало къ ней сердце; онъ имѣлъ иной планъ, заставившій его отречься отъ дѣла реформы. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы возвратить священной римской имперіи то значеніе и тотъ объемъ, какой она имѣла при основателѣ своемъ Карлѣ Великомъ, и, какъ царство свѣта съ двумя главами—свѣтскимъ (императоромъ) и духовнымъ (папою), устремить ее на борьбу и уничтоженіе магометанскаго царства тьмы—Оттоманской Порты. Для достиженія этой цѣли ему нужно было начать борьбу за Италію съ Франсуа I, королемъ французскимъ; а для борьбы необходимо было склонить папу на свою сторону. Да и могъ ли священный римскій императоръ возстать противъ католицизма?

Когда весною 1521 года Карлъ V собралъ свой первый имперскій сеймъ въ Вормсъ, то, только по настоятельному требованію германскихъ сословій, согласился пригласить на сеймъ и Лютера. Императоръ выдалъ ему охранную грамоту. Хотя смѣлому реформатору могла грозить на сеймѣ участь Гусса, не смотря на то, онъ съ неустрашимостью отправился туда. Путешествіе Лютера въ Вормсъ было настоящимъ торжествомъ; вся нація стремилась увидѣть и привѣтствовать человѣка, который отважился возстать противъ того, противъ кого боялись возставать сильные

владѣтели. 16-го апрѣля онъ прибылъ въ Вормсъ, и до глубокой ночи комната его была наполнена князьями, графами и рыцарями.

3. *Вормскій сеймъ и переводъ библіи.* 17 апрѣля открылось торжественное засѣданіе. Властительный Карлъ V, легатъ папскій, 6 курфирстовъ, уполномоченные отъ городовъ, множество другихъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ, ждали простаго монаха. Наконецъ, Лютеръ вошелъ. Ему предложили вопросъ, признаетъ ли онъ свои сочиненія за свои или отрицается отъ нихъ, какъ отъ еретическихъ? Долго говорилъ Лютеръ о своихъ убѣжденіяхъ и заключилъ такъ: „такъ какъ отъ меня требуютъ простаго, короткаго и вѣрнаго отвѣта, то да будетъ извѣстно всѣмъ и каждому, что я вѣрю Св. Писанію,—ни папѣ, ни собору не вѣрю: ибо доказано, что они могутъ ошибаться. И такъ, какъ моя совѣсть убѣждаетъ меня въ справедливости мною написаннаго, то я отречься отъ своихъ сочиненій не могу, затѣмъ, что говорить противъ совѣсти и опасно и низко. Вотъ мой отвѣтъ! другаго дать не могу. Да поможетъ мнѣ Богъ! Аминь!“ Увѣренность и жаръ, съ которыми говорилъ Лютеръ, произвели глубокое впечатлѣніе на его приверженцевъ и даже противниковъ. Одинъ хладнокровный, властительный характеромъ императоръ видѣлъ въ этой увѣренности дерзкое возстаніе монаха противъ религіи, исповѣдуемой имъ—императоромъ. Поэтому онъ выразилъ свое мнѣніе, что поступитъ съ дерзкимъ монахомъ какъ съ еретикомъ. Навѣрное можно было ожидать, что Лютеру грозитъ изгнаніе и, можетъ быть, того хуже—участь Гусса. Поэтому покровитель Лютера, курфирстъ саксонскій, тайно скрылъ его въ своемъ замкѣ *Вартбургѣ.* Здѣсь Лютеръ жилъ нѣсколько времени, скрываясь подъ именемъ и одеждою рыцаря; между тѣмъ распустили нарочно молву, что онъ погибъ.

Опасенія курфирста сбылись: когда большая часть князей, приверженныхъ къ Лютеру, уѣхали изъ Вормса, Карлъ съ остальными издалъ эдиктъ, которымъ Лютеръ, уже отлученный папою отъ церкви, былъ лишенъ покровительства законовъ и осужденъ на изгнаніе. Впрочемъ, этотъ вормскій эдиктъ не много повредилъ Лютеру, 1) потому, что курфирстъ скрывалъ реформатора въ Вартбургѣ, 2) потому, что тотчасъ послѣ вормскаго сейма императоръ дѣлами былъ отозванъ въ Испанію, а назначенное вмѣсто него правительство изъ князей не заботилось о приведеніи эдикта въ исполненіе, наконецъ, 3) потому, что папа Левъ X умеръ, а преемникъ его, суровый и строго нравственный Адріанъ VI

самъ понималъ и допускалъ необходимость преобразовать церковь и уничтожить злоупотребленія духовенства. Но между тѣмъ, какъ Адріанъ VI такою политикою возбудилъ въ себѣ ненависть кардиналовъ и мимо воли самъ какъ бы оправдывалъ дѣйствія реформаторовъ, новыя воззрѣнія утверждались болѣе и болѣе и пріобрѣтали многочисленныхъ приверженцевъ. Виттенбергскій университетъ сталъ средоточіемъ нѣмецкаго образованія, куда со всѣхъ сторонъ стекалась бойкая, любознательная молодежь. Поэты называли Лютера виттенбергскимъ соловьемъ, принесшимъ съ собою богатую надеждами весну, приверженцы его стали приводить его ученіе въ исполненіе и реформація изъ теоріи стала переходить въ дѣйствительную жизнь. Браки священниковъ, введеніе нѣмецкаго языка въ литургію, причащеніе подъ обоими видами, уничтоженіе монастырей раздѣлили окончательно приверженцевъ новой церкви отъ старой. Всѣ эти перемѣны въ религіозной жизни получили твердое основаніе, когда Лютеръ, во время пребыванія въ Вартбургѣ, началъ издавать свой знаменитый *переводъ Библіи на нѣмецкій языкъ* (выходившій съ 1522 по 1534 г.). Важный въ литературномъ отношеніи тѣмъ, что очистилъ и установилъ нѣмецкій языкъ, этотъ переводъ особенно важенъ въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ тѣмъ, что, при проповѣданной Лютеромъ свободѣ толковать Св. писаніе, онъ сдѣлался поводомъ къ появленію многихъ религіозно-соціальныхъ сектъ и послужилъ орудіемъ къ нападенію не только на римскую церковь, но и на весь современный порядокъ вещей. Реформація, какъ и всякій крутой переворотъ, не могла обойтись безъ появленія увлекавшихся въ крайности партій и безъ сильныхъ потрясеній. Проводить реформацію въ жизнь начали именно увлекавшіеся въ крайность люди, которые, отринувъ всякій авторитетъ, думали дѣйствовать *массами*, снизу, круто и разомъ. Они чуть не погубили дѣла, затѣяннаго Лютеромъ, хотя и были послѣдовательнѣе его. Еще во время пребыванія Лютера въ Вартбургѣ; нѣсколько экзальтированныхъ фанатиковъ-реформаторовъ, и въ томъ числѣ Карлштадтъ, основали новую секту *анабаптистовъ* или *перекрещенцевъ*, которая произвела страшное возмущеніе въ Виттенбергѣ. Возмущеніе это вызвало Лютера изъ его уединенія въ Вартбургѣ. Онъ явился въ Виттенбергъ и сильнымъ словомъ прекратилъ безпорядки, но не надолго. Религіозные и восторженные сектанты соеденили дѣло свое съ народнымъ, и страшный пожаръ обнялъ скоро всю Германію.

4) *Возстаніе рыцарей и крестьянскія войны* 1522—1525 (религіозно-соціальныя волненія въ Германіи). Реформація имѣла дѣло не съ однимъ только католицизмомъ, она коснулась всѣхъ сторонъ общественной жизни: ибо вмѣсто церкви, которая въ средніе вѣка подчиняла себѣ государство и человѣка, она ставила центромъ ново-европейской жизни государство, освобождала личность человѣка изъ-подъ опеки, такъ долго тяготѣвшей надъ нею. На реформацію возлагало надежды все общество въ Германіи: одни,—рыцари,—думали, опираясь на нее, воротить свое прежнее значеніе, свои феодальныя права и привиллегіи, на которыя посягали владѣтельные князья; другіе,—сельское крѣпостное населеніе Германіи,—думали, опираясь на ученіе о свободѣ евангельской, выйти изъ того безотраднаго состоянія, въ какомъ они находились въ средніе вѣка подъ игомъ дворянъ. И тѣ и другіе возстали, но и тѣ и другіе проиграли. Рыцари проиграли, потому что хотѣли воротить старину, которой именно и враждебна была реформація: они возстали слишкомъ поздно. Крестьяне проиграли, потому что реформаціи нужно было самой опираться на владѣтельныхъ князьяхъ; они возстали слишкомъ рано, когда общество не вполнѣ еще было подготовлено къ новой жизни.

Предводителями отсталыхъ интересовъ *рыцарства* явились: настоящій рыцарь кулачнаго права, не признававшій иного закона, кромѣ меча своего, хотя и благородная натура—*Францъ фонъ-Зикингенъ* и знаменитый рыцарь-гуманистъ *Ульрихъ фонъ-Гуттенъ*, другъ его, авторъ „Писемъ темныхъ людей“. Негодуя на то, что въ верховномъ совѣтѣ, который учредилъ Карлъ V для управленія имперіею въ свое отсутствіе, рыцарство не имѣло своихъ представителей, рейнскіе рыцари, по внушенію Зикингена, составили союзъ на 6 лѣтъ. Они обязались признавать надъ собою судъ только своихъ собратій, въ противномъ случаѣ идти вооруженною рукою на обидчика. Подъ предлогомъ, что духовные князья мѣшаютъ очищенію церкви и дѣлу вѣры, Зикингенъ въ 1522 году, предводя массами рыцарей, напалъ на владѣнія архіепископа трирскаго, призывалъ къ союзу города, неимѣвшіе также представителей въ верховномъ совѣтѣ, звалъ въ станъ свой и Лютера, желая соединить съ своимъ предпріятіемъ народное имя реформатора. Но города не довѣряли рыцарямъ, а Лютеръ, очень хорошо понимая, что, вооруживъ уже противъ себя императора, онъ можетъ теперь вооружить и территоріальныхъ князей—послѣднюю опору своего дѣла, отказалъ. Сначала имперскій сеймъ думалъ

увѣщательными грамотами отклонить Зикингена отъ возстанія. Но Зикингенъ отвѣчалъ, что не признаетъ суда имперскаго и думаетъ дать имперіи новую конституцію, что собственный судъ его заключается въ карабинахъ и копьяхъ. Тогда князья составили союзъ и, подъ предводительствомъ Филиппа, ландграфа гессенскаго, и Георга, герцога саксонскаго, заставили Зикингена оставить Триръ и стѣснили его въ собственномъ его замкѣ. Истощивъ всѣ средства къ защитѣ, обманутый въ своихъ несбыточныхъ надеждахъ на пособіе массъ народныхъ, смертельно раненый Зикингенъ сдался на капитуляцію. Когда вошли подъ своды его полуразрушеннаго замка князья германскіе, онъ боролся уже со смертью. „Я отдамъ отчетъ въ своихъ поступкахъ предъ Тѣмъ, Кто выше всѣхъ насъ!“ отвѣчалъ онъ на упреки князей и началъ отходить. Капелланъ произнесъ отходную и поднялъ надъ нимъ Св. дары. Князья обнажили головы и преклонили колѣна: въ это время отошелъ въ вѣчность Зикингенъ, послѣдній представитель феодальнаго рыцарства; князья молились за упокой души его... Другъ его Ульрихъ фонъ-Гуттенъ бѣжалъ въ Швецарію и, чрезъ нѣсколько времени, умеръ вдали отъ родины и друзей, отвергнутый однимъ изъ поборниковъ новаго движенія —Эразмомъ, нравствнно и физически разбитый. Феодальное рыцарство окончательно проиграло свое дѣло: оно было уже анахронизмомъ.

Поднялись *крестьяне*. Въ теченіи среднихъ вѣковъ крестьяне и обыватели маленькихъ городковъ южной Германіи были въ самомъ безотрадномъ состояніи. Работы въ пользу господъ (барщина), налоги, которыми ихъ обременяли господа, и духовные и свѣтскіе, и жестокость, съ которою налоги эти были собираемы, все это давно уже питало въ крестьянахъ сильное негодованіе*). Реформація раздула это негодованіе. Восторженные проповѣдники анабаптизма и евангельской свободы, изгнанные изъ Виттенберга, вербуя себѣ послѣдователей, являлись среди угнетеннаго сельскаго населенія и, указывая голоднымъ и угнетеннымъ на замки, роскошь и разгулъ угнетателей, обѣщали какое то евангельское равенство. „Къ намъ всѣ труженники и угнетенные!“ восклицали они, и крѣпостной брался за топоръ, молотъ и дреколья и шелъ на разореніе замковъ, при пѣніи ветхозавѣтныхъ гимновъ. Возмущеніе обняло всю Германію. Въ одно и то же время (1525 г.) въ различныхъ частяхъ Германіи вспыхнула большая крестьянская война. Начало

*) См. Курсъ ист. сред. вѣковъ, стр. 235 (изд. 5-е).

ей было положено въ Швабіи. Здѣсь крестьяне начали возставать противъ своихъ господъ, грабить замки и монастыри. Понимая и толкуя по своему слова Евангелія о братской любви между христіанами и, изъ того, что Спаситель пострадалъ одинаково за всѣхъ людей, выводя, что всѣ должны быть равны, они составили 12-ть крестьянскихъ требованій, въ которыхъ домогались совершенной свободы отъ повинностей и общаго пользованія землею. Это прошеніе они представили на утвержденіе Лютеру. Лютеръ, реформаторъ, но не революціонеръ, старался примирить крестьянъ съ господами и, въ своемъ увѣщаніи князьямъ, дворянству и крестьянамъ, совѣтывалъ первымъ сдѣлать нѣкоторыя уступки, а крестьянамъ приказывалъ смириться. Но крестьяне не смирились. Тогда правительство Швабіи должно было послать противъ нихъ войско. Открылась война, въ которой обѣ партіи дѣйствовали съ ужаснымъ ожесточеніемъ. Дворяне безъ пощады губили крестьянъ: одинъ маркграфъ приказалъ вырвать глаза 85-ти крестьянамъ, сказавшимъ, что они не желаютъ болѣе его видѣть; крестьяне мстили страшно: „кровь дворянъ за кровь крестьянъ!“ стало общимъ ихъ лозунгомъ. Особенно пострадалъ городъ Вейнсбергъ, гдѣ крестьяне замучили графа Гельфенштейна, его семейство и множество дворянъ. Выведенный изъ себя волненіями крестьянъ, Лютеръ, въ своемъ сочиненіи противъ разбойниковъ и убійцъ крестьянъ, объявилъ, что каждый христіанинъ обязанъ сражаться съ крестьянами и умерщвлять ихъ, какъ бѣшеныхъ собакъ. Между тѣмъ крестьяне, предводимые рыцарями *Флоріаномъ Іейеромъ* и *Гецъ-Фонъ-Берлихингеномъ*, наводнили кровію всю Швабію, Эльзасъ и Франконію. Наконецъ, князьямъ удалось раздѣлить ихъ силы и разбить ихъ. Мщеніе заступило мѣсто справедливости. Дворяне поступали не лучше крестьянъ: множество плѣнныхъ было повѣшено по дорогамъ, другіе погибли въ страшныхъ мученіяхъ. Та же участь постигла народъ, возставшій въ Тюрингіи. Здѣсь фанатикъ *Мюнцеръ*, препоясавшись мечемъ Гедеона, „проповѣдуя равенство всѣхъ состояній и общія имѣнія въ этой жизни, а въ будущей непремѣнное царство Божіе“ каждому изъ своихъ послѣдователей, возмутилъ народъ противъ правительствъ. „Приближается царство Божіе. Не повиноваться князьямъ должны вы теперь, но избивать и сожигать ихъ. Отнынѣ не будетъ уже князей и подданныхъ, знатныхъ и простолюдиновъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Всѣ равны будутъ другъ другу“. Такъ проповѣдывали разосланные имъ фанатики пророки. Грабежами и убійствами отозвался

народъ на эту проповѣдь. Мюнцеръ долго держался противъ усилій князей (въ г. Мюльгаузенѣ), наконецъ, былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ, и, послѣ мучительныхъ истязаній, казненъ. Усмиреніе крестьянъ стоило много крови: 50,000 человѣкъ погибли въ эти войны, цѣлыя области опустѣли, возрождавшаяся промышленность снова остановилась. Сельское населеніе обложено было еще тягчайшими налогами, и поземельные собственники съ злобною ироніею пародировали слова Ровоама: „отецъ мой наказа вы ранами, азъ же накажу вы скорпіонами“ (1525).

Впрочемъ, ученіе Мюнцера и анабаптистовъ не погибло: черезъ 10 лѣтъ оно успѣло изъ Нидерландовъ проникнуть въ Вестфалію, гдѣ соединило свое дѣло уже не съ сельскимъ населеніемъ, но съ интересами городской *цеховой демократіи*, которая враждовала съ аристократіею и духовенствомъ. Два фанатика *Янъ Матизенъ* (хлѣбникъ изъ Лейдена) и товарищъ его (портной изъ Лейдена) *Іоаннъ Боккольдъ*, опираясь на ремесленникахъ, низвергли городское управленіе и учредили сначала духовную республику съ общеніемъ имуществъ; а потомъ Іоаннъ Боккольдъ обратилъ ее въ „сіонское царство“, и самъ, подъ именемъ „царя новаго Израиля“, возсѣлъ на „престолъ Давида“. Управленіе его представляло дикую смѣсь тиранства и распутства съ религіозною восторженностью. Послѣ долгаго сопротивленія, Мюнстеръ былъ взятъ войсками князей и епископа, а Боккольдъ—вмѣстѣ съ главными зачинщиками, преданъ самой мучительной казни. Со смертію его крайнія революціонныя начала реформаціи кончили свою роль въ Германіи.

5) *Распространеніе реформаціи посредствомъ мѣстныхъ властей и попытки къ соглашенію церквей* (религіозно-политическія партіи и реформы 1525—1546). Фанатическіе послѣдователи реформы едва не погубили дѣла реформы: враги ея съ злорадствомъ указывали на Лютера, какъ на виновника волненій, нерѣшительные друзья ея стали колебаться и грустно и мнительно смотрѣли на Лютера. Самъ онъ, богословъ по преимуществу и, сверхъ того, нѣмецкій кабинетный богословъ, не предвидѣлъ всѣхъ слѣдствій осуществленія въ дѣйствительной жизни проповѣданнаго имъ начала свободнаго изслѣдованія. Теперь, наученный опытомъ, онъ рѣшился лучше быть непослѣдовательнымъ, чѣмъ погубить все задуманное имъ дѣло. Императорская (центральная) власть была враждебна ему; онъ рѣшился искать опоры въ владѣтельныхъ князьяхъ (территоріальныхъ властяхъ) и потому,

со времени крестьянских войнъ, въ сочиненіяхъ своихъ ясно определяетъ цѣль реформы. Ограничивая ее освобожденіемъ Германіи отъ ига старой церкви и отрицая духовный авторитетъ, онъ признаетъ во всей силѣ свѣтскій авторитетъ и подчиняетъ мѣстныя церкви мѣстнымъ государственнымъ властямъ. „Разсудокъ говоритъ тебѣ, что 2+5=7, проповѣдывалъ онъ: не если начальство скажетъ тебѣ, что 2+5=8, ты доженъ ему вѣрить противъ собственнаго чувства и убѣжденія". Вслѣдствіе этого, оттолкнувъ отъ себя рыцарей и крестьянъ, Лютеръ перестаетъ быть героемъ народныхъ массъ и дѣлается любимцемъ князей и государей; реформаторъ защищаетъ божественное происхожденіе ихъ власти, а они защищаютъ и вводятъ у себя его ученіе. Въ рукахъ этихъ покровителей реформація шибко распространяется и получаетъ характеръ *политическій*, какъ возстаніе территоріальныхъ (мѣстныхъ) владѣтелей Германіи противъ центральной власти католическаго императора. Въ теченіи 5 лѣтъ послѣ вормскаго эдикта, новая церковь изъ Виттенберга, своей метрополіи, шла радіусами, во всѣ стороны Германіи, но успѣшнѣе всего на сѣверѣ и востокѣ ея. Первый изъ князей отложился отъ Рима *Альбрехтъ бранденбургскій*, гроссмейстеръ тевтонскаго ордена, который, принявъ лютеранизмъ, обратилъ въ свѣтское герцогство *Пруссію*, составлявшую прежде духовный ленъ ордена. Вслѣдъ затѣмъ лютеранская церковь правильно введена была въ *курфиршествѣ саксонскомъ* преемникомъ Фридриха Мудраго, Іоанномъ*), и въ *ландграфствѣ гессенскомъ* Филиппомъ Великодушнымъ; а за этими князьями потянулось еще нѣсколько мелкихъ князей сѣверной Германіи и *14 вольныхъ городовъ*. Куда не проникало церковное преобразованіе, вездѣ почти закрывались опустѣвшіе монастыри, а монастырскія имущества секуляризировались, т. е. обращались во владѣніе государей и дворянства, а частію употреблялись на жалованье пасторамъ, заведеніе училищъ, болницъ и т. п. Лютеръ, своими большимъ и малымъ катехизисами, а Меланхтонъ краткимъ руководствомъ для евангелическихъ священниковъ, положили начало единообразному вѣроученію и церковному устройству**).

---

*) Курфиршестомъ саксонскимъ владѣла старшая линія Веттинскаго дома—Эрнестинская, отличавшаяся привязанностію къ новой церкви, а герцогствомъ саксонскимъ младшая—Альбертинская, привязанная къ католицизму.

**) Отличительные догматы лютеранизма были въ сущности слѣдующіе: 1) Вѣроученіе. Одно священное писаніе, при свободномъ его изученіи и объясненіи, составляетъ источникъ вѣры; всѣ церковныя положенія, несогласныя съ прямыми и ясными словами Библіи, не

Въ то время, когда новая церковь, опираясь на мѣстныхъ свѣтскихъ властяхъ, распространялась по сѣверной и восточной Германіи изъ центра ея, другая, нѣсколько отклонившаяся отъ лютеранизма вѣтвь этой же церкви, основана была въ Швейцаріи и пустила отъ себя ростки въ южную Германію. Основатель ея былъ *Ульрихъ Цвингли* (1484-1531), классически образованный, отличавшійся ясностью разсудка и прямотою души богословъ. Подобно Лютеру и одновременно съ нимъ, онъ былъ наведенъ на мысль о реформѣ чтеніемъ подлиннаго текста библіи, подобно ему возставалъ противъ власти папъ и особенно противъ индульгенцій. Но, во-первыхъ, онъ не ограничился, подобно Лютеру, реформою религіозною, а соединилъ съ нею реформу общественную, во-вторыхъ, былъ гораздо радикальнѣе Лютера и въ церковномъ преобразованіи. Въ швейцарскихъ кантонахъ въ 1519 году, когда началъ дѣйствовать Цвингли, было двѣ партіи: *иноземная*, состоявшая изъ аристократовъ и прелатовъ, поощрявшихъ обычай наниматься въ военную службу къ иноземнымъ государямъ и получавшая отъ нихъ за это пенсіи, и *національная*, состоявшая изъ простыхъ горожанъ и низшаго духовенства и возстававшая противъ этого торга христіанскою кровію. Цвингли принадлежалъ къ по-

---

имѣютъ обязательной силы. Только вѣра имѣетъ силу благодати, а не добрыя дѣла. Изъ таинствъ лютеранство оставило только два:—крещеніе и соединенную съ покаяніемъ и отпущеніемъ грѣховъ евхаристію. Между Богомъ и человѣкомъ единственный посредникъ Іисусъ Христосъ. 2) Богослуженіе. Мѣсто латинской (символической) мессы заступило простое нѣмецкое богослуженіе съ проповѣдью, молитвою и пѣніемъ, а разноцвѣтныя ризы священнослужителей замѣнены однообразною черною мантіей, Св. причастіе предлагалось вѣрнымъ въ обоихъ видахъ, отпущеніе грѣховъ совершалось безъ устной исповѣди; при томъ отмѣнено было множество обрядовъ, число праздниковъ ограничено, отмѣнены также разнаго рода обѣты, посты, богомольныя странствованія, вклады и раздача милостыни, почитаніе св. мощей и чудотворныхъ иконъ, церковные ходы и проч. 3) Клиръ и строеніе церковное. Съ отверженіемъ папскаго главенства и законовъ каноническихъ рушились всѣ средневѣковые уставы и учрежденія, которые на нихъ основывались. Постановлено, что всѣ христіане имѣютъ равное право быть священниками; а назначеніе ихъ на мѣста предоставили отчасти государству, отчасти самимъ общинамъ. Для надзора за церковнымъ порядкомъ и для поставленія (чрезъ простое рукоположеніе) клириковъ, назначены были деканы, суперинтенденты и консисторіи, а всѣ іерархическіе разряды римскаго духовенства, какъ то званія кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ и проч., были совсѣмъ устранены. По отмѣнѣ каноническихъ законовъ, временная власть и особый судъ духовенства перешли къ государству, такъ что клирики, подобно всѣмъ прочимъ гражданамъ, сдѣлались подданными и служащими правительства, должны были подлежать свѣтскимъ судамъ и законамъ и лишились всѣхъ своихъ исключительныхъ правъ.

слѣдней партіи: онъ возставалъ противъ иноземныхъ поѣдателей кронъ (Kronfresser), старался преобразовать нравы и ввести въ союзныхъ кантонахъ общинное управленіе церковью и отрицалъ въ римскомъ вѣроученіи все то, чего нельзя было доказать прямо изъ библіи. На этомъ основаніи онъ отринулъ всю эстетическую, обрядовую часть въ церкви (иконы, звонъ, музыку, праздники, кресты, свѣчи, алтари) и видѣлъ простой символъ тамъ, гдѣ Лютеръ видѣлъ догматъ (ученіе объ евхаристіи). Преобразованія свои Цвингли ввелъ прежде всего въ Цюрихѣ, потомъ они введены были въ Базелѣ, Бернѣ и другихъ кантонахъ. Но четыре первобытные кантона (Ури, Швицъ, Унтервальденъ и Луцернъ), гдѣ поставка наемниковъ составляла очень доходную статью и гдѣ монахи имѣли болѣе сильное вліяніе на патріархальныхъ, уединенныхъ горами отъ сближенія съ сосѣдями горцевъ,—возстали на защиту старой церкви и старой конституціи. Дѣло дошло до кровопролитія. Горные кантоны въ расплохъ напали на въ четверо слабѣйшія войска Цюриха и нанесли имъ совершенное пораженіе при *Каппелѣ* (1541). Въ битвѣ палъ горячій патріотъ Цвингли: враги, наругавшись надъ его трупомъ, сожгли его и развѣяли прахъ по вѣтру*). По смерти Цвингли война кончилась миромъ, по которому каждому кантону предоставлена была свобода вѣроисповѣданія. Гораздо шире было дѣйствіе реформы *Кальвина*, которая имѣла центръ въ *Женевѣ* и отсюда пошла во Францію, Нидерланды и Германію. (Объ ученіи Кальвина см. въ исторіи Франціи).

Такимъ образомъ двѣ реформы изъ центра Германіи и съ юга ея шли всѣ далѣе и далѣе, отторгая одну часть Германіи за другою отъ духовной власти Рима. Видя такое распространеніе новыхъ церквей, католическіе германскіе князья соединились для защиты старой церкви въ политическо-религіозный союзъ (въ Регенсбургѣ). Въ свою очередь лютеранскіе князья составили также союзъ (въ Торгау). Католики сильно надѣялись на отсутствующаго императора Карла V, занятаго борьбою въ Франсуа I и его союзниками. Но религіозное расположеніе Карла въ то время зависѣло отъ политическихъ соображеній и хода военныхъ дѣйствій. Такъ,

---

*) Покрытый ранами Цвингли лежалъ на полѣ битвы. Одинъ католическій ратникъ сталъ предъ нимъ на колѣни и крикнулъ ему на ухо: „когда вѣруешь въ папу, то живи!“ Но обезсилѣвшій отъ ранъ Цвингли вдругъ приподнялся и твердо сказалъ: „я вѣрую въ Бога!„—„Такъ умри!“ возразилъ католикъ и закололь мечемъ реформатора.

когда папа Климентъ VII вступилъ въ союзъ съ Франсуа I, то раздраженный Карлъ изъявилъ намѣреніе отмѣнить вормскій эдиктъ; а собранный въ то же время сеймъ въ Шпейерѣ (1526) предоставилъ каждому поступать въ религіозныхъ дѣлахъ, какъ велитъ ему совѣсть. Но когда императоръ помирился съ папою, то на *второмъ сеймѣ въ Шпейерѣ* (1529), католики, ожидая скораго возвращенія Карла V, большинствомъ голосовъ рѣшили: 1) просить у императора созванія общаго собора для уничтоженія религіознаго раскола, 2) дозволить лютеранамъ исповѣдовать новое ученіе до созванія этого собора, но „строго имъ запретить далѣе распространять и проповѣдывать его“.

Всѣ принявшіе новое ученіе, *протестовали* противъ втораго пункта этого рѣшенія, отъ чего и получили названіе *пртестантовъ.* Императоръ сдѣлалъ строгій выговоръ депутатамъ, представившимъ ему этотъ протестъ, и рѣшился поспѣшить своимъ пріѣздомъ въ Германію.

Карлъ V, со времени удаленія изъ Германіи послѣ вормскаго сейма, былъ вовлеченъ въ столь разнообразныя и важныя занятія, что не могъ долго обращать вниманія на реформацію и потому-то она такъ быстро распространялась. Сначала Карлъ долженъ былъ усмирить возстаніе недовольныхъ городовъ въ Испаніи, а когда усмирилъ ихъ, то вступилъ въ войну съ королемъ французскимъ Франсуа I. Войну эту онъ велъ удачно: сначала самъ Франсуа, а потомъ его союзникъ—папа Климентъ VII попались къ Карлу въ плѣнъ, войска императора ограбили Римъ, и Карлъ, помирясь съ папою, совершенно подчинилъ своему вліянію Италію. Между тѣмъ, какъ счастіе вездѣ благопріятствовало Карлу V, братъ его Фердинандъ I, получившій въ наслѣдство Богемію и Венгрію, былъ несчастливъ въ войнѣ съ славнымъ султаномъ турецкимъ, Солиманомъ II Роскошнымъ, который разбилъ Фердинанда и проникъ въ австрійскія владѣнія до самой Вѣны. Узнавъ объ этомъ, императоръ поспѣшилъ въ Германію, чтобы прекратить религіозные споры и направить всѣ силы Нѣмцевъ противъ Турокъ.

Для прекращенія религіознаго раскола былъ созванъ *сеймъ въ Аугсбургѣ.* Сеймъ этотъ имѣетъ великое значеніе въ исторіи реформаціи. Здѣсь уже не одинъ смѣлый монахъ является, какъ подсудимый, оправдывать свое ученіе, но цѣлая половина Германіи является защитить составленное для нея Меланхтономъ исповѣданіе лютеранской вѣры (Augsburgische Confession) и требовать

его признанія. Послѣ долгихъ преній, католики почти согласились въ ученіи о догматахъ, но требовали, чтобы протестанты приняли старые католическіе обряды и іерархію. Императоръ, видя что переговорами не примирить партій, издалъ эдиктъ, въ которомъ съ угрозами приказывалось протестантамъ примириться съ католиками въ назначенный срокъ. Но новое ученіе такъ глубоко уже пустило свои корни, что угрозы императора, вмѣсто повиновенія, заставили только протестантовъ соединиться между собою для защиты своего вѣроисповѣданія. Они составили въ 1531 г. *Шмалькальденскій союзъ*, подъ предводительствомъ *Іоанна Фридриха*, курфирста саксонскаго, и *Филиппа*, ландграфа гессенскаго, и рѣшились въ религіозныхъ дѣлахъ отражать силу силою. Лютеръ подкрѣпилъ ихъ рѣшимость написаннымъ въ это время гимномъ: „Твердыня крѣпкая—нашъ Богъ“ (Der feste Burg ist unser Gott!)

Видя, что угрозами ничего не сдѣлаетъ, и нуждаясь въ содѣйствіи цѣлой Германіи для отраженія Турковъ; императоръ заключилъ съ протестантами религіозный миръ въ Нюрнбергѣ, которымъ имъ предоставлена была полная свобода вѣры и обѣщено созваніе въ непродолжительномъ времени общаго собора. Протестанты въ благодарность оказали императору самое усердное содѣйствіе въ войнѣ съ Турками. Но религіозный миръ не долго продолжался. Ослѣпленные уступками Карла V шмалькальденцы все болѣе и болѣе распространяли лютеранизмъ и начали распоряжаться въ имперіи явно въ ущербъ императорской власти. Наконецъ, управясь съ Турками, императоръ созвалъ соборъ въ *Тридентѣ* (1545 г.), котораго строго-католическихъ опредѣленій протестанты опять не признали: тогда императоръ рѣшился прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ. Ни французы, ни Турки уже не грозили ему опасностью, въ протестантахъ онъ нужды уже не имѣлъ и рѣшился поступить съ ними, какъ глава священной римской имперіи. Но желая бить навѣрное, онъ наружно ласкалъ предводителей шмалькальденскаго союза, а въ тайнѣ 1) заключилъ союзъ съ папою, который обѣщалъ ему субсидіи: 2) склонилъ на свою сторону энергичнаго, умнаго и честолюбиваго протестанта, *Морица саксонскаго*, обязавшись ему не трогать религіозныхъ убѣжденій его единовѣрцевъ, но только наказать ихъ, какъ нарушителей германской конституціи, и сверхъ того передать ему курфиршескій санъ и владѣнія эрнестинской саксонской династіи; 3) наконецъ, императоръ придвинулъ испанскія войска изъ Нидер-

ландовъ къ границамъ имперіи. Когда все было готово, онъ на сеймѣ въ Регенсбургѣ потребовалъ у князей принять опредѣленія собора. Уполномоченные шмалькальденскаго союза почтительно на это возразили, требуя созванія національнаго собора. Карлъ отвѣтилъ презрительнымъ смѣхомъ, и въ этомъ смѣхѣ, никогда не смѣявшагося императора — протестанты угадали его тайну. Папа еще болѣе обнаружилъ ее, проповѣдуя крестовый походъ противъ еретиковъ. Шмалькальденцы взялись за оружіе. Началась первая религіозная война, породившая потомъ цѣлый рядъ страшныхъ войнъ на цѣломъ западѣ Европы. Лютеру не суждено было видѣть кровопролитія, возбужденнаго его ученіемъ: предъ самымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, 18-го февраля 1546 г. онъ скончался въ родномъ городкѣ Эйслебенѣ. Въ послѣднія минуты жизни, когда отходилъ духъ его, одинъ изъ друзей спросилъ его, убѣжденъ ли онъ въ истинѣ того, чему училъ? Лютеръ уже полуостывшій, твердо и ясно сказалъ: „да". Это было послѣднее слово его*).

6. *Религіозно-политическая война съ протестантами* (1546—1555). Какъ ни рѣшительно протестанты взялись за оружіе, не смотря на то, начальники союза, Іоаннъ Фридрихъ курфирстъ саксонскій, человѣкъ мнительный и безъ энергіи, и Филиппъ, ландграфъ гессенскій, человѣкъ пылкій и опрометчивый, обнаруживали въ своихъ дѣйствіяхъ и движеніяхъ противорѣчія и нерѣшительность. Императоръ, при помощи Морица, напалъ на курфирста Іоанна Фридриха въ собственныхъ его владѣніяхъ и побѣдою при *Мюльбергѣ* покорилъ своей власти всѣ его земли и его самого взялъ въ плѣнъ. Только заступничество князей спасло старика Іоанна Фридриха отъ казни, впрочемъ онъ лишенъ былъ всѣхъ своихъ владѣній, которыя были отданы Морицу. Другому начальнику протестантовъ, ландграфу Филиппу, ничего не оставалось какъ признать надъ собою власть императора и оставаться въ заключеніи, на которое онъ былъ осужденъ. Такъ распался шмалькальденскій союзъ; только Магдебургъ и нѣкоторые города въ нижней Саксоніи рѣшились продолжать сопротивленіе. Но это сопротивленіе было ничтожно, въ сравненіи съ силами властительнаго Карла. Возстановивъ политическое значеніе императорской власти, Карлъ рѣшился достигнуть религіознаго единства и повелѣлъ со-

*) Онъ оставилъ жену Екатерину Бора и дѣтей. Послѣдній потомокъ его—Гансъ Лютеръ въ 1846 г. принялъ католицизмъ.

ставить новое религіозное уложеніе и импонировалъ его Германцамъ подъ именемъ *аугсбургскаго интерима*. Императоръ такимъ образомъ присвоилъ себѣ права, которыми нѣкогда пользовались папы; такія притязанія возбудили всеобщее негодованіе и въ католикахъ и протестантахъ. Когда Морицъ саксонскій, зять ландграфа, потребовалъ возвращенія изъ плѣна тестя своего, за свободу котораго онъ поручился, Карлъ V объявилъ ему, что разрѣшаетъ его отъ этой клятвы, и потомъ всюду влачилъ за собою ландграфа вмѣстѣ съ потченнымъ курфирстомъ саксонскимъ. Германцы въ первый разъ увидѣли, какъ иноземцы, именемъ императора, разоряли ихъ землю: наемные Итальянцы и фанатики Испанцы, наводнившіе всю имперію, грабили и протестантовъ и католиковъ, и враговъ и друзей своихъ.

Чтобы ниспровергнуть такое несправедливое владычество, достаточно было одного умнаго Морица, которому Карлъ V преимущественно обязанъ былъ своими побѣдами. Получивъ отъ императора курфиршество саксонское и сдѣлавшись такимъ образомъ главою протестантовъ германскихъ, Морицъ умѣлъ искусно пользоваться своимъ новымъ положеніемъ: онъ видѣлъ, что былъ игрушкою Карла, который удерживалъ въ плѣну его тестя; множество небольшихъ сочиненій и сатирическихъ картинокъ, распущенныхъ по Германіи, представляли его богоотступникомъ, измѣнникомъ, бичемъ своего отечества. Морицъ сталъ дѣйствовать подъ покровомъ самаго непроницаемаго притворства. Прежде всего нужно было набрать войско, не встревоживъ императора; Морицъ вызвался принудить Магдебурцевъ къ принятію интерима и присоединилъ ихъ войска къ своей арміи. Въ то же время онъ велъ тайные переговоры съ королемъ французскимъ. Императоръ, отказавъ снова возвратить свободу ландграфу, получилъ вдругъ два манифеста, одинъ писанный Морицомъ отъ имени всей Германіи, разграбленной и оскорбленной Испанцами; другой отъ короля французскаго Генриха II, который объявлялъ себя покровителемъ владѣтельныхъ князей имперіи и выставилъ въ заглавіи своего манифеста шапку свободы между двумя кинжалами. Императоръ, ни въ чемъ не подозрѣвая Морица, спокойно жилъ въ Инспрукѣ и наблюдалъ за ходомъ совѣщаній, происходившихъ въ Тридентѣ. Морицъ, вполнѣ изготовясь къ нанесенію вѣрнаго удара, устремился въ Тироль, едва не захватилъ въ свои руки Карла V и принудилъ его къ заключенію договора въ *Пассау* (1552 г.), который, уже по смерти Морица (1553), послужилъ основаніемъ къ

такъ называемому *великому религіозному миру* (der grosse Religionsfrieden) *въ Аугсбургѣ* (1555 г.)По аугсбургскому миру: 1) была опредѣлена свобода протестантскаго исповѣданія и утверждены одинаковыя права лютеранъ съ католиками; 2) постановлено правило, что народъ долженъ быть съ своимъ владѣтелемъ одной вѣры (cujus est regio, ejus religio), правило бывшее впослѣдствіи источникомъ многихъ смутъ въ Германіи: ибо князьямъ предоставлено было право переходить отъ одного вѣроисповѣданія къ другому, а по переходѣ владѣльца, и жители въ его владѣніи, на основаніи этого правила, должны были принять ту же вѣру. 3) Изъ этого права переходить отъ одного вѣроисповѣданія къ другому, исключались духовные князья (reservatum ecclesiasticum), которые не иначе могли перейти къ другому вѣроисповѣданію, какъ отказавшись отъ своихъ духовныхъ званій и отъ принадлежащихъ имъ по этому званію владѣній.

Вслѣдъ за этимъ Карлъ, испытавшій неудачи и въ войнѣ, начатой имъ противъ союзника Морицова, Генриха II, видѣвшій полное уничтоженіе своего задушевнаго плана, сложилъ съ себя корону и раздѣлилъ свои владѣнія (1556 г.). Братъ его, Фердинандъ. получилъ австрійскія родовыя земли, увеличенныя присоединеніемъ Венгріи и Богеміи (1526 г.), и императорскую корону, а сынъ Филиппъ—все остальное. Карлъ V, по своемъ отреченіи, удалился въ монастырь Св. Юста въ Эстремадурѣ, гдѣ прожилъ еще два года въ тихомъ уединеніи, занимаясь ручной работой, благочестивыми подвигами и размышленіями, не теряя однако изъ виду и государственныхъ дѣлъ, на которыя все еще думалъ онъ имѣть вліяніе, не покидая надежды и на возстановленіе единства въ церкви. Но сынъ его Филиппъ II не давалъ мѣста его вліянію и обращался съ отцемъ, какъ съ ветошью; а протестантизмъ шелъ все шибче и шибче, такъ что самъ духовникъ Карла оказался зараженнымъ „лютеровою ересью". Все это окончательно убило энергію въ старомъ императорѣ: онъ впалъ въ мистицизмъ и не задолго до кончины отправлялъ, лежа въ гробу, собственныя похороны. 21 сентября 1558 года онъ умеръ. Послѣднія слова его были: „въ руки твои, Господи, предаю церковь твою". Въ человѣческихъ средствахъ возстановить единую католическую церковь онъ отчаялся.

Старый императоръ былъ правъ: для такой церкви, о какой онъ мечталъ всю жизнь, т. е. единой въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ, мѣста въ Европѣ уже не было. Напрасно

папа Пій IV призывалъ въ третій разъ протестантовъ на общій соборъ въ Тридентѣ, называя ихъ еще „возлюбленными чадами“. Они не явились и тѣмъ доказали, что всеобщаго собора въ церкви быть уже не можетъ. Германскіе протестанты въ 1561 году подписали *наумбургскій конвентъ*, которымъ обязались строго держаться аугсбургскаго катихизиса. Папа открылъ въ 1562 г. соборъ безъ нихъ, но и католики нѣмецкіе, испанскіе и французскіе явились на него съ требованіемъ разныхъ реформъ. Впрочемъ, благодаря перевѣсу италіянскихъ членовъ на соборѣ и ловкому искусству вести отдѣльные переговоры съ католическими державами, римскому двору удалось устранить невыгодныя для него требованія, и *тридентскій соборъ*, наконецъ, издалъ (1562) постановленія, утвержденныя папою и составляющія съ тѣхъ поръ основное уложеніе католической церкви. Старые средневѣковые догматы были удержаны во всей строгости и признаны непогрѣшимыми, а за отступленіе отъ нихъ грозила анаѳема. Система нравоученія была нѣсколько очищена и установлено болѣе строгое церковное благочиніе. Такъ какъ всеобщихъ соборовъ на западѣ, послѣ тридентскаго, не было уже созываемо, то католическая церковь получила устройство абсолютно-монархическое, и католицизму приданъ характеръ неизмѣняемости (stabilitas), тогда какъ въ сущности протестантизма лежитъ начало далнѣйшаго развитія и свободнаго изслѣдованія.

III.

Возрожденіе католицизма въ Германіи и новая борьба его съ протестантизмомъ.

1. *Средства къ возрожденію католицизма вообще.*

Программою католицизма, еще послѣ первыхъ успѣховъ реформаціи въ западной Европѣ, сдѣлалось: 1) поддержать видимо распадающееся зданіе западной церкви, 2) закрѣпить еще не совсѣмъ порванныя связи съ оставшейся ей вѣрною паствою въ Германіи и внѣ ея, не теряя, впрочемъ, надежды возвратить въ лоно свое и отпавшихъ, 3) завербовать, по возможности, новыхъ послѣдователей, взамѣнъ утраченныхъ, 4) возвратить папамъ прежнее могущество и освободить ихъ отъ всякаго иностраннаго вліянія.

Разныя мѣры перепробованы были папами для осуществленія этой программы. Одни изъ папъ хотѣли остановить успѣхи реформаціи, „плывя за водою“, т. е. дѣлая вызываемыя требованіями времени реформы и такимъ образомъ отнимая у протестантовъ предлогъ къ нападкамъ*). Но подобнаго рода попытки остались напрасны: онѣ не удовлетворяли протестантовъ, возбуждали ненависть въ католикахъ и, какъ всякаго рода полумѣры и неискренія сдѣлки, не шли къ эпохѣ рѣзкихъ переворотовъ. Видя, что за новымъ движеніемъ не угоняешься, другіе папы рѣшились пустить въ ходъ противоположныя стѣснительныя мѣры, явныя и тайныя, физическія и моральныя**). Однѣ изъ нихъ имѣли преимущественно характеръ охранительный, другія—наступательный. *Охранительныя* мѣры были направлены къ огражденію еще оставшихся вѣрными Риму романо-германскихъ земель отъ наплыва

---

*) Такъ дѣйствовалъ *Адріанъ VI*, но его добросовѣстныя и слишкомъ откровенныя попытки къ искорененію зла въ римской куріи приняты были съ ироніею протестантами и возбудили къ нему ненависть въ кардиналахъ. Первые находили въ дѣйствіяхъ папы оправданіе своихъ нападеній на злоупотребленія; вторые злились на папу за стѣсненіе ихъ безнравственной жизни и украсили титуломъ „освободителя отечества“ медика, лечившаго и залечившаго папу. Еще рѣшительнѣе, но искуснѣе шелъ по тому же пути *Павелъ III*, который, не оставляя подъ рукою стѣснительныхъ мѣръ и, расточая деньги на субсидіи Карлу V въ борьбѣ съ протестантами, въ то же время окружилъ себя сочувствовавшими реформаціонному ученію объ оправданіи учеными членами литературно-религіознаго общества „Ораторія божественной любви“. Онъ поручилъ имъ составить планъ преобразованія церкви съ тѣмъ, чтобы устранить произволъ папской власти, искоренить неспособность и безнравственность клириковъ, и исправить другіе недостатки. Но его планъ не нашелъ сочувствія ни въ большинствѣ католиковъ, ни у протестантовъ и возбудилъ только насмѣшки Лютера, послѣ того, какъ на регенсбургскомъ совѣщаніи не осуществились пышныя надежды папы на соглашеніе.

**) Изъ папъ, старавшихся истребить протестантизмъ болѣе или менѣе крутыми мѣрами, въ особенности замѣчательны:

Павелъ IV (Караффа 1555—59), типъ средневѣковаго папы, заброшеннаго судьбою въ XVI вѣкъ. Ему было около 80 лѣтъ, когда онъ былъ выбранъ въ папы, но его впалые глаза сверкали еще огнемъ юности. „Я преемникъ тѣхъ, которые низвергали королей и императоровъ; я поставленъ главою надъ ними и растопчу каждаго супостата!“ Таково было его понятіе о своемъ санѣ: онъ проклиналъ Карла V и Филиппа II и едва не былъ взятъ въ плѣнъ войсками Филиппа. Прочитавъ статьи аугсбургскаго мира, онъ вышелъ изъ себя и честилъ именами схизматиковъ, кощуновъ, порожденіями Іуды, грязью и нечистотою земли, и католиковъ и протестантовъ, подписавшихъ этотъ миръ Во всѣхъ дѣйствіяхъ его видно какое-то безпощадное ожесточеніе. Онъ проводилъ жизнь въ подвалахъ инквизиціи, сажалъ въ заточеніе, отлучалъ отъ церкви, зажигалъ ауто-да-фе. Наконецъ, когда одолѣла его болѣзнь, которая могла бы сломать молодого, онъ созвалъ кардиналовъ, поручилъ ихъ молитвамъ душу свою, ихъ заботамъ св. престолъ и инквизицію, хотѣлъ приподняться еще разъ, но упалъ и умеръ. Раздраженный народъ, въ томъ числѣ и евреи (которыхъ онъ заперъ въ Римѣ въ особомъ кварталѣ—Ghetto), въ день смерти Павла изувѣчилъ всѣ его статуи и сжегъ инквизиціонную палату.

новыхъ идей и къ искорененію слабаго зародыша этихъ идей. Къ нимъ относятся: 1) строгая *цензура* сочиненій, выразившаяся въ строгомъ таможенномъ надзорѣ за ввозомъ запрещенныхъ сочиненій въ католическія земли и въ составленіи такъ называемыхъ индексовъ или списковъ запрещенныхъ книгъ (первый индексъ вышелъ въ 1552 г.); 2) возобновленіе доминиканской *инквизиціи*: стремясь убить всякое движеніе мысли, она преслѣдовала и жгла людей и книги, въ которыхъ видѣла малѣйшую опасность для римской церкви. Но увидя, что на кострахъ горятъ только тѣла и бумага, а не мысль человѣка, которую ни огонь, ни мечъ не беретъ, поборники старины пришли къ убѣжденію, что невещественную мысль надо бить невещественнымъ орудіемъ — мыслію. На основаніи этого убѣжденія построены были *наступательныя* дѣйствія многихъ новыхъ монашескихъ орденовъ, и въ особенности знаменитаго *ордена іезуитовъ*.

Основателемъ ордена іезуитовъ (Societas Jesu) былъ испанскій дворянинъ *Иниго Лойола*. Сначала Лойола служилъ въ военной службѣ и былъ напитанъ восторженными идеями рыцарства, но раненный при оборонѣ Пампелуны отъ Французовъ, въ 1521 году, онъ принужденъ былъ оставить военное поприще и, начитавшись житій святыхъ во время леченія, рѣшился, вмѣсто прежней рыцарской славы, посвятить свою жизнь, подобно св. Франциску,

---

Преемники его *Пій IV* (1559—65), завершитель тридентинскаго собора, и *Пій V* (—1572) держались такихъ же мѣръ строгости относительно протестантовъ, а *Григорій XIII* (—1585), исправитель лѣтосчисленія (григоріанскій календарь), получивъ извѣстіе о Варѳоломеевской ночи, приказалъ пѣть благодарственные молебны за истребленіе враговъ Спасителя. Знаменитѣйшимъ церковнымъ государемъ всего XVI в. былъ *Сикстъ V* (1585—90), который изъ бѣднаго мальчишки пастуха сдѣлася сперва францисканскимъ монахомъ, потомъ инквизиторомъ и кардиналомъ; долго, сгорбившись, покашливая и больной, искалъ онъ ключей св. Петра и, наконецъ, когда нашелъ ихъ, т. е. избранъ былъ папою, то выпрямился и явился энергически властительнымъ государемъ. Сикстъ стремился не столько къ искорененію еретиковъ, сколько къ тому, чтобы возвратить прежній блескъ значенію папства и поставить католическихъ государей въ ближайшую связь съ римской куріей. Кромѣ того онъ истребилъ бандитовъ, безпощадною строгостію возстановилъ право и уваженіе къ закону, помогалъ бѣднымъ, оживилъ промыслы, далъ ватиканской библіотекѣ ея обширные размѣры, напечаталъ разныя библейскія изданія (между прочимъ пересмотрѣнный, оффиціально-признанный текстъ Вульгаты), извлекъ изъ развалинъ громадныя сооруженія древности (Колизей, Colosseo), на сколько они могли служить къ возвеличенію побѣды христіанства, и хотя щедро надѣлялъ своихъ родныхъ (непотовъ), но все таки оставилъ по себѣ въ замкѣ св. Ангела большую казну, собранную посредствомъ займовъ и продажи должностей въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Его ненавидѣли и ругали, но ни современники, ни потомство не могли отказать ему въ своемъ удивленіи.

духовнымъ подвигамъ. Въ часовнѣ св. Дѣвы въ Монсерратѣ, которую какъ рыцарь избралъ онъ своею повелительницею, повѣсилъ онъ свой мечъ и щитъ, опоясался веревкою и пошелъ къ св. мѣстамъ, питаясь милостынею, истязая тѣло лишеніями и питая духъ молитвою. На 33-мъ году жизни пришелъ въ Парижъ, учился богословію въ Сорбонѣ, отличался строгою жизнію и фанатическою набожностью и пріобрѣлъ себѣ 10 послѣдователей. Восторженные подобно Лойолѣ, они заключили тѣсный союзъ, дали обѣты нищенства и безбрачія и поклялись посвятить свою жизнь спасенію христіанъ и обращенію невѣрныхъ. Они отправились въ Италію, пріобрѣли здѣсь много послѣдователей и, наконецъ, просили папу утвердить новый орденъ, которому дали названіе общества Іисусова. Папа Павелъ III сначала отказалъ, но когда Лойола и его послѣдователи къ тремъ обыкновеннымъ обѣтамъ монаховъ прибавили четвертый—безусловное повиновеніе всѣмъ повелѣніямъ папы, то Павелъ III, въ 1540 г., утвердилъ своею буллою новый орденъ. По утвержденіи ордена папою, представителемъ или генераломъ его единодушно былъ избранъ Лойола (ум. 1556 г.). При ближайшемъ наслѣдникѣ его *Лайнезѣ* и одномъ изъ позднѣйшихъ генераловъ ордена *Аквавивѣ*, орденъ получилъ окончательное устройство.

Взявшись явнымъ образомъ возстановить прежнее значеніе папства и католицизма и завербовать ему по возможности новыхъ послѣдователей, въ замѣнъ безвозвратно утраченныхъ, іезуиты прибавили къ этимъ явнымъ статьямъ своей программы и другія тайныя: подчинить себѣ все и всѣхъ, и въ томъ числѣ самого папу. Сообразно съ этою цѣлію, орденъ іезуитовъ получилъ устройство совершенно различное отъ другихъ орденовъ. Такъ какъ его дѣятельность была болѣе политическою, чѣмъ религіозною, то членамъ его нужно было жить въ свѣтѣ и усвоивать высшее общественное образованіе, чтобы вездѣ, при дворѣ, въ обществѣ дамъ, въ кругу простаго народа, быть въ состояніи держать себя прилично. Поэтому они не только не носили монастырскихъ одеждъ, но и были совершенно свободны отъ духовныхъ процессій и служеній, на которыя въ католическихъ монастыряхъ идетъ много времени. За то тѣмъ энергичнѣе брали они на себя такія обязанности, которыя доставляли имъ огромное вліяніе: они проповѣдывали, исповѣдывали и, особенно, занимались воспитаніемъ юношества. При избраніи своихъ членовъ іезуитскій орденъ поступалъ совершенно иначе, чѣмъ другіе монашескіе ордена. Въ другіе ордена принимались обыкновенно

люди всякаго рода, безъ особаго испытанія, іезуиты же образовали своихъ членовъ систематически. Всякій, желающій поступить въ орденъ, долженъ былъ открыть начальнику свою совѣсть, т. е. не только высказать свои грѣхи, но и всѣ склонности, страсти и вообще все настроеніе души своей. Если изъ такого признанія можно было заключить, что изъ поступающаго будетъ способный іезуитъ, то его подвергали 13-лѣтнему испытанію. Въ теченіе этого времени онъ долженъ былъ каждые полгода давать отчетъ во всемъ, что происходило въ глубинѣ души его; а между тѣмъ за нимъ строго наблюдали и, если открывалось, что онъ что либо утаилъ или солгалъ, то его безъ пощады прогоняли, потому что одно изъ правилъ ордена позволяло іезуиту сколько душѣ угодно, лгать другимъ, только не іезуитамъ. Кто, послѣ 13-лѣтняго испытанія, оказывался удовлетворительнымъ, т. е. человѣкомъ, который для достиженія цѣли ордена не затрепещетъ ни предъ какими средствами, даже самыми безсовѣстными, и съ умѣньемъ употребить ихъ въ дѣло, тотъ давалъ обѣтъ и изъ новиціатовъ поступалъ въ коадьюторы, а потомъ и въ профессы, т. е. посвященные.

Все управленіе ордена основывалось на строгой *подчиненности* и взаимномъ *шпіонствѣ*. Каждый подчиненный безусловно обязывался повиноваться всѣмъ, начиная отъ непосредственнаго своего начальника до генерала ордена, который избирался депутатами всѣхъ провинцій пожизненно. Генералъ назначалъ и отрѣшалъ всѣхъ орденскихъ чиновниковъ (провинціаловъ, ректоровъ, коадьюторовъ) по своему благоусмотрѣнію; въ его рукахъ находилось также управленіе всѣми орденскими доходами и имѣніями. Повелѣнію его никто не смѣлъ противорѣчить; одинъ вопросъ его открывалъ всѣ мысли, склонности и страсти подчиненныхъ; что онъ приказывалъ исполнить, хотя бы самое страшное преступленіе, то исполнялось безотговорочно; что онъ хотѣлъ знать, то ему сообщалось съ величайшею точностью. Ни обязанности родства, дружбы, любви къ отечеству, ни вѣрность государю, ни повелѣнія самой религіи, не должны были затруднять іезуита, если генералъ ему приказывалъ измѣнить родству, дружбѣ, отечеству, государю, даже самой религіи, во имя которой іезуиты совершали самыя нерелигіозныя дѣла. Повиновеніе, требуемое отъ іезуита, обязывало его отрекаться отъ собственнаго сужденія, собственной совѣсти, и слѣпо повиноваться своему начальнику, который можетъ употреблять его „какъ безжизненный трупъ“ или „какъ старикъ палку“. Не менѣе

удивительно страшное шпіонство, которое было второю основою ордена. Не только каждый іезуитъ имѣлъ шпіона въ своемъ товарищѣ, но и при самомъ генералѣ ордена находился шпіонъ.

При такой организаціи, этотъ орденъ необходимо въ скоромъ времени долженъ былъ всюду получить огромное вліяніе на всѣ классы общества. Іезуиты сначала старались утвердить за собою мѣста придворныхъ *исповѣдниковъ*. Какъ духовные отцы, они совершенно овладѣвали совѣстью своихъ духовныхъ дѣтей и, гдѣ государи были слабы, тамъ владѣніями ихъ управляли духовники ихъ іезуиты. Если какой государь, или знатный, или вообще какой бы то ни было человѣкъ, не повиновался ихъ вліянію, тогда они старались развратить его (по правилу: порочнымъ легче управлять, чѣмъ добродѣтельнымъ) и потомъ грозили ему позоромъ у людей и карою неба за его пороки, если онъ ихъ не послушаетъ. Если и это не помогало, то іезуитъ не боялся употребить ни яда, ни кинжала, чтобы избавиться отъ непокорныхъ. Потомъ іезуиты начали занимать каѳедры въ училищахъ и университетахъ, гдѣ *воспитывали* въ своемъ духѣ молодое поколѣніе, убивая въ немъ всякую самостоятельность ума и воли, внушая ему страшное правило, что *цѣль освящаетъ всѣ средства* и что данное слово и клятвы не имѣютъ никакой силы, если произносящій ихъ при этомъ держитъ иное на умѣ (reservatio mentalis)*). Наконецъ, получивъ проповѣдническія мѣста въ соборахъ, они утверждали *проповѣдями* свое вліяніе на массы народа. Скоро вліяніе, богатства, владѣнія, число іезуитовъ увеличилось до огромныхъ размѣровъ, скоро они проникли въ Индію, Японію, на островъ Цейлонъ и въ Америку. Въ южной Америкѣ они образовали особен-

---

*) Всѣ науки были втѣснены въ опредѣленную, строго ограниченную форму; мысль, стремившаяся проникнуть далѣе, считалась грѣховною. Всѣ религіозные догматы, обряды и учрежденія римской церкви поставлялись выше всякаго сомнѣнія, какъ божественныя истины; философія опутывала умъ, вмѣсто того, чтобъ возбуждать его къ размышленію; исторія являлась хронологіею, а не живою картиной жизни народовъ; характеры людей, ихъ идеи и стремленія обсуживались только по одностороннему масштабу римской церкви. Умѣнье говорить по-латини было необходимымъ отличіемъ всякаго образованнаго; но чтобы при этомъ свободный духъ древности не закрался какъ-нибудь въ юношеское сердце, классиковъ читали не вполнѣ, а только въ извлеченіяхъ или въ изувѣченномъ (очищенномъ) видѣ. Іезуиты основывали свою систему воспитанія на нечистыхъ побужденіяхъ человѣка,—на честолюбіи, эгоизмѣ, самомнѣніи; вмѣсто того, чтобы поселять между воспитанниками чувства довѣрія, дружбы, братской любви, они, поощряя взаимное шпіонство и ябедничество, расточая строгія замѣчанія и неумѣстныя похвалы, старались возбудить недовѣріе, зависть и злорадство.

ное іезуитское государство въ Парагваѣ. Іезуиты были всѣмъ, чѣмъ угодно: духовниками, учеными, государственными людьми, воинами, купцами. Съ непостижимымъ умѣньемъ собирали они огромныя богатства, зная, что въ деньгахъ огромная сила. Топоромъ и заступомъ пролагали въ Америкѣ путь цивилизаціи и создавали новыя государства. Дни и ночи проводили надъ изученіемъ классиковъ и издавали огромные фоліанты сочиненій. Въ блестящихъ салонахъ являлись самыми утонченными свѣтскими людьми и, подчинивъ себѣ души женщинъ, управляли посредствомъ ихъ мужчинами. Съ крестомъ въ рукахъ шли они безтрепетно въ самый пылъ битвъ, впереди воодушевленной ими арміи, и въ то же время служили этой арміи, какъ искусные инженеры и медики. Въ іезуитѣ изумительно соединялись самыя противоположныя свойства: онъ былъ равно способенъ и на самое грязное предательство и на мученическую смерть въ степяхъ Африки или на островахъ Тихаго океана, во имя вѣры, которой онъ не имѣлъ. Благодаря вліянію іезуитовъ и общества пропаганды (de propaganda fide), католическій міръ распространился по ту сторону океана, снова возродился въ Европѣ и, соединивъ свои силы, направилъ ихъ противъ протестантизма.

2. *Возрожденіе католицизма въ Германіи* (1555—1612).

Аугсбургскій миръ не могъ успокоить Германію: вопросы, поднятые реформою, были такъ сложны и такъ глубоко задѣвали всѣ общественные интересы, что нельзя было окончательно порѣшить ихъ какою-либо мировою сдѣлкою. Оттого и рѣшеніе ихъ въ 1555 году было уклончивое, оттого было въ аугсбургскомъ мирѣ много недосказаннаго, а это недосказанное договаривали партіи, каждая по своему и въ свою пользу. Хотя Германія, послѣ Пассаускаго мира, повидимому была спокойна, но это спокойствіе было только наружное: нужно было продолжительное время, нужны были самыя осторожныя мѣры со стороны императоровъ, чтобы уничтожить рѣзкій разрывъ между партіями, произведенный религіозною враждою, и согласить на уступки ту и другую стороны. Два императора, управлявшіе двадцать лѣтъ Германіею послѣ Карла V, *Фердинандъ I* (1556—64) и *Максимиліанъ II* (1564—79), исполненные вѣротерпимости, оставили мечты Карла V, который стремился установить единство своей вѣры и власти, уничтоживъ протестантовъ и независимость князей. Занятые борьбою съ Турками, они не трогали ни правъ католиковъ, ни правъ протестантовъ, и старались всѣми мѣрами водворить религіозный миръ въ Германіи. Пользуясь этой вѣротерпимостью, протестантскія церкви распро-

страняются законнымъ и незаконнымъ образомъ, т. е. не нарушая и нарушая аугсбургскій миръ, не только на сѣверѣ Германіи, гдѣ протестантизмъ раньше утвердился и гдѣ онъ всегда держался, но и по чисто католическимъ землямъ Германіи. Въ теченіе 25 лѣтъ послѣ аугсбургскаго мира новое ученіе проникло во Франконію, Баварію, австрійскія земли на Рейнѣ, въ Кельнъ, Триръ, Ахенъ, Нюрнбергъ, въ Вестфалію. Къ концу XVI вѣка католики составляли едва одну треть населенія Германіи. Но при этомъ внѣшнемъ распространеніи протестантизма, внутри его господствовали раздоръ и нравственное разложеніе. Въ новой церкви, съ самаго ея появленія, было уже разъединеніе, но сначала Лютеръ своимъ авторитетомъ сдерживалъ единство; а потомъ, во время шмалькальденской войны, общая опасность заставляла забыть раздоры, которые рѣзко обнаружились по миновании опасности. Съ одной стороны, въ цѣломъ протестантизмѣ господствовала самая фанатическая вражда между *лютеранами* и *кальвинистами*; съ другой стороны, въ самомъ лютеранизмѣ произошелъ расколъ между разными сектами (*строгихъ лютеранъ* и *криптокальвинистовъ*). Дошло до того, что каждая значительная область включала какой-нибудь свой догматъ въ катехизисъ и съ ожесточеніемъ преслѣдовала всѣхъ несогласныхъ съ этимъ догматомъ. Такъ какъ верховный надзоръ за вѣрою предоставленъ былъ (еще въ 1552 году) у протестантовъ князьямъ и зависѣвшимъ отъ нихъ консисторіямъ, то нерѣдко случалось, что одно и то же владѣніе, по прихоти духовныхъ консисторій и князей своихъ, мѣняло по нѣсколько разъ вѣру. Такъ, Пфальцъ, въ 25 лѣтъ, 4 раза перемѣнялъ свое вѣроисповѣданіе, и каждый разъ торжествующая партія страшно преслѣдовала проповѣдниковъ прежней партіи за то, что они не умѣли мѣнять своихъ убѣжденій такъ скоро, какъ мѣняютъ люди свою обувь или одежду. Вмѣстѣ съ этимъ, по отзыву всѣхъ современниковъ, глубокая нравственная порча проникла въ народъ, вслѣдствіе непониманія ученія о томъ, что не добрыя дѣла, а вѣра производитъ спасеніе человѣка.

На этомъ внутреннемъ раздорѣ и разрывѣ между протестантами основали іезуиты свои надежды на возрожденіе католицизма. Они проникли въ Германію еще при Фердинандѣ I, но тайкомъ и отдѣльными лицами; они не смѣли дѣйствовать рѣшительно при вѣротерпимыхъ императорахъ, и только оглядывались, прислушивались и очень умно обдумывали свои средства и мѣры. Время дѣйствовать для нихъ наступило, когда императорскую корону по-

лучилъ *Рудольфъ II* (1576—1612), сынъ Максимиліана II, съ которымъ легко было управиться іезуитамъ. Одинъ изъ самыхъ ничтожныхъ государей Германіи — Рудольфъ, увлекаясь своими астрологическими мечтаніями, смотря на небо, позабылъ о землѣ, ища средства дѣлать золото, позабылъ о своемъ государствѣ и потерялъ всѣ свои владѣнія. Іезуиты, пользуясь слабостію его характера, совершенно овладѣли имъ, пользуясь вспыльчивостію, раздражали его противъ протестантовъ и вынуждали притѣснительныя противъ нихъ мѣры, пользуясь его безпечностію и научными стремленіями, отвращали его вниманіе отъ государственныхъ дѣлъ и открыли обширное поприще для дѣйствія имъ преданнымъ и воспитаннымъ у нихъ князьямъ. Въ теченіе 36 лѣтъ правленія Рудольфа II іезуиты шибко распространились въ Германіи, старались всѣми позволенными и непозволенными средствами утвердить въ ней власть папы и римской церкви и, захвативъ въ свои руки управленіе государствомъ и народное воспитаніе, воспламенили снова религіозную вражду между католиками и протестантами. Вражда эта была питаема и поддерживаема: 1) сочиненіями, въ которыхъ обѣ партіи безпощадно ругали другъ друга и которыя были вездѣ читаемы съ жадностью; 2) проповѣдями, въ которыхъ католическіе и протестантскіе проповѣдники выставляли вѣрованія и поступки другъ друга въ самыхъ чудовищныхъ образахъ, такъ что миряне, выходя изъ церкви, выносили изъ храмовъ не миръ и любовь, а чувство вражды непримиримой. Это чувство, выражаясь сначала на словахъ, стало проявляться потомъ на самомъ дѣлѣ: въ Ахенѣ, въ Ингольштадтѣ и другихъ городахъ Германіи происходили религіозные бунты и враждебныя стычки между католиками и протестантами. Наконецъ, вся Германія раздѣлилась на двѣ вооруженныя враждебныя партіи: *протестантскую унію*, главою которой былъ кальвинистъ *Фридрихъ, курфирстъ пфальцскій*, и *католическую лигу*, которой главными представителями были *Максимиліанъ, герцогъ баварскій*, и другъ его *Фердинандъ штирійскій* (потомъ императоръ), оба воспитанника іезуитовъ, оба ревностные и фанатическіе католики, оба даровитые люди. Партіи были уже на готовѣ, были вооружены и съ нетерпѣніемъ ожидали перваго повода къ борьбѣ отчаянной.

3) *Религіозно-политическая борьба католицизма съ протестантизмомъ или тридцатилѣтняя война* (1618—1648).

Поводъ не замедлилъ явиться. Между тѣмъ какъ Рудольфъ II смотрѣлъ на звѣзды и искалъ философскаго камня, братъ его

Матіасъ отнялъ у него управленіе всѣми родовыми австрійскими землями и Венгрію. Рудольфъ опомнился тогда только, когда у него остался одинъ титулъ императора, да Богемія. Чтобы удержать за собою Богемію, которая была главнымъ разсадникомъ протестантовъ, Рудольфъ рѣшился дать богемскимъ протестантамъ грамоту величества (Majestätsbrief), по которой имъ дозволялось строить кирхи и избирать изъ среды себя защитниковъ своихъ религіозныхъ и политическихъ привиллегій противъ нападеній католиковъ и нѣмецкаго правительства. Не смотря на это, Матіасъ успѣлъ хитростію отнять у Рудольфа и Богемію. Рудольфъ не долго пережилъ свое униженіе, и, по смерти его, Матіасъ въ 1612 году былъ избранъ императоромъ. Руководимый своимъ духовникомъ іезуитомъ и совѣтами ревностнаго католика Фердинанда штирійскаго, Матіасъ началъ явно нарушать права своихъ протестантскихъ подданныхъ въ Австріи, Силезіи, Моравіи, Пфальцѣ, а въ особенности въ Богеміи. Эти нарушенія вывели, наконецъ, протестантовъ изъ терпѣнія, и возстаніе вспыхнуло въ той странѣ, которая искони, населенная Славянами и врагами папской власти, отличалась особенною ненавистію къ Нѣмцамъ вообще и къ католикамъ,—въ Богеміи. Дѣло было вотъ въ чемъ. Основываясь на грамотѣ величества, богемскіе протестанты построили нѣсколько церквей въ окрестностяхъ аббатствъ Браунау и Клостерграбъ. Католическіе епископы велѣли разрушить эти церкви. Раздраженные протестанты подали жалобу императору Матіасу, но получили отвѣтъ, въ которомъ императоръ оправдывалъ католиковъ. Оскорбленные нарушеніемъ правъ своихъ богемскіе протестанты, подъ начальствомъ пылкаго графа *Турна* (въ маѣ 1618 г.), ворвались въ залу государственнаго совѣта въ Прагѣ и съ ругательствами выбросили за окно двухъ совѣтниковъ, которыхъ почитали виновниками императорскаго отвѣта. Бунтъ обнялъ всю Богемію и распространился за предѣлы ея. Императоръ долженъ былъ послать противъ возставшихъ войско. Началась знаменитая *тридцатилѣтняя война* (1618—1648), которая произвела переворотъ, не только въ Германіи, но и во всей западной Европѣ. По обширному объему и многосложному содержанію, по самому мѣсту дѣйствія и по перевѣсу военнаго счастія въ этой войнѣ, исторія ея можетъ быть раздѣлена на нѣсколько періодовъ.

Первый періодъ (богемско-датскій) отъ начала войны до принятія въ ней участія Швеціею (1618—1630). Здѣсь главными дѣйствующими лицами со стороны протестантовъ были: богемскіе

предводители графы Турнъ и Мансфельдъ, курфирстъ пфальцскій Фридрихъ, король датскій Христіанъ IV; а со стороны католиковъ: императоръ Фердинандъ II, курфирстъ баварскій Максимиліанъ и два главные полководца: Тилли и Валленштейнъ. Перевѣсъ въ этомъ періодѣ былъ на сторонѣ католиковъ и императора.

Матіасъ умеръ при самомъ началѣ битвъ, въ которыхъ войска протестантовъ богемскихъ, предводимыя Турномъ и Мансфельдомъ, мужественно и съ успѣхомъ боролись съ австрійскими. Послѣ Матіаса императоромъ былъ избранъ *Фердинандъ II*, врагъ религіи протестантовъ и независимости германскихъ князей. Богемцы, страшась за свою будущность при такомъ императорѣ, рѣшились отложиться отъ подданства Австріи и возобновить свой древній національный тронъ. Королемъ своимъ избрали они *Фридриха курфирста пфальцскаго*, надѣясь, что протестантская унія, которой онъ былъ главою, и король англійскій Яковъ I и Морицъ, штаттальтеръ голландскій, которыхъ онъ былъ родственникомъ, помогутъ Богемцамъ въ предстоящей войнѣ съ Фердинандомъ. Ни одна изъ этихъ надеждъ не сбылась. Легкомысленный Фридрихъ не умѣлъ употребить въ свою пользу энтузіазма, съ которымъ Богемцы возобновили для него престолъ древнихъ королей своихъ. Вмѣсто того, чтобы думать о войнѣ онъ праздновалъ въ Прагѣ свою коронацію балами и пиршествами. А между тѣмъ войско императора подступило къ Прагѣ и разбило Богемцевъ. Фридрихъ, прямо съ бала, долженъ былъ бѣжать изъ новаго своего королевства, сначала въ родовой свой Пфальцъ, а оттуда въ Голландію. Тогда Прага была взята, Богемцы покорились и въ ужасѣ ожидали рѣшенія своей участи. Наконецъ, она рѣшилась: Фердинандъ II своими руками разорвалъ грамоту величества, казнилъ множество благородныхъ Богемцевъ, отнялъ у нихъ права религіозныя и политическія.

Управившись съ Богемцами, императоръ Фердинандъ рѣшился показать примѣръ своего полновластія надъ Фридрихомъ курфирстомъ пфальцскимъ: онъ лишилъ его титула и всѣхъ владѣній и отдалъ то и другое своему другу и союзнику Максимиліану, герцогу баварскому. Но Пфальцъ стоялъ за своего стараго курфирста, стояли за него и многіе другіе князья Германіи. Все было напрасно. Полководецъ Максимиліана *Тилли*, страшный изувѣръ, жившій только грабежемъ и военными тревогами, напалъ на Пфальцъ и разорилъ его. Тогда протестантскіе князья, видя, что ничего своими собственными силами не сдѣлаютъ, просили и получили

помощь отъ датскаго короля Христіана IV. Но не помогло и это. Императоръ нашелъ себѣ даровитаго полководца въ Валленштейнѣ, который доставилъ ему 40,000 войска. *Альбрехтъ Валленштейнъ*, происходившій изъ дворянъ богемскихъ, рано лишился своихъ родителей, которые оба были протестанты. Оставшись подъ опекою своего дяди, ревностнаго католика, Валленштейнъ былъ воспитанъ въ догматахъ католицизма. По окончаніи воспитанія въ коллегіи іезуитовъ, онъ путешествовалъ по Голландіи, Англіи, Франціи и Италіи и особенно долго оставался въ Падуѣ, гдѣ познакомился съ астрономіею и такъ предался ея изученію, что впослѣдствіи дѣйствіями его руководила вѣра въ звѣзды и толкованія звѣздочетовъ. Возвратясь изъ за границы, онъ женился на старой, но богатой вдовѣ, которая скоро умерла и оставила его владѣтелемъ большаго имѣнія. Военную карьеру свою онъ началъ удачно подъ начальствомъ Фердинанда, бывшаго тогда еще эрцъ-герцогомъ. Величественная наружность, находчивый умъ и поэтическій характеръ доставили ему руку прекрасной дочери богатаго и сильнаго графа Гарраха. Огромныя богатства, пріобрѣтенныя этимъ бракомъ, дали Валленштейну возможность скупить за низкую цѣну имѣнія своихъ единоземцевъ, конфискованныя во время послѣдняго богемскаго возмущенія. Этотъ-то Валленштейнъ обѣщалъ императору доставить и содержать на свой счетъ 40,000-ную армію, съ условіемъ быть ея главнокомандующимъ и содержать ее контрибуціями съ непріятельскихъ земель. Фердинандъ II согласился. На призывъ Валленштейна собрались охотники изъ разныхъ націй, служившіе обыкновенно тому, кто давалъ больше и позволялъ грабить свободнѣе. Валленштейнъ обладалъ въ высшей степени искусствомъ держать въ повиновеніи это разнокалиберное войско. Строгость его доходила до безчеловѣчія, но за то и въ наградахъ онъ не зналъ мѣры. Самая наружность и обращеніе его имѣли свойство импонировать надъ подчиненными. Высокій ростомъ, худощавый, съ малыми, черными блестящими глазами и рыжими волосами, драпированный въ красный плащъ, Валленштейнъ окружалъ себя какою-то грандіозною таинственностію: никогда не смѣялся, говорилъ рѣдко и отрывисто, въ обращеніи былъ суровъ и недоступенъ, въ бою хладнокровенъ, распорядителенъ и неустрашимъ.

Валленштейнъ, поступивъ на службу къ Фердинанду, въ короткое время разбилъ всѣхъ враговъ его, получилъ отъ него отнятыя имъ владѣнія князей мекленбургскихъ и титулъ герцога

фридландскаго и адмирала Балтійскаго моря и Сѣвернаго океана. Король датскій заключилъ миръ съ императоромъ въ Любекѣ и отказался помогать протестантамъ. Послѣ этого императоръ, получивъ силу, какой не имѣлъ и Карлъ V, издалъ Restitutionsedict, которымъ уничтожены были всѣ права, предоставленныя протестантамъ аугсбургскимъ миромъ. Полагая власть свою обезпеченною, императоръ для того, чтобы получить согласіе князей на избраніе сына его въ короли римскіе, согласился удалить отъ должности Валленштейна, по просьбѣ всѣхъ имперскихъ сословій, которые жаловались на страшные грабежи и неистовства, производимые солдатами герцога фридландскаго. Валленштейнъ съ гордымъ равнодушіемъ удалился въ свои богемскія помѣстья, гдѣ жилъ какъ частный человѣкъ, но съ царскою пышностію.

Послѣ побѣдъ, одержанныхъ Тилли и Валленштейномъ, власть императора не имѣла уже противниковъ: протестанты потеряли всякую надежду на возвращеніе правъ своихъ, князья страшились за свою независимость. Но министръ французскій, кардиналъ Ришелье, опасаясь увеличенія могущества габсбургскаго дома и нарушенія политическаго равновѣсія, втайнѣ содѣйствуя удаленію Валленштейна, лишилъ Фердинанда главной опоры, а потомъ пригласилъ на помощь германскимъ протестантамъ короля шведскаго Густава-Адольфа. Здѣсь начинается

Второй періодъ 30-лѣтней войны — періодъ шведскій (1630—1632). Въ этомъ періодѣ за протестантовъ и независимость князей германскихъ главными дѣятелями были: Густавъ-Адольфъ и его генералы; а за императора и католиковъ—Тилли и Валленштейнъ.

Густавъ-Адольфъ, одинъ изъ лучшихъ и самыхъ народныхъ королей Швеціи, одинъ изъ благороднѣйшихъ людей своего вѣка, рѣзко возвышавшійся надъ нимъ доблестью души, принадлежалъ по отзыву Наполеона I, по своимъ военнымъ талантамъ, къ числу семи величайшихъ полководцевъ въ исторіи. Религіозность, бывшая въ то время фанатическою нетерпимостію, побуждавшая людей того вѣка на страшныя жестокости, въ Густавѣ-Адольфѣ была источникомъ и побудительницею къ кротости и благородству. Надо замѣтить, что изъ всѣхъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ это смутное, тревожное время насилій и распутства, одна лишь армія Густава-Адольфа отличалась соблюденіемъ строгой дисциплины, благочестіемъ, примѣрною нравственностію и удивительною преданностію и

довѣренностію къ своему королю, въ которомъ души не слышала. Около Густава образовалась цѣлая школа великихъ генераловъ.

Причины, по которымъ Густавъ принялъ участіе въ 30-лѣтней войнѣ, заключались сколько въ горячемъ сочувствіи къ своимъ угнетеннымъ единовѣрцамъ въ Германіи, столько же въ оскорбленіи, которое нанесъ его посламъ Валленштейнъ, удаливъ ихъ отъ участія въ своихъ переговорахъ съ Даніею, и въ поддержкѣ оказываемой императоромъ Польшѣ, съ которою воевалъ тогда Густавъ.

Помирясь при посредствѣ Ришелье съ Польшею и заключивъ съ нимъ тайный союзъ, Густавъ-Адольфъ, въ то самое время, когда расходилась армія Валленштейна, съ 15,000 отборнаго войска, высадился на островѣ Рюгенѣ и занялъ сѣверный берегъ Германіи. Въ Вѣнѣ смѣялись надъ этимъ предпріятіемъ, называли Густава-Адольфа въ шутку „снѣжнымъ царемъ“ и думали, что ничтожное войско его не трудно будетъ выгнать изъ Германіи. Сначала и протестантскіе князья, не будучи увѣрены въ Густавѣ-Адольфѣ, боялись возстать противъ императора и не хотѣли соединиться съ Шведами. Потому-то Густаву пришлось вести небольшое свое войско не только противъ католиковъ, но и противъ нѣкоторыхъ протестантскихъ князей. Храбрые Шведы однакожъ не унывали. Гдѣ они появлялись, вездѣ непріятелю приходилось отступать. Наконецъ, протестантскіе князья начали переходить на сторону Густава-Адольфа, и города въ сѣверной Германіи, одинъ за другимъ, сдавались ему. Одинъ изъ этихъ городовъ, Магдебургъ, жестоко пострадалъ отъ католиковъ за свою преданность Шведамъ, и Густавъ-Адольфъ не успѣлъ спасти его. Тилли, узнавъ, что жители Магдебурга готовы соединиться съ Шведами, взялъ городъ штурмомъ и велѣлъ поджечь его. Во время пожара солдаты грабили и убивали всѣхъ, кого встрѣчали на улицахъ, не щадя ни женщинъ, ни младенцевъ. Въ нѣсколько дней непріятель истребилъ тысячи народа и разрушилъ большую часть города.

Изъ Магдебурга войско Тилли двинулось въ Саксонію, чтобы наказать курфирста саксонскаго за переходъ его на сторону Шведовъ. Тилли взялъ говодъ Лейпцигъ, но тутъ остановилъ его Густавъ-Адольфъ и разбилъ на-голову. Тилли, до сихъ поръ ни кѣмъ не побѣжденный и выигравшій 36 битвъ, долженъ былъ бѣжать въ Баварію. Густавъ-Адольфъ преслѣдовалъ его и, въ Баваріи на рѣкѣ Лехѣ, еще разъ одержалъ надъ нимъ побѣду. Въ этомъ сраженіи Тилли былъ тяжело раненъ и отъ ранъ умеръ.

Императоръ былъ въ опасномъ положеніи. Войска католической лиги были разстроены, Шведы овладѣли всею Баваріею и собирались уже идти на Вѣну.

Императоръ зналъ, что одинъ только Валленштейнъ можетъ спасти его отъ опасности, и потому рѣшился примириться съ нимъ и просилъ его составить новое войско. Валленштейнъ сначала отговаривался; потомъ по убѣдительной просьбѣ императора, согласился, но съ тѣмъ, чтобы ему дана была неограниченная власть какъ надъ императорскими войсками, такъ и надъ австрійскими. Фердинандъ исполнилъ всѣ его требованія, и въ короткое время опять, по вызову Валленштейна, явились къ нему со всѣхъ сторонъ солдаты. Съ набраннымъ войскомъ онъ пошелъ противъ Саксонцевъ, которые овладѣли Богеміею, прогналъ ихъ оттуда и преслѣдовалъ ихъ въ самую Саксонію. Курфирстъ саксонскій просилъ помощи у Густава-Адольфа. Шведы соединились съ Саксонцами. Близь города *Люцена* произошла битва Валленштейна съ Густавомъ. Шведы одержали рѣшительную побѣду, но за то лишились своего славнаго и благороднаго короля: подъѣхавъ слишкомъ близко къ непріятелю, онъ былъ прострѣленъ двумя пулями и умеръ на мѣстѣ.

Послѣ смерти Густава-Адольфа главное начальство надъ войскомъ шведскимъ принялъ *Бернгардъ,* герцогъ саксенъ-веймарскій, а Валленштейнъ отступилъ въ Богемію и, убѣдясь въ невозможности вытѣснить Шведовъ изъ Германіи силою, началъ уклоняться отъ битвъ и вступилъ въ отдѣльные переговоры и съ Шведами, и съ Германскими протестантами. Говорятъ, что эти переговоры имѣли цѣлію разъединить силы шведско-германскаго союза; но такъ какъ Валленштейнъ облекъ свои дѣйствія глубокою тайною и не отдавалъ въ нихъ отчета императору, то враги его успѣли возбудить въ Фердинандѣ подозрѣніе, что Валленштейнъ хочетъ, при помощи Шведовъ, добыть себѣ корону Богеміи. Императоръ тайнымъ патентомъ объявилъ Валленштейна измѣнникомъ и хотѣлъ лишить его команды. Узнавъ объ этомъ, Валленштейнъ заперся въ крѣпости Эгерѣ, гдѣ подкупленные убійцы изъ облагодѣтельствованныхъ имъ офицеровъ измѣннически его умертвили. Фердинандъ отслужилъ по Валленштейнѣ 3,000 панихидъ и щедро наградилъ его убійцъ.

Третій періодъ—французскій (1632—1642). Еще не предвидѣлось и конца войнѣ, которая длилась уже 15 лѣтъ, а между тѣмъ Германія такъ была разорена, что почти вся обрати-

лась въ пустыню и совершенно одичала. Города и деревни были разрушены, около половины населенія Германіи погибло отъ войны, голода и болѣзней; вездѣ толпы взрослыхъ и дѣтей ходили по міру. Нищета доходила до того, что люди, во избѣжаніе голодной смерти, ѣли человѣческое мясо, снимали трупы съ висѣлицъ, разрывали могилы, чтобы достать себѣ какую-нибудь пищу. Составлялись цѣлыя шайки охотившихся за людьми, какъ за дикими животными: больше волковъ, чѣмъ крестьянъ можно было встрѣтить на поляхъ. Наконецъ, протестантскіе князья, чтобы кончить эту гибельную войну, по примѣру Саксоніи, заключили миръ съ императоромъ и отказались помогать Шведамъ. Тогда шведское войско, оставленное тѣми, для помощи которымъ оставило родину, также хотѣло вступить въ переговоры, но императоръ объявилъ, что оно можетъ убираться туда, откуда пришло. Шведамъ пришлось плохо; но тутъ Французы подали имъ помощь, и война возгорѣлась снова и продолжалась еще 14 лѣтъ. Нѣсколько разъ Шведы и Французы побѣждали Австрійцевъ и Саксонцевъ, особенно отличились предводитель притестантовъ Бернгардъ Веймарскій и шведскій генералъ Торстенсонъ. Они завоевали нѣкоторыя австрійскія земли и владѣнія союзниковъ императора, курфирстовъ саксонскаго и баварскаго. Наконецъ, Шведы явились въ Богемію и начали уже осаждать Прагу, когда императоръ *Фердинандъ III*, наслѣдникъ Фердинанда II, поспѣшилъ предложить всеобщій миръ. Послѣ долгихъ переговоровъ онъ былъ заключенъ въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ въ 1648 году и извѣстенъ подъ именемъ вестфальскаго.

Вестфальскій миръ былъ важнѣйшій актъ отъ начала новой исторіи, потому что имъ опредѣлились положеніе и взаимныя отношенія всѣхъ западно-европейскихъ государствъ и онъ служилъ основаніемъ всѣхъ послѣдующихъ трактатовъ до временъ французской революціи. Особенно для Германіи онъ сдѣлался кореннымъ закономъ, на которомъ основывалось ея государственное устройство до самаго Наполеона I. Статьями вестфальскаго мира рѣшены три рода вопросовъ: 1) вопросы, касавшіеся дѣлъ *религіозныхъ*. Вестфальскимъ миромъ подтвержденъ былъ во всей силѣ аугсбургскій религіозный миръ 1555 года, съ распространеніемъ правъ, которыя, по буквальному смыслу этого мира, простирались только на послѣдователей Лютера и на кальвинистовъ (реформаторовъ), такъ что названіе протестантовъ, подъ которымъ прежде разумѣлись только лютеране, сдѣлалось общимъ для всѣхъ, отдѣлившихся отъ католической церкви. 2) Вопросы, касавшіеся *госу-*

дарственнаго устройства Германіи. Вестфальскій миръ утвердилъ какъ законъ то, что уже на дѣлѣ давно существовало: державныя права имперскихъ князей. Императоръ сталъ уже не государемъ имперскихъ князей, а только главою ихъ союза, который сохранилъ свое прежнее названіе священной римской имперіи. Постановленіе правилъ, которыя должны были быть законами для всей имперіи, предоставлено было имперскому сейму, на которомъ князья не присутствовали (какъ въ прежнихъ сеймахъ) лично, а посылали за себя уполномоченныхъ. Князья, по управленію въ своихъ земляхъ, были самостоятельны и получили право вступать въ сношенія и союзы со всѣми посторонними государствами, съ тѣмъ единственнымъ ограниченіемъ, чтобы эти союзы не были враждебны императору или имперіи. 3) Вопросы, касавшіеся *вознагражденія* участвовавшихъ въ войнѣ государствъ. Главное вознагражденіе Франціи состояло въ окончательномъ утвержденіи за нею Меца, Тула и Вердюня, въ присоединеніи Эльзаса. Швеція получила Бременъ, Верденъ, городъ Висмаръ, западную часть Помераніи съ островомъ Рюгеномъ и 5 милліоновъ контрибуціи. Сыну курфирста Фридриха пфальцскаго возвращена главная часть отцовскихъ владѣній и курфиршеское достоинство; но Оберъ-Пфальцъ остался за Баваріею, равно какъ и курфиршеское достоинство, пожалованное императоромъ Фердинандомъ II герцогу Максимиліану баварскому. По вестфальскому же миру признаны Испаніею и прочими европейскими государствами самостоятельность республики семи соединенныхъ нидерландскихъ провинцій или голландской и самостоятельность швейцарскаго союза, который, хотя уже три съ половиною вѣка былъ независимъ, но все таки почитался частію германской имперіи.

Вестфальскій миръ, продиктованный имперіи торжествующими чужеземцами, нанесъ окончательный ударъ политическому могуществу Германіи: не одну потерю нѣкоторыхъ областей, а полное разъединеніе всѣхъ общественныхъ интересовъ, полное охлажденіе къ общему дѣлу принесъ этотъ миръ. Владѣтельные князья имперіи, ставшіе почти независимыми обладателями своихъ миніатюрныхъ государствъ, засѣли въ нихъ мелкими деспотами, подобно Людовику XIV французскому, котораго они обезъянили въ запуски другъ передъ другомъ. Служащее дворянство обратилось въ жалкихъ чиновниковъ, не служащее предалось, среди бездѣйствія, дикому разгулу, съ которымъ какъ-то странно ладило рабское подражаніе изысканному тону тогдашняго французскаго общества. Городское

сословіе зажило мелкой филистерской жизнію и силилось грубою, безвкусною роскошью удовлетворить своей мѣщанской спѣси и чванству. Крестьяне, больше всѣхъ пострадавшіе въ 30-лѣтнюю войну, лишенные всѣхъ правъ, обречены были на безвыходное положеніе, т. е. на вѣчную работу и вѣчныя лишенія. Обнищавшіе и разоренные, они стали еще беднѣе и грязнѣе, чѣмъ прежде.

Перемѣна, произведенная 30-лѣтнею войною и вестфальскимъ миромъ въ международныхъ отношеніяхъ западно-европейскихъ государствъ, заключалась въ ослабленіи габсбургскаго дома и возвышеніи Франціи на западѣ, Швеціи на сѣверѣ.

IV.

Умственныя движенія въ Германіи въ реформаціонный періодъ.

Переворотъ, произведенный реформаціею въ общественной жизни Германіи, отразился и въ литературѣ, но не такими счастливыми результатами, какихъ можно было ожидать: посѣвъ былъ обиленъ, но урожай плохъ и жатва скудна.

Умствованіе, сдавленное въ средніе вѣка преобладаніемъ догмата и побуждаемое врожденнымъ человѣку стремленіемъ къ отысканію истины, напрягалось и разорвало, наконецъ, въ началѣ XVI в., цѣпи злоупотребленій догматизма. Критикѣ и изслѣдованію открылось обширное поле; затронуты были вопросы величайшей важности и, казалось, должны были привести къ измѣненію всѣхъ общественныхъ отношеній. И дѣйствительно, сначала общественные вопросы не только подавали поводъ къ ученымъ диссертаціямъ, но были примѣняемы къ самой жизни. Въ то же время Меланхтонъ и гуманисты пробудили въ сѣверной Германіи восторженную любовь къ твореніямъ классической древности, которыя стали краеугольнымъ камнемъ образованія въ школахъ гуманистовъ. Виттенбергскій университетъ сталъ центромъ просвѣщенія для лютеранскихъ, а гейдельбергскій съ его огромною библіотекою—для кальвинистскихъ земель. Съ ними соревновали университеты лейпцигскій, тюбингенскій, эрфуртскій и парижскій, особенно замѣчательный по астрономическимъ и математическимъ работамъ. Въ большихъ и малыхъ городахъ Германіи (Нюрнбергѣ, Аугсбургѣ, Страсбургѣ) возникли училища, гдѣ преподаваніе шло въ духѣ Меланхтона.

Многаго можно было ожидать отъ реформаціи для науки и искусства въ Германіи. Исторія не оправдала этихъ ожиданій. Въ

концѣ XVI вѣка начинается упадокъ умственной жизни въ Германіи и продолжается почти полтора вѣка. Главная причина этого явленія заключается въ народномъ характерѣ Нѣмцевъ. Нѣмецъ прежде всего философъ, а потомъ уже гражданинъ, воинъ и т. д. Для него умозрѣніе важнѣе дѣла. Онъ, какъ остроумно замѣтилъ одинъ писатель, умретъ съ голоду, провозглашая неопровержимый силлогизмъ, что всякій человѣкъ имѣетъ право ѣсть и пить.

Это отвлеченное стремленіе отчасти породило реформацію, оно же помѣшало практическимъ ея выводамъ. Правда, сначала, сгоряча, Германцы стали переносить свою философію въ жизнь; но скоро, по неотразимому свойству нѣмецкой натуры, засѣли у себя въ кабинетахъ штудировать и строить теоріи. Независимо отъ этого, выходки анабаптистовъ и крестьянскія войны, грозившія опасностію обществу и самой реформѣ, заставили главныхъ реформаторовъ оставить неприкосновеннымъ существующій порядокъ вещей, ограничиться защитою свободы и совѣсти и обратить завоеванное ими право изслѣдованія исключительно на оппозицію противъ Рима. У Лютера и Меланхтона—отцовъ лютеранизма, это, хотя и одностороннее направленіе, исполнено жизни и животрепещущихъ интересовъ. Но у реформаторовъ слѣдующаго поколѣнія оно обратилось въ пустые, буквоѣдные, хотя и рьяные споры о тонкостяхъ и мелочахъ богословскихъ, споры напоминающіе средневѣковую схоластику. У католиковъ германскихъ создана была іезуитами охранительная наука, цѣлью которой было охранить умъ человѣка отъ всяяаго поступанія впередъ, отъ всякаго прогресса, замѣнивъ содержаніе риторикою и діалектикою. Такимъ образомъ въ концѣ XVI вѣка метафизика замѣнила для германскихъ ученыхъ жизнь, фоліанты—соотечественниковъ, кабинетъ сдѣлался ихъ отечествомъ, риторика и грамматика заслонили собою духъ классической древности. Насталъ долгій, сонный и апатическій періодъ въ умственной жизни Германіи; наступила эпоха подражаній и то не духу, а только формѣ чужеземныхъ образцовъ. Замерла и классическая древность. Знаніе ея полагалось въ знаніи тысячи мелочей, относящихся къ языку и исторіи Рима и Греціи. Писать о какихъ нибудь дрязгахъ слогомъ Цицерона, значило, по тогдашнимъ понятіямъ, быть Цицерономъ. Грамматическая ошибка въ сочиненіяхъ приводила въ ужасъ, нелѣпость мысли и содержанія были нипочемъ. Въ Тацитѣ видѣли только стилиста, въ Гракхахъ ораторовъ, а не поборниковъ важной практической истины. Въ *философіи* преобладала мистика, образцемъ которой можетъ

служитъ герлицкій сапожникъ *Яковъ Беме* (Boehme † 1624), который ставитъ цѣлью человѣческой жизни подавленіе личности и всецѣлое погруженіе въ бездну всеобщаго, божественнаго бытія, и примыкаетъ къ протестантскому ученію о благодати, смѣшивая его съ алхимическими и кабалистическими идеями, бывшими въ то время въ ходу. На *исторію* смотрѣли, какъ на прислужницу богословія (historia est ancilla theologiae). *Государственныя науки* не преподавались вовсе въ германскихъ университетахъ; новыя понятія о правѣ естественномъ и международномъ едва начинали пробиваться наружу у весьма не многихъ избранныхъ профессоровъ XVI вѣка (у Ольдендорпа, Гемминга, Винклера). Только въ *астрономіи* пражскій университетъ далъ извѣстнаго *Тихо-де-Браге* († 1601), да и у того къ точнымъ наблюденіямъ и вычисленіямъ небесныхъ явленій примѣшаны астрологическія бредни.

Содѣйствуя къ утвержденію княжеской власти, протестантизмъ содѣйствовалъ развитію бюрократическаго направленія и въ университетахъ. Протестантскіе университеты сдѣлались орудіями въ рукахъ центральной власти: преподаватели сдѣлались чиновниками на жалованьѣ и развивали въ нихъ духъ угодничества властямъ и духъ нетерпимости. Цѣлое XVII столѣтіе университеты нѣмецкіе, особенно протестантскіе, отличались преслѣдованіемъ всего, что только отзывалось свѣжестью, новизной или реформами. Богословскіе факультеты въ претестантскихъ университетахъ славились дикимъ гоненіемъ на всякаго, кто осмѣливался подвергать критикѣ основы протестантизма*).

Реформація имѣла вліяніе и на *поэзію*. Разрушивши кастическое разлитіе мірскаго отъ духовнаго, сблизивши сословія, она уничтожила раздѣленіе драмы на два рода: мистерію, которая была орудіемъ и монополіею западнаго духовенства, и свѣтскую комедію (Fastnachtspiel), исключительную собственность тѣснаго кружка цеховыхъ горожанъ. Современная исторія дала драмѣ содержаніе, которое не приходилось ни къ мистеріи, ни къ свѣтской комедіи: она сдѣлала ее народною, политическою. Тѣсная связь ре-

---

*) Галльскій профессоръ Томазіусъ въ концѣ XVII в. написалъ сатиру, въ которой доказывалъ, что онъ не принадлежитъ ни къ одному изъ 4-хъ факультетовъ. Совѣтъ галльскаго университета съ-обща написалъ на него доносъ въ такомъ смыслѣ: четыре факультета были учреждены высокими предками его свѣтлости курфирста, слѣдовательно слова Томазіуса суть насмѣшка надъ родственниками курфирста, а слѣдовательно и надъ самимъ курфирстомъ. А потому Томазіусъ долженъ быть судимъ, какъ оскорбитель величества и возмутитель! Его судили, но оправдали.

формаціи съ классическою древностію установила и форму драмы—сколокъ съ древнихъ образцовъ. Такою является драма въ произведеніяхъ плодовитаго, но далеко не одареннаго творческою натурою, *Ганса Сакса*, (1494—1576), написавшаго 200 драматическихъ пьесъ, въ которыхъ онъ сводитъ міръ языческій съ христіанскимъ, Лукрецію и Клеопатру съ датскою принцессою Розамундою и Андреемъ, королемъ венгерскимъ. Драма стала живымъ выраженіемъ вѣка, волновавшихъ его вопросовъ и боровшихся среди его партій. Швейцарцы *Мануэль* и *Генгенбахъ* сдѣлали театръ проводникомъ новыхъ идей; *Томасъ Мурнеръ* прибѣгнулъ къ нему, какъ къ оружію, для защиты католицизма и пораженія новыхъ идей. Лучшимъ образомъ соціальнаго характера сценическихъ представленій служитъ пантомима, представленная предъ Карломъ V въ 1540 году въ Регенсбургѣ (см. выше, стр. 42). Впрочемъ поэзія, и въ особенности драма, сдѣлавшаяся народною, вслѣдствіе происшедшаго въ началѣ реформы сближенія сословій, очень много потеряла отъ разъединенія ихъ въ концѣ XVI вѣка: изъ общенародной, какою она начинала быть при Гансѣ Саксѣ, она опять раздѣлилась на придворную и площадную. Въ придворной драмѣ (Staatsactionen), образцемъ которой служатъ произведенія *Опица*, среди запутанныхъ интригъ дѣйствуютъ герои и полководцы, говорящіе цѣлые потоки водяныхъ риторическихъ фразъ, въ которыхъ нельзя уловить ни одного живаго образа. Въ площадной (Hanswurstkomoedie) главное дѣйствующее лицо Гансвурстъ, олицетвореніе народнаго нѣмецкаго юмора, который въ циническихъ, плоскихъ шуткахъ бичуетъ риторическое, безжизненное направленіе придворной современной ему драмы.

Протестантизмъ изгналъ *искусство* изъ церкви: въ странахъ, принявшихъ его, и въ особенности въ кальвинскихъ, искусство воспользовалось пробудившимся сочувствіемъ къ природѣ и обратилось въ *живописи* къ ландшафтамъ, портретамъ и къ жанру. Но и въ этихъ родахъ, Германія, со второй половины XVI и XVII вѣковъ, далеко отстала отъ прочихъ протестантскихъ земель. Оригинальныхъ живописцевъ, послѣ великихъ мастеровъ Луки Кранаха, Альбрехта, Дюрера и Гольбейна, у нея не было; лучшіе (какъ напр., пейзажисты Роосъ и Дитрихъ) подражаютъ италіанскимъ и нидерландскимъ мастерамъ. Въ *скульптурѣ* преобладало французское направленіе; въ *архитектурѣ* италіянская орнаментика соединялась съ основную формою готическаго зодчества. Рѣзко выдающихся мастеровъ не было. Для церковной *музыки* въ

евангелической церкви много сдѣлалъ самъ Лютеръ, который ввелъ въ богослуженіе сопровождаемое хоромъ пѣніе, воспользовавшись для этого многими хорами и мелодіями гусситовъ.

Въ такомъ состояніи была нѣмецкая умственная и художественная жизнь уже въ началѣ XVII вѣка. Начавшаяся въ это время тридцатилѣтняя война не могла поднять уровня ея: она истощила силы Германіи, уничтожила единство націи. Нѣмцы подѣлились на партіи и вступили въ кровавую борьбу за отвлеченныя религіозныя убѣжденія, жертвуя имъ всѣмъ насущнымъ. Война окончилась не потому, чтобы одна партія убѣдила другую, но потому, что обѣ обезсилѣли отъ борьбы. Миръ былъ знакомъ всеобщаго истощенія, которое продолжалось еще болѣе полувѣка.

ИСТОРІЯ ФРАНЦІИ.

Исторія Франціи въ реформаціонный періодъ представляетъ три главныя явленія, имѣвшія обще-европейское значеніе:

I. Соперничество Франціи съ габсбургскимъ домомъ (въ Испаніи и Германіи) за Италію и за гегемонію въ западной Европѣ.

II. Внутренняя религіозно-политическая борьба между католиками и гугенотами, между королевскою властію и феодальною аристократіею, окончившаяся:

III. Побѣдою неограниченной католической монархіи во Франціи.

I.

Очеркъ сопернической борьбы Франціи съ Габсбургскимъ домомъ за Италію (1494—1559).

Въ половинѣ пятнадцатаго вѣка кончилась національная борьба Франціи съ Англіею. Карлъ VII учрежденіемъ постоянныхъ войскъ, прагматическою санкціею и первымъ собраніемъ законовъ продолжалъ то, что началъ возвышеніемъ средняго сословія Филиппъ Красивый—возстановленіе монархіи. Но героемъ борьбы монархіи съ средневѣковымъ феодализмомъ былъ сынъ его Людовикъ XI. Ханжа и лицемѣръ, человѣкъ безъ совѣсти и чести, но человѣкъ, умомъ превосходившій все его окружающее, Людовикъ рѣшился противопоставить тонкіе разсчеты ума рубившей сплошь да рядомъ силѣ физической, извѣстной въ средніе вѣка подъ именемъ рыцарскаго безстрашія, и, само собою разумѣется, долженъ былъ сломить силу физическую, слѣпую храбрость. Когда Людо-

викъ XI умеръ, феодальныхъ сувереновъ уже не было: оставалась выродившаяся изъ нихъ феодальная аристократія, обуздать которую Людовикъ XI предоставилъ своимъ преемникамъ.

Карлъ VIII (1483—1498), сынъ Людовика XI, получивъ государство, успокоенное отъ внутреннихъ волненій и богатое средствами, первый далъ завоевательное направленіе французской политикѣ. Начитавшись рыцарскихъ книгъ и біографій Александра В. и Юлія Цезаря, молодой король составилъ мечтательный планъ завоевать Италію, возстановить Византійскую имперію, выгнать Турковъ изъ Константинополя и окончить походъ свой у гроба Господня. Въ 1494 году, опираясь на свое наслѣдственное право и призванный на помощь незаконнымъ миланскимъ герцогомъ, *Людовикомъ Моро*, Карлъ VIII вступилъ въ Италію. Походъ сначала былъ удаченъ: раздробленная на множество владѣній Италія не могла противопоставить серьезнаго отпора, и французы прошли вдоль весь полуостровъ и заняли королевство Неаполитанское. Впрочемъ, какъ быстро пріобрѣтено было оно, также быстро и потеряно. Въ то время, когда, среди пировъ и рыцарскихъ забавъ, Карлъ собирался на новый походъ противъ Турковъ, до него дошла вѣсть, что герцогъ миланскій, тотъ самый, который призвалъ его въ Италію, теперь присталъ къ союзу, образовавшемуся противъ Французовъ изъ папы Александра VI, Венеціи, испанскаго короля Фердинанда-Католика и германскаго императора Максимиліана I. Союзники хотѣли загородить Карлу возвратъ на родину, но Французы смѣлымъ нападеніемъ смяли многочисленныхъ противниковъ и прочистили себѣ дорогу.

Черезъ 3 года умеръ Карлъ VIII. Преемникъ его *Людовикъ XII* (1498—1514), прозванный отцемъ народа, предпринялъ новый походъ въ Италію, объявляя себя законнымъ наслѣдникомъ герцогства миланскаго. Съ нимъ повторилась та же исторія, какъ и съ Карломъ VIII. Сначала Французы легко завладѣли Миланомъ и Неаполемъ; но потомъ изъ Неаполя ихъ выгналъ прежній союзникъ, король испанскій Фердинандъ-Католикъ: а изъ Милана—войска такъ называемой „святой лиги“, т. е. союза, образованнаго папою Юліемъ II изъ Венеціи, Швейцаріи, Испаніи, Германіи и Англіи, съ цѣлью освободить аппенинскій полуостровъ отъ Французовъ.

Людовикъ XII умеръ и преемникъ его *Франсуа I* (1514—1547) возобновляетъ походъ въ Италію. И ему, какъ и его предшественникамъ, сначала посчастливилось: одною блистательною по-

бѣдою при Мариньяно онъ воротилъ Миланъ подъ свою ленную зависимость. Но спокойнымъ обладателемъ сѣверной Италіи онъ не могъ оставаться, потому что встрѣтилъ сильнаго соперника въ представителѣ испанско-германскаго габсбургскаго дома *Карлѣ V*. Борьба получаетъ гораздо большіе размѣры и обширное значеніе: подъ видомъ спора за Италію дѣло идетъ о первенствѣ надъ западомъ Европы Франціи или Германіи. Главными бойцами въ этой борьбѣ были Франсуа I и Карлъ V. Участіе въ ней принимали: папы и италіанскіе владѣтели, стремившіеся освободить Италію отъ иноземнаго вліянія Французовъ и Нѣмцевъ, помогая имъ уничтожать другъ друга, наконецъ король Англіи, имѣвшій въ виду ослабленіе старой соперницы своей Франціи. Одинъ разъ участіе въ этой борьбѣ приняла даже Турція, въ которой Франсуа искалъ себѣ союзницы. Вообще союзы составлялись между державами, независимо отъ ихъ религіозныхъ убѣжденій, единственно съ политическою цѣлью. Всѣхъ войнъ было *четыре*. Успѣхъ постоянно былъ на сторонѣ Карла V; только по смерти Франсуа I перевѣсъ склонился было на сторону Франціи. Борьбу прекратили миромъ въ Шато-Камбрези наслѣдники обоихъ соперниковъ: Филиппъ II, сынъ Карла V, и Генрихъ II, сынъ Франсуа I. Результатомъ ея было утвержденіе гегемоніи Германіи надъ сѣверной Италіею и гегемоніи Испаніи надъ южною Италіею и отнятіе у Англичанъ города Кале, послѣдняго изъ средне-вѣковыхъ владѣній ихъ во Франціи.

Въ италіанскихъ войнахъ и соперничествѣ Франсуа I съ Карломъ V, въ первый разъ обозначилось новое направленіе международной политики: поддержать политическое равновѣсіе въ Европѣ, посредствомъ союза второстепенныхъ государствъ между собою и съ менѣе опасною изъ борящихся сильныхъ державъ. Направленіе это не было возведено еще въ опредѣленную систему и проявлялось довольно неправильно и безсознательно; тѣмъ не менѣе основы будущей системы равновѣсія европейскихъ державъ были заложены. Противодѣйствіе Франціи габсбургскому дому, какъ мы увидимъ, продолжалось во все теченіе этого періода и достигло полнаго результата только послѣ тридцатилѣтней войны, когда по вестфальскому и пиринейскому мирамъ Франція явилась первенствующей державою въ западной Европѣ. Но прежде чѣмъ она достигла этого, ей нужно было прожить самый смутный періодъ своей исторіи, періодъ религіозно-политическихъ междоусобій.

II.

Религіозно-политическія войны во Франціи (1550—1610)

I. *Состояніе Франціи въ началѣ XVI вѣка.* а) Политическое. Италіанскія войны отвлекли французскую аристократію отъ внутреннихъ смутъ и при Карлѣ VIII, и при Людовикѣ XII, и при Франсуа I, но правъ своихъ она не забывала. Аристократіи нуженъ былъ предлогъ къ возстанію: въ XVI вѣкѣ она нашла его въ религіи. То же должно сказать и о парламентѣ. Будучи высшимъ судебнымъ мѣстомъ, онъ, сверхъ того, будучи вправѣ, вносить въ свои протоколы королевскіе эдикты (droit de l'enregistrement), имѣлъ средство къ противодѣйствію монархіи. Онъ напомнилъ это право королю Франсуа въ 1517 году, по случаю конкордата съ папою Львомъ X, въ которомъ король и папа пожертвовали для своихъ цѣлей выгодами галликанской церкви. Но молодой король тогда былъ въ полной силѣ, богатъ деньгами, любимъ народомъ, и потому возразилъ парламенту: „во Франціи царствуетъ король; я не хочу, чтобы въ ней господствовалъ сенатъ, какъ въ Венеціи. Парламентъ существуетъ по волѣ короля только для суда въ государствѣ. Я имѣю волю, имѣю и средства привесть ее въ исполненіе“. Парламентъ умолкъ и не могъ настоять на созваніи собора, впрочемъ книгопечатаніе не молчало: письма и рѣчи противъ короля и его канцлера Дюпра наводнили Францію. Такимъ образомъ и парламентъ могъ найти предлогъ къ возстанію въ религіи, которая проповѣдывала свободное изслѣдованіе.

Но какъ она проникла сюда? Это увидимъ, разсмотрѣвъ b) умственное состояніе Франціи. Умственное движеніе Италіи коснулось Франціи. Гуманизмъ и изученіе классической древности пробудились и въ ней еще при Людовикѣ XI. Безпрерывныя сношенія съ Италіею, при Карлѣ VIII и Людовикѣ XII, произвели сильный приливъ возрожденной науки и возрожденнаго искусства во Францію. Ученые, по одиночкѣ и цѣлыми фамиліями, поселялись во Франціи; школы наполнялись учениками; огромныя типографіи братьевъ Этьеней заходили, число книгъ и читателей размножилось. Людовикъ XII привозилъ съ собою, какъ трофеи, много книгъ изъ италіанскихъ библіотекъ и много ученыхъ. Съ наукою переселялось возрожденное классическое искусство, и при блистательномъ дворѣ Франсуа I, вполнѣ разцвѣтаетъ renaissance. Красивъ, роскошенъ, рыцарь и вмѣстѣ деспотъ съ замашками Медичи, Франсуа, сдѣлалъ изъ царствованія своего „une magnifique

et superbe bombance". Блескъ двора, господство женщинъ, постройки, копіи съ статуй Венеры и Апполона украшали его царствованіе. Франсуа основалъ College de France и поручилъ ее руководству извѣстнаго гуманиста Будде. Онъ переписывался съ Эразмомъ, приглашалъ художниковъ Челлини и Леонардо-да Винчи, и посѣщалъ ихъ рабочія, забавлялся сатирами Маро и Рабеле, угощалъ за столомъ профессоровъ греческаго и латинскаго языка рядомъ съ прекрасными дамами. Онъ пріобрѣлъ названіе „отца словесности," а сестра его, Маргарита наварская—имя „десятой музы и четвертой граціи." Между тѣмъ, какъ король собственно изволилъ тѣшиться наукою и искусствомъ (le roi s'amusait), духъ изслѣдованія проникъ во Францію вмѣстѣ съ возрожденною наукою. Церковь, духовенство и самое государство должны были подпасть критикѣ. Нападенія на католицизмъ и папство открылись и во Франціи уже потому, что и здѣсь развиты были тѣ же злоупотребленія, которыя вездѣ возбуждали потребность реформы. Прелаты получали отъ своихъ мѣстъ доходы, но небрегли объ обязанностяхъ своего сана и предавались разврату; низшее духовенство было бѣдно; народъ грубъ и суевѣренъ. И такъ нападать было на что. Нападенія были со стороны *науки* и со стороны *народной сатиры*; они предшествовали реформѣ, сопровождали ее и пережили ее.

Гнѣздомъ новыхъ идей былъ югъ Франціи, гдѣ возстали въ средніе вѣка Альбигойцы и гдѣ уцѣлѣла страшная ненависть и память о разореніи, произведенномъ въ XII вѣкѣ Римомъ и его палачами. Первое общество реформаторовъ образовалось и первое сочувствіе къ новому ученію проявилось въ епархіи Мо около *Жака Лефевра* и епископа *Бриссоне,* изъ которыхъ первый отъ гуманизма классиковъ перешелъ къ ученію Лютера объ исключительномъ авторитетѣ св. Писанія и перевелъ на французскій языкъ Библію; а второй дѣломъ и словомъ задумалъ очистить паству отъ цинизма и святокупства монаховъ. Сорбона воздвигла на нихъ и ихъ сообщниковъ гоненіе: Бриссоне отрекся отъ своего ученія, а товарищи его были одни замучены, другіе нашли пріютъ при дворѣ сестры Франсуа I, Маргариты наварской, вполнѣ пропитанной новыми идеями объ оправданіи и невидимомъ главѣ церкви, которыя она выразила въ своемъ сочиненіи „le miroir de l'âme pecheresse." Подъ ея покровительствомъ и Ж. Лефевръ „отдалъ тѣло землѣ, имѣніе бѣднымъ, а душу вѣчному Богу."

Что касается до народной сатиры, то она также, какъ и въ Германіи бичевала пороки всѣхъ сословій, и по преимуществу духовнаго. Сначала она дѣйствовала подъ покровительствомъ правительства. Во время вражды Людовика XII съ папою Юліемъ II, труппа странствующихъ актеровъ (les enfants sans soucis), съ вѣдома короля, давала въ Парижѣ балаганные фарсы (sotties), въ которыхъ la Commune (народъ) жалуется на *Hypocrisie* (духовенство), что оно во мракѣ невѣжества ничего добраго не дѣлаетъ, только грабитъ да копитъ награбленное. Въ одномъ изъ этихъ фарсовъ *Mère-sotte*, безнравственная женщина въ духовномъ облаченіи, выдаетъ себя за мать вѣрующихъ и заставляетъ плакать *Peuple italique*. На сцену между прочимъ выводили *Sot-dissolu* въ одеждѣ легата, перебранивающагося съ *Dame-pragmatique* (договоръ Франсуа I съ папою). Но рѣзче и искуснѣе всѣхъ современниковъ дѣйствуетъ сатирою *Рабеле* (Rabelais). Сынъ виноторговца, поперемѣнно то монахъ, то свѣтскій священникъ, то докторъ-медицины, то, наконецъ, придворный Франсуа I, изъѣздившій Европу, Рабеле въ своемъ романѣ „Vie de Gargantua et de Pantagruel“ раскрываетъ до малѣйшихъ подробностей испорченность церкви, рабство и туманное, буквоѣдное словопреніе ученыхъ, грубое шарлатанство медиковъ, кривосудіе, облеченное въ хламъ формальностей римскаго права, ханжество а лицемѣріе. Общественныя язвы своего времени поэтъ ярко освѣтилъ насмѣшкою, нерѣдко циническою и грубою, но всегда мѣткою. Всего болѣе достается духовенству „отъ скулистыхъ обезьянъ—нищенствующихъ монаховъ, ничего не дѣлающихъ, бормочущихъ въ носъ псалмы и легенды, которыхъ сами они не разумѣютъ, до хищныхъ птицъ благозвучнаго острова—епископовъ, кардиналовъ и папы, которыхъ все занятіе состоитъ въ обжорствѣ и разгулѣ на счетъ каргановъ всего христіанства.“ „Безопаснѣе, впрочемъ“ говоритъ Рабеле: „бросать камень въ государей и въ ангеловъ, чѣмъ въ нихъ, въ этихъ святыхъ врановъ: они заѣдятъ, заклюютъ. Не затрогивайте ихъ, но и не слушайте ихъ: слушая ихъ можно сдѣлаться безбожникомъ. Лучше пейте: истина на днѣ стакана.“ Романъ Рабеле имѣлъ во Франціи то же значеніе, какое „Похвала глупости“ и „Письма темныхъ людей“ въ Германіи: онъ приготовлялъ и удобрялъ почву для посѣва и возрастанія реформаціонныхъ началъ.

Реформація проникла во Францію въ началѣ царствованія Франсуа I; но не лютеранизмъ пустилъ свои вѣтви во Франціи,

а мрачный кальвинизмъ. Самый характеръ и ходъ реформаціи во Франціи былъ отличенъ отъ характера и хода ея въ Германіи. Въ Германіи императоръ дѣйствовалъ противъ протестантовъ нерѣшительно, а мѣстныя власти даже благопріятствовали имъ; во Франціи, напротивъ, духовенство, поддерживаемое королевскою властію, употребляло всѣ мѣры къ искоренію нововведеній. Отсюда, тогда какъ въ Германіи реформаціонныя идеи распространялись явно, во Франціи онѣ долго скрывались во мракѣ лѣсовъ и горныхъ ущелій. Отъ этой скрытности французскіе протестанты получили названіе *Гугенотовъ**). Сначала оно даваемо было имъ въ насмѣшку, а потомъ было принято ими самими, какъ имя почетное и отличавшее ихъ отъ протестантовъ германскихъ, съ которыми они дѣйствительно были весьма разногласны въ религіозныхъ мнѣніяхъ.

2) *Личность реформатора.* Іоаннъ *Кальвинъ* родился въ 1509 году во французскомъ городѣ Нойонѣ, учился сначала правамъ, потомъ предался изученію богословія. Чтеніе библіи имѣло такое же вліяніе на переворотъ въ его убѣжденіяхъ, какъ и въ Лютерѣ; только онъ пошелъ далѣе Лютера, составилъ самостоятельную теорію вѣроисповѣданія и вскорѣ пріобрѣлъ многихъ послѣдователей, въ числѣ коихъ особенно замѣчателенъ бургундскій дворянинъ *Теодоръ Беза*, апостолъ кальвинизма во Франціи. Возбудивъ противъ себя преслѣдованія французскаго правительства, Кальвинъ сначала бѣжалъ въ Германію, а потомъ въ Женеву; здѣсь основалъ резиденцію новаго ученія и получилъ огромное духовное и политическое значеніе. Кальвинъ, личность неумолимо-мрачная, былъ типъ холоднаго фанатика: сухой, блѣдный, съ блестящими, глубоко впавшими глазами и черною бородою, онъ удивительно умѣлъ владѣть собою, былъ холодно-важенъ въ обращеніи, строгъ и простъ въ одеждѣ и пищѣ. У него было менѣе вдохновенія и живости чѣмъ у Лютера, но болѣе логичности и учености. Лютеръ въ минуты гнѣва былъ страстенъ, Кальвинъ холодно и неумолимо жестокъ. Лютеръ всю жизнь училъ, что истину нужно проповѣдывать словомъ, и только въ минуты гнѣва совѣтывалъ убивать крестьянъ. Кальвинъ училъ, что должно мечемъ истреблять ересь, и хладнокровно смотрѣлъ, какъ горѣлъ на кострѣ Серветъ за несогласіе съ его ученіемъ о св. Троицѣ. Ученикъ его Беза

*) Отъ миѳическаго короля Гугона, героя одной народной легенды, который странствовалъ по ночамъ.

говорилъ: учитель мой былъ неумолимъ до конца. Кальвинъ въ своемъ Institutio religionis christianae отвергалъ вовсе ученіе римской церкви, всю ея іерархію, всѣ обряды и таинства. Устройство, данное кальвинской церкви, было синодально-республиканское: управленіе христіанскихъ общинъ ввѣрялось совѣту старшинъ, законодательная власть—синодамъ изъ пастырей и старшинъ. Мрачный догматъ о раздѣленіи всего человѣчества на немногое число *избранныхъ* Богомъ (élus), для счастія въ этой и блаженства въ будущей жизни, и на массу *осужденныхъ* (damnés), которые обречены на временную и вѣчную погибель,—составляетъ замѣчательнѣйшую особенность кальвинскаго вѣроученія,

3) *Религіозныя движенія при Франсуа I, Генрихѣ II и Франсуа II.* Покровительствуя протестантамъ германскимъ изъ политическихъ видовъ, какъ соперникъ Карла V, Франсуа I, какъ король христіаннѣйшій и первородный сынъ католической церкви, явился самымъ ревностнымъ гонителемъ протестантовъ французскихъ. Многіе гугеноты были сожжены въ присутствіи двора и короля: подъ смертною казнію запрещено было печатаніе кальвинскихъ книгъ и установлена строгая цензура. Жестокіе поступки съ несчастными Ваатланцами, народомъ, дотолѣ въ неизвѣстности, посреди горъ, исповѣдывавшимъ альбигойское ученіе, произвели сильное негодованіе и дали много приверженцевъ реформѣ. Реформатскія церкви стали распространяться: онѣ явились въ Ліонѣ, Бордо, Анжерѣ и самомъ Парижѣ. Люди, извѣстные по своему сану и богатствамъ, были въ числѣ послѣдователей новаго ученія.

Таково было расположеніе умовъ, когда умеръ, Франсуа I. Правленіе сына его *Генриха II* (1547—59), во внѣшнемъ отношеніи довольно счастливое, во внутреннемъ было ничтожно. По свидѣтельству современниковъ, не столько король управлялъ другими, сколько другіе управляли имъ, и особенно Діана Пуатье. Генрихъ отъ природы былъ добръ, но совѣты окружающихъ заставили его съ жестокостью преслѣдовать реформаторовъ. Въ самый день его коронаціи, на Гревской площади медленнымъ огнемъ было сожжено нѣсколько гугенотовъ. Темницы наполнялись жертвами ложной религіозной ревности, люди погибали въ казняхъ. Не смотря на всѣ эти строгости, новыя идеи быстро распространялись: онѣ проникали въ суды, въ парламентъ и самый дворецъ королевскій. Каждый примѣръ мученической смерти увеличивалъ число послѣдователей и усиливалъ сопротивленіе. Раздраженный Генрихъ II уже хотѣлъ издать формальный эдиктъ о войнѣ про-

тивъ еретиковъ, какъ въ 1559 г. былъ нечаянно убитъ рыцаремъ Монгомери на турнирѣ, данномъ по случаю бракосочетанія дочери короля Елисаветы съ королемъ испанскимъ.

Старшій сынъ Генриха II, *Франсуа II* (1559—60), вступившій послѣ него на престолъ, долженъ былъ управлять сильно волновавшимся государствомъ въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ едва можетъ управлять самимъ собою. Ему было 16 лѣтъ. Слабый духомъ и тѣломъ, онъ не былъ въ состояніи уничтожить интриги придворныхъ и взять перевѣсъ надъ тѣми, которые домагались власти. Онъ никогда не желалъ зла, но не умѣлъ дѣлать и добра. При немъ начинается рядъ религіозно-политическихъ междоусобій, длившихся въ теченіи 35 лѣтъ, отнявшихъ у Франціи ея значеніе на западѣ Европы и едва не сдѣлавшихъ ее добычею Филиппа II, короля испанскаго. Существенный предметъ раздоровъ три раза измѣнялся: a) Сначала дѣло шло о томъ, какая изъ религіозно-политическихъ партій должна управлять государствомъ, при слабости Франсуа II и при малолѣтствѣ его преемника Карла IX. b) Затѣмъ выдвинулась на первый планъ смертельная борьба между обѣими религіями и рѣшался вопросъ: быть-ли Франціи державою католическою или протестантскою? Наконецъ, c) послѣ прекращенія дома Валуа, открылась борьба за наслѣдство французскаго престола. Вервенскій миръ окончилъ эту междоусобную войну въ пользу дома Бурбоновъ, и Генрихъ IV вступилъ на престолъ.

Партіи, существовавшія при дворѣ еще въ царствованіе Генриха II, теперь усилились и вступили въ борьбу за вліяніе надъ молодымъ королемъ или, что то же, за владѣніе престоломъ. Главныхъ партій было три: 1) герцоги лотарингскіе Гизы, которые вели родъ свой отъ Готфрида Бульонскаго и Карла В. и основывали свои права на родствѣ съ домомъ Валуа, а именно на томъ, что племянница Франсуа Гиза, Марія Стюартъ, была женою короля Франсуа II. Представителемъ ихъ былъ *Франсуа Гизъ,* съ достоинствами отличнаго вождя, соединявшій государственный умъ, неутомимую дѣятельность и громадное честолюбіе, неразбиравшее средствъ. Защита Меца и взятіе Кале доставили ему любовь и удивленіе Французовъ. Братъ его, епископъ реймскій кардиналъ *Карлъ Гизъ*, владѣвшій огромными имѣніями, былъ ловкій политикъ, фанатическій католикъ, твердый въ бѣдѣ, заносчивый въ счастіи. Обоимъ много помогала племянница ихъ *Марія Стюартъ*, красотою своею владычествовавшая надъ королемъ. 2) Принцы крови изъ дома бурбонскаго, наслѣдники престола въ случаѣ

прекращенія дома Валуа, съ негодованіемъ видѣли, что Гизы пользуются довѣренностію и властію. *Антуанъ Бурбонъ*, старшій изъ принцевъ, король наварскій, легковѣрный и не слишкомъ далекій по уму, былъ побуждаемъ противъ Гизовъ супругою и братомъ, *Людовикомъ Конде*, честолюбивымъ и даровитымъ государственнымъ и свѣтскимъ человѣкомъ. По происхожденію и талантамъ Людовикъ Конде долженъ былъ занимать первое мѣсто въ государствѣ, а потому ненавидѣлъ Франсуа Гиза, заступившаго ему дорогу. Онъ былъ протестантъ столько же изъ политическихъ видовъ, сколько по убѣжденію. Въ протестантской партіи, главою которой объявилъ себя Людовикомъ Конде, былъ еще даровитый полководецъ и государственный человѣкъ — адмиралъ *Колиньи* изъ древняго дома Шатильонъ, имѣвшій огромное вліяніе не только на французскихъ гугенотовъ, но и на весь протестантскій міръ. 3) Внѣ партій стояла и сама образовывала отдѣльную партію *Катерина Медичи*, мать короля. Завидуя власти Маріи и Гизовъ, она скрывала свою ненависть подъ личиною всѣхъ возможныхъ ласкъ. Превосходствомъ ума и хитростію она имѣла вліяніе на сына и, видя невозможность одной властвовать надъ королемъ, сближалась то съ Гизами, то съ Бурбонами, выискивая случая погубить тѣхъ и другихъ. Страстная, честолюбивая и коварно-умная, она была готова на все, чтобы только достигнуть своей цѣли. Власть была ея цѣлью, все прочее, самая даже религія — средствомъ. Главнымъ правиломъ ея политической жизни было изрѣченіе извѣстнаго Маккіавели, котораго книги замѣняли ей молитвенникъ: „все раздѣляй, всѣмъ повелѣвай".

На сторонѣ Гизовъ и Медичи были: католики, правительство, духовенство и простой народъ; на сторонѣ Бурбоновъ: протестанты, состоявшіе большею частію изъ богатыхъ жителей приморскихъ городовъ и провинціальной аристократіи, враждебной королевской власти.

Таково было состояніе Франціи, таковы были люди, державшіе въ рукахъ судьбу ея и спорившіе между собой о власти. Франсуа Гизъ и кардиналъ лотарингскій, еще при вступленіи на престолъ молодого короля, овладѣли правленіемъ, а Катерина Медичи осталась въ тѣни. Гизы, рѣшившіеся изъ собственнаго дѣла сдѣлать дѣло религіи, начали преслѣдовать гугенотовъ. Заведены были такъ называемыя chambres ardentes для розыска о еретикахъ. Казни гугенотовъ стали ежедневны. Гонимые рѣшились искать опоры въ принцѣ Конде и тайно собирались для совѣщанія о мѣрахъ противъ Гизовъ. Колиньи развилъ предъ принцемъ силы реформато-

ровъ и показалъ ему возможность воспользоваться этими силами и утвердить торжество свое собственное и торжество своей религіи. Конде согласился. Втайнѣ составленъ былъ планъ отнять у Гизовъ власть, захвативъ въ свои руки короля въ Блуа, гдѣ онъ проводилъ зиму. Для исполненія заговора, выбрали одного смѣлаго дворянина—Ла-Реноди. Но Гизы обо всемъ провѣдали, перевели резиденцію короля въ Амбоазъ и приготовились къ защитѣ. Заговорщики, подступивъ подъ стѣны Амбоаза, встрѣтили нежданное сопротивленіе и были частію отражены, частію схвачены. Начались казни. Конде сначала остался въ сторонѣ, не смотря на сильныя улики; Гизы усилились болѣе, чѣмъ прежде, и хотѣли ввести инквизицію, предоставя судъ надъ протестантами однимъ епископамъ. Но благородный канцлеръ Л'Опиталь предложилъ собрать государственные чины въ Орлеанѣ для окончательнаго рѣшенія религіозныхъ дѣлъ. Бурбоны, надѣясь на свое званіе принцевъ крови и полагая, что Гизы не осмѣлятся употребить противъ нихъ насилія, явились въ Орлеанъ. Къ нимъ тотчасъ приставлена была стража подъ видомъ почетнаго караула, а вслѣдъ за тѣмъ принцъ Конде обвиненъ былъ въ возбужденіи враговъ противъ короля, заключенъ въ темницу и преданъ суду, составленному изъ партіи Гизовъ. Явная смерть угрожала принцу Конде, какъ вдругъ неожиданно смерть Франсуа II, спасла его.

6) *Религіозныя войны при Карлѣ IX и Генрихѣ III.* По смерти бездѣтнаго Франсуа II, на французскій престолъ вступилъ братъ его, второй сынъ Генриха II, малолѣтній *Карлъ IX* (1560—74 г.), подъ опекою матери своей Екатерины Медичи. Екатерина, взявъ въ свои руки правленіе, хотѣла надолго упрочить свою власть надъ сыномъ и государствомъ и для этого рѣшилась обезсилить партіи Бурбоновъ и Гизовъ, гугенотовъ и католиковъ, питая вражду между ними и защищая то одну, то другую, смотря по тому, какая изъ нихъ была слабѣе.

Такое странное и неопредѣленное отношеніе между двумя враждебными партіями только усиливало взаимную между ними ненависть. Гугеноты недовольны были немногими, сдѣланными для нихъ уступками и требовали полнаго признанія правъ своей церкви. Католики негодовали за сдѣланныя гугенотамъ уступки, почитая ихъ оскорбленіемъ для католической церкви. Религіозная ненависть со дня на день усиливалась. Обѣ партіи были втайнѣ вооружены. На улицахъ происходили стычки и драки. Гизы и Бурбоны своею эгоистическою ненавистію другъ къ другу еще болѣе усиливали вражду.

Насильственно сдерживаемая, она наконецъ прорвалась наружу, когда свита герцога Гиза нахально напала на толпу молившихся гугенотовъ въ деревушкѣ Васси и перебила ихъ. *Убійство въ Васси* открыло длинный рядъ междоусобныхъ войнъ, которыя продолжались съ небольшими перерывами около 30 лѣтъ, отъ 1565—1595 года. Католики, Гизы и Екатерина Медичи руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ совѣтами мрачнаго представителя католицизма въ Европѣ—Филиппа II испанскаго, условясь съ нимъ истребить до корня еретиковъ. Гугеноты и Бурбоны искали помощи у представительницы протестантизма—Елисаветы англійской, уступая ей нѣкоторые города во Франціи. Нигдѣ религіозныя войны не носили такого страшнаго, ожесточеннаго и мрачнаго характера, какъ во Франціи. Въ то время, какъ Гизы и Бурбоны вели правильную войну арміями, въ провинціяхъ и селахъ вели своего рода войну отдѣльныя толпы, предводимыя феодальными баронами. Въ городахъ, селеніяхъ, семействахъ открылся раздоръ и ожесточеніе: отцы обвиняли дѣтей, дѣти отцевъ, братья братьевъ, жены мужей. Брали городъ католики и истребляли въ немъ все до тла; брали гугеноты и поступали точно также. При заревѣ пожаровъ, при звонѣ набатныхъ колоколовъ, при стонахъ жертвъ, носились изъ конца въ конецъ Франціи люди, подобные свирѣпому католику *Блезъ-де-Монлюкъ*, который обозначилъ путь свой повѣшенными на деревьяхъ гугенотами и мрачному гугеноту *барону д'Адре*, котораго „боялись пуще грозы небесной, пуще урагана, истребляющаго нивы, селенія и города“. Рядомъ съ этими явными убійствами происходили тайныя, особенно руководимыя Екатериною Медичи, которая вынесла изъ своей родины искусство отравленій и окуривала свои отравы благовоніями востока. Среди смутъ и убійствъ водворялся развратъ, рыцарской доблести почти не было и въ поминѣ.

Послѣ трехъ кровопролитныхъ войнъ, въ которыхъ предательски убитъ былъ Франсуа Гизъ и нашелъ смерть Людовикъ Конде, послѣ трехъ непрочныхъ перемирій, Екатерина Медичи, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, рѣшилась покончить дѣло съ усилившимися гугенотами и своими личными врагами громаднымъ злодѣйствомъ, которому подобнаго не представляетъ исторія христіанскихъ народовъ. Въ 1572 г. заключенъ былъ съ гугенотами миръ въ *Сенъ-Жерменѣ*, по которому имъ предоставлено было болѣе правъ и религіозныхъ и гражданскихъ, чѣмъ когда либо прежде. Для большей прочности примиренія положено было соче-

тать бракомъ главу гугенотовъ и представителя Бурбоновъ, молодого Генриха наварскаго (сына Антуана) съ сестрою короля Маргаритою Валуа. Множество гугенотовъ явилось въ Парижъ присутствовать при бракосочетаніи своего главы; въ числѣ ихъ были: молодой принцъ Конде (двоюродный братъ Генриха Бурбона) и адмиралъ Колиньи. Умный Колиньи сблизился здѣсь съ королемъ. Карлъ IX, молодой человѣкъ раздражительнаго характера, благородный по природѣ, но испорченный злою матерью, искренно желалъ мира и отъ души полюбилъ старика Колиньи. Пользуясь своимъ вліяніемъ, адмиралъ убѣдилъ короля измѣнить политику Франціи, разорвать всѣ связи съ Филиппомъ II, королемъ испанскимъ, подать помощь Нидерландамъ и вступить въ тѣсный союзъ съ державами протестантскими. Екатерина Медичи и Гизы опасались, чтобы Колиньи, пользуясь сильнымъ вліяніемъ на Карла IX, не удалилъ ихъ отъ управленія Франціею, и рѣшились избавиться отъ него убійствомъ. Но планъ ихъ не удался: подосланный убійца ранилъ, а не убилъ Колиньи. Тогда Екатерина задумала привести въ исполненіе планъ, еще лѣтъ 10 тому назадъ составленный ею и Гизами и потомъ подкрѣпленный совѣтами Испаніи, планъ истребить всѣхъ гугенотовъ во Франціи. Пользуясь болѣзнію Колиньи, она съумѣла овладѣть слабымъ королемъ и, отчасти словами, отчасти подложными документами, убѣдила его, что адмиралъ былъ главнымъ виновникомъ междоусобныхъ войнъ, что, посредствомъ союза съ протестантскими державами, онъ хочетъ самъ сдѣлаться главою государства, погубить королевскую фамилію и обратить Францію въ кальвинизмъ. Карлъ IX колебался до конца; но вспыльчивый и нарочно раздраженный, не съумѣлъ отразить страшныхъ доводовъ, приведенныхъ хитрою Екатериною и ея клевретами, и, почти обезумѣвъ, далъ свое согласіе на смерть не только адмирала Колиньи, но и всѣхъ гугенотовъ. Убійство назначено было произвести въ ночь на 24 августа (въ 1572 г.) или на день св. Варѳоломея. Колоколъ церкви св. Германа долженъ былъ подать сигналъ къ злодѣйству. Но еще прежде, среди глубокой тишины этой страшной ночи, раздался гдѣ-то пистолетный выстрѣлъ. Этотъ слабый едва слышный звукъ поразилъ ужасомъ не только короля, но и мать его. Они тотчасъ отправили приказаніе остановиться. Но посланный возратился съ отвѣтомъ: „поздно“; колоколъ св. Германа предупредилъ его: рѣзня уже началась. Въ эту *Варѳоломеевскую ночь* или Парижскую кровавую свадьбу погибли почти всѣ гугеноты, находившіеся въ Парижѣ, и въ числѣ ихъ адмиралъ

Колиньи; спаслись очень немногіе, въ томъ числѣ Генрихъ король наварскій и принцъ Конде (сынъ Людовика), и то только подъ условіемъ принять католическую вѣру. Подобныя убійства происходили и во многихъ другихъ городахъ Франціи. Число павшихъ гугенотовъ полагаютъ различно: католики уменьшаютъ до семи тысячъ, протестанты увеличиваютъ до ста тысячъ человѣкъ; считать ихъ было некому и некогда. Сена и Лоара унесли много труповъ въ море.

Впечатлѣніе, произведенное на европейскія государства извѣстіемъ о Варѳоломеевской ночи, было не одинаково. Испанскій король Филиппъ II былъ чрезвычайно радъ и поздравлялъ Карла IX съ тѣмъ, что онъ истребилъ враговъ вѣры и государства, и жалѣлъ только, что не всѣ они погибли; папа Григорій XIII праздновалъ этотъ день, какъ торжество католической вѣры, и благодарилъ Бога за истребленіе еретиковъ. Императоръ Максимиліанъ II не одобрялъ убійства; въ дѣлахъ вѣры, говорилъ онъ, надобно дѣйствовать не мечемъ, а убѣжденіемъ; англійская королева Елисавета и весь дворъ ея надѣли трауръ, когда французскій посланникъ извѣстилъ ее о кровавомъ событіи во Франціи. Гугеноты, пораженные ужасомъ, сначала не оказывали никакого сопротивленія, но, когда первыя минуты опасности миновались, они приняли отчаянныя мѣры къ своей защитѣ, удалились въ укрѣпленные города, принялись за оружіе, и во Франціи снова началась междоусобная война. Крѣпость Ла-Рошель сдѣлалась главнымъ мѣстомъ защиты гугенотовъ; братъ короля, герцогъ анжуйскій Генрихъ принялъ начальство надъ католическимъ войскомъ, не, не смотря на всѣ усилія, не могъ овладѣть городомъ. Въ это время умеръ польскій король Сигизмундъ II Августъ (1572 г.), послѣдній изъ династіи Ягеллоновъ; Польша объявлена была государствомъ избирательнымъ и сеймъ избралъ на польскій престолъ любимаго сына Екатерины Медичи, Генриха анжуйскаго. Желая скорѣе отправиться въ новое свое королевство, Генрихъ заключилъ съ гугенотами миръ въ 1573 году, по которому имъ предоставлено было право свободнаго отправленія богослуженія. Такимъ образомъ ужасное убійство гугенотовъ, слѣдствіе коварной политики Екатерины Медичи и Гизовъ, не достигло своей цѣли.

Карлъ IX мучился угрызеніями совѣсти, не смотря на ободрительныя убѣжденія духовенства и папы, что онъ совершилъ благое дѣло для церкви. Истерзанный душевною тревогою боясь, своей страшной матери, окруженный интригами въ родной семьѣ, онъ

зачахъ и умеръ всѣми оставленный, на рукахъ гугенотки своей няни и гугенота доктора,—несчастная жертва смутнаго времени и своей матери.

Послѣ него на французскій престолъ вступилъ братъ его *Генрихъ III* (1573—89), царствовавшій въ это время въ Польшѣ. Боясь, чтобы Поляки не воспрепятствовали его отъѣзду, онъ тайно удалился изъ Варшавы и принятъ былъ во Франціи съ восторгомъ ревностными католиками, потому что былъ главнымъ участникомъ Варѳоломеевской ночи, и они надѣялись, что въ его царствованіе гугеноты совершенно будутъ истреблены. Но надежда ихъ не сбылась. Генрихъ III, послѣдняя выродившаяся отрасль дома Валуа, былъ однимъ изъ самыхъ безхарактерныхъ, пошлыхъ и безнравственныхъ королей Франціи. То развратничая съ своими миньонами, то ходя въ процессіяхъ кающимся грѣшникомъ, онъ совершенно растерялся среди запутанныхъ обстоятельствъ; боясь всѣхъ партій и измѣняя всѣмъ, онъ то покровительствовалъ гугенотамъ и предоставлялъ имъ важныя преимущества, то, соединяясь съ католиками, жестоко преслѣдовалъ гугенотовъ. Эта непостоянная политика была причиною того, что его равно возненавидѣла и та и другая партія. Католики, руководимые Гизами, надѣявшимися сначала, что король истребитъ во Франціи протестантизмъ, составили союзъ, извѣстный подъ именемъ *католической лиги*, для того, чтобы принудить Генриха III дѣйствовать рѣшительно. Союзъ этотъ день ото дня болѣе и болѣе усиливался и распространялся по государству; глава его смѣлый и честолюбивый герцогъ Генрихъ Гизъ сдѣлался такъ силенъ и популяренъ, что явно противился королю, предписывалъ ему образъ дѣйствія. Зная, что со смертію Генриха III прекратится династія Валуа, онъ хотѣлъ отстранить отъ наслѣдства Генриха, короля наварскаго, какъ гугенота, и проложить самому себѣ путь къ французскому престолу. Генрихъ III видѣлъ, что власть упадаетъ и не въ силахъ будучи бороться съ Гизомъ, котораго называлъ королемъ Парижа, приказалъ умертвить его, полагая, что со смертію главы, разрушится и союзъ. Но смерть Гиза еще болѣе вооружила католическую партію противъ короля; волненіе умовъ увеличилось; самая жизнь Генриха III въ Парижѣ была не безопасна, такъ что онъ перешелъ на сторону гугенотовъ, соединился съ Генрихомъ наварскимъ и съ помощію его хотѣлъ усмирить католическую лигу. Но одинъ фанатикъ, *Жакъ Клеманъ*, пробрался въ лагерь и умертвилъ Генриха III въ 1589 году. Съ нимъ прекратилась династія Валуа.

Законнымъ наслѣдникомъ престола былъ *Генрихъ Бурбонъ, король наварскій*, потомокъ по прямой линіи короля Людовика IX; онъ и провозглашенъ былъ въ своемъ лагерѣ королемъ подъ именемъ Генриха IV. Но Парижъ, находившійся въ рукахъ начальниковъ лиги, затворилъ предъ ними свои ворота, и лига, объявивъ, что Генрихъ Бурбонъ не можетъ быть на престолѣ Франціи, какъ протестантъ, избрала герцога Карла Майенія (меньшаго брата умерщвленнаго Генриха Гиза) намѣстникомъ государства. Филиппъ II воспользовался этимъ новымъ замѣшательствомъ во Франціи и, поддерживая лигу и герцога Майенія, имѣлъ виды на престолъ Франціи для своей дочери, которую хотѣлъ сочетать бракомъ съ сыномъ убитаго герцога Гиза. Генрихъ IV долженъ былъ вести войну съ своими многочисленными противниками въ одно и то же время, въ разныхъ мѣстахъ государства. Хотя онъ и разбилъ при Иври главное войско лиги, предводимое герцогомъ Майеніь и подкрѣпляемое Испанцами, но сила лиги еще не была сломана. Только, когда Генрихъ перешелъ торжественно къ католической вѣрѣ, отнялъ онъ у лиги главный предлогъ къ упорству, и почти вся Франція признала его королемъ. Одинъ Парижъ, находившійся подъ вліяніемъ 16 самыхъ фанатическихъ лигеровъ, не сдавался; но и онъ покорился послѣ долгой осады, заморенный голодомъ. Лига умерла и была осмѣяна въ сатирѣ Menippée. Междоусобная война кончилась; но оставался еще внѣшній врагъ—Филиппъ II, который примирился съ Генрихомъ IV только въ послѣдній годъ своей жизни по миру въ Вервенѣ (1598).

III.

Возвышеніе неограниченной монархіи во Франціи.

1) *Генрихъ IV Бурбонъ* (1594—1610). Отвоевавъ у Французовъ свое государство, Генрихъ IV принялъ его въ самомъ печальномъ положеніи: a) Религіозный и политическій фанатизмъ партій еще не утихъ и грозилъ новыми бѣдами. b) Экономическая часть государственнаго управленія представляла хаосъ и разореніе. Долги были неоплатные (300.000.000 лив.), порядка въ сборѣ податей не было: народъ платилъ много, казна получала мало, все шло въ карманъ сборщиковъ податей, которые грабили народъ, совершенно обнищавшій; двѣ трети земель оставались невоздѣланными; народъ привыкъ къ бродяжничеству; взросшіе среди 38-лѣтнихъ войнъ солдаты своевольничали, какъ въ чужой землѣ. c) По-

литическое достоинство Франціи въ Европѣ было унижено: габсбургскій домъ возвысился и въ Германіи и въ Испаніи, Франція чуть не стала второстепенною державою.

Примирить партіи, устроить государство внутри и возвратить ему его политическое значеніе въ Европѣ—вотъ задача, надъ рѣшеніемъ которой трудился благородный Генрихъ IV.

a) Для своихъ католическихъ подданныхъ Генрихъ IV пожертвовалъ своими религіозными убѣжденіями: изъ протестанта сдѣлался католикомъ. Для прежнихъ своихъ товарищей, единовѣрцевъ—гугенотовъ, которые помогли ему добыть государство, онъ въ 1598 году издалъ *Нантскій эдиктъ*. Этимъ эдиктомъ предоставлена была имъ полная свобода вѣры и свобода богослуженія (вездѣ, исключая Парижа, Реймса и Тулузы), полныя права французскихъ гражданъ и въ обезпеченіе дано нѣсколько крѣпостей въ государствѣ (каковы Ла-Рошель, Монтобанъ и др.), гдѣ они могли имѣть оружіе и войско. Этою вѣротерпимостью Генрихъ IV, самъ индеферентистъ въ дѣлѣ вѣры, на время, по крайней мѣрѣ, успокоилъ государство. Парламентъ не хотѣлъ было внести эдикта въ свои протоколы, представляя Генриху, что онъ измѣняетъ папѣ. Генрихъ настоялъ на своемъ, возразивъ парламенту: „я знаю свои обязанности къ папѣ лучше, можетъ быть, тѣхъ, которые святой санъ его дѣлаютъ предлогомъ для своихъ возмутительныхъ видовъ: я покорилъ государство, врученное мнѣ Богомъ, и сумѣю обуздать мятежниковъ.“

Въ отношеніи къ политическимъ партіямъ, Генрихъ IV, обязанный престоломъ отчасти аристократіи, не хотѣлъ нарушать ея старыхъ правъ, но онъ умѣлъ привязать ее къ себѣ: она повиновалась ему, болѣе любя и уважая въ немъ благороднаго человѣка и истиннаго француза, чѣмъ признавая въ немъ право монарха. Впрочемъ, гдѣ своеволіе феодаловъ грозило государству, тамъ Генрихъ умѣлъ быть королемъ: при финансовомъ преобразованіи государства онъ отнялъ у нихъ много старыхъ привиллегій, вредныхъ для народа, а когда его задушевный другъ, знаменитый древностію рода герцогъ Биронъ, вздумалъ было заключить противъ него союзъ съ Испаніею, онъ, скрѣпя сердце, отдалъ его голову палачу.

b) Экономическое устройство государства принадлежитъ славному герцогу *Сюлли*, маршалу Франціи, первому министру Генриха. Съ одиннадцати-лѣтняго возраста товарищъ Генриха, участникъ его тревожной походной жизни, помощникъ въ управленіи,

другъ души его, Сюлли происходилъ изъ древней аристократической фамиліи, по вѣрѣ былъ протестантъ, по уму замѣчательный государственный человѣкъ, по душѣ честный, прямой, строгій къ себѣ и другимъ, другъ Генриха, но еще болѣе другъ правды и общаго блага.

Принявъ Францію съ 300.000.000 ливровъ долгу, безъ гроша денегъ, онъ успѣлъ въ 12 лѣтъ, посредствомъ введенія строгаго порядка и отчетности въ сборѣ податей, строгой экономіи и поощренія сельской промышленности, уплатить весь долгъ и скопить еще 40 милліоновъ ливровъ въ казнѣ, нисколько не отягощая народа. Справедливое преслѣдованіе лихоимства и строгая бережливость Сюлли навлекли на него негодованіе придворныхъ, привыкшихъ къ роскоши и расточительности. Такъ какъ Сюлли никогда почти не удовлетворялъ ихъ неразумныхъ требованій касательно денегъ, то они клеветали на него предъ Генрихомъ; но добрый государь, вполнѣ увѣренный въ честности своего министра, презиралъ всѣ наговоры, и клеветники должны были ограничиться тѣмъ, что прозвали Сюлли въ насмѣшку un homme négatif.

Сюлли почиталъ сельскую промышленность основою государственнаго и частнаго богатства: „земледѣліе и скотоводство“, говорилъ онъ: „суть единственные кормилицы государства“. Промышленность фабричную и торговую почиталъ онъ непроизводительными. Вслѣдствіе этого, довольно узкаго взгляда на общественное хозяйство, Сюлли покровительствовалъ только земледѣлію и, еслибы не Генрихъ IV, несоглашавшійся въ этомъ отношеніи съ своимъ министромъ, то промышленная жизнь Франціи получила бы слишкомъ одностороннее и потому неправильное направленіе.

Но и при такихъ недостаткахъ въ понятіи объ экономіи, Сюлли получилъ право на несомнѣнную признательность Французовъ: въ какія-нибудь 12 лѣтъ, Франціи узнать нельзя было, такъ она окрѣпла и оправилась.

c) Успокоивъ государство внутри, Генрихъ IV хотѣлъ поднять значеніе Франціи извнѣ, ограниченіемъ могущества габсбургскаго дома. Благородство своихъ убѣжденій и въ то же время непрактичность ихъ выразилъ Генрихъ въ такъ называемомъ проектѣ вѣчнаго мира или обще-европейской республики. Цѣлью этого проекта было изгнаніе войны въ рѣшеніи международныхъ споровъ и замѣнъ ея мирнымъ конгрессомъ изъ европейскихъ державъ. Для этого почиталъ Генрихъ IV необходимымъ перемеже-

вать всю Европу и лишить габсбургскій домъ его италіянскихъ владѣній. Само собою разумѣется, что безъ войны этого достичь было нельзя и Генрихъ IV сдѣлалъ уже всѣ приготовленія къ войнѣ съ имперіею, когда былъ изъ-за угла зарѣзанъ фанатикомъ Равальякомъ. По всему вѣроятію іезуиты употребили Равальяка орудіемъ для освобожденія католицизма отъ составителя нантскаго эдикта.

2. *Людовикъ XIII* (1610—43). Едва стали заживать раны, нанесенныя Франціи религіозно-политическими смутами, какъ Генрихъ IV умеръ подъ ножемъ Равальяка (1610). Сынъ его Людовикъ XIII былъ дитя; регентство перешло къ королевѣ-матери, пустой *Маріи Медичи*. Италіянскій авантюристъ *Кончини* и жена его *Элеонора Галигаи*, вкравшись въ довѣренность регентши, захватили въ свои руки всю власть, привели къ двору толпу оборванныхъ Италіянцевъ, расточили и разграбили казну, накопленную бережливостію Сюлли, который удалился отъ дѣлъ. Ни о народѣ, ни о политическомъ значеніи Франціи Кончини, возведенный въ достоинство marechal d'Ancre, не заботился; народъ грабилъ кто хотѣлъ, а политическіе интересы государства проданы были испанско-габсбургскому дому. Но аристократія, не забывшая еще своего недавняго значенія во времена лиги, повиновавшаяся королю потому, что этотъ король былъ Генрихъ IV—образецъ Француза, почитала униженіемъ повиноваться пришельцу-авантюристу. Въ главѣ недовольныхъ сталъ принцъ крови *Конде*, лично оскорбленный маршаломъ д'Анкръ, и четыре раза съ оружіемъ въ рукахъ аристократы боролись съ трономъ. Междоусобіе терзало Францію, наконецъ, *Люинъ* товарищъ и совоспитанникъ короля, убѣдилъ короля взять правленіе въ свои руки. Кончини былъ убитъ, жена его сожжена на кострѣ, какъ колдунья. Король объявилъ себя совершеннолѣтнимъ, но за него правилъ ничтожный Люинъ, и смуты продолжались. Наконецъ, королева, думая снова взять въ руки короля и королевство, успѣла втиснуть въ совѣтъ королевскій человѣка, который казалось совершенно былъ ей преданъ, епископа люсонскаго *Ришлье* (1624), и скоро король, королева и все государство попали въ руки Ришлье.

Положеніе государства было безотрадно: при дворѣ происходили интриги, даже неприкрывавшіяся предлогомъ общаго блага. Власть королевская, „ограбленная до послѣдней нитки", должна была выносить угрозы знатныхъ, у однихъ покупать, у другихъ съ оружіемъ отвоевывать повиновеніе. Гугеноты образовывали какъ

бы независимое государство во Франціи: они имѣли свои политическія собранія, свои крѣпости, арсеналы, свою столицу Ла-Рошель, своихъ правителей и вождей въ знатнѣйшихъ домахъ Франціи. Волнуя югъ, владѣя моремъ, они собирали войска и налоги отъ своего имени и скрѣпляли свои распоряженія печатью, на которой вырѣзано было изображеніе религіи, опирающейся на крестѣ, держащей евангеліе и попирающей скелетъ (римскую церковь). Финансы были разграблены: расходы большіе, подати и налоги огромные, но большею частію шли не въ казну, а въ карманы чиновниковъ, которые ихъ собирали. Сельское населеніе страдало невыразимо. Пользуясь ослабленіемъ королевской власти и междоусобіями, знать дѣйствовала по праву сильнаго. Одни облагали поселянъ произвольною барщиною, другіе, промотавшись на игру и распутство, занимали деньги подъ залогъ личности поселянина. При отсутствіи дисциплины, войска просто грабили крестьянина, отнимали его имущество, ломали земледѣльческія орудія, выпрягали коней изъ плуговъ для своихъ обозовъ. Среднее сословіе, съ одной стороны, терпѣло отъ непомѣрнаго множества пошлинъ, которыя называло кормомъ чиновниковъ, съ другой стороны— должно было сносить дерзкое презрѣніе аристократіи, которая, во время собранія генеральныхъ штатовъ (1614), выходила изъ себя отъ гнѣва за то, что среднее сословіе осмѣлилось назвать ея членовъ своими братьями. Не лучше было и внѣшнее положеніе страны. Стремленіе унизить габсбургскій домъ было оставлено: въ Германіи Фердинандъ II достигъ такой силы, какой не имѣлъ Карлъ V; Испанія утвердила свое вліяніе на Италію; Англія и Голландія явно дружили съ французскими гугенотами.

Однимъ словомъ, при вступленіи Ришлье въ министерство, Франція представляла всѣ признаки падающаго государства: анархію въ управленіи, безнаказанность силы, правильно устроенный бунтъ. Первою необходимостію ея было, по мнѣнію Ришлье, усиленіе королевской власти; за него и взялся Ришлье, возведенный папою въ санъ кардинала. Онъ имѣлъ гибкость ума и характера, нужную для того, чтобы пробиться въ люди и взять власть; имѣлъ силу и твердость ума и воли, необходимыя для того, чтобы удержать власть. Министръ заслонилъ въ немъ духовную особу: когда онъ служилъ обѣдню, его окружали мушкетеры, когда было нужно, онъ самъ велъ войска въ поле. Препятствій онъ не зналъ: одни обходилъ, другія ломалъ. Его терпѣть не могли, но ему повиновались всѣ, начиная съ короля, который собственно

былъ его секретарь. Всѣмъ жертвовать для государства, единственной цѣли короля и его совѣтниковъ—вотъ его правило. Унизить извнѣ габсбургскій домъ, внутри аристократію—его цѣль; сила, управляемая умомъ—его средство. Коварство, введенное во Францію Медичисами, онъ замѣнилъ открытою силою и здравымъ смысломъ, кинжалъ и ядъ—мечемъ и сѣкирою. Ришлье часто былъ страшенъ, всегда ловокъ и уменъ; но никогда не былъ коваренъ и низокъ: низость не нужна силѣ. Не имѣя другихъ враговъ, кромѣ враговъ того, что онъ называлъ государствомъ, онъ билъ ихъ нещадно, ломалъ и давилъ безъ жалости. Скоро знать увидѣла свои крѣпости разрушенными, заговоры открытыми, вождей обезглавленными на гревской площади; она не хотѣла называть буржуа своими братьями на государственныхъ собраніяхъ, Ришлье побраталъ ихъ на лобномъ мѣстѣ. Для того, чтобы привести въ исполненіе свою идею о государѣ и государствѣ, Ришлье нужно было овладѣть прежде всего королемъ: не овладѣй онъ Людовикомъ XIII, всѣ планы его въ пользу королевской власти погибли бы.

Людовикъ XIII, человѣкъ безъ силы душевной, безъ постоянныхъ привязанностей, 19 лѣтъ былъ въ рукахъ Ришлье, хотя и тяготился своимъ министромъ. Что же привязывало его къ нему? Во-первыхъ, лѣнивая натура короля, который приходилъ въ ужасъ при одной мысли нести на себѣ тягость дѣлъ государственныхъ, которыя шли такъ удачно въ рукахъ Ришлье, умѣвшаго выставить королю даже въ преувеличенномъ видѣ громадность взятаго имъ на себя бремени и такимъ образомъ сдѣлаться ему необходимымъ. Еще тѣснѣе, во-вторыхъ, привязывала короля къ министру врожденная недовѣрчивость, усиленная обстоятельствами и самимъ кардиналомъ. Людовикъ видѣлъ врага въ матери, которой боялся, какъ женщины честолюбивой и имъ, по настоянію Ришлье, уже разъ оскорбленной; онъ боялся жены своей Анны, дочери испанскаго короля, какъ принцессы изъ враждебнаго габсбургскаго дома; онъ боялся брата своего Гастона, пошлаго честолюбца, который спалъ и видѣлъ, какъ бы завладѣть престоломъ при бездѣтномъ королѣ; онъ боялся, наконецъ, знати и гугенотовъ, гордо державшихся противъ трона. Ришлье взялся освобождать и спасать его и отъ необходимости думать, и отъ враговъ, прикрывалъ его собою, и Людовикъ предался вполнѣ ему, хотя быть можетъ, не любилъ его. Принявъ на себя эту обязанность, Ришлье тоже чувствовалъ необходимость въ Людовикѣ, чтобы го-

лова его не полетѣла вмѣстѣ съ кардинальскою шапкою. Ихъ связывало, стало быть, единство враговъ.

Прикрываясь королевскою властію, Ришлье прямо пошелъ къ достиженію своей цѣли—усиленію государства, посредствомъ возстановленія монархіи внутри и униженія габсбургскаго дома извнѣ. Это было его убѣжденіе, и нельзя не удивляться той энергіи, съ какою онъ провелъ его въ дѣйствительность, хотя и сжимается сердце при стонахъ жертвъ. Въ стремленіи къ своей цѣли два главныя препятствія встрѣтилъ Ришлье: 1) гугенотовъ, образовавшихъ въ государствѣ какъ бы другое государство, всегда готовыхъ возстать для поддержанія феодальныхъ правъ Субизовъ, Рогановъ и другихъ древнихъ родовъ. Вѣрованія гугенотовъ не смущали Ришлье: онъ былъ болѣе министръ Франціи, чѣмъ кардиналъ римской церкви, онъ имѣлъ въ виду не церковь, а государство. 2) Знать, опиравшуюся на гугенотахъ: онъ билъ ихъ одновременно потому, что они взаимно другъ друга поддерживали.

а) Борьба съ гугенотами. Гугеноты группировались главнымъ образомъ на сѣверѣ—въ Ла-Рошели, которая находила опору въ Англіи и въ фамиліи Субизовъ; на югѣ—въ Лангедокѣ, опиравшемся на Испанію и на фамилію Рогановъ и Монморанси. Возстанія открывались всегда разомъ и всегда въ такомъ случаѣ, когда французское правительство находилось въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Англіи и Испаніи. Этихъ возстаній было три: первое еще до Ришлье, другія два уже при Ришлье (1625 и 1629 г.); особенно замѣчательно возстаніе 1629 года, самое опасное, но за то послѣднее. Въ одно время съ этимъ возстаніемъ гугенотовъ въ Ла-Рошели и Лангедокѣ, Франціи грозили: Англія, императоръ, герцогъ савойскій, Голландія и Испанія. Англія даже послала сильный флотъ на помощь Ла-Рошели, подъ начальствомъ Букингама. Ришлье прежде всего и ударилъ на Ла-Рошель, два раза отбилъ огромный флотъ Англіи, построилъ плотину и, проморивъ голодомъ запершихся въ Ла-Рошели 15.000 гугенотовъ, заставилъ городъ сдаться. Политическія права у гугенотовъ были отняты, крѣпости срыты, оружіе отобрано; но религіозныя права ихъ не были тронуты: Ришлье велъ войну, какъ министръ, а не какъ кардиналъ, и славы мученичества гугенотамъ не далъ. Гугеноты въ сѣверной Франціи были усмирены, оставалось управиться съ югомъ, гдѣ возставшіе гугеноты соединили свое дѣло съ Испаніею. Тутъ Ришлье также покончилъ скоро и энергически, какъ и на сѣверѣ: Испанцы были прогнаны и затѣмъ, одна за другою, взяты и

разрушены крѣпости гугенотовъ въ Лангедокѣ; у гугенотовъ отобраны были оружіе и политическія права, но религіозныя оставлены по прежнему. Съ этихъ поръ политическая сила гугенотовъ пала во Франціи.

b) Борьба со знатью. Съ самаго вступленія въ управленіе дѣлами, Ришлье принималъ мѣры къ уничтоженію феодальныхъ привиллегій и безпорядковъ. Мѣры эти унижали дворянство и возвышали промышленный классъ народа и власть королевскую. Главнѣйшія изъ нихъ были: a) уничтоженіе опасныхъ для королевской власти должностей великаго конетабля и великаго адмирала, b) срытіе многихъ внутреннихъ крѣпостей, служившихъ притонами непокорныхъ, c) изданіе строгаго закона противъ дуэлей и казнь ослушниковъ этого закона, кто бы онъ ни былъ, d) запрещеніе правителямъ провинцій произвольно облагать податями народъ и строгія постановленія противъ нарушенія правъ личности и собственности поселянъ, e) строгій надзоръ за правильнымъ сборомъ податей, f) учрежденіе торговыхъ компаній. Вообще, давя аристократію рода, Ришлье этими мѣрами возвысилъ аристократію капитала и старался обезпечить промышленный трудъ. Негодующее дворянство отъ души возненавидѣло кардинала, недавшаго ему воли хозяйничать въ государствѣ. Оно примкнуло къ удаленной кардиналомъ отъ дѣлъ интриганткѣ королевѣ-матери и къ пошлому трусу—честолюбцу брату короля, Гастону Орлеанскому, котораго Ришлье явно презиралъ и которому не давалъ также воли. Еще во время борьбы съ гугенотами, около Гастона составился заговоръ противъ кардинала: главнѣйшіе участники его были принцы Вандомскіе и Шале изъ стариннаго рода Перигоровъ. Заговоръ былъ открытъ, заговорщики арестованы: въ принцахъ Вандомскихъ Ришлье пощадилъ кровь королевскую, а молодой Шале былъ возведенъ на эшафотъ; 16 разъ палачъ рубилъ ему голову, пока она не скатилась на колѣни матери, подкрѣплявшей сына на роковыхъ подмосткахъ. Потомъ хотѣли свергнуть министра посредствомъ придворной интриги. Въ 1630 г. король въ Ліонѣ заболѣлъ. Пользуясь отсутствіемъ министра, враги его, и въ особенности Марія Медичи, окружили короля и успѣли было уже уговорить слабодушнаго Людовика удалить кардинала. Ришлье обо всемъ узналъ, явился къ королю, развилъ предъ нимъ всѣ свои планы, ужаснулъ его громадностію предстоявшихъ заботъ и дѣлъ, и потомъ самъ просилъ объ отставкѣ. Лѣнивый и трусливый Людовикъ ужаснулся и насилу упросилъ Ришлье не оставлять мини-

стерства. Ришлье, послѣ долгихъ просьбъ, согласился, но не даромъ: королева-мать была удалена въ Компьень, а главные враги кардинала были заключены въ тюрьму и отсюда сведены на эшафотъ. Развязка этой интриги извѣстна въ исторіи подъ именемъ journée de dupes.

Истощивъ напрасно всѣ козни, Гастонъ и королева-мать ушли въ Брюссель и подняли знамя возмущенія. Собравъ за границею войско, Гастонъ вторгнулся съ оружіемъ во Францію и своимъ примѣромъ увлекъ многихъ дворянъ къ возстанію. Правитель Лангедока, герцогъ Монморанси, отличенный знаменитымъ родомъ, дарованіями и прежними заслугами, также присоединился къ герцогу, желавшему будто бы освободить отечество и королевскую фамилію, отъ гордаго кардинала. Бунтовщики предъявили грозныя требованія. Ришлье, поступилъ, какъ и всегда, энергично: онъ принялъ самыя рѣшительныя мѣры, тогда какъ Гастонъ былъ грозенъ на словахъ, а на дѣлѣ трусилъ и поджидалъ возстанія народа, который его не слушалъ и медлилъ. Маршалъ Шомбергъ, посланный съ войсками королевскими, разбилъ Монморанси и взялъ его въ плѣнъ. Кровь его досталась кардиналу: не смотря на просьбы родственниковъ, друзей, самого короля, онъ былъ, по требованью Ришлье, казненъ. Ничтожный Гастонъ перепугался, бросилъ дѣло матери, униженно просилъ прощенія у кардинала, выдалъ всѣхъ своихъ товарищей и былъ прощенъ Ришлье, который, чтобъ опошлить его окончательно, наградилъ его даже деньгами.

Такія неудачи не остановили однакожъ враговъ министра. Герцогъ Бульонскій, историкъ Де-Ту и любимецъ короля, выведенный изъ ничтожества самимъ кардиналомъ, молодой Сенъ-Марсъ, составили новый заговоръ и даже вступили въ тайный союзъ съ испанскимъ дворомъ, которому обѣщали за помощь противъ Ришлье отдать многіе города. Заговоръ по обыкновенію былъ открытъ: у Бульона отняли его имѣніе, Де-Ту и Сенъ-Марсъ сложили головы на эшафотѣ. Говорятъ, самъ король участвовалъ въ заговорѣ противъ своего министра и потомъ не смѣлъ отказать ему въ смертномъ приговорѣ заговорщикамъ.

Послѣ этого Ришлье бороться уже не приходилось, ему приходилось только наказывать. Противъ него меча уже не поднимали, а изъ-за угла грозили ему кинжаломъ: Ришлье, какъ прежде на мечъ, такъ теперь на кинжалъ отвѣчалъ сѣкирою палача. Для упроченія новаго порядка вещей оставалось удалить пошлаго Гастона отъ права на престолъ. И это пламенное желаніе карди-

пала исполнилось: въ 1638 году у короля родился сынъ Людовикъ. Ришлье достигъ своей цѣли: политическое значеніе гугенотовъ и аристократіи было сломано; единству власти и централизаціи положена твердая основа: стоило умѣючи продолжать начатое. Съ прекращеніемъ анархіи возникла промышленность; съ учрежденіемъ французской академіи и первой политической газеты—Gazette de France—положено начало будущему процвѣтанію языка, наукъ и искусства во Франціи. Впрочемъ, централизація впослѣдствіи принесла своего рода зло.

c) Возстановленіе первенства Франціи въ западной Европѣ было также цѣлію всей жизни Ришлье. Онъ положилъ прочное ему основаніе, вмѣшавшись въ 30-лѣтнюю войну; сначала онъ лишилъ Фердинанда II опоры въ Валленштейнѣ, а потомъ вооружилъ противъ него Швецію и даже принялъ дѣятельное участіе въ 30-лѣтней войнѣ. Онъ не дожилъ до результатовъ своей дѣятельности: черезъ 6 лѣтъ послѣ его смерти, Франція, по вестфальскому миру, получила Эльзасъ, Лотарингію и возможность играть первую роль въ западной Европѣ, а габсбургскій домъ, въ Испаніи и въ Германіи, былъ лишенъ прежней силы и никогда уже не достигалъ ея.

Ришлье достигъ своей цѣли, но за то самъ былъ истерзанъ трудами, болѣзнями, безпрерывнымъ опасеніемъ за свою жизнь, съ которою соединено было торжество его государственной системы, истерзанъ ненавистью и злобою современниковъ, истерзанъ клеветою предъ потомствомъ. Умирая преждевременно (въ 1643 г.), онъ сказалъ духовнику, который ему совѣтовалъ простить враговъ: „отецъ мой! я не имѣлъ другихъ враговъ, кромѣ враговъ моего короля и государства.“ Конечно, страшны мѣры, имъ употребленныя, одностороння вся система его; но страшно было и то зло, противъ котораго эти мѣры были направлены. Конечно, грустно слышать, какъ Сенъ-Марсъ, кладя голову на эшафотъ, восклицаетъ: „неужто я долженъ умереть такъ рано, въ 22 года?“ Но не забудемъ, что Ришлье былъ его благодѣтель, которому онъ измѣнилъ. Подъ перомъ романистовъ Ришлье является нерѣдко смѣшнымъ и жалкимъ съ его смѣшною авторскою щекотливостію, съ его придворными похожденіями. Но въ исторіи серьезной личность его страшна и импозантна: облеченный въ кардинальскій пурпуръ, окрашенный кровью жертвъ, въ сопровожденіи мрачныхъ совѣтниковъ своихъ, Лабордемона и патера Іосифа, идетъ онъ по трупамъ феодальной аристократіи и обломкамъ средневѣковыхъ уста-

рѣлыхъ учрежденій, къ вожделѣнной для него цѣли—къ монархіи, къ первенству Франціи. Нашъ Петръ, когда былъ въ Парижѣ, при взглядѣ на памятникъ кардинала, произнесъ замѣчательныя слова: „Великій человѣкъ! Еслибъ ты былъ живъ, я далъ бы тебѣ половину своего царства, чтобы ты научилъ меня управлять остальною половиною.“

3. *Фронда* (1643—61). Смерть грознаго Ришлье была принята, какъ освобожденіе: аристократы стали дышать вольнѣе, буржуа сочиняли пѣсни, самъ король пѣлъ ихъ, не смотря на то, что находился при послѣднемъ издыханіи. Въ 1643 г. онъ умеръ. Вдова его *Анна* австрійская, сдѣлалась правительницею отъ имени новаго короля, шестилѣтняго *Людовика XIV*; но и ею и государствомъ управлялъ воспитанникъ Ришлье—кардиналъ *Джуліо Мазарини*. Цѣль у Мазарини была та же, какъ и у его учителя—усиленіе центральной королевской власти внутри Франціи и перевѣсъ ея надъ габсбургскимъ домомъ извнѣ. Средства Мазарини были не такъ круты и не такъ открыты, какъ у Ришлье: отчасти потому, что натура Мазарини была мелче, своекорыстнѣе; отчасти потому, что обстоятельства не допускали крутыхъ мѣръ и требовали больше іезуитизма, чѣмъ открытой силы. Въ ненависти аристократовъ къ Ришлье проглядывалъ страхъ; въ ненависти ихъ къ Мазарини проглядывало презрѣніе.

Мазарини пришлось выдержать борьбу за королевскую власть съ вооруженнымъ возстаніемъ аристократіи и съ юридическимъ возстаніемъ парламента, или высшей судебной буржуазіи. Возстаніе это, по легкомыслію его предводителей, прозвано *фрондою* (дѣтская игра fronde). Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Италіянское происхожденіе Мазарини, огромное богатство его и довѣріе къ нему Ришлье, а потомъ регентши, сдѣлали его ненавистнымъ аристократіи; стремленіе Мазарини возвратить прежнее чисто судебное значеніе парламенту, который хотѣлъ, играть законодательную роль уже не созывавшихся états généraux, вооружили противъ него парижскую высшую магистратуру. Ненависть обнаружилась, когда Мазарини, для продолженія германской (30-лѣтней) войны, вздумалъ наложить подать на соль. Парламентъ отказался внести эдиктъ объ этой подати въ свои протоколы и, когда министръ, не смотря на это, далъ ему силу закона, то парламентъ 30 іюня 1648 года торжественно издалъ такъ называемое Deliberation souveraine, въ которомъ требовалъ, чтобы подати и налоги не взимались безъ предварительнаго его одобренія и что-

бы каждый арестуемый Французъ чрезъ 24 часа предаваемъ былъ судьямъ своего сословія. Дворъ велѣлъ арестовать двухъ членовъ парламента, которые рѣзче всего говорили противъ министра и регентши. Тогда въ Парижѣ вспыхнуло возстаніе и построены были барикады, руководителями его явились: коадъюторъ парижскаго архіепископа—кардиналъ *Рецъ*, президентъ парламента *Моле* и близкіе къ королевскому дому аристократы: принцъ *Конти*, герцогиня *де-Лонгвилль*, герцогъ *Буйлльонъ* и даже великій полководецъ *Тюрень*, а потомъ и принцъ *Конде*, сначала державшій сторону короля. Король, регентша и первый министръ, бѣжали въ попыхахъ изъ Парижа въ Сенъ-Жерменъ. Мазарини успѣлъ разсорить возставшихъ аристократовъ и парламентъ, надавалъ имъ обѣщаній, согласился вполовину на Deliberation souveraine и въ торжествѣ воротился съ королевскою фамиліею въ Парижъ. Тутъ собственно оканчивается серьезная сторона фронды; остальная часть ея ведена была болѣе разгульною и мелкочестолюбивою знатью, она носитъ водевильный характеръ и отличается отсутствіемъ всякой опредѣленной цѣли: одни хотѣли одного, другіе другого; сегодня того, а завтра иного. Дворъ еще два раза бѣгалъ изъ столицы, Мазарини два раза удаляемъ былъ королемъ отъ дѣлъ (по его же совѣту). Не смотря на все это, онъ достигъ того, что сильнѣйшіе фрондеры помирились на уступкахъ, которыя легко было взять министру назадъ; а остальные пришли сами на поклонъ къ Мазарини и помирились съ нимъ.

4-го мая 1661 г. онъ умеръ, оставя Людовику XIV всѣ свои огромные капиталы и Францію, увеличенную Эльзасомъ по вестфальскому, Артуа и Русильономъ по пиринейскому миру съ Испаніею и съ явнымъ перевѣсомъ надъ обѣими отраслями габсбургскаго дома въ западной Европѣ.

Людовику XIV оставалось наложить послѣднюю руку на созданіе абсолютной монархіи, приготовленное трудами Ришлье и Мазарини.

IV.

Умственныя движенія во Франціи въ реформаціонный періодъ (1500—1560).

Умственное движеніе эпохи возрожденія, перейдя изъ Италіи въ Германію и пробудивъ реформацію, начало угасать; во Франціи, напротивъ, живая связь съ италіянскою наукою и италіян-

скимъ искусствомъ, начатая при Людовикѣ XII, не прерывалась и отразилась на долго въ произведеніяхъ умственной и художественной дѣятельности Французовъ.

Королевская власть употребила заимствованное из Италіи образованіе, какъ орудіе къ подавленію враждебныхъ ей, и старыхъ феодальныхъ преданій, и новыхъ демократическихъ началъ. Вслѣдствіе этого, въ XVI вѣкѣ положены были основы придворнаго искусства и отчасти придворной науки во Франціи, которыя достигли полнаго развитія въ вѣкъ Людовика XIV. Протестантизмъ, и свѣтскій и религіозный, въ томъ же италіянскомъ образованіи, преимущественно въ наукѣ, почерпалъ средства и силу для того, чтобы подвергнуть критикѣ авторитетъ свѣтскій и духовный и провести въ жизнь новыя начала, изъ которыхъ позднѣе развилось революціонное направленіе XVIII вѣка.

Въ концѣ XV вѣка, когда Людовикъ XII и Франсуа I, желая попасть въ число италіянскихъ государей, играли и въ Италіи, и у себя дома роль покровителей наукъ и искусствъ, литература италіянская утратила ту оригинальность и народность, какою она отличалась въ эпоху Данте, и получила искусственное, ученое и придворное направленіе. Государи и аристократы италіянскіе обратили науку и искусство въ средства сообщить блескъ своимъ дворамъ и резиденціямъ. Они основывали академіи, библіотеки, музеи, литературныя и ученыя общества и развели въ городахъ Италіи толпы придворныхъ поэтовъ, риторовъ, софистовъ, большихъ искусниковъ писать періоды, изящныхъ латинистовъ. Эти поклонники не науки и искусства, но знатныхъ милостивцевъ, ласкавшихъ и кормившихъ ихъ богатыми подачками, прославляли своихъ меценатовъ въ напыщенныхъ похвальныхъ рѣчахъ, одахъ и посвященіяхъ. Литература приняла направленіе римской литературы временъ первыхъ цесарей. Блескъ искусства и софистическая рѣчь направлены были къ тому, чтобы отвести глаза народу отъ утраченной свободы.

Вмѣстѣ съ системою наемныхъ войскъ и съ маккіавелистическою политикою заимствовали Людовикъ XII и въ особенности Франсуа I у италіанскихъ деспотовъ сноровку дѣлать науку и искусство орудіемъ правительственныхъ цѣлей. Королевская власть принимаетъ подъ свое покровительство возрожденное классическое просвѣщеніе, старается стянуть къ двору ученыхъ и художниковъ, какъ стягивала независимыхъ герцоговъ и графовъ, истребить посредствомъ ихъ въ общественномъ мнѣніи старыя преданія феодаль-

ной аристократіи и навсегда обратить науку и искусство изъ органовъ народнаго духа въ придворныхъ угодниковъ и послушныхъ исполнителей королевской воли. Франсуа I явился другомъ артистовъ и ученыхъ. На его рукахъ умеръ Леонардо-да-Винчи, къ нему посылалъ Рафаэль свои картины, по его призыву *Жанъ-Кузенъ* основалъ французскую школу живописи. При немъ воздвигнуты были во многихъ мѣстахъ дворцы во вкусѣ возрожденія (Шамборъ, Шантильи, Фонтенебло и др.), замѣнившіе на французской почвѣ феодальные замки. Знать французская, наскучивъ печальною жизнію въ мрачныхъ готическихъ замкахъ, спѣшитъ къ веселому двору короля-рыцаря, жизнь котораго представляла вѣчный праздникъ. Сюда же, взапуски съ аристократіею, стремились ученые и артисты, туземные и выписные, и такимъ образомъ сформировалось блистательное общество, въ которомъ искусство, наука, талантъ и ученость служили приправою веселой жизни, обстановкою и органами королевскаго величія. Независимо отъ этого, основаны были Франсуа I, по примѣру Италіи, Collège de France—центръ свѣтской науки, библіотека, королевская типографія, выписывались коллекціи антиковъ и манускриптовъ, картинъ и статуй. При преемникахъ Франсуа I продолжалось то же направленіе. Катерина Медичи осталась вѣрна фамильнымъ преданіямъ и, по словамъ Филиберта Делорма, построившаго для нея Тюльери, даже сама чертила планы воздвигаемыхъ зданій. Италіянское направленіе, при ней и въ послѣдующее время до Ришлье, достигаетъ крайнихъ предѣловъ и подвергаетъ искаженію литературный и разговорный языкъ примѣсью тосканскихъ выраженій. При Ришлье вліяніе Италіи парализируется вліяніемъ Испаніи и совершается реформа и очищеніе языка *Малербомъ*. Ришлье создалъ академію—верховный казенный судъ надъ умомъ и талантомъ—и возвелъ въ строго-обдуманную систему правительственную опеку надъ наукою и искусствомъ. Такое вліяніе правительства и двора гораздо рѣзче обнаружилось на поэзіи, чѣмъ на прозѣ, на искусствѣ болѣе, чѣмъ на наукѣ. Поэты эпохи возрожденія пишутъ не для народа, но для двора: между народомъ и литературою происходитъ совершенное разъединеніе, и оригинальное развитіе поэзіи прекращается. Лувръ является парнассомъ поэтовъ, лесть и угодничество—средствомъ достигнуть его. *Клеманъ Маро* (1493—1544), одушевлявшій своими пѣснями веселые пиры Франсуа I и развлекавшій его во время мадритскаго плѣна, составляетъ переходъ отъ народной поэзіи къ чисто-искусственной и придворной.

Въ своихъ, исполненныхъ летучаго остроумія посланіяхъ, басняхъ, эпиграммахъ и пѣсняхъ, онъ умѣлъ соединить образованіе своего времени съ живымъ, наивнымъ, бѣглоостроумнымъ и слегка циническимъ характеромъ французской народности. Стихотворенія его служили образцомъ той искусственной натуральности, которою отличаются басни Лафонтена и которую Французы окрестили по его имени *маротизмомъ*, а Буало охарактеризовалъ словами „élégant badinage". Тѣми же свойствами, какъ поэзія Маро, отличается проза его современника *Рабеле* (о которомъ сказано было выше). Послѣ Франсуа I, въ кружкѣ придворныхъ ученыхъ и поэтовъ образовалось, въ литературѣ вообще и въ поэзіи въ особенности, ложное и искусственное направленіе, состоявшее въ безжизненномъ, рабскомъ подражаніи древнимъ, угодничествѣ двору и стремленіи искать красоты въ одной формѣ. Начало этому направленію положено было въ половинѣ XVI вѣка поэтическою школою, которая называлась *французскою плеядою*. Покровительствуемые дворомъ ученые знатоки классиковъ составили теорію всѣхъ родовъ поэтическихъ произведеній, извлеченную изъ ложно понятыхъ сочиненій Аристотеля и Горація. Главныя требованія этой теоріи и характеристическія свойства произведеній, приготовленныхъ по ея рецептамъ составляютъ: 1) отчужденіе отъ всѣхъ средневѣковыхъ преданій, отъ всего національнаго и, взамѣнъ того, содержаніе, почерпнутое изъ исторіи, миѳологіи и поэзіи древнихъ, а если изъ собственной, то исковерканной на манеръ жизни древнихъ; 2) характеры общіе, лишенные исторической и психической вѣрности; 3) замѣнъ живой творческой фантазіи педантическою, сухою эрудиціею и, наконецъ, 4) совершенство стиля, вылощеннаго, плавнаго, но холоднаго, безхарактернаго и водянистаго. Самыми знаменательными изъ 7 поэтовъ—созвѣздій плеяды почитались: *Ронсаръ*, воспѣвшій въ своей, въ высшей степени холодной и скучной поэмѣ „Франсіада" основаніе французскаго королевства сыномъ Гектора Франкомъ, и *Жодель*, авторъ трагедіи „Клеопатра", приготовленной по рецепту ложно-классической теоріи. Въ ней не живутъ и не дѣйствуютъ, но только декламируютъ громкія фразы герои, претендующіе быть римлянами, а на самомъ дѣлѣ выходящіе Французами, наряженными въ древне-классическій костюмъ. Вообще къ поэзіи того времени можно приложить слова одного поэта, современнаго Жоделю: „N'attendez donc dans ce théatre ni farce, ni moralité, mais seulement l'antiquité". Къ этому же направленію, для котораго красота заключалась въ формѣ и въ

рабскомъ подчиненіи педантическому правилу, принадлежатъ прозаики первой половины XVII вѣка—*Бальзакъ* и *Вуатюръ*, особенно заботившіеся объ эффектныхъ оборотахъ рѣчи, правильности и украшенности языка. Ихъ письма и похвальныя рѣчи, за которыми въ то время гонялись и которыя щедро награждали государи запада, поражаютъ изысканностію, растянутостію и лоскомъ фразы. Ихъ слѣпую привязанность къ одной безсодержательной формѣ охарактеризовалъ лучше всего одинъ изъ панегиристовъ Вуатюра, хвалившій его за то, что „partout il badine si bien, qu'il fit des chefs-d'oeuvres *de rien*". Послѣ смерти Генриха IV, въ правленіе Маріи Медичи, вошло въ моду особое, также ложное и чисто формальное направленіе въ литературѣ, выразившееся въ привязанности къ трескучей, напыщенной рѣчи. Писатели этого направленія хвалились своимъ презрѣніемъ ко всѣмъ правиламъ и своею оригинальностію. Но они также были педантическими поклонниками ложно-классическаго направленія и нисколько не оригинальны, потому что копировали моднаго въ то время, италіанскаго поэта Марини, который вмѣстѣ съ Маріею Медичи явился во Франціи. Онъ вытѣснилъ всякую естественность изъ французской литературы и представилъ въ своихъ стихахъ образцы рѣчи, исполненной метафоръ и троповъ, смѣшной и искусственной высокопарности и надутой, изысканной игры словами и фразами. Изъ подражателей его въ особенности славились въ свое время превозносимые до небесъ въ литературномъ салонѣ отеля Рамбулье, два *Скюдери*, (братъ и сестра) и три брата *д'Юрфе*, наводнившіе литературу цѣлымъ рядомъ многотомныхъ, сантиментальныхъ до смѣшного и высокопарныхъ до нескладицы романовъ. Въ этихъ романахъ герои съ турецкими, греческими и римскими кличками, но въ существѣ дѣла чопорные французскіе придворные, не живутъ, но двигаются какъ маріонетки, осыпая другъ друга разными галантерейными фразами. Въ 10-ти толстыхъ томахъ романа M-lle Скюдери „Clelie, histoire romaine" герои чертятъ карту страны Нѣжности (Tendre), гдѣ протекаетъ рѣка Склонности (d'Inclination), на одномъ берегу которой стоятъ деревни Прелестныхъ стиховъ и Свѣтскихъ посланій (Jolis-vers et Epitres galantes); плывя по ней можно достигнуть города Нѣжнаго (Tendre) на р. Уваженія (Estime) и города Нѣжнаго на р. Признательности (Reconnaissance). Въ правленіе Ришелье, мимо воли кардинала вторгнувшееся животворное вліяніе испанской поэзіи остановило наплывъ этого пустого направленія въ литературѣ и дало ей знаменитаго Корнеля. Въ

блистательный вѣкъ Людовика XIV псевдо-классическая теорія вполнѣ развилась, но нелѣпыя крайности ея были преслѣдуемы наповалъ бьющею насмѣшкою Мольера.

Та же Италія, которая своими литературными нравами и обычаями имѣла вляніе на развитіе придворнаго и ложно-классическаго направленія во французской литературѣ, та же Италія силою рано выработанныхъ въ ней политическихъ идей имѣла вліяніе на серьезное и отчасти враждебное авторитету направленіе научнаго образованія у Французовъ XVI и первой половины XVII вѣка. Протестантизмъ во Франціи сталъ во враждебное отношеніе къ королевской власти; самыя событія смутнаго времени поддерживали броженіе въ обществѣ. Изъ всѣхъ вопросовъ, которые волновали въ то время общественное мнѣніе, капитальныхъ было два: о свободѣ совѣсти и объ отношеніи верховной власти къ подданнымъ или о свободѣ политической; они имѣли между собою такую близкую связь, что часто разрѣшая первый, ученые естественно обращались къ второму, и споръ богословскій дѣлался чисто гражданскимъ, свѣтскимъ. Отсюда всѣ научныя произведенія этой эпохи носятъ, въ большей или меньшей степени, отпечатокъ *религіозно-политическаго* характера. Время послѣ Франсуа I до Генриха IV было время бурное; партіи вели ожесточенную борьбу съ оружіемъ въ рукахъ, а потому преобладающею формою и научныхъ сочиненій въ эту эпоху былъ *памфлетъ:* онъ составлялъ для француза XVI вѣка то же, что въ наше время газета и журналъ.—Основной характеръ памфлета выражается французскимъ словомъ à propos (кстати): онъ вызывается животрепещущимъ интересомъ минуты и умираетъ вмѣстѣ съ нею: сегодня волнуетъ всѣ страсти, завтра забывается*). Государственныя науки, исторія, филологія и даже философія въ смутное время носили характеръ памфлета. Исключенія были рѣдки. Только, когда улеглись немного страсти и затихла борьба, спокойное размышленіе начинаетъ преобладать въ наукѣ надъ страстію. Такъ, въ періодъ лиги, лучшіе умы обращались къ рѣшенію государственныхъ вопросовъ и возвышали свой голосъ въ дѣлѣ, отъ исхода котораго зависѣла будущность королевской власти и господствовавшихъ учрежденій.

---

*) Изъ всѣхъ памфлетовъ XVI вѣка болѣе другихъ заслуживаетъ вниманія, какъ по своимъ литературнымъ достоинствамъ, тамъ особенно по вліянію, какое имѣлъ онъ на современниковъ, памфлетъ, составленный шестью французскими буржуа въ эпоху борьбы лиги съ Генрихомъ IV и имѣвшій цѣлію убить лигу тѣмъ, что у Французовъ бьетъ пуще смерти: насмѣшкою. Это такъ называемая *Сатира Мениппе* (Satire Menippée). Сначала въ ней представлены партіи Гизовъ и испан-

По сочиненія первыхъ французскихъ публицистовъ того времени *(Готмана, Ланге, Буше, Ла-Беоси)* облечены въ форму грозныхъ, огненныхъ памфлетовъ, которыхъ смыслъ утратился для позднѣйшихъ временъ. Они замѣчательны только, какъ протестъ народнаго сознанія противъ злоупотребленій и насилій эпохи. Всѣ они проникнуты антипатіею къ абсолютизму и, во имя права и религіи, требуютъ монархіи, ограниченной сословіями *лучшихъ* въ государствѣ. Съ другой стороны, всѣ они, исключая Ла-Беоси, отзываются съ пренебреженіемъ о массѣ народа и не даютъ ей никакого значенія въ государствѣ. Только *Боденъ*, авторъ сочиненія „о Государствѣ", (изданнаго въ 1576 г.), превосходитъ своихъ современниковъ по глубинѣ взгляда, отличается умѣренностію, спокойствіемъ и научными пріемами.

Такимъ же памфлетнымъ духомъ отзываются историческія сочиненія XVI вѣка, принявшія исключительно форму *Мемуаровъ*. Бурное, богатое событіями и дѣятелями время вызвало у этихъ дѣятелей желаніе передать потомству память о событіяхъ, въ которыхъ они участвовали или которыхъ были очевидцами. Само собою разумѣется, что умѣренности и безпристрастія искать въ нихъ трудно: каждый выставлялъ событія и лица подъ своимъ угломъ зрѣнія. Но за то, читая ихъ, мы дѣлаемся зрителями этого времени религіозныхъ смутъ и придворныхъ интригъ, этой трагикомедіи, въ которой, рядомъ съ потрясающими душу сценами ужаса и состраданія, идутъ чисто-водевильныя сцены. Отъ мемуаровъ католическаго фанатика, Гасконца *Блеза де-Монелюка*, которые Генрихъ IV прозвалъ солдатскимъ молитвенникомъ, несетъ запахомъ крови, пожаровъ и казарменной жизни. Мемуары *Брантома*, прозваннаго valet de chambre de l'histoire, суть эхо всѣхъ закулисныхъ и явныхъ интригъ, преступленій и скандальностей французскаго двора въ эпоху временъ отъ Франсуа I до Генриха IV. Мемуары солидно-ученаго, по рьянаго гугенота *Агриппы д'Обинье*, сподвижника бивуачной жизни Генриха IV, попавшаго въ число недовольныхъ при дворѣ его, отзываются военною тревогою, беззаботностію и разгульемъ тамъ, гдѣ онъ изображаетъ лагерную и застольную жизнь Генриха—

ская въ видѣ двухъ шарлатановъ, приготовляющихъ „католиконъ"—элексиръ, посредствомъ котораго можно, подъ предлогомъ защиты церкви и государства, быть плутомъ первой руки. За тѣмъ представляются въ смѣшной процессіи карикатурные портреты лигеровъ; наконецъ, изображено засѣданіе генеральныхъ штатовъ, въ которомъ лигеры говорятъ рѣчи и, выставляя себя поборниками блага общества и церкви, высказываютъ мимовольно эгоизмъ, пошлость и тщеславіе. Веселый юморъ и въ тоже время язвительный сарказмъ составляютъ неотъемлемыя достоинства сатиры Менинпе.

принца наварскаго, и впадають въ желчно-саркастическій тонъ, при описаніи придворной жизни того же Генриха—короля французскаго. Мемуары *Пьерра де л'Этуаль* служать дневникомъ и точнымъ итогомъ мелкихъ и важныхъ событій, волновавшихъ уличную жизнь Парижа въ XVI вѣкѣ. Какъ свидѣтель и вмѣстѣ судья совершавшихся въ его время событій, выдается изъ среды другихъ мемуаристовъ, простыхъ свидѣтелей минувшаго, извѣстный человѣкъ добра и правды *Жакъ-де-Ту* (1555—1617), президентъ парижскаго парламента, написавшій на латинскомъ языкѣ „Исторію своего времени". Высокую правоту, какою отличался онъ въ исполненіи своей государственной должности, внесъ онъ въ добровольно принятую имъ на себя обязанность историка. „Что честный судья, говоритъ онъ, долженъ дѣлать, готовясь произнести приговоръ о жизни или имуществѣ гражданъ, то сдѣлалъ я прежде, чѣмъ принялся за свой трудъ; нѣсколько разъ испытывалъ свою совѣсть; не увлекаюсь ли я слишкомъ живымъ чувствомъ гнѣва или расположенія, которое могло бы своротить меня съ пути правды". 15 лѣтъ собиралъ онъ и повѣрялъ свѣдѣнія для исторіи своего времени. Современники де-Ту смотрѣли такъ точно на трудъ его, какъ онъ на призваніе историка; государственные люди ожидали его рѣшеній, какъ приговора, и часто ходатайствовали у него за свою славу предъ потомствомъ. Іаковъ I, король англійскій, вошелъ почти въ оффиціальные переговоры съ нимъ, добиваясь уничтоженія нѣсколькихъ словъ въ его исторіи. Де-Ту былъ непреклоненъ и роковыя слова остались.

Философское изслѣдованіе, подвергнувшее сомнѣнію все, что прежде принимали на вѣру отъ авторитета, выразилось въ XVI вѣкѣ у *Монтаня* (1533—1592). Удалясь въ уединеніе, послѣ трудной общественной дѣятельности, онъ читалъ классиковъ и наблюдалъ явленіе окружающей его жизни. Въ своихъ *Essais,* въ качествѣ тонкаго наблюдателя и диллетанта-философа, Монтань излагаетъ безъ всякой системы извлеченныя имъ изъ своихъ житейскихъ наблюденій и знакомства съ классиками мысли о разныхъ предметахъ нравственной философіи, о ходячихъ въ его время мнѣніяхъ и учрежденіяхъ. Основныя начала его философіи: беззаботный эгоизмъ и равнодушный скептицизмъ. Первый выражается въ убѣжденіи, что человѣкъ столько же призванъ къ жизни общественной, сколько животное, что взаимныя сношенія людей ведутъ только къ вѣчной враждѣ между ними и что каждый человѣкъ живетъ самъ для себя. Второй высказанъ Монтанемъ въ девизѣ

его сочиненія: „que sais-je?“. Но такой скептицизмъ совершенно безплоденъ и для науки и для жизни. Поэтому Монтань имѣетъ болѣе значенія, какъ умный говорунъ и ловкій стилистъ, чѣмъ какъ философъ. Иного рода результаты далъ и иного рода имѣлъ вліяніе плодотворный для науки скептицизмъ одного изъ отцовъ новой философіи — Рене Декарта, который, почти въ то время, какъ въ Англіи Бэконъ заложилъ основы опытной (эмпирической) философіи, имѣвшей огромное практическое примѣненіе въ жизни умственной и общественной у Англичанъ, положилъ во Франціи основанія умозрительной философіи, особенно развившейся въ Германіи. *Рене Декартъ* (Descartes, Cartesius 1596—1650), бретанскій дворянинъ, воспитанникъ іезуитовъ, на 20 году жизни возненавидѣлъ схоластику, отказался отъ книгъ и предался самомышленію для отысканія настоящаго пути къ истинѣ. Долго не могъ онъ найти своего призванія, то бросаясь въ лагерную жизнь, то странствуя по Германіи, Франціи, Голландіи и Италіи. Наконецъ, продавъ свое имѣніе во Франціи, онъ поселился въ одной голландской деревушкѣ и здѣсь 20 лѣтъ исключительно жилъ для науки и издалъ въ 1644 г. свои „Начала философіи“, которыя доставили ему славу величайшаго философа и математика. Ем дѣлали блестящія предложенія Ришелье и Мазарини, но, возбудивъ противъ себя преслѣдованія ортодоксовъ католическихъ и лютеранскихъ, Декартъ, по призыву ученой Христины, королевы шведской, переѣхалъ въ Стокгольмъ и, обласканный этою государынею, умеръ здѣсь въ 1650 г. Христина хотѣла воздвигнуть ему памятникъ посреди знатнѣйшихъ фамилій шведскихъ, но Франція вытребовала тѣло своего гражданина.

Математики придаютъ великое значеніе Декарту, почитая его настоящимъ основателемъ аналитической геометріи, но онъ самъ давалъ болѣе цѣны своимъ философскимъ открытіямъ и свою геометрію почиталъ только легкимъ и бѣглымъ приложеніемъ къ своей общей философской методѣ. Дѣйствительно подобно Бэкону, онъ почитается отцемъ новой философіи, только въ умозрительномъ ея направленіи. Независимый характеръ философствованія дѣлаетъ Декарта настоящимъ представителемъ вызваннаго реформаціею раціональнаго протестантизма. Въ противоположность средневѣковымъ мыслителямъ, Декартъ не признаетъ никакого авторитета извнѣ: единственный авторитетъ его—разумъ. Свобода мысли возвышена у него до самой строгой методы. Исходный пунктъ его философствованія есть сомнѣніе во всемъ: въ бытіи Бога, бытіи міра,

бытіи своемъ собственномъ; несомнѣннымъ онъ находитъ только то, въ чемъ усумнившись онъ пересталъ бы даже сомнѣваться, это именно то, *что* въ немъ сомнѣваетея — мыслящій духъ его. Вотъ смыслъ его знаменитаго cogito-ergo sum, мыслю—слѣдовательно существую. Исходя отъ этого положенія, признавъ на первый разъ несомнѣннымъ только бытіе собственнаго духа, Декартъ подвергаетъ его строгому психическому анализу, возведенному до геометрической точности. Отличая свой духъ отъ окружающей его природы, онъ признаетъ бытіе природы, какъ чего то противоположнаго его сознанію; далѣе, находя въ своемъ духѣ идею о высочайшемъ совершеннѣйшемъ существѣ, онъ признаетъ бытіе Бога; находя въ душѣ своей идею человѣческой свободы, онъ признаетъ несомнѣннымъ бытіе ся. Такимъ образомъ изученіе собственнаго мыслящаго духа у Декарта является единственно законнымъ исходнымъ пунктомъ всего человѣческаго знанія. Въ этомъ смыслѣ вся дальнѣйшая умозрительная философія есть дитя Декарта, потому что она признаетъ единственнымъ авторитетомъ разумъ и исходнымъ пунктомъ знанія анализъ человѣческой мысли. Крайности этой философіи представляютъ Французъ *Малебраншъ* и германскій Еврей *Спиноза*, которые, идя по слѣдамъ Декарта, впали въ пантеизмъ.

Вотъ до какихъ результатовъ дошла философская мысль, возставшая противъ авторитета въ эпоху возрожденія, бившаяся и страдавшая за свою свободу въ XVI вѣкѣ и, окончательно освободившись отъ авторитета въ половинѣ XVII вѣка, провозгласившая свою побѣду словами Декарта: „иного авторитета, кромѣ авторитета мысли, нѣтъ; самое бытіе познается только мыслію, и я существую потому только, что мыслю. Только истину, признаваемую разумомъ я признаю за истину".

ИСТОРІЯ ВЕЛИКОБРИТАНІИ.

Англія и Шотландія въ теченіи реформаціоннаго періода отложились отъ римской церкви. Возстаніе противъ католицизма обнаружилось здѣсь съ двухъ сторонъ: сверху—отъ правительства и снизу—отъ народа. Реформація, введенная сверху, сначала была выраженіемъ не столько потребностей народа, сколько того самовластія, которое короли Тюдоры успѣли утвердить въ Англіи, пользуясь всеобщимъ утомленіемъ послѣ междоусобной войны Розъ.

Королевская реформація замѣнила духовный деспотизмъ папы свѣтскимъ деспотизмомъ короля. Но въ то же время, снизу, въ народѣ, обнаружилось реформаціонное ученіе съ демократическимъ направленіемъ. Проникнутый этимъ ученіемъ народъ возсталъ противъ самовластія королей на защиту той самостоятельности, которую онъ успѣлъ добыть дружнымъ содѣйствіемъ всѣхъ сословій еще въ XIII вѣкѣ. Народная реформація, обратившись въ политическую революцію, низвергла совершенно королевскую власть. Въ концѣ этого періода, въ самый годъ заключенія вестфальскаго мира, Англія объявлена была республикою.

Такимъ образомъ исторія Великобританіи вообще и Англіи въ особенности, въ XVI и XVII вѣкахъ, представляетъ два главныхъ явленія:

I. Распространеніе реформаціи сверху и усиленіе власти королевской, и

II. Распространеніе реформаціи снизу, переходъ ея въ революцію и паденіе власти королевской.

I.

Правительственная реформація въ Англіи и усиленіе королевской власти при Тюдорахъ (1485–1603).

22-го августа 1485 года послѣдній представитель іоркской бѣлой розы, страшный преступленіями и энергіею Ричардъ III далъ при Босфортѣ послѣдній бой сомнительному потомку Ланкастеровъ и представителю алой розы — Генриху Тюдору. Въ ту самую минуту, когда Ричардъ готовился нанести смертельный ударъ Генриху, лордъ Стенли отвелъ ударъ и убилъ Ричарда: корона Англіи досталась Генриху.

1. Женясь послѣ этого на родственницѣ Іорковъ, *Генрихъ VII* (1485—1509) вступилъ на престолъ „по праву наслѣдства и по суду Божію“, какъ объявилъ преданный ему парламентъ. Тронъ Генриха VII, не смотря на разореніе и истребленіе аристократіи въ предъидущихъ междоусобіяхъ, былъ довольно шатокъ: народъ одичалый среди смутъ, привыкъ къ быстрой смѣнѣ правителей и отвыкъ отъ повиновенія; права Генриха на престолъ были довольно сомнительны и вызывали претендентовъ; Франція, вслѣдствіе старинной ненависти, старалась поддерживать и питать раздоры у своей соперницы. Но умный, расчетливый и неразбиравшій средствъ

Генрихъ VII умѣлъ искусно выпутаться изъ такого затруднительнаго положенія, даже обратить его въ свою пользу и, подобно многимъ ловкимъ государямъ, утвердить на всеобщемъ утомленіи самовластіе. Противъ него выставили двухъ самозванцевъ. Перваго (Симнеля) онъ взялъ въ плѣнъ и, опредѣливъ къ себѣ поваренкомъ, сильно унизилъ поддерживавшихъ его аристократовъ. Со вторымъ (Перкиномъ Варбекомъ) управиться было труднѣе, ибо онъ находилъ пріютъ и поддержку во Франціи, потомъ въ Ирландіи и Шотландіи; но Генрихъ то ловкостью, то силою умѣлъ отнять у него всѣхъ друзей, взялъ его въ плѣнъ и заставилъ сначала всенародно объявить себя жидомъ, а потомъ посадилъ въ тюрьму и, наконецъ, казнилъ. Самозванщина, вмѣсто вреда, принесла королю пользу, подавъ поводъ къ процессамъ и обвиненіямъ къ государственной измѣнѣ дѣйствительныхъ и мнимыхъ сторонниковъ самозванщины. Процессы эти были чисто финансовою мѣрою: у обвиняемыхъ конфисковали имѣнія или заставляли ихъ откупаться отъ наказаній огромными деньгами. Набравши всѣми правдами и неправдами около пятой части всѣхъ земель королевства и много денегъ, скопидомъ Генрихъ не нуждался въ новыхъ налогахъ и потому сталъ независимъ отъ парламента, который опредѣлялъ эти налоги. И дѣйствительно: парламентъ съ 1495 года рѣдко собирался, а если и собирался, то для того, чтобы утвердить королевскую волю. Суды присяжныхъ также утратили всякое значеніе: всѣ важные государственные процессы рѣшались королемъ самовластно въ такъ называемой Звѣздной камерѣ. Для силы дворянъ, и безъ того или погибшихъ, или разорившихся въ войнахъ Розъ, всего гибельнѣе былъ законъ Генриха, дозволявшій имъ переводить въ чужія руки свои земли. Вслѣдствіе развившейся придворной роскоши, они неумѣренно пользовались этимъ закономъ и разорялись. Вмѣсто большой поземельной собственности начала въ Англіи образовываться мелкая поземельная собственность, вмѣсто сильной феодальной аристократіи—мелкое дворянство, пока неопасное для королевской власти. Генриха VII никто не любилъ, но ему до этого не было дѣла: породнясь съ сильнымъ Фердинандомъ Католикомъ, имѣя въ запасѣ 1.800.000 ф. стерл., онъ самъ правилъ самовластно и упрочилъ свою династію на престолѣ. Въ такомъ положеніи передалъ онъ государство сыну своему *Генриху VIII* (1509—47).

2. Нерасположеніе народа къ суровому и скупому отцу обратилось въ пользу сына. Старая Англія съ любовію встрѣтила кра-

сиваго юношу, богато надѣленнаго отъ природы всѣми качествами, которыхъ отсутствіе было такъ поразительно въ отцѣ его и которыя болѣе всего бросаются въ глаза и дѣйствуютъ на массу. Генрихъ представлялъ типъ англо-саксонской красоты, былъ ловокъ въ рыцарскихъ упражненіяхъ, привѣтливъ, щедръ до расточительности, смѣлъ и уменъ. Воспитанъ былъ онъ подъ надзоромъ и въ идеяхъ гуманистовъ, стоявшихъ во главѣ умственнаго движенія эпохи, сильныхъ знаніемъ и талантами. На одинадцатомъ году отъ рожденія Генрихъ уже переписывался съ Эразмомъ, главой гуманистовъ, и жадно читалъ его сочиненія. Эразмъ даже пріѣзжалъ въ Англію и былъ принятъ съ великими почестями. Канцлеръ Томасъ Морусъ, авторъ Утопіи, былъ однимъ изъ главнѣйшихъ поклонниковъ классической древности и пользовался расположеніямъ короля. Вообще при дворѣ гуманисты образовали тѣсный кругъ, и Генрихъ VIII часто вмѣшивался въ бесѣды этого круга и горячо принималъ къ сердцу его интересы. Когда въ англійскихъ университетахъ началась распря между *Греками*, т. е. поклонниками философіи и древнихъ, и *Троянами*, защитниками схоластики, король сталъ крѣпко за первыхъ и поддерживалъ ихъ своею властію. Двадцать лѣтъ продолжалась блестящая пора царствованія Генриха VIII, когда по отзыву злѣйшаго впослѣдствіи врага его, кардинала Поли, король жилъ не для своего, а для общаго счастія. Судьба благопріятствовала Генриху и во внѣшнихъ дѣлахъ. При тогдашнемъ положеніи Европы, Англія призвана была играть блестящую роль державы, союза которой искали Франція и австрійскій домъ въ своей борьбѣ за первенство и Италію. Обѣ стороны не скупились на лесть Генриху, на подарки и обѣщанія его любимцамъ. Въ числѣ этихъ любимцевъ самое видное мѣсто занималъ кардиналъ *Вольсей*, сынъ мясника ипсвичскаго, гибкій характеромъ, смѣтливый умомъ и получившій основательное богословское образованіе въ Оксфордѣ. Рано разгадавши натуру короля и приноравливаясь къ его слабостямъ, потворствуя и развивая въ немъ врожденную страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ и деспотическія замашки, Вольсей умѣлъ сдѣлаться необходимымъ для Генриха, занялъ при немъ первое мѣсто, составилъ огромное состояніе, ворочалъ всѣми дѣлами въ государствѣ раздавалъ мѣста и почести. Но, не довольствуясь блестящимъ положеніемъ, которое заставляло такихъ государей, какъ Карлъ V и Франсуа I, искать его благосклонности, Вольсей не таилъ своихъ видовъ на папскую тіару. Этой цѣли подчинялъ онъ политику государства, которымъ

правилъ: Англія была на сторонѣ Карла V или Франсуа I, смотря по тому, кто изъ нихъ могъ располагать большимъ числомъ голосовъ въ конклавѣ. Мѣняя такимъ образомъ внѣшнюю политику, сообразно эгоизму королевскаго фаворита, Англія не воспользовалась своимъ выгоднымъ положеніемъ среди борящихся сторонъ и, затративъ значительныя суммы на участіе въ соперническихъ войнахъ между Франціею и Австріею, ничего не пріобрѣла, кромѣ того, что король ея показалъ въ началѣ войны личную рыцарскую отвагу. А между тѣмъ этотъ король болѣе и болѣе предавался страсти къ наслажденіямъ и простодушно почиталъ себя рѣшителемъ судебъ Европы, а кардинала Вольсея покорнымъ исполнителемъ своей воли. Когда къ политическимъ смутамъ тогдашней Европы присоединился религіозный вопросъ о реформѣ, смѣло поднятый Лютеромъ, Генрихъ VIII думалъ, что ему, посреднику между сильнѣйшими державами Европы, не трудно рѣшить споръ между папою и Лютеромъ. Приготовляемый при жизни старшаго брата своего Артура къ сану архіепископа кентерберійскаго и потому въ ранней юности изучавшій богословіе по сочиненіямъ Фомы Аквината, Генрихъ оскорбился рѣзкими отзывами нѣмецкаго реформатора объ этомъ писателѣ и въ 1521 г. написалъ противъ Лютера книгу въ защиту семи таинствъ (Adsertio septem sacramentorum). Угодникъ-гуманистъ Эразмъ поставилъ эту книгу на ряду съ твореніями блаженнаго Августина: папа Левъ X наградилъ царственнаго богослова титуломъ защитника вѣры (defensor fidei) и обѣщалъ отпущеніе грѣховъ на 10 лѣтъ каждому читателю Защиты семи таинствъ; а Лютеръ, котораго Генрихъ называетъ въ своемъ сочиненіи адскимъ волкомъ, гнилымъ сердцемъ, членомъ дьявола, называлъ своего противника „глупѣйшимъ изъ всѣхъ глупцовъ". Этотъ отвѣтъ сильно задѣлъ самолюбіе Генриха: въ Лондонѣ стали торжественно жечь сочиненія Лютера, къ курфирсту саксонскому отправлена была жалоба на его профессора, Генрихъ VIII крѣпче прежняго примкнулъ къ папѣ и католицизму. Мысль о возможности разрыва не приходила ему въ голову; но собственныя страсти, общее настроеніе умовъ неудержимо вели его къ этому разрыву. Еще со временъ Виклефа правительство и аристократія открыли глаза на счетъ злоупотребленій старой церкви и были довольно хладнокровны къ ней; гуманизмъ сдѣлалъ также свое дѣло, подрывая схоластическое богословіе. А между тѣмъ въ низшій классъ народа проникали ученія Лютера, анабаптистовъ и кальвинистовъ. Англія была приготовлена къ реформѣ, подобно другимъ странамъ

западной Европы; только произволъ короля далъ этой реформѣ иное направленіе.

Поводомъ къ *правительственной реформѣ* въ Англіи была минутная страсть Генриха VIII къ *Аннѣ Болейнъ*, статсъ-дамѣ жены его *Екатерины Аррагонской*, тетки Карла V. Послѣ двадцатилѣтняго супружества король, увидѣлъ Анну Болейнъ, вспомнилъ что Екатерина была прежде нѣсколько мѣсяцевъ женою брата его Артура и, хотя бракъ съ нею заключенъ былъ Генрихомъ съ разрѣшенія папы, тѣмъ не менѣе онъ усомнился теперь въ его законности и обратился къ папѣ Клименту VII съ просьбою о разводѣ. Папа, опасаясь раздражить Карла V согласіемъ и Генриха VIII несогласіемъ на разводъ, дѣлалъ всевозможныя проволочки, чтобы уклониться отъ произнесенія рѣшительнаго приговора. Англичане также не весьма довольны были разводомъ: къ участію, возбужденному положеніемъ бросаемой Екатерины, присоединился у нихъ страхъ, что разрывъ съ Карломъ V прекратитъ ихъ торговыя сношенія съ Нидерландами. Вольсей, съ одной стороны опасаясь вліянія Анны Болейнъ на короля и имѣя въ виду обѣщаніе Карла V доставить ему въ будущемъ папскую тіару, съ другой стороны опасался раздражать Генриха противодѣйствіемъ его волѣ и прихоти и находился между двухъ огней. Наконецъ онъ пожалъ то, что посѣялъ: сдѣлался жертвою развитаго имъ въ Генрихѣ деспотизма. Генрихъ лишилъ его всѣхъ должностей и конфисковалъ его имѣнія за противодѣйствіе его произволу. Новые совѣтники, заступившіе мѣсто Вольсея, канцлеръ *Кромвель* и докторъ оксфордскаго университета *Кранмеръ*, возведенный въ санъ архіепископа кентерберійскаго, оба протестанты въ душѣ, привлекли деньгами на сторону короля главнѣйшіе университеты Европы. Англійское духовенство и парламентъ волею и неволею подтвердили разводъ и признали короля протекторомъ и верховнымъ главою англійской церкви. Король женился на Аннѣ Болейнъ и прекратилъ всякую связь съ Римомъ. Вслѣдъ за тѣмъ монастыри были уничтожены и имѣнія ихъ, стоившія до 7.000.000 франковъ, были обращены въ пользу короля; драгоцѣнная утварь монастырская, хартіи, библіотеки и мощи были расхищены *). Отвергнувъ власть папы, уничтожая монастыри, Генрихъ однакожъ не думалъ отказаться отъ титула защитника вѣры и издалъ

*) Въ числѣ реликвій много было такихъ, которыми монахи надували народъ, напр. молоко Божіей Матери, ухо Малха, кровь Христа и т. п.

билль, извѣстный подъ именемъ *шести пунктовъ*, равно несогласный съ правилами старой и новой церкви. Придерживаясь этого билля, онъ казнилъ католиковъ за то, что они признавали папу, протестантовъ за то, что они отвергали католическіе догматы. Епископъ Фишеръ и Томасъ Морусъ сложили головы на плаху за вѣрность своимъ убѣжденіямъ. Перенеся на свое лицо непогрѣшимость папы, Генрихъ написалъ два катихизиса, велѣлъ перевести Библію и запретилъ всѣ другіе переводы. Деспотъ въ церкви, онъ былъ деспотъ и въ государствѣ и въ семействѣ. Парламентъ долженъ былъ объявить, что приговоры короля имѣютъ такую же силу, какъ и билли обѣихъ палатъ. Въ семейной жизни онъ верховнымъ закономъ ставилъ свои прихоти. Анна Болейнъ скоро ему наскучила и была возведена на эшафотъ оставя дочь Елисавету. Третья жена его *Жанна Сеймуръ* чрезъ годъ умерла, оставя сына Эдуарда. Четвертая *Анна Клевская* изгнана, пятая *Екатерина Говардъ* умерла на плахѣ, шестая *Екатерина Парръ* спаслась отъ подобной участи, только польстивъ богословскимъ познаніемъ короля. Въ 1547 году Генрихъ, истощивъ государственную казну и свое здоровье на угожденіе своимъ прихотямъ, умеръ грязнымъ и жалкимъ старикомъ.

3. Дочери Генриха, Марія и Елисавета, при опалѣ ихъ матерей, по волѣ отца были признаны парламентомъ незаконными: поэтому на престолъ вступилъ сынъ его отъ Жанны Сеймуръ— *Эдуардъ VI* (1547—53). Ему было шесть лѣтъ, когда онъ сдѣлался королемъ, а 13 лѣтъ, когда онъ умеръ. А потому государствомъ правили: сначала дядя его по матери, Герцогъ *Соммерсетъ*, а потомъ герцогъ *Нортумберлендъ*, успѣвшій низвергнуть Соммерсета. Въ регентство перваго архіепископъ Кранмеръ утвердилъ господство новой такъ называемой *англиканской церкви*, составляющей смѣсь протестантскихъ догматовъ съ католическою іерархіею. Отъ католицизма она отличалась тѣмъ, что признавала главою церкви короля, принимала причащеніе подъ двумя видами и браки духовенства; отъ протестантскихъ же церквей отличалась тѣмъ, что удержала епископальное управленіе и католическій ритуалъ при богослуженіи (церемоніи, одежды и обряды). Такъ какъ Эдуардъ VI былъ слабъ здоровьемъ и безбраченъ, то, послѣ паденія Соммерсета, герцогъ Нортумберлендъ составилъ планъ возвести на престолъ по смерти Эдуарда своего сына. Съ этимъ намѣреніемъ убѣдилъ онъ короля, для блага новой религіи, удалить отъ престола своихъ сестеръ—Марію, дочь Екатерины Аррагон-

ской, и Елисавету, дочь Анны Болейнъ, и даже шотландскую королеву Марію Стюартъ, и избрать себѣ въ наслѣдницы прекрасную и добродѣтельную *Жанну Грей* *), двоюродную внуку Генриха VIII. Эдуардъ VI согласился; Грей была объявлена наслѣдницею и вслѣдъ затѣмъ вышла за сына Нортумберлендова, котораго любила еще прежде. Вскорѣ за тѣмъ умеръ Эдуардъ VI, котораго правленіе примѣчательно между прочимъ тѣмъ, что Англія при немъ впервые вступила въ торговыя сношенія съ Россіею (Ченслеръ). По смерти Эдуарда VI, добрая Жанна Грей держала скипетръ только нѣсколько дней. Съ трона сошла она, вмѣстѣ съ нѣжно-любимымъ супругомъ и честолюбивымъ тестемъ, на эшафотъ. Убійца ея *Марія*, дочь Екатерины Аррагонской, вступила на тронъ, и все ея царствованіе соотвѣтствовало кровавому дебюту (1553—58).

Со времени развода матери живя въ опалѣ, воспитанная фанатическими проповѣдниками католицизма, она почитала протестантизмъ виною несчастія матери и своихъ горестей и рѣшилась искоренить его. Англія снова подчинена была власти римскаго двора. Парламентъ утвердилъ католическія постановленія, а Марія ежедневно подписывала смертные приговоры основателямъ и послѣдователямъ англиканской церкви. Утверждая религіозный терроризмъ въ Англіи, Марія, вступивъ въ бракъ съ мрачнымъ представителемъ старой церкви, Филиппомъ II Испанскимъ, жертвовала выгодами своего народа интересамъ Филиппа: она вмѣшивалась во всѣ политическія интриги испанскаго короля и подвергла Англію тѣмъ же недугамъ, какіе испытывала Испанія, между прочимъ потеряла городъ Кале во Франціи. Бѣдствія Англичанъ прекратились со смертію жестокой Маріи въ 1558 году.

4. *Елисавета* (1558—1603). Плачевная кончина матери рано познакомила Елисавету съ горемъ. Отринутая отцомъ, оскорбляемая придворными угодниками, гонимая сестрою Маріею, она искала утѣшенія въ ученыхъ занятіяхъ, изучала языки: французскій, италіянскій, латинскій и греческій. Одаренная отъ природы умомъ государственнымъ, она развила его бесѣдою съ великими писателями древности; ея воля, желѣзная отъ природы, окрѣпла въ школѣ бѣдствія, и Елисавета, сдѣлавшись на 25 году жизни королевою, составила эпоху величія и славы не только въ исторіи

*) Жанна Грей была внучка Маріи, сестры Генриха VIII. Мать ея, послѣ перваго мужа своего Людовика XII, короля французскаго, вышла за частнаго человѣка.

Англіи, но и въ исторіи цѣлой Европы. Конечно, ей много помогали великіе люди ея царствованія, *Николай Бэконъ* (великій канцлеръ) и *Вилліамъ Сесиль* (великій казначей), но самый выборъ этихъ людей доказываетъ высокій умъ королевы.

a) Церковь первая обратила на себя вниманіе Елисаветы: воспитанная въ правилахъ протестантизма, она отвергала идею зависимости отъ папы и въ 1559 г. начала возстановлять въ государствѣ религію Эдуарда VI. Парламентъ, привыкшій измѣнять свои опредѣленія, утвердилъ постановленія новой королевы. Раздраженные католики составили заговоръ, но его открыли, и участники строго были наказаны. Другаго рода оппозиція открылась со стороны строгихъ кальвинистовъ: недовольные умѣренною реформою Елисаветы, они хотѣли уничтожить вовсе іерархію и, когда ихъ требованія были отвергнуты такъ называемымъ *актомъ однообразія*, то они начали возстанія подъ именемъ *пресвитеріанъ, пуританъ, нонконформистовъ*. Елисавета въ дѣлѣ религіи была не выше своего вѣка и строгими мѣрами преслѣдовала всѣхъ несогласныхъ съ государственною религіею.

b) Утвердивъ господство англиканской церкви, Елисавета обратила все свое вниманіе на развитіе промышленныхъ и умственныхъ силъ своего народа: 1) земледѣліе усовершенствовалось и распространило производство, вслѣдствіе эдикта, которымъ позволенъ былъ свободный вывозъ хлѣба; 2) принятіемъ въ Англію множества ученыхъ и дѣятельныхъ фламандскихъ колонистовъ, распространены фабрики шерстяныя, шелковыя и металлическихъ издѣлій; 3) торговля получила быстрый ходъ: составились общества для торговли съ Остъ-Индіею, съ Левантомъ и съ Россіею *); мореплаваніе распространилось, проэкты, казавшіеся дотолѣ мечтами, были приведены въ исполненіе. *Гойкинсъ*, первый изъ Англичанъ, начавшій торговлю Неграми, водрузилъ англійскій флагъ въ западной Индіи; *Девисъ* прошелъ чрезъ проливъ, называемый его именемъ; *Драке* и *Кавендишъ* совершили путешествіе вокругъ свѣта. Первый изъ нихъ сдѣлалъ флагъ англійскій грознымъ въ отдаленныхъ моряхъ. 4) Духъ націи, пробужденный геніемъ Елисаветы, проявился великими талантами въ сферѣ науки и искусства: *Францъ Бэконъ* явился преобразователемъ философіи; *Виліамъ Шекспиръ* создалъ ново-европейскую драму.

---

*) Елисавета по торговымъ дѣламъ была въ перепискѣ съ Іоанномъ Грознымъ и Борисомъ Годуновымъ.

c) Упрочивъ за Англіею первенство въ Европѣ въ промышленномъ и умственномъ отношеніяхъ, Елисавета умно и съ достоинствомъ поддерживала внѣшнее политическое значеніе государства. Въ это время, Испанія, какъ первая морская и католическая держава, была естественнымъ врагомъ Англіи, представительницы протестантизма, тѣмъ болѣе что Филиппъ II оскорбленъ былъ отказомъ королевы вступить съ нимъ въ бракъ. Чтобы поколебать владычество Испаніи на морѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не вовлечь Англію въ открытую войну съ Испаніею, Елисавета рѣшилась подъ рукою помогать протестантамъ въ Нидерландахъ и Франціи. Филиппъ медлилъ мщеніемъ, потому что занятъ былъ борьбою съ Нидерландами, а между тѣмъ это хитрое участіе Англіи въ дѣлахъ Франціи и Нидерландовъ доставило ей нѣсколько приморскихъ городовъ Голландіи и Франціи.

Въ то время, когда Елисавета двигала свой народъ впередъ, Шотландія была театромъ безпорядковъ и кровавыхъ раздоровъ. Шотландіею, въ отсутствіе законной наслѣдницы Маріи Стюартъ, которая жила при своемъ мужѣ во Франціи, управляла мать ея Марія Гизъ. По смерти правительницы, призванная недовольными шотландскими пресвитеріанами, Елисавета утвердила здѣсь свое вліяніе такъ называемымъ *эдинбургскимъ договоромъ* (1560), по которому католицизмъ былъ уничтоженъ въ Шотландіи, Французы изгнаны и Марія Стюартъ, претендовавшая на тронъ Англіи, какъ внука сестры Генриха VIII, должна была отказаться отъ титула англійской королевы. Послѣдній пунктъ утвержденъ былъ Шотландцами отъ имени своей отсутствующей королевы. Вскорѣ послѣ того умеръ Франсуа II, король французскій, и Марія Стюартъ, очаровательная, но легкомысленная, оставшись вдовою въ 18-ть лѣтъ возраста, возвратилась въ Шотландію, и не подтвердила эдинбургскаго трактата. Ревностная католичка, воспитанная въ легкихъ правилахъ французской придворной жизни, она съ неудовольствіемъ принята была своими подданными. Шотландскіе бароны, суровые и независимые, воспламененные фанатикомъ Джономъ Ноксомъ и подстрекаемые Англіею, соединились съ *Дарнлеемъ*, вторымъ супругомъ Маріи, и умертвили въ ея глазахъ любимаго ея пѣвца, Италіанца Риччіо. Марія рѣшилась отомстить и избрала орудіемъ своимъ авантюриста, прославившагося грабежемъ и убійствомъ, лорда *Босвеля*. Спустя нѣсколько времени по убіеніи Риччіо, домъ, въ которомъ жилъ Дарнлей, взлетѣлъ на воздухъ, а въ саду нашли задушенный трупъ Дарнлея. Марія отдала руку убійцѣ его Босвелю.

Раздраженные такимъ соблазномъ бароны соединились съ народомъ, разбили королевскія войска, взяли въ плѣнъ Марію и лишили ее престола. Марія бѣжала изъ плѣна и искала пріюта и защиты у своей соперницы Елисаветы. Восемнадцать лѣтъ влачила она въ Англіи бѣдственную жизнь, служа орудіемъ противъ королевы и спокойствія Англіи всѣмъ политическимъ и религіознымъ врагамъ и соперникамъ Елисаветы и ея государства. Наконецъ, въ 1587 г. былъ открытъ мнимый или дѣйствительный заговоръ, составленный секретаремъ Маріи *Бабингтономъ*, имѣвшій цѣлію, съ помощью Филиппа II, низвергнуть Елисавету и возвести на англійскій престолъ Марію. Надъ Маріею наряженъ былъ судъ, куплены свидѣтели, и несчастная королева приговорена къ смерти. Елисавета колебалась подписать приговоръ. Народъ громко требовалъ ея казни; политическія соображенія и, быть можетъ, личная ненависть пересилили милосердіе, и Марія Стюартъ изъ темницы своей Фортингайя сложила голову на эшафотѣ (1587 г.). Елисавета оплакала смерть той, которую могла спасти, и написала оправдательное письмо къ сыну ея Іакову VI, королю шотландскому.

Смерть Маріи скоро нашла себѣ мстителя въ Филиппѣ II испанскомъ, который теперь за одинъ разъ рѣшился отплатить Елисаветѣ, и за покровительство ея нидерландскимъ инсургентамъ, и за помѣху въ дѣлахъ Франціи, и за отказъ въ рукѣ. Получивъ благословеніе папы Сикста V, ненавидѣвшаго въ Елисаветѣ еретичку, онъ снарядилъ флотъ, которому подобнаго не видала еще Европа на моряхъ своихъ; 135 огромныхъ кораблей и 27,000 человѣкъ экипажа, подъ начальствомъ Медины Сидоніи, подъ именемъ *непобѣдимой армады*, отправились громить Англію. Вся Англія, не исключая католиковъ и пресвитеріанъ, вооружилась за любимую свою королеву; вооружилась за нее и сама природа: буря разсѣяла корабли непобѣдимой армады, а добиты они были даровитыми моряками Елисаветы: Драке и Форбишеромъ. Остатки непобѣдимой армады въ самомъ плачевномъ видѣ возвратились въ Испанію, преслѣдуемые флотомъ графа Эссекса, любимца Елисаветы, который взялъ Кадиксъ.

Потерпѣвъ столь страшныя неудачи въ войнѣ съ Англіею, Филиппъ II не оставилъ своихъ плановъ. Подстрекаемые его агентами Ирландцы, подъ начальствомъ Гюга О,Неаля возмутились противъ Елисаветы. Графъ Эссексъ, посланный сюда съ войскомъ дѣйствовалъ неудачно. Оклеветанный завистниками передъ коро-

левою, онъ вопреки ея приказаніямъ, оставилъ свой постъ и явился въ Англію для оправданія. Елисавета, не смотря на любовь къ нему, велѣла его арестовать. Оскорбленный Эссексъ изъ темницы сдѣлался главою заговора, и, къ крайнему сожалѣнію королевы, долженъ былъ сложить голову на эшафотѣ. Смерть любимаго вельможи чрезвычайно огорчила Елисавету: Эссекса она любила гораздо болѣе всѣхъ прежнихъ друзей своихъ. Ни уваженіе и почтительныя привѣтствія цѣлой Европы, ни любовь народа не могли утѣшить Елисавету: удрученная тоскою, она заболѣла и ускорила смерть свою, отказавшись отъ всякой пищи (1603). Народъ съ грустію погребалъ свою королеву. Онъ и до нынѣ сохранилъ память о временахъ любимой имъ, „королевы Бетти“ (Queen Bess), какъ о золотыхъ дняхъ своей родины.

II.

Стюарты и революція.

1. *Положеніе партій при Іаковѣ I.* Въ періодъ времени отъ норманскаго завоеванія до Тюдоровъ, англійская нація, дружнымъ содѣйствіемъ всѣхъ сословій, добыла себѣ конституцію, въ которой королевская власть, имѣя большія права, въ тоже время ограничена была представителями народа (парламентомъ) въ правѣ издавать законы и налагать подати, и по которой обезпечены были судомъ присяжныхъ личность и собственность каждаго Англичанина. Но Тюдоры, вступивъ на престолъ послѣ войны между Розами, воспользовались сначала всеобщимъ утомленіемъ народа и раззореніемъ феодальной аристократіи, стоявшей въ Англіи за интересы народа, а потомъ религіозною борьбою съ Римомъ и Испаніею, которая поглощала все вниманіе Англичанъ, грозя независимости ихъ церкви и отечества, для того чтобы нарушать старую конституцію, уничтожать нерѣдко свободу парламента и силу суда присяжныхъ. Но тѣмъ не менѣе старая конституція Англіи законно не была уничтожена. Стюарты хотѣли уничтожить самую конституцію въ то время, когда ни личныя ихъ свойства, ни характеръ народа не давалъ имъ на это права. Елисавета правила самодержавно, не напоминая о своемъ самодержавіи, окружая Англію величіемъ и славою, любимая народомъ,—и народъ также молчалъ о своихъ старыхъ правахъ. Стюарты, унизивъ значеніе Англіи, притѣсняя народъ и нарушая конституцію, то и дѣло твердили о

своемъ божественномъ правѣ,—и униженный ими народъ заговорилъ въ свою, очередь о своихъ старыхъ правахъ. Тѣ же самыя обстоятельства, которыя дали возможность королямъ нарушать конституцію—ослабленіе феодальной аристократіи и борьба съ римской церковью—положили начало оппозиціи въ народѣ для защиты этой конституціи. Законъ Генриха VII, позволявшій продажу феодальныхъ помѣстій, продажа церковныхъ имѣній при Генрихѣ VIII и королевскихъ доменовъ при Елисаветѣ произвели переворотъ въ поземельной собственности, который имѣлъ слѣдствіемъ усиленіе мелкихъ поземельныхъ владѣльцевъ и гражданъ, обогатившихся при удивительно быстромъ развитіи торговли въ правленіе Елисаветы. Лондонскій городъ (City) пріобрѣлъ огромныя богатства и, желая сохранить ихъ, началъ возставать въ нижнемъ парламентѣ противъ самоуправства нелюбимыхъ Стюартовъ въ наложеніи податей. Реформація, съ другой стороны, и въ Англіи, какъ и вездѣ, а даже болѣе, пробудила протестъ противъ стѣсненія не только духовною, но и свѣтскою властію. Пресвитеріане и пуритане возставали противъ англиканской церкви, какъ церкви выдуманной правительствомъ, а не народомъ. Возстанія ихъ были слабы при Елисаветѣ, когда и имъ, и англиканцамъ грозила еще опасность со стороны Рима, когда еще свѣжи были воспоминанія о кострахъ, зажигаемыхъ Маріею Тюдоръ. Они усилились при Стюартахъ, когда короли, опираясь на епископовъ, твердя о своемъ главенствѣ въ церкви, хотѣли стать новыми папами и, сближаясь въ политикѣ съ католическими державами, сближались и въ религіи съ самовластіемъ католической церкви. Вслѣдствіи этого произошелъ разрывъ, раздѣлившій всю націю на двѣ части, враждебныя по убѣжденіямъ, по нравамъ, по самой наружности: народную и роялистскую. 1) народной партіи принадлежали пресвитеріане, пуритане и вообще такъ называемые диссентеры, непризнанные господствующею церковью. Въ убѣжденіяхъ о власти, въ правахъ и языкѣ они держались ветхозавѣтныхъ преданій; были просты, суровы и строги въ жизни до мелочныхъ крайностей. По религіознымъ убѣжденіямъ они были фанатики кальвинизма; по политическимъ—демократы. Партія эта составляла большинство въ нижнемъ парламентѣ, состояла изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ (gentry) и богатыхъ горожанъ, была сильна числомъ и деньгами. Она-то взяла на себя роль защитницы старой конституціи и рѣзко возставала противъ божественнаго права Стюартовъ. По политическимъ убѣжденіямъ съ нею были

согласны и умѣренные англиканцы. 2) Къ партіи роялистовъ (кавалеровъ) принадлежали самые строгіе англиканцы и католики, тайные и явные. По политическимъ убѣжденіямъ, не всѣ, но самые узкіе изъ нихъ, большею частію придворная знать, были роялисты. Девизъ ихъ: „нѣтъ епископа, нѣтъ и короля“. Они отличались свѣтскою образованностію, были раззорены, но вели жизнь разгульную и роскошную и, поддерживая тронъ, о нуждахъ народа не заботились. Они проводили жизнь въ балахъ и празднествахъ въ то время, когда народъ мыслилъ и готовился оберегать права свои. Среди этихъ двухъ партій находилась голодная чернь, всегда готовая стать за классъ богатый, всегда питавшая ненависть къ раззолоченной аристократіи.

Умно и осторожно надобно было дѣйствовать при такомъ положеніи дѣлъ. Елисавета не даромъ мучилась и тосковала, оставляя Англію такому наслѣднику, какъ *Іаковъ* (1603—25) шотландскій, сынъ Маріи Стюартъ.

Англія съ неудовольствіемъ смотрѣла на шотландскаго короля, окруженнаго шотландскими подданными, происходившаго по матери отъ католиковъ Гизовъ, болѣе богослова, чѣмъ политика, блѣднѣвшаго при видѣ шпаги, самаго ученаго изъ всѣхъ идіотовъ, по отзыву Сюлли. Все въ немъ не нравилось Англичанамъ: и его неблагоразумные манифесты о божественномъ правѣ королевской власти, и намѣреніе соединить Англію съ Шотландіею въ одно государство, и снисходительность къ католикамъ. Католики, въ свою очередь, негодуя на него за то, что онъ не ввелъ въ Англію католицизма, составили противъ него такъ называемый пороховой заговоръ (1605). Не съ большимъ удовольствіемъ смотрѣли Шотландцы и пресвитеріане на попытки его подчинить ихъ обрядамъ епископальной церкви. Дѣйствуя по вліянію любимцевъ, Іаковъ расточительностію своею поставилъ себя въ зависимость отъ парламента и, въ тоже время, раздражалъ его своими неумѣренными посягательствами на произвольные налоги и на независимость рѣчей въ парламентѣ, посягательствами, которыхъ онъ не умѣлъ поддержать силою. Бракъ сына его Карла на католической принцессѣ, Генріетѣ французской, и участіе въ 30-лѣтней войнѣ увеличили еще болѣе негодованіе націи. Послѣ Іакова I (1625) оно перешло на сына его Карла I, при которомъ, наконецъ, обнаружился тотъ революціонный кризисъ, который подготовлялся въ англійской націи еще со временъ Генриха VIII.

2. *Борьба Карла I съ парламентомъ.* 27-го марта 1625 г.

вступилъ на престолъ *Карлъ I*. Ему было 25 лѣтъ. Онъ былъ отъ природы далеко умнѣе, далеко тверже, энергичнѣе и импозантнѣе своего отца. Политическія убѣжденія были у него отцовскія, только онъ рѣшительнѣе приводилъ ихъ въ дѣло; по религіознымъ убѣжденіямъ, онъ, хотя и не былъ папистомъ, но на пуританъ смотрѣлъ враждебнѣе, чѣмъ на католиковъ. Пребываніе при дворѣ испанскомъ и французскомъ еще болѣе развили въ немъ привязанность къ пышнымъ, утонченнымъ монархическимъ формамъ континента и слѣдовательно отвращеніе отъ суровой и независимой простоты пуритanъ. Нельзя отрицать въ немъ свойствъ добраго человѣка: въ семейной жизни онъ былъ безукоризненъ. Главный недостатокъ его, омрачающій его память и главнымъ образомъ бывшій виною его гибели, это нечестность политическая, доходившая до вѣроломства, недостатокъ, не столько природный, сколько привитый къ нему богословами, которыхъ онъ особенно уважалъ. Они внушили ему, что между нимъ и народомъ никакого договора быть не можетъ, что король по божественному праву, онъ, хотя бы и хотѣлъ, то не можетъ ограничить свою власть уступками, слѣдовательно при каждой, обстоятельствами вынужденной уступкѣ, онъ, дѣлая ее, разрѣшается впередъ отъ принимаемаго обязательства и можетъ нарушить незаконный договоръ, когда признаетъ нужнымъ.

Таковъ былъ король. Ему нужно было править націею, которую отецъ его отшатнулъ уже отъ трона своею ничтожностію и подорвалъ въ ней убѣжденіе, что Стюартъ, король по праву божественному, есть вмѣстѣ достойнѣйшій человѣкъ въ Англіи.

Чтобы заставить новое правительство удовлетворить жалобамъ народа на прежнее, парламентъ, предводимый талантливыми людьми *Пейномъ* и *Гемпденомъ*, устроилъ правильную оппозицію. Карлъ нуждался въ деньгахъ для двухъ войнъ: съ Австріею и Испаніею; парламентъ рѣшился быть скупымъ на пособія и опредѣленіе налоговъ, предлагая такимъ образомъ Карлу на выборъ: или править согласно съ волею парламента, или идти прямо противъ него, нарушая всѣ историческія преданія и законы самовольнымъ собираніемъ налоговъ. Карлъ избралъ второй путь. Когда *1-й* собранный имъ *парламентъ* отказалъ опредѣлить сборъ пошлинныхъ денегъ на все время правленія, какъ было при Тюдорахъ, но утвердилъ сборъ только на годъ, король распустилъ парламентъ и собралъ пошлины произвольно. Война съ Испаніею разрѣшилась неудачною осадою Кадикса; любимецъ Карла Буккингамъ навязалъ

ему на шею новую (третію) войну съ Франціею за-личную свою обиду. Вновь собранный *2-й парламентъ* потребовалъ удаленія Буккингама, и король распустилъ парламентъ, арестовавъ нѣсколько членовъ. Неудачная высадка. Буккингама на островъ Ре, для помощи ла-рошельскимъ гугенотамъ, еще болѣе охладила народъ къ королю и озлобила противъ Буккингама. Желая поправить дѣла, Карлъ созвалъ *3-й парламентъ*, но оппозиція, имъ встрѣченная, была сильнѣе прежней. Онъ рѣшился дѣйствовать иначе: уступать въ случаѣ нужды и нарушать уступки, когда нужда минуетъ. Парламентъ объявилъ, что дастъ пособіе не иначе, какъ если король подтвердитъ условія, представленныя ему въ формѣ прошенія о правахъ (Petition of right). Въ этомъ прошеніи парламентъ требовалъ возстановленія древнихъ своихъ правъ, вслѣдствіе коихъ король обязывался: 1) не собирать налоговъ безъ утвержденія парламента, 2) отказаться отъ самопроизвольныхъ арестовъ Англичанъ и 3) не подвергать никогда народа, имѣющаго своихъ законныхъ jury, военному суду. Всеобщій восторгъ овладѣлъ палатами и народомъ, когда король утвердилъ актъ обычною подписью: soit droit fait comme est desiré. Парламентъ сдержалъ свое слово: утвердилъ заемъ и налоги. Скоро ихъ не стало, и король, чрезъ три недѣли, вопреки акту о правахъ, самопроизвольно собралъ пошлины. Парламентъ потребовалъ удаленія Буккингама, какъ отвѣтственнаго министра. Король распустилъ 3-й парламентъ. На другой день уличная чернь растерзала доктора Буккингамова и на стѣнахъ домовъ прибила афишу слѣдующаго содержанія: „Кто правитъ государствомъ? Король. Кто королемъ? Герцогъ. Кто герцогомъ? Чортъ. Берегись, герцогъ, чтобы тебѣ не удружили получше, чѣмъ твоему доктору“. Буккингамъ собирался плыть опять къ Ла-Рошели, но, выходя изъ дому, пораженъ былъ ножемъ. Убійца былъ повѣшенъ, но народъ его оплакалъ. Буккингамъ былъ по царски погребенъ въ Вестминстрѣ, народъ сопровождалъ его проклятіями. Новыя денежныя потребности вызвали опять потребность созвать *4-й парламентъ*: онъ не хотѣлъ опредѣлить пошлиннаго сбора на цѣлое царствованіе и, постановивъ, что всякое, по повелѣнію короля сдѣланное, взиманіе пошлинъ незаконно, а что платящій ихъ—измѣнникъ, былъ распущенъ; многіе изъ членовъ его арестованы.

Король рѣшился править одинъ, безъ парламента, и дѣйствительно 11-ть лѣтъ не созывалъ его. Но какъ онъ правилъ? Недавно подписанное прошеніе о правахъ во всѣхъ пунктахъ было

нарушаемо, денежные сборы дѣлались произвольно, многіе граждане были брошены въ тюрьмы безъ всякихъ законныхъ формъ и томились тамъ, не призываемые ни предъ какой судъ.

Отвѣтственность за это раздѣляютъ съ Карломъ люди, которые, сообразуясь съ его духомъ, завѣдывали главными частями управленія. Ихъ было двое. Графъ *Страффордъ*, опытный, краснорѣчивый, энергическій, но гордый, надменный, съ самовластными замашками. Ему король довѣрялъ въ политическихъ и военныхъ дѣлахъ. Сначала одинъ изъ ревностныхъ членовъ парламентской оппозиціи, онъ потомъ оставилъ ее и ожесточенно сталъ идти противъ прежнихъ товарищей. Онъ задумалъ планъ коренной реформы, который выразилъ однимъ словомъ: *на проломъ* (through). Цѣлью его было сдѣлать для Англіи то же, что Ришлье сдѣлалъ для Франціи: установить неограниченную монархію, отнявъ независимость у судебныхъ мѣстъ и преслѣдуя на отмашь все, что вздумаетъ возставать противъ трона. Вѣрнѣйшимъ орудіемъ для этой цѣли считалъ онъ введеніе постояннаго войска и на это обратилъ всю энергію ума своего. Церковнымъ управленіемъ завѣдывалъ *Вильгельмъ Лоудъ*, архіепископъ кентербюрійскій. Узкая привязанность къ обрядности, ненависть къ бракамъ духовенства, стремленіе къ возвышенію духовенства надъ мирянами и нетерпимость, доходившая до фанатизма, сдѣлали его ненавистнымъ народу. Судебныя дѣла производились въ чрезвычайныхъ судахъ, учрежденныхъ Тюдорами, противныхъ старому праву, ненавистныхъ народу, а именно въ „Звѣздной камерѣ“, судившей дѣла политическія, и въ Верховной коммиссіи для дѣлъ религіозныхъ. Оба установленія были совершенно инквизиціонными судами, въ коихъ засѣдали коронные, а не выборные судьи. Сила и значеніе ихъ при Карлѣ были не ограничены. Руководимые Лоудомъ, не стѣсняясь ни великою хартіею, ни прошеніемъ о правахъ, они развили настоящую систему грабительства: налагали произвольныя пени за преступленія, привязывали гражданъ къ позорному столбу, предавали пыткѣ, бросали въ тюрьмы. По свидѣтельству одного современника, не было въ странѣ ни лорда, ни простолюдина, который бы отъ души не ненавидѣлъ эти суды, ибо не было человѣка, котораго правъ они бы не нарушали.

Для того, чтобы утвердить въ Англіи систему французскаго правительства, недоставало постояннаго войска. Для содержанія его нужны были деньги; съ этою цѣлію возобновили и незаконно распространили старую подать, извѣстную подъ именемъ корабель-

ныхъ денегъ. Въ старину ее платили береговыя графства для содержанія охранительной береговой флотиліи, а теперь правительство наложило ее на всѣхъ Англичанъ, предоставивъ себѣ право распоряжаться собранными деньгами по усмотрѣнію. Джонъ Гемпденъ, зажиточный дворянинъ (gentry), впослѣдствіи сдѣлавшійся однимъ изъ даровитыхъ членовъ парламентской оппозиціи, не захотѣлъ платить небольшой суммы, пришедшейся на его долю, какъ подать незаконную, и пошелъ въ тюрьму, но денегъ не далъ. Преслѣдуемые и за политическія и за религіозныя убѣжденія, многіе Англичане бросали родину и толпами выселялись въ сѣверную Америку, по примѣру Пенна, основателя секты квакеровъ. Правительство запретило эмиграціи. Когда вышелъ эдиктъ объ этомъ, восемь кораблей готовы были отплыть въ Америку: на одномъ изъ нихъ былъ знаменитый потомъ бичъ короля—Оливеръ Кромвель.

Среди раздраженной націи Страффордъ торжествовалъ осуществленіе своего плана: ему оставалось, на открытый имъ источникъ доходовъ, завести постоянную армію. Фанатизмъ Лоуда помѣшалъ его плану. Не смотря на всеобщее неудовольствіе въ Англіи, онъ рѣшился навязать англиканское богослуженіе и строгимъ пресвитеріанамъ шотландскимъ. Шотландцы возмутились въ соборной церкви Эдинбурга, обругали епископа, обругали городскую милицію и поклялись защищать религію, законы и свободу, не щадя жизни. Бунтъ вспыхнулъ, Ришлье снабдилъ Шотландцевъ оружіемъ и деньгами, Карлъ I рѣшился силою оружія обуздать инсургентовъ, но англійская армія отказалась сражаться съ своими собратіями. Король вынужденъ былъ созвать новый *парламентъ*, извѣстный подъ именемъ *долгаго* (1640). Этотъ парламентъ возвелъ его на эшафотъ.

Первымъ дѣломъ парламента, состоявшаго изъ религіозныхъ и политическихъ враговъ короля, было требованіе казни Страффорда и Лоуда, предметовъ ярости народной. Король имѣлъ слабость согласиться и подписалъ смертный приговоръ. Карлъ I теперь остался одинъ среди враговъ. Парламентъ захватилъ въ свои руки всю правительственную власть, распоряжался общественными доходами, отмѣнялъ рѣшеніе судовъ и, объявивъ себя постояннымъ, рѣшительно унизилъ права королевскія. Въ это время въ Ирландіи католики возмутились и избили находившихся тамъ англійскихъ протестантовъ. Карлъ I требовалъ у парламента денегъ на войну противъ убійцъ; парламентъ далъ, но собранныя

на эти деньги войска не могли ничего сдѣлать и были разбиты. Парламентъ обвинилъ короля въ неудачѣ и отнялъ у него начальство надъ войскомъ. Англія, Шотландія, Ирландія закипѣли возстаніями противъ короля. Раздраженный смѣлыми представленіями парламента, Карлъ явился лично для арестованія 5-ти членовъ нижней камеры. Не успѣвъ въ этомъ, онъ оставилъ Лондонъ и началъ междоусобную войну (11 января 1642 г.).

3. *Междоусобная война.* Парламентъ поддерживали столица, большіе города и флотъ; къ партіи короля пристала большая часть дворянъ. Роялисты имѣли перевѣсъ въ западныхъ и южныхъ графствахъ; парламентъ напротивъ господствовалъ въ восточныхъ, центральныхъ и юго-восточныхъ, т. е. въ самыхъ населенныхъ и богатыхъ. Предводителями роялистовъ были: племянникъ короля, отважный и пылкій *Рупрехтъ*, а по присоединеніи ирландскихъ католиковъ, храбрый *Монтрозъ*; вождями парламентской арміи были: графъ *Эссексъ* и *Ферфаксъ*, оба безъ замѣчательныхъ дарованій. Кромѣ недостатка въ хорошихъ предводителяхъ, революціонное войско состояло изъ людей незнакомыхъ вовсе съ военною тактикою и дисциплиною. Вслѣдствіе этого, въ началѣ войны перевѣсъ счастія былъ на сторонѣ короля, но онъ не умѣлъ воспользоваться своимъ успѣхомъ и, вмѣсто того, чтобы идти на Лондонъ, тянулъ переговоры до тѣхъ поръ, пока и въ парламентѣ и въ парламентской арміи не усилилась партія *индепендентовъ*, (независимыхъ) съ чисто радикальными стремленіями, отважная, проникнутая восторженнымъ, религіознымъ и политическимъ фанатизмомъ. Особенно важенъ былъ перевѣсъ этой партіи въ парламентской арміи, съ нею вмѣстѣ выдвинулся на первый планъ мрачный герой англійской революціи—*Оливеръ Кромвель*, давшій войнѣ другой оборотъ, гибельный для короля.

Подъ перомъ историковъ, писавшихъ, во время возстановленія Стюартовъ, когда правительство приказывало выкапывать трупы индепендентовъ и бросать ихъ на съѣденіе собакамъ, образовалось и долго господствовало ложное мнѣніе о происхожденіи и личности Кромвеля. Его называли сыномъ мясника или пивовара и представляли какимъ-то кровожаднымъ и хитрымъ изувѣромъ. Ни тѣмъ, ни другимъ онъ не былъ. Изъ открытыхъ въ наше время подлинныхъ документовъ видно, что Оливеръ Кромвель происходилъ изъ древней саксонской фамиліи, отличавшейся искони ненавистью къ норманскимъ завоевателямъ, а потомъ ненавистью къ католицизму. Томасъ Кромвель, канцлеръ Генриха VIII, былъ двоюродный дѣдъ

Оливера, котораго отецъ принадлежалъ къ классу мелкопомѣстныхъ дворянъ (gentry) Линкольншира, пропитанныхъ чисто пресвитеріанскими убѣжденіями. Оливеръ (р. 1599 г.) началъ образованіе въ Кембриджѣ, но не кончилъ, потому что смерть отца заставила его въ молодости заботиться о судьбѣ многочисленнаго семейства. Самъ онъ женился на 21 году и велъ жизнь домовитаго помѣщика-хозяина. Уже тогда отличался онъ сумрачнымъ, меланхолическимъ настроеніемъ духа и рѣзкими пуританскими убѣжденіями, доходившими до фанатизма. Избранный въ парламентъ представителемъ своего округа, онъ явился сразу врагомъ придворной партіи, пылкимъ народнымъ трибуномъ, котораго львиная физіономія, огненный взгядъ, грубыя рѣзкія черты, простая до неряшества одежда и буйныя рѣчи приводили въ трепетъ министровъ. Предводимый имъ полкъ индепендентовъ, рѣзко отличался среди парламентской арміи своимъ восторженнымъ фанатизтомъ, духомъ независимости и въ тоже время стойкостію и повиновеніемъ въ битвахъ. Особенно отличился полкъ Кромвеля въ сраженіи при Марстонъ-Мурѣ, гдѣ ему обязаны революціонеры побѣдами надъ роялистами, предводимыми Рупрехтомъ. Инденпенденты могли бы представить послѣ этого боя въ парламентъ болѣе 100 непріятельскихъ знаменъ, если бы въ дикомъ упоеніи побѣдою, среди пѣнія ветхозавѣтныхъ гимновъ, не изорвали ихъ въ куски, которыми и украшали себѣ шапки и руки. Послѣ этой побѣды, Кромвель, сталъ на первый планъ и сообщилъ фанатизмъ индепендентовъ цѣлой арміи. Съ этихъ поръ дѣло короля было потеряно, роялисты были два раза разбиты Кромвелемъ, король лишился Іорка и всего сѣвера Англіи, королева бѣжала во Францію. Храбрый Монтрозъ, сдѣлавъ высадку въ Шотландіи съ Ирландцами, поправилъ было дѣла королевскія. Король шелъ уже къ Лондону, но побѣда, одержанная надъ роялистами Кромвелемъ, была рѣшительно погибелью для Карла. Онъ долженъ былъ бросить армію, долго скитался изъ замка въ замокъ, скрываясь въ горахъ и мѣняя одежду, наконецъ, думалъ найти убѣжище въ Шотландіи, но, вытерпѣвъ здѣсь всевозможныя униженія и оскорбленія былъ проданъ Шотландцами Англичанамъ. Въ то самое время произошли несогласія въ парламентѣ между умѣренными и партіею независимыхъ, которая имѣла силу въ войскѣ. Обѣ партіи боялись уступить другъ другу власть. Несчастный Карлъ былъ орудіемъ, которое оспаривали онѣ другъ у друга. Кромвель увезъ короля изъ-подъ стражи и перевезъ его въ армію. Парламентъ вооружилъ все лондонское

народонаселеніе противъ Кромвеля, требуя выдачи короля. Кромвель съ войскомъ вступилъ въ Лондонъ и началъ предписывать законы парламенту.

Наконецъ, послѣ неудачныхъ попытокъ къ бѣгству со стороны короля, послѣ окончательнаго подавленія роялистовъ и пораженія Шотландцевъ, пришедшихъ на выручку проданнаго ими короля, и послѣ рѣшительной побѣды Кромвеля надъ парламентомъ, посредствомъ очищенія, т. е. изгнанія изъ него всѣхъ депутатовъ, враждебныхъ индепендентамъ, наряженъ былъ судъ надъ несчастнымъ Карломъ Стюартомъ, судъ подъ предсѣдательствомъ Джона Брандсгава, двоюроднаго брата Мильтона.

Не смотря на то, что лорды, представители верхней палаты парламента, отказались присутствовать въ судѣ, не смотря на отзывъ Карла, что нижняя камера, безъ участія короля и лордовъ, не можетъ имѣть законной власти, не смотря на ходатайство коммисаровъ шотландскихъ и посла голландскаго, король былъ приговоренъ къ смертной казни приверженцами Кромвеля. Благословивъ дѣтей своихъ, король твердо и безъ страха сложилъ голову на эшафотѣ 30 января 1649 г. „Крѣпкое было тѣло и обѣщало долгую жизнь!“ сказалъ Кромвель, осматривая уже положенный въ гробъ трупъ Карла. Два дня спустя, камера лордовъ была уничтожена. На большой государственной печати вырѣзана была надпись: „1-й годъ возстановленія свободы по благословенію Божію 1649“. Англія объявлена была республикою и управленіе ввѣрено особому совѣту, члены котораго приняли названіе протекторовъ народа и защитниковъ закона.

4) *Протекторатъ и республика.* Новую республику скоро пришлось защищать отъ Ирландіи и Шотландіи, возставшихъ противъ убійцъ короля. Кромвель усмирилъ сначала Ирландію, разорилъ ея города, обнищалъ ея населеніе и заселилъ ее англійскими колонистами. Вслѣдъ за тѣмъ онъ двинулся противъ Шотландцевъ. Сынъ казненнаго короля, Карлъ II, бѣжавшій въ Голландію еще при жизни отца, былъ призванъ въ Шотландію и, цѣною самыхъ постыдныхъ униженій купивъ себѣ помощь шотландскихъ пресвитеріанъ, началъ войну съ убійцами отца своего. Кромвель нанесъ ему два рѣшительныхъ пораженія, и онъ, долго скитаясь среди горъ западной Англіи едва успѣлъ бѣжать, наконецъ, во Францію.

Пока не были подавлены возстанія роялистовъ въ Ирландіи и Шотландіи, до тѣхъ поръ существовало согласіе, по крайней

мѣрѣ наружное, между солдатами, подчинившими Шотландію и Ирландію, и политиками, засѣдавшими въ парламентѣ; но союзъ, скрѣпленный опасностію, былъ разорванъ, когда опасность миновала. Парламентъ, состоявшій изъ остатка длиннаго парламента и прозванный поэтому *хвостомъ-парламентомъ* (rump parliament), забылъ, что онъ созданіе арміи и хотѣлъ повелѣвать ею; армія же менѣе, чѣмъ когда либо, думала повиноваться ему. Возвратясь изъ Шотландіи, Кромвель рѣшился доказать ему это. Однажды онъ вошелъ въ залу засѣданій и, когда засѣданіе открылось, снялъ шляпу и, громко сказалъ: „часъ насталъ! я долженъ это сдѣлать!" началъ рисовать въ сальныхъ чертахъ характеръ членовъ парламента. Потомъ въ дикомъ восторгѣ закричалъ: „вы не парламентъ! ступайте вонъ и очистите мѣсто честнымъ людямъ!" По данному знаку вошли солдаты и вытолкали президента и всѣхъ членовъ, которыхъ Кромвель сопровождалъ ругательными прозвищами. Потомъ онъ явился въ государственный совѣтъ и объявилъ его уничтоженнымъ, вслѣдствіе роспуска парламента. Президентъ слѣдующими словами протестовалъ противъ насилія: „напрасно думаете, вы, генералъ, что парламентъ распущенъ. Никакая сила, кромѣ его самого, распустить его не въ состояніи."

Съ этихъ поръ Кромвель былъ повелитель: король, лорды, нижній парламентъ были постепенно устранены и вся ихъ власть перешла въ руки Кромвеля. Впрочемъ онъ не вполнѣ былъ независимъ, нѣкоторыя ограниченія онъ долженъ былъ терпѣть и всегда терпѣлъ отъ тѣхъ солдатъ, коимъ всѣмъ былъ обязанъ. Въ арміи господствовалъ индепендентскій духъ т. е. чисто республиканскій. Пролагая въ Англіи на дѣлѣ путь къ военному деспотизму, ломая всю конституцію, войско наивно и твердо было убѣждено, что прокладываетъ путь совершенной свободѣ. „Народъ ропщетъ противъ насъ—своихъ освободителей и противъ вождя нашего, говорили они, но не такъ-ли роптал избранный народъ противъ вождя и колѣна, изведшаго его изъ египетскаго ига и изъ страны рабства въ страну обѣтованную, текущую медомъ и млекомъ." Цѣлью „святыхъ", окружавшихъ Кромвеля, была какая-то духовно-свѣтская республика. Для достиженія ея, они готовы были на всѣ, самыя беззаконныя средства. Очевидно, что съ ихъ помощью можно было ихъ вождю сдѣлаться на дѣлѣ чистымъ деспотомъ: но очевидно и то, что этотъ вождь погибъ-бы, если-бы, даже съ огромными ограниченіями, принялъ титулъ королевскій.

Кромвель желалъ править сначала на основанiи старыхъ законовъ и дать народному представительству право контроля, хотѣлъ замѣнить мечъ закономъ. Скоро онъ увидѣлъ, что собранный имъ парламентъ возбуждаетъ насмѣшки роялистовъ, не пользуясь никакимъ уваженiемъ у нацiи и только связываетъ ему руки. По этому онъ распустилъ его и сталъ править неограниченно, опираясь на преданное ему войско: короля не было, формы были республиканскiя, но въ сущности былъ военный деспотизмъ. Государство было раздѣлено на военные округи: каждый округъ находился подъ начальствомъ военнаго генерала. Всякое возстанiе подавлялось неумолимо строго. Собственность была безопасна для всѣхъ, и даже для роялистовъ, не признававшихъ новаго правительства, но и не нарушавшихъ его повелѣнiй. Судебное разбирательство между частными лицами было ясно, опредѣленно, правильно. Протекторъ показывалъ, что онъ выше закона, только въ дѣлахъ, касавшихся правъ его лица и правительства. Такой обширной вѣротерпимости никогда, ни прежде, ни долго послѣ, не было какъ при Кромвелѣ. Даже Евреямъ, не смотря на сопротивленiе богослововъ, протекторъ позволилъ построить въ Лондонѣ синагогу.

Внѣшняя политика его была такова, что превосходство ея сознавали даже тѣ, которые презирали и ненавидѣли Кромвеля. Англiя, которая, послѣ Елисаветы, низошла на степень третьестепенной державы, теперь стала сильнѣйшею въ Европѣ. Еще до вступленiя въ протекторство, Кромвель издалъ (1651) такъ называемый *актъ мореплаванiя*, которымъ дозволялось иностраннымъ державамъ привозить въ англiйскiе порты на своихъ судахъ только произведенiя собственной ихъ земли, всѣ-же остальные товары должны были перевозиться на англiйскихъ корабляхъ. Этотъ актъ, произведенiе господствовавшей въ то время ложной запретительной торговой системы, вызвалъ сопротивленiе со стороны Голландiи. Началась война республики съ республикою, и Англичане, не имѣвшiе порядочнаго флота при Стюартахъ, трудами адмирала Блека создали прекрасный флотъ и вышли съ торжествомъ изъ борьбы съ Голландiею, которая считалась въ то время сильнѣйшимъ морскимъ государствомъ. Всѣ державы признали, по примѣру Мазарини, новое правительство Англiи, при чемъ впервые въ международномъ правѣ принято было за правило, что образъ правленiя не мѣшаетъ международнымъ союзамъ и что республика можетъ стоять въ системѣ державъ на ряду съ импе-

ріями и королевствами. При Кромвелѣ Англія заняла еще съ большимъ блескомъ то мѣсто, какое занимала при Елисаветѣ: мѣсто первой морской державы и главы протестантизма. Всѣ протестантскія церкви въ католическихъ государствахъ признавали протектора Англіи своимъ протекторомъ. Самъ папа, по его настоянію, проповѣдывалъ католическимъ государямъ умѣренность и человѣколюбіе къ сектантамъ; затѣмъ, что человѣкъ, который никогда не грозилъ даромъ, сказалъ ему, что „если народу Божію не будетъ оказано кротости, то перуны Англіи загремятъ въ Ватиканѣ.“ У себя Кромвель былъ окруженъ огромнымъ, по числу, но не расточительнымъ, простымъ и суровымъ дворомъ.

Пока жилъ онъ, его власть для его подданныхъ была предметомъ отвращенія, удивленія и страха. Не многіе любили его правленіе; но большинство его ненавидѣвшихъ болѣе его боялись, чѣмъ ненавидѣли. Подъ конецъ его правленія явныхъ возстаній уже не было. Испытавъ безуспѣшность всѣхъ попытокъ и окованные страхомъ и уваженіемъ, враги его явно уже не возставали. За то явились попытки тайныхъ убійствъ со стороны роялистовъ и республиканцевъ; но и они падали предъ подозрительною предусмотрительностью протектора, который окружилъ себя стражею и выходилъ изъ дворца въ панцырѣ подъ пуританскою одеждою, сопровождаемый тѣлохранителями съ обнаженными мечами. Эти попытки на убійство впрочемъ дорого стоили протектору: они лишили совершенно сна и покоя Кромвеля, и безъ того мучимаго страшнымъ воспоминаніемъ о тѣлѣ, имѣвшемъ крѣпкое сложеніе и обѣщавшемъ долгую жизнь.

Въ сентябрѣ 1658 г. онъ умеръ. Слабый характеромъ, сынъ его *Ричардъ* правилъ только пять мѣсяцевъ, и все его правленіе прошло въ борьбѣ сначала правильно созваннаго парламента, а потомъ возобновленнаго хвоста длиннаго парламента съ войскомъ. Среди этой борьбы Ричардъ совершенно потерялся и отрекся отъ правленія. Тогда рѣшителемъ вопроса о правительствѣ страны явился предводитель арміи, стоявшей въ Шотландіи, генералъ *Монкъ*. Онъ явился въ Лондонъ, подчинилъ войско, распустилъ въ послѣдній разъ остатокъ длиннаго парламента и созвалъ новый, въ которомъ преобладала партія, желавшая успокоенія страны и благопріятствовавшая монархіи. Монкъ тогда объявилъ себя сторонникомъ Стюартовъ: монархія была возобновлена и королемъ признанъ *Карлъ II*, жившій въ Голландіи (1660 г.).

III.

Умственныя движенія въ Англіи въ реформаціонный періодъ (1500—1600).

Возрожденное въ Италіи классическое образованіе быстро распространилось въ Англіи во второй половинѣ XV вѣка. Образованныя сословія, пораженныя удивленіемъ къ древнему міру и увлеченныя красотой его произведеній съ жаромъ бросились изучать ихъ и думали только о подражаніи своимъ классическимъ образцамъ. Плутархъ, Гомеръ, Овидій, Виргилій, Плавтъ, Теренцій были переведены на англійскій языкъ. Генрихъ VIII былъ воспитанъ въ идеяхъ и подъ надзоромъ гуманистовъ. Вступленіе его на престолъ Эразмъ привѣтствовалъ, какъ зарю золотаго вѣка наукъ и искусствъ въ Англіи. Въ университетахъ англійскихъ завязалась горячая борьба между Троянцами—схоластиками и Греками—гуманистами. Король держалъ сторону послѣднихъ и принималъ участіе въ бесѣдахъ ученаго кружка гуманистовъ, состоявшаго изъ епископовъ *Фокса и Фишера*, лорда *Монтжоя*—ученика Эразмова, врача *Линакра*, будущаго канцлера *Томаса Моруса* и другихъ людей не только глубоко ученыхъ, но образованныхъ, остроумныхъ, имѣвшихъ доступъ ко двору. При Елисаветѣ, когда послѣ реформаціонныхъ бурь, заложены были основы внутренняго и внѣшняго величія націи, дѣйствительно насталъ вѣкъ возрожденныхъ наукъ и искусствъ подъ личнымъ вліяніемъ королевы, которая сама была въ уровень съ высшимъ образованіемъ современнаго общества. Она знала, кромѣ новыхъ европейскихъ языковъ, оба языка классической древности, читала по-еврейски, писала комментаріи къ Платону и переписывалась съ друзьями своими по-латыни. Недавніе богословскіе споры ввели въ моду науку и потому въ то время знаніе древнихъ языковъ входило въ курсъ моднаго образованія не только мужчинъ, но и знатныхъ дамъ. Новая аристократія, заступившая съ Генриха VIII мѣсто старыхъ феодальныхъ бароновъ, въ войнѣ между Розами, подражая италіянскимъ владѣтелямъ и испанскимъ грандамъ XVI вѣка, покровительствовала наукамъ и искусствамъ и сама занималась ими. Къ этому то классу знатныхъ людей, въ которыхъ государственные таланты соединялись съ талантомъ поэтическимъ, воинственная отвага—съ любовью къ наукамъ, принадлежали: сэръ *Филиппъ Сидней*, воинъ, государственный человѣкъ и поэтъ, бывшій въ числѣ опоръ трона Елисаветы, покровитель всѣхъ та-

лантовъ, и авторъ пастушескаго романа „Аркадія“ отъ котораго была въ восхищеніи Англія; сэръ *Вальтеръ Ралейгъ* (Raleigh), знаменитый морякъ, путешественникъ и историкъ, погибшій подобно Сиднею, на эшафотѣ; графъ *Соутгемптонъ*, другъ и покровитель Шекспира, наконецъ, великій преобразователь философіи *Францъ Бэконъ*, баронъ *Веруламскій*, лордъ канцлеръ Англіи и мн. др. Всѣ эти люди имѣли сильное вліяніе на свое время и на умственную жизнь Англіи. Съ ихъ легкой руки путешествіе въ Италію, страну классическаго образованія, и подражаніе классическимъ и италіянскимъ образцамъ сдѣлалось тогда въ Англіи общимъ стремленіемъ ученыхъ и поэтовъ. Подъ вліяніемъ такого увлеченія, весь дворъ Елисаветы захотѣлъ сдѣлаться классическимъ. Въ какой степени это настроеніе было въ духѣ общества, видно изъ той обстановки, которая сопровождала королеву, когда она посѣщала своихъ вельможъ. Ее всегда привѣтствовали Пенаты, въ будуаръ отводилъ Меркурій, пажи переодѣты были въ Дріадъ, а слуги въ видѣ Сатировъ прыгали по лугу. Когда она проѣзжала городъ Норвичь, то, по знаку мэра и альдермэновъ, Купидонъ, отдѣлившись отъ группы встрѣчавшихъ ее олимпійцевъ, подносилъ ей золотую стрѣлу, которая дѣлала неотразимыми прелести пятидесятилѣтней „королевы Бетти“.

При такой обстановкѣ жизни и такихъ литературныхъ нравахъ высшихъ классовъ англійскаго общества, въ Англіи произошелъ разрывъ между народною и книжною поэзіею. Кредитъ менестрелей и ихъ пѣсень, такъ высоко цѣнимыхъ въ средніе вѣка, упалъ въ кругу образованныхъ людей, увлекшихся красотою классическихъ образцовъ. Въ Англіи, какъ и въ остальной Европѣ, развилась космополитическая литература, поддерживаемая и покровительствуемая дворомъ, высшимъ свѣтомъ, учеными и всѣми образованными людьми. Англія XVI вѣка наводнена была модною въ то время италіянскою лирикою, пастушескими стихотвореніями, аллегоріями и новеллами. Даровитѣйшимъ представителемъ этого подражательнаго направленія былъ *Спенсеръ* (1535—96), авторъ „Пастушескаго мѣсяцослова“ и поэмы „Царица фей“, въ которой подъ покровомъ аллегоріи, воспѣта слава Елисаветы и ея вѣка.

Такое подражательное направленіе господствовало почти до конца XVI вѣка во всѣхъ родахъ поэзіи; оно содѣйствовало выработкѣ литературнаго языка и вообще формальной сторонѣ литературныхъ произведеній. Этимъ оканчивается сходство развитія англійской поэзіи съ поэзіею другихъ западно-европейскихъ наро-

довъ. Подражаніе не убило въ Англіи оригинальности содержанія, а только усовершенствовало формы его. На сценѣ англійской, во второй половинѣ царствованія Елисаветы, сталъ впервые проступать народный саксонскій характеръ, и возникавшій театръ сдѣлался скоро почти исключительной національной собственностію: любовь къ нему быстро охватила дворъ, аристократію и народъ. Драма англійская развилась изъ трехъ стихій: религіозной (мистерій—miracles), народной (представленій, называвшихся масками, фарсами и исторіями) и классической (подражаній греческой драмѣ); она развилась, подобно свободнымъ государственнымъ учрежденіямъ Англіи, самобытно и оригинально и была самороднымъ выраженіемъ славной, бодрой духомъ и кипящей дѣятельностію поры правленія Елисаветы. Съ половины XVI вѣка въ Лондонѣ, безъ всякаго участія правительства, являются одинъ за другимъ постоянные театры *) и драматическія произведенія замѣчательныхъ талантовъ (каковы Марлое, Гринъ, Томасъ Гейвудъ), а въ началѣ XVII вѣка Бенъ-Джонсонъ, соперникъ великаго Шекспира, въ надгробномъ стихотвореніи ему говоритъ: „торжествуй моя Англія! Ты можешь указать у себя на такого поэта, предъ которымъ должны преклониться всѣ театры Европы. Онъ принадлежитъ не одному нашему вѣку, а всѣмъ временамъ!“ Дѣйствительно, *Вилльямъ Шекспиръ* (1564—1616) является *во-первыхъ*—величайшимъ поэтомъ *всѣхъ временъ*. Созданія его раскрываютъ предъ нами всѣ стороны души человѣческой, всѣ положенія семейной, общественной и исторической жизни міра римскаго, феодальнаго и протестантскаго. Изображая всѣ эти разнообразныя эпохи и отношенія, поэтъ такъ высоко стоитъ надъ предразсудками и партіями своего времени, обнаруживаетъ такое вѣрное пониманіе человѣка и общества вообще и человѣка и обществъ раз-

*) Сначала сценическія представленія въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ западной Европы, были даваемы ремесленниками для собственнаго времяпровожденія. Только въ началѣ XVI вѣка актерство, бывшее прежде не ремесломъ, а случайнымъ занятіемъ по-охотѣ, по немногу обратилось въ настоящій промыселъ. Тогда явилось нѣсколько группъ странствующихъ актеровъ. Въ 1583 году Елисавета въ первый разъ приняла къ себѣ на службу 12 актеровъ, которые стали называться королевскими, и съ тѣхъ поръ англійскій театръ, покровительствуемый дворомъ и аристократіею, развился чрезвычайно быстро. Замѣчательнѣйшими актерами временъ Шекспира были: трагики Ричардъ Барбаджъ и Эдуардъ Алленъ, комикъ—придворный шутъ Тарльтонъ. Городскія думы постоянно противодѣйствовали театрамъ, какъ дьявольскимъ потѣхамъ, и за то Тарльтонъ называлъ ихъ „длинноухою семьею, которая нигдѣ не хотѣла видѣть дураковъ, кромѣ своего почтеннаго совѣта.“ Монтировка пьесъ вообще была самая простая и грубая.

ныхъ эпохъ и разныхъ національностей въ особенности, что, кажется, будто онъ принадлежитъ не XVI вѣку, а нашему, несравненно болѣе зрѣлому и опытному. Въ этомъ отношеніи не даромъ Англичане называютъ его сочененія „книгою житейской мудрости“ и вѣрнѣйшимъ зеркаломъ міра и людей. *Во-вторыхъ*, Шекспиръ является поэтомъ *своего вѣка и своего народа*: въ драмѣ его, вѣрной дѣйствительности, исполненной мысли, юмора, страсти и движенія выражается вѣкъ Елисаветы, время поворота отъ идеальнаго, мечтательнаго направленія среднихъ вѣковъ къ развившемуся изъ религіозной борьбы и пробужденія промышленныхъ силъ націи времени самосознательной нравственности, разсудка и практической англійской положительности, вѣкъ борьбы сомнѣнія съ догматомъ, промышленнаго духа съ внѣшними препятствіями. Энергія національнаго духа Англичанъ, которой они обязаны своимъ государственнымъ устройствомъ и матеріальнымъ богатствомъ, трагически выражалась въ политическихъ и религіозныхъ переворотахъ. Отсюда эта мрачность и суровое величіе шекспировской драмы. Сама исторія Англіи есть рядъ трагедій, и Шекспиръ легко могъ писать трагическія хроники Англіи: матеріалы были у него подъ рукою: стоило только оживить ихъ духомъ поэзіи. Самъ подготовленный и вызванный вѣкомъ громадный талантъ Шекспира имѣлъ достойнаго истолкователя своихъ драмъ въ знаменитомъ актерѣ *Ричардѣ Барбаджѣ*: отъ него онъ и самъ могъ научиться многому, даже больше, чѣмъ отъ всѣхъ предшедствовавшихъ ему поэтовъ и его современниковъ, *Бомона* и *Флетчера*, которые шли по слѣдамъ Шекспира, и *Бенъ-Джонсона*, соперника Шекспира, который держался учено-классическаго направленія италіанскихъ и французскихъ драматурговъ*).

Съ Шекспиромъ оканчивается эпоха оригинальнаго и блестящаго развитія англійской драмы. Во время революціи закрыты были всѣ театры въ Англіи: строгій пуританизмъ не могъ терпѣть такихъ грѣховныхъ представленій. Грозное время религіознаго и политическаго фанатизма, „когда народъ держалъ судъ надъ своимъ властителемъ, и грѣхи предковъ вымещались на позднихъ потомкахъ“, выразилось въ одномъ изъ величайшихъ поэтическихъ произведеній англійской литературы—въ „Потерянномъ раѣ“ крайняго республиканца-пуританина *Джона-Мильтона*. Поэма эта есть худо-

*) Эстетическая оцѣнка драмъ Шекспира относится въ гимназіяхъ къ курсу исторіи поэзіи.

жественное изображеніе трагической и вызвышенной стороны англійской революціи. Поэтъ отдалъ всю силу своего таланта на изображеніе грандіознаго и ужаснаго лика сатаны, неукротимаго возмутителя. „Всякое мѣсто одинаково, когда та же душа. Я свободенъ—и довольно! Лучше мнѣ тронъ въ аду, чѣмъ цѣпи въ небесахъ!“—въ этихъ словахъ павшаго духа—главный мотивъ всей поэмы, вызванной бурнымъ временемъ кромвелевщины; въ этихъ словахъ—задушевная мысль главнаго дѣятеля этого времени, Кромвеля, и быть можетъ самаго автора поэмы, секретаря Кромвелева. Потерянный рай, по содержанію своему, есть эпосъ религіозный; но какъ отличенъ анализирующій вѣкъ протестантизма отъ вѣка прежней безотчетной вѣры временъ католическихъ, такъ отлична религіозно-догматическая поэма Мильтона отъ поэтической легенды среднихъ вѣковъ. Поэтъ въ образахъ старается изложить богословскіе догматы и убѣжденія разума. Этотъ догматическій характеръ, представляя неодолимыя трудности, которыхъ не могъ одолѣть и могучій талантъ Мильтона, составляетъ недостатокъ поэмы въ художественномъ отношеніи, но въ тоже время отлично указываетъ на то, какъ вѣкъ отразился въ поэтическомъ призведеніи.

Въ Англіи, какъ и въ другихъ государствахъ запада, древняя наука явилась руководительницею новой, указала ей дорогу и разсѣяла обскурантизмъ. Прежде самостоятельныхъ изысканій нужно было усвоить результаты, добытые трудами классическаго міра. Вліяніе классической науки впрочемъ не препятствовало свободѣ взгляда и національному воззрѣнію; подражательность вызвала реакцію, оригинальныя идеи пробились наружу и сначала высказались въ оппозиціи и критикѣ, а потомъ въ выработкѣ новыхъ положительныхъ началъ.

Вѣкъ Елисаветы, вѣкъ пробужденія національныхъ силъ, далъ Англіи величайшаго поэта новыхъ временъ; онъ же произвелъ и одного изъ величайшихъ талантовъ въ сферѣ науки, творца новой эмпирической философіи Франца Бэкона. Лордъ *Францъ Бэконъ, баронъ Веруламскій* (1561—1626), сынъ великаго канцлера Елисаветы, Николая Бэкона, первоначально воспитанъ былъ своею матерью, образованнѣйшею женщиною того времени, знавшею греческій и латинскій языки. Уже на 8 году возраста, Бэконъ задумывался надъ законами звука: онъ ходилъ прислушиваться къ эху и доискивался законовъ этого явленія. На 12-мъ году онъ поступилъ въ кембриджскій университетъ, откуда вынесъ презрѣніе къ безплодной схоластикѣ. Три года спустя, объѣхавъ Францію, на-

писалъ сочиненіе о состояніи Европы. На 28-мъ году возраста былъ сдѣланъ государственнымъ совѣтникомъ и, наконецъ, лордомъ канцлеромъ Англіи. Сочиненіями своими „О достоинствѣ и усовершенствованіи наукъ“ и „Новый Органонъ“, онъ пріобрѣлъ себѣ уже самою громкую извѣстность въ Англіи и Европѣ, когда, чрезъ три года по назначеніи его канцлеромъ, въ парламентъ занесено было обвиненіе, что въ судахъ Англіи нѣтъ правды, что правосудіе можно покупать за деньги и что главнымъ виновникомъ былъ человѣкъ, „котораго имя нельзя произнесть безъ уваженія, который выше всѣхъ похвалъ—лордъ канцлеръ.“ Наряжено было слѣдствіе. Процессъ Бэкона обратилъ на себя вниманіе всей Европы, въ которой гремѣло имя геніальнаго философа. Бэконъ упалъ духомъ, заболѣлъ и просилъ судей „не ломать окончательно уже подломанной трости“. Приговоръ состоялся: Бэконъ объявленъ былъ лихоимцемъ, недостойнымъ засѣдать въ палатѣ, осужденъ на денежную пеню и заключеніе въ лондонской башнѣ. Милость короля отвратила исполненіе заслуженнаго приговора, но Бэконъ не смѣлъ уже явиться въ парламентъ. Подъ бременемъ заслуженнаго позора онъ прожилъ еще пять лѣтъ и умеръ жертвою своей любознательности, поручивъ, въ завѣщаніи память и имя свое милосердію людей, чуждымъ народамъ и отдаленнымъ вѣкамъ.

Бэконъ не смотря на проступки его, какъ сановника, стоитъ на ряду съ великими людьми въ исторіи. Это потому, что его гражданская дѣятельность искуплена другою, которой онъ посвящалъ досужные дни и безсонныя ночи и которая доставила ему славу творца новой философіи. Великая заслуга его заключается не въ отдѣльныхъ трудахъ и открытіяхъ: ибо отдѣльныя открытія, которыми ознаменовано его время, принадлежатъ не ему: другіе опередили его глубиною частныхъ изслѣдованій. Его заслуга—въ цѣломъ взглядѣ на науку, въ ясномъ и отчетливомъ указаніи цѣли научныхъ иcслѣдованій, пути, по которому они должны идти, метода, которымъ должны производиться. Исполненный вѣры въ силы разума, Бэконъ высказалъ свой высокій взглядъ на науку вообще въ значительномъ выраженіи „знаніе есть сила,“ и ему первому пришла мысль о построеніи всѣхъ знаній нашихъ о Богѣ, человѣкѣ и природѣ въ одну органическую науку (Органонъ). Какъ Англичанинъ, онъ высказалъ и свой ясный практическій взглядъ на *цѣль* всѣхъ научныхъ изслѣдованій въ словахъ: „истинная цѣль всѣхъ наукъ состоитъ въ надѣленіи жизни человѣческой новыми изобрѣтеніями и открытіями.“ Признавъ за единственно вѣр-

ный источникъ знанія *опытъ*, руководимый ближайшимъ наблюденіемъ, которое даетъ ему смыслъ и жизнь, Бэконъ указалъ научный *путь* въ опытномъ изслѣдованіи предмета или явленія въ его послѣдовательномъ развитіи и въ органической связи съ другими явленіями. Этотъ способъ изслѣдованія принесъ самые богатые результаты, особенно въ области наукъ естественныхъ, гдѣ онъ примѣненъ былъ впервые и сдѣлался источникомъ безконечныхъ открытій современной намъ науки.

Философія Бэкона оказала рѣшительное вліяніе на умственныя движенія, въ особенности на соціальныя науки, только во второй половинѣ XVII вѣка. Но еще за долго прежде, еще въ половинѣ XVI вѣка, реформація, уничтоживъ авторитетъ папы и возвысивъ власть короля, заставила умы гражданъ работать надъ рѣшеніемъ вопроса, какимъ образомъ опредѣлить отношеніе между государствомъ и церковью безъ вреда для свободы и безопасности пріобрѣтенныхъ сословіями льготъ. Вопросъ этотъ прежде всего былъ затронутъ въ Шотландіи, гдѣ реформаторы дѣйствовали радикальнѣе, чѣмъ въ Англіи, и гдѣ появился трактатъ *Бухапапа* „О королевскомъ правѣ у Шотландцевъ„, написанный популярно, въ формѣ разговора. Теорія общественнаго договора пущена была въ ходъ смѣлымъ перомъ этого восторженнаго и даровитаго публициста. Онъ первый далъ согражданамъ понятіе о представительной монархіи. Примѣръ сосѣдей скоро подѣйствовалъ на Англичанъ: они также стали всматриваться въ свой государственный бытъ и стремиться съ преобразованіямъ. Впрочемъ, здѣсь царствованія Генриха VIII и Маріи не благопріятствовали свободѣ политической мысли. Публицисты были принуждены касаться общественныхъ вопросовъ очень осторожно: надъ книгопечатаніемъ тяготѣла строжайшая цензура. Чтобы избѣжать преслѣдованій, они высказывали свои идеи и требованія аллегорически: представителемъ такого направленія можно считать *Томаса Моруса*, автора „Утопіи“, въ которой, по образцу республики Платона, начертанъ идеалъ государственнаго устройства, основаннаго на избирательной системѣ, общемъ владѣніи и совмѣстномъ трудѣ гражданъ. Не ранѣе, какъ съ Елисаветы начинается болѣе успѣшная и свободная разработка англійскаго государственнаго права. Самое видное мѣсто между писателями этого времени занимаетъ *Альберико Джентилли*, оксфордскій профессоръ. Италіанецъ по происхожденію, подвинувшій впередъ науку международнаго права своими сочиненіями „О посольствахъ“ и „О войнѣ.“ Вообще ко-

ролева не преслѣдовала политическаго просвѣщенія такъ безпощадно, какъ ея отецъ. Что касается до Іакова I, то онъ самъ занимался государственными науками и своимъ сочиненіемъ „Объ обязанностяхъ монарха“ возбудилъ между учеными сильные споры. Поэтому въ его время литература Англіи обогатилась новыми изслѣдованіями о королевской власти. Одни какъ напр. *Вальтеръ Ралейгъ*, епископъ *Андрюсъ*, *Сельдемъ*, защищали идеи Іакова, другіе явились ихъ противниками. Эта жаркая полемика продолжалась и при Карлѣ I, которому даже приписывалось сочиненіе съ довольно-либеральнымъ направленіемъ подъ заглавіемъ „Царственное изображеніе“ (Εἰχὼν Βασιλική). Въ полемикѣ приняли участіе не только англійскіе, но даже иностранные писатели. Впрочемъ всѣ сочиненія этого времени писаны въ духѣ партій, съ увлеченіемъ страсти и имѣютъ характеръ памфлетовъ. Болѣе серьезныя сочиненія объ общественныхъ вопросахъ*) являются во второй половинѣ XVI вѣка, какъ результатъ вліянія Бэконовой философіи и великой борьбы между королями и парламентомъ.

Если исключить „Всеобщую исторію,“ написанную сэромъ *В. Ралейгомъ* во время 15-лѣтняго заточенія въ тюрьмѣ, куда попалъ при Іаковѣ I этотъ замѣчательный первоначальникъ сѣвероамериканскихъ колоній, то цѣльныхъ научныхъ трудовъ по исторіи въ реформаціонный періодъ у Англичанъ не было. За то время богатое переворотами и дѣятелями, богато *мемуарами* также точно у Англичанъ, какъ и у Французовъ. Предводители или приверженцы разныхъ сектъ и партій, парламентисты, кавалеры, республиканцы, нивеллеры, при концѣ политической борьбы или при концѣ жизни, вдали отъ политическаго поприща, старались, каждый по своему, изобразить свое время. Таковы мемуары: 1) лорда *Голлиса*, главы пресвитеріанской партіи, твердаго защитника монархіи, ограниченной представителями общинъ, 2) республиканца *Эдмонда Ледлова*, защищавшаго свободу противъ посягательствъ Кромвеля, 3) *Томаса Мая*, безпристрастнаго историка долгаго парламента, 4) *лорда Лильбурна* одного изъ самыхъ крайнихъ нивеллеровъ, любимца лондонской толпы, 5) лорда *Ферфакса*, сподвижника Кромвеля, 6) мистрисъ *Гутчинсонъ* и мн. др. Характеристическая черта ихъ, отличающая ихъ между прочимъ отъ современныхъ французскихъ мемуаристовъ, заключается въ томъ, что всѣ они (кромѣ одной развѣ мистрисъ Гутчинсонъ) менѣе

*) Гоббеса, Мильтона, Сиднея и др.

всего говорятъ о себѣ и о событіяхъ только ихъ самихъ интересовавшихъ, а болѣе о событіяхъ важныхъ для цѣлаго общества. Конечно, каждый излагаетъ и оцѣниваетъ событія съ точки зрѣнія своей партіи, но ихъ всѣхъ интересуютъ только событія политическія, а не частныя, интимныя. Ихъ мемуары—болѣе исторія ихъ времени, чѣмъ ихъ автобіографія.

ИСТОРІЯ ИСПАНСКОЙ МОНАРХІИ.

I.

Состояніе испанской монархіи въ половинѣ XVI вѣка.

Что сдѣлалъ Людовикъ XI во Франціи и Генрихъ VII въ Англіи, то сдѣлалъ *Фердинандъ Католикъ* въ Испаніи. Не даромъ всѣхъ трехъ Бэконъ называетъ тремя великими чародѣями; Фердинандъ Католикъ чуть-ли не былъ ловче двухъ первыхъ, онъ настоящій образецъ „новаго государя,“ какъ рисуетъ его Маккіавелли. Феодальное устройство, съ его злоупотребленіями и вольностями, въ концѣ XV вѣка было придавлено въ Испаніи развитіемъ королевской власти. Но это явленіе общее всей западной Европѣ, имѣло на Пиринейскомъ полуостровѣ ту особенность, что королевская власть оперлась здѣсь на содѣйствіе церковной инквизиціи,—содѣйствіе роковое, на-долго подавившее всякую мысль, надолго испортившее благороднѣйшія чувства народа, и вѣками нравственнаго угнетенія вкоренившее тотъ внутренній разладъ, котораго плоды мы видимъ и въ настоящее время. Сила старинныхъ кортесовъ, этихъ сословныхъ представителей духовенства, дворянства и городскихъ общинъ, была рѣшительно надломана инквизиціею и хитрыми мѣрами Фердинанда и его министра Хименеса. Послѣдняя попытка воротить кортесамъ старое значеніе сдѣлана была при самомъ вступленіи на престолъ Карла I, внука Фердинанда, когда онъ, оскорбивъ испанскую гордость предпочтеніемъ Фламандцевъ, своихъ земляковъ, и произвольными поборами, отправился въ Германію, чтобы короноваться подъ именемъ Карла V императорскою короною. Попытка была неудачна, ибо сословія горожанъ и грандовъ, уже разрозненныя маккіавелизмомъ Фердинанда, дѣйствовали не дружно. Геройская борьба *дона Жуана Падилльи*, главы возставшихъ, окончилась его казнею. „Тебя, вѣнецъ Испаніи и свѣтъ міра, писалъ онъ предъ смертію къ городу Толедо, тебя, который былъ свободенъ со временъ Готѳовъ, ко-

торый проливалъ кровь для утвержденія собственной и сосѣднихъ городовъ независимости, законный твой сынъ, Жуанъ Падиллья, извѣщаетъ, что его кровью твои древнія побѣды воскреснутъ!"

Предвѣщанія его не сбылись. Правда при *Карлѣ I*, и особенно при сынѣ его *Филиппѣ II*, который владѣлъ Нидерландами, Сициліею, Неаполемъ, Миланомъ и Америкою, Испанская монархія сдѣлалась огромнѣйшею морскою и сухопутною державою въ Европѣ. Но эта громадность не могла дать ей той живучести, которую отняла у нея инквизиція, іезуитизмъ, нелѣпыя мѣры правительства, отсталые грубые предразсудки народа, въ которомъ убита была энергія и самодѣятельность. Америка послѣ покоренія Карлу Чили и Перу, доставляла Испаніи огромныя сокровища изъ золотыхъ и серебряныхъ своихъ рудниковъ; а между тѣмъ уже Карлъ I, говорившій, что солнце не заходитъ въ его владѣніяхъ, нуждаясь въ деньгахъ, долженъ былъ продать право свое на Моллукскіе острова Португаліи за 200,000 червонцевъ, а преемникъ его Филиппъ II, при вступленіи на престолъ, нашелъ финансы въ такомъ положеніи, что долженъ былъ чеканить фальшивую монету. Какія же были причины подобнаго явленія? Испанія страна феодальныхъ привычекъ, семи-вѣковой борьбы съ невѣрными, страна монаховъ по преимуществу, смотрѣла съ пренебреженіемъ на промышленный трудъ тогда, когда въ остальной Европѣ онъ началъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе правъ на уваженіе. Въ общемъ мнѣніи ремесленная и торговая промышленность заклеймены были отверженіемъ, потому, что ими занимались не христіане, а Евреи и Мавры. Дворянинъ (hidalgos), жившій работою или торговлею, терялъ свои благородныя привиллегіи, потому что чрезъ это онъ примыкалъ къ сословію податному (pecheros); вслѣдствіе этого разорившіеся дворяне предпочитали идти въ услуженіе къ грандамъ. Въ концѣ XVI вѣка торговля была уже во всеобщемъ презрѣніи. Простолюдины и гидальги старались поступить въ монастыри, гдѣ наслаждались въ волю довольствомъ, почетомъ и праздностію; другіе шли въ военную службу, чтобы величаться званіемъ кавалеровъ и благородныхъ солдатъ короля. Богатые купцы учреждали майораты для старшихъ сыновей, чтобы возвысить ихъ въ званіе гидальговъ; а младшіе, изъ соревнованія къ братьямъ, бросали занятія отцовъ и умножали ряды кавалеровъ въ лохмотьяхъ. Открытіе Америки и ея золотые пріиски, вмѣсто того, чтобы усилить промышленность, еще болѣе перепутали экономическія понятія Испанцевъ и окончательно убили производительность страны.

Сильный привозъ золота изъ Америки и запрещеніе вывозить его заграницу въ слиткахъ и въ дѣлѣ произвели накопленіе драгоцѣнныхъ металловъ въ Испаніи и пониженіе ихъ цѣнности. Это пониженіе цѣнности денегъ должно было возвысить рабочую плату и вмѣстѣ съ нею цѣнность промышленныхъ произведеній, къ чему сверхъ того содѣйствовали переселенія въ американскія колоніи и изгнаніе промышленныхъ Мавровъ, уменьшившія число рабочихъ рукъ. Безумное правительство думало понизить цѣну туземныхъ сырыхъ и фабричныхъ произведеній, строго запрещая вывозъ ихъ въ колоніи и заграницу. Вслѣдъ за запрещеніями фабрики вовсе закрывались: дешевизна не явилась, но все золото испанское уплывало заграницу, откуда стали привозить въ Испанію произведенія промышленныя.

Карлъ I оставилъ Филиппу и огромное государство, превосходившее каждое государство запада, и огромный флотъ, превосходившій флоты всѣхъ этихъ государствъ вмѣстѣ взятые, и даровитыхъ полководцевъ, выработавшихъ свои дарованія среди постоянныхъ войнъ императора; но если мы примемъ во вниманіе сказанное выше, то понятна дѣлается катастрофа, низвергнувшая Испанію такъ быстро съ высоты ея величія. Не мало способствовалъ тому и личный и государственный характеръ самого Филиппа.

Филиппъ II вступилъ въ управленіе Испаніею двадцати восьми лѣтъ. Воспитали его суевѣры и фанатики, которые еще болѣе усилили его мрачный и затаенно-раздражительный характеръ. Это былъ чистый Кастилецъ, доведшій въ себѣ до крайности и добрыя и худыя качества своей національности. Презрительно надменный, страстный, но глубоко въ самомъ себѣ сосредоточенный, никогда не улыбавшійся Филиппъ былъ фанатикъ въ религіозныхъ и политическихъ убѣжденіяхъ, строго преданный буквѣ и обряду. Калигула желалъ, чтобы весь родъ человѣческій имѣлъ одну голову; Филиппъ II также безумно желалъ, чтобы, если не весь родъ человѣческій, то всѣ народы Европы и, уже непремѣнно, всѣ его разнородные подданные имѣли одну вѣру, одно устройство, одни законы, одни мнѣнія, чтобы эта вѣра, это устройство и эти законы были его собственные, и чтобы ихъ всѣ принимали, если не по убѣжденію, то изъ повиновенія къ нему. Внѣ католицизма онъ не признавалъ спасенія въ будущей, внѣ деспотизма онъ не признавалъ благосостоянія въ настоящей жизни. Онъ не любилъ людей; нельзя сказать, чтобы онъ былъ задушевно набоженъ, но онъ боялся ада. Воля Филиппа была неизмѣнна: очевидная нелѣ-

пость не могла заставить его отказаться отъ системы, разъ имъ задуманной и на которую онъ тратилъ дарованія и трудолюбіе, въ недостаткѣ которыхъ нельзя его обвинять. Сорокъ лѣтъ онъ тревожилъ покой цѣлой западной Европы. Не даромъ прозвали его „демономъ юга.“ Лучшимъ нагляднымъ изображеніемъ личности Филиппа II и его царствованія служитъ дворецъ-монастырь „Эскуріалъ“, стоившій ему 50,000 піастровъ: за семь льё открывается это зданіе, выстроенное изъ сѣраго гранита, въ формѣ жаровни, на которой замученъ св. Лаврентій, мрачное и печальное, безъ всякихъ украшеній, поражающее только смѣлостію сводовъ....

Изъ этого монастыря-дворца, въ теченіи 40 лѣтъ, направлялъ всю дѣятельность свою Филиппъ къ возстановленію и поддержанію католицизма, въ его безусловно-средневѣковыхъ формахъ, и у себя дома и въ западной Европѣ.

Внутреннее управленіе Испаніею было вполнѣ деспотическое. Инквизиція задушила всякій зародышъ протестантизма въ Испаніи и италіянскихъ владѣніяхъ Филиппа. Старшій сынъ Филиппа *донъ Карлосъ*, раздражительный, страшно-увлекавшійся, но благородный молодой человѣкъ, подвергнулся гнѣву и неумолимому преслѣдованію отца за симпатію къ новымъ, болѣе человѣчнымъ идеямъ. Говорятъ, что напрасно отстаивая свободу Нидерландовъ, онъ готовилъ возстаніе противъ отца и за то, подъ предлогомъ сумашествія подвергнутъ былъ строгому заточенію. Начался глухой процессъ объ его поступкахъ, который до сихъ поръ остается тайною для историковъ. Молодой инфантъ умеръ въ заточеніи загадочною, по всей вѣроятности, неестественною смертію. Не пощадивъ роднаго сына, Филиппъ тѣмъ менѣе могъ щадить не подходившихъ подъ его католическій уровень подданныхъ. *Мориски*, т. е. христіане мавританскаго происхожденія, самый промышленный классъ народонаселенія, выведенные изъ терпѣнія насильственными мѣрами Филиппа, желавшаго отнять у нихъ языкъ, одежду и обычай предковъ, возмутились. Предводителемъ инсургентовъ явился одинъ красильщикъ, почитавшій себя потомкомъ царственнаго рода Абенсеррагов. Сигнальные костры зажглись на горахъ. Мориски стекались подъ красное знамя, стекались даже женщины, вооруженныя рогатинами и вилами. Священники вездѣ были избиваемы, Филиппъ двинулъ на возставшихъ старыя испытанныя войска. Мориски просили помощи у Алжирцевъ и у султана, но не получили ея. Старики, дѣти и жены были избиты безъ пощады: 500.000 самаго промышленнаго народонаселенія погибло или

обращено въ рабство. Такими мѣрами оградилъ Филиппъ единство католицизма въ Испаніи.

Папство вездѣ искало враговъ *Туркамъ*. Испанія, тревожимая варварійскими пиратами, находившими опору въ Туркахъ, соединила свой флотъ съ флотомъ Венеціи и подъ начальствомъ *донъ Жуана*, доблестнаго сына Филиппова, одержала блистательную побѣду надъ варварійцами при *Лепанто*. Владычество Турокъ на Средиземномъ морѣ было окончательно уничтожено (1571). Эта побѣда и покореніе *Португаліи*, которой король донъ Себастіанъ погибъ въ экспедиціи противъ Марокко, принадлежатъ къ удачнымъ внѣшнимъ предпріятіямъ Филиппа.

Мѣры Филиппа II противъ протестантизма въ *Англіи* и *Франціи* намъ извѣстны. Въ Англіи сначала его супруга, королева Марія Тюдоръ, сожигала протестантовъ на кострахъ, но не могла сжечь новаго вѣроисповѣданія; а потомъ Елисавета, принявъ на себя роль защитницы протестантизма, уничтожила всѣ его планы вмѣстѣ съ непобѣдимою армадою. Франція, обязанная его кровавымъ совѣтамъ Варѳоломеевскою ночью, была ограждена отъ его посягательствъ Генрихомъ IV, который изданіемъ нантскаго эдикта обезпечилъ права гугенотовъ.

Но самымъ замѣчательнымъ событіемъ царствованія Филиппа, въ которомъ яснѣе всего выразилась страшная система его, со всею ея кровавою обстановкою и всею ея несостоятельностью, была борьба его съ Нидерландами.

II.

Политическо-религіозная борьба Нидерландовъ съ Испаніею.

1) *Нидерланды до Филиппа II.* Подъ именемъ Нидерландовъ разумѣлась страна на берегу Нѣмецкаго моря, начиная отъ р. Аа до устья р. Эмса, по теченію Шельды и по низовью Мааса и Рейна. Страну эту изстари населяли два народа германскаго племени: *Батавы и Фризы* въ сѣверной части и народъ кельтскаго племени—*Белги* въ южной. Послѣдніе были подвластны Римлянамъ; первые никогда вполнѣ покорены не были. По образованіи имперіи Карла Великаго, вся страна эта вошла въ ея составъ, и, по окончательномъ раздѣленіи его государства, отошла къ составу королевства Германіи. При развитіи феодализма и здѣсь образовалось нѣсколько отдѣльныхъ владѣній, свѣтскихъ и духовныхъ, и вольныхъ городовъ, которые всѣ съ теченіемъ

времени сдѣлались вовсе независимыми отъ германскихъ государей, едва только по имени признавая власть ихъ надъ собою. Со второй половины XIV вѣка всѣ эти отдѣльныя владѣнія начали входить въ составъ герцогства Бургундскаго. Карлъ Смѣлый, герцогъ Бургундскій, былъ обладателемъ всѣхъ Нидерландовъ. По смерти его (1477 г.), единственная дочь и наслѣдница его, Марія, вступила въ бракъ съ эрцъ-герцогомъ австрійскимъ Максимиліаномъ, и Нидерланды вошли такимъ образомъ въ составъ австрійскихъ родовыхъ земель. Карль V, въ числѣ обширныхъ земель, наслѣдованныхъ имъ послѣ дѣда, получилъ и Нидерланды. Онъ здѣсь родился, здѣсь быъ воспитанъ, болѣе другихъ своихъ владѣній любилъ эту страну своего дѣтства, чаще всего живалъ въ ней и поручилъ ее особенной любви и благоволенію своего сына Филиппа, какъ лучшій брилльянтъ въ императорской коронѣ. И въ самомъ дѣлѣ, въ XV и XVI столѣтіяхъ не одна европейская земля не представляла собою такой картины торжества дѣятельности человѣческой надъ природою, какъ Нидерланды. Берега морскіе были укрѣплены плотинами, которыми поставлена преграда наводненіямъ, въ прежнія времена нерѣдко опустошавшимъ здѣшній край; внутренность страны прорѣзана безчисленнымъ множествомъ каналовъ, которые въ одинаковой мѣрѣ служили и къ осушкѣ болотистой почвы, и къ удобству внутреннихъ сообщеній. Вся страна кипѣла народомъ предпріимчивымъ, дѣятельнымъ и дорого цѣнившимъ свои старыя права; цвѣтущія селенія, многолюдные и богатые города, славились фабриками и торговлею; Бригге, а потомъ Антверпенъ были рынками всемірвой торговли и не только не утратили своей знаменитости отъ перемѣны торговыхъ путей, вслѣдствіе открытія Америки и Остъ-Индіи, подобно италіянскимъ городамъ, а еще болѣе возвысились. Антверпенъ въ теченіи одного мѣсяца производилъ болѣе обширные торговые обороты, нежели Венеція въ два года, во времена самаго цвѣтущаго ея состоянія. Плодомъ богатства были веселая жизнь и процвѣтаніе наукъ и искусствъ, преимущественно живописи.

Давняя раздѣльность страны была причиною того, что въ разныхъ ея частяхъ существовали различныя общественныя установленія, основанныя, отчасти на обычаѣ, отчасти на писанныхъ законахъ; а многочисленность, богатство и образованность городскаго и вообще промышленнаго сословія доставили ему силу и участіе въ дѣлахъ законодательства и управленія. Во всѣхъ нидерландскихъ областяхъ исполнительная власть принадлежала *штат-*

гальтерамъ, но общественныя дѣла рѣшались *законодательнымъ собраніемъ* депутатовъ дворянства, духовенства и горожанъ*). Эти установленія сохранились здѣсь и во время австрійскаго владычества, и Карлъ V, стремясь къ утвержденію своего полновластія во всѣхъ земляхъ, составлявшихъ его державу, по неволѣ долженъ былъ уважать ограниченія, которыя, при разныхъ случаяхъ, встрѣчала власть его въ Нидерландахъ. Но и при немъ уже были возстанія, вслѣдствіе религіозныхъ стѣсненій. Иначе смотрѣлъ на все это Филиппъ II, воспитанный въ другихъ правилахъ, имѣвшій другія убѣжденія. Въ теченіи трехлѣтняго своего пребыванія въ Нидерландахъ, въ первые годы своего царствованія, онъ не взлюбилъ эту страну за ея многочисленные уставы, представлявшіе почти на каждомъ шагу преграды его неограниченной волѣ; не взлюбилъ ее еще болѣе за то, что въ ней, и въ особенности въ сѣверныхъ областяхъ ея, быстро распространялись религіозныя нововведенія, ему ненавистныя. Въ 1559 году, отправляясь изъ Нидерландовъ въ Испанію, Филиппъ II унесъ съ собою убѣжденіе въ необходимости сильныхъ мѣръ къ совершенному искорененію религіозныхъ нововведеній и къ измѣненію многоразличныхъ старинныхъ мѣстныхъ уставовъ, политическихъ правъ и привиллегій, чтобы привести эту страну къ единству религіозно-политическому и утвердить въ ней самое неограниченное самовластіе.

2) *Испанскій терроризмъ и борьба за независимость*. Филиппъ II началъ свои преобразованія мѣрами къ искорененію протестантизма. Назначивъ, по отъѣздѣ своемъ въ Испанію, правительницею Нидерландовъ *Маргариту*, герцогиню пармскую, онъ далъ ей для совѣта и руководства кардинала *Гранвеллу*, въ рукахъ котораго и находилась собственно вся власть. Чтобы усиленіемъ духовнаго надзора поставить преграду дальнѣйшему распространенію нововведеній, Филиппъ II, вмѣсто четырехъ епископовъ, какъ было доселѣ, опредѣлилъ 8 и подчинилъ ихъ начальству архіепископа мехельнскаго, которымъ назначенъ былъ кардиналъ Гранвелла. Эта мѣра возбудила ропотъ и протестантовъ и католиковъ: первыхъ потому, что епископамъ строго предписано было преслѣдовать и искоренять всякія религіозныя нововведенія, послѣднихъ потому, что исполненіе этой мѣры было нарушеніемъ коренныхъ постановленій, по которымъ никакая публичная должность въ краѣ не могла быть ввѣряема чужеземцамъ, а новые епископы были большею частію Испанцы или Италіянцы. Вмѣстѣ

---

*) Общій штатгальтеръ всѣхъ провинцій (штатовъ) назывался *оберъ-штатгальтеромъ*, общія собранія депутатовъ всѣхъ провинцій назывались *генеральными штатами*.

съ этимъ Филиппъ хотѣлъ ввести инквизицію для преслѣдованія еретиковъ и, чтобы силою уничтожать сопротивленіе, которое можно было предвидѣть, оставилъ въ Брюсселѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ испанскіе гарнизоны—мѣра, нарушавшая опять коренныя постановленія страны—ибо чужеземныя войска не могли быть содержимы въ Нидерландахъ. Число недовольныхъ возрастало безпрерывно; и протестанты, и католики, и духовные и міряне роптали; во главѣ недовольныхъ стали: *Вильгельмъ Оранскій*, штатгальтеръ Голландіи, Зеландіи и Утрехта, одинъ изъ умнѣйшихъ и благороднѣйшихъ государственныхъ людей своего вѣка, энергичный, но непроницаемый въ своихъ дѣйствіяхъ,—„молчаливый", какъ прозвалъ его Филиппъ; графъ *Эгмонтъ*, штатгальтеръ Фландріи и Артуа, и графъ *Горнъ*, адмиралъ нидерландскаго флота. Всѣхъ трехъ уважалъ и отличалъ Карлъ V, всѣ три пользовались большимъ уваженіемъ въ народѣ. По ихъ настоянію кардиналъ Гранвелла, котораго считали главнымъ виновникомъ всѣхъ незаконныхъ мѣръ, былъ отозванъ; но мѣры короля Филиппа не измѣнялись. Эгмонту, котораго государственный совѣтъ и правительница посылали къ нему въ Мадридъ, онъ отвѣчалъ: „я лучше соглашусь тысячу разъ умереть или лишиться послѣдней пяди земли въ моемъ государствѣ, нежели дозволить малѣйшее измѣненіе въ религіи". Истину его словъ доказали строгія предписанія инквизиторамъ и все возраставшія гоненія, заточенія и мучительныя казни. Вильгельмъ Оранскій, рожденный отъ лютеранъ, но воспитанный въ правилахъ римской церкви, былъ оскорбленъ до глубины души этою безпощадною строгостью и, около этого времени, самъ приступилъ къ евангелическому исповѣданію, котораго держались близкіе ему люди.

Новая церковь имѣла приверженцевъ почти только въ одномъ среднемъ сословіи; дворянство оставалось большею частью вѣрнымъ католицизму, но твердо рѣшилось всѣми силами противиться инквизиціи, въ которой оно видѣло могилу отечественной свободы. Съ этою цѣлью около 400 дворянъ подписали такъ называемый компромиссъ (или уговоръ), для сопротивленія инквизиціи и для вспоможенія другъ другу, въ случаѣ религіозныхъ преслѣдованій, а потомъ составили прошеніе объ отмѣнѣ постановленій противъ еретиковъ и о прекращеніи инквизиціонныхъ слѣдствій. Когда они явились съ прошеніемъ къ дворцу правительницы, Маргарита перепугалась, видя значительное число просителей изъ самыхъ первыхъ фамилій. Тогда одинъ изъ стоявшихъ подлѣ нея совѣтниковъ сказалъ ей, чтобъ она не боялась

такой сволочи (gueux), и это слово, переданное дворянамъ, послужило девизомъ для ихъ союза, они прозвались гёзами (сволочью) и носили съ тѣхъ поръ на шеѣ медаль съ изображеніемъ Филиппа и съ надписью: „Вѣрность королю до нищенской сумы!“ Прошеніе осталось безъ послѣдствій. Епископы, которымъ передана была инквизиціонная власть, продолжали карать еретиковъ смертной казнью, изгнаніемъ и лишеніемъ имущества. Не смотря на то, нововѣріе болѣе и болѣе распространялось въ краѣ; въ церквяхъ пѣлись общимъ хоромъ псалмы, тысячами стекались слушать евангелическихъ пасторовъ, которые, проповѣдуя часто на открытомъ воздухѣ, говорили о положеніи церковныхъ дѣлъ въ сильно-возбуждающихъ выраженіяхъ; монахи, лики св. Дѣвы и другіе священные предметы подвергались осмѣянію. Наконецъ, въ Сентъ-Омерѣ и Ипернѣ, въ Антверпенѣ и Брюсселѣ, во Фландріи и во всемъ Брабантѣ, бурно разразилась долго подавляемая ярость народа противъ религіознаго стѣсненія. Толпа изъ низшаго слоя черни въ три дня разорила до 400 часовень и церквей. Улицы были усѣяны разбитыми иконами Богоматери и Спасителя и обломками священныхъ произведеній искусства. Происшествія эти породили разномысліе между передовыми людьми въ народѣ. Дворяне, преданные старой церкви, отдѣлились отъ тѣхъ, которые пристали къ новому ученію. Благодаря этому, опытная въ искусствѣ притворяться правительница, успѣла прочнѣе возстановить спокойствіе: строгостью къ однимъ, снисхожденіемъ къ другимъ, привела она въ покорность мятежные города и произнесла строгій судъ надъ иконоборцами и дерзкими нововводителями, а умѣренныхъ привлекла къ себѣ обѣщаніемъ смягчить законы противъ еретиковъ и все прошлое предать забвенію.

Но при мадридскомъ дворѣ рѣшено было иное. Герцогъ Альба, деспотическій слуга и копія своего государя, двинулся съ отборнымъ испанско-итальянскимъ войскомъ въ Нидерланды. Предшествовавшій ему страхъ побудилъ жителей бѣжать отъ него толпами; до ста тысячъ купцовъ и ремесленниковъ перенесли свои производительныя и денежныя средства въ чужія земли, особенно въ Англію. Глава патріотической партіи, Вильгельмъ Оранскій, уѣхалъ на родину свою въ Германію, гдѣ вокругъ него собралось много преданныхъ друзей. Со слезами покинулъ онъ Эгмонта, котораго тщетно старался уговорить также къ отъѣзду. Едва Альба прибылъ съ неограниченнымъ полномочіемъ въ Брюссель, какъ арестовалъ Эгмонта и храбраго Горна; оба они были потомъ об-

винены въ государственной измѣнѣ и, вмѣстѣ съ 18 другими вельможами, обезглавлены на площади брюссельскаго рынка. Истребленіемъ главныхъ дѣятелей надѣялись легко привесть къ безмолвной покорности лишенный всякаго руководительства народъ. Правительница, возмущенная ужасами деспотизма, отреклась отъ своего званія и отправилась въ Италію. Память ея осталась у Нидерландцевъ въ большомъ почетѣ. Съ неслыханною строгостію началъ тогда дѣйствовать учрежденный Альбою совѣтъ о мятежахъ, который Нидерландцы прозвали кровавымъ совѣтомъ; въ немъ предсѣдательствовалъ жестокосердный, безсовѣстный Испанецъ *Варгасъ*, незнакомый ни съ законами, ни съ обычаями подсудимыхъ, и безпощадно исполнялъ кровавыя повелѣнія герцога. Вездѣ сооружены были висѣлицы и колесовальные снаряды; вездѣ пылали костры; на балкахъ разоренныхъ часовень заодно съ иконоборцами вѣшали самыхъ миролюбивыхъ кальвинистовъ и лютеранъ. Исчезла вся житейская веселость, свойственная жителямъ края; всѣ сердца наполнились ужасомъ, какъ бы при видѣ одной великой, всеобщей могилы*). Вильгельмъ Оранскій оставилъ малолѣтняго сына въ Люттихѣ, король велѣлъ прислать къ себѣ этого отрока въ Мадридъ и фанатическимъ воспитаніемъ внушить ему ненависть и къ новому ученію и къ отцу родному. Если кровавый совѣтъ грозилъ жизни и свободѣ каждаго, то податные планы Альбы подрывали цвѣтъ торговли и благосостояніе вообще. Недовольный постановленіемъ закона о томъ, что всѣ подати утверждаются чинами каждой области на короткіе сроки, а также раскладываются и взимаются по ихъ собственному усмотрѣнію, Альба потребовалъ постояннаго налога и распредѣлилъ его къ великому ущербу торговли и всѣхъ промышленныхъ оборотовъ. Этимъ произвольнымъ нарушеніемъ туземныхъ законовъ, которое равно грозило разореніемъ помѣщику и купцу, и католику и протестанту, онъ снова пробудилъ подавленный духъ оппозиціи и сблизилъ между собою людей, разъединенныхъ религіей. Когда Альба силою хотѣлъ взыскивать установленный имъ акцизъ съ продажи, купцы въ Брюсселѣ заперли свои магазины, лавочники свои лавочки, булочники свои пекарни и т. д., и всѣ рѣшительно отказали въ уплатѣ незаконной подати. Тиранъ

*) Папа Пій V прислалъ за это Альбѣ освященный мечъ и шляпу. Во время брюссельскихъ казней одинъ тайный совѣтникъ Филиппа II спросилъ у папскаго нунція: „довольны ли вы теперь поведеніемъ короля“? Нунцій отвѣчалъ, улыбаясь: „совершенно довольны“.

грозилъ уже перевѣшать непокорныхъ передъ ихъ собственными домами, какъ вдругъ пришла вѣсть, что дружина выходцевъ, скитавшаяся по-морю и потому прозванная морскими гёзами, захватила портовой городъ Бриль, и что къ ней пристали многіе города Голландіи и Зеландіи; эта вѣсть ободрила угнетенныхъ, а Испанцевъ сильно озадачила. Вслѣдъ за тѣмъ, возвратившемуся Вильгельму Оранскому удалось соединить подъ своей рукой сѣверныя провинціи. Онъ былъ признанъ правителемъ Голландіи, Зеландіи, Утрехта и Фрисландіи; его снабдили деньгами и войсками. Сопротивленіе Нидерландцевъ приняло теперь болѣе серьезный характеръ. Неистовства, произведенныя испанскими отрядами по приказанію Альбы въ нѣкоторыхъ непокорныхъ городахъ, гдѣ они перебили жителей, не разбирая ни пола, ни возраста, разграбили дома и, насытившись вдоволь убійствомъ, хищеніемъ и развратомъ, бросили зажженные фители въ опустѣлыя жилища и въ церкви Божіи,—эти ужасы распространили ярость и омерзеніе по всему краю и побудили мадридскій дворъ рѣшиться, наконецъ, на отозваніе Альбы.

Отозваніе Альбы не успокоило взволнованнаго края. При преемникѣ его, *Реквезенсъ* (1573—1576), не смотря на его умѣренность, не смотря и на побѣду, которую одержалъ онъ надъ ополченіемъ нидерландцевъ, возстаніе продолжалось. Къ прежнимъ причинамъ озлобленія жителей присоединилась новая: своевольство испанскихъ солдатъ, которыхъ одинъ Альба могъ удержать въ повиновеніи, и которые, при его преемникѣ, предавались неистовствамъ, тѣмъ болѣе, что Филиппъ II былъ не въ состояніи выплачивать жалованья своимъ войскамъ. Солдаты, вознаграждая себя сами грабежемъ, по смерти Реквезенса разорили и разграбили богатый Антверпенъ. Это повело къ тому, что 5 батавскихъ (протестантскихъ) и 6 бельгійскихъ (католическихъ) областей соединились въ Гентѣ (1576 г.) для защиты себя отъ подобныхъ насильствъ. Но это соединеніе не могло быть прочно: различіе религіозное лишало союзъ единства, и преемникъ Реквезенса, знаменитый *Донъ Жуанъ*, пользуясь этимъ несогласіемъ союза, успѣлъ бы возстановить власть Филиппа въ Нидерландахъ, но онъ умеръ вскорѣ (1572 г.). Преемникъ его *Александръ Фарнезе*, сынъ Маргариты Пармской (1578—1592), искусный политикъ и генералъ, успѣлъ совершенно раздѣлить гентскій союзъ, и возстановить въ бельгійскихъ (католическихъ) областяхъ власть испанскую отмѣною большей части тѣхъ постановленій, которыя были

причиною общаго озлобленія. Но Александръ Фарнезе не успѣлъ ничего сдѣлать въ провинціяхъ батавскихъ (протестантскихъ), потому что въ положеніи ихъ произошла важная перемѣна, со времени возвращенія Вильгельма Оранскаго.

Вильгельмъ Оранскій, укрываясь отъ явной погибели, которая ему грозила по прибытіи Альбы, отправился въ Германію, къ числу князей которой принадлежалъ онъ, какъ членъ владѣтельнаго дома Нассау, и старался возбудить и въ единовѣрныхъ князьяхъ Германіи и въ протестантскихъ державахъ участіе къ судьбѣ своей страны. Въ 1572 году онъ явился въ Голландію, въ которой былъ онъ штатгальтеромъ Филиппа II до назначенія герцога Альбы правителемъ всѣхъ нидерландскихъ областей и въ которой память его была уважаема и любима. Три области: Голландія, Зеландія и Утрехтъ провозгласили его своимъ штатгальтеромъ и дали ему средства вооруженною рукою защищать свои права и свою вѣру отъ неистовствъ Альбы, все еще безъ намѣренія отложиться отъ власти короля Филиппа. Тогда война и на сушѣ и на моряхъ получила большее развитіе и правильность. Но борьба была слишкомъ неравная: Нидерландцы отдавали себя въ покровительство Англіи, Франціи, Австріи; ни Англія, ни Франція, ни Австрія не рѣшались дать его имъ, опасаясь могущества Филиппа. Но когда, Александръ Фарнезе успокоилъ 10 бельгійскихъ провинцій и привелъ ихъ снова подъ власть Испаніи, тогда 7 провинцій батавскихъ: Голландія, Зеландія, Утрехтъ, Гельдернъ, Фрисландія, Оберъ-Иссель и Гренингенъ заключили между собою въ *Утрехтѣ союзъ* (1579 г.) уже съ опредѣленною цѣлію отдѣлиться отъ Испаніи и съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою независимость. Вильгельмъ Оранскій былъ провозглашенъ штатгальтеромъ союза. Вотъ начало будущаго государства— республики семи соединенныхъ Нидерландовъ или Голландской.

Борьба Вильгельма Оранскаго противъ герцога Альбы и всѣхъ его преемниковъ не представляетъ великихъ и славныхъ битвъ: Филиппъ II изнемогъ въ этой борьбѣ не вслѣдствіе сильныхъ пораженій отъ Вильгельма и отъ сына и преемника его *Морица*, напротивъ, войска испанскія нерѣдко торжествовали надъ ополченіями Голландцевъ, большею частью немногочисленными и малопривычными къ военному дѣлу; Филиппъ II изнемогъ отъ единодушія, съ которымъ семь соединенныхъ областей дѣйствовали въ этой войнѣ и которое успѣлъ внушить имъ Вильгельмъ Оранскій; изнемогъ отъ неумѣреннаго напряженія своихъ силъ, которыя раз-

влекалъ онъ, вмѣшиваясь въ дѣла всей западной Европы. Напрасно Филиппъ II, при извѣстіи о союзѣ утрехтскомъ, объявилъ Вильгельма лишеннымъ покровительства законовъ и положилъ цѣну за его голову; напрасно нашелся фанатикъ (Балтазаръ Жераръ), который, въ надеждѣ получить богатую награду и совершить, какъ онъ думалъ, богоугодное дѣло, умертвилъ (1584 г.) Вильгельма. 18-лѣтній сынъ его Морицъ провозглашенъ былъ штаттгальтеромъ и продолжалъ дѣло отца энергически и съ успѣхомъ.

Нидерландцы просили помощи у англійской королевы. Елисавета, помогавшая сначала возставшему народу изъ подъ руки, рѣшилась, наконецъ, явно отправить войско въ Нидерланды. Филиппъ послалъ свою непобѣдимую армаду, печальная судьба которой извѣстна. Уничтоженіемъ армады положенъ рѣшительный шагъ къ обезпеченію независимости молодаго, возникающаго государства. Открывшаяся вслѣдъ за этимъ вакансія престола во Франціи заставила Филиппа отозвать большую часть войска изъ Нидерландъ для борьбы съ Генрихомъ IV. Неудачи преслѣдовали его и здѣсь, какъ въ Нидерландахъ. Наконецъ, передавъ права свои на эти провинціи, какъ приданое, дочери своей *Кларѣ Изабеллѣ* и предоставя мужу ея *Альбрехту* австрійскому поддерживать права эти оружіемъ, Филиппъ, обманутый во всѣхъ своихъ надеждахъ, мучимый подагрою и смрадными язвами по всему тѣлу, умеръ 13 сентября 1598 г., сохранивъ мрачный фанатизмъ среди нечеловѣческихъ мученій. Заживо разлагавшійся король былъ вѣрнымъ изображеніемъ того состоянія, въ которомъ онъ оставилъ свою монархію, вѣрнымъ изображеніемъ жизни, потраченной на то, чтобы убить вездѣ жизнь, куда только не прикасалась рука его.

3. *Новое государство Соединенныхъ штатовъ*. Въ то время, когда Испанія еще болѣе истощалась подъ мертвящимъ управленіемъ кардинала *Лермы*, любимца *Филиппа III*, изгнавшаго въ одинъ годъ милліонъ промышленныхъ Мавровъ, Нидерланды, вслѣдствіе закрытія для нихъ лиссабонскаго порта, еще при Филиппѣ II принужденные, для полученія колоніальныхъ произведеній, обратиться въ Индію, основали тамъ торговое могущество на развалинахъ португальскихъ колоній. Результатъ все еще продолжавшейся войны ихъ съ Испаніею послѣ этого не могъ быть сомнителенъ. Наконецъ, при посредничествѣ Генриха IV французскаго и по настоянію умнаго *Ольденбарневельда*, синдика генеральныхъ штатовъ, видѣвшаго вредъ для народной свободы въ господ-

ствѣ военнаго управленія, которое возвышало власть Морица Оранскаго, генеральные штаты заключили въ 1609 г. въ *Гагѣ* двѣнадцатилѣтнее перемиріе съ Испаніею. По этому перемирію южныя бельгійскія провинціи остались подъ конституціонною властію Испаніи и удержали католическое вѣроисповѣданіе, а *семь сѣверныхъ провинцій образовали республику независимыхъ но, соединенныхъ штатовъ*. Устройство ея было демократическое: верховная законодательная власть и право податей отдано было собранію генеральныхъ штатовъ; исполнительная власть поручена верховному совѣту подъ предсѣдательствомъ штатгальтера (Морица Оранскаго), а начальство надъ войскомъ и флотомъ одному штатгальтеру.

Такъ отвоевали сѣверные Нидерланды свою независимость и въ своемъ государствѣ представили первый опытъ примѣненія къ жизни политической протестантскихъ идей, впрочемъ еще не вполнѣ выработанный и созрѣвшій. Дальнѣйшее развитіе этихъ началъ продолжалось во внутренней борьбѣ двухъ партій: *оранской* или *военной*, стремившейся доставить наслѣдственное штатгальтерство своему главѣ Морицу, и *патріотической*, или чисто *республиканской*, во главѣ которой стояли: благородный и умный составитель нидерландской конституціи, синдикъ Голландіи *Ольденбарневельдъ*, и знаменитый публицистъ своего вѣка *Гуго-Гроціусъ*. Въ вѣкъ религіозныхъ споровъ обѣ партіи, сверхъ разногласія въ политическихъ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ, отличались и религіозными мнѣніями: оранжисты держались строго-кальвинскаго ученія Гомара и назывались *гомаристами* (контраремонстрантами), а патріоты держались ученія другаго богослова Арминія, смягчившаго безотрадный и мрачный кальвинскій догматъ о несвободѣ человѣческой воли, и назывались *арминіанами* (ремонстрантами). Необходимость въ защитѣ государства, вслѣдствіе кончившагося срока гагскаго перемирія, доставила побѣду гомаристамъ-оранжистамъ надъ арминіанами-патріотами. Морицъ жестоко воспользовался своею побѣдою: благородный защитникъ правъ народа, семидесятилѣтній Ольденбарневельдъ сложилъ голову на эшафотѣ, сказавъ народу: „Не вѣрьте, граждане: я не измѣнникъ: я дѣйствовалъ честно и умираю истиннымъ другомъ своей родины!“ Но смертію его борьба партій не кончилась и республика долго еще была волнуема покушеніями на власть претендентовъ изъ фамиліи человѣка, который жилъ и умеръ за ея свободу—Вильгельма Оранскаго. Рядомъ съ внутренними раздорами, по истеченіи переми-

рія, началась и шла внѣшняя война съ испанско-габсбургскимъ домомъ, которая кончилась въ 1648 году, когда вестфальскимъ миромъ признана была независимость республики, со всѣми ея завоеваніями въ обѣихъ Индіяхъ, и отъ Испаніи, и отъ германской имперіи.

Жизненнымъ нервомъ республики была по преимуществу морская торговля и промышленность. Еще въ періодъ гагскаго перемирія составилась *сѣверная компанія* для ловли сельдей и китовъ въ Нѣмецкомъ и Ледовитомъ моряхъ, и *вестъ-индская*—для торговли съ Америкою. На о. Явѣ былъ основанъ знаменитый впослѣдствіи городъ Батавія, а въ Японіи устроена существующая и теперь факторія. Къ сожалѣнію господствовавшая тогда система взаимныхъ торговыхъ стѣсненій вредила и Голландіи и другимъ державамъ и вовлекла республику въ войны съ Англіею, не всегда для нея выгодныя.

4. *Состояніе Испаніи и Португаліи въ половинѣ XVII вѣка.* Между тѣмъ какъ въ системѣ европейскихъ государствъ явилась молодая, сильная республика, доказавшая какое благосостояніе можетъ создать трудъ человѣка, старая притѣснительница и повелительница ея Испанія, презиравшая честный трудъ, гордая своимъ отжившимъ прошлымъ, придавленная въ настоящемъ, представляла невеселыя надежды на будущее. За ничтожнымъ правленіемъ *Филиппа III* и его фаворита *Лермы*, убившихъ въ конецъ промышленность изгнаніемъ Морисковъ, слѣдовало столь же ничтожное правленіе *Филиппа IV* и его фаворита *Оливареса*, подчинившихъ Испанію вліянію французскаго двора. Въ XVII вѣкѣ все народонаселеніе Испаніи состояло изъ 5,700,000 и въ этомъ числѣ—650,000 дворянъ и 180,000 духовныхъ ничего не производившихъ и дармоѣдничавшихъ; сверхъ того въ ней было столько праздничныхъ дней, что во многихъ епископствахъ третья часть года состояла изъ праздниковъ, въ которые ровно никто уже не работалъ.

Не лучше была и участь *Португаліи*, которою овладѣлъ Филиппъ II. Послѣ погибели короля португальскаго *дона Себастіана* въ походѣ противъ Марокко, на престолъ объявили притязанія три претендента и въ томъ числѣ Филиппъ II, какъ внукъ Эммануила Великаго. Государственные чины готовились къ выбору и вѣрно никогда не выбрали бы Филиппа II; но онъ отправилъ въ Португалію сильное войско подъ начальствомъ Альбы. Часть дворянства и духовенства, частію изъ корысти, частію изъ

страха приняла его сторону. Королевство и колоніи покорились Филиппу (1558 г.) Португалія, лишившись своей политической независимости вмѣстѣ съ тѣмъ лишилась и своего могущества. Правда, Филиппъ поклялся уважать всѣ привиллегіи народа, не касаться ни его доходовъ, ни торговли, ни администраціи и отдавать высшія мѣста Португальцамъ, но всѣ эти обѣщанія ничего не значили: Португалія была ни что иное, какъ завоеванная провинція, преданная на жертву корыстолюбивымъ наемникамъ. Потеря политической независимости ослабила народную энергію. Вскорѣ Голландцы, видя въ Португальцахъ подданныхъ Испаніи, отняли у нихъ лучшія колоніи.

60 лѣтъ терпѣла Португалія ненавистное иго, наконецъ, когда вспыхнуло возмущеніе въ Каталоніи и Филиппъ IV приказалъ Португальцамъ усмирить его, они сами возмутились (1640). Возстаніе окончилось свободою Португаліи и возведеніемъ на престолъ дома *браганцскаго* въ особѣ *Іоанна IV* (1640).

III.

Умственныя движенія въ Испаніи и Нидерландахъ въ реформаціонный періодъ.

а) въ Испаніи.

Историческія судьбы Испаніи указываютъ на слѣдующія главнѣйшія черты ея умственной физіономіи, которыя придали ей исключительный характеръ оригинальности. Во *первыхъ*, долговременныя войны съ Аравитянами, народомъ образованнѣйшимъ въ свое время, внесли въ народность испанскую элементъ восточный. Отсюда происходитъ то, что форма произведенія испанской литературы отличается цвѣтистымъ, метафорическимъ лиризмомъ, изобиліемъ картинъ и образовъ, набросанныхъ удивительно яркими красками. Во *вторыхъ*, къ восточному элементу присоединяется христіанскій элементъ или, точнѣе сказать, элементъ католической церкви и составляетъ другую отличительную черту этой литературы: отсюда происходитъ идеальное, аллегорическое ея направленіе при недостаткѣ положительности. Въ *третьихъ*, вслѣдствіе изолированной жизни Испанцевъ отъ прочей Европы почти до конца XV вѣка, и литература ихъ не подверглась ни вліянію другихъ европейскихъ литературъ, ни господствовавшему въ то время вліянію литературы классической и потому сохранила на-долго свой

цѣльный, народный характеръ. Только послѣ совершеннаго паденія мавританскаго владычества, политическія связи съ Неаполемъ послужили проводниками италіянской литературы на пиренейскій полуостровъ, и только тогда возникло въ Испаніи нѣкоторое различіе между словесностью народною и книжною. Но произведенія геніальныхъ поэтовъ Испаніи, отличавшіяся народностію красокъ, не дали усилиться вліянію образцовъ италіянскихъ. Наконецъ, въ *четвертыхъ*, литература Испаніи, подобно политическому могуществу этой страны, быстро достигнувъ высокой степени развитія, вдругъ потомъ упала. Время отъ половины XVI до половины XVII в. было временемъ ея цвѣтущаго состоянія; въ концѣ XVII вѣка она представляетъ уже одно безжизненное подражаніе французскому классицизму временъ Людовика XIV. Фанатизмъ и деспотизмъ убили также точно умственную жизнь, какъ и общественную; подъ двойнымъ гнетомъ религіознаго и политическаго преслѣдованія Испанія, загражденная отъ прилива живыхъ идей реформаціонной эпохи, впала въ состояніе умственной неподвижности и, если она въ продолженіи XVI вѣка сохранила свое художественное и научное достоинство, такъ это было только слѣдствіемъ предшествовавшаго движенія, а вовсе не результатомъ живыхъ дѣйствующихъ силъ.

Чистое оригинальное литературное богатство Испанцевъ, въ періодъ процвѣтанія ихъ литературы, заключается въ драмѣ и въ романѣ; а богатство португальцевъ—въ эпосѣ. Подражаніе античнымъ и италіянскимъ образцамъ шло удачно только въ лирикѣ, а именно въ идилліяхъ *Гарсильясо-де-ла Веги* и въ энергическихъ одахъ *Герреры* и *Понсе де-Леона*.

Испанія создала свою оригинальную драму гораздо прежде Франціи и Англіи. Когда въ Англіи давались уличныя грубыя шутки, когда Парижъ не имѣлъ еще ничего, кромѣ плоскихъ мистерій, Испанецъ *Лопе-де-Руида* уже въ Мадридѣ писалъ комедіи въ полномъ смыслѣ слова. Прошло столѣтіе, и драма испанская сдѣлалась образцемъ для Французовъ, Италіянцевъ и Англичанъ. Христіанская Испанія создала свой театръ изъ самой себя, безъ всякаго вліянія античной драмы. Ненависть къ еретикамъ и торжество католическаго рыцарства—вотъ тема, на которую отбившая свою независимость отъ магометанъ національность создала сотни драмъ, комедій, интермедій, трагикомедій, въ стихахъ и въ прозѣ, бездарныхъ и даровитыхъ, въ пяти, шести, двадцати актахъ, съ аллегоріями и безъ аллегорій, съ музыкой и безъ музыки. Оригиналь-

ность испанскихъ драмъ есть оригинальность народа, а не одного человѣка. Преобладаніе восторженнаго лиризма, сильный паѳосъ, яркость красокъ, безконечная запутанность интригъ и безпрерывное стремленіе къ эффектнымъ сценамъ—вотъ отличительныя свойства и недостатки произведеній *Лопе-де-Веги* (1552—1635), быть можетъ самаго плодовитаго автора въ свѣтѣ, написавшаго болѣе 2000 разнаго рода піесъ, прозваннаго современниками „чудомъ природы", на котораго стекались, какъ на диво, смотрѣть иноземцы. Гораздо выше его по таланту, но вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо болѣе его мѣстенъ и исключителенъ его современникъ *Кальдеронъ* (1600—1681), выразившій въ своихъ драмахъ вполнѣ свой вѣкъ и Испанцевъ только своего вѣка и потому потерявшій значеніе у Испанцевъ нашего времени. Однѣ драмы Кальдерона посвящены любви и мщенію: лучшая изъ нихъ—„За тайную обиду—тайное мщеніе" рыцарская драма, полная краснорѣчія, движенія и страсти. Другія драмы построены на религіозномъ чувствѣ, съ цѣлію усилить его: онѣ понятны только для Испанцевъ католиковъ XVII вѣка и на всегда останутся памятникомъ фанатическаго вѣка и народа, еслибы даже исчезли всѣ воспоминанія, всѣ книги Испаніи. Основной мотивъ ихъ: вѣрить, любить, отдаваться всецѣло вѣрѣ, ожидать всего отъ вѣры. Въ драмѣ сѣверныхъ народовъ всегда есть лицо сомнѣвающееся; въ драмѣ испанской, и особенно у Кальдерона, такого лица нѣтъ. Кальдеронъ—сама вѣра, онъ ни въ чемъ не сомнѣвается. У Гете Фаустъ увлекается жаждою знанія, у Кальдерона Кипріано (герой драмы Magico prodigioso) увлекается потребностью любить; Гетевъ Мефистофель всегда и надъ всѣми смѣется и до конца не признаетъ Бога; Кальдероновъ dominio никогда не смѣется, дрожитъ отъ боязни, когда услышитъ имя Божіе, и сквозь зубы признаетъ всемогущество Бога. Дѣйствующія лица въ религіозныхъ драмахъ Кальдерона не типы и не характеры, какъ у Шекспира, но символы, имѣющіе скрытое значеніе. Только могучій геній Кальдерона придалъ имъ изумительную торжественность и красоту.

Драма въ Испаніи XVII вѣка играла роль нашей печати: всѣ событія, всѣ воспоминанія, весь кругъ современныхъ идей и стремленій, правда не обширный, совмѣщала въ себѣ драма.

Всѣ формы и направленія испанскаго романа, развивавшіяся отъ половины XIV до второй половины XVI вѣка—и романъ пастушескій, и романъ плутовской, и новеллу—довелъ до совершенства донъ *Мигуель Сервантесъ-де-Сааведра* (1547—1616),

извлекшій изъ своей тревожной, разнообразной жизни матеріалъ для романа, который пользуется общеевропейской извѣстностью. Этотъ романъ: „Жизнь и дѣянія благороднаго и многоумнаго рыцаря донъ-Кихота Ламанчскаго.“ Въ донъ-Кихотѣ, помѣшанномъ на нелѣпыхъ рыцарскихъ романахъ и продолжающемъ, среди совершенно измѣнившейся общественной обстановки, жизнь странствующаго рыцаря, исполненнаго благороднѣйшихъ стремленій, изображенъ человѣкъ, который, изъ-за вызваннаго имъ міра грезъ, смотритъ совсѣмъ превратно на окружающую его дѣйствительность и готовъ на всякомъ шагу ратовать за такое дѣло, которое существуетъ только въ его воображеніи. Противоположность его идеальнаго міра съ міромъ трезвой, вседневной дѣйствительности и трогательна и смѣшна. Этому тощему герою доблести на тощей клячѣ, вѣчно попадающему въ просакъ и въ бѣду, противопоставленъ толстый, думающій только о своемъ собственномъ довольствѣ слуга Санчо Панса, какъ представитель пошлой вседневности. Въ этой комико-сатирической рамѣ Сервантесъ умѣлъ изобразить полную картину современныхъ испанскихъ нравовъ, повѣрій, мнѣній, вѣрованій, такъ что въ его романѣ, какъ живая, рисуется Испанія XVI вѣка.

Въ то же самое время явился въ Португаліи величайшій изъ всѣхъ ея поэтовъ. Это былъ *Камоэнсъ* (1524—69), сынъ заслуженнаго моряка и самъ морякъ. Оскорбленный непризнаніемъ заслугъ своихъ отечествомъ, онъ пустился въ Индію искать счастія. Возмущенный злоупотребленіями тамошняго правительства, онъ излилъ свои чувства въ ѣдкихъ сатирическихъ стихахъ и былъ сосланъ въ Макао. Здѣсь, среди всѣхъ очарованій восточной природы, положилъ онъ начало своей безсмертной эпопеѣ „Лузіада“, главный сюжетъ которой—открытіе Васко де-Гамой морскаго пути въ Индію. Впрочемъ, въ поэмѣ воспѣто не одно открытіе Индіи и слѣдовавшія за нимъ славныя дѣла; въ ней живо изображено все, что ни есть прекраснаго, благороднаго и великаго въ цѣлой исторіи народа, она обнимаетъ все національно-поэтическое его достояніе и потому сдѣлалась народною въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Камоэнсъ возвратился въ Португалію, но на обратномъ пути, во время кораблекрушенія, лишился онъ всего, что нажилъ тяжкимъ трудомъ, и спасъ только жизнь да свою поэму, которую, плывя, держалъ въ зубахъ. Бѣднякомъ явился онъ на родину и впалъ въ такую нищету, что слуга Индѣецъ ходилъ ночью по-міру и вымаливалъ для него хлѣбъ, чтобы

господинъ не умеръ съ голоду. Сокрушенный своей собственной печальной судьбой и горемъ объ упадкѣ величія и свободы Португальцевъ, онъ умеръ въ госпиталѣ, окруженный нѣсколькими монахами. Высокимъ патріотическимъ чувствомъ проникнута его Лузіада. „эта лебединая пѣснь героической нѣкогда націи, обратившейся потомъ въ ничто.“

Въ области пластическаго искусства Испанія, въ концѣ реформаціоннаго періода, произвела величайшаго изъ своихъ живописцевъ *Мурильо* (1618—1682), который образовалъ свой талантъ подъ вліяніемъ мастеровъ венеціанской фламандской школы. Онъ извѣстенъ удивительною ревностію и скоростію въ работѣ: картины его находятся въ галлереяхъ всей Европы. Отличался вѣрнымъ воспроизведеніемъ народныхъ, нерѣдко уличныхъ типовъ, которые возводилъ до идеальной красоты. Лучшія его картины: св. Августинъ, св. Магдалина, Нищіе мальчики, нѣсколько Мадоннъ. Испанцы называютъ его своимъ Рафаэлемъ.

Испанія въ половинѣ XVI вѣка была, послѣ Италіи, средоточіемъ ученой дѣятельности въ Европѣ. Около столѣтія испанскій умъ неутомимо работалъ надъ политическими идеями, и дѣятельность его была разнообразна и плодотворна. Впрочемъ, политическая литература Испаніи, относящаяся къ XVI вѣку, при всемъ своемъ богатствѣ и достоинствѣ, глубоко проникнута богословскимъ духомъ. Это потому что почти всѣ относящіяся сюда сочиненія писаны духовенствомъ, которое провозглашало ультра-католическія идеи и безусловное повиновеніе папѣ, ибо не могло слѣдовать другому ученію, не подвергаясь отвѣтственности передъ инквизицией. Но стѣсненные во всемъ, что касалось вѣры, духовные писатели-публицисты сохранили полную независимость взгляда на государство. Они не только судили о свѣтской власти свободно, но въ видахъ церкви противодѣйствовали усиленію этой власти: оно казалось имъ опаснымъ для религіозныхъ интересовъ. Эта задушевная мысль съ особеннымъ искусствомъ проведена у іезуитовъ, между которыми встрѣчаются даровитые публицисты. Оригинальная сторона ихъ ученія состоитъ въ томъ, что они требуютъ перевѣса и простора теократическому элементу въ государствѣ и склоняются въ пользу монархіи, ограниченной вліяніемъ духовенства и дворянства. Впрочемъ, не всѣ испанскіе писатели слѣдовали іезуитскому образу мыслей, напротивъ многіе изъ нихъ защищали сознательно средневѣковыя учрежденія отечества и были сознательными врагами духовенства и свѣтскаго абсолютизма. Испанскіе публицисты XVI и

первой половины XVII вѣка могутъ быть раздѣлены на два разряда. Къ первому относятся тѣ изъ нихъ, которые разрабатывали науку о государственномъ устройствѣ и управленіи; у нихъ можно найти ясно изложенную, хотя и не вполнѣ развитую теорію представительной формы правленія. Почти всѣ писатели этого времени требуютъ отдѣленія власти законодательной отъ исполнительной, берутъ подъ свою защиту средневѣковыя учрежденія королевства (кортесы, муниципальное устройство и пр.) и являются приверженцами гражданской свободы. Между ними особенною извѣстностію пользуется іезуитъ *Маріана*. Хотя его сочиненіе De rege et regis institutione было сожжено публично рукою палача въ 1605 г., но онъ умѣренный монархистъ по убѣжденіямъ; если онъ оправдываетъ чрезвычайныя, насильственныя средства противъ тираніи, то скорѣе изъ религіознаго, нежели изъ политическаго фанатизма. Другой классъ испанскихъ писателей состоитъ изъ богослововъ и казуистовъ, которые занимались изученіемъ отдѣльныхъ частей законовѣдѣнія и политики. Сюда можно отнести профессоровъ саламанкскаго университета, *Викторію* и *Сито*, у которыхъ мы находимъ гуманный взглядъ на внѣшнія сношенія и довольно ясныя понятія о международномъ правѣ Европы. *Бальтазара Айалу*, автора перваго систематическаго трактата „О правѣ войны", и *Суареса*. Послѣдній написалъ обширное и глубокое сочиненіе „О законѣ и Богѣ-законодателѣ", на которое можно смотрѣть, какъ на энциклопедію государственныхъ наукъ. Почти всѣ упомянутые публицисты разрѣшали между прочимъ вопросъ объ отношеніяхъ метрополіи къ колоніямъ, возбужденный открытіемъ Америки, и высказали объ этомъ предметѣ весьма здравыя сужденія. Къ несчастію, испанское правительство не слушало человѣколюбиваго голоса лучшихъ своихъ гражданъ и упорно держалось суровой колоніальной политики, которая привела впослѣдствіи къ самымъ печальнымъ результатамъ. Блестящій періодъ испанской политической литературы миновалъ очень скоро. Она погибла подъ ударами инквизиціи и гнетомъ цензуры. Къ концу XVI столѣтія полицейскій надзоръ за литературою дошелъ до неслыханной строгости: всѣ философскія и политическія сочиненія подвергались преслѣдованію. Положеніе профессора публициста и всякаго человѣка съ независимымъ мнѣніемъ сдѣлалось чрезвычайно опаснымъ: за нимъ повсюду слѣдили; тяжкое наказаніе угрожало ему за малѣйшую оплошность. При такомъ угнетеніи трудно было дѣйствовать на современниковъ, наставлять публику. Нація должна была отка-

заться отъ политическаго размышленія и отъ разработки государственныхъ наукъ; долго умственные ея представители возвышали свой голосъ съ самоотверженіемъ и геройствомъ противъ общественнаго зла, и, наконецъ, замолкли.

Въ лучшемъ изъ своихъ публицистовъ XVI вѣка, Маріанѣ, Испанцы находятъ лучшаго изъ тогдашнихъ историковъ. Прозванный испанскимъ Титомъ Ливіемъ, онъ, въ своей „Всеобщей Исторіи Испаніи отъ древнѣйшихъ временъ до Фердинанда Католика", является подобно своему римскому образцу, краснорѣчивымъ повѣствователемъ и помѣщаетъ безъ всякой критики преданія, легенды, разсказы о чудесахъ. На ряду съ ними стоитъ *Цурита*, котораго „Лѣтописи Аррагоніи" въ отношеніи къ тону, взгляду и языку могутъ почитаться однимъ изъ образцовыхъ произведеній эпохи возрожденія.

в) въ Нидерландахъ.

Реформаціонное время, въ особенности время послѣ войны за независимость, ознаменовано въ Нидерландахъ развитіемъ живописи, въ сферѣ искусства, и развитіемъ филологіи и политическихъ наукъ, въ сферѣ научной дѣятельности.

Голландія съ своей незатѣйливой природою, такъ мало представляющая повидимому пищи художнику, дала жизнь ландшафтной живописи: первые художники, которые стали изучать и изображать природу не какъ обстановку человѣка, но саму-по-себѣ, были Голландцы XVI и XVII вѣковъ. Сначала они искали предметовъ для своей кисти внѣ своей родины: на Рейнѣ и Альпахъ. Первый *Винантсъ* умѣлъ угадать, что и въ природѣ бѣдной, ровной и монотонной Голландіи есть многое, говорящее человѣку не менѣе выразительно, какъ и берега Рейна или ущелья и снѣжныя вершины Альповъ. Величайшими представителями эстетическаго пониманія природы у Голландцевъ были *Рюиздаль* и *Гоббема*. На картинахъ ихъ высказано, что можетъ говорить сердцу бѣдная, почти всегда печальная сѣверная природа. У Рюиздаля преобладаетъ элегическое настроеніе, у Гоббемы больше свѣта и веселаго тона; у обоихъ впрочемъ весьма много родственнаго. Другая нидерландская школа живописи, фламандская, развила болѣе жанръ, историческую живопись и портретъ (Рембрандтъ, Теньеръ, Ванъ-Дейкъ, Рубенсъ).

Въ сферѣ ученой дѣятельности въ Голландіи успѣшно шло политическое образованіе и филологія. За реформаціей непосредственно слѣдовала національная борьба за независимость и введеніе

федеративно-республиканскаго устройства, а потому религіозные вопросы почти слились съ государственными. Уже въ концѣ XVI столѣтія, въ провинціальныхъ и генеральныхъ штатахъ, мы находимъ великихъ администраторовъ и юристовъ; они занимались наукою правленія теоретически и практически и были основателями знаменитой голландской школы, вліяніе которой распространилось потомъ далеко за предѣлы отечества. Съ XVIII столѣтія Амстердамъ, Лейденъ и Гага, трудами типографщиковъ изъ семьи Эльзевировъ, сдѣлались средоточіемъ книгопечатанія и книжной торговли въ Европѣ: здѣсь обыкновенно выходили въ свѣтъ книги, которыхъ нельзя было издать въ сосѣднихъ государствахъ, по причинѣ строгихъ законовъ о цензурѣ. И такъ неудивительно, что новыя религіозныя идеи проникли въ Голландію весьма рано, что она усвоила себѣ результаты знанія, добытыя въ Италіи, Испаніи и Франціи. Впрочемъ, до основанія республики, литература этой страны не представляетъ оригинальныхъ и серіозныхъ сочиненій о государствѣ; она богата только памфлетами. Первымъ публицистомъ Голландіи по праву признается знаменитый *Гуго-де-Гротъ*, или, въ латинской формѣ, *Гроцій* (Groot, Grotius 1583—1645), котораго обыкновенно признаютъ основателемъ науки естественнаго, государственнаго и международнаго права. Его сочиненіе „О правѣ войны и мира“ (de jure belli ac pacis, 1625), по своему достоинству и вліянію на общественное мнѣніе, составляетъ эпоху въ исторіи цивилизаціи. Гротъ предпринялъ свой трудъ по самому благородному и христіанскому побужденію. Онъ жилъ въ эпоху кровавой религіозной борьбы и, говоря его собственными словами: „видѣлъ между европейскими государствами такое безначаліе въ войнѣ, которое заставило бы самихъ варваровъ стыдиться“. Чтобы положить конецъ такой гибельной анархіи, знаменитый публицистъ рѣшился пробудить сознаніе права и долга въ народахъ, напомнить имъ о единствѣ человѣчества, о тѣхъ вѣчныхъ законахъ, которые установлены Богомъ и природою, провозглашены общимъ голосомъ всѣхъ вѣковъ и составляютъ необходимую основу порядка и спокойствія на землѣ. Для достиженія своей цѣли, онъ обратился къ Св. Писанію, къ отцамъ церкви, къ древней и новой литературѣ, къ римскому праву, и отовсюду собиралъ матеріалы, на которыхъ могла быть построена наука о политическихъ сношеніяхъ между націями. Но такъ какъ эту задачу трудно было выполнить безъ объясненія природы государства и высшихъ началъ законодательства, то Гротъ коснулся почти всѣхъ общественныхъ вопросовъ.

Такимъ образомъ трактатъ Грота представляетъ богатое, всестороннее содержаніе. Даже въ настоящее время нельзя не удивляться обширной эрудиціи этого писателя. Богословская и юридическая литература Европы была ему хорошо извѣстна, но особенно силенъ онъ въ знаніи древности. Вообще на Грота можно смотрѣть скорѣе какъ на собирателя, нежели какъ на изслѣдователя: творчества у него мало. Основное ученіе его о государствѣ имѣетъ много сходства съ философіею стоиковъ и Цицерона; въ понятіяхъ о правѣ международномъ онъ также опирается преимущественно на классическихъ писателей. Гротъ пріобрѣлъ необыкновенное вліяніе на Европу и сдѣлался наставникомъ, какъ-бы законодателемъ общественнаго мнѣнія. Трактатъ о правѣ „войны и мира“ можно было найти въ рукахъ государей, въ кабинетахъ министровъ и дипломатовъ, на столѣ у всѣхъ образованныхъ людей. Ни одинъ публицистъ послѣ Маккіавели не пользовался такимъ авторитетомъ и не удовлетворилъ до такой степени настоятельнымъ нуждамъ вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, христіанскія государства давно уже чувствовали потребность сближенія; историческія событія видимо влекли ихъ къ образованію политической системы; еще съ среднихъ вѣковъ въ сношеніяхъ между ними, путемъ трактатовъ и обычаевъ, начали вырабатываться извѣстныя правила; оставалось только возвести эти права къ собранію, дать имъ юридическую и нравственную опору, провозгласить, во имя религіи, просвѣщенія и общаго блага, міровые законы, двигающіе жизнью человѣчества. На долю Грота выпало рѣшеніе этой высокой задачи, и онъ исполнилъ свое дѣло добросовѣстно и благородно. Всѣ силы его души устремлены къ тому, чтобы внушить народамъ уваженіе взаимныхъ правъ, укрѣпить силу договоровъ, святость обѣщаній, ослабить неразумную жестокость въ войнѣ и подкопать довѣріе къ безнравственнымъ средствамъ Маккіавеловой политики. Дѣйствительно, современники были поражены сильными доказательствами великаго публициста. Имя Грота было поставлено на ряду съ классическими писателями и произносимо съ благоговѣніемъ; въ его идеяхъ воспитывались молодыя поколѣнія почти цѣлое столѣтіе.

Италіянскій публицистъ Маккіавели и испанскій Маріана были вмѣстѣ и лучшими историками у своихъ націй. То же должно сказать и о Гуго Гротѣ, въ которомъ война за независимость нашла себѣ патріотическаго историка, въ слогѣ и способѣ изложенія подражавшаго Тациту. Мемуаристами также богаты Нидерланды, какъ и другія государства.

Но первое мѣсто въ нидерландскихъ университетахъ, въ XVI и XVII в., занимала филологія: *Юстъ-Липсій*, *Гроновій*, *Скалигеръ*, *Фоссій*, *Гейнзій* обезсмертили себя въ дѣлѣ изданія и комментированія классиковъ. Особенно важны вообще для исторической науки „Историческія замѣтки“ *Перизонія*, который одинъ изъ первыхъ подвергъ критикѣ легендарную исторію древняго Рима.

ИСТОРІЯ СКАНДИНАВСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

Скандинавскія государства, Швеція, Данія и Норвегія, живя въ теченіи среднихъ вѣковъ отдѣльною жизнію и мало участвуя въ великихъ средневѣковыхъ движеніяхъ и событіяхъ, почти не имѣли вліянія на западно-европейскій міръ. Но въ XVI вѣкѣ, съ распаденіемъ кальмарской уніи и съ введеніемъ реформаціи, они получаютъ обще-европейское значеніе, особенно къ половинѣ XVI вѣка.

I.

Распаденіе Кальмарской уніи.

Изъ трехъ союзныхъ государствъ, Швеція болѣе всѣхъ не любила уніи и въ XV вѣкѣ успѣла пріобрѣсть себѣ независимыхъ правителей изъ фамиліи Стуровъ, опиравшихся на простомъ народѣ. Но въ началѣ XVI вѣка, Данія опираясь на симпатизировавшихъ уніи привилегированныхъ сословіяхъ и въ особенности на духовенствѣ, успѣла еще разъ возобновить унію, впрочемъ не на долго.

Христіанъ II, вступившій въ 1513 году на престолъ датскій, съ-молоду отличался крутымъ, самовластнымъ характеромъ и былъ человѣкъ, который не отступалъ ни предъ какою мѣрою, лишь бы она вела къ его цѣли. А цѣль эта заключалась въ томъ, чтобы прочнымъ возобновленіемъ уніи и сокрушеніемъ власти сословій создать на сѣверѣ сильное абсолютно-монархическое государство, независимое въ торговомъ отношеніи отъ Ганзы, всегда старавшейся расторгнуть унію. Мѣры самыя разнообразныя и противоположныя употреблялъ Христіанъ II для достиженія этой цѣли: въ Швеціи онъ искалъ опоры въ привилегированныхъ сословіяхъ, особенно въ духовенствѣ, и тѣснилъ простой народъ, нелюбившій датскаго владычества, въ Даніи, напротивъ, онъ покровительствовалъ крестьянамъ, чтобы сокрушить привилегированныхъ. Въ Швеціи онъ являлся поборникомъ власти папской и католицизма,

чтобы упрочить вліяніе симпатизировавшаго ему духовенства; въ Даніи напротивъ онъ хотѣлъ ввести реформу, чтобы унизить враждебное ему духовенство. Не признавая при этомъ иного права, кромѣ собственной воли, употребляя нечеловѣческія крутыя мѣры, онъ ожесточилъ противъ себя и Шведовъ и Датчанъ, и знатныхъ и простолюдиновъ, и католиковъ и протестантовъ, и кончилъ тѣмъ, что потерялъ три короны и свободу и умеръ въ тюрьмѣ. Какъ всѣ деспоты, Христіанъ давалъ значеніе людямъ, которыхъ онъ вытянулъ изъ грязи. Жена его, дочь Карла V, не пользовалась его привязанностію. Огромное значеніе при немъ имѣли нидерландская торговка *Сигбрита* и родственникъ ея цирюльникъ *Дидрихъ Слагекъ*, человѣкъ безъ совѣсти и чести. Христіанъ съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ знать датская зябла отъ мороза у дверей Сигбриты, ожидая выхода отъ нея короля.

Положеніе дѣлъ въ Швеціи не замедлило подать Христіану поводъ наложить на нее свою руку. Тогдашній правитель Швеціи, молодой, отличавшійся рыцарскимъ характеромъ и любимый народомъ *Стенъ II Стуръ* находился во враждѣ съ архіепископомъ упсальскимъ Густавомъ Тролле, который, владѣя большими помѣстьями въ Даніи, благопріятствовалъ уніи. Вражда кончилась тѣмъ, что Густавъ Тролле былъ разбитъ и, по приговору государственныхъ чиновъ, заключенъ въ монастырь. Христіанъ II объявилъ себя мстителемъ за архіепископа. По его просьбѣ, папа отлучилъ Стена и судей архіепископа отъ церкви, наложилъ интердиктъ на Швецію и исполненіе его поручилъ Христіану. Первая высадка Датчанъ была неудачна: Христіанъ вступилъ въ переговоры, но вѣроломная отсылка въ Данію взятыхъ имъ шведскихъ заложниковъ прервала переговоры. Вторая высадка была удачна: при Богезундѣ Шведы были разбиты, Стенъ, смертельно раненный, умеръ. Хотя жена его геройски защищалась въ Стокгольмѣ, а крестьяне толпами шли на освобожденіе родины, но вождя у нихъ не было; а между тѣмъ духовенство и аристократія вступила съ Христіаномъ въ переговоры. Унія была возобновлена, Христіанъ былъ признанъ королемъ на основаніи кальмарскаго договора и обѣщалъ полное забвеніе прошлаго, Стокгольмъ сдался. Въ 1520 году прибылъ Христіанъ въ Швецію для коронаціи, „ласкалъ народъ, пожималъ руки и лобызалъ щеки у дворянъ но въ душѣ таилъ кровавый замыселъ“, говоритъ современный хронистъ: онъ не могъ считать короны шведской твердою на своей головѣ, пока цѣлы будутъ головы народной партіи.

На третій день послѣ коронаціи были схвачены 94 сановника изъ народной партіи и преданы беззаконному суду, а на 4-й день вывели ихъ на площадь и, въ присутствіи оцѣпенѣлаго отъ ужаса народа, всѣмъ имъ отрубили головы. Тутъ же казнили тѣхъ, кто выражалъ сочувствіе къ казненнымъ. Еще два дня продолжались казни: однихъ вѣшали, другихъ замучили въ тюрьмахъ. Трупъ Стена II былъ вырытъ и сожженъ. Послѣ рѣзни, носящей имя *стокгольмской кровавой бани*, Христіанъ, на возвратномъ пути въ Данію, воздвигалъ эшафоты по дорогѣ и казнилъ еще 600 казавшихся ему опасными Шведовъ.

Во время этихъ казней, отважный молодой человѣкъ скитался въ лѣсахъ сѣверной Швеціи и, услышавъ о погибели въ кровавой банѣ отца своего и патріотовъ, рѣшился „съ помощію Бога и поселянъ шведскихъ“ спасти родину.

Густавъ Эрихсонъ Ваза происходилъ изъ знаменитой фамиліи родственной царственному дому Фолькунговъ. Отданный въ упсальскій университетъ, онъ, не кончилъ курса, долженъ былъ оставить его, потому что однажды похвалился выгнать Датчанъ съ помощію поселянъ Далекарліи. Потомъ поступилъ на службу къ Стену II и попалъ въ число заложниковъ, вѣроломно отправленныхъ Христіаномъ въ Данію. Живя въ Даніи плѣнникомъ, онъ слышалъ о приготовленіяхъ Датчанъ къ покоренію его родины, отъ тоски не ѣлъ, не пилъ и, наконецъ, бѣжалъ въ Любекъ. Любечане, ненавидѣвшіе Христіана за торговыя стѣсненія, дали средства Густаву перебраться въ Швецію. Здѣсь онъ узналъ о стокгольмскихъ убійствахъ, о смерти отца, о плѣнѣ матери и сестеръ и о цѣнѣ, наложенной на его голову. Месть за народъ, отца, семейство, за себя самого утвердила Вазу въ его намѣреніи освободить родину. Встрѣчая вездѣ оцѣпенѣніе и страхъ, преслѣдуемый сыщиками, скрываясь въ горахъ, въ дуплахъ деревьевъ, онъ достигъ, наконецъ, сѣверной провинціи государства—Далекарліи. Здѣсь, въ селеніи Морѣ, въ 1520 г. въ день Рождества Христова, началъ онъ говорить вдохновенныя рѣчи къ поселянамъ и возбудилъ ихъ стать за свободу родины. Двѣсти привычныхъ къ трудамъ и лишеніямъ крестьянъ стали подъ знамена его. Съ этою слабою числомъ дружиною Густавъ разбилъ войско архіепископа и овладѣлъ Упсалою. Скоро слава его имени и обольстительный кличъ свободы разнеслись по всему краю и привлекли къ нему многочисленныя толпы ратниковъ. Національный сеймъ назначилъ Густава правителемъ королевства и главнымъ вождемъ; Любечане помогли ему войскомъ

и деньгами. Во всѣхъ почти городахъ Датчане были изгнаны, только Стокгольмъ держался. Какъ вдругъ пришла вѣсть, что Христіанъ II, озлобившій своими реформами высшія сословія въ Даніи, былъ изгнанъ и на престолъ датскій избранъ дядя его Фридрихъ шлезвигъ-голштинскій. Тогда датскія войска сдали Стокгольмъ и оставили Швецію. Густавъ Ваза, избранный на *стренгнесскомъ* сеймѣ въ короли шведскіе, торжественно вступилъ въ свою столицу (1523) и въ слѣдующемъ году заключилъ (въ Мальмё) вѣчный миръ съ Даніею. Такимъ образомъ прекратилась кальмарская унія, существовавшая 126 лѣтъ.

II.

Реформація въ Швеціи, Даніи и Норвегіи.

1. *Реформація въ Швеціи.* Густавъ Ваза избранъ былъ королемъ разореннаго королевства. Долгъ былъ огромный и Любечане требовали скорой уплаты; а между тѣмъ въ казнѣ денегъ не было и коронные домены растащило духовенство въ періодъ уніи. Съ народа взять было нечего, потому что онъ былъ разоренъ, да и опасно, потому что привыкъ къ возстаніямъ. Дворянъ трогать было опасно, также потому что партіи еще не улеглись: были между ними и стуристы и кальмаристы. Одно духовенство, владѣвшее огромными землями и оттолкнувшее отъ себя націю тѣмъ, что, во время борьбы за свободу, постоянно держало сторону Датчанъ, должно было теперь расплатиться за свой ненаціональный образъ дѣйствія. Разсчетливый Густавъ видѣлъ въ реформаціи единственное средство секуляризировать духовные лены и такимъ образомъ помочь государству. Но понимая, какъ въ его положеніи опасно насиловать убѣжденія народа, онъ дѣйствовалъ постепенно и осторожно. По отдаленности положенія, Шведы менѣе другихъ средневѣковыхъ народовъ были привязаны къ папству; по свойству характера, они болѣе другихъ германскихъ народовъ были склонны къ религіи, проповѣдующей свободу личнаго убѣжденія. Все это могло облегчить Густаву введеніе новой церкви: стоило только взяться за это умѣючи. Сначала онъ открылъ доступъ протестантскимъ проповѣдникамъ въ государство. Братья *Олай* и *Лаврентій Петерсоны*, слушавшіе въ Виттенбергѣ самого Лютера, были апостолами лютеранизма въ Швеціи: съ дозволенія короля, они вооружили народное мнѣніе противъ поборовъ и имѣній духовенства, знакомили народъ съ св. писаніемъ, которое было переведено на

шведскій языкъ, совершали богослуженіе на отечественномъ языкѣ „да знаетъ народъ то, что говоритъ слово Божіе, а не духовенство“. Когда общественное мнѣніе было подготовлено, а диспутомъ въ Упсалѣ, происходившимъ подъ охраною короля, показаны были основанія новой вѣры въ св. писаніи, тогда на *вестересскомъ сеймѣ* (1527), на которомъ присутствовали и выборные отъ горожанъ и поселянъ, король объявленъ былъ главою церкви и получилъ право преобразовать ее по евангельскому ученію и распоряжаться церковными имуществами на потребности государства. Дворянамъ предоставлено было также право отыскивать судебнымъ порядкомъ земли, которыя оттянуло у нихъ духовенство впослѣднія 75 лѣтъ.

Опираясь на опредѣленіе сословій, Густавъ мало-по-малу ввелъ лютеранскую церковь, удержавъ только епископовъ, ограниченныхъ консисторіями и подчиненныхъ королю. Епископы думали сопротивляться, но Густавъ положительно объявилъ, „что ихъ эминенціи не могутъ ужиться съ его эминенціею“. Тогда они прибѣгли къ другимъ мѣрамъ: стали увѣрять народъ, страдавшій отъ голода и язвы, что эти бѣдствія вызваны вѣроотступничествомъ короля; воспользовались привязанностію народа къ Стурамъ и выставили самозванца. Густавъ усмирилъ возстанія, на церковныя же имущества помогъ народу во время голода и уплатилъ долгъ Любечанамъ. Упрочивъ новую королевскую власть, Густавъ старался поднять положеніе всего края хорошими законами и учрежденіями. Отмѣнивъ торговыя привилегіи Любечанъ и обложивъ ганзейскіе товары ввозною пошлиною, онъ развязалъ руки шведской торговлѣ, а призывомъ иноземныхъ мастеровъ и торговыми трактатами съ Англіею и Нидерландами развилъ туземную производительность. Въ благодарность за труды Густава, шведскій государственный сеймъ объявилъ корону наслѣдственною въ домѣ Вазы (1514). Густавъ умеръ въ 1560 году.

По смерти Густава Вазы римская церковь сдѣлала попытку къ возрожденію, пользуясь враждебными отношеніями между его сыновьями, которыя она отчасти поддерживала и питала. *Эрихъ XIV*, мрачный и раздражительный до помѣшательства человѣкъ, подозрѣвая не безъ основанія, что братъ его Іоаннъ, герцогъ финляндскій, женатый на польской принцессѣ и опутанный кознями іезуитовъ, держитъ сторону Польши, съ которою Швеція вела войну за Ливонію, велѣлъ схватить его и бросить въ темницу. Послѣ этого, бракомъ съ простолюдинкою и безумною подозрительностію, Эрихъ возбудилъ противъ себя ненависть въ аристократіи. Опираясь

на магнатахъ, освобожденный изъ тюрьмы Іоаннъ, вмѣстѣ съ другимъ братомъ Эриха, Карломъ, герцогомъ зюдерманландскимъ, овладѣлъ особою короля, лишилъ его свободы, а потомъ и жизни, и самъ сдѣлался королемъ. При ограниченномъ по уму и шаткомъ по характеру *Іоаннѣ* надежды католиковъ увеличились. Въ званіи посла жилъ при немъ умнѣйшій іезуитъ Поссевино; говорятъ, что самъ Іоаннъ уже принялъ католицизмъ и готовъ былъ поворотить къ нему Шведовъ; но, со смертію первой жены его—католички, пало вліяніе іезуитовъ предъ вліяніемъ второй жены короля—протестантки. Высланные изъ Стокгольма, они однакожъ не теряли надежды и даже еще болѣе усилили свои старанія, когда сынъ Іоанна, *Сигизмундъ*, избранный королемъ польскимъ и явный католикъ, по смерти отца вступилъ на шведскій престолъ. Но и тутъ старанія католической партіи не имѣли успѣха. Государственный сеймъ Швеціи, руководимый дядею Сигизмунда, Карломъ, герцогомъ зюдерманландскимъ, постановилъ, что евангелическо-лютеранская вѣра, введенная Густавомъ, должна быть одна господствующею и исключительно терпимою въ Швеціи. Вслѣдъ за этимъ Карлъ былъ объявленъ правителемъ государства, а Сигизмунду, бывшему въ Польшѣ, предложили: или отречься отъ католичества и лично управлять Шведами, живя въ Швеціи, или прислать своего сына въ Швецію для воспитанія его въ догматахъ лютеранской церкви. Сигизмундъ отказалъ, и тогда дядя его, подъ именемъ *Карла IX*, провозглашенъ былъ королемъ шведскимъ (1600—611). Сигизмундъ не уступилъ шведской короны безъ боя; началась война, удачная для Шведовъ, въ особенности при сынѣ Карла знаменитомъ *Густавѣ-Адольфѣ* (1611—630), защитникѣ протестантизма въ Германіи. Вестфальскій миръ далъ Швеціи значеніе первой державы на сѣверѣ.

2 *Реформація въ Даніи и Норвегіи.* Возвратившись въ Данію послѣ стокгольмскихъ казней, Христіанъ II обнародовалъ уложенія, которыя вооружили противъ него оба привилегированныя сословія, духовенство и дворянъ: онъ воспретилъ епископамъ вмѣшиваться въ гражданское судопроизводство, уничтожилъ право господъ продавать крестьянъ своихъ и предоставилъ поселянамъ свободу оставлять землю помѣщикамъ. Покровительство крестьянамъ, погубило короля Даніи. Дворянство и епископы возвели на престолъ дядю его, *Фридриха*, герцога голштинскаго. Однакожъ датскіе епископы, способствовавшіе перевороту, не были счастливѣе шведскихъ. Вся революція обратилась въ пользу однихъ дворянъ, кото-

рые вытребовали у Фридриха I право располагать жизнію своихъ крестьянъ. Проповѣдываніе лютеранскаго ученія разрѣшено было правительствомъ; штаты, собранные въ Оденсее (1527), объявили свободу религіозныхъ мнѣній, отмѣнили безбрачіе духовенства и расторгли всякую связь между датскимъ духовенствомъ и римскою церковью.

Самыя отдаленныя изъ сѣверныхъ странъ, не столь доступныя новымъ понятіямъ, приняли этотъ религіозный переворотъ не безъ сопротивленія. Норвежцы и Исландцы видѣли въ протестантизмѣ только новое тиранство Датчанъ. Христіанъ II, удалившійся въ Голландію, надѣялся воспользоваться такимъ расположеніемъ умовъ. Этотъ государь, травившій нѣкогда собаками какого-то епископа и хотѣвшій прежде самъ ввести лютеранизмъ въ Даніи, теперь искалъ опоры у католиковъ. Съ помощью нѣкоторыхъ владѣтельныхъ князей Германіи, съ пособіемъ Карла V и нѣсколькихъ голландскихъ купцовъ, онъ вооружилъ флотъ, вышелъ на берегъ въ Норвегіи и оттуда пробрался въ Швецію. Отраженный онъ принужденъ былъ сдаться Датчанамъ, которые, обѣщавъ ему свободу, держали его до смерти, двадцать девять лѣтъ, въ темницѣ.

По смерти Фридриха I (1534), епископы, чтобы воротить старую церковь и старое свое значеніе, пытались возвести на престолъ младшаго изъ его сыновей, которому было не болѣе 8 лѣтъ отъ роду и который не могъ еще быть предубѣжденъ въ пользу протестантства, подобно старшему своему брату (Христіану III). Чтобы склонить на свою сторону общественное мнѣніе, они представляли, что это дитя родилось въ Даніи и отъ самой колыбели говоритъ на языкѣ отечественномъ, тогда какъ братъ его считается Нѣмцемъ. Такая борьба епископовъ съ дворянами, католической вѣры съ новымъ ученіемъ, датскаго патріотизма съ вліяніемъ иноземцевъ благопріятствовала честолюбивымъ видамъ Любека. Этотъ республиканскій городъ получилъ мало выгоды отъ низложенія Христіана II. Фридрихъ учредилъ торговыя общества, Густавъ благопріятствовалъ Англичанамъ. Демократическое правленіе, заступившее въ это время въ Любекѣ мѣсто древней олигархіи, проникнуто было болѣе духомъ завоеваній, нежели торговли. Люди, имѣвшіе тогда большое вліяніе, бургомистръ *Вулленвеберъ* и комендантъ *Мейеръ*, бывшій прежде слесаремъ, задумали возжечь въ Даніи революцію, такъ же какъ произвели ее въ самомъ городѣ: имъ хотѣлось завоевать, раздѣлить это государство и образовать на сѣверѣ союзъ нѣсколькихъ городскихъ республикъ. Главное началь-

ство надъ войскомъ они ввѣрили графу Христофору ольденбургскому, который пріобрѣлъ славу въ битвахъ съ Турками. Вступивъ въ Данію, онъ призвалъ къ возстанію низшій классъ народа именемъ Христіана II; это магическое имя соединяло всегда поселянъ съ католиками. Бѣдствія этой революціи были такъ памятны, что *графская война* осталась въ Даніи пословицею. Общій ужасъ соединилъ всѣхъ подъ знамена старшаго сына Фридриха, *Христіана III*. Густавъ подалъ ему помощь. Король осадилъ самый Любекъ и принудилъ его отозвать войска. Поселяне, всюду побѣжденные, потеряли надежду на свободу. Послѣ продолжительной осады, Христіанъ III вошелъ въ Копенгагенъ. Сенатъ приказалъ арестовать епископовъ, отнялъ у нихъ имѣнія и назначилъ вмѣсто нихъ суперъ-интендентовъ, обязанныхъ распространять *евангельское ученіе*. Такимъ образомъ, по низложеніи епископовъ и усмиреніи крестьянъ, возникла самодержавная власть дворянства. Христіанъ III призналъ престолъ *избирательнымъ*, обѣщалъ совѣтоваться во всемъ съ великимъ магистромъ, канцлеромъ и маршаломъ королевства, которые должны были принимать жалобы на короля. Датское дворянство рѣшило, чтобы Норвегія, въ которой также введено было протестантство, составляла только датскую провинцію

Бѣдная Исландія, среди своихъ снѣговъ и огнедышащихъ горъ, покушалась также отвергнуть религію, которую навязывали ей насильно. Исландцы имѣли къ владычеству Датчанъ такое же отвращеніе, какое Датчане питали къ Германцамъ. Два епископа, предводительствуя народомъ, сопротивлялись до тѣхъ поръ, пока одному изъ нихъ отрубили голову. Религіозный и политическій переворотъ въ Даніи имѣлъ такимъ образомъ успѣхъ повсемѣстно.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

От вестфальскаго мира до французской революціи (1648—1789).

Въ половинѣ XVII вѣка, съ которой начинается второй періодъ ново-европейской исторіи, жили два человѣка, высказавшіе въ короткихъ словахъ тѣ начала, которыя выработаны были въ предъидущемъ, реформаціонномъ періодѣ. Эти люди были: Людовикъ XIV, король французскій, сказавшій въ началѣ своего самостоятельнаго правленія: l'état c'est moi (государство—это я)—девизъ *абсолютной монархіи*; и великій мыслитель Декартъ, положившій въ основу своей философіи многознаменательное: cogito

ergo sum (мыслю—слѣдовательно существую)—девизъ *протестантизма*.

На основаніи перемѣнъ во взаимномъ отношеніи двухъ сказанныхъ началъ, второй періодъ представляетъ *два* отдѣла.

1. *Въ первомъ,* который обнимаетъ первое 70-лѣтіе періода, *монархія* является преобладающимъ началомъ въ жизни общества и объявляетъ притязанія на исключительное господство и надъ духовною дѣятельностію человѣка. Господствующею державою западно-европейскаго міра является въ этомъ отдѣлѣ *Франція*, или точнѣе, французское правительство вь томъ видѣ, какой далъ ему Людовикъ XIV, сдѣлавшій его образцомъ для всей западной Европы въ политическомъ, экономическомъ, умственномъ и художественномъ отношеніяхъ. И потому это время справедливо называютъ въ западной Европѣ *вѣкомъ Людовика XIV*.

Всѣ реформы этого времени, предпринимаемыя государями только для утвержденія своего самовластія, касаются главнымъ образомъ: 1) административной централизаціи, 2) системы государственнаго хозяйства и 3) военныхъ силъ. *Централизація* стягивала всѣ силы націи къ одному центру—королю и стремилась убить въ народѣ самодѣятельность. Въ системѣ государственнаго *хозяйства* отразилась та же эгоистическая мысль, которая руководила всею внутреннею и внѣшнею политикою западныхъ государей: стремленіе подчинить интересамъ владѣтелей интересы своихъ и чужихъ народовъ. Это стремленіе было основаніемъ системы запрещеній и торговаго баланса, образовавшихъ одностороннее *меркантильное* направленіе, характеристическую черту экономической дѣятельности западной Европы въ этомъ періодѣ. Въ постоянномъ содержаніи огромныхъ *армій* владѣтели западной Европы находили также опору для своей власти, внутри и внѣ своихъ государствъ. Введенная ими, по образцу Людовика XIV, система постояннаго вооруженія окончательно убила остатки рыцарства, бывшаго душою феодальной аристократіи. Эта аристократія, какъ духовная такъ и свѣтская, была совершенно разорена и унижена роскошью и этикетомъ придворной жизни Людовика XIV и его слѣпыхъ подражателей. По отношенію къ внѣшней политикѣ, система постояннаго вооруженія служила для творца ея Людовика XIV орудіемъ къ достиженію первенства Франціи, а усвоенная его врагами—орудіемъ къ поддержанію политическаго равновѣсія. Самое духовное развитіе народа, его вѣру, искусство, науку и языкъ, государи запада, по образцу Людовика XIV, стре-

мились сдѣлать обстановками личной славы, личнаго величія. Все остальное, что не касалось лично владѣтеля и отношеній къ нему подданныхъ, оставлено было безъ вниманія. Неравенство и привилегіи, цехи и корпораціи оставались по прежнему и раздѣляли враждебно сословія и народности. Дворянство, нуль предъ королемъ, давило своими правами, презрѣніемъ и гордостію прочіе классы, средній классъ стѣсненъ былъ ложнымъ экономическимъ устройствомъ, низшій классъ несъ всю тягость государственныхъ повинностей и былъ лишенъ правъ, имущества и всякаго образованія.

Такова односторонность образцоваго государства Людовика XIV; она усилена была у его подражателей, а ему подражалъ весь европейскій континентальный западъ; слѣдовательно такова была односторонность западно-европейскихъ государствъ въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка. Только *Англія* и тѣсно соединенная съ нею *Голландія* являются съ конца XVII вѣка постоянно противниками абсолютной католической монархіи и представительницами протестантизма и защитницами правъ народныхъ.

Но въ то же время, какъ абсолютизмъ достигаетъ полнаго господства на западѣ, вопіющая потребность реформы находитъ свой органъ въ *литературѣ и наукѣ* того времени, гдѣ раньше, уже при Людовикѣ XIV начинается реакція противъ Людовикова государства. Враждебные двору литературные салоны, въ которыхъ уже получилъ извѣстность отрокъ—Вольтеръ, еще при Людовикѣ приготовляли переходъ новыхъ идей въ дѣйствительную жизнь.

Когда на западѣ Европы общество и человѣкъ развивались подъ вліяніемъ правительства Людовика XIV, на *сѣверо-востокѣ* происходила общественная реформа *въ Россіи*. Преобразованная великимъ Петромъ изъ полуазіатскаго царства въ полу-европейскую имперію, Россія утверждаетъ свое первенство на сѣверѣ и Европа признаетъ законными ея требованія на голосъ въ системѣ державъ европейскихъ. Главнымъ двигателемъ политики, хотя далеко не образцемъ ея, въ сѣверо-восточной Европѣ, главною исторической личностію на сѣверѣ въ этомъ отдѣлѣ былъ Петръ Великій, и потому время это можно назвать *вѣкомъ Петра Великаго* въ сѣверо-восточной Европѣ. Сначала перевѣсъ Швеціи на сѣверѣ, потомъ усиленіе Россіи и борьба между этими государствами за первенство составляютъ главныя явленія въ между-государственныхъ сношеніяхъ на сѣверо-востокѣ Европы.

2. *Во второмъ* отдѣлѣ разсматриваемаго нами періода времени, который обнимаетъ остальное 70-лѣтіе его и длится до 1789 года, монархія на западѣ Европы употребляетъ послѣднія усилія отстоять свое господство, но рядомъ съ нею появляется полный энергіи *протестантизмъ* и все ближе и ближе становится минута ихъ неизбѣжнаго кроваваго столкновенія.

Правительства запада не задумывались открыто попирать право и нравственность насиліемъ и коварствомъ, когда это требовали ихъ виды, не страшились никакихъ безнравственныхъ средствъ къ поддержанію своего господства и даже хвалились ими какъ государственною мудростію. Вслѣдствіе этого, во всѣхъ государствахъ начинается борьба правительствъ съ идеями, которыя, вопреки полиціи, всѣ болѣе и болѣе распространялись и господствовали въ высшихъ слояхъ общества, тогда какъ гоненіе было воздвигнуто на виновниковъ новыхъ идей и на распространеніе ихъ въ простомъ народѣ. Единственный правитель этого вѣка *Фридрихъ II,* еще въ юношествѣ поклонникъ новаго ученія о прогрессѣ, сталъ во главѣ оппозиціи, составившейся главнымъ образомъ во Франціи, противъ стараго правительства и духовенства: а потому закоренѣлые консерваторы ненавидѣли его какъ антихриста, а прогрессисты видѣли въ немъ мессію. И тѣ, и другіе ошибались. Какъ король, онъ дѣйствовалъ самовластно, не заботясь о мнѣніи народа; онъ поклонялся новымъ идеямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускалъ ихъ на столько, на сколько требовали его цѣли. Исторія Фридриха, его слава и популярность достаточно показываютъ, что уже нельзя было удержать средневѣковыя формы и учрежденія, тогда какъ духъ ихъ уже давно отлетѣлъ. Лица, стоявшія во главѣ правленія: *Іосифъ II* въ Австріи, *Помбаль* въ Португаліи, *Аранда* и *Компоманесъ* въ Испаніи, *Струэнзе* въ Даніи, подражая Фридриху, слѣдовали только настоятельной необходимости, увлекались силою исторіи. Одно французское правительство оставалось вѣрно своей прежней системѣ и хватилось за реформы тогда, когда уже было поздно, когда новыя идеи о постепенномъ улучшеніи благосостоянія всѣхъ классовъ народныхъ, не исключая преступниковъ и заключенныхъ, получили право гражданства во всей массѣ общества. Даже въ Германіи, гдѣ средневѣковая жизнь гораздо крѣпче оберегаема была свойствомъ народнаго характера и государственнымъ устройствомъ, даже въ Германіи старина потрясается, вслѣдствіе новаго живительнаго направленія въ литературѣ вообще и въ философіи въ особенности. Жизнь об-

щественная въ этомъ отдѣлѣ времени представляетъ разложеніе, внутреннюю борьбу, столкновеніе произвола съ неповиновеніемъ, всеобщее скрытое клокотаніе горючихъ веществъ въ нѣдрахъ общества, пока, наконецъ, вулканъ не прорвался всеобщимъ общественнымъ потрясеніемъ, среди коего погибъ старый порядокъ вещей. Средневѣковому феодализму и іерархіи, а вмѣстѣ съ ними и всему тому, что основано было на преданіи и рутинѣ, объявляется въ массахъ смертельная вражда во имя разума; за то въ высшихъ классахъ общества всѣ идеальныя потребности дѣлаются предметомъ посмѣянія; цѣну получаютъ только требованія болѣзненнаго, пресыщеннаго наслажденіями чувства. Безнравственность и пресыщеніе сверху, страданіе и ожесточенное возстаніе снизу— вотъ состояніе эпохи, эпохи всеобщаго разложенія.

Главнымъ двигателемъ внѣшней, международной политики въ это время на западѣ Европы является тотъ же Фридрихъ Великій, глава и внутреннихъ реформаторовъ, давшій своимъ саномъ право гражданства ихъ идеямъ. Войною за австрійское наслѣдство онъ вдвигаетъ свое государство въ число первостепенныхъ державъ, семилѣтнюю войною утверждаетъ за нимъ это первенство, наконецъ, въ войнѣ и дипломатическихъ конгрессахъ по дѣлу о баварскомъ наслѣдствѣ является блюстителемъ независимости германскихъ князей противъ австрійскаго дома. Франція измѣняетъ своей двухвѣковой системѣ вражды противъ австрійскаго дома и въ союзѣ съ нимъ возстаетъ противъ нововводителя Фридриха, который желалъ создать новую точку опоры въ германскомъ равновѣсіи изъ своего прусскаго королевства и ввелъ въ систему международныхъ отношеній новое начало такъ называемаго *округленія*. Англія, ставши первостепенною морскою державою, бдитъ неусыпно за равновѣсіемъ, а подъ конецъ этого періода выдерживаетъ упорную борьбу съ своими сѣверо-американскими колоніями: признаетъ ихъ независимость и служитъ проводникомъ къ соединенію старо-европейской гражданственности съ едва возникающею гражданственностію Новаго свѣта. По сильному вліянію Фридриха II на внутреннюю и внѣшнюю жизнь Европы мы можемъ назвать этотъ отдѣлъ втораго періода *вѣкомъ Фридриха Великаго*.

Въ *сѣверо-восточной* Европѣ первенствующею державою является Россія, въ которой сила исторіи и Екатерина II, послѣдняя, неловко копируя Фридриха II, продолжаютъ преобразованія. Европеизмъ распространяется на поверхности, въ высшихъ классахъ русскаго общества, прикрывая европейскою обо-

лочкою ихъ старинное невѣжество. Екатирана II, императрица своего вѣка и въ то же время императрица русская, не упуская изъ виду до сихъ поръ исключительно восточнаго направленія русской дипломатіи, стремилась сдѣлать его болѣе германскимъ, центрально-европейскимъ. Уже Петръ намѣтилъ политикѣ с.-петербургскаго кабинета главный пунктъ вліянія въ Константинополѣ; Екатерина, довершивъ въ этомъ отношеніи планъ Петра, указала ей сверхъ того другой пунктъ, съ котораго она могла бы въ послѣдствіи утвердить свое вліяніе на европейскій западъ: этотъ пунктъ—Польша. Въ тоже время она впервые измѣнила пассивное участіе Россіи въ дипломатіи европейской на участіе болѣе дѣятельное. Ея дипломатическія сношенія внесли въ международное право Европы два важные, но одинаково законные принципа: начало *вооруженнаго вмѣшательства*, выработанное въ вопросѣ польскомъ, и начали *вооруженнаго нейтралитета*, выработанное при рѣшеніи вопроса сѣверо-американскаго.

ИСТОРІЯ ФРАНЦІИ.

I.

Вѣкъ Людовика XIV (1661—1715)

1. *Личность короля и понятіе его о государствѣ.* Людовикъ XIV родился 1-го сентября 1638 г. въ Сенъ-Жерменѣ (en Laye). Воспитаніе его было весьма небрежно: въ немъ не было ни порядка, ни цѣли, ни общаго направленія. При всѣхъ недостаткахъ воспитанія, онъ умѣлъ удивительно импозантно разыгравать роль короля. Людовикъ XIV не могъ помнить себя иначе, какъ королемъ Франціи: 5-ти лѣтъ онъ уже наслѣдовалъ престолъ, и дѣтство его было окружено политическими бурями, среди которыхъ выработался властолюбивый характеръ короля. Онъ не участвовалъ въ движеніяхъ Фронды, но былъ свидѣтелемъ униженія своей власти и потому возненавидѣлъ противодѣйствіе, когда пришелъ въ возрастъ. Хитрый Мазарини лучше другихъ разгадалъ своего воспитанника. Въ предсмертныхъ томленіяхъ, на утѣшенія однаго придворнаго, говорившаго, что ему еще долго жить, что всѣ молятся объ его выздоровленіи, кардиналъ, обративъ къ утѣшителю искаженное смертію лице, охриплымъ голосомъ сказалъ: „правда ли что всѣ желаютъ моего выздоровленія? Вы не знаете, не знаете ничего: есть человѣкъ, который ожидаетъ съ нетерпѣніемъ моей смерти; такъ лучше умирать сегодня, чѣмъ завтра“.

Еще не прекратился колокольный звонъ въ старой церкви Венсенскаго замка, возвѣщавшій смерть Мазарини (4-го мая 1661 г.), когда Людовикъ немедленно созвалъ кабинетный совѣтъ въ Луврѣ и объявилъ, что съ этой минуты нѣтъ перваго министра и что онъ самъ будетъ заниматься всѣми дѣлами. *„Государство— это я!“* въ этихъ краткихъ словахъ выразилась вся его система, которую развивалъ онъ съ такою твердостію и поддерживалъ съ такимъ постоянствомъ. Въ своемъ наставленіи дофину король подробнѣе развиваетъ свою идею о королевской власти: „только одинъ Богъ требуетъ отчета отъ королей въ ихъ поступкахъ. Король намѣстникъ Бога на землѣ, и всѣ подданные ему повинуются. Онъ источникъ силы, милости и правосудія; онъ законодатель и исполнитель; ему одному принадлежитъ слава и величіе государства“. Этой идеѣ о королѣ вполнѣ соотвѣтствовали: наружность, личный характеръ государя и его идея о себѣ самомъ какъ королѣ Франціи. Ему было тогда 23 года; онъ былъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ; былъ строенъ, имѣлъ наружность благородную, импозантную. Одаренный умомъ живымъ, характеромъ пылкимъ, онъ до такой степени пріучилъ себя къ важности, къ размѣренности во всѣхъ словахъ, что говорилъ медленно, какъ бы размышляя надъ каждымъ словомъ. При самыхъ быстрыхъ, многосложныхъ и важныхъ рѣшеніяхъ, онъ удивительно владѣлъ собою; поражая или милуя, онъ сохранялъ спокойный видъ, и, разъ изъявивши волю свою, не измѣнялъ ея. Самыя даже слабости свои онъ дѣлалъ закономъ для своихъ приближенныхъ, потому, что, олицетворяя въ себѣ государство, Людовикъ имѣлъ увѣренность глубокую и, можно сказать, простодушную, что онъ земной богъ—и, какъ земной богъ, не можетъ погрѣшать, не можетъ быть судимъ. Отъ того всякое противорѣчіе, всякое сужденіе объ немъ было для него несноснымъ. Знаменитый маршалъ Вобанъ, оказавшій громадныя услуги Франціи, подвергся немилости, когда написалъ книгу о налогѣ, и умеръ въ неутѣшной скорби. Людовикъ XIV, вѣрный своей системѣ, по которой избралъ себѣ девизомъ солнце, почиталъ себя миѳологическимъ существомъ и соблюдалъ этикетъ до такой степени, что передъ своею смертію, въ постелѣ занимаясь дѣлами, скрывалъ свои страданія и говорилъ: короли не бываютъ больны!

Посмотримъ теперь, какими средствами Людовикъ XIV привелъ въ исполненіе свою систему.

2. *Установленіе политической централизаціи.* Со времени Филиппа II Красиваго, Франція представляла монархію, въ которой король раздѣлялъ власть съ états généraux, состоявшими изъ трехъ сословій: дворянства, духовенства, и средняго сословія, и пользовавшимися властію законодательною. Вся послѣдующая исторія представляетъ постепенное ослабленіе могущества сословій. Генеральные штаты не были созываемы съ 1614 года. Когда генеральные штаты перестали быть созываемы, парламентъ парижскій, воспользовавшись правомь вносить эдикты королевскіе въ свои протоколы (l'enregistrement de l'edict), вздумаль было разсуждать и отказывать имъ въ одобреніи, слѣдовательно стремился изъ высшаго судебнаго мѣста сдѣлаться высшимъ законодательнымъ мѣстомъ. Но уже при Мазарини королевская власть противопоставляла притязаніямъ парламента созваніе lit de justice, въ которомъ король лично могъ дать своему эдикту силу закона.

Людовикъ XIV рѣшился возвратить парламентамъ прежній кругъ дѣйствія и даже стѣснить его: въ 1673 году издано королевское повелѣніе (ordonance), которымъ парламенту поставлялось въ обязанность каждое новое постановленіе и каждый законъ вносить въ свои протоколы безъ малѣйшей проволочки и измѣненій; уже по внесеніи онаго, въ теченіи 8 дней, могъ парламентъ представлять королю свои возраженія (remontrances) и, если эти послѣднія будутъ отвергнуты королемъ, то законъ получаетъ всетаки свою силу и новыя возраженія мѣста уже не имѣютъ.

Уничтоживъ значеніе парламентовъ, Людовикъ стремился отнять свою силу и значеніе у городской магистратуры и поставить ее въ совершенную зависимость отъ короны, посредствомъ продажи всѣхъ городскихъ должностей: мэровъ, эшевеновъ и т. п., зависѣвшихъ прежде отъ выбора гражданъ. Не смотря на великолѣпныя фразы, которыми обставленъ былъ эдиктъ, уничтожившій выборы, горожане хорошо понимали, что чиновникъ—покупщикъ, покупая мѣсто, пускалъ въ оборотъ свой капиталъ на ихъ счетъ, на счетъ горожанъ, и проценты и барыши будутъ платить они же горожане, а никто другой. Хотя при этомъ нѣкоторые города сохранили древнее устройство, но уже какъ привилегію, какъ милость короля, и это неравенство только производило раздоръ между тѣми, у которыхъ отнято было право, и тѣми, которымъ оно было оставлено. Можно было предвидѣть, что такое положеніе дѣлъ, наконецъ, вызоветъ со стороны средняго сословія сильное возраженіе, тѣмъ болѣе, что, вслѣдствіе развитія промышлен-

ности и роскоши придворной, параллельно разоренію аристикратіи рода, поднималось значеніе аристократіи капитала и аристократіи ума. Можно было предвидѣть, что, при первыхъ нуждахъ, когда разоренное войнами правительство потребуетъ денегъ, среднее сословіе потребуетъ правъ. Однакожъ Людовикъ XIV достигъ своей цѣли: политическое значеніе средняго сословія вполнѣ поглощено было его властительнымъ *я* (moi).

Вскорѣ за среднимъ сословіемъ послѣдовало и духовенство: и оно перестало существовать, какъ классъ самостоятельный и самобытный. Моральная сила духовенства давно уже не имѣла средневѣковаго значенія, но оно обладало огромными имѣніями, плодами средневѣковой набожности, оно пользовалось большими привилегіями. Короли французскіе, еще со времени Людовика IX, стремились поставить галликанскую церковь въ независимость отъ папъ и подчинить ее своему вліянію; но только Людовику XIV удалось вполнѣ достигнуть своей цѣли. Сильнаго помощника нашелъ онъ себѣ въ славномъ Боссюэтѣ, епископѣ мосскомъ. Боссюэтъ сначала содѣйствовалъ утрерherжденію власти короля теоретически, поставивъ ее внѣ всякаго ограниченія въ своемъ сочиненіи „Politique tirée des propres paroles de l'Ecriture". Потомъ этотъ же Боссюэтъ былъ главнымъ двигателемъ при рѣшеніи вопроса о королевской регаліи на церковныя имущества. Дѣло было вотъ въ чемъ: право короля (regale) пользоваться доходами вакантной епархіи и раздавать зависѣвшія отъ нея бенефиціи, право, предоставленное королю прежними конкордатами только въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, Людовикъ старался распространить на провинціи, въ которыхъ оно не имѣло никогда силы. Иннокентій XI два раза увѣщалъ короля, но напрасно: въ третій разъ грозилъ и королю и духовенству. Угрозы еще менѣе подѣйствовали: всѣ тогдашнія свѣтила католицизма во Франціи приняли сторону короля. Наконецъ, соборъ духовенства французскаго, волею, а отчасти неволею, разорвалъ союзъ съ папою: посредствомъ декларации 1682 г. полагалось, что рѣшенія папы, даже въ вопросахъ вѣры, обязательны для Французовъ только тогда, когда послѣдуетъ соизволеніе государственной церкви. Послѣ долгихъ споровъ папа уступилъ право бенефицій королю, а король уничтожилъ декларацію. Захвативъ окончательно въ руки свои раздачу бенефицій, Людовикъ XIV всѣмъ располагалъ по произволу и весьма часто назначалъ пенсіи изъ епископствъ и аббатствъ людямъ свѣтскимъ и вовсе непринадлежившимъ къ духовному званію. Дворянскія

фамиліи воспользовались этимъ и смотрѣли на духовныя мѣста, какъ на собственность: младшія дѣти посвящаемы были въ духовное званіе и тотчасъ дѣлались епископами. Въ короткое время все высшее духовенство стало слагаться изъ аристократіи и людей, могшихъ купить званіе за деньги, потому что при Людовикѣ XIV введена была продажа и духовныхъ мѣстъ. Этимъ аристократизмомъ духовенство не поддержало своего значенія, ибо уже и свѣтская аристократія была придавлена королемъ; оно только потеряло свою независимость отъ короля, свое значеніе въ народѣ и, сдѣлавшись придворнымъ, перестало быть народнымъ. Духовные приняли и всѣ обычаи двора, сдѣлались тѣми же спутниками блистательнаго солнца—короля, какъ и свѣтская аристократія, принимали участіе въ придворныхъ интригахъ и похожденіяхъ, не радѣли о богословскомъ образованіи, о церковныхъ требахъ, о своихъ епархіяхъ, которыя рѣдко даже посѣщали, однимъ словомъ, духовенство всего менѣе заботилось о духовномъ, а всего болѣе о ласковой улыбкѣ Людовика XIV. Такое положеніе духовенства уничтожило къ нему уваженіе въ народѣ,—уваженіе, бывшее когда-то одною изъ могучихъ опоръ его власти. Людовикъ XIV достигъ однакожъ своей цѣли: духовенство какъ сословіе, подобно среднему, вполнѣ поглощено было его властительнымъ *я* (moi).

Оставалось д в о р я н с т в о. Чтобы добить окончательно аристократію, Людовикъ рѣшился: 1) оторвать ее отъ провинцій и привязать къ своему двору, 2) разорить ее, 3) отвлечь ея вниманіе отъ внутреннихъ возстаній и вмѣстѣ отцѣдить нѣсколько старинной дворянской крови во внѣшнихъ войнахъ, 4) деморализировать ее. Онъ вполнѣ зналъ характеръ Французовъ: при немъ noblesse продала за шитый кафтанъ феодальныя убѣжденія, такъ точно, какъ при Наполеонѣ III, буржуазія за шитые кафтаны продала республиканскія и соціальныя убѣжденія.

Видя въ себѣ, въ королѣ, лицо въ нѣкоторомъ родѣ миѳологическое, считая себя внѣ всего и выше всего, Людовикъ требовалъ для себя мѣстопребыванія, поставленнаго выше самой столицы, великолѣпіемъ превосходящаго все, что только было великолѣпнаго во Франціи. Онъ создалъ Версаль. Здѣсь въ придворной жизни, являясь во всемъ величіи и блескѣ, Людовикъ XIV въ миніатюрѣ осуществилъ принятый имъ девизъ солнца, освѣщающаго землю, съ надписью „nec pluribus impar“. Дѣйствительно,

его дворъ былъ копiею системы Коперника: Людовикъ былъ солнце; а всѣ знаменитости Францiи—планеты, которыя, не имѣя своего собственнаго блеска, должны были довольствоваться тѣмъ, который заимствуютъ отъ солнца. А потому всѣ стремились теперь ко двору и стремились тѣмъ сильнѣе и ревностнѣе, чѣмъ труднѣе былъ доступъ къ нему. Такъ какъ трудность доступа еще болѣе возвышала цѣну его, то Людовикъ, вполнѣ понимая природу человѣка вообще и особливо Француза, постарался сдѣлать какъ можно заманчивѣе жизнь при дворѣ и какъ можно болѣе затруднить доступъ ко двору, подчинивъ все самому строгому этикету. Лицо короля было священно, его жилище недоступно, никто не могъ его видѣть, никто не могъ съ нимъ говорить безъ особаго позволенiя. Находиться при его особѣ считалось величайшимъ отличiемъ: только принцамъ крови, да важнѣйшимъ сановникамъ, облеченнымъ въ званiе перовъ, и кавалерамъ вновь учрежденнаго ордена св. Духа предоставлено было право присутствовать при пробужденiи и при туалетѣ короля. Швейцаръ, стоявшiй предъ королевскою спальнею, котораго вся обязанность, весь разговоръ состоялъ въ словахъ: „passez messieurs, passez mesdames, rétirez vous!“ былъ предметомъ уваженiя и щедрости гордыхъ феодаловъ. Голосъ его разгонялъ толпу маркизовъ, графовъ, герцоговъ, маршаловъ. При наступленiи каждаго вечера, по установленному обычаю, придворные спѣшили въ комнату швейцара (oeil de boeuf) и тѣснились у запертой двери, ожидая чести быть приглашенными къ ужину; послѣ двухъ часоваго ожиданiя, камердинеръ Бонтанъ являлся со спискомъ въ рукѣ и провозглашалъ семь или восемь именъ. Счастливцы входили, дверь затворялась, а швейцаръ спокойно говорилъ прочимъ: rétirez vous! и они удалялись, часто даже monseigneur'ы удалялись въ унынiи, но безъ противорѣчiя. Многiе 40 лѣтъ ежедневно подходили напрасно къ неблагодарной двери, многiе умерли прежде, чѣмъ она для нихъ отворилась. При такомъ этикетѣ, самые древнiе аристократическiе дома смирили свою гордость и, какъ величайшей почести, искали какой-нибудь изъ тѣхъ безчисленныхъ должностей, которыя Людовикъ учредилъ при своемъ дворѣ. Одно храненiе гардероба его занимало сотни чиновниковъ, и Роганы, Тремуйлли, Монморанси, добивались чести быть хранителями чулковъ и башмаковъ Людовика XIV.

Неописанное великолѣпiе, роскошь и расточительность придворной жизни, которыя сдѣлали Версаль однимъ изъ страшныхъ

бѣдствій для Франціи, ибо поглотили огромныя богатства, были также средствомъ къ подавленію политическаго значенія дворянства: цѣль этихъ безпрестанныхъ празднествъ, цѣль этой роскоши въ одеждѣ и вообще въ общежитіи состояла въ томъ, чтобы привязать аристократію окончательно ко двору, убить изнѣженностію морально-независимый духъ ея, отвратить ее отъ воинственной самостоятельной жизни въ замкахъ и, разоривъ ее матеріально, отнять послѣднюю опору ея самостоятельности и поставить въ совершенную зависимость отъ королевскихъ щедротъ и милостей.

Этикетомъ и роскошью король вполнѣ достигъ своей цѣли: аристократія изъ феодально-территоріальной стала вполнѣ монархическо-придворною. Гордые прежде жантильомы оставляли свои замки и помѣстья для Версаля, разрывали историческую связь съ своими провинціями для новой связи съ дворомъ; на древнія дѣдовскія жилища съ ихъ вѣковыми лѣсами смотрѣли теперь, какъ на мѣста ссылки, изгнанія; стѣны многихъ замковъ были разрушены, рвы засыпаны, и постройки въ стилѣ королевскихъ дворцовъ заступили мѣсто феодальныхъ замковъ.

Но Людивикъ не могъ же всѣхъ дворянъ помѣсить ко двору своему и потому-то, пользуясь страстью французовъ ко gloire militaire, къ bruit du canon, открылъ имъ обширное поприще въ своихъ арміяхъ. Королевскія арміи въ нѣсколько лѣтъ доведены были до неслыханной прежде численной силы. Король послалъ многихъ дворянъ въ отдаленныя экспедиціи; они должны были погибнутъ тамъ вмѣстѣ съ солдатами фронды, испорченными въ междоусобныхъ войнахъ. Дворянство по прежнему было военною опорою государства, но уже феодалы не выводили собственныхъ войскъ изъ своихъ вассаловъ, а шли сами въ войска королевскія, какъ простые солдаты. Самая большая часть дворянъ поступила въ арміи, вновь сформированныя изъ людей молодыхъ до такой степени, что одинъ острякъ сказалъ: „армія будетъ хороша, когда пріидетъ въ совершенный возрастъ!“ Здѣсь молодежь привыкла къ новой субординаціи и строгой дисциплинѣ, которыя были впервые введены во французскія войска. Для воспитанія молодаго поколѣнія въ новомъ духѣ заведены были военныя школы.

Кончилось тѣмъ, что дворянство: 1) потеряло свой мѣстный характеръ, 2) разорилось матеріально, 3) порѣдѣло въ членахъ, 4) обмельчало въ способностяхъ и стремленіяхъ и, хотя все еще сохранило древнія привилегіи, но эти привилегіи, не давая ему силы, только возбуждали къ нему ненависть въ простомъ народѣ

и въ буржуазіи, которые ненавидѣли его за прежнюю гордость, теперь уже пустую, за то, что оно освобождено было отъ тягостей налога, падавшаго всею силою на низшія сословія.

Образованіе политическаго единства было достигнуто.

3. *Установленіе религіознаго единства.* Строго преслѣдуя свою систему сліянія государства въ лицѣ государя, Людовикъ XIV былъ убѣжденъ, что единство религіозное, для осуществленія его идеи государства, также необходимо, какъ и единство политическое. Планъ обобщенія религіозныхъ вѣрованій былъ расчитанъ глубоко и вѣрно, какъ всѣ планы короля. Онъ начинается съ того времени, когда онъ сказалъ: l'état c'est moi и постепенно развивается до 1685 года, когда нанесенъ былъ гугенотамъ рѣшительный ударъ уничтоженіемъ нантскаго эдикта. Нельзя было, среди заботъ и трудностей внѣшнихъ войнъ, поразить вдругъ религію, считавшую 1,200,000 послѣдователей, сохранившихъ суровый и воинственный духъ. Надо было постепенно переходить отъ средствъ мягкихъ къ болѣе крутымъ мѣрамъ, отъ преслѣдованія моральнаго къ преслѣдованію матеріальному. Такъ и сдѣлалъ Людовикъ.

Король думалъ ускорить переходъ гугенотовъ въ католичество сначала посредствомъ предоставленія особыхъ льготъ и привилегій тѣмъ, которые обращались въ католицизмъ, и посредствомъ проповѣди. Отъ этихъ мѣръ, по наружности снисходительныхъ, перешли къ другимъ, болѣе крутымъ. Во-*первыхъ*, давая привилегіи обращеннымъ, стали стѣснять права необращенныхъ. Во-*вторыхъ*, мирная проповѣдь скоро обратилась въ вооруженныя, насильственныя обращенія. Интенданты получили приказаніе устроить цѣлыя странствующія миссіи и посылать ихъ изъ провинціи въ провинцію для проповѣди, подкрѣпляя ихъ въ случаѣ нужды вооруженною силою. У гугенотовъ отнимали храмы, священниковъ, отнимали средства крестить своихъ дѣтей по своему обряду, совершать браки и погребенія, отправлять богослуженіе. Ребенку, едва начинавшему понимать себя, предоставлялось право объявить свое религіозное убѣжденіе и, если онъ объявлялъ, что хочетъ быть католикомъ, то онъ освобождался отъ родительской власти и воспитываемъ былъ на счетъ родителей съ католическихъ монастыряхъ. Въ *третьихъ*, гугенотамъ запрещены были всякія собранія съ религіозною, благотворительною и промышленною цѣлью. Наконецъ, въ 1684 году правительство, подъ предлогомъ строгаго присмотра за поведеніемъ гугенотовъ и подъ предлогомъ обыкновеннаго постоя, размѣстило въ гугенотскихъ домахъ отряды дра-

гуновъ (dragonades). Эта послѣдняя мѣра произвела страшныя, возмущающія душу явленія. Размѣщая на постой къ гугеноту значительное число самыхъ буйныхъ драгуновъ, министръ Лувуа объявилъ имъ, что король желаетъ, чтобы съ каждымъ упорствующимъ въ своей вѣрѣ и удерживающимъ въ ней другихъ гугенотомъ было поступаемо самымъ строгимъ образомъ. Жестокости и мерзости драгуновъ съ бѣдными мирными жителями превосходятъ даже ужасы, произведенные въ Германіи солдатами Валленштейна. При дворѣ радовались частымъ и многочисленнымъ обращеніямъ. Гораздо серьезнѣе смотрѣлъ на эти обращенія Фенелонъ: „несчастные гугеноты впадаютъ въ индеферентизмъ религіозный. Стоитъ имъ только показать драгуновъ, чтобы заставить ихъ отречься отъ Христа и принять коранъ. Едва ли объ одномъ изъ нихъ можно сказать, чтобы его обращеніе было внутреннее, задушевное.“

Наконецъ, когда все было приготовлено, когда энергія гугенотовъ была повидимому убита преслѣдованіями, король рѣшился порѣшить окончательно съ гугенотами и уничтожитъ нантскій эдиктъ, который уже болѣе трехъ лѣтъ не имѣлъ значенія и оставался пустою буквою безъ смысла. Подписывая 25 октября 1685 г., вмѣстѣ съ другими членами королевскаго совѣта, постановленіе объ уничтоженіи нантскаго эдикта, канцлеръ Летелье, состарѣвшійся въ идеяхъ Людовика XIV, громко воскликнулъ: „нынѣ, Господи, отпущаеши раба твоего съ миромъ!“ Парламентъ безъ отговорки внесъ въ свои протоколы новый законъ, котораго существенное содержаніе состояло въ слѣдующемъ: нантскій эдиктъ, какъ законъ безполезный, уничтожается, дабы истребить и самую память о прежнихъ безпокойствахъ и о вредоносной ереси. Вслѣдствіе чего, всякое реформатское богослуженіе прекращалось въ государствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ строго запрещены были всѣ собранія въ частныхъ домахъ съ религіозною цѣлью. Школы гугенотовъ были закрыты, дѣти ихъ отданы на воспитаніе вмѣстѣ съ дѣтьми католиковъ. Эмиграціи запрещались подъ страхомъ ссылки на галеры и конфискаціи имуществъ, половина коихъ предоставлялась доносчикамъ.

Но убѣжденія религіозныя также трудно, если не болѣе, сломать разомъ, какъ трудно сломать убѣжденія политическія. Уничтожая политическое значеніе сословій, Людовикъ XIV оканчивалъ дѣло, начатое вѣка за два до него и значительно уже подвинувшееся впередъ, когда онъ вступилъ на престолъ. Не то было съ уничтоженіемъ религіозной партіи. Ея убѣжденій не касался даже

могучій Ришелье: онъ коснулся только политической самостоятельности. Стало быть, тутъ Людовикъ XIV долженъ былъ не добивать старое, но убивать вновь, и оппозиція, встрѣченная имъ въ религіозной партіи, была сильнѣе оппозиціи сословій.

Эмиграція и вызовъ имущества заграницу были строго запрещены, но напрасно. Образовались для этого тайныя общества. Голландцы и Датчане помогали своимъ единовѣрцамъ выселяться. Что касается до денегъ, то онѣ обращаемы были въ билеты амстердамскаго и лондонскаго банковъ и уплывали изъ рукъ казны или католиковъ—претендентовъ на наслѣдства; одни недвижимыя имущества гугенотовъ дѣлались предметомъ конфискацій. Болѣе 50,000 семействъ или 250,000 лицъ, самыхъ промышленныхъ, оставили Францію и перенесли свои знанія, руки и ненависть къ Людовику въ Пруссію, Савойю, Англію, Голландію. Дѣятельность полиціи была неутомима въ преслѣдованіи непокорныхъ: въ теченіи долгаго времени только тѣмъ и занималась она, какъ бы слѣдить, находить, наказывать и истреблять гугенотовъ. Мѣры употребляемы были самыя суровыя. Подобнаго рода война противъ мирныхъ подданныхъ продолжалась нѣсколько лѣтъ.

Что говорило общественное мнѣніе во Франціи объ уничтоженіи нантскаго эдикта мы не знаемъ, знаемъ только, что придворное мнѣніе, которое единственно и существовало въ это время во Франціи, по обыкновенію превозносило Людовика до небесъ. Художники изображали его попирающимъ стоглавую гидру, ученыя общества и академія превозносили въ немъ новаго Константина св. и Өеодосія; Буало пѣлъ:

L'univers sous ton règne: y-a-t-il des malhereux?

наконецъ, Боссюэтъ восклицалъ: „да возрадуется сердце наше кротости Людовика! да вознесутся хвалы наши до небесъ! И да возглаголемъ мы этому новому Константину, этому новому Өеодосію, этому новому Марціану, какъ нѣкогда говорили 630 отцевъ церкви на соборѣ въ Халкедонѣ: ты утвердилъ вѣру, ты истребилъ ересь! Это достойнѣйшее дѣло твоего царствованія, это его благороднѣйшая черта. Царю Небесный, сохрани царя земнаго!— вотъ молитва церкви, молитва епископовъ“.

Но съ религіозною партіею не такъ легко было управиться, какъ съ политическою. Полмилліона реформаторовъ остались во Франціи, или противупоставляя жестокимъ эдиктамъ мученическое терпѣніе и геройство, или ускользая отъ преслѣдованій притворною покорностію. Но въ сердцахъ таилась привязанность къ старой

вѣрѣ, и долго питаемая въ тайнѣ ненависть къ притѣснителямъ ждала только случая проявиться въ страшномъ возстаніи. Въ 1702 г., когда Франція находилась въ самомъ критическомъ положеніи отъ пораженій и несчастной войны съ Европою, въ Венсенскихъ горахъ вспыхнулъ бунтъ *Камизаровъ*, какъ реакція страшнымъ религіознымъ преслѣдованіямъ Людовика. Инсургенты, подъ предводительствомъ *Жана-Ковалье*, стали истреблять католическое духовенство, разломали тюрьмы и освободили несчастныхъ заключенныхъ своихъ единовѣрцевъ. Скоро бунтъ разлился по цѣлому Лангедоку. Горячія головы, пророки и пророчицы питали одушевленіе и ненависть въ народѣ; иноземцы давали помощь инсургентамъ деньгами и людьми. Король посылалъ одного за другимъ трехъ своихъ маршаловъ. Наконецъ, строгостію и твердостію усмирено было возмущеніе. Въ этой междоусобной войнѣ погибло до 100,000 солдатъ въ битвахъ, а 10,000 гугенотовъ отъ руки палача или въ пыткахъ. Лангедокъ долго оставался пустынею.

Людовикъ радовался, думая, что религіозное единство окончательно было достигнуто во Франціи; но въ нѣдрахъ самой господствующей церкви открылся расколъ, по поводу ученія объ участіи благодати и свободной воли въ дѣлѣ душевнаго спасенія человѣка. Споръ шелъ между іезуитами, которые поддерживали ученіе о полной свободѣ человѣческой воли, проповѣданное членомъ ихъ ордена *Молиною*, потому что на этой теоріи опиралось ихъ безнравственное ученіе о грѣхѣ, и между *янсенистами*, т. е. послѣдователями епископа *Янсенія*, который принималъ фаталистическую теорію о предопредѣленіи и объ исключительномъ участіи благодати въ дѣлѣ спасенія. Папа осудилъ сочиненіе Янсенія; но оно нашло себѣ довольно послѣдователей между людьми строго нравственными, которыхъ возмущала казуистика іезуитовъ и растлѣнная жизнь высшаго общества при Людовикѣ. Недалеко отъ Парижа, въ Port-Royal aux Champs, образовали они особое литературно-духовное братство, считая въ средѣ своей ученаго правовѣда Арно съ его семействомъ, остроумнаго Паскаля, казнившаго безпощадно въ своихъ сочиненіяхъ іезуитовъ, и много другихъ послѣдователей между членами парламента. Людовикъ XIV велѣлъ разогнать братство, но этимъ дѣло не кончилось. Осужденіе одного янсенитскаго сочиненія буллою Unigenitus возобновило споръ гораздо сильнѣе прежняго. Парламентъ отказалъ внести буллу въ протоколы. Людовикъ XIV еще разъ смирилъ непокор-

ныхъ, но только черезъ 15 лѣтъ послѣ его смерти побѣждены были послѣдніе янсенисты.

4) *Административная централизація.* Сокрушивъ самостоятельность сословій, Людовикъ XIV построилъ управленіе государства на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ. Король сообщаетъ свои повелѣнія министрамъ, которые образуютъ совѣтъ его и между которыми распредѣлены всѣ отрасли государственнаго управленія: юстиція и полиція, финансовое и вообще хозяйственное управленіе, военныя силы, морскія силы и, наконецъ, иностранныя дѣла. Министры передаютъ распоряженія провинціальнымъ и мѣстнымъ властямъ: по части судной—парламентамъ, бальи и сенешалямъ; по части финансовой, хозяйственной и вообще распорядительной—интендантамъ провинцій; по части военной—губернаторамъ. Дипломатическіе агенты при дворахъ получаютъ повелѣнія непосредственно отъ короля или министра. Такимъ образомъ правительственныя распоряженія съ точностью и скоростью расходятся отъ центра—Версаля—по окружнымъ частямъ государства и, наоборотъ, съ такою же точностію и скоростію, посредствомъ тѣхъ же парламентовъ, интендантовъ, губернаторовъ и дипломатическихъ агентовъ, непосредственно обращаются къ министрамъ, а черезъ нихъ къ королю.

Вотъ остовъ той машины, которой главною пружиною, главнымъ регуляторомъ былъ тотъ же король, говорившій l'état c'est moi.

Къ приведенію въ исполненіе системы государственнаго управленія удивительно примѣнены были и самыя личности набранныхъ Людовикомъ министровъ. Одни изъ нихъ, люди способные, не выдавались рѣзко изъ обыкновеннаго круга; другіе имѣли маскировать свою способность полнымъ угодничествомъ королю. Двѣ фамиліи—*Летеллье* и *Кольбера*, изъ которыхъ Людовикъ исключительно бралъ министровъ, пріобрѣли чрезъ это огромное вліяніе и богатство и были сильнѣе, чѣмъ замѣчалъ властолюбивый король.

Летеллье, государственный канцлеръ, былъ совершенно по плечу Людовику XIV, потому что боготворилъ его королевское величіе и превосходство и былъ умный и точный исполнитель. Въ такихъ же идеяхъ и воспиталъ Летеллье своего старшаго сына маркиза *Лувуа*. Представляя молодого человѣка къ двору, онъ сказалъ: „государь, примите моего сына, пусть онъ будетъ воспитанникомъ и отблескомъ вашей мудрости“. Король назначилъ Лувуа военнымъ министромъ и скоро убѣдился, что нашелъ въ

немъ вѣрнаго, умнаго и скораго исполнителя своихъ плановъ, который, убивъ окончательно феодальную военную систему, создалъ для Людовика новое монархическое войско, рѣзко отдѣленное отъ прочаго народонаселенія и однообразною одеждою, и особеннымъ устройствомъ, и своими нравами и убѣжденіями. Такое войско, слѣпое орудіе власти, имѣющее свою теорію служебной нравственности и чести, символомъ которой былъ мундиръ, появилось впервые при Людовикѣ. Пѣхота получила новое оружіе въ штыкѣ, скоро обратившемся въ существенную часть ружья, такъ что Морицъ Саксонскій говорилъ: ружье только рукоятка штыка. Улучшены были средства оборонительной и наступательной войны изобрѣтеніемъ бомбъ, которыя довершили притязанія Людовика XIV на сходство съ Зевсомъ громовержцемъ, и постройкою крѣпостей по системѣ славнаго инженера *Вобана*. Въ случаѣ нужды Людовикъ могъ выставить до 800,000 войска, содержаніе котораго поглощало громадныя суммы. Лувуа создалъ сухопутное войско, а маркизъ *Сеньеле* флотъ изъ 100 линейныхъ кораблей, (тогда какъ англійскій состоялъ изъ 60) и систему морскихъ укрѣпленій въ Рошфорѣ, Брестѣ, Дюнкирхенѣ, Тулонѣ. Сухопутныя войны выдвинули замѣчательныхъ тактиковъ *Тюреня, Конде, Луксанбурга*; въ морской войнѣ прославилися *Жанъ Бартъ*, прозванный волкомъ морскимъ, *Дюго-Труэнъ*, *Дю-Кенъ* и др.

Вторая опора системы абсолютизма—*тайная полиція* является впервые при Людовикѣ XIV. Правильная огранизація ея принадлежитъ *Ла Рейни*, который, посредствомъ безчисленныхъ агентовъ своихъ, пріобрѣлъ извѣстность всевѣдущаго человѣка, бича всѣхъ воровъ и мошенниковъ, а не рѣдко и честныхъ людей.

Управленіе *финансами*, при началѣ самодержавія Людовика, находилось въ рукахъ *Фуке*, человѣка съ характеромъ независимымъ и огромными матеріальными средствами, человѣка нисколько не гармонировавшаго съ понятіемъ короля о министрѣ-исполнителѣ. Фуке успѣлъ составить себѣ многочисленную партію, щедро награждая своихъ приверженцевъ и великолѣпно покровительствуя искусствамъ. Обладая самъ большими богатствами, онъ давалъ царскія празднества въ пышномъ замкѣ Во. Послѣ одного изъ такихъ праздниковъ, король уходя, съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ приказалъ взять подъ стражу Фуке и всѣхъ его родственниковъ. Министръ былъ посаженъ въ Бастилію и погибъ въ неизвѣстности: къ нему примѣнили анекдотъ о желѣзной маскѣ. Мѣсто Фуке занялъ *Жанъ Баптистъ Кольберъ*, слава и украшеніе

царствованія Людовика. При Мазарини онъ занималъ довольно невидное мѣсто въ отдѣленіи министерства финансовъ. Умирая Мазарини завѣщалъ королю сокровище, какъ онъ самъ выражался, гораздо драгоцѣннѣйшее всѣхъ денегъ,—человѣка невиднаго, никогда не улыбавшагося, съ угловатыми манерами —Кольбера. Съ виду ломовая лошадь, труженникъ—исполнитель и только, Кольберъ скоро доказалъ, что Мазарини не ошибся. Онъ не получилъ научнаго обширнаго образованія, но обладалъ удивительною проницательностію, здравымъ смысломъ и неутомимою любовью къ труду. Это былъ умъ болѣе практическій; всѣ сдѣланныя имъ улучшенія носятъ тотъ же характеръ, а потому иногда односторонни. Кольберъ много сдѣлалъ для Франціи и сдѣлалъ бы еще болѣе, еслибъ не встрѣчалъ противодѣйствія въ честолюбіи и самолюбіи короля, въ интригахъ Лувуа. Подъ конецъ жизни онъ впалъ въ немилость за то, что противился часто невозможнымъ и несправедливымъ требованіямъ Людовика. Послѣднія слова его предъ смертію были: „Не говорите мнѣ ничего о королѣ: если бы я для Бога сдѣлалъ столько, сколько для этого человѣка, то уже десять разъ заслужилъ бы вѣчное спасеніе“, Народъ не любилъ Кольбера, хотя онъ всегда отстаивалъ интересы народа предъ королемъ. Похоронить Кольбера нужно было ночью, чтобы спасти трупъ отъ поруганія. Неблагородность и ненависть современниковъ преслѣдовали его въ могилу насмѣшками.

Разстроенное состояніе, въ какомъ засталъ Кольберъ финансы Франціи, было исходнымъ пунктомъ и побудительною причиною всѣхъ улучшеній Кольбера. Когда онъ принялъ суперъ-интенданство финансовъ по удаленіи Фуке, то круглымъ счетомъ ежегодный дефицитъ былъ въ 28,000,000. Старые налоги были произвольно увеличиваемы сборщиками; новые неблагоразумно были налагаемы на такіе предметы, какъ напр. крещеніе, похороны. Государственныя имущества были заложены и по мѣрѣ того, какъ доходы финансовыхъ откупщиковъ ежедневно возвышались, король и податные ежедневно бѣднѣли.

Кольберъ былъ убѣжденъ, что самое вѣрное средство къ возвышенію государственнаго благосостоянія состоитъ въ открытіи самаго широкаго и свободнаго пути для производства. Въ средніе вѣка корпоративное устройство было единственнымъ средствомъ гарантировать промышленный трудъ отъ притѣсненій феодаловъ и духовенства и доставить ему внѣшнюю свободу. Кольберъ стремился совершить, посредствомъ покровительства и поощренія со

стороны правительства, то, что прежде корпорація совершала собственными силами: дать національному труду внѣшнюю свободу относительно промышленности заграничной. Людовикъ ненавидѣлъ всякую самостоятельность народную, и потому Кольберъ долженъ былъ подчинить единству монархическому и промышленность, такъ какъ ему подчинены были политика, религія, наука.

По мѣрѣ того, какъ провинціи въ административномъ отношеніи должны были тяготѣть къ одному общему центру—Версалю, *пути сообщенія* между ними должны были обратить вниманіе правительства. При Кольберѣ начали приводить въ исполненіе обширный планъ канализаціи. Мысль проэкта была огромна. Парижъ назначенъ былъ центромъ канализаціи; Сена должна была соединять его съ океаномъ, посредствомъ бріарскаго канала и Луары, а посредствомъ Марны и каналовъ могла быть соединена на востокѣ съ Шельдою и Рейномъ. Того же результата можно было добиться на югѣ, посредствомъ канала, который соединялъ бы чрезъ Гаронну Атлантическій океанъ съ Средиземнымъ моремъ. Соединеніе это должно было произвести переворотъ въ торговлѣ, уничтоживъ значеніе пролива Гибралтарскаго. Каналъ Лангедокскій стоилъ 12 милліоновъ. Кромѣ проведенія этого огромнаго канала, улучшена была почтовая гоньба, очищены рѣки, положено начало шоссейныхъ дорогъ около Парижа. Все это памятники заботливости Кольбера для облегченія сообщеній. Его предшественники заботились какъ бы изолировать провинціи Франціи одну отъ другой и Францію отъ Европы, а его система стремилась уничтожить заставы и умножить точки соприкосновеній. Слѣдствіями улучшенія дорогъ были: ослабленіе корпоративной торговли, ибо оно облегчило коммерцію частнымъ лицамъ; паденіе ярмарочной торговли, игравшей такую важную роль въ средніе вѣка, когда ярмарки были единственнымъ средствомъ для торговыхъ сношеній и мѣны.

Устроивъ сообщенія, надо было облегчить самую *внутреннюю и внѣшнюю торговлю*. Однимъ изъ первыхъ министерскихъ распоряженій Кольбера было уравненіе внутреннихъ пошлинъ и учрежденіе порядка при сборѣ ихъ. Эдиктомъ 1664 г. всѣ многообразныя пошлины были сведены къ пошлинамъ съ привоза и съ вывоза товаровъ, которыя были значительно понижены, а прочія, самыя тягостныя, были вовсе уничтожены. Строго запрещены были всѣ притѣсненія, замедленія и проволочки, которыми угнетали проѣзжающихъ по большимъ дорогамъ и рѣкамъ сборщики подорож-

ныхъ пошлинъ (péages). Въ томъ же году Кольберъ совершилъ разсмотрѣніе и реформу таможеннаго тарифа—самый замѣтный пунктъ его экономической дѣятельности, источникъ благоденствія и вмѣстѣ зла для Франціи и для цѣлой Европы. Цѣлью Кольберовой реформы было сдѣлать таможенный тарифъ не столько средствомъ къ увеличенію финансовъ, сколько мѣрою покровительства для національныхъ мануфактуръ. Большая часть предметовъ иноземной фабрикаціи была обложена пошлинами, для того, чтобы предоставить внутренній сбытъ сходнымъ предметамъ національной фабрикаціи. Въ то же время Кольберъ не щадилъ ни жертвъ, ни поощреній, чтобы усилить духъ промышленной производительности во Франціи. Онъ призывалъ изъ-за границы разнаго рода мануфактуристовъ и подчинилъ туземную фабрикацію строгой организаціи, строгимъ правиламъ, чтобы она не задремала, положившись на силу тарифа. Для сего учрежденъ былъ особый совѣтъ выборныхъ, которые разсматривали произведенія фабрикъ. Фабриканты были строго наказываемы за фабрикатъ низшаго достоинства противу законной нормы. Намъ даже трудно понять теперь это обиліе наказаній, которымъ подвергали производителя за химическія и механическія погрѣшности, какъ будто за дѣйствительныя преступленія противъ закона и нравственности. Скоро слава французскихъ *фабрикъ* распространилась по цѣлой Европѣ и утвердилась на рынкахъ всего свѣта. До Людовика Франція пользовалась сукнами Голландіи и Англіи; при немъ аббевильскія суконныя фабрики превзошли и голландскія и англійскія. Тоже было и съ шелковыми матеріями; онѣ не только удовлетворяли внутреннимъ потребностямъ, но доставляли торговлѣ 50,000,000 капитала. Гобеленовскіе обои пріобрѣли тогда свою неумирающую извѣстность. Кружева алансонскія и валансьенскія мало чѣмъ уступали малинскимъ и брюссельскимъ. 1666 г. заведены были зеркальныя фабрики, чрезъ 10 лѣтъ зеркала французскія далеко были чище и больше венеціанскихъ.

Кольберъ понималъ, что высокій тарифъ, содѣйствуя развитію мануфактуръ, стѣсняетъ торговлю. Такимъ образомъ всѣ его усилія направлены были къ тому, чтобы ослабить вредныя слѣдствія тарифа: ясно свидѣтельствуютъ объ заботливости его въ этомъ отношеніи его инструкціи консуламъ и посламъ, въ которыхъ онъ безпрестанно рекомендуетъ имъ защищать французскихъ негоціантовъ отъ всѣхъ притѣсненій на чужбинѣ. „Будьте скорѣе оплошны, позволяйте скорѣе купцамъ немного одурачить себя, но отнюдь не

стѣсняйте ихъ, за тѣмъ что стѣсненія уничтожають производство". Дѣла Кольбера совершенно соотвѣтствовали словамъ. Торговля, и особенно морская, обязана ему своимъ бытіемъ и процвѣтаніемъ. Для нея онъ издалъ первый коммерческій уставъ во Франціи. Подъ его покровительствомъ образовались остъ-и вестъ-индская компанія. Торговля левантская была оживлена, сѣверная—вновь создана, колоніальная—распространена. Чтобы усилить купеческій флотъ, Кольберъ назначалъ преміи за мореходство на Балтійскомъ морѣ и рыбные промыслы на отдаленныхъ моряхъ.

Чѣмъ болѣе будемъ изучать административную дѣятельность Кольбера, тѣмъ яснѣе будетъ для насъ, что въ началѣ министерства экономическая система его благопріятствовала свободной торговлѣ. Только впослѣдствіи, самъ Кольберъ, увлекаемый отчасти неотразимою силою властительныхъ замысловъ короля, а отчасти духомъ вѣка и желаніемъ дать энергически-искусственное направленіе мануфактурамъ, сдѣлался приверженцемъ системы запрещеній. Эгоистическій интересъ фабрикантовъ и удивительно быстрое поднятіе фабрикъ шелковыхъ, стекляныхъ и суконныхъ, въ которыхъ Франція не находила себѣ соперниковъ, заставили Кольбера позднѣе возвысить (въ тарифѣ 1667 г.) пошлины перваго тарифа и наложить запрешеніе на многіе продукты голландской фабрикаціи. Но тогда же оказались ясно всѣ невыгоды, вся несостоятельность этой системы; а какъ скоро Голландцы усвоили ту же систему и наложили запрещеніе на произведенія французскія (вина и водки), эта чисто коммерческая вражда сдѣлалась одною изъ причинъ голландской войны. Уничтоженіе нантскаго эдикта, лишивъ Францію 250,000 самаго промышленнаго народонаселенія, распространило по Европѣ, вмѣстѣ съ живительнымъ духомъ промышленности къ которому пріучилъ этихъ изгнанниковъ Кольберъ, и его таможенную систему. Послѣдняя была утрирована и изъ мѣры временнаго протекціонизма обратилась въ постоянную систему взаимныхъ стѣсненій въ хозяйственныхъ международныхъ отношеніяхъ, окрещенную несправедливо именемъ кольбертизма.

Не на одну впрочемъ фабричную и торговую промышленность обращалъ свое вниманіе Кольберъ: онъ покровительствовалъ и *земледѣлію*, хоть и не такъ ревностно. Экономистъ своего вѣка, онъ, запрещеніемъ вывоза хлѣба, нанесъ ударъ земледѣлію; но съ друкой стороны, какъ экономистъ выше своего вѣка, онъ заботился и о земледѣльцѣ, и о способахъ его производства. При немъ строго запрещено было за подушныя недоимки брать скотъ

у фермера и подтверждено запрещеніе Сюлли отнимать земледѣльческія орудія у земледѣльца. Кадастръ былъ вновь пересмотрѣнъ и преобразованъ, дабы имущества не были облагаемы податями несоразмѣрно ихъ цѣнности и объему. Наконецъ, эдиктъ о водахъ и лѣсахъ (1669), плодъ 8-ми-лѣтнихъ трудовъ Кольбера, послужилъ основаніемъ французскаго лѣсоводства. Но, при всѣхъ этихъ заботахъ объ устраненіи физическихъ припятствій для сельскаго производства, Кольберъ не могъ поднять земледѣлія, ибо закрылъ иноземные рынки для сбыта его произведеній.

Вотъ краткій очеркъ экономической дѣятельности Кольбера, составляющей самый прекрасный памятникъ великолѣпнаго вѣка, не смотря на нѣкоторыя ея односторонности и многія вредныя ея слѣдствія, за которыя и предъ наукою и предъ совѣстью отвѣчаетъ не столько Кольберъ, сколько самъ король, преемники Кольбера по министерству и слѣпые его подражали—меркантилисты.

Кольберъ удвоилъ производительность и богатства Франціи; но и удвоенныя они не могли удовлетворять войнамъ и расточительности правительства, и уже Кольберъ, не смотря на смѣлыя и рѣзкія возраженія властительному королю, долженъ былъ прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, для удовлетворенія непомѣрнымъ требованіямъ своего повилителя и не разъ съ отчаяніемъ въ душѣ долженъ былъ увеличивать и возвышать налоги и пошлины, противъ которыхъ громко протестовали его сердце и разумъ. „Нужно сберегать и 5 су, если они предназначаются на вещи безполезныя, и бросать милліоны тамъ, гдѣ того требуетъ честь и польза государства. Безполезный обѣдъ на 3,000 ливровъ невыразимо возмущаетъ мою душу; но если для блага народа нужны милліоны, то съ женою и дѣтьми готовъ я ходить по-міру всю жизнь, лишь бы достать ихъ.“ Такъ говорилъ человѣкъ, котораго надобно было похоронить ночью, чтобы спасти бездушное тѣло его отъ оскорбленій народа.

Послѣ Корьбера нужно было уже, при собираніи налоговъ, вести настоящую войну: такъ они были безчеловѣчно велики. При чемъ Фенелонъ рисуетъ такую картину: „земледѣлія нѣтъ вовсе, народонаселеніе умаляется, ремесла не достаточны для пропитанія рабочихъ, торговля истреблена. Вмѣсто того, чтобы возвышать налоги, лучше подумали бы о томъ, какъ бы подать милостыню бѣдному, голодному народу. Вся Франція—не что иное, какъ огромный, бѣдный, безъ всякаго призрѣнія оставляемый госпиталь.“ Налоги и бѣдствія народныя до того увеличились, что одинъ со-

временникъ могъ справедливо сказать: „у бѣдныхъ Французовъ отняли все: имъ оставили только глаза для того, чтобы плакать!“

5. *Стремленіе къ политическому господству и распространеніе абсолютной монархіи въ Европѣ.* Главною цѣлью всѣхъ войнъ и дипломатическихъ сношеній Людовика XIV до нимвегенскаго мира было утвержденіе первенства Франціи надъ континентальными державами Европы и упроченіе этого первенства, посредствомъ доставленія ея государственной области естественныхъ и твердыхъ границъ (Рейна на востокѣ и Альпъ на юго-востокѣ), съ которыхъ она могла бы упрочить свое вліяніе на Германію и на Италію. Къ этому основному побужденію сводятся всѣ дипломатическія сношенія и всѣ войны Людовика до нимвегенскаго мира. Удача повела его далѣе; съ нимвегенскаго мира политика Людовика получаетъ менѣе разумный характеръ всемірно-монархической пропаганды: подобно тому, какъ французское революціонное правительство оружіемъ распостраняло республиканскія начала, выработанныя XVIII вѣкомъ, Людовикъ XIV стремился внести свои монархическія начала въ весь европейскій западъ. Съ 1700 года къ этому побужденію присоединяются виды чисто династическіе: фамилія, а не государство становится у Людовика на первомъ планѣ. Тогда, наконецъ, разрушается все, въ первую половину царствованія имъ созданное.

а) Первая коалиція противъ Людовика XIV. Притязанія свои на политическое первенство Людовикъ показалъ въ первый годъ своего самодержавія въ спорѣ съ Испаніею о первенствѣ, который кончился тѣмъ, что король испанскій былъ вынужденъ торжественно объявить чрезъ посла своего, что онъ запрещаетъ всѣмъ своимъ дипломатическимъ агентамъ спорить въ торжественныхъ выходахъ о первенствѣ съ французскими послами.

Вскорѣ Людовику представился случай употребить свои силы и вліяніе на распространеніе своего государства. Присоединеніе испанскихъ Нидерландовъ было любимою мыслію Мазарини, которая заставляла его такъ долго вести войну съ Испаніею. Что не удалось тогда Мазарини, въ томъ старался теперь всѣми силами успѣть Людовикъ. По смерти Филиппа IV (1665 г.) онъ, какъ супругъ его дочери отъ перваго брака, объявилъ свои притязанія на испанскіе Нидерланды, ссылаясь на одно частное и мѣстное право. Объявленіе своихъ правъ онъ подкрѣпилъ, выславъ двѣ арміи въ Нидерланды. Испанцы совершенно не были приготовлены; у нихъ не было ни войска, ни предводителей, ни денегъ. По-

тому большая часть испанскихъ Нидерландовъ въ короткое время была завоевана. Между тѣмъ Голландія, желая лучше имѣть въ сосѣдствѣ области слабой Испаніи, чѣмъ могущественной Франціи, съ неудовольствіемъ глядѣла на успѣхи Конде и Тюреня, а поэтому приняла на себя роль оберегательницы равновѣсія, посредствомъ вооруженнаго вмѣшательства (interventio), и заключила *тройной союзъ* съ Англіею и Швеціею, въ намѣреніи принудить Людовика остановить свои завоеванія или, въ противномъ случаѣ, общими силами воевать съ нимъ. Встрѣтивъ неожиданное сопротивленіе, къ которому не приготовился, Людовикъ XIV отложилъ до удобнѣйшаго времени какъ исполненіе своего плана, такъ и мщеніе Голландіи. Онъ заключилъ *ахенскій миръ*, по которому удержалъ за собою 12 завоеванныхъ имъ городовъ во Фландріи.

Миръ продолжался не долго. Людовикъ заключилъ его съ тѣмъ, чтобы приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ его нарушенію. Голландія, эта промышленная республика, раздѣлявшая съ Англіею власть на моряхъ, дававшая пріютъ всѣмъ религіознымъ и политическимъ врагамъ французскаго короля и бывшая душою тройнаго союза, обратила на себя вниманіе Людовика XIV: онъ рѣшился уничтожить эту, по его словамъ, республику торгашей, которыхъ значеніе основывалось на мѣшкахъ съ золотомъ и которые осмѣливались смѣяться въ гагскихъ памфлетахъ надъ властительнымъ королемъ и поставлять препятствія его планамъ. Онъ рѣшился покорить ее, тѣмъ болѣе, что она была ключемъ къ покоренію испанскихъ Нидерландовъ и распространію Франціи до Рейна. Личное мщеніе и политическіе виды сошлись въ этомъ дѣлѣ. Предпріятіе, столь важное, требовало предусмотрительности и обширныхъ приготовленій: поэтому Людовикъ XIV прежде всего старался укрѣпить себя союзами. Вестфальскій миръ далъ французскому королю возможность вмѣшиваться въ дѣла Германіи, какъ оберегателю этого мира. Пользуясь этимъ, Людовикъ, чрезъ дипломатическихъ агентовъ, успѣвалъ всегда найти себѣ сторонниковъ между германскими князьями. Тоже случилось и теперь: одни князья обѣщали ему свободный пропускъ, другіе помощь войсками, третіе нейтралитетъ. Испанія также была опутана дипломатіею французскаго кабинета и устранена отъ театра завязавшейся борьбы. Еще важнѣе для Людовика было пріобрѣтеніе дружбы членовъ тройнаго союза: Англіи и Швеціи.

Между тѣмъ и соединенные штаты Голландіи, процвѣтавшіе подъ мудрымъ управленіемъ пансіонера *Іоанна-де-Витта*, спѣ-

шили приготовиться къ отпору грозныхъ силъ Людовика XIV. Республика искала также союзниковъ и едва нашла одного въ Фридрихѣ-Вильгельмѣ бранденбургскомъ, который лучше другихъ владѣтелей германскихъ понималъ всю опасность возвышенія Франціи.

Вскорѣ за тѣмъ Франція и Англія объявили штатамъ войну. Людовикъ XIV, окруженный цвѣтомъ французскаго дворянства, отправился самъ во главѣ 112,000 арміи, предводимой Конде и Тюренемъ; Вобанъ сопровождалъ войско въ качествѣ главнаго инженера; при особѣ короля находился особый исторіографъ предстоящей, славной для французовъ компаніи.

Первое впечатлѣніе, произведенное на Голландію огромными силами короля французскаго, было ужасно; множество мелкихъ городовъ покорились ему безъ сопротивленія; Людовикъ перешелъ Рейнъ и вскорѣ подступилъ къ Амстердаму. Отъ взятія этого города зависѣла участь республики, и потому Голландцы разорвали плотины. Французы, преслѣдуемые волнами, отступили. Республика была въ отчаяніи: Іоаннъ-де-Виттъ рѣшился прибѣгнуть къ переговорамъ съ Франціею. Народъ ожесточенный несчастіями и подстрекаемый клевретами принца Оранскаго, который стремился къ наслѣдственному штатгальтерству, увидѣлъ въ намѣреніи Витта предательство. На улицахъ Амстердама произошла рѣзня, и Іоаннъ-де-Виттъ съ братовъ Корнеліемъ были растерзаны ожесточенною черныо. Голландцы готовились затопить родину и бѣжать со всѣмъ имуществомъ въ остъ-индейскія колоніи. *Вильгельмъ Оранскій* выступаетъ теперь на то поприще, на которомъ подвизался до конца жизни. Среди опасностей войны, онъ умѣлъ составить противъ Людовика XIV союзъ изъ полъ-Европы и сдѣлался душою этого союза. Курфирстъ бранденбургскій, вся Германія, Данія и Испанія вооружились противъ Людовика XIV; одна Швеція осталась вѣрною его союзницею. Война сдѣлалась общеевропейскою и производилась въ одно и тоже время въ южной Германіи, на Рейнѣ, въ Голландіи, въ Пиринеяхъ, наконецъ, въ сѣверной Германіи. Судьба войны колебалась между взаимными побѣдами и пораженіями, благопріятствуя болѣе впрочемъ Франціи. Людовикъ, не желая подвергать благопріятнаго положенія своихъ дѣлъ неизвѣстности дальнѣйшей войны, былъ склоненъ къ миру. Союзники приняли предложеніе, и переговоры открылись въ Нимвегенѣ. Наконецъ, въ 1687 году, война была кончена частыми мирами, которые слывутъ подъ однимъ общимъ именемъ *нимвегенскаго мира.* Людовикъ XIV пріобрѣлъ Франшъ-Конте и 12 новыхъ городовъ

въ испанскихъ Нидерландахъ; императоръ уступилъ Франціи Фрейбургъ.

b) Самовластные поступки Людовика XIV въ Германіи и Италіи. Результаты войны, окончившейся нимвегенскимъ миромъ, были весьма важны для Европы. Безусловная монархія въ особѣ Людовика XIV, вступивъ въ борьбу съ республикою голландскою, которую отстаивала коалиція державъ половины европейскаго запада, успѣла не только устоять противъ нея и удержать права на сдѣланныя ею завоеванія, но еще раздробить эту коалицію и принудить союзниковъ къ отдѣльнымъ, невыгоднымъ для нихъ мирамъ съ Франціею, и между собою. Мирныя условія были продиктованы Франціею, и слѣдовательно на языкѣ Франціи, а потому языкъ Французовъ дѣлается съ этихъ поръ языкомъ обще-европейской дипломатіи. Но этого было мало Людовику; онъ, во-первыхъ, не достигъ своей первой цѣли—полнаго утвержденія на Рейнѣ; во-вторыхъ, къ этому стремленію уже начинаетъ присоединяться другое—стремленіе обратить всѣ державы въ вассаловъ французской короны. Поэтому, едва Франція успѣла собраться съ силами, истощенными въ послѣднюю войну, и опутать сѣтями своей политики Англію, Испанію, Швейцарскіе кантоны, Италію и Швецію, какъ министръ Лувуа предложилъ Людовику новый планъ, имѣвшій цѣлью пріобрѣсти то, чего не успѣли завоевать въ послѣднюю войну. Дѣло состояло вотъ въ чемъ: положено было нарядить розысканіе о всѣхъ тѣхъ территоріяхъ и городахъ, которые когда либо входили въ составъ нѣмецкихъ владѣній, уступленныхъ Франціи по вестфальскому и нимвегенскому мирамъ, и если по розыску такія отыщутся, то присоединить ихъ къ французской коронѣ. Эта мѣра, при всей ея противозаконности, казалась лучшимъ средствомъ къ завладѣнію лѣвымъ берегомъ Рейна. Король съ радостію одобрилъ предложеніе и приказалъ нарядить по сему дѣлу особыя слѣдственныя коммисіи, такъ называемыя chambres de reunion. Коммисіи начали тѣмъ, что до 20 городовъ съ ихъ округами объявили владѣніями французскаго королевства; приглашая ихъ владѣтелей, если они не признаютъ справедливости такого рѣшенія, начать искъ, подобно подданнымъ Франціи. во французскихъ судахъ. И когда никто не явился, то эти города были отняты силою и присоединены къ французской коронѣ. Императоръ и вся Германія изумились такой неслыханной дерзости, однакожъ, во избѣжаніе войны, нарядили конгрессъ во Франкфуртѣ, приглашая Францію послать

уполномоченныхъ для объясненія ея правъ и поведенія. Но пока конгрессъ занимался пустыми спорами о посольскихъ рангахъ, Людовикъ завладѣлъ Страсбургомъ. Тогда Вильгельмъ Оранскій, самый жаркій врагъ Франціи, составилъ новой тройной союзъ изъ Голландіи, Швеціи и Испаніи, въ намѣреніи образумить французскаго короля. Впрочемъ Людовикъ XIV самъ объявилъ прекращеніе войны, которая не была даже объявлена. Стѣснительное положеніе императора и нелѣпая политика Испаніи заставили и Вильгельма Оранскаго согласиться на перемиріе, по которому Людовикъ XIV, до будущаго окончательнаго мира, удержалъ за собою всѣ свои завоеванія и обязался не дѣлать новыхъ.

c) Вворая коалиція противъ Людовика XIV. Властолюбіе французскаго короля, питаемое успѣхами, возрастало вмѣстѣ съ его лѣтами: въ западной Европѣ носились слухи о его надеждахъ на императорскую и испанскую короны. Можно было предвидѣть, что составится новая коалиція со стороны Европы для поддержанія системы политическаго равновѣсія; Людовикъ не замедлилъ подать поводъ къ ней.

Въ 1685 году умеръ курфирстъ пфальцскій безъ прямаго потомства. Людовикъ объявилъ свои притязанія на эту землю, потому что дочь умершаго курфирста была женою герцога орлеанскаго (брата Людовика). Это требованіе показало Германіи всю опасность ея положенія. По голосу Вильгельма Оранскаго, Фридрихъ-Вильгельмъ бранденбургскій, Голландія, императоръ, Испанія, Швеція и Данія составили коалицію въ Аугсбургѣ, въ намѣреніи остановить, наконецъ, покушеніе короля Франціи. Вѣсть объ аугсбургскомъ соединеніи принята была съ радостію Людовикомъ; но онъ очень ошибался, надѣясь на свои силы, на тонкости своей политики и на Англію. Дѣла коалиціи приняли совсѣмъ другой оборотъ; сторонникъ Франціи король англійскій Іаковъ II былъ изгнанъ народомъ, за посягательство на вѣру и конституцію Англичанъ, и королемъ объявленъ отъявленный врагъ Франціи, Вильгельмъ Оранскій, который присоединилъ свое новое государство—Англію къ обще-европейской коалиціи. Примѣру его послѣдовалъ герцогъ савоскій (Викторъ-Амедей).

Борьба завязалась; врагами были: Людовикъ XIV и западная Европа. Начавшись опустошеніемъ Французами Пфальца, война распространилась на Нидерланды, на Рейнъ, въ Испанію и въ Италію. Она длилась 8 лѣтъ. Кольбера уже въ живыхъ не было; не было ни Конде, ни Тюреня, Франція, дававшая въ прежнія войны еже-

годно отъ 110 до 189 милліоновъ денегъ, наконецъ, не была же бездонною бочкою: кончилось тѣмъ, что, по *рисвикскому* миру (1697), Людовикъ не получилъ ни клочка земли, не самъ уже предписывалъ условія, а предписывалъ ихъ его врагъ, политическій и религіозный, Вильгельмъ Оранскій, котораго онъ долженъ былъ признать законнымъ королемъ Англіи. Франція земель еще не потеряла; но морально унизился Людовикъ: король по праву божественному (droit divin) онъ долженъ былъ признать короля, избраннаго по волѣ народа (volonté du peuple).

d) Война за испанское наслѣдство. Послѣ рисвикскаго мира вниманіе всей Европы и Людовика XIV обращено было на Испанію. Здѣсь готовилось событіе, отъ котораго серьезно зависѣла судьба равновѣсія: Испанія съ Бельгіею, Неаполемъ, Сициліею, Миланомъ, Тосканою и колоніями готовилась сдѣлаться достояніемъ какого нибудь изъ главныхъ владѣтелей Европы: король ея Карлъ II, послѣдній испанскій потомокъ габсбургскаго дома, умиралъ безъ потомства. Претендентовъ на престолъ было три: *Людовикъ XIV*, искавшій его для своего внука *Филиппа Анжу*, императоръ *Леопольдъ*—для сына своего *Карла*, курфирстъ баварскій *Максимиліанъ*—для сына своего *Іосифа*. Притязанія каждаго опирались на родствѣ по женской линіи. Серьезнѣе другихъ были права императора. Людовикъ, постоянно мечтавшій объ испанскомъ наслѣдствѣ, зная, что всего безъ войны, не дадутъ, рѣшился, чтобы не потерять всего, лучше взять часть, и для этого явился сначала какъ бы оберегателемъ равновѣсія. Онъ предложилъ, съ согласія Англіи и Голландіи, раздѣлить испанское наслѣдство между всѣми претендентами. Полумертвый Карлъ ожилъ, когда стали заживо грабить его. Желая сохранить цѣлость Испаніи, онъ жертвуя узами габсбургской крови, чтобы не возбудить опасеній на счетъ равновѣсія, завѣщалъ все курфирсту баварскому; но курфирстъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Нуженъ былъ новый раздѣлъ или новое завѣщаніе. Англія и Голландія составили планъ новаго раздѣла. Императоръ отказался приступить къ этому раздѣлу и отправилъ къ испанскому двору, для ходатайства о всецѣломъ завѣщаніи своего агента графа Гарраха, не давъ ему ни гроша денегъ. Людовикъ XIV присталъ къ раздѣлу, но, въ свою очередь, послалъ хлопотать о всецѣломъ завѣщаніи ловкаго Гаркура, снабдивъ его деньгами. Послѣ долгихъ колебаній, Гаркуръ, склонивъ на свою сторону духовника королевскаго, одержалъ

верхъ: 2-го октября 1700 года Карлъ II подписалъ завѣщаніе въ пользу Филиппа анжуйскаго и черезъ 28 дней умеръ.

Такимъ образомъ корону Испаніи принималъ Филиппъ анжуйскій; но Людовикъ XIV, сказавши при разставаніи своему внуку: „уже нѣтъ болѣе Пиринейскихъ горъ!“ принималъ на себя обязанность утвердить за нимъ эту корону: ибо можно было ожидать, что Европа не замедлитъ потребовать у Людовика объясненія словъ его, въ которыхъ лежала участь системы равновѣсія. Людовикъ во всякомъ случаѣ рѣшился отвѣчать ей вызовомъ на новую борьбу.

Но поздно уже было начинать войну столь огромную. Уже пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Людовикъ царствовалъ и истощалъ французскую націю: великихъ людей, служившихъ опорами ея благоденствія и славы, уже не было: Кольберъ, Тюренъ, Конде, Луксанбургъ, Лувуа, Ліонъ умерли; уничтоженіе нантскаго эдикта отняло у Франціи множество рукъ, головъ, капиталовъ; финансы были истощены, налоги огромны; въ Севенахъ кипѣлъ бунтъ, грозившій отпаденіемъ юга; наборами было истощено народонаселеніе. Прежній чадъ очарованія исчезъ; парламенты и народъ роптали; вмѣсто похвальныхъ одъ раздавались сатиры и эпиграммы.

Нельзя было Людовику ожидать отъ войны добра, при такомъ печальномъ положеніи Франціи, тѣмъ болѣе, что во главѣ новой европеской коалиціи стояли два человѣка, умѣвшіе очень хорошо воспользоваться подобнымъ положеніемъ врага. Это были англичанинъ *Мальборо* и оскорбленный своимъ государемъ, французскій *принцъ Евгеній Савойскій*. Съ блистательными талантами полководцевъ соединяли они чрезвычайный вѣсъ; одинъ, какъ глава партіи виговъ въ Англіи, другой, какъ президентъ германскаго суда. Они не имѣли нужды, подобно французскимъ фельдмаршаламъ, наканунѣ битвы испрашивать въ Версалѣ утвержденія своихъ операціонныхъ плановъ.

Война за испанское наслѣдство не началась вдругъ во всей своей обширности: эпохѣ составленія коалиціи предшествовала неудачная борьба французскихъ маршаловъ (Катина и Виллеруа) съ Евгеніемъ Савойскимъ, предводителемъ войскъ императора въ Испаніи. Французы проиграли уже нѣсколько сраженій въ борьбѣ съ однимъ противникомъ; а между тѣмъ Людовикъ неблагоразумно накликалъ на себя другихъ. Въ это самое время умеръ жившій во Франціи бывшій англійскій король Іаковъ II, и Людовикъ XIV

сталъ требовать короны сыну его Іакову III. Парламентъ англійскій, не дозволявшій до сихъ поръ Вильгельму Оранскому вооружиться противъ Франціи, теперь, боясь возврата Стюартовъ, далъ свое согласіе на войну и 40,000 войска. Вооруженіе Англіи противъ Людовика было сигналомъ къ заключенію общей коалиціи.

Германія, новая англійская королева Анна (вступившая на тронъ послѣ смерти Вильгельма), Голландія, Португалія и Пруссія заключили союзъ. Главами союза были *Евгеній*, *Мальборо* и умный *Гейнзіусъ*, пенсіонеръ Голландіи. Въ 1702 году коалиція объявила войну Франціи. Театромъ военныхъ дѣйствій назначены были: Бельгія, Рейнъ и Италія. Бѣда шла для Людовика за бѣдою: въ теченіи четырехъ компаній войска его были ежегодно разбиваемы на всѣхъ пунктахъ принцемъ Евгеніемъ и Мальборо, союзники его оставили или перешли къ его врагамъ. Напрасно онъ мѣнялъ маршаловъ, вооружалъ два раза новыя арміи; ихъ постигала та же участь. Непріятель приблизился къ границамъ Франціи, въ 1704 г. французская армія была уничтожена (при *Гохштедтѣ* или Бленгеймѣ) и отброшена за Рейнъ, а союзникъ Людовика Амедей Савойскій присталъ къ врагамъ его. Въ слѣдующемъ году Евгеній (побѣдою при *Туринѣ*) очистилъ отъ Французовъ сѣверную Италію, двинулся къ предѣламъ Франціи и только Тулонъ остановилъ его. Чрезъ годъ (въ 1707 г.) новая французская армія была разбита Евгеніемъ и Мальборо (при *Ромильи*) и выгнана изъ Нидерландовъ, а Карлъ (сынъ императора) успѣшно дѣйствовалъ въ Испаніи, при помощи Португальцевъ и англичанъ, занявшихъ *Гибралтаръ*. Оглушенный отовсюду приходившими вѣстями о пораженіяхъ, Людовикъ XIV составилъ новую армію изъ 100,000 человѣкъ и подъ начальствомъ трехъ вождей отправилъ за Рейнъ. Несогласія между вождями были причиною совершеннаго ея истребленія (при *Уденардѣ*) соединенною арміею Евгенія и Мальборо. Слѣдствіемъ этого новаго пораженія было приближеніе союзниковъ къ предѣламъ Франціи. Еще ужаснѣе былъ для французскаго короля 1709 годъ. За суровою зимою слѣдовалъ такой голодъ, что королевскіе лакеи просили милостыни у воротъ Версаля, а госпожа Ментенонъ рада была ржаному хлѣбу. Войско погибало отъ недостатковъ съѣстныхъ припасовъ; солдаты отдавали оружіе за кусокъ хлѣба; вся армія обратилась въ шайки мародеровъ. Между тѣмъ налоги возросли до нельзя: ихъ брали съ рождающихся и съ умирающихъ. Крестьяне, угнетаемые сборщиками податей, возмущались. Государственный кредитъ былъ со-

вершенно подорванъ: король не находилъ займа даже за 100 процентовъ.

Гордый Людовикъ XIV, наконецъ, отправилъ посольство къ Гейнзіусу съ мирными предложеніями. Ничтожные торгаши, такъ глубоко призираемые Людовикомъ, не допустивъ французскихъ пословъ въ бывшее по этому случаю собраніе, согласились дать Людовику миръ, съ тѣмъ, чтобы онъ отказался отъ всѣхъ прежнихъ завоеваній, измѣнилъ интересамъ тѣхъ германскихъ князей, которые остались вѣрными его союзниками, и, наконецъ, чтобы *самъ* выгналъ изъ Испаніи внука своего Филиппа V.

Какъ ни унизительны были эти условія, Людовикъ согласился мало-по-малу на всѣ, кромѣ послѣдняго. Онъ даже предлагалъ помогать союзникамъ деньгами для исполненія послѣдняго условія; ему отвѣчали, что онъ *самъ, лично,* долженъ низложить своего внука. Тогда Людовикъ объявилъ народу, что онъ самъ, предводительствуя своимъ вѣрнымъ дворянствомъ, идетъ пасть на границахъ Франціи. Истерзанная нація откликнулась на зовъ своего короля 80,000 арміею. Она была еще разъ разбита; но послѣ этого счастіе мало-по-малу начало обращаться къ старому своему любимцу. Во-первыхъ, въ Испаніи въ это время побѣды, одержанныя Французами, утвердили совершенно Филиппа V на испанскомъ престолѣ. Во-вторыхъ, императоръ Іосифъ I скончался, и восшествіе претендовавшаго на испанское наслѣдство Карла на императорскій престолъ (подъ именемъ Карла VI) заставило Европу охладѣть къ его интересамъ, въ опасеніи соединенія Испаніи съ имперіею. Не стоило трудиться для того, чтобы, унизивъ Людовика XIV, создать новаго Карла V. Въ-третьихъ, наконецъ, Мальборо отказался отъ команды, вслѣдствіе ссоры его жены съ королевою Анною, паденія приверженнаго ему министерства виговъ и учрежденія новаго министерства изъ партіи торіевъ, которое было склонно къ миру и не высылало Мальборо вспоможеній. Всѣ эти обстоятельства обратились въ пользу Людовика XIV и способствовали къ открытію мирныхъ переговоровъ въ Утрехтѣ. Главныя условія *утрехтскаго мира* (1716) заключались въ слѣдующемъ: 1) испанское наслѣдство было раздѣлено между домами бурбонскимъ, габсбургскимъ и савойскимъ. А именно: Филиппъ V Бурбонъ остался королемъ Испаніи и колоній; но для огражденія равновѣсія отказался навсегда отъ французской короны и право на нее передалъ младшему брату своему, герцогу беррійскому, который съ своей стороны отрекся отъ короны испанской. Габ-

сбургскій домъ получилъ Неаполь, Медіоланъ и испанскіе Нидерланды. Наконецъ, герцогъ савойскій получилъ Сицилію и былъ объявленъ наслѣдникомъ испанскаго престола въ случаѣ, если Филиппъ V умретъ бездѣтнымъ. Сверхъ того Англія удержала за собою Балеарскіе острова, Гибралтаръ и нѣсколько колоній съ правомъ на монопольную торговлю неграми (assiento). 2) Франція признала въ Англіи домъ ганноверскій и обязалась срыть навсегда укрѣпленія Дюнкирхена. 3) Курфирстъ бранденбургскій признанъ былъ королемъ прусскимъ и ему уступлена часть испанскихъ Нидерландовъ (провинція Гельдернъ*).

Ближайшимъ слѣдствіемъ войны за испанское наслѣдство было утвержденіе системы политическаго равновѣсія на началахъ отрицательныхъ, а не положительныхъ: всѣ державы, принимавшія участіе въ войнѣ, истощенныя отъ потери людей и денегъ, не опасались болѣе другъ друга, потому что всѣ нуждались въ отдыхѣ. Абсолютно-монархическая Франція, хотя и осталась первенствующею державою на континентѣ, но рядомъ съ нею получила преобладаніе на моряхъ конституціонная Англія. Сила и политическое вліяніе габсбургскаго дома въ Германіи должны были уравновѣситься новымъ королевствомъ Пруссіею, которая вошла въ число членовъ системы европейскихъ державъ.

Изъ всего обширнаго плана Людовиковой политики выработались три результата: единство монархическое, централизація административная, увеличеніе территоріума вмѣстѣ съ дипломатическимъ перевѣсомъ Франціи. Неоспоримо, что эти элементы заключаютъ въ себѣ признаки матеріальной силы, но неоспоримо также и то, что въ нихъ таится зародышъ новаго грознаго порядка вещей. Административная централизація отняла значеніе у народностей и провинцій, сосредоточила всю самостоятельную жизнь въ столицѣ и убила ее въ массѣ государства. Парижъ сталъ слишкомъ силенъ, такъ что возмущеніе парижской черни могло ниспровергнуть тронъ**). Слишкомъ большое политическое значеніе

*) Императоръ Карлъ VI былъ недоволенъ миромъ, а потому продолжалъ войну, наконецъ, и онъ заключилъ миръ съ Франціею въ Раштадтѣ, основанный большею частію на статьяхъ утрехтскаго. Третій миръ былъ заключенъ съ Франціею императоромъ отъ лица германскихъ владѣтельныхъ князей въ Баденѣ на условіяхъ раштадскаго.

**) Это доказываетъ революція 1789 года, когда только вандейскія провинціи возстали за короля; это доказываетъ революція 1848 года, когда ни одна провинція не стала за Людовика Филиппа.

требовало огромныхъ постоянныхъ армій, слѣдовательно усиленныхъ налоговъ, вызывавшихъ оппозицію со стороны народа.

6) *Дворъ Людовика XIV.* Для новой монархіи и новаго монарха нуженъ былъ новый дворецъ. Людовикъ избралъ Версаль, дотолѣ простой деревянный домикъ, перепутье для королевскихъ охотниковъ. Онъ хотѣлъ показать нечеловѣческое могущество, создавши изъ ничего памятникъ, которому нигдѣ и никогда не было бы подобнаго. На приведеніе въ исполненіе своей идеи Людовикъ употребилъ сверхъестественныя усилія и неисчислимыя суммы. Каждую недѣлю работало 22,000 человѣкъ и 6,000 лошадей. Каждый годъ совершаемо было построекъ на 12,000,000 ливровъ, а во все царствованіе Людовика положено было на Версаль болѣе 500,000,000 ливровъ. Цѣлые лѣса пересены были въ Версаль; вода переведена чрезъ горы; громады мрамора, употреблены для лѣстницъ, галлерей и бесѣдокъ. Надъ Версалемъ трудилась вся Франція, трудилось все, что только было въ ней умнаго и геніальнаго. Мансаръ былъ его зодчимъ; Ле-Нотръ расположилъ Версальскій садъ съ невыразимымъ великолѣпіемъ и пышностію; Пюже наполнилъ его статуями; Лебренъ украсилъ стѣны дворца своею кистію; онъ изобразилъ на нихъ всю жизнь Людовика, его побѣды, его славу, его любовь. Версальскіе залы наполнены были греческими статуями и украшены картинами Тиціана, Рафаэля, Корреджіо. Придворные были отъ Версаля въ восторгѣ, поэты и ораторы спѣшили его воспѣть и прославить въ одахъ, драмахъ, рѣчахъ и посланіяхъ. Вся Франція стремилась къ Версалю, который сдѣлался оракуломъ общества, хорошаго тона, моды, вкуса, даже самаго разврата для цѣлой Европы.

Людовикъ давалъ тонъ о направленіе придворной жизни; онъ жилъ одинъ самостоятельно, все прочее было копіею его жизни, жило по заказу. Сообразно тремъ возрастамъ жизни Людовика, соотвѣтственно тремъ періодамъ его любви и расположенія духа, мѣнялся тонъ версальской и, стабо быть, всей французской жизни. Людовикъ заставилъ подданныхъ боготворить свои слабости: и вотъ слабости короля, олицетворенныя въ особахъ трехъ особенно сильныхъ женщинъ M-lle Ла-Вальеръ, маркизы Монтеспанъ и M-me де-Ментенонъ, даютъ тонъ и направленіе французскому двору и обществу.

Господство *Ла-Вальеръ* относится къ молодости короля. Ла-Вальеръ была нѣжная и сантиментальная дѣвушка: король сдѣлался самымъ сладкимъ рыцаремъ, весь дворъ нѣжничалъ. Поэты

писали мадригалы, празднества и балеты составлялись изъ рыцарскихъ поэмъ. Возвратились времена рыцарства, но не того рыцарства, каторое было обставлено замками и феодальною независимостію, а какого-то приторнаго, подражательнаго, которое совершенно не шло къ монархическому Версалю.

Господство Ла-Вальеръ какъ быстро утвердилось, такъ быстро и пало. Атенаида герцогиня Мортемаръ, по мужу маркиза *Монтеспанъ*, постаралась вызвать вниманіе короля; долго ей не удавалось, наконецъ, въ одномъ изъ придворныхъ балетовъ, она, въ роли скромной пастушки, декламировала стихи, въ которыхъ роза выражала свою любовь къ царю свѣтилъ—солнцу. Царь свѣтилъ замѣтилъ скромную розу: съ этихъ поръ Ла-Вальеръ была оставлена и, наконецъ, постриглась въ кармелитскомъ монастырѣ; остальная жизнь ея была молитва и раскаяніе. Между всѣми женщинами, господствовавшими въ Версалѣ, маркиза Монтеспанъ была самая блестательная. Она происходила отъ однаго изъ самыхъ древнихъ домовъ Франціи и одарена была рѣдкою красотою и умомъ необыкновенно живымъ, разнообразнымъ, проницательнымъ. Она обладала всѣмъ для своего положенія: множествомъ самыхъ плѣнительныхъ качествъ, но только не добродѣтелью. Самое вступленіе ея на новое поприще было необыкновенно. Маркизъ Монтеспанъ, ея мужъ, явился при дворѣ въ глубокомъ траурѣ: всѣ его окружили и самъ король спрашивалъ съ участіемъ: по комъ онъ носитъ трауръ? „По женѣ, государь!“ отвѣчалъ маркизъ, уѣхалъ изъ Версаля въ свои помѣстья и никогда ко двору не возвращался. Маркизѣ Монтеспанъ общественная салонная жизнь обязана своимъ блескомъ и своимъ развитіемъ. Потерявъ высокій, чистый характеръ женщины, какъ мать и какъ жена, потерявъ право и возможность разливать свое благотворное вліяніе на жизнь семейную, Монтеспанъ является истинною душою и представительницею свѣтской общественности при Людовикѣ, со всѣми ея свѣтлыми и мрачными сторонами. Ея достоинства и недостатки имѣли значительное вліяніе на характеръ короля и ея личные интересы часто были поводомъ ко многимъ блестящимъ учрежденіямъ. Страсть ея къ роскоши и расточительности наносила огромный вредъ государству. M-me Монтеспанъ особенно славилась своимъ остроуміемъ, котораго такъ трепетали придворные, что боялись проходить мимо ея оконъ, чтобы не подвергнуться остротамъ— passer sous les armes, какъ тогда называли. Такимъ образомъ, кромѣ блеска, пышности и расточительности, остроуміе сдѣлалось

общею, отличительною чертою всѣхъ царедворцевъ: всѣ удачно или не удачно, но только всѣ каламбурили и острили при дворѣ. Французскій языкъ, языкъ разумѣется салонный, отчасти обязанъ вліянію этой женщины тою легкостію, остротою, которыми онъ превосходитъ всѣ другіе языки по отношенію къ поддержанію свѣтскаго разговора.

Это свѣтлая сторона придворной жизни въ періодѣ владычества Монтеспанъ; была и темная, даже безотрадно темная. Соблазнительное поведеніе короля, который хотѣлъ быть и дѣйствительно былъ образцомъ для своего народа, распространилось отъ трона во всѣ классы общества. Этого мало: для прикрытія легкаго поведенія придворныхъ часто попирали законъ и справедливость. Вмѣстѣ съ упадкомъ нравственности возрастала при дворѣ роскошь и расточительность до невѣроятныхъ размѣровъ. Ла-Вальеръ избѣгала подарковъ, Монтеспанъ напротивъ истощала казну. Къ роскоши присоединилась страсть къ игрѣ, отнимавшая иногда милліоны въ нѣсколько часовъ. Монтеспанъ проиграла въ одинъ вечеръ 4,000,000 ливровъ. Всѣ эти деньги выдавались изъ государственнаго казначейства, которое собирало ихъ отъ трудовой копѣйки простаго народа.

Владычество Монтеспанъ обнимаетъ зрѣлый возрастъ короля и совпадаетъ съ блистательнымъ періодомъ его царствованія. Но настала эпоха усталости, утомленія жизнію,—жизненный періодъ, въ которомъ притупленныя наслажденіемъ страсти оставили въ душѣ короля пустоту и сожалѣніе. Само собою разумѣется, что неровный, то пылкогнѣвный, то ласкающій, то по преимуществу самостоятельный характеръ Монтеспанъ не согласовался съ такимъ настроеніемъ духа въ королѣ. И вотъ ея мѣсто занимаетъ Франциска д'Обинье, M-me de Scarron, впослѣдствіи маркиза *де-Ментенонъ*. Дочь изгнанника, родившаяся въ темницѣ, взросшая въ изгнаніи въ Америкѣ, на 12 году осиротѣвшая и испытавшая всѣ бѣдствія жизни въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, M-lle д'Обинье, чтобы обезпечить свое состояніе, на 18 году жизни вышла замужъ за безобразнаго, но умнаго сатирика Скаррона. Салонъ Скаррона сдѣлался центромъ аристократической молодежи. Овдовѣвъ послѣ Скаррона, жена его поступила въ гувернантки къ дѣтямъ Монтеспанъ. Верхъ искусства, притворства и ума представляетъ борьба этой женщины съ своей госпожею за милости короля; наконецъ, ей удалось вовсе удалить Монтеспанъ и занять вполнѣ ея мѣсто потворствомъ ханжеству, капризамъ и брюзгливости короля.

По смерти корелевы она добилась того, что властительный король сдѣлался ея мужемъ, и только твердости Лувуа обязана Францiя тѣмъ, что интригантка не была объявлена публично королевою. Чѣмъ болѣе клонился Людовикъ къ старости, тѣмъ болѣе возрастало влiянiе Ментенонъ. Людовикъ любилъ всегда почти заниматься дѣлами въ ея кабинетѣ и удивлялся, что M-me Ментенонъ не принимаетъ въ нихъ никакого участiя и скромно отвѣчаетъ на его вопросы: онъ не зналъ, что все важное было подвергаемо министрами предварительно на разсмотрѣне Ментенонъ и даже ея любимой горничной, въ сообществѣ съ которою Ментенонъ продавала мѣста и располагала должностями государственными. Дворъ при Ментенонъ измѣнилъ свой характеръ: ханжество и лицемѣрная скромность, скука и однообразiе замѣнили прежнiй блескъ: великолѣпныя празднества давались по прежнему, но съ Монтеспанъ и молодостiю короля отлетѣла душа, ихъ оживлявшая. Не смотря на то, расходы были не меньше прежнихъ: деньги шли на удовлетворенiе расточительности родственниковъ и тварей Ментенонъ, ненавидимой всѣми, начиная отъ семейства королевскаго до простонародья. Привязанность короля и предметъ этой привязанности были осыпаемы сатирами и эпиграммами въ стихахъ и въ прозѣ. Такъ мстили веселые французы женщинѣ, обратившей веселый дворъ въ какой-то монастырь, наполненный святошами. Король два раза въ день ходилъ къ обѣднѣ, придворные должны были подражать ему; король, надѣясь спасти душу, преслѣдовалъ еретиковъ, и всѣми овладѣлъ фанатизмъ. Строгiй этикетъ, придававшiй прежде какое-то величiе двору, проникнутому веселостiю и одушевленiемъ, теперь отзывался мертвымъ однообразiемъ, похожимъ на 10,000 китайскихъ церемонiй.

Еще безотраднѣе стала жизнь Версальская съ 1711 года, когда, при неудачахъ извнѣ, при всеобщемъ истощенiи внутри государства, стали поражать властительнаго Людовика несчастiя семейныя: одинъ за другимъ умирали съ довольно загадочною быстротою члены его огромной фамилiи. Съ этого времени версальскiй дворъ принялъ на себя одежду скорби и печали; прежняя веселость навсегда улетѣла. Кто видѣлъ въ то время Людовика XIV и его дворъ, тотъ могъ только съ грустiю помышлять о прошломъ и со страхомъ о будущемъ. Одинъ, хилый и дряхлый, безъ родныхъ, которые умерли, безъ друзей, которыхъ и самъ не имѣлъ и наслѣднику не совѣтовалъ имѣть, безъ великихъ людей блестя-

щаго времени, ходилъ старикъ Людовикъ XIV по опустѣлымъ покоямъ дворца своего...

1-го сентября 1715 года онъ умеръ.

7) *Умственныя движенія при Людовикѣ XIV.* Умственная жизнь Франціи при Людовикѣ XIV представляетъ намъ тѣ же направленія, какъ и общественная.

Главное явленіе въ умственной дѣятельности блистательнаго вѣка заключается въ томъ, что наука и искусство становятся также подъ уровень королевскаго авторитета и дѣлаются орудіями къ выполненію плана централизаціи всего государственнаго организма въ лицѣ монарха. Французская литература, ученая и изящная, французское искусство принимаютъ характеръ монархическій, точнѣе сказать придворный, теряютъ свою независимость, естественность и живость. Для окончательнаго выполненія задачи l'état c'est moi, король основалъ нѣсколько академій (наукъ и искусствъ), какъ средство для лучшаго руководства и наблюденія за литературными движеніями націи. Эти академіи, подобно двору Людовика, были обстановкою его величія, средоточіемъ интригъ, приманкою для авторской суетности, а не истинными хранителями и двигателями науки и искусства.

Таково было главное господствующее направленіе въ умственной и художественной дѣятельности вѣка. Но были и другія. Съ одной стороны, при началѣ царствованія Людовика, много литераторовъ и ученыхъ принадлежали къ партіи Фронды. Они были представителями стараго, прошедшаго порядка вещей, были недовольны настоящимъ. Съ другой стороны, какъ въ развитіи французскаго общества, такъ и въ развитіи литературы, особенно со второй половины царствованія Людовика, зараждаются и отчасти созрѣваютъ новыя идеи, недовольныя также настоящимъ и предвозвѣстники будущаго умственнаго направленія. Старое поколѣніе, потерявшее свое значеніе при Людовѣ XIV, и новое поколѣніе, взросшее въ печальный періодъ его царствованія и слѣдовательно видѣвшее одни злоупотребленія,—оба эти поколѣнія, различались другъ отъ друга своими убѣжденіями и стремленіями, сходились въ одномъ протестѣ противъ настоящаго: первое протестовало во имя отжившей феодальной и католической старины, второе—во имя новыхъ раціональныхъ и свободныхъ началъ.

Вслѣдствіе этого, въ литературныхъ движеніяхъ вѣка Людовика XIV мы встрѣчаемъ два направленія *положительное,* довольное настоящею системою абсолютизма, и *отрицательное,* проте-

ствующее противъ него и распадающееся на *приверженцевъ* отживающей феодальной *старины* и на *провозвѣстниковъ новыхъ раціонально-либеральныхъ идей* и учрежденій.

а) Органами господствовавшаго положительнаго направленія, превозносившаго абсолютную монархію, довольнаго настоящимъ, были общество и писатели Версаля и салоновъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, академіи, Іезуиты и высшее духовенство. Къ этому направленію вообще относились тѣ писатели, которыхъ Людовикъ XIV называлъ полезными и на которыхъ сыпались его милости. Самые великіе и даровитые изъ нихъ были: 1) *Боссюэтъ*, епископъ Мо, прозванный за великій ораторскій талантъ свой орломъ москимъ, а за оборону правъ галликанской (французской) церкви—княземъ ея. Неоспоримо великій духовный ораторъ, онъ проводилъ въ народъ идею Людовика о монархической власти, подкрѣпляя ее текстами библіи (въ сочиненіяхъ Politique tirée des propres paroles de l'Ecriture и Discours sur l'histoire universelle), поддерживалъ права короля въ борьбѣ его съ папою за регаліи, преслѣдовалъ гугенотовъ и въ сочиненіяхъ (Histoire des variations) и въ дѣйствительности, говорилъ похвальныя и надгробныя рѣчи надъ многими великими и сильными людьми вѣка. Впрочемъ нерѣдко являлся онъ нетерпимымъ и заносчивымъ предъ низшими и равными себѣ и ласкателемъ сильныхъ міра: князь галликанской церкви иногда дѣлался лакеемъ короля. 2) *Буало*, писатель похвальныхъ одъ, посланій (epitres) и сатиръ, стоялъ въ такомъ отношеніи къ Людовику XIV, въ какомъ Горацій къ Августу. Ни одинъ изъ писателей блистательнаго вѣка не благоговѣлъ подобно Буало предъ личностію, побѣдами и системою короля.

Qui sans ministres, à l'exemple des dieux,

Soutient tout par lui-même et voit tout par ses yeux! Блестящая сторона царствованія Людовика имѣетъ свою поэтическую лѣтопись въ посланіяхъ (epitres) Буало. Восхваляя въ посланіяхъ и одахъ побѣды Людовика, Буало въ сатирахъ и эпиграммахъ осмѣивалъ враждебный системѣ короля старый порядокъ вещей. Подобно тому, какъ Людовикъ стремился подвести подъ одно начало, сковать этикетомъ и включить въ извѣстныя правила политическую и экономическую жизнь французовъ, Буало въ своемъ L'art poetique хотѣлъ подчинить поэтическую дѣятельность народа строго опредѣленнымъ правиламъ, которыя долго служили основаніемъ меркантильно-придворной, псевдо-классической теоріи поэзіи. На Буало сыпались милости и похвалы короля; но подъ конецъ жиз-

ни Людовикъ называлъ его un peu greffier et mauvais ton за посланіе къ Данжо о благородствѣ, которое молва приписывала Буало La noblesse, Dangeau, n'ets pas une chimère). 3) *Мольеръ* отецъ французской комедіи и одинъ изъ величайшихъ писателей Франціи, въ большей части своихъ комедій à propos (Les précieuses, ridicules, Pourceaugnac, Les femmes savantes) осмѣиваетъ старую французскую gentilhommerie, которая оставалась вѣрною убѣжденіямъ отцевъ и провинціально-феодальнымъ преданіямъ, держалась вдали отъ блестящаго двора и немного ворчала и дулась (boudait) на современный порядокъ вещей. Даже въ знаменитѣйшемъ своемъ произведеніи „Tartufe" Мольеръ выставляетъ въ смѣшномъ и презрѣнномъ видѣ янсенистовъ, которыхъ при дворѣ почитали ханжами и гипокритами. Пользуясь постоянно благосклонностію короля, Мольеръ, по первому заказу его, сочинялъ балеты, интермедіи, пасторали для придворныхъ версальскихъ баловъ и театровъ, въ которыхъ собиралъ контрибуцію со всей классической миѳологіи для восхваленія власти короля, его величія, даже слабостей: нифмы, дріады, сильваны, граціи служатъ у него обстановкою величественной личности Людовика, который является въ образѣ Зевса тучегонителя, Феба, Аполлона и т. д. 4) *Расинъ*, первостепенный трагикъ Франціи, былъ трагикъ вполнѣ монархическій. Сначала онъ вдохновлялся героями классической древности, но всѣ эти герои подъ перомъ его потеряли свой античный колоритъ и приняли отпечатокъ монархическихъ нравовъ и убѣжденій двора Людовика: почти въ каждой его трагедіи, подъ разными формами и въ разныхъ положеніяхъ, воспроизведена одна и та же боготворимая поэтомъ личность Людовика XIV. Подъ старость Расинъ бралъ свои сюжеты и краски изъ библейскихъ сказаній; но и на его библейскихъ драмахъ лежитъ отпечатокъ духа времени и событій, занимавшихъ тогда дворъ. Вопросъ о гугенотахъ и вражда M-me Ментенонъ къ Лувуа отзываются въ его Esthère, вопросъ о возстановленіи изгнаннаго Стюарта и католицизма въ Англіи нашелъ примѣненіе въ его трагедіи Athalie. Король оказывалъ благоволеніе Расину до тѣхъ поръ, пока онъ не подалъ ему записки о злоупотребленіяхъ, господствовавшихъ въ тогдашней системѣ финансовъ. Какъ не почтительно была написана записка, но Людовикъ терпѣть не могъ критики ни отъ кого, а тѣмъ менѣе отъ своего придворнаго поэта, исторіографа и сборщика податей—Расина.

Вотъ четыре первостепенные таланты монархической литературы вѣка Людовика XIV. За ними тянется рядъ второстепенныхъ посредственностей, льстившихъ взапуски королю и его системѣ, таковъ напр. историкъ *Даніель*, въ угоду королевской власти искажавшій и поддѣлывавшій народныя лѣтописи и преданія, таковъ *Мезере*, безсовѣстно называвшій Людовика миротворцемъ Европы.

b) Центромъ писателей, протестовавшихъ противъ современнаго порядка вещей во имя старинныхъ преданій и убѣжденій, были литературные салоны въ улицѣ Маре (Marais), первообразомъ которыхъ служилъ салонъ маркизы *Рамбулье*, пользовавшійся извѣстностію при Ришилье и во время Фронды. Общество, собиравшееся съ этихъ салонахъ, состояло изъ дамскихъ знаменитостей временъ Фронды, изъ старыхъ провинціальныхъ жантильомовъ, изъ парламентистовъ, раздраженныхъ за потерю своего значенія. Оно отличалось ѣдкими нападками и ворчаніемъ противъ версальскаго общества и его писателей и грустною преданностію старинымъ преданіямъ. Литературною славою въ этихъ салонахъ пользовалось много бездарностей, за то только, что принадлежали къ старому поколѣнію. Но и на долю этихъ салоновъ пришлось нѣсколько великихъ талантовъ, которыми такъ богатъ вѣкъ Людовика XIV. Къ такимъ первоклассньшъ писателямъ принадлежали: 1) *Фенелонъ*, епископъ камбрейскій, написавшій, для своего воспитанника герцога бургундскаго. „Похожденія Телемака“, гдѣ онъ является врагомъ деспотизма и произвола. Основное убѣжденіе его было: короли созданы для народа, а не народъ для королей. Краснорѣчіе его, подобно характеру, отличалось духомъ кротости и терпимости; по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ онъ былъ не чуждъ явившейся въ то время мистической секты квіетистовъ. Подъ этимъ предлогомъ онъ сосланъ былъ въ изгнаніе, но собственно не за квіетизмъ, а за Телемака, въ которомъ общественное мнѣніе и король находили порицаніе деспотизма, что было причиною опалы и едва-ли заслуженной въ эстетическомъ отношеніи славы его произведенія. Въ противоположность ожесточенному врагу его Боссюэту, орлу моссокому, Фенелона прозвали, за характеръ его жизни и краснорѣчія, лебедемъ камбрейскимъ. Самъ папа (Иннокентій XII), осудившій, по настоянію Боссюэта, Maximes des Saints Фенелона за квіетизмъ, сказалъ: „епископъ камбрейскій заблуждается оттого, что слишкомъ любитъ Бога, а епископъ мосскій,

оттого что мало любилъ ближняго". 2) *Корнель*, отецъ французской трагедіи, творецъ „Сида" „Горацiевъ" и „Поліевкта", не могъ гармонировать съ монархическими идеями Людовика, особенно въ старости, когда онъ творилъ своихъ героевъ въ рѣзкомрачныхъ контурахъ тирановъ стараго Тацита, у котораго почерпнулъ отвращеніе къ вѣку римскихъ императоровъ. Любимые герои Корнеля облечены или въ латы независимаго средневѣковаго гранда, или въ тогу римскаго сенатора; дѣйствіе у него происходитъ или въ феодальномъ замкѣ, или на форумѣ римскомъ. Людовикъ XIV называлъ его „поэтомъ-декламаторомъ и брюзгою, который симпатизируетъ отжившей старинѣ, вмѣсто, того, чтобы весело жить любезнымъ человѣкомъ среди современниковъ". Сначала великій трагикъ, по ходатайству Расина, получалъ небольшую пенсію, но потомъ умеръ въ бѣдности, всѣми забытый. 3) Добродушный, разсѣянный, безпечный и наивно остроумный *Ла-Фонтенъ* навлекъ на себя холодность короля заступничествомъ за своего благодѣтеля Фуке и баснями, въ которыхъ задѣвалъ нерѣдко деспотизмъ подъ видомъ Дуба, Волка, Льва и пр. 4) Маркиза *Севинье*, авторъ неподражаемыхъ по легкости и остроумію писемъ къ дочери, которыя сдѣлались образцемъ салоннаго разговорнаго языка и между прочимъ содѣйствовали его распространенію въ свѣтскомъ обществѣ, была украшеніемъ отеля Рамбулье и образуетъ переходъ отъ писателей-фрондеровъ къ писателямъ монархическихъ убѣжденій. Воспоминанія молодости и родственныя связи привязываютъ ее къ эпохѣ фронды; женская натура ея поражается ослѣпительнымъ блескомъ великолѣпнаго вѣка. Письма ея— вѣрная мастерская картина этого вѣка и его животрепещущихъ интересовъ. 5) Къ этому же классу писателей-фрондеровъ относятся: мрачный скептикъ маркизъ *Ла-Рошфуко*, неудавшійся честолюбецъ, который всѣ дѣйстія человѣка сводитъ къ одному источнику—эгоизму, и *Бюсси Рабютенъ*, осмѣявшій съ ѣдкимъ остроуміемъ придворную жизнь Людовика и просидѣвшій за то въ бастиліи.

c) Признаки новаго умственнаго движенія, враждебнаго всѣмъ политическимъ и религіознымъ убѣжденіямъ какъ старой средневѣкой, такъ и современной Людовику монархической Франціи, проявились довольно ярко въ сочиненіяхъ писателей— эмигрантовъ и писателей литературныхъ салоновъ Нинона де-Ланкло и Тампля (société du Temple).

Писатели-*эмигранты*, большею частію изгнанные гугеноты, жили въ Голландіи и Женевѣ и, какъ поборники свободы мысли, лишенные родины, ожесточенные преслѣдованіями, имѣя органомъ своимъ лейденскую и амстердамскую газеты, рѣзко и серьезно отрицали въ своихъ сочиненіяхъ католическую абсолютную монархію Франціи и возставали противъ авторитета въ сферѣ вѣры, науки и жизни. Особенною рѣзкостію отличались и особенно важное значеніе между этими писателями имѣли 1) протестантскій проповѣдникъ *Жюрье*, который въ своемъ памфлетѣ: Les soupirs de la France esclave, qui aspire à la liberté, стремился замѣнить начало наслѣдственной монархіи верховною властію народа, ярко и одушевленно выставлялъ страданія народа отъ деспотизма Людовика, отрицалъ всякую историческую основу французской монархіи и приглашалъ Францію образумиться и бодро возстать противъ тираніи. 2) *Пьерръ Бель* (Bayle), рѣзкій и холодный скептикъ, истинный предтеча такъ называемой разрушительной философіи XVIII вѣка. Его Dictionnaire philosophique, historique et critique есть первообразъ знаменитой Энциклопедіи XVIII вѣка. Сочиненіе это, по огромной эрудиціи, стало арсеналомъ, въ которомъ отрицаніе находило себѣ оружіе; оно представляетъ образецъ злого сарказма, съ которымъ авторъ разоблачаетъ и бичуетъ всю несостоятельность господствующихъ вѣрованій и убѣжденій. Духъ отрицанія, развитый въ подобнаго рода сочиненіяхъ, перешелъ во Францію и пустилъ свои корни въ умахъ молодаго поколѣнія, такъ что уже въ концѣ царствованія Людовика XIV литература получила анти-монархическій и анти-религіозный характеръ.

Такимъ характеромъ отличались и разговоры и сочиненія *литераторовъ* и собесѣдниковъ, собиравшихся въ *салонѣ* старой, полуразрушившейся, нѣкогда знаменитой прелестницы *Нилонъ-де Ланкло* и въ такъ называемомъ *обществѣ храма* (Société du temple). Здѣсь, въ кругу разгульныхъ аристократовъ и враждебныхъ двору принцевъ крови (герцога шартрскаго—впослѣдствіи регента, герцога вандомскаго, принца Конти), за бокалами вина, среди роскошныхъ ужиновъ, писатели новыхъ убѣжденій философствовали о суевѣріи, о религіозныхъ и политическихъ предрасудкахъ, о фанатизмѣ духовенства, о деспотизмѣ короля, словомъ о всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые потомъ рѣшали съ страшнымъ увлеченіемъ философы и революція XVIII вѣка. Изъ писателей, господствовавшихъ въ этихъ кружкахъ, особенно замѣчательны: *Жанъ-Баптистъ Руссо*, сначала авторъ цинической пародіи на книги

Моисея (Moiseiade), потомъ обратившійся къ церкви и монархіи и восхвалявшій ихъ въ напыщенныхъ, риторическихъ одахъ; аббаты *Шолье* и *Ла-Фаръ*, поклонявшіеся въ своей поэзіи и жизни эпикуреизму и чувственному наслажденію; *Фонтенелль*, развивавшій въ своихъ легко и общедоступно написанныхъ сочиненіяхъ (Histoire des oracles и Entretiens sur la pluralité des mondes) скептицизмъ и мѣтко, хотя и односторонне, бившихъ религіозныя вѣрованія общества. Здѣсь же, среди этихъ литературныхъ кружковъ, подъ покровительствомъ Нинонъ, началъ свое авторское поприще 12-лѣтнимъ мальчикомъ знаменитый оракулъ XVIII вѣка — *Вольтеръ*.

Изъ этого обзора можно видѣть, что уже въ концѣ царствованія Людовика XIV брошено было сѣмя всѣхъ тѣхъ идей, которыя выросли въ теченіе слѣдующаго царствованія, а въ концѣ XVIII вѣка разрушили старое общество, старую церковь и старую науку.

II.

Разложеніе старой монархіи при Людовикѣ XV (1715—1774).

Послѣ смерти Людовика XIV начинается *восемнадцатый вѣкъ*, вѣкъ противодѣйствія (реакціи) блистательному вѣку Людовика XIV, выработавшему до послѣднихъ крайностей два начала, подъ владычествомъ которыхъ жила Франція: монархію и католицизмъ. Восемнадцатый вѣкъ возсталъ противъ того и другаго во имя права, въ основаніи котораго стояло: „я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо".

Реакція обнаружилась тотчасъ по смерти короля. Все продолжительное царствованіе *Людовика XV* (1715—1774) и начало правленія Людовика XVI представляетъ: 1) съ одной стороны, стремленіе поддержать искусственными средствами прежнюю систему, при чемъ еще рѣзче высказываются ея недостатки и крайности, при чемъ правительство, само находясь въ состояніи застоя и не замѣчая въ обществѣ прогресса, почитало законными и употребляло мѣры, которыхъ незаконность уже многіе могли сознавать и дѣйствительно сознавали; 2) съ другой стороны, возстаніе начала свободнаго изслѣдованія противъ старой системы и отрицаніе ея. Къ концу XVIII вѣка, одно изъ этихъ враждебныхъ началъ окончательно обветшало, другое созрѣло, оба приготовились къ рѣшительной борьбѣ. Она началась въ 1789 году.

Все время правленія Людовика XV представляетъ два періода: регентство до 1723 года и собственное правленіе Людовика XV до 1774.

1· *Регентство* (1715—1723). Исторія регентства ознаменована слѣдующими явленіями: 1) Финансовою реформою, которая, ослѣпивъ сначала общество блестящими надеждами, лопнула и окончилась тѣмъ, что во-первыхъ, подорвала меркантилизмъ и, повысивъ значеніе поземельной собственности, положила начало лучшимъ экономическимъ понятіямъ физіократовъ, во-вторыхъ усилила и безъ того сильную вражду между сословіями. 2) Усиленіемъ и распространеніемъ протестантскихъ началъ въ литературѣ. 3) Измѣненіемъ характера французской дипломатіи, которое имѣло въ результатѣ подчиненіе французской политики видамъ англійскаго двора и свободный переходъ англійскихъ идей въ жизнь французскаго общества.

Долго сдерживаемое могучею волею Людовика XIV внутреннее неудовольствіе и отвращеніе къ его личности и его системѣ обнаружилось тотчасъ послѣ его смерти. Громче всего кричали противъ Людовика люди, больше всѣхъ ему льстившіе. При погребеніи даже не могли соблюсти приличія: смѣхъ, крикъ, шумъ, забвеніе всякаго благочинія сопровождали погребальное шествіе и обратили его въ карнавальный праздникъ.

Всѣ ожидали лучшаго: парламенты—возвращенія силы своихъ remontrances, аристократы—возвращенія стараго значенія, народъ ждалъ облегченія налоговъ и надѣялся, что правительство, оставя ему одни глаза для того, чтобы плакать, вспомнитъ, что у него есть рты для того, чтобы ѣсть. Такими надеждами привѣтствовалъ народъ своего новаго короля Людовика XV. Но ему было 5 лѣтъ;—кто же долженъ былъ удовлетворить пока надеждамъ народа?

Въ послѣдніе годы жизни покойнаго короля при дворѣ составились двѣ партіи: партія законныхъ *принцевъ крови*: герцога орлеанскаго (племянника короля), поддерживаемаго парламентомъ и перами, принцами Бурбономъ, Конде и Конти, и партія *узаконенныхъ* дѣтей Монтеспанъ: герцога меньскаго и графа тулузскаго, покровительствуемыхъ бывшею ихъ гувернанткою M-me Ментенонъ. Такъ какъ ни законъ, ни обычай во Франціи ничего положительнаго касательно регенства и несовершеннолѣтія короля не постановлялъ, то Ментенонъ выхлопотала у короля завѣщаніе въ пользу узаконеннаго герцога меньскаго. Но, на другой день

послѣ смерти Людовика XIV, парламентъ уничтожилъ это завѣщаніе и регентомъ провозглашенъ былъ Филиппъ герцогъ орлеанскій.

Глава принцевъ крови, племянникъ Людовика XIV *Филиппъ герцогъ орлеанскій* былъ красивъ, имѣлъ открытую физіогномію, счастливую память, умъ свѣтлый и острый, былъ храбръ, но не другъ войны. Мать говорила про него: добрые геніи одарили моего сына всѣми талантами, кромѣ одного: умѣнія хорошо пользоваться этими талантами. Изъ этого богато одареннаго по натурѣ человѣка вышелъ одинъ изъ порочнѣйшихъ правителей и людей вѣка, вообще не отличавшагося нравственностію. Много, конечно, виноваты въ этомъ и внѣшнія обстоятельства: Людовикъ XIV не любилъ его, держалъ его въ удаленіи отъ дѣлъ, отъ себя, отъ двора. Вездѣ видя холодность къ себѣ, принцъ, самъ охладѣлъ къ другимъ: сталъ эгоистомъ. Ни услуги, ни оскорбленія, не трогали его, онъ не любилъ ни добра ни зла: былъ индеферентистъ. Имъ управляли люди, гораздо ниже его во всемъ, которыхъ онъ отъ души презиралъ. Изъ ненависти къ ханженству своего дяди и его двора, изъ желанія ничѣмъ не стѣснять себя, онъ считалъ и вѣру и нравственность предразсудками и въ то же время вѣрилъ въ предсказанія гадальщицъ и вызыванія духовъ: былъ атеистъ и суевѣръ. Чувственныя наслажденія считалъ выше всего: вино и женщины убивали его голову и сердце, тѣло и душу. Разгульныя ночныя оргіи его и его roués, напоминавшія страшное время римской имперіи, сдѣлали его неспособнымъ къ серьезнымъ занятіямъ и духовнымъ наслажденіямъ. Ни въ добродѣтель мужчинъ, ни въ добродѣтель женщинъ онъ не вѣрилъ и честнымъ называлъ того, кто умѣлъ скрывать свое безчестіе. Наконецъ, чувственность такъ его присытила, что все ему пріѣлось: въ душѣ пустота, дичь глушь; ни чувства теплаго, задушевнаго, ни мысли плодовитой. Не умри онъ въ эту пору,—онъ поднялъ бы на себя руки, флегматически, хладнокровно.

Скоро по принятіи имъ регенства, всѣми дѣлами сталъ завѣдывать воспитатель и развратитель его аббатъ *Дюбуа*, а самъ Филиппъ предался совершенно чувственнымъ удовольствіямъ. Сынъ аптекаря, рекомендованный регенту его учителемъ Лораномъ, аббатъ Дюбуа, по выраженію матери регента, былъ уменъ и забавенъ, но архиплутъ, архилицемѣръ, архильстецъ in folio. Напрасно мать просила сына не довѣрять ему,—Орлеанскій сдѣлался вполнѣ рабомъ хитраго аббата, не смотря на то, что отъ души пре-

зиралъ его. Нельзя отрицать въ этомъ человѣкѣ нѣкоторой тонкости и хитрости ума, но умъ этотъ лишенъ былъ всякаго величія и благородства. Съ виду простой и скромный, онъ былъ самый страшный развратникъ; средствъ для достиженія своей цѣли не разбиралъ. Изъ государственныхъ совѣтниковъ онъ скоро повысился на степень перваго министра, хотя никогда не возвышался надъ ролью интригаита; онъ былъ сдѣланъ кардиналомъ римской церкви, хотя ругательства и проклятія не сходили съ устъ его, хотя онъ не вѣрилъ ни въ Бога, ни въ человѣка; вѣрилъ въ одно зло. Отъ всѣхъ партій бралъ деньги и продавалъ себя и государство тому, кто давалъ больше.

Положеніе дѣлъ по смерти Людовика XIV было изъ рукъ вонъ плохо. Вездѣ господствовали бѣдность и страданіе, огромные налоги разорили народъ, войны и гугенотскія эмиграціи отняли руки у земледѣлія, торговля была совершенно убита тарифами. Уже въ 1697 году изъ 33 милліоновъ жителей $^1/_{10}$ часть народа нищенствовала, а изъ $^9/_{10}$ остальныхъ: $^5/_{10}$ не могли подать милостыни, потому что сами были близки къ нищенству, $^3/_{10}$ находились въ растроенномъ состояніи, обремененныя долгами, только $^1/_{10}$ были обезпечены. Можно судить, каково было положеніе націи при смерти Людовика, послѣ испанской войны. Этого мало: частный кредитъ палъ, капиталы скрылись, боясь конфискаціи и банкротства; казна государственная была истощена до-нельзя: всѣ доходы за два года забраны были впередъ, долгъ возросъ до 2,500,000,000. Изъ переписки регента съ интендантами и губернаторами провинцій, видно, что, при вступленіи въ управленіе, онъ не зналъ, чѣмъ покрыть расходы на жалованье и провіантъ войску за текущій мѣсяцъ. Разсртоенное состояніе финансовъ прежде всего должно было обратить на себя вниманіе правительства. Послѣ того, какъ регентъ отвергнулъ банкротство, разныя мѣры, одна другой одностороннѣе, мѣры, отличавшіяся не только отсутствіемъ общихъ теоретическихъ началъ, но даже иногда отсутствіемъ и здраваго смысла, были приняты для увеличенія доходовъ государства; онѣ не помогли. Нужна была радикальная реформа, и вотъ явился Ло.

Джонъ Ло (John Law) родился 1671 въ Эдинбургѣ; по матери потомокъ шотландскихъ бароновъ, онъ былъ сынъ золотыхъ дѣлъ мастера, занимавшагося и биржевыми дѣлами и оставившаго послѣ себя своей семьѣ обезпеченное состояніе. Джонъ, прекрасный наружностію, съ умомъ математическимъ и спекуляторскимъ, получилъ прекрасное воспитаніе. На 20 году онъ отправился въ Лондонъ,

Здѣсь пиры и карты, а также изученіе торговли и кредита раздѣляли по перемѣнно его время: на долю картъ досталось впрочемъ больше. Карты открыли ему двери въ высшее общество. Убивъ на дуэли своего соперника, онъ бѣжалъ въ Голландію, гдѣ, не оставляя игры, опредѣлился въ контору одного банкира и изучалъ практически и теоретически систему банковъ и кредита, болѣе чѣмъ гдѣ либо развитую въ Голландіи. Отсюда Ло отправился дополнить свои свѣдѣнія въ огромныхъ и коммерческихъ городахъ-Венеціи, Генуѣ, Флоренціи, Неаполѣ и Римѣ: вездѣ игралъ, всегда выигрывалъ, вездѣ и всегда изучалъ торговлю и начало кредита. Денегъ было у него много, разъѣзжалъ онъ какъ магнатъ. Въ 1700 году въ умѣ его созрѣлъ обширный экономическій планъ; самообразованіе его кончилось, онъ рѣшился быть реформаторомъ, передать міру свое открытіе. Человѣкъ меркантильнаго вѣка, признавая торговлю и денежный капиталъ единственнымъ элементомъ и орудіемъ богатства, онъ полагалъ своимъ открытіемъ увеличить до безконечности массу оборотнаго капитала. Имѣя преувеличенное понятіе о силѣ кредита, онъ довелъ до крайности мысль, въ основаніи справедливую, и на ней построилъ систему несбыточную и фантастическую.

Вотъ главныя основанія его системы: 1) источникъ народнаго богатства торговля; 2) главный двигатель торговли деньги, которыхъ всегда должно быть достаточное количество. Но, при существующей звонкой монетѣ, этого достичь не всегда можно, потому что звонкая монета заключаетъ въ себѣ два свойства; она есть орудіе мѣны и вмѣстѣ цѣнность, какъ и всякій другой товаръ. Послѣднее свойство ея (способность быть товаромъ, цѣнностью), дѣйствуя на повышеніе и пониженіе курса денегъ, на ихъ цѣну, обиліе и рѣдкость, вредитъ первому свойству ея т. е. способности быть орудіемъ мѣны. Чтобы уничтожить такое несовершенство денегъ звонкихъ, надо замѣнить ихъ бумажными билетами, обезпеченными поземельнымъ фондомъ. Тогда достигнется, думалъ Ло, главная цѣль его системы: освободить трудъ изъ-подъ деспотизма звонкой монеты, замѣнивъ ее монетою кредитною или бумажною; освободить промышленника отъ деспотизма капиталиста и кредитора, сдѣлавъ правительство хранителемъ всѣхъ капиталовъ, распорядителемъ всѣхъ работъ, кассиромъ богатыхъ и заимодавцемъ бѣдныхъ.

Прежде всего Ло предложилъ проэктъ своему отечеству—Шотландіи, а потомъ Англіи; и тамъ и здѣсь онъ былъ отверг-

нутъ. Въ 1708 году Ло пріѣхалъ во Францію, истерзанную бѣдствіями войны за испанское наслѣдство: здѣсь не только не выслушали его проэкта, но самъ Ло, подозрѣваемый въ шулерствѣ, получилъ приказаніе выѣхать изъ Франціи. Неудача не остановила его: онъ предложилъ проэктъ герцогу савойскому и получилъ въ отвѣтъ, что герцогъ не такъ богатъ, чтобы рисковать разориться; онъ предложилъ его императору въ Вѣнѣ, но и тутъ получилъ отказъ. Въ 1715 году умераетъ Людовикъ XIV. Ло зналъ положеніе Франціи, зналъ характеръ регента и, предчувствуя, что если не теперь, то никогда не придется осуществить мечту, которую онъ лелѣялъ 15 лѣтъ, поспѣшилъ перевести во Францію все свое имущество (до 1,600,000 ливровъ) и самъ явился въ Парижъ. Допущенный въ высшее общество, онъ скоро дѣлается любимцемъ регента и распространяетъ мало-по-малу свой планъ. Регентъ и его приблеженные были увѣрены, что Ло явился для уплаты долговъ предъидущаго правленія и для помощи разорительнымъ прихотямъ двора. Ло не выводилъ ихъ изъ заблужденія, преслѣдуя одинъ свою цѣль, съ полнымъ сознаніемъ того, что онъ дѣлалъ. Ло долженъ былъ приступитъ къ выполненію своей идеи учрежденіемъ только частнаго банка подъ покровительствомъ регента. Успѣхъ банка былъ быстръ, что легко объясняется: 1) покровительствомъ регента, 2) необыкновенною полезностію подобнаго учрежденія въ странѣ терзаемой ростовщиками, въ странѣ, гдѣ насилія правительства заставили скрыться весь оборотный капиталъ и повысили страшно цѣну монеты, 3) постоянною и неизмѣнною цѣнностію билетовъ банка, дававшею имъ перевѣсъ надъ звонкою монетою, которой цѣнность поминутно мѣнялась. Впрочемъ сначала билеты банка не имѣли курса обязательнаго; всякъ могъ брать и не брать ихъ. Но Ло, преслѣдуя свою идею замѣненія золота и серебра кредитомъ, долженъ былъ желать для своихъ билетовъ именно обязательнаго качества: и вотъ, какъ первый шагъ къ осуществленію своего плана, онъ выхлопоталъ повелѣніе, которымъ позволено было принимать билеты банка по нарицательной цѣнѣ, наравнѣ съ золотыми и серебряными деньгами, во всѣхъ, слѣдующихъ правительству платежахъ. Такимъ образомъ банковые билеты получили уже отчасти характеръ собственно бумажныхъ денегъ: стали въ нѣкоторомъ смыслѣ замѣнять звонкую монету (свойство бумажныхъ денегъ), а не представлять ее (свойство кредитовъ).

Но обороты банка и обращеніе его билетовъ ограничивались только Парижемъ и большими городами. Для распространенія оборотовъ банка Ло употребилъ новое средство, принаровленное къ меркантильнымъ стремленіямъ общества: производство колоніальной торговли въ Луизіанѣ, орошаемой р. Миссисипи и почитавшейся какимъ-то золотымъ дномъ. Ло выхлопоталъ у правительства на 25 лѣтъ право на основаніе монопольной торговли компаніи на акціяхъ, подъ именемъ Западнаго общества.

Рѣзкія реформы никогда не совершаются безъ того чтобы не повредить многимъ частнымъ интересамъ и не возбудить во многихъ вражды и ненависти. Ло только что начиналъ свое поприще, а уже возбудилъ много враговъ; но онъ шелъ неуклонно къ своей цѣли. Въ 1718 году Западное общество взяло въ аренду табачныя пошлины, и доходы съ этой операціи присоединены были къ акціямъ общества. Цѣна на акціи быстро повысилась. Наконецъ, банкъ Ло, бывшій до тѣхъ поръ частнымъ учрежденіемъ, объявленъ былъ банкомъ королевскимъ; Ло и его обществу предоставлено было право торговой монополіи съ Остъ-Индіею и Китаемъ. Общество, получивъ названіе Индѣйскаго, выпустило 50,000 новыхъ акцій (filles), для пріобрѣтенія которыхъ нужно было предъявить четыре прежнія акціи. Вслѣдъ затѣмъ Ло купилъ у короля право чеканить монету за 50 милліоновъ; чтобы уплатить ихъ, Индѣйское общество выпустило третью серію акцій (petites filles). Кредитъ общества былъ такъ великъ, что онѣ были раскуплены на мѣстѣ по цѣнѣ, вдвое выше номинальной. Послѣ этого Ло рѣшился исполнить обѣщаніе, данное регенту: онъ предложилъ новыми акціями скупить государственный долгъ въ 1,500,000,000 съ условіемъ, чтобы всѣ общественныя подати отданы были на откупъ Индѣйскому обществу. Тогда-то денежная манія овладѣла Французами. Желаніе пріобрѣсть акціи возросло до безумія, и улица Quincampois, гдѣ производилась продажа и перепродажа акцій, сдѣлалась центромъ дѣятельности Парижа. Волненіе толпы было необыкновенно; нужно было разставить караулы у концовъ улицы, чтобы предохранить народъ отъ давки. Нетерпѣніе получить барышъ, надежда улучшить состояніе, желаніе забыться среди сильныхъ ощущеній азарта, всѣ страсти кипѣли тогда на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ шаговъ. На улицѣ Quincampois смѣшались безъ всякаго разбора и придворные, и ремесленный классъ; толпились монахи и аббаты, аристократы и рабочіе, солдаты и купцы, толкались люди, прибывшіе искать себѣ

счастія во Франціи. Неравенство званій и классовъ уравнялось равенствомъ интересовъ и стремленіемъ обогатиться. Векселя Ло получили преимущество предъ золотомъ. Однажды два дворянина обнажили шпаги: одинъ за то, что, продавецъ акцій, хотѣлъ получить за нихъ билетами, другой за то, что, какъ покупатель, хотѣлъ платить за нихъ золотомъ. Ажіотеры, посредствомъ своихъ тайныхъ агентовъ управляли всѣми движеніями волновавшагося общества и держали въ рукахъ своихъ его судьбу; состоянія мѣнялись въ продолженіи одного часа нѣсколько разъ. Ажіотеры, получивъ акціи для перепродажи и продержавъ у себя одинъ день, обогощались невѣроятнымъ образомъ. Ло сдѣлался идоломъ общества, золотымъ тельцомъ Парижа. Около него толпилась, ему льстила знать, его окружали знатнѣйшія дамы, бросавшія для него дворецъ и часто покупавшія дорогою цѣною ласковый взглядъ Ло и право предпочтительно предъ другими получить акціи. Народъ оскорбительно подтрунивалъ надъ родовитыми личностями, которыя, наравнѣ съ своими лакеями, толпились у конторы банка. Ненависть простолюдина къ аристократу усилилась новымъ чувствомъ—презрѣніемъ. Эти мрачныя предвозвѣстія возбуждали въ дворянахъ только смѣхъ и не мѣшали имъ болѣе и болѣе унижаться, распутничать и разоряться.

Какъ не велико было увлеченіе общества къ акціямъ и билетамъ Ло, но подорвать его систему было не трудно. Основанія ея были слишкомъ шатки: банкъ, по настоянію регента, безъ особеннаго противодѣйствія со стороны Ло, выпустилъ новыхъ денегъ на $2^1/_2$ милліарда; номинальная цѣна акцій возросла до 10 милліардовъ, и никакіе торговые дивиденты не могли покрыть даже процентовъ съ воображаемаго капитала. Ло слишкомъ положился на довѣріе общества; между тѣмъ самое безумное возвышеніе кредита должно было ему показать, какъ быстро можетъ усилиться, при малѣйшемъ сомнѣніи, недовѣрчивость, которая разрушитъ все эфемерное „зданіе. построенное въ семь этажей на фундаментѣ, заложенномъ только для трехъ этажей“. Говорятъ, что Дюбуа, находившійся на жалованіи у Англіи, содѣйствовалъ очень много къ подрыву системы Ло: въ концѣ 1719 года агенты Дюбуа стали распространять въ народѣ разныя опасенія, гибельныя для системы. Эти опасенія были поддерживаемы парламентомъ и партіею легитимированныхъ, которая, послѣ неудавшейся попытки свергнуть регента посредствомъ заговора, искала другихъ средствъ вредить регенту и его любимцу Ло. Но этого было еще мало:

враги рѣшились довести королевскій банкъ до невозможности уплачивать по предъявляемымъ въ него билетамъ. Одно иностранное общество, имѣвшее въ банкѣ на нѣсколько милліоновъ фонда, вдругъ потребовало весь вкладъ. Банкъ выплатилъ деньги безостановочно; но Ло видѣлъ уже въ этомъ зловѣщее предвѣщаніе и не ошибался. Опомнившіеся владѣтели акцій скоро увидали несостоятельность слишкомъ возвышенной цѣны ихъ. Грозная молва росла невѣроятно быстро. Желаніе сохранить свой капиталъ въ звонкой монетѣ возникало еще быстрѣе, чѣмъ прежде возникало желаніе владѣть акціями и билетами: всякій захотѣлъ вмѣсто бумаги имѣть лучше дома, дачи, и драгоцѣнные камни. Немногіе разсчетливые уже заблаговременно объ этомъ позаботились; ихъ прежде называли глупцами, а теперь стали подражать имъ: всюду акціи стали обмѣниваться на билеты, а билеты въ свою очередь посылались въ банкъ для обмѣна на звонкую монету. Принцъ Конти явился въ банкъ съ руками, наполненными билетами, и возвратился изъ банка съ тремя фурами, набитыми серебромъ.

Со дня на день положеніе Ло дѣлалось затруднительнѣе, и тогда-то, для поддержанія своей системы, онъ начинаетъ употреблять мѣры беззаконныя; но, вмѣсто того, чтобы поддержать довѣріе онъ собственными руками добиваетъ его и разрушаетъ свое зданіе. Эти мѣры были: 1) эдиктъ, понижавшій цѣнность золотыхъ денегъ, 2) запрещеніе употреблять для нарядовъ драгоцѣнности, выдѣлывать золотую и серебряную посуду, употреблять въ оборотахъ свыше 100 ливровъ другія деньги кромѣ билетовъ, наконецъ, 3) запрещеніе имѣть болѣе 500 ливровъ звонкой монеты, подъ опасеніемъ конфискацій и ссылки на галеры. Но эти мѣры были недѣйствительны: цѣнность акцій и билетовъ падала страшно, предъявленія усиливались въ неимовѣрномъ количествѣ. Золото и серебро уже текли не въ банкъ, а исчезали, какъ будто проваливались сквозь землю. Чтобы положить конецъ такимъ ужаснымъ для него явленіямъ, Ло прибѣгнулъ къ средствамъ, о которыхъ ему нужно было подумать раньше. Онъ прекратилъ новый выпускъ билетовъ и продажу акцій и пустилъ въ оборотъ нѣсколько милліоновъ звонкой монеты; индѣйская компанія чрезъ своихъ агентовъ скупила сколько можно болѣе билетовъ, чтобы возвысить кредитъ ихъ. Эти мѣры не успѣли пріостановить паденія Ло; ибо правительство 21 мая 1720 года, издало эдиктъ, которымъ публично объявлялась несостоятельность банка, а акціи и билеты его понижались въ половину.

На другой день Парижъ представлялъ странную картину: повсюду грозныя, испуганныя лица, жалобы, угрозы, проклятія. Нѣкоторые даже лишили себя жизни, не будучи въ состояніи пережить разоренія. Ярость народная обратилась на Ло. Свидѣтель несбывшагося своего предпріятія, потерявшій въ страшной борьбѣ все присутствіе духа и все свое состояніе, которое было конфисковано, Ло, едва уцѣлѣвъ отъ мщенія народа, бѣжалъ за границу съ 800 луидорами. Послѣ долгихъ скитаній съ мѣста на мѣсто, онъ взялся за прежнее ремесло игрока и поселился въ Венеціи, гдѣ и умеръ въ бѣдности, оставя послѣ себя оклеветанную память.

Обращая вниманіе на *внѣшнія отношенія* Франціи, мы въ ея дипломатіи увидимъ отсутствіе логики въ дѣйствіяхъ, мимовольное стремленіе поколебать монархію, при стараніи поддержать ее. Какъ искренній представитель монархіи и католицизма, Лодовикъ XIV сосредоточивалъ всю свою политику на покровительствѣ строго католической и монархической Испаніи, гдѣ посадилъ на тронъ, цѣною страшныхъ усилій, своего внука; онъ былъ искренній врагъ Англіи и Голландіи, представительницъ конституціонизма и республики, представительницъ протестантства и естественныхъ промышленныхъ конкурентовъ Франціи. Но регентъ, опасавшійся притязаній Филиппа испанскаго на престолъ Франціи, въ случаѣ смерти малолѣтняго и слабаго Людовика XV, и Дюбуа, находившійся на жалованіи у англійскаго правительства, измѣнили политику предшествовавшаго царствованія. Трактатомъ четвертаго союза, который разрушилъ всю прежнюю федеративную систему французскаго двора, Франція вошла въ союзъ противъ родственной ей Испаніи съ Англіею и Голландіею, ея соперницами въ торговлѣ, и съ Австріею, ея соперницею династическою. Поводомъ къ союзу былъ проэктъ испанскаго министра *Альберони*, который, опираясь на умъ Елисаветы пармской, жены ничтожнаго Филиппа V, составилъ планъ 1) возвратить Испаніи потерянныя ею по утрехтскому миру италіянскія владѣнія, 2) возстановить въ лицѣ претендента католическую монархію въ Англіи и, наконецъ, 3) поставить во Франціи правителемъ герцога менскаго подъ вліяніемъ испанскаго короля и вести оба государства Францію и Испанію по дорогѣ обозначенной политикою Людовика XIV. Для достиженія послѣдней цѣли, посланникъ Испаніи *Селамаръ* сталъ во главѣ заговора, который составленъ былъ во Франціи противъ регента партіею легитимированныхъ и долженъ былъ начаться возмущеніемъ въ

Бретани. Планы Альберони возбудили опасеніе въ западной Европѣ. Заговоръ Селамара, напоминавшій интриги Фронды, былъ открытъ шпіонами Дюбуа, посланникъ испанскій долженъ былъ выѣхать изъ Франціи, и тогда-то обѣ отрасли бурбонскаго дома— племянникъ и внукъ Людовика XIV начали войну. Французскія войска пошли сражаться въ Испанію, противъ короля, даннаго Испаніи Франціею. Флотъ испанскій былъ уничтоженъ, Альберони палъ, габсбургскій домъ получилъ Сицилію; а французское правительство возвратилось повидимому къ старой политикѣ, ибо непріязненныя дѣйствія его съ Испаніею кончились брачнымъ союзомъ: инфантина испанская, 6-лѣтняя донья Марія Викторія предназначена была въ супруги молодому Людовику XV.

Въ 1723 году умеръ Дюбуа, вслѣдъ за нимъ умеръ и его воспитанникъ—регентъ Филиппъ орлеанскій. При погребеніи послѣдняго повторились тѣ же сцены, какъ и при погребеніи властительнаго Людовика XIV. Насмѣшками и оскорбленіями сопровождалъ народъ въ могилу того, на котораго сначала полагалъ такія богатыя надежды. Въ регенство монархія упала во мнѣніи общественномъ еще на нѣсколько процентовъ, въ регенство протестантизмъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ.

2) *Людовикъ XV* (1723—74). Въ теченіи полувѣка отъ 1723 года, то есть съ тѣхъ поръ, когда страшный апоплексическій ударъ поразилъ регента, до 1774 года, когда полусогнившій трупъ Людовика XV свезли безъ всякой церемоніи въ С.-Дени, дѣйствительными представителями Франціи сначала были министры короля, а потомъ женщины. Самъ Людовикъ XV былъ король—incognito, почитавшій своею обязанностію жить хорошо самому и удовлетворять своимъ потребностямъ, прихотямъ и страстямъ на счетъ государства, не ломая своей царственной головы мыслями о потребностяхъ государства и народа. Въ эту голову съ молодости вколочено было убѣжденіе, что государство создано для короля. Съ колыбели не мѣшали развиваться въ ребенкѣ эгоизму и бездѣйствію; эгоизмомъ и отсутствіемъ всякой энергіи отличался король всю жизнь свою. Всякій разъ, когда надо было идти въ залу совѣта, Людовика XV била лихорадка. Онъ былъ сначала вѣренъ своей супругѣ, именно вслѣдствіе этой флегматической лѣни, а не потому, чтобы любилъ ее; за то потомъ предался такой отвратительной жизни, какая уже никакъ не шла къ христіанскому, а тѣмъ болѣе къ христіаннѣйшему королю.

а. Бурбонъ и Флери (1723—43). По смерти Орлеанскаго король, хотя и объявленный совершеннолѣтнимъ, былъ такъ молодъ, что рѣшено было ввѣрить первое министерство принцу крови. Первымъ министромъ былъ избранъ старшій изъ фамиліи Конде, герцогъ *Генрихъ Бурбонъ*. Новый министръ былъ человѣкъ надменный, угловатый въ обращеніи, хорошій рубака, еще лучшій аферистъ, но не чуть негосударственный человѣкъ. Въ три года своего министерства онъ еще болѣе разстроилъ финансы, поссорилъ государство съ Испаніею, отославъ назадъ нареченную невѣсту короля, инфантину испанскую, и женивъ его на дочери Станислава Лещинскаго, бывшаго короля польскаго. Въ 1726 году мѣсто Бурбона заступилъ воспитатель короля кардиналъ *Флери*. Главнымъ правиломъ внутренней и внѣшней политики робкаго, впрочемъ добросовѣстнаго Флери было сохраненіе statu in quo т. е. того состоянія, въ какомъ онъ принялъ Францію. На смѣлыя реформы кардиналъ былъ не мастеръ; на нихъ у него ни духу, ни ума не хватало, да и едва-ли онъ сознавалъ ихъ необходимость. Поворотить назадъ, къ мѣрамъ Людовика XIV также не рѣшался Флери, глухо сознавая ихъ недѣйствительность. На современное ему общественное устройство Франціи смотрѣлъ Флери какъ на покрытое плесенью болото: малѣйшее движеніе назадъ или впередъ могло взволновать эту тину и вызвать изъ нея страшныя, гнойныя міазмы, отъ которыхъ потомъ приходилось бы очищать зараженный воздухъ; а на это надо было натуру посмѣлѣе и голову покрѣпче, чѣмъ была натура и голова добраго кардинала. Флери былъ общій успокоитель и примиритель.

Флери старался возстановить порядокъ, равновѣсіе между приходами и расходами, безъ новыхъ займовъ и безъ увеличенія налоговъ, строгою экономіею. Многіе обвиняютъ Флери въ томъ, что онъ былъ скупъ часто въ такихъ случаяхъ, когда Кольберъ совѣтовалъ быть расточительнымъ; именно въ случаяхъ, когда дѣло шло о поддержаніи чести Франціи. Въ доказательство этого приводятъ войну за польское наслѣдство, когда кардиналъ, послѣ долгаго настоянія, согласился послать на защиту королевскаго тестя Станислава 1500 человѣкъ. Само собою разумѣется, что эта горсть войска потерпѣла только безславіе, а пользы Станиславу не принесла ни на грошъ. Но надо принять во вниманіе, что интересъ польской войны былъ чисто династическій, а не народный. Флери былъ постояннымъ врагомъ войны и постояннымъ союзникомъ Англіи. Такая политика унизила значеніе Франціи на моряхъ и

поставила ее въ совершенную зависимость отъ Англіи; она, наконецъ, содѣйствовала тому, что въ народѣ еще болѣе падало уваженіе къ аристократіи, которая во время войны по крайнѣй мѣрѣ проливала кровь за государство и возвышалась въ глазахъ народа воинскими доблестями; а теперь, во время мира, казалась безполезнымъ, пустымъ привилегированнымъ сословіемъ. Врагъ всѣхъ реформъ Флери напрягалъ всѣ силы къ водворенію спячки въ обществѣ, преслѣдуя свободныхъ мыслителей посредствомъ самой строгой цензуры и запрещенія ввозить во Францію иностранныя сочиненія.

Сила и значеніе Флери продолжались собственно до 1740 года: вліяніе учителя пало вмѣстѣ съ тою дѣтскою невинностію въ которой онъ думалъ удержать короля. Нашлись люди, которые постарались расшевелить въ королѣ страсти и потомъ сдѣлаться ему необходимыми, угождая этимъ страстямъ. Эгоистъ ученикъ забылъ учителя и предался новымъ своимъ любимцамъ. Переворотъ совершился впрочемъ не вдругъ, а исподоволь. За дѣло взялся знаменитый фешіонабль и левъ того времени—герцогъ Ришлье. Чтобы устранить учителя, нужно было преобразовать ученика. Молодой король любилъ охоту и игру въ карты. На охотѣ или за вечернимъ супе, который часто продолжался за полночь и при которомъ не было кардинала, король освобождался отъ обыкновенной робости и флегматической скуки, дѣлался веселымъ собесѣдникомъ. Его особенно развлекала игра, и вотъ придворные жантильомы и придворныя дамы бросали на зеленое поле горсти золота: король игралъ съ жаромъ, любилъ выигрыватъ, а великодушные жантильомы охотно разорялись. Роскошный столъ и вина слѣдовали за игрою. Пирушки эти особенно одушевляла своимъ присутствіемъ M-me де *Мальи*, двадцатилѣтняя красавица, веселая, вполнѣ эмансипированная, опорожнявшая сразу по нѣсколько бокаловъ шампанскаго. Король увлекся, жизнь его перемѣнилась. Кардиналъ ему уже наскучилъ: онъ наводилъ на него сплинъ, мысль о смерти; тогда какъ веселая Мальи, остроумный Ришлье, пылкіе братья Бельили, Эгильонъ и другіе развлекали его, тѣшили его страсти. Въ Версалѣ король сталъ являться только въ торжественныхъ выходахъ: онъ жилъ въ уединенномъ замкѣ Шуази, который украсилъ всѣмъ великолѣпіемъ, роскошью и нѣгою восточнаго сераля.

Начинается эпоха вліянія женщинъ.

b. Господство женщинъ (1743—74). Французское общество въ это время представляетъ три класса: a) большая часть, масса (чернь и рабочіе) погружена была въ прежнее невѣжество, въ средневѣковые предразсудки, религіозные и политическіе, и если страдала, то требованія свои ограничивала прекращеніемъ физическихъ страданій, просьбою о насущномъ облегченіи—не болѣе. b) Обыкновенное дворянство, часть высшаго, бюрократія и зажиточная буржуази были вполнѣ образованы, сознавали необходимость реформъ, питали ненависть ко всему средневѣковому въ церкви и государствѣ. Органами этой партіи были такъ называемые философы и литераторы XVII вѣка и во главѣ ихъ Вольтеръ, Монтескье, Дидро, д'Аламберъ, Кэне, и другіе философы—экономисты и энциклопедисты. Эта партія выражала начало прогресса въ обществѣ, потребность радикальныхъ перемѣнъ. Члены ея группировались около нѣскольких литературныхъ салоновъ, сдѣлавшихся проводниками ихъ вліянія не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Предсѣдательницами и хозяйками этихъ салоновъ (bureaux d'esprit) были замѣчательныя дамы того вѣка (Тансенъ, Жоффренъ, дю-Деффанъ). c) Король, дворъ, высшее духовенство и та часть gentilhomerie, которая покровительствуема была дворомъ, не признавая требованій прогресса, противились всѣмъ нововведеніямъ, считали для себя все позволеннымъ, объявляли притязанія на право распологать по произволу личностями и имуществами граждань. По прежнему невѣжественная, и, при всемъ наружномъ лоскѣ, лишенная гуманнаго, солиднаго образованія, эта партія упустила изъ рукъ литературу, видѣла образованіе въ аристократической породѣ, развратничала, наслаждалась жизнію и не вѣрила въ человѣческое достоинство прочихъ классовъ общества. Она составляла такъ называемое правительство, группируясь около сильныхъ при королѣ женщинъ, сначала герцогини Шатору, потомъ маркизы Помпадуръ, наконецъ, графини Дюбарри, и располагала по произволу войною и миромъ. Наконецъ, d) парламентъ, считая себя оберегателемъ правъ народа и государства, былъ постоянно въ открытой оппозиціи съ придворною партіею и, будучи не въ состояніи пока сломить правительства, которое его ремонтрансамъ противопоставляло lit de justice, по крайней мѣрѣ постоянно вооружалъ общественное мнѣніе противъ деспотизма правительства и церкви.

Герцогиня *Шатору* гордая, властительная, хотѣла сдѣлать изъ короля героя, и потому непродолжительный періодъ ея влады-

чества ознаменованъ участіемъ Франціи въ войнѣ за австрійское наслѣдство противъ императрицы Маріи Терезіи. Эта война дала придворной знати случай покрыть себя донъ-кихотскимъ блескомъ, расточить финансы и погубить нѣсколько армій, безъ всякой существенной выгоды государству.

Гораздо лучше было время господства маркизы *Помпадуръ*, заступившей мѣсто Шатору послѣ ея смерти. Плебейка по происхожденію, она была прекрасно образована и какъ будто создана для важной политической роли. Нельзя не согласиться, что, если мѣры, которыми она пріобрѣла и удерживала власть надъ Людовикомъ, были въ высшей степени грязны и возмутительны, то въ этомъ можно обвинить скорѣе короля, чѣмъ Помпадуръ. Она сначала думала возбудить въ королѣ вкусъ къ изящному, облагородить въ немъ низкія склонности. Отсюда ея роскошь, великолѣпіе, покровительство наукѣ и искусству, покровительство всему, что только носило печать таланта во Франціи. Кредитъ ея возвышался особенно способностью къ дѣламъ и стараніемъ облегчить ихъ бремя для ничтожнаго, лѣниваго короля. Если она и злоупотребляла своимъ вліяніемъ, расточая финансы, употребляя иногда въ обиліи lettres de cachet, то съ другой стороны, гораздо лучше всѣхъ прежнихъ и послѣдующихъ женщинъ, гораздо лучше самого короля, управляла государствомъ. Въ то время, когда король проводилъ время въ нѣгѣ и позорномъ распутствѣ, Помпадуръ окружала себя людьми способными, которые давали ей возможность поддерживать теченіе дѣлъ въ государствѣ. Понимая, какимъ кредитомъ пользуются въ общественномъ мнѣніи такъ называемые философы, Помпадуръ успѣла привязать къ себѣ царя философовъ, *Вольтера*, и успѣла на время, хоть сколько нибудь, овладѣть литературными движеніями, которыя безпечное правительство такъ давно упустило изъ виду. Во время ея владычества, въ версальской типографіи лейбъ-медикъ *Кене* печаталъ свою новую систему общественной экономіи, а министръ финансовъ *Машо* дѣлалъ первыя, впрочемъ неудавшіяся отъ сопротивленія парламента, попытки къ преобразованію экономическихъ отношеній общества, посредствомъ уничтоженія сословнаго и провинціальнаго неравенства въ распредѣленіи налога и пошлинъ. Наконецъ, особенно покровительствуемый маркизою, довѣренный ея человѣкъ, умный, сильно сочувствовавшій потребностямъ вѣка, другъ Вольтера— *Шуазель* окончилъ давно тянувшійся и безпрерывно волновавшій Францію споръ между іезуитами и янсенистами уничтоженіемъ

іезуитскаго ордена. За это coup d'état, Шаузель получилъ одобреніе отъ философовъ, представителей новыхъ идей, и отъ парламента, поборника старой законности.

Іезуиты въ послѣднее время возбудили сильную ненависть и въ народѣ, и въ философахъ, и въ парламентѣ, и въ большинствѣ образованнаго общества. Шаузель ждалъ съ нетерпѣніемъ случая, чтобы нанести ударъ прежде, чѣмъ орденъ, страшно ненавидѣвшій министра, предупредитъ его ядомъ или кинжаломъ. Случай скоро представился. Іезуитъ Лаваллетъ, торговавшій въ Америкѣ, обанкротился и задолжалъ $1^1/_2$ милліона франковъ одному коммерческому дому въ Марселѣ. Начался процессъ, который перенесенъ былъ въ парижскій парламентъ, по просьбѣ самихъ іезуитовъ, надѣявшихся найти содѣйствіе при дворѣ, который до сихъ поръ враждовалъ съ парламентомъ и пользовался всякимъ случаемъ произвольно уничтожать его опредѣленія. Но они ошиблись. Шуазель соединился съ парламентомъ, а парламентъ опредѣлилъ, что весь орденъ обязанъ уплатить долгъ своего обанкротившагося сочлена. Іезуиты отвѣчали, что, *по ихъ законамъ*, долгъ должно выплатить только то братство, котораго начальникомъ былъ обанкротившійся Лаваллетъ. Тогда парламентъ схватился за неосторожную ссылку на статуты ордена и потребовалъ на разсмотрѣніе эти статуты. Орденъ увидѣлъ, что промахнулся, думалъ увернуться отъ этого требованія, но, не смотря на всѣ старанія свои, онъ долженъ былъ представить одинъ экземпляръ своихъ статутовъ королю, а другой парламенту. Началось изслѣдованіе, парламентъ производилъ его съ шумомъ и распространялъ слухи о безнравственности орденскихъ законовъ. Король хотѣлъ узнать мнѣніе духовенства и поручилъ разсмотрѣть орденскіе законы собору епископовъ. Соборъ опредѣлилъ, что находитъ орденъ весьма полезнымъ учрежденіемъ, если уничтожить слишкомъ большую и опасную для государства зависимость членовъ его отъ генерала, живущаго въ Римѣ, и замѣнить этого генерала особеннымъ викаріемъ, который бы жилъ во Франціи и подчиненъ былъ законамъ королевства. Тогда король приказалъ снестись съ генераломъ ордена и спросить: не согласенъ-ли онъ будетъ на нѣкоторыя измѣненія, которыя поставили-бы орденъ въ бо́льшее соотвѣтствіе съ правами галликанской церкви. Генералъ ордена, Лаурento Риччи, отвѣчалъ „sint ut sunt, aut non sint“. Того только и хотѣлось парламенту. Послѣ полуторагодичнаго разсмотрѣнія дѣла, производившагося подъ руководствомъ злѣйшаго

врага іезуитовъ (аббата de Chauvelin), представлена была королю докладная записка: Recueil monstrueux des assertions, soutenues et enseignées par la C-nie de Jesus. Здѣсь между прочимъ сказано было, что іезуиты допускаютъ святотатство, бунтъ, клятвопреступленіе, убійство, цареубійство и множество другихъ преступленій. Людовикъ XV рѣшился, наконецъ, по настоянію Шуазеля и Помпадуръ, подписать опредѣленіе объ уничтоженіи ордена іезуитовъ во Франціи. Воспрещено было носить платье ордена, коллегіи его были закрыты, изгнанные іезуиты частію удалились, а частію нашли убѣжище у нѣкоторыхъ старинныхъ католическихъ фамилій. Парламентъ хотѣлъ, чтобы не осталось и слѣдовъ ордена, и постановилъ, чтобы всякія оправданія или похвалы ордену были сожигаемы рукою палача. Энциклопедисты радовались гибели іезуитовъ, но не потому, чтобы они были болѣе благосклонны къ прежнимъ врагамъ ордена— янсенистамъ: они смѣялись и надъ янсенистами. Вольтеръ говорилъ: „уничтоживъ лисицъ, надо приняться и за волковъ“.

Такимъ образомъ правительство, повинуясь неотразимой силѣ исторіи, сломало одну изъ опоръ стараго общественнаго и церковнаго устройства. Воспитаніе молодого поколѣнія перешло къ воспитателямъ, напитанныхъ новыми идеями. Португалія еще прежде начала изгнаніе іезуитовъ; а теперь Франція увлекла за собою сперва всѣ государства, глѣ правили Бурбоны, а потомъ и габсбургскій домъ. Папа Климентъ XIV довершилъ ударъ и уничтожилъ орденъ буллою, подписавъ которую, онъ, говорятъ, умеръ отъ медленнаго яда*).

Въ характерѣ внѣшней политики, въ эпоху господства Помпадуръ, произошелъ переворотъ довольно рѣзкій. При вступленіи въ министерство Шуазеля, продолжалась начатая прежде война съ Австріею, но совсѣмъ съ другимъ успѣхомъ. Знаменитый полководецъ Франціи, Морицъ саксонскій (Marechal de Saxe) покрылъ себя и государство славою побѣдъ при Фонтенуа и Року; Франція готовилась уже овладѣть испанскими Нидерландами, но появленіе русской арміи на Рейнѣ и сближеніе Маріи Терезіи съ маркизою Помпадуръ прекратили войну. Франція понесла только издержки. Миръ служилъ переходомъ къ новой войнѣ. „Любезная кузина“ Маріи Терезіи—Помпадуръ и умный Шуазель, желавшій унизить опасное преобладаніе Англіи, измѣнили своимъ вліяніемъ двухвѣковую политику Франціи; Бурбоны соединяются съ габсбургскимъ

*) Орденъ былъ возобновленъ въ 1816 г. папою Пій VI.

домомъ противъ прусскаго короля Фридриха В. и противъ Англіи. Потерпѣвъ пораженія на сушѣ и на моряхъ, Франція потеряла по парижскому миру Канаду, Сенегалъ и Луизіану. Шуазель употреблялъ всѣ усилія, чтобы вырвать колоніальное первенство у Англіи. Онъ стремился соединить *фамильнымъ договоромъ* всѣ бурбонскія государства (Францію, Неаполь, Испанію)для общаго противодѣйствія Англій (acte de famille) и такимъ образомъ поворотилъ къ политикѣ Людовика XIV. Кромѣ того онъ стремился противодѣйствовать усиливающемуся вліянію Россіи на сѣверѣ и для этого вмѣшивался въ дѣла Швеціи, Польши и Турціи. Всѣ его планы рушились: Англія удержала владычество на моряхъ, Россія на сѣверѣ. Одно пріобрѣтеніе Корсики было плодомъ всей дипломатической дѣятельности Шуазеля. Впрочемъ надо замѣтить, что въ самомъ разгарѣ ея, онъ потерялъ свою опору при королѣ въ маркизѣ Помпадуръ и встрѣтилъ сильную оппозицію въ новой царицѣ двора и въ новомъ любимцѣ короля—герцогѣ д'Эгильонѣ. Помпадуръ умерла въ 1764 году; эгоистъ Людовикъ XV принялъ вѣсть объ ея смерти совершенно хладнокровно.

По смерти Помпадуръ, враги Шуазеля нашли въ одномъ модномъ магазинѣ гризетку, выдали ее замужъ за графа Дюбарри и поставили ее на мѣсто Помпадуръ. Овладѣвъ совершенно волею короля, графиня *Дюбарри* искала себѣ опоры въ людяхъ, ее возвысившихъ, и въ свою очередь возвышала ихъ въ совѣтѣ короля. Король, вопреки общественному мнѣнію, изъ угожденія Дюбарри, удалилъ отъ дѣлъ Шуазеля. Паденіе его возбудило всеобщее негодованіе: парламентъ и философы смотрѣли на него, какъ на мученика и поборника правъ законности, и все, что только было въ оппозиціи двору, навѣщало опальнаго министра. Новое министерство (состоявшее изъ Эгильона, канцлера Мопу, генералъ-контролера финансовъ аббата Терре и Бопня), окрещенное въ народномъ памфлетѣ *уксусомъ четырехъ разбойниковъ* (vinaigre de quatre voleurs), унизило совершенно монархію нарушеніемъ всякой законности, чисто восточнымъ деспотизмомъ, плутовствомъ и страшнымъ притѣсненіемъ народа. Д'Эгильонъ и Мопу особенно отличались въ борьбѣ съ парламентомъ. Еще будучи губернаторомъ Бретани, Эгильонъ поступалъ, тамъ какъ настоящій сатрапъ, собирая съ народа контрибуціи деньгами и вещами, отнимая женъ и дочерей у жителей, похищая монахинь изъ монастырей и раздѣляя все награбленное съ дворомъ. Выведенный изъ терпѣнія парламентъ затѣялъ съ нимъ процессъ. Дѣло довольно долго

тянулось: король защищалъ Эгильона и ломалъ парламентскія опредѣленія; но парламентъ крѣпко стоялъ за законъ и право. Не успѣвъ одолѣть парламентскую оппозицію, правительство въ 1771 году вовсе уничтожило парламентъ и объявило, что „королевская воля есть единственный законъ въ государствѣ и что исполнители правосудія суть орудія этой воли“. Вмѣсто парламента учреждены были одинъ верховный и нѣсколько подчиненныхъ ему королевскихъ судовъ, вполнѣ безгласныхъ и зависимыхъ отъ короля. Всѣ классы общества громко роптали на уничтоженіе послѣдней гарантіи народа отъ произвола; но правительство, очертя голову, шло противъ общественнаго мнѣнія. Въ дѣлѣ съ парламентомъ королевская власть показала самоуправство, противное всему историческому развитію французскаго судопроизводства; въ управленіи финансами правительство не стыдилось заниматься постыднымъ ремесломъ скупщиковъ хлѣба, для того чтобы продавать его народу по дорогой цѣнѣ. Народъ окрестилъ эту плутовскую спекуляцію названіемъ *acte de famine* въ соотвѣтствіе Шуазелевой *acte de famille*.

Конецъ царствованія Людовика грустенъ и страшенъ: деспотизмъ и развратъ двора, бѣдствія народныя, всеобщее броженіе старыхъ и новыхъ идей въ обществѣ, саркастическое отрицаніе всего прошлаго и тоскливое ожиданіе неизвѣстнаго будущаго, а среди всего этого—изжитая физіономія сластолюбиваго старика, видимо разрушавшагося и стремившагося къ могилѣ. Смерть была достойна жизни. Весною 1774 года внезапно разнесся слухъ, что король заболѣлъ оспою. Онъ заживо разлагался и, наконецъ, умеръ 10 мая 1774 года. Дворъ немедленно оставилъ Версаль и удалился въ Шуази, боясь заразы. Никто не хотѣлъ подойти къ трупу, который оставался въ Версали 8 часовъ и, наконецъ, засыпанный известью, былъ перевезенъ чрезъ Булонскій лѣсъ въ С.-Дени. Никто не пролилъ слезы о старикѣ, котораго въ молодости привѣтствовали названіемъ bien aimé, всѣ съ радостію привѣтствовали Людовика XVI—desiré.

При смерти короля, Франція представляла лабораторію разрушительныхъ силъ, которыя, начиная отъ трона до послѣднихъ классовъ общества, работали съ удивительнымъ согласіемъ надъ разрушеніемъ старины. Само собою разумѣется, что старый порядокъ вещей долженъ былъ пасть подъ усиленными ударами разрушительныхъ силъ. Одни дѣйствовали безъ сознанія и безъ намѣренія, другіе съ сознаніемъ и намѣреніемъ; но всѣ—повинуясь неотразимой силѣ исторіи, законамъ развитія, требованіямъ вѣка.

И во-первыхъ, надъ разрушенiемъ стараго порядка вещей безсознательно трудилось правительство. Оно опошлѣло, унизило корону своимъ развратомъ, безсилiемъ, безпечностiю и злостнымъ банкротствомъ—внутри, отсутствiемъ всякаго величiя, благородства, патрiотизма и логичности—извнѣ. Оно сдѣлалось ненавистнымъ, потому что, при всей своей внутренней и внѣшней пошлости и безсилiи, поставило произволъ и эгоизмъ краеугольнымъ камнемъ своихъ дѣйствiй.

Во-вторыхъ, пали и опошлѣли главныя опоры старой монархiи. Сначала дворянство: оно опошлѣло какъ дворъ—его образецъ, тѣшилось и покровительствовало литераторамъ, которые его убивали. Потомъ духовенство: оно опошлѣло, какъ дворъ; аббаты и епископы были или фанатики, ненавидимые народомъ, или развратники, презираемые народомъ, въ которомъ убивали они вѣру своимъ безвѣрiемъ. Наконецъ, парламентъ: онъ убилъ отчасти самъ себя рѣзкимъ консерватизмомъ, а добило его правительство.

Но среди этого всеобщаго разрушенiя получаетъ значенiе *среднее сословiе*, до сихъ поръ второстепенное (tiers état).

Параллельно этому саморазрушенiю—дѣйствуютъ и умственныя движенiя.

III.

Умственныя движенiя во Францiи въ XVIII вѣкѣ.

Главными представителями умственныхъ движенiй во Францiи XVIII вѣка были: *Вольтеръ*, *Монтескье*, *Жанъ-Жакъ Руссо* и *Кэне*. Каждый изъ этихъ корифеевъ высказываетъ одну какую-либо сторону умственныхъ движенiй вѣка. Вольтеръ отрицаетъ авторитетъ вездѣ и во всемъ, но по преимуществу въ сферѣ вѣры и науки; Монтескье и Руссо отрицаютъ авторитетъ въ юридическихъ отношенiяхъ общества; Кэне отрицаетъ всякую, извнѣ налагаемую организацiю въ сферѣ экономическихъ отношенiй. Вольтеръ по преимуществу разрушаетъ старое; Монтескье, Руссо и Кэне стараются на развалинахъ стараго создать новое. Наконецъ, есть еще одна великая собирательная личность, среди этого новаго движенiя: это самъ XVIII вѣкъ, творецъ *энциклопедiи*; тутъ отдѣльныя личности исчезаютъ, самъ вѣкъ говоритъ за себя.

1. *Франсуа-Аруэ*, прозванный *Вольтеромъ*, родился 20 февраля 1694 года. Первая книга, по которой выучился читать мальчикъ, была Moiseiade Ж. Б. Руссо, подаренная ему крестнымъ отцемъ, аббатомъ Шатонефомъ. Воспитанный у iезуитовъ, Вольтеръ былъ аттестованъ ими, какъ будущiй врагъ религiи.

Первою школою свѣтскаго образованія его былъ Салонъ Нинοны. Слава его между аристократическимъ кругомъ была упрочена его разгульною жизнію въ Голландіи, которая вызвала ожесточенное преслѣдованіе со стороны его отца, и рѣзкими посланіями противъ Людовика XIV и регента, за которыя онъ просидѣлъ съ годъ въ бастиліи. Іезуитское воспитаніе заставило его возненавидѣть воспитателей; примѣръ крестнаго отца открылъ ему глаза на счетъ духовенства; преслѣдованія роднаго отца заставили его возненавидѣть семейство; преслѣдованія правительства вооружили его противъ современнаго государства.

„Посланіе къ Ураніи“ было началомъ той войны, которую Вольтеръ всю жизнь свою велъ съ ожесточеніемъ противъ народной религіи. Пріобрѣтая себѣ извѣстность своими мелкими прозаическими и поэтическими произведеніями въ сатирическомъ родѣ, Вольтеръ задумалъ планъ эпической поэмы Генріады и написалъ трагедію „Эдипъ.“ Эдипъ былъ принятъ съ восторгомъ. Саркастическій духъ отрицанія и сомнѣнія, духъ ненависти къ принятымъ вѣрованіямъ на каждомъ шагу проявляется въ этомъ произведеніи.

Льстя и угождая знати, Вольтеръ не могъ совладѣть съ своимъ ѣдкимъ, саркастическимъ характеромъ и, среди упоенія сценическимъ и литературнымъ торжествомъ, былъ отколоченъ однажды лакеями разгнѣваннаго на его остроты герцога Рогана; хотѣлъ требовать у него удовлетворенія, но общественное устройство не давало ему права защищать честь свою, права бывшаго привиллегіею одной знати: Вольтеръ сдѣлалъ вызовъ Рогану и былъ посаженъ въ бастилію, а потомъ высланъ изъ Парижа. Возненавидѣвъ общество, его обезчестившее, онъ поѣхалъ въ Англію, къ своему другу Болингброку, и здѣсь три года изучалъ либерализмъ и скептицизмъ въ ихъ источникѣ.

Пребываніе въ Англіи имѣло огромное вліяніе на Вольтера: почести, которыя вся нація воздавала умершему въ это время Ньютону, сильно поразили славолюбивую душу Вольтера, заключавшуюся въ отколоченномъ палками тѣлѣ. Лондонъ былъ Аѳинами для молодаго француза. Никогда онъ столько не учился, никогда онъ столько не трудился, какъ въ эти три года. Здѣсь на сочиненіяхъ сенсуалистовъ и скептиковъ Локка и Гоббеза, здѣсь на положительно-математической теоріи наблюденія Ньютона, здѣсь на деизмѣ Шефтсбюри и Болингброка, вырабатывалъ Вольтеръ тотъ разносторонній, полный легкой эрудиціи, остро-саркастическій, разрушительный геній, которымъ онъ потомъ господствовалъ надъ

общественнымъ мнѣніемъ Европы. Наконецъ, жатва была кончена: онъ запасся всѣмъ, что ему было нужно, и чрезъ три года явился въ Парижъ. Что же застаетъ онъ во Франціи? Въ правительствѣ летаргическій застой подъ владычествомъ старика Флери, столицу, въ которой вкусъ къ наслажденіямъ шелъ все болѣе и болѣе впередъ, не ожидая уже примѣра отъ двора, наконецъ, аристократію, не ту, полную гордаго сознанія своего значенія, дѣятельную, занятую аристократію, которая образовывала правительство и оппозицію въ Англіи,—нѣтъ: онъ нашелъ праздныхъ, растлѣнныхъ, лѣнивыхъ, мишурно-гордыхъ жантильомовъ, которые были одинаковыми диллетантами въ наукѣ и литературѣ, въ гастрономіи и развратѣ.

Вольтеръ началъ свою славу „Генріадою". Въ Генріадѣ мало поэзіи, въ ней больше философіи; вмѣсто образовъ—въ ней мысли, духъ оппозиціи. Задушевная идея, цѣль творенія—отрицаніе поэтическихъ средневѣковыхъ вѣрованій и учрежденій, похвала не только вѣротерпимости, но полному религіозному индеферентизму, стремленіе проповѣдать въ звучныхъ стихахъ свободу политическую и религіозную, восхвалить индеферентизмъ Генриха IV, въ противоположность фанатизму и католицизму Людовика XIV, и Людовика XV. Въ трагедіяхъ Вольтеръ не столько поэтъ, сколько тотъ же скептикъ, стремящійся освободить людей отъ того, что называли тогда предразсудками политическими и религіозными, врагъ современной ему церкви и современнаго ему государства. Вотъ двойное направленіе, которымъ проникнуты всѣ его трагедіи. Въ „Заирѣ", образцовомъ произведеніи Вольтера, нападеніе на авторитетъ религіозный проглядываетъ сквозь патетическою любовь Заиры и грандіозную личность Оросмана, этого магометанина-индеферентиста, а между тѣмъ въ высшей степени благороднаго характеромъ. Еще рѣзче проявляется тоже направленіе въ трагедіи „Магометъ": здѣсь на каждомъ шагу поэтъ бичуетъ фанатизмъ, тиранію духовенства, недостойныя уловки, которыми оно держитъ въ невѣжествѣ народъ. Все это, само собою разумѣется, поэтъ примѣняетъ къ пророку, но въ мелкихъ, тогда же изданныхъ сочиненіяхъ, очевидно показываетъ, на кого мѣтитъ онъ въ своей трагедіи. Частію желая предохранить себя отъ нападеній цензуры, а частію вслѣдствіе ѣдкой желчности и насмѣшки, Вольтеръ посвятилъ эту трагедію папѣ Бенедикту XIV, и папа принялъ посвященіе памфлета, направленнаго противъ папства.

Слава, которою пользовались Персидскія письма Монтескье, заставила славолюбиваго Вольтера попытаться въ томъ же родѣ.

Тотчасъ по возвращеніи изъ Англіи, онъ написалъ свои „Философскія письма“. Они были проводниками во Францію міровоззрѣнія тѣхъ Англичанъ, которымъ Вольтеръ сочувствовалъ, и тѣмъ болѣе пріобрѣли значеніе, что англоманія уже пробуждена была въ Французахъ сочиненіями Монтескье.

Своею Генріадою, трагедіями, философскими письмами Вольтеръ очертилъ рѣзко путь, по которому будетъ идти, разрушая все то, что называлъ предразсудкомъ, разрѣшая человѣка отъ всей прожитой имъ жизни. Съ этихъ поръ начинается обще-европейское вліяніе царя философовъ Вольтера. Удаляясь въ помѣстье маркизы дю-Шатле, онъ занимается преимущественно математикою, метафизикою и философіею, но не оставляетъ и поэзіи. Ярче всего выразился духъ его въ двухъ, имъ здѣсь написанныхъ сочиненіяхъ: 1) въ „Elements de la philosophie de Newton“, въ которыхъ онъ прилагаетъ теорію тяготѣнія и сцѣпленія Ньютона къ міру существъ разумныхъ и проповѣдуетъ матеріализмъ, 2) въ „Pucelle d'Orléans“, гдѣ онъ съ удивительнымъ талантомъ убиваетъ одно изъ поэтическихъ воспоминаній и явленій французской исторіи.

Въ 1750 году царь философовъ пріѣзжаетъ въ Берлинъ къ королю-философу, Фридриху Великому, который своимъ авторитетомъ содѣйствуетъ распространенію его славы и его вліянія на Европу. Скандальная исторія оканчиваетъ дружбу двухъ корифеевъ XVIII вѣка. Наконецъ, Французъ, англоманъ, Пруссакъ—Вольтеръ дѣлается Швейцарцемъ. Въ своемъ знаменитомъ Ферне, находясь въ перепискѣ съ многими царственными лицами Европы, будучи предметомъ всеобщаго поклоненія, Вольтеръ живетъ по-царски и излагаетъ всю свою систему: въ Философическомъ словарѣ, въ Толкованіи на екклезіаста, пѣснь пѣсней, и другія книги св. писанія, и, наконецъ, въ „Essais sur les moeurs des nations“. Въ первыхъ произведеніяхъ онъ является полнымъ атеистомъ; въ послѣднемъ разрушаетъ все прошлое Франціи, всю средневѣковую жизнь Европы съ тѣмъ же наслажденіемъ, съ какимъ въ эпоху терроризма народъ разрушалъ всѣ ея памятники.

На закатѣ дней, послѣ 28-лѣтняго отсутствія изъ Франціи, царь философовъ захотѣлъ видѣть родину. Общество, которое его создало и которому онъ высказалъ задушевную мысль его, при жизни вѣнчало Вольтера вѣнкомъ славы, въ февралѣ 1778 года. Это былъ апоѳеозъ его: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ. Въ нѣкоторомъ отношеніи Вольтеръ былъ правъ, говоря: „я болѣе сдѣлалъ для моего времени, чѣмъ Лютеръ и Кальвинъ“.

2) *Монтескье* (родился 1689 году) сначала въ своихъ „Персидскихъ письмахъ“, подобно Вольтеру, насмѣшкою дѣйствуетъ противъ современной французской церкви, нравственности и государства, все разрушаетъ. Впослѣдствіи уже, отказываясь отъ сарказма, серьезно потрясаетъ господствующій во Франціи образъ правленія и даетъ идеалъ новаго. Монтескье видѣлъ печальное состояніе правительства и народа въ регентствѣ и рѣшился передать свои ощущенія обществу въ легкой беллетристической формѣ. Въ перепискѣ двухъ Персовъ—одного, жившаго въ Парижѣ, къ другому, жившему на родинѣ, Монтескье изобразилъ въ остроумныхъ, занимательныхъ, часто циническихъ чертахъ, состояніе Франціи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ, или, говоря другими словами, все сочиненіе его есть рѣзкая критика на государственное устройство, іерархію, суевѣріе и на всю общественную и духовную жизнь французской монархіи. Естественный выводъ, какой могъ сдѣлать себѣ каждый Французъ, прочитавъ Персидскія письма, былъ тотъ, что правительство и духовенство страшно обманываютъ націю. Собственныя имена дѣйствующихъ лицъ скрыты; но самыя личности такъ живо обрисованы, что каждый современникъ могъ тотчасъ же назвать каждую по имени.

Послѣ изданія Персидскихъ писемъ, Монтескье отправился путешествовать: былъ въ Голландіи, Флоренціи, Венеціи, и, наконецъ, пріѣхалъ въ Англію. Англійское устройство, англійская наука и жизнь имѣли на него то же вліяніе, какъ и на Вольтера, только гораздо серьезнѣе и основательнѣе: Вольтеръ заимствовалъ изъ Англіи орудіе къ разрушенію стараго французскаго общества,—Монтескье—не столько орудіе разрушенія, сколько матеріалы для построенія новаго общества, которое не умирало бы, подобно древнему, подъ игомъ произвола правительства и вслѣдствіе отсутствія всякаго дѣятельнаго участія націи въ общественномъ управленіи. Плодами пребыванія Монтескье въ Англіи были сочиненія: 1) „Considerations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence, и 2) L'esprit des lois“.

Въ небольшомъ объемѣ перваго разсужденія изложилъ Монтескье всю исторію Рима до крестовыхъ походовъ. Идея, которою проникнуто все сочиненіе, состоитъ въ томъ, чтобы показать превосходство общества, дѣйствующаго и мыслящаго самостоятельно, надъ тѣмъ же обществомъ, когда оно состоитъ подъ управленіемъ военнаго деспотизма, т. е. показать состояніе Рима въ эпоху республики и въ эпоху имперіи. Очевидно, что все разсужденіе на-

писано съ тою цѣлію, чтобы Французы могли примѣнить бѣдственное состояніе Римской имперіи къ дѣйствительному состоянію своего отечества и отсюда заключить о несостоятельности тогдашняго устройства, основаннаго на абсолютизмѣ, и о необходимости преобразовать его по новому образцу. Вліяніе Considerations на общество обнаружилось въ разгаръ революціи, когда безусловное увлеченіе республиканскимъ Римомъ проявилось проведеніемъ римскихъ формъ и учрежденій въ жизнь революціоннаго общества и человѣка.

„Духъ законовъ“ есть плодъ конституціонной мудрости, пересаженной во Францію изъ Англіи. Въ этомъ твореніи авторъ имѣетъ цѣлію дѣйствовать не на одно свѣтское, но и на ученое общество; въ немъ предлагаетъ онъ идеалъ новаго общества на мѣсто стараго, которое отрицалъ онъ въ предыдущихъ твореніяхъ. Духъ законовъ есть какъ бы сокращеніе и результатъ всѣхъ идей и требованій умѣренно-либеральной или конституціонной партіи того вѣка. Отъ салоновъ M-mes Тансенъ и Жоффренъ до рабочаго кабинета императрицы Екатерины II l'Esprit des lois былъ настольною книгою всѣхъ государственныхъ и вообще всѣхъ образованныхъ людей. Монтескье выводитъ необходимость общественности изъ состоянія вѣчной вражды, въ которое впадаютъ равные по природѣ своей люди, живя внѣ общества. Всякій государственный союзъ есть у него дѣйствіе свободной воли людей, соединяющихся между собою добровольнымъ договоромъ, чтобы быть счастливыми. Задача государства поэтому заключается въ доставленіи каждому лицу сколь возможно большей безопасности и счастія, безъ значительнаго ограниченія его личной свободы. Договоръ, вслѣдствіе котораго люди соединяются въ общества, разнообразенъ по свойству народовъ, его заключающихъ. Отсюда разнообразіе образовъ правленія. Все это разнообразіе сводитъ Монтескье къ тремъ главнымъ основнымъ формамъ: республикѣ, конституціонной монархіи и деспотіи. Республика представлена у Монтескье недостижимымъ идеаломъ; необходимое условіе ея добродѣтель, принципъ—любовь къ совершенному равенству. Конституціонная монархія есть, по Монтескье, единственно лучшая форма общественнаго устройства для настоящихъ государствъ, которыя лишены главнаго условія республики—добродѣтели. Принципъ этой государственной формы—честь. Наконецъ, деспотія представлена у Монтескье, какъ язва человѣчества, причина искаженія и упадка человѣческой природы: ея принципъ—страхъ. Разсматривая ограниченную монархію, авторъ говоритъ: для доставленія гражданамъ

общей безопасности и въ то-же время личной свободы, въ государствѣ необходимы три власти: законодательная, предписывающая гражданамъ, что они должны дѣлать для осуществленія цѣли государства и чего не дѣлать; судебная, слѣдующая въ приговорахъ своихъ опредѣленіямъ законодательной, и исполнительная, приводящая въ исполненіе законы первой и приговоры второй. Далѣе, власть въ государствѣ должна быть устроена такъ, чтобы означенныя три главныя отрасли ея, законодательная, судебная и исполнительная, никогда не смѣшивались, но чтобы онѣ были отдѣлены и одна ограничивала и уравновѣшивала другую: ибо гражданинъ, по мнѣнію Монтескье, обезпеченъ только тогда, когда ни одна власть не имѣетъ перевѣса надъ другою. На этомъ основаніи между народомъ и престоломъ должно принимать участіе въ правленіи наслѣдственное дворянство, какъ хранитель принципа чести, который Монтескье проводитъ по всей частной и общественной жизни дворянина. Излагая устройство судебной власти, Монтескье особенно рѣзко возстаетъ противъ религіозной нетерпимости; излагая систему налоговъ, возстаетъ противъ поголовныхъ податей: поголовная подать приближаетъ человѣка къ рабству, говоритъ онъ, а налогъ на произведенія болѣе подходитъ къ свободѣ, ибо менѣе касается личности человѣка. Далѣе высказывается мысль, что государство болѣе свободное есть вмѣстѣ и болѣе богатое: что въ представительныхъ государствахъ подати уплачиваются охотнѣе за тѣмъ, что народъ платитъ для себя и что контроль держитъ цѣлая нація. Благородное возстаніе противъ торговли неграми, выраженное въ формѣ патетической ироніи, принадлежитъ къ мыслямъ новымъ, которыя въ концѣ XVIII вѣка нашли отголосокъ въ англійскомъ парламентѣ.

3) Въ 1750 г., въ то время, когда въ литературныхъ салонахъ Парижа владычествовалъ матеріализмъ и скептицизмъ Вольтера и философовъ-энциклопедистовъ и конституціонныя теоріи Монтескье, когда злоупотребленія и пошлость правительства вызывали духъ оппозиціи противъ монархіи, когда литераторы и философы, подкапываясь подъ основы испорченнаго общества, вмѣстѣ съ тѣмъ увлекались его духомъ, его же нравственною порчею, льстили вѣку и отрицали вѣкъ,—въ это время вдругъ является въ Парижѣ сочиненіе, въ которомъ неизвѣстный міру человѣкъ съ удивительнымъ жаромъ, увлеченіемъ и краснорѣчіемъ клеймитъ позоромъ образованіе, приписывая успѣхамъ ума человѣческаго нравственное и соціальное паденіе общества и человѣка.

Авторъ сочиненія, принятаго съ восторгомъ публикою, увѣнчаннаго дижонскою академіею, былъ *Жанъ-Жакъ-Руссо*—гражданинъ женевскій.

Онъ родился въ Женевѣ въ 1712 году; матери лишился при самомъ рожденіи; на седьмомъ году жизни изгнаніе отняло у него отца. Воспитаніе его предоставлено было случаю: мальчикъ читалъ все, что ни попадало подъ руку; любимымъ чтеніемъ его были жизнеописанія великихъ людей Плутарха. Отданный потомъ въ науку къ нотаріусу, онъ былъ скоро отосланъ за неспособность и поступилъ въ подмастерья къ гравировщику; бѣжалъ отъ своего хозяина, отрекся отъ протестантизма и велъ жизнь бездомную, скитальческую, продолжая чтеніемъ свое самообразованіе, не имѣя часто куска хлѣба. Чѣмъ не былъ онъ въ это время? Лакеемъ, прогнаннымъ за воровство, семинаристомъ, бѣднымъ учителемъ музыки, товарищемъ нищенствующаго монаха, писцомъ. Состраданію M-me Варенсъ обязанъ онъ спасеніемъ отъ нищенства. На 30-мъ году прибылъ онъ въ Парижъ съ своею новоизобрѣтенною системою нотъ, на которую полагалъ свои надежды. Она была не принята, и Руссо, чтобы не пропасть съ голоду, опредѣлился въ коммп къ генеральному откупщику Дюпену, познакомился съ Дидро, Гримомъ и другими философами. Въ это время дижонская академія предложила на рѣшеніе вопросъ: какъ успѣхи наукъ и искусствъ содѣйствовали улучшенію нравовъ? Руссо написалъ отвѣтъ, въ которомъ рѣшилъ, что образованіе исказило первобытную чистоту человѣка и содѣйствовало его паденію. Это сочиненіе было началомъ славы его, въ немъ обозначилъ онъ ту идею, которую развивалъ потомъ во всѣхъ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ, воспитанный среди бѣдствій и одиночества, раздражительный, благородный, но рѣдко послѣдовательный въ жизни и мысляхъ, былъ заносчивъ до безумія, подозрителенъ до неблагодарности. Онъ бросилъ вызовъ всѣмъ привязанностямъ своихъ современниковъ и вообще всякой общественности и объявилъ себя поклонникомъ жизни по началамъ чистой природы. Недовольный ни людьми, ни самимъ собою, Руссо отказывался отъ почестей, добровольно отдался бѣдности и ненавидѣлъ бѣдность, гордился ею и презиралъ ее, искалъ неизвѣстности и уединенія и негодовалъ, когда міръ забывалъ объ немъ. Трудно представить энтузіазмъ, какой возбудило въ обществѣ первое сочиненіе Руссо о вредѣ наукъ; а онъ съ наружнымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на этотъ чадъ удивленія и драпировался передъ обществомъ своею строгою добродѣтелью; чтобы быть независ

мымъ онъ отказался отъ всѣхъ салоновъ, одѣлся бѣдно и просто, занялся ремесломъ кописта нотъ. Вся жизнь его была странствованіемъ съ одного мѣста въ другое, нигдѣ не могъ онъ усѣсться на долго: ибо мучимый подозрительностію, онъ вездѣ видѣлъ враговъ въ самыхъ своихъ покровителяхъ. Наконецъ, въ 1778 году, написавъ свою исповѣдь (Confessions), Руссо, какъ говорятъ, окончилъ жизнь самоубійствомъ.

Другіе писатели, владычествуя надъ обществомъ, въ то же время находились подъ вліяніемъ общества, перенимали нравы и мнѣнія публики, поддѣлывались подъ ея духъ, старались ей нравиться. Руссо не зналъ ничего этого: духъ времени тяготѣлъ надъ нимъ, но не увлекалъ его. Сложенная изъ крайностей личность и жизнь его выражается во всѣхъ его произведеніяхъ. Всѣ его сочиненія были варіаціею и блистательнымъ развитіемъ одной задушевной идеи: совершеннѣйшее состояніе человѣка есть состояніе его внѣ общества, состояніе естественной независимости, когда ни право, ни обязанность не стѣсняютъ его, когда онъ можетъ быть добродѣтельнымъ, повинуясь неиспорченнымъ влеченіямъ своей натуры, сохраняя полную свою свободу и независимость. Послѣдовательно, все полнѣе, все яснѣе и подробнѣе, развита эта идея въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

Въ упомянутомъ уже нами „отвѣтѣ на вопросъ дижонской академіи" онъ отрицательно полагаетъ первое основаніе своей системѣ: яркими красками описываетъ онъ вредъ, нанесенный людямъ образованіемъ, для того, чтобы возвысить жизнь по указанію чистой безъискусственной природы. Сочиненіе его было принято съ восторгомъ. Явились и опроверженія; но они вызвали въ публикѣ еще болѣе вниманія къ автору и увлекли Руссо далѣе по проложенному пути. Изъ этихъ опроверженій остроумнѣйшее—„Timon le misantrope"—принадлежитъ Вольтеру. Вотъ содержаніе его: Тимонъ, утомясь надъ сочиненіемъ, въ которомъ наповалъ ругалъ образованіе, выходитъ изъ дома; его грабятъ до нитки безграмотные воры; по счастію онъ находитъ пріютъ въ обществѣ умныхъ и образованныхъ людей, которые даютъ ему прекрасный ужинъ, бумагу, перо и чернила для окончанія его пасквиля на образованность.

Въ сочиненіи: „Discours sur l'origine et fondements de l'inégalité parmi les hommes" (1735) Руссо высказалъ гораздо яснѣе и полнѣе свой талантъ и свою задушевную идею. Какъ отвращеніе къ искаженному направленію литературы вызвало у Руссо нападеніе на образованіе вообще, такъ точно презрѣніе къ монархіи

Людовика XV вызвало отрицаніе всякаго общественнаго устройства. Здѣсь Руссо дѣлаетъ подробную оцѣнку такъ называемаго состоянія природы и объясняетъ, какъ люди удалились отъ этого состоянія. Гражданское общество, говоритъ Руссо, раскрываетъ въ человѣкѣ страсти и пороки, совершенно ему неизвѣстные въ естественномъ состояніи; оно расслабляетъ его и, рождая въ немъ множество потребностей, дѣлаетъ его совершенно зависимымъ отъ другихъ, тогда какъ въ состояніи естественномъ совершенство физическихъ силъ дѣлаетъ человѣка чуждымъ многихъ потребностей и слѣдовательно совершенно независимымъ. Въ этомъ состояніи всѣ равны, никто не возвышается надъ другимъ, ни по своему сословію, ни по чину; здѣсь все общее у людей и между ними не существуетъ ни правъ, ни обязанностей, такъ какъ никѣмъ изъ нихъ еще не дано другому обѣщаній. Руссо не щадитъ ни краснорѣчія, ни поэтическихъ красокъ, чтобы въ самой обаятельной картинѣ выставить прелести этой первобытной жизни. Тутъ очевидно онъ увлекся своимъ горько раздражительнымъ характеромъ и, вмѣсто того, чтобы выразить потребность реформы, онъ не утерпѣлъ, чтобы не сказать раздушенному, окруженному удовольствіями, гордому своимъ образованіемъ обществу: „дикій, въ полускотскомъ состояніи сдавливающій голову своего ребенка, чтобы сдѣлать его идіотомъ, счастливѣе васъ!“ Говоря о началѣ гражданскихъ обществъ, Руссо произноситъ проклятіе противъ частной собственности. Отрицаніе начала собственности, провозглашенное Руссо, доставило огромное вліяніе его сочиненію, и это очень понятно: его парадоксъ поддерживалъ сторону бѣднаго противъ богатаго, сторону массъ противъ меньшинства. Этого мало: самое состояніе французскаго общества, въ которомъ неравенство состояній было слишкомъ рѣзко и слишкомъ тягостно для народа, самое состояніе общества, въ глазахъ толпы, давало вѣсъ парадоксу Руссо.

Такъ какъ человѣкъ уже удалился отъ состоянія природы и сталъ жить въ обществѣ, то Руссо въ своемъ „Contrat social“ предлагаетъ образецъ лучшаго и совершеннѣйшаго общества. Общество проистекаетъ у него изъ договора. Каждый поступающій въ общество, въ силу добровольнаго договора, передаетъ всю свою личность, все свое имущество, всю свою силу верховному управленію всеобщей воли или воли цѣлаго общества, и самъ дѣлается составною нераздѣльною частію его. Вслѣдствіе сего, государство есть нравственная личность, состоящая изъ членовъ, которые об-

разуютъ общину или республику. Въ этомъ обществѣ нечего спрашивать о томъ, кому принадлежитъ право издавать законы? они изрѣкаются общею волею; нечего спрашивать: государь выше или законъ? ибо государь членъ государства; нечего спрашивать: можетъ ли законъ быть несправедливъ? никто несправедливъ въ отношеніи къ самому себѣ быть не можетъ.

Монтескье и Руссо оба поставляли республику идеаломъ государственнаго устройства; но первый думалъ, что человѣкъ для того, чтобы быть республиканцемъ, долженъ быть добродѣтельнымъ, второй утверждалъ наоборотъ, что, для того, чтобы быть добродѣтельнымъ, нужно быть республиканцемъ.

Увлекшись своею антипатіею къ общественности вообще и къ общественности современнаго ему вѣка въ особенности, Руссо въ своемъ „Эмилѣ“ принялся за роль воспитателя, но, собственно говоря, воспитываетъ изъ ребенка не члена общества, а врага общества. Онъ учитъ своего воспитанника добродѣтели, которая, не стѣсняясь никакими обязанностями, догматами и постановленіями, должна дѣйствовать независимо, по внутреннему, неиспорченному внушенію природы. Какъ въ политикѣ, такъ и въ нравственности Руссо врагъ всякихъ обязанностей, налагаемыхъ правомъ и долгомъ. Воспитанный по его методѣ человѣкъ могъ быть только членомъ того общества, которое Руссо изобразилъ въ своемъ „Contrat social“, или же только человѣкомъ, изолированнымъ отъ всякихъ общественныхъ отношеній. Являясь въ дѣйствительномъ гражданскомъ обществѣ онъ, пріученный внимать только внутреннимъ своимъ побужденіямъ, необходимо долженъ былъ сдѣлаться врагомъ всѣхъ общественныхъ постановленій, отчужденнымъ сиротою, который ни въ комъ не встрѣтитъ сочувствія и участія; словомъ, въ воспитанникѣ должна была повториться личность и судьба самого философа, его учителя.

Наконецъ, въ романѣ своемъ „Nouvelle Heloïse“ Руссо представляетъ свой идеалъ женщины: нравственность его Юліи состоитъ не въ стыдливой невинности; она говоритъ языкомъ страсти, вполнѣ сознаетъ ощущаемыя ею чувства, имѣетъ понятіе о ихъ силѣ, о ихъ послѣдствіяхъ, и вполнѣ высказываетъ ихъ міру.

Вообще философія гражданина женевскаго, не смотря на ея парадоксальность, во всякомъ случаѣ выше жизни самого философа и всего современнаго ему общества.

4. Въ половинѣ XVIII вѣка, когда мнѣнія Вольтера имѣли уже многихъ прозелитовъ, когда философствованіе было насущною

пищею французской знати, одинъ мелкій аристократъ нѣмецкій— баронъ *Гольбахъ*, имѣвшій богатое состояніе, не слишкомъ большой умъ и огромное желаніе составить себѣ литературную славу, открылъ у себя такъ называемые воскресные обѣды (diners du dimanche), на которые сходился весь литературно-ученый людъ Парижа и по преимуществу такъ называемые философы или свободные мыслители, отличавшіеся особенною рѣзкостію своихъ нападеній противъ тогдашнихъ религіозныхъ, нравственныхъ и политическихъ вѣрованій и учрежденій. Корифеями на этихъ обѣдахъ „нѣмецкаго метръ д'отеля французской философіи" были (кромѣ Вольтера) Дидро, д'Аламберъ и Гельвецій. Здѣсь то, въ философскихъ бесѣдахъ, уже за-долго до 1789 г. подняты были всѣ вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ трудилась революція. Въ этихъ бесѣдахъ, за бокалами шампанскаго, потрясались освованія всего общественнаго устройства, основанія права, нравственности, разумной свободы, вѣра въ бытіе Бога и въ безсмертіе и духовность души. Рѣчи, раздававшіяся на утонченныхъ пирахъ барона-философа, отразились въ сочиненіяхъ и хозяина, и его гостей.

Самъ *Гольбахъ* писалъ много, но всѣ его сочиненія ниже посредственности и поддерживались только обѣдами, которые давалъ авторъ, да модными замашками на атеизмъ. Замѣчательнѣе другихъ его произведеній „Systême de la nature". Основная тема этого сочиненія состоитъ въ томъ, что вѣчно подвижная природа есть первоначальная причина всѣхъ вещей.

Гельвецій, богатый откупщикъ, одинъ изъ корифеевъ гольбаховскаго салона, завелъ у себя полуночныя собранія литераторовъ. Онъ изложилъ свои убѣжденія въ трактатахъ „de l'esprit" и „de l'homme". Началомъ всей нравственной дѣятельности человѣка онъ поставляетъ общественную пользу (l'intérêt), которая слагается изъ совокупности личныхъ пользъ членовъ общества. По этому общественная польза достигается, когда каждый въ своихъ сужденіяхъ и поступкахъ управляется представленіемъ только личной своей пользы, одобряя дѣйствія, согласныя съ ея выгодами, и порицая противныя имъ. Добродѣтели и пороки суть только свойства намъ полезныя или вредныя. Гельвецій открыто высказалъ индивидуализмъ, отличительную черту стремленій большинства въ XVIII вѣкѣ. Онъ собиралъ у себя все, что было самаго роскошнаго и остроумнаго въ Парижѣ. Отборныя вина, самыя вѣтренныя женщины украшали эти вечернія пиршества, и поклонники личнаго удовольствія, проповѣдуя, что оно есть удовольствіе обществен-

ное, наслаждались и пировали въ виду страданій бѣдной, голодной массы.

Дидро, оракулъ гольбаховскаго салона, личность въ высшей степени энергическая, силою труда и таланта пробился въ люди и пріобрѣлъ почетную извѣстность. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ, во-первыхъ, возставалъ противъ ученія господствующей церкви, желая привести человѣка къ естественной религіи; во-вторыхъ, развивалъ мысль о самодѣятельности матеріи въ міротвореніи. „Если хотите, чтобы я вѣрилъ въ духъ, дайте мнѣ его ощупать„, вотъ основное орудіе его системы. Нравственное ученіе соотвѣтствуетъ вѣроученію: всѣ идеи, даже такія, каковы понятія о добрѣ и злѣ, по его убѣжденію, суть тѣлесныя ощущенія. *Жанъ д'Аламберъ*, бывшій однимъ изъ самыхъ талантливыхъ математиковъ своего времени, вмѣстѣ съ Дидро задумалъ и составилъ величественный планъ—представить въ одномъ великомъ сборникѣ всю умственную и эстетическую дѣятельность своего вѣка, составить обширный сборникъ всѣхъ человѣческихъ знаній. Результатомъ этого плана явилась знаменитая *Энциклопедія*. Д'Аламберъ написалъ къ ней свое предисловіе, составившее философскую славу его. Энциклопедія, въ которой, по словамъ Дидро, французскіе философы имѣли l'univers pour l'école et le genre humain pour pupille, есть вѣрная картина умственныхъ движеній XVIII вѣка, въ которой сглаживаются рѣзкія черты знаменитостей того времени и выражается общій духъ общества или лучше большинства въ обществѣ: въ философіи—чистый сенсуализмъ и матеріализмъ, въ политическихъ наукахъ—начало личной свободы, въ исторіи—отрицаніе всѣхъ прожитыхъ вѣрованій и учрежденій.

5. Всеобщая потребность реформъ, вызванная изъ нѣдръ самого общества и отразившаяся въ изслѣдованіяхъ философовъ о правѣ, вѣрѣ и наукѣ, коснулась и матеріальныхъ интересовъ общества.

Основное ученіе *физіократіи*, главными представителями котораго были *Кэне*, *Гурнэ* и *Тюрго*, можетъ быть выражено въ слѣдующихъ положеніяхъ: a) Государь и нація не должны никогда упускать изъ виду, что земля есть единственный источникъ богатства. b) Только земля производитъ чистый доходъ (produit net), т. е. матеріальный излишекъ произведеннаго надъ затраченнымъ для производства, слѣдовательно c) только земледѣліе производительно, а мануфактурная, торговая и невещественная дѣятельность не производятъ ничего новаго, не даютъ чистаго дохода. Поэтому

d) всѣ члены общества могутъ быть раздѣлены на classe productive или производительный—земледѣльцы, classe sterille—непроизводительный: купцы, ремесленники и чиновники, наконецъ, propriétaires—землевладѣльцы, классъ, непроизводящій, но единственно получающій чистый доходъ и потому единственно подлежащій налогу (impôt unique). e) Природа подчинена извѣстнымъ разумнымъ законамъ, которые не зависятъ отъ человѣка, а потому и народное богатство, какъ совокупность произведеній природы, въ своемъ развитіи слѣдуетъ также неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, которыхъ усилія человѣка измѣнять не должны: слѣдовательно вмѣшательство правительства въ дѣло народнаго богатства излишне и вредно; напротивъ, необходимо предоставить полную свободу экономической дѣятельности (laissez faire, laissez passer—основная форма Гурнэ).

Послѣднее положеніе о свободѣ труда особенно развито физіократами и имѣло вліяніе на реформу экономическихъ и юридическихъ отношеній во Франціи. Для увеличенія чистаго дохода, который играетъ такую же роль въ физіократизмѣ, какъ торговый балансъ въ меркантилизмѣ, государство должно всего болѣе споспѣшествовать земледѣлію и тому классу, который имъ занимается, то есть: земледѣльцамъ. Земля должна быть свободна, чтобы могла развить всю свою производительность. Земледѣлецъ долженъ быть освобожденъ отъ крѣпости и барщинъ, ибо человѣкъ, работающій по принужденію и безъ вознагражденія, будетъ всегда работать лѣниво и неохотно: онъ сработаетъ въ опредѣленное количество времени мало и худо. Торговля какъ посредникъ между производителемъ и потребителемъ, должна быть свободна, въ особенности торговля хлѣбомъ. Ремесла должны быть освобождены отъ тягостей цеховой стѣснительной организаціи, чтобы не препятствовать благосостоянію низшихъ классовъ гражданъ. Послѣднее слово физіократовъ о свободѣ труда благородно, сильно и смѣло высказалъ, наконецъ, министръ финансовъ Тюрго въ началѣ своего смѣлаго эдикта 1776 г. объ уничтоженіи цеховъ и корпорацій (jurandes et maitrises).

Заслуга физіократіи въ наукѣ состоитъ въ томъ, что она первая дала систематическій видъ ея изложенію и привела начала ея во взаимную органическую связь. Но особенно важенъ тотъ переворотъ, который долженъ былъ произвести въ соціальныхъ отношеніяхъ брошенный ею въ міръ принципъ: laissez faire, laissez passer. Посредствомъ его только можно было вызвать изъ массы

народа государственныхъ гражданъ. Первая непреложная заслуга этого гуманнаго ученія заключается въ томъ, что физіократія вспомнила, наконецъ, о бѣдномъ, въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ угнетаемомъ и забитомъ поземельномъ народонаселеніи. Она потребовала для него отъ государства попеченія, а отъ общества уваженія и почтенія.

Изъ всего сказаннаго выше видно, что Вольтеръ, Монтескье, Руссо и энциклопедисты возставали противъ средневѣковыхъ формъ и опредѣленій въ области вѣры, нравственности и правительства и стремились къ свободѣ религіозной и политической. Кэнѐ, Гурнэ, Тюрго и ихъ послѣдователи возставали противъ средневѣковыхъ формъ и опредѣленій въ области матеріальныхъ интересовъ и стремились къ свободѣ экономической.

Философы XVIII вѣка провели въ сознаніе народа его страданія, его значеніе, затронули самые живые интересы его, дали ему сильное орудіе и, раздраживъ массу, какъ будто сказали, сходя со сцены: „теперь пусть работаютъ!“

И началась работа....

ИСТОРІЯ ВЕЛИКОБРИТАНІИ.

Почти въ то же время (однимъ годомъ только раньше), когда король Людовикъ XIV, принимая послѣ смерти Мазарини въ свои руки Францію, обозначаетъ всю будущую политику словами: „государство это я“, Карлъ II Стюаръ, несчастный изгнанникъ, вступаетъ на берегъ Англіи, единодушно призванный и восторженно принятый народомъ. Пройдя сквозь смуты революціи и вытерпѣвъ гнетъ военнаго деспотизма, народъ вручаетъ, безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій, сыну ту власть, за злоупотребленіе которой этотъ же самый народъ казнилъ отца его—Карла I.

И Людовикъ XIV и Карлъ II стремятся къ одной цѣли—къ неограниченной монархіи. Людовикъ достигаетъ этой цѣли вполнѣ, и утвержденный имъ абсолютизмъ почти цѣлое столѣтіе удерживается во Франціи. Только въ концѣ XVIII вѣка происходитъ страшная, издавна приготовленная реакція: гибнетъ тронъ, гибнетъ все старое общество; революція разрываетъ всякую связь съ прожитою жизнею и потрясаетъ всю западную Европу. Не то было въ Англіи: Людовикъ XIV былъ въ апогеѣ своего самовластія,

когда Карлъ II боролся уже съ націею за права власти, а братъ его Іаковъ II за стремленіе къ абсолютизму и католицизму былъ изгнанъ, и Англичане возвели на престолъ главу протестантской либеральной партіи въ Европѣ—Вильгелма Оранскаго. Переворотъ 1688 г. совершился мирно, безъ пролитія крови, совершился болѣе въ залѣ парламента, чѣмъ на площади или на полѣ битвы. Да и результатъ былъ не такой, какъ во Франціи: переворотъ не разорвалъ связи съ прошлымъ, напротивъ онъ только точнѣе опредѣлилъ, улучшилъ и возвелъ въ законъ тѣ начала общественной жизни, которыя выработаны были всею предъидущею исторіею Англіи и существовали какъ обычай. Переворотъ, не столь рѣзкій и шумный, имѣлъ гораздо менѣе вліянія на западъ Европы: онъ не увлекъ всѣхъ государствъ, не нарушилъ общаго мира и только посредствомъ литературнаго воздѣйствія оказалъ косвенное вліяніе на Францію. Но не будучи шумнымъ и рѣзкимъ, онъ былъ прочнѣе, разумнѣе и практичнѣе всѣхъ континентальныхъ переворотовъ. Возстановивъ и улучшивъ старую конституцію, въ которой королевская власть ограничивалась народнымъ представительствомъ—парламентомъ, англійская нація пополнила свою старую великую хартію свободы (magna charta) прошеніемъ о правахъ (petition of Rights) и билемъ о правахъ (bill of Rights), и эти три акта были названы „политическою библіею Англіи“.

I.

Англія при послѣднихъ Стюартахъ (1660—1688).

1. *Карлъ II* (1660—1685). Когда 25 мая 1660 года корабли Карла II приблизились къ берегамъ Англіи, дуврскія скалы были покрыты толпами народа, многіе изъ зрителей плакали отъ радости. Каждый спѣшилъ привѣтствовать короля; гремѣла музыка илился рѣкою эль за здоровье того, кто приносилъ съ собою миръ, законъ и свободу.

Старое государственное устройство было возстановлено по общему согласію. Всѣ акты долгаго парламента, на которые согласился Карлъ I, приняли полную силу. Войска были распущены и военная тиранія миновала, оставя глубокіе слѣды въ умахъ общества и постоянную ненависть къ постоянной арміи: сто лѣтъ спустя послѣ смерти Кромвеля парламентъ продолжалъ возставать противъ увеличенія числа солдатъ, допуская только одинъ родъ войскъ—національную милицію.

Карла II сначала народъ любилъ болѣе, нежели кого либо изъ Стюартовъ. Несчастія его семейства, трагическая смерть отца, собственныя бѣдствія и романическія приключенія возбуждали къ нему сочувствіе; прибытіе его освободило государство отъ невыносимыхъ смутъ. Онъ отъ природы получилъ прекрасныя дарованія и веселый характеръ. Карлъ испыталъ всю перемѣнчивость счастія и видѣлъ жизнь со всѣхъ ея сторонъ. Горькій опытъ показалъ ему, какъ много скрывается низости и вѣроломства подъ лицемѣрными масками придворныхъ. Съ другой стороны, во время скитальческой жизни, онъ нашелъ въ хижинахъ бѣдняковъ вѣрнѣйшихъ своихъ подданныхъ. Но Карлъ не воспользовался уроками горькой молодости. Душа его не отличалась благородствомъ, въ добро онъ не вѣрилъ; честности и стыда въ немъ было мало, еще менѣе любви къ труду; за то дѣтское невѣжество его въ управленіи возбуждало въ министрахъ трудно-сдерживаемую улыбку. Онъ желалъ быть королемъ для того чтобы жить, что называется, въ волю и потому не любилъ стѣсненія власти, былъ расположенъ къ деспотизму. Религіозныхъ серьезныхъ убѣжденій у него не было, но онъ терпѣть не могъ пуританъ за ихъ суровые, простые нравы. Братъ короля, Іаковъ, герцогъ іоркскій, былъ напротивъ дѣятеленъ и властолюбивъ. Онъ былъ умнѣя Карла, но гораздо антипатичнѣе. Характеръ его отличался стойкостію, суровостію, неумолимостію. Парламентскихъ учрежденій и партіи, ихъ поддерживавшей, онъ терпѣть не могъ и высказывалъ почти явную наклонность къ ненавистному для націи католицизму.

Скоро обнаружился разладъ между королемъ и націею. Король, при возвращеніи, обѣщалъ своимъ подданнымъ всеобщую амнистію и свободу совѣсти. Первое обѣщаніе было нарушено безпощаднымъ преслѣдованіемъ и казнею людей засудившихъ Карла I, не только живыхъ но и мертвыхъ: казни кончились только тогда, когда король усталъ казнить. Также мало было исполнено и второе обѣщаніе, касательно свободы совѣсти. Старая епископальная церковь была возстановлена безъ измѣненій; за тѣмъ началось преслѣдованіе пуританъ, но папистовъ щадили. Король жилъ весело и распутно; финансы разстраивались. Все это не только охладило довѣріе націи къ королю, но рѣшительно оттолкнуло ее отъ него: во-первыхъ, династически-эгоистическій союзъ правительства съ деспотическою и католическою Франціею и вражда съ либерально-протестантскою Голландіею; во-вторыхъ, вопросъ о престолонаслѣдіи.

Отношенія къ Франціи и Голландіи. Первымъ ненаціональнымъ актомъ правительства была продажа Людовику XIV Дюнкирхена, отнятаго у Испаніи Кромвелемъ. Эта продажа возбуждала опасенія націи къ постепенно усиливавшемуся могуществу деспотической Франціи и возбуждала сожалѣніе, потому что Дюнкирхенъ былъ трофеемъ англійской храбрости и напоминалъ о времени ея славы. Но ропотъ народа былъ слабъ въ сравненіи съ воплемъ, который поднялся повсюду, когда правительство, въ союзѣ съ ненавистною католическою Франціею, объявило войну Голландіи, какъ странѣ свободы и протестантизма. Негодованіе усилилось, когда англійслое оружіе покрылось позоромъ, Голландцы ворвались въ Темзу и готовились блокировать Лондонъ. Король въ этотъ день пировалъ среди своего изнѣженнаго двора; а народъ толпился въ волненіи по улицамъ и кричалъ, что Англія продана. Испугавшись нападенія Голландцевъ и возстанія народа, правительство поспѣшило заключить съ Голландіею невыгодный трактатъ. Слѣдствіемъ этихъ ошибокъ и несчастій было паденіе перваго министра графа *Кларендона*, человѣка честнаго но узкаго монархиста. Послѣ короткаго промежутка, въ который правительство сдѣлало уступку требованіямъ націи, вступивъ въ тройной союзъ съ Голландіею и Швеціею противъ Франціи, настаетъ новое, въ высшей степени недобросовѣстное возвращеніе къ прежней политикѣ. Карлъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ конституціонной Англіи и искалъ средствъ освободиться отъ этого стѣсненія и утвердить неограниченную власть посредствомъ постоянной большой арміи. Не находя въ Англіи такой партіи, которая захотѣла бы ему помогать въ этомъ дѣлѣ, Карлъ II искалъ помощи внѣ Англіи и вступилъ въ тайныя сношенія съ Людовикомъ XIV. При посредствѣ сестры его, прекрасной Генріэты, супруги Герцога Орлеанскаго, имѣвшей большое значеніе у Людовика, и при содѣйствіи самаго безнравственнаго изъ всѣхъ англійскихъ министерствъ, извѣстнаго подъ именемъ Cabal*), былъ заключенъ тайный трактатъ между Англіею и Франціею въ Дуврѣ (1670). Этимъ трактатомъ Карлъ II обязывался объявить католицизмъ господствующею религіею въ Англіи и помогать Людовику въ войнѣ противъ Голландіи; Людовикъ съ своей стороны, обязался платить Карлу субсидіи и, въ случаѣ возмущенія въ Англіи противъ короля, послать ему на помощь

*) Оно носило имя Cabal потому, что начальныя буквы 5 членовъ этого министерства (Клиффордъ, Арлингтонъ, Боккингемъ, Ашлей, Лодердаль) составляли это слово.

войско. Трактатъ этотъ окончательно опозорилъ правительство: нуждаясь въ деньгахъ для войны съ Голландіею, безнравственное министерство заняло у туземныхъ негоціантовъ 1.300,000 фунтовъ и объявило, что выплатить эту сумму не можетъ, а будетъ платить только проценты. На биржѣ произошло страшное смятеніе; многіе торговые дома пали. Между тѣмъ война съ Голландіею шла неудачно; противъ Людовика составилась европейская коалиція. Въ Англіи грозило народное возстаніе; на помощь отъ Людовика разсчитывать было нечего. Правительство вступило съ Голландцами въ переговоры и собрало парламентъ (1673), который вынудилъ у короля законъ, извѣстный подъ именемъ „Test-act", которымъ требовалъ, чтобы всѣ лица, находящіяся на службѣ, подписывали декларацію противъ догматовъ католической церкви. Требованіе этого закона показываетъ уже, что нація подозрѣвала правительство въ католическихъ стремленіяхъ. Подозрѣніе это вполнѣ обнаружилъ

Споръ о престолонаслѣдіи. Одинъ лишенный мѣста за дурное поведеніе и ересь, англійскій священникъ, который бродяжничалъ на континентѣ и толкался между іезуитами, началъ распространять слухъ, что паписты хотятъ зажечь Лондонъ, сжечь флотъ, перерѣзать, при помощи французской арміи, всѣхъ протестантовъ. Какъ ни нелѣпы были подробноси разсказа, ему повѣрили. Начались допросы: вдругъ одинъ изъ снимавшихъ допросы судей погибъ таинственною смертію. Волненіе въ Лондонѣ произошло страшное. Тюрьмы наполнились папистами. Лондонъ сталъ похожъ на городъ въ осадномъ положеніи: милиція была вооружена, патрули ходили взадъ и впередъ по улицамъ, кругомъ дворца стояли пушки. Всѣ лорды-католики лишены были мѣстъ въ парламентѣ; король долженъ былъ удалить въ Брюссель своего брата Іакова іорскаго, одинъ видъ котораго воспломенялъ народъ до бѣшенства. Потомъ изданъ былъ знаменитый законъ „Habeas corpus", охраняющій личность гражданина отъ произвола судебной и политической власти. Но это не помогло: недовольство усиливалось. При такихъ обстоятельствахъ, нижній парламентъ настойчиво потребовалъ, чтобы герцогъ іоркскій, какъ приверженецъ католицизма, лишенъ былъ правъ на престолъ Англіи и чтобы наслѣдникомъ короля былъ объявленъ побочный сынъ его, герцогъ Монмутъ, горячо любимый отцомъ и не менѣе горячо любимый народомъ, крестившій дѣтей у поселянъ, раздѣлявшій съ ними игры и забавы. При вопросѣ о престолонаслѣдіи, двѣ враждебныя партіи, изъ коихъ

одна требовала исключенія Іорка, а другая отстаивала въ немъ законнаго наслѣдника, получи въ первый разъ тѣ названія, которыя сначала имѣли бранное значеніе и которыя доселѣ носятъ двѣ главныя политическія партіи въ Англіи, прогрессивно-либеральная и консервативно-монархическая: это *виги* и *тори*. Каждая деревня, каждый городокъ, каждое семейство были въ волненіи. Даже школьники подѣлились на партіи. Билль объ исключеніи прошелъ въ нижней палатѣ, глѣ большинство состояло изъ виговъ, но былъ отвергнутъ въ верхней палатѣ, гдѣ большинство состояло изъ торіевъ. Король также отвергнулъ этотъ билль. Послѣ этого неудовольствіе еще болѣе возрасло. Виги рѣшились дѣйствовать силою. Составилось два заговора. Цѣлію „большого заговора виговъ“ было возмутить народъ противъ правительства. Другой заговоръ, въ которомъ участвовали очень немногіе изувѣры, имѣлъ цѣлію умерщвленіе короля и его наслѣдника. Оба заговора были открыты. Правительство выставило ихъ за одинъ и убѣдило народъ, что всѣ виги посягаютъ на жизнь королевскаго дома. Пользуясь негодованіемъ народа противъ цареубійства, король могъ теперь свободно отомстить вигамъ за прежнее свое униженіе. Монмутъ упалъ къ ногамъ отца и спасъ жизнь, осудивъ себя на добровольное изгнаніе; изъ остальныхъ начальниковъ заговора—одинъ (Эссексъ) самъ убилъ себя въ тюрьмѣ, два отважные предводители виговъ (Россель и Сидней) были казнены, многіе виги повѣшены, многіе бѣжали изъ родины. Пользуясь своимъ торжествомъ, правительство, вопреки тестъ-акту, возвело Іорка въ санъ генералъ-адмирала, ввело его въ число членовъ совѣта и сдѣлало правителемъ Шотландіи.

Это нарушеніе законовъ произвело ропотъ даже между умѣренными членами министерства. Среди такого натянутаго состоянія дѣлъ Карлъ II умеръ и на престолъ вступилъ братъ его Іаковъ, герцогъ іоркскій.

2. *Іаковъ II* (1685—88). Слабости свои Карлъ умѣлъ прикрывать наружными достоинствами: ловкостію въ обращеніи и веселымъ характеромъ. Іаковъ имѣлъ менѣе слабостей, но за то и менѣе искусства смягчать ихъ наружными достоинствами. Карлъ часто шелъ противъ парламента, потому что забылъ о смерти отца, Іаковъ II—потому, что слишкомъ хорошо помнилъ революціонныя смуты и смерть отца. Задушевное убѣжденіе его было: протестантизмъ въ дѣлахъ вѣры влечетъ протестантизмъ въ дѣлахъ государства и есть источникъ всѣхъ смутъ; а католицизмъ

и деспотизмъ—единственныя гарантіи порядка и благоустройства. Сообразно этому убѣжденію онъ и поступалъ. Сначала впрочемъ онъ желалъ разувѣрить государство на счетъ своихъ плановъ, старался привлечь къ себѣ общее довѣріе отъ націи, не забывая и Франціи, и, извлекши изъ этого довѣрія средства, рѣшился идти прямо къ своей цѣли: полновластію религіозному и политическому.

„Я буду подражать моему предшественнику только въ кротости и любви къ народу. Меня ославили другомъ насилія и произвола: я покажу, что какъ въ томъ, такъ и во многомъ другомъ меня оклеветали. Законъ предоставляетъ королю столько значенія въ Англіи, что напрасно искать ему этого значенія внѣ закона. Я постараюсь сохранить государство и церковь въ ихъ законномъ видѣ и буду охранять старыя законныя права и свободу націи“.

Вотъ программа Іакова II, произнесенная тотчасъ по смерти Карла въ тайномъ совѣтѣ. Она передана была народу газетами. Даже большинство виговъ приняло ее съ восторгомъ и пышными надеждами. Всѣ недоразумѣнія противъ Іакова II стали сглаживаться. Живо помня смуты революціи и надѣясь на лѣта (53), умъ, опытность, бережливость короля, нація стремилась оказать ему довѣріе и содѣйствіе. Собранный имъ парламентъ, въ которомъ преобладала партія тори, утвердилъ произвольно собранныя имъ таможенныя пошлины и обезпечилъ пожизненное ежегодное содержаніе королю.

Овладѣвъ довѣріемъ народа и имѣя въ виду осуществленіе своего плана, Іаковъ не забывалъ Франціи. Своему народу громко онъ говорилъ: „я по сердцу Англичанинъ, англиканецъ, другъ закона, парламента и націи“, и въ тоже время въ тайнѣ говорилъ агенту Людовика XIV: „я росъ во Франціи, ѣлъ хлѣбъ французскаго короля, всѣмъ сердцемъ привязанъ къ Людовику и вполнѣ раздѣляю интересы его. Я католикъ и не успокоюсь, пока не введу католицизма въ Англіи, что очень легко. Англичане, сами того не сознавая, близки къ католицизму. Я не хочу быть à la merci de mon peuple и, если созвалъ парламентъ, то пусть Людовикъ извинитъ меня: надо же было сдѣлать сначала уступки, чтобы потомъ повернуть круче“. Тайный союзъ и жалованье отъ Людовика, бывшіе у Карла II болѣе слѣдствіемъ нерасчетливости и любви пожить, у Іакова были слѣдствіемъ разчета и задуманной политики.

Завязавъ глаза народу, Іаковъ удачно управился съ своимъ племянникомъ Монмутомъ, который чрез нѣсколько недѣль по

смерти Карла II, высадился изъ Голландіи съ толпою англійскихъ изгнанниковъ въ Англію, чтобы отнять у дяди корону. Подъ знамена его стеклось довольно много недовольныхъ, которыхъ еще не успѣлъ обморочить Іаковъ II. Но необдуманность и малодушіе предводителя, неспособность его совѣтниковъ и раздоръ, обнаружившійся между его приверженцами, когда Монмутъ принятіемъ королевскаго титула оттолкнулъ отъ себя республиканскую партію, погубили предпріятіе. Разбитый на голову Монмутъ былъ взятъ въ плѣнъ и погибъ на эшафотѣ. Безпощадная жестокость Іакова ко всѣмъ дѣйствительнымъ и подозрѣваемымъ сообщникамъ заговора, изъ которыхъ 330 были мучительно казнены и болѣе 800 проданы въ рабство въ колоніи, нарушеніе при этомъ всѣхъ законныхъ формъ судопроизводства оттолкнули народъ отъ короля. Имя верховнаго судьи *Джефрейза*, который съ толпою палачей и съ орудіями пытокъ и казней разъѣзжалъ по всѣмъ графствамъ, означено кровавыми чертами въ англійской исторіи. Еще сильнѣе обнаружилось негодованіе, когда Іаковъ возвелъ этого, покрытаго кровью и самымъ грязнымъ распутствомъ, человѣка въ достоинство лорда-канцлера королевства. Послѣ подавленія заговора Монмута, Іаковъ уже ничѣмъ не стѣснялся и, не смотря на совѣты самого папы и Людовика XIV—быть осторожнымъ, съ ревностію миссіонера и упорствомъ фанатика шелъ прямо къ своей цѣли: самовластному возстановленію католицизма. Онъ открылъ доступъ въ королевство іезуитамъ, самъ даже сдѣлался членомъ этого ордена, отправилъ къ папѣ посольство съ изъявленіемъ покорности, принялъ съ торжествомъ папскаго нунція и началъ открыто присутствовать при католическомъ богослуженіи. Стремясь наполнить армію и администрацію преданными ему католиками, онъ рѣшился уничтожить Test-act, на томъ основаніи, что король имѣетъ право, въ извѣстныхъ случаяхъ, отмѣнять дѣйствіе закона (право диспенсацій), и объявилъ всеобщую вѣротерпимость. Все это доводило умы до высочайшей степени раздраженія: въ Шотландіи пресвитеріане убили эдинбургскаго епископа при объявленіи вѣротерпимости и объявили, что право королевской диспенсаціи не простирается на божественныя постановленія и что вводимая вѣротерпимость пролагаетъ путь къ папизму. Въ Англіи 7 епископовъ отказались прочесть въ церквахъ билль о вѣротерпимости, за что были брошены въ тоуеръ. Народъ сопровождалъ ихъ въ тюрьму, какъ святыхъ и мучениковъ, а когда они были оправданы по суду, то принялъ вѣсть объ этомъ съ невыразимымъ, шумнымъ

восторгомъ. Въ этомъ восторгѣ Іаковъ долженъ былъ видѣть зловѣщее предзнаменованіе, но онъ пока ничего не видѣлъ. Этого мало: когда, по голосу его зятя Вильгельма Оранскаго, составилась аугсбургская коалиція противъ Людовика XIV, Іаковъ II вступилъ въ союзъ съ Франціею и отозвалъ изъ Голландіи служившія тамъ на жалованьи англійскія войска. Только 16 офицеровъ повиновались призыву, а всѣ прочіе остались при Вильгельмѣ Оранскомъ, чрезъ котораго надѣялись освободить родину отъ деспота и паписта. Но Іаковъ и на это не обратилъ вниманія. Наконецъ, въ 1688 году, когда разнеслась вѣсть о томъ, что у короля родился наслѣдникъ, Англичане потеряли надежду на освобожденіе отъ господствующей системы и въ будущемъ, и рѣшились спастись отъ Стюартовъ собственною силою. Толпами переходили они въ Гагу; партія виговъ, имѣвшая во главѣ замѣчательнѣйшихъ людей королевства, послала адресъ къ *Вильгельму Оранскому*, приглашая его на тронъ, какъ мужа дочери Іакова—Маріи, какъ защитника свободы и протестантизма, и обѣщая ему помощь всей націи при высадкѣ въ Англію. Въ непонятномъ ослѣпленіи Іаковъ II не обращалъ вниманія на вооруженіе голландскихъ штатовъ и на предостереженія Людовика XIV. Только тогда, когда Вильгельмъ съ голландскимъ флотомъ присталъ къ берегамъ Англіи, принялъ англійскій флагъ съ девизомъ: „за протестантизмъ и свободу Англіи“ и разослалъ манифестъ, призывающій народъ встать за его собственное дѣло, только тогда Іаковъ II опомнился.

Уже было поздно. Напрасно отмѣнилъ онъ всѣ противныя конституціи распоряженія: въ другой разъ народъ обмануть было трудно. Онъ хотѣлъ было выступить противъ Вильгельма съ войскомъ, но самый довѣренный вождь его Мальборо передался на сторону Вильгельма. Вслѣдъ за тѣмъ вѣсти, одна другой безотраднѣе, посыпались градомъ на растерявшагося Іакова: начальникъ флота не ручался за вѣрность матросовъ, зять короля Георгъ предался Вильгельму, наконецъ, Анна, родная дочь его, перешла также къ Вильгельму. „Родныя дѣти меня оставляютъ“ сказалъ въ отчаяніи Іаковъ престарѣлому лорду Бетфорду, у котораго онъ казнилъ сына, „вы добрый человѣкъ лордъ вы меня не оставите“. „Я старъ, ваше величество, но у меня былъ сынъ, который теперь пригодился бы вамъ! отвѣчалъ Бетфордъ. Наконецъ, потерявъ надежду, Іаковъ II отправилъ сначала жену и сына во Францію, а потомъ и самъ, бросивъ въ Темзу государственную печать, бѣжалъ туда же. Принятый Людовикомъ XIV, онъ изъ С.-Жер-

менскаго дворца пытался потомъ возвратить утраченный престолъ, но безуспѣшно. При этомъ переворотѣ, заключившемъ навсегда революціонную эпоху въ Англіи, не было пролито ни капли крови.

II.

Конституціонная Англія до конца XVIII вѣка.

Главныя явленія англійской исторіи послѣ революціи 1668 года были: 1) постепенное прекращеніе смутъ предъидущаго времени и точнѣйшее опредѣленіе англійской конституціи биллемъ о правахъ и актомъ престолонаслѣдія, 2) выработка характера и направленія двухъ конституціонныхъ партій—виговъ и тори, 3) возвышеніе матеріальныхъ силъ Англіи посредствомъ кредита, колоній и внутренняго мира, 4) постояное противодѣйствіе Франціи и вмѣшательство въ дѣла Германіи, 5) окончательное возсоединеніе Шотландіи съ Англіею.

1. *Вильгельмъ* и *Анна*. Послѣ бѣгства Іакова II, представители англійскаго народа, въ особенномъ чрезвычайномъ собраніи (національномъ конвентѣ), объявили тронъ Англіи упраздненнымъ и, послѣ долгихъ совѣщаній, опредѣлили: исключивъ католическую линію Стюартовъ отъ престолонаслѣдія, перенести права ея не представителей протестантской линіи этого дома, Вильгельма II и его супругу Марію. Парламентъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы на будущее время прочно оградить народныя права. Актъ, извѣстный подъ названіемъ Bill and declaration of rights and succession, возстановилъ древнюю англійскую конституцію, отмѣнивъ право королевскихъ диспенсацій и утвердивъ отвѣтственность министровъ во всѣхъ дѣлахъ управленія. Занимая престолъ Англіи, Вильгельмъ оставался штатгальтеромъ соединенныхъ Нидерландовъ, чрезъ что оба государства соединились тѣснѣе, и эта связь была очень выгодна для Англіи. Въ его царствованіе пресвитеріане и пуритане, прежде постоянно угнетаемые, получили совершенную свободу вѣроисповѣданія, учреждена была свобода книгопечатанія и (1694) учрежденъ въ Лондонѣ англійскій банкъ съ основнымъ капиталомъ или фондомъ въ 1,200,000 ф. стерлинговъ, образцовое созданіе финансовой науки. Въ это же время банкъ выдалъ правительству въ заемъ 900,000 фунтовъ стерлинговъ: вотъ начало англійскаго національнаго долга. Въ 1689 году открылась война съ Франціею, въ продолженіи которой французскій флотъ претерпѣлъ сильное пораженіе при Ла

Гогѣ (1692), и съ тѣхъ поръ Англія получила рѣшительный перевѣсъ на морѣ. Къ концу этого царствованія англійскій флотъ состоялъ изъ 225 кораблей. Оберегая права массъ противъ родовой и денежной аристократіи въ Англіи и озабочиваясь сохраненіемъ политическаго равновѣсія противъ посягательствъ Людовика XIV въ Европѣ, Вильгельмъ все свое царствованіе долженъ былъ бороться съ торіями и недовѣрчивостью парламента, который ему отказывалъ и въ деньгахъ и въ арміи. При всемъ томъ, незадолго предъ своею кончиною, ему удалось составить огромный союзъ противъ притязаній Франціи на испанское наслѣдство, и только ранняя смерть пріостановила на время дѣятельное участіе Англіи въ этомъ событіи. Въ 1702 году Вильгельмъ—вѣрный другъ, добрый мужъ, оберегатель народныхъ правъ отъ деспотизма и величайшій политическій дѣятель своего вѣка, умеръ не оставя потомства*). По особому акту (act of settlement) преемницею Вильгельма была признана сестра умершей супруги его *Анна*, вторая дочь Іакова II, а въ случаѣ смерти ея безъ потомковъ, престолъ утвержденъ за ганноверскимъ домомъ. Царствованіе Анны (съ 1702), принадлежитъ къ самымъ блестящимъ періодамъ англійской исторіи. Этимъ она была обязана высокимъ дарованіямъ своихъ министровъ и особенно главѣ виговъ Мальборо, который былъ великимъ полководцемъ, замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ и самымъ ловкимъ мастеромъ на всѣ возможныя интриги и низости. Предположенная еще Вильгельмомъ война съ Франціею

---

*) „Въ исполненіи важныхъ дѣлъ государственнаго человѣка Вильгельмъ не имѣлъ себѣ равнаго между своими современниками. Онъ задумывалъ планы не менѣе великіе и смѣлые, чѣмъ Ришльё, и приводилъ ихъ въ исполненіе съ ловкостью и осмотрительностью Мазарини. Между знаменитыми генералами всѣхъ временъ Вильгельмъ занимаетъ почетное мѣсто. Всегда почти онъ былъ несчастливъ въ битвахъ, но послѣ всякаго пораженія становился еще сильнѣе. Немногіе люди въ исторіи обладали такою желѣзною, несокрушимою силою воли. Личною храбростію, холодною неустрашимостью въ битвѣ, презрѣніемъ всякой опасности онъ приводилъ въ изумленіе французскихъ маршаловъ, которые противъ него сражались. Но всѣ эти высокія качества исчезали въ глазахъ Англичанъ при видѣ его недостатковъ, болѣе-чувствительныхъ для нихъ. Вильгельмъ былъ способнѣе спасти Англійскую націю, чѣмъ понравиться ей. Въ немъ не было никакой привлекательности, ни слѣда любезности, ни тѣни общительности. Рѣдко онъ выходилъ изъ своего кабинета; а когда и являлся въ пріемныхъ залахъ, то стоялъ въ толпѣ придворныхъ и дамъ угрюмый и задумчивый, никогда не улыбаясь, не говоря никому привѣтливаго слова. Его ледяной взглядъ, его молчаніе, его сухіе, принужденные отвѣты отталкивали отъ него нобльменовъ и джентльменовъ, привыкшихъ къ фамильярному обращенію со стороны прежнихъ монарховъ. Никакія общественныя увеселенія не существовали для Вильгельма. Онъ вовсе не интересовался литературою и искусствомъ; никогда въ жизни не былъ въ театрѣ.

за наслѣдство испанскаго престола была объявлена, и Англичане имѣли большой успѣхъ, какъ на твердой землѣ, такъ и на морѣ. Людовикъ XIV былъ униженъ, Франція истощилась, Гибралтаръ взятъ (1704) и большая часть испанской морской силы истреблена. Въ продолженіе войны приведено въ исполненіе (1707) дѣйствителное соединеніе Англіи и Шотландіи въ одно королевство, подъ именемъ *Великобританіи*. Обѣ націи получили одинакія права и изъ парламентовъ двухъ королевствъ составленъ былъ одинъ общій, за уничтоженіемъ шотландскаго. Придворная интрига, воспользовавшись нерасположеніемъ націи къ войнѣ, успѣла низвергнуть министерство виговъ и главу его герцога Мальборо. Со вступленіемъ въ министерство торіевъ, война окончилась утрехтскимъ миромъ. Англія получила отъ Франціи нѣсколько земель въ сѣверной Америкѣ, отъ Испаніи Гибралтаръ и Минорку, также значительныя торговыя выгоды по особому трактату, извѣстному подъ названіемъ *ассіенто*. Правда, чрезмѣрныя издержки, которыхъ требовала упорная и продолжительная война, увеличили государственный долгъ почти до 50 милліоновъ фунт. ст., за то Англія съ этихъ поръ пріобрѣла тотъ рѣшительный голосъ во всѣхъ важныхъ политическихъ дѣлахъ, который сохраняетъ до нашего времени. Анна скончалась въ 1714 году. На англійскій престолъ вступилъ сынъ Софіи, внучки Іакова I, Георгъ Людовикъ, курфирстъ ганноверскій, подъ именемъ *Георга I*.

2. *Правленіе дома ганноверскаго* (1714). Въ правленіе трехъ первыхъ королей изъ ганноверскаго дома (трехъ Георговъ) свободныя учрежденія Англіи до такой степени выработались и утвердились, что личныя свойства королей имѣли мало вліянія на ходъ событій. Короли зависѣли отъ общественнаго мнѣнія и на-

---

Мысль его исключительно занимали одни военныя и политическія дѣла. Охота была единственнымъ его развлеченіемъ. Чуждаясь высшихъ классовъ англійскаго общества, онъ еще меньше сближался съ простымъ народомъ. Ему было неловко при всякомъ многолюдномъ собраніи. Даже высокія и похвальныя свойства Вильгельма ставили его въ рѣзкую противоположность со всѣми понятіями, стремленіями и предразсудками Англичанъ того времени. Онъ былъ другъ религіозной терпимости и свободы совѣсти. Онъ положилъ себѣ цѣлью доставить совершенную свободу вѣроисповѣданія и католикамъ, и диссентерамъ. Между тѣмъ самое имя религіозной терпимости было ненавистно Англичанамъ. Подъ предлогомъ терпимости Іаковъ II хотѣлъ возстановить католицизмъ; во имя терпимости онъ нарушалъ всѣ основные законы страны; во имя терпимости онъ подкапывалъ политическую свободу Англіи. Посреди общества, наполненнаго такими воспоминаніями, не было еще мѣста для религіозной свободы. Либеральныя стремленія Вильгельма усилили только вражду къ нему торіевъ, іакобитовъ и высокой церкви. (Вызинскій: Англія въ XVIII столѣтіи. Стр. 23, 24).

ціональныхъ интересовъ и дѣлались все болѣе и болѣе только почетными сановниками самостоятельно развивающейся и собственными силами управляемой націи (self governement).

Георгъ I, по уму и нравственнымъ убѣжденіямъ, личность довольно незначительная, составилъ министерство изъ виговъ, а предъидущее торійское министерство предалъ суду за поспѣшное заключеніе утрехтскаго мира и склонность къ якобизму (т. е. къ интересамъ претендента Іакова III, сына изгнаннаго короля). Обвиненные бѣжали къ претенденту, и руководимый ими Іаковъ III сдѣлалъ попытку возвратить тронъ отцовскій, но, благодаря уму и стараніямъ *Ораса Вальполя*, который въ теченіи 20 лѣтъ былъ первымъ министромъ, покушеніе это не удалось. Также неудаченъ былъ огромный политическій заговоръ, составленный испанскимъ министромъ Альберони и шведскимъ—Герцомъ и направленный, между прочимъ, къ возвращенію на престолъ англійскій Стюарта. Вальполь обезпечилъ государство отъ этого заговора, грозившаго потрясеніемъ не только Англіи, но и Европѣ, посредствомъ такъ называемаго *четвернаго союза* между Англіею, Голландіею, Франціею и императоромъ. Среди мира развивалась промышленная дѣятельнось націи и матеріальное богатство ея. Преувеличенное понятіе о кредитѣ, на которомъ основывалось богатство Англіи, подало поводъ къ недобросовѣстнымъ спекуляціямъ такъ называемыхъ *южно-морской* компаніи и компаніи *мыльныхъ пузырей*, которыя воспользовались денежною маніею Англичанъ, скупили государственный долгъ и разыграли ту же недобросовѣстную комедію въ Англіи, какую въ это же время регентъ и Ло розыграли во Франціи. Впрочемъ, Англія гораздо счастливѣе выпуталась изъ этого финансоваго кризиса, чѣмъ Франція. Орасъ Вальполь съ достоинствомъ поддерживалъ, не нарушая мира, международное значеніе Англіи, хотя справедливо обвиняли его за введенную имъ въ парламентскую политику *систему подкуповъ*, которыми правительству удавалось не разъ проводить неконституціонные свои виды. Злоупотребленія и интриги при дворѣ имѣли мѣсто въ Англіи и теперь, но особенно вреднаго вліянія на развитіе сама-собою управляющейся націи не имѣли. Георгъ I умеръ въ 1727 году. Пока Вальполь былъ во главѣ министерства, Англія и при *Георгѣ II* слѣдовала той же политикѣ внутренней и внѣшней. Но съ возвышеніемъ противной партіи, уже подъ конецъ управленія Вальполя, миролюбивая политика его была нарушена войной съ Испаніею (1739), по настоятельному требованію націи. Не смотря на

превосходство военныхъ силъ Англіи, эта морская война въ Америкѣ не доставила тѣхъ выгодъ, какихъ можно было ожидать. Вальполь удаленъ былъ отъ дѣлъ, мѣсто его заступило министерство *Картерета* и *Ньюкестля*, и Англія, какъ защитница прагматической санкціи императора Карла VI, приняла участіе въ войнѣ за австрійское наслѣдство. Въ Германіи сформирована была армія, названная „прагматическою", которая подъ личнымъ предводительствомъ Георга II, выиграла сраженіе (при Деттингенѣ); превосходный числомъ англійскій флотъ одержалъ побѣду надъ французскимъ и съ того времени удерживалъ перевѣсъ на морѣ. Въ продолженіе войны принцъ *Эдуардъ*, сынъ претендента и внукъ изгнаннаго Іакова II, при помощи Франціи, дважды покушался вступить въ Шотландію. Оба покушенія были уничтожены и повлекли за собою жестокія казни и временное возвращеніе „bill of attainder т. е. билль о посягательствѣ на государственную конституцію, возбуждавшаго такое негодованіе при Карлѣ I Стюартѣ. Ахенскій миръ прекратилъ войну за австрійское наслѣдство. Не смотря на побѣды и превосходство своихъ силъ, Англія получила только немногія торговыя выгоды, которыя нисколько не могли вознаградить за обременительные долги, накопившіеся отъ военныхъ издержекъ и большихъ денежныхъ пособій, которыя выплачены были Австріи, Сардиніи, Даніи и германскимъ князьямъ.

До сихъ поръ Англія вмѣшивалась въ континентальную войну, какъ представительница династическихъ интересовъ ганноверскаго дома: она болѣе тратила на субсидіи германскимъ государямъ, чѣмъ извлекала выгоды изъ своихъ пріобрѣтеній. Совсѣмъ другое, болѣе національное значеніе получило вооруженное вмѣшательство Англіи въ споры континентальныхъ державъ со вступленіемъ въ министерство одного изъ величайшихъ государственныхъ людей ея—*Вильяма Питта* (лорда Чатама). Ослабленный съ молодости немощами, онъ сохранилъ до глубокой старости всю силу богатыхъ умственныхъ дарованій, весь жаръ, ясность и неотразимую силу убѣжденія, которымъ отличалось его краснорѣчіе. Вступивъ 23-лѣтнимъ юношею на политическое поприще, онъ сразу рѣзко выдвинулся среди государственныхъ людей Англіи, честно и правдиво защищалъ международную честь и гражданскую свободу націи, находясь и въ главѣ кабинета и въ главѣ оппозиціи, и умеръ на своемъ постѣ, прозванный „великимъ представителемъ общинъ." Главныя стремленія всей его политической дѣятельности были: поставить Англію въ главѣ протестантской лиги

противъ династической и деспотической лиги Бурбоновъ, предводимой Франціею, и вмѣшиваться въ континентальныя войны съ тою цѣлію, чтобы, какъ онъ самъ выражался, покорить въ Германіи—Америку, т. е. распространить колоніальное могущество Англіи. Рѣшительное первенство Англіи на моряхъ было результатомъ этой политики. Споры съ Франціею о владычествѣ въ Остъ-Индіи и о границахъ въ сѣверной Америкѣ, необозначенныхъ предъидущими трактатами, подали поводъ къ вмѣшательству въ семилѣтнюю войну, въ которой Англія одна поддерживала интересы Фридриха В., прусскаго короля, до тѣхъ поръ, пока Питтъ былъ во главѣ кабинета (съ 1758 по 1761 годъ). Война была чрезвычайно удачна для Англичанъ, которые отняли у Французовъ многія владѣнія въ другихъ частяхъ свѣта и сдѣлали большія завоеванія въ Остъ-Индіи. Въ теченіи этой войны Георгъ II умеръ (1760) и оставилъ престолъ внуку своему, *Георгу III*, при которомъ, послѣ удаленія отъ дѣлъ Питта, несоглашавшагося на миръ, война окончилась парижскимъ трактатомъ (1763). Англія удержала за собою большую часть своихъ завоеваній въ обѣихъ Индіяхъ (Флориду, Канаду, Сенегалъ). Никогда еще она не была такъ счастлива въ войнѣ, потому и не произошло особагo ропота за то, что, при концѣ этой войны, національный долгъ взросъ до 143 милліоновъ фунт. стерл.

Борьба упрямаго короля Георга III, проникнутаго нѣмецкими, неприходившимися къ Англіи понятіями о королевской власти, съ различными министерствами составляетъ важнѣйшей фактъ исторіи Англіи послѣ парижскаго мира до французской революціи. Хотя, среди этой борьбы, возникла новая, такъ называемая *радикальная* партія, но большого значенія она еще не имѣла, и важнѣйшіе вопросы общественной жизни рѣшались главнымъ образомъ въ парламентскихъ преніяхъ между тори и вигами. Эта правильная конституціонная борьба выдвинула на сцену цѣлый рядъ замѣчательныхъ политическихъ дѣятелей и ораторовъ, каковы, кромѣ Питта старшаго: *Фоксъ*, *Боркъ*, *Шериданъ* и не менѣе отца знаменитый *Питтъ сынъ*. Изъ всѣхъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики особенное вниманіе націи обращали *два великіе вопроса*, относившіеся къ англійской колоніальной системѣ, a) вопросъ *остъ-индскій* и b) *сѣверо-американскій*.

3. *Утвержденіе Англичанъ въ Остъ-Индіи*. Въ послѣдній день XVI столѣтія, 31 декабря 1600 года, королева Елисавета дала пятнадцатилѣтнюю привиллегію „компаніи лондонскихъ куп-

цовъ, торгующихъ въ Остъ-Индіи", на монопольную торговлю по всѣмъ морямъ отъ мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива. Первоначальный капиталъ компаніи былъ ничтоженъ: онъ состоялъ изъ 80,000 фунт. стерл. раздѣленныхъ на 100 акцій. Учрежденіе компаніи произошло такимъ же точно образомъ, какимъ въ наше время уступаютъ напр. постройку желѣзныхъ дорогъ частнымъ обществамъ. Подобно этимъ обществамъ, и остъ-индская компанія имѣла свое собственное независимое устройство, свои статуты и законы; правительство предоставило ей свободу внутренняго управленія, иногда только повѣряя дѣйствія общества посредствомъ своего комиссара. Остъ-индская компанія, основанная для торговыхъ цѣлей, завела свои факторіи и конторы въ Мадрасѣ, Бомбеѣ и Калькуттѣ; въ Англіи состояла она изъ собранія акціонеровъ, которые участвовали въ составленіи капитала общества, и изъ совѣта директоровъ, которые управляли дѣлами компаніи, руководили торговыми оборотами и были избираемы акціонерами. Первыя операціи компаніи были чрезвычайно счастливы: въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ она доставила своимъ акціонерамъ дивидента 170 процентовъ. Долго она не имѣла права заводить военныя поселенія и этимъ отличалась отъ своихъ соперниковъ, Голландцевъ и Португальцевъ. Но мало-по-малу, вслѣдствіе особеннаго своего положенія въ Индіи, компанія приняла другой характеръ. Нападенія мѣстныхъ индійскихъ владѣтелей, особенно Монголовъ, и соперничества другихъ европейскихъ народовъ, особенно Французовъ, имѣвшихъ здѣсь со времени Кольбера свою остъ-индскую компанію (въ Пондишери), всѣ эти обстоятельства были причиною того, что компанія въ 1686 году выхлопотала себѣ отъ Іакова II право нападать на Монголовъ, которые ее безпокоили, а вскорѣ послѣ того ей предоставлено было право вести войну и заключать миръ со всѣми народами и государями не-христіанскаго исповѣданія. Съ этихъ поръ компанія утратила свой прежній характеръ. Она сдѣлалась въ одно время и торговымъ обществомъ и политическимъ учрежденіемъ. Пріобрѣтеніе земель, сначала для безопасности собственныхъ факторій, а потомъ для увеличенія своихъ доходовъ податями, которыя платили покоренныя земли, начало входить въ составъ ея операціи. Счастіе сопровождало постоянно всѣ предпріятія компаніи и ея талантливыхъ губернаторовъ, особенно сначала XVIII вѣка, послѣ потрясенія царства Великаго Могола персидскимъ шахомъ Надиромъ и

воинственными племенами Сейковъ и Маратовъ *). Сначала компаніи пришлось боротся съ Французами. Губернаторы французскихъ колоній *Ла-Бурдоне* и *Дю-Пле*, первый отнялъ на время у Англичанъ Мадрасъ, второй—подчинилъ власти Французовъ весь Коромандельскій берегъ; но споры между этими правителями и неудачи семилѣтней войны уничтожили совершенно французское вліяніе въ Индіи. Въ этой войнѣ Англичане овладѣли Коромандельскимъ берегомъ и Танджуромъ, и въ то же время искусно умѣли вмѣшиваться, во внутренніе раздоры между туземными владѣтелями, сѣяли между ними несогласія, помогали имъ одерживать верхъ другъ надъ другомъ, садили на престолы Индустана свои креатуры и управляли имъ отъ ихъ имени. Такимъ образомъ въ 1765 г. вся Бенгалія перешла въ руки компаніи. Но два страшные врага останавливали долго ея завоевательные планы: воинственное племя *Маратовъ* и *Гидеръ-Али*, султанъ мизорскій. Въ особенности два губернатора компаніи, лордъ *Клейвъ* и *Варренъ-Гастингсъ*, люди необыкновенно даровитые, прославились въ этой борьбѣ, въ которой, не разбирая, дѣйствовали оружіемъ, измѣною, угнетеніемъ, жестокостію, въ особенности послѣдній заслужилъ прозвище новаго Верреса. Разбитые оружіемъ и разрозненные политикою компаніи, Мараты первые подпали подъ ея иго. Долѣе держалось султанство мизорское: *Типо-Саибъ*, наслѣдникъ Гидеръ-Али, поддерживаемый Французами, долго и упорно сопротивлялся. Смерть его и взятіе Серингапатнама (1799) лордомъ *Велеслеемъ* рѣшили борьбу въ пользу Англичанъ, и компанія сдѣлалась великою державою въ Остъ-Индіи.

Послѣ этого англійское правительство не могло уже чуждаться предпріятій компаніи. Компанія приняла политическій характеръ, основала цѣлое государство; она располагала значительными военными силами, интересы ея все болѣе и болѣе приходили въ связь съ общими интересами метрополіи; десятки тысячъ англійскихъ гражданъ принимали участіе въ дѣлахъ компаніи, то своими капиталами, то военною или гражданскою службою; словомъ компанія вышла изъ предѣловъ частнаго предпріятія, и оказалась

---

*) Царство Великаго Могола было основано въ Индіи потомкомъ Тамерлана Бабуромъ въ концѣ XV вѣка. Столицею его былъ г. Дели; эпохою силы и процвѣтанія правленіе Аурензеба (1658—1707); послѣ смерти его настали междоусобія, нападенія персидскаго шаха Надира и возстанія воинственныхъ Сейковъ и Маратовъ, ослабившія въ конецъ царство. Этимъ ослабленіемъ и воспользовались сначала Французы, а потомъ Англичане.

потребность надзора, контроля со стороны правительства. Тогда-то, особенно послѣ скандальнаго процесса Варренъ-Гастингса, обвиненнаго въ самомъ безнравственномъ и жестокомъ угнетеніи туземцевъ остъ-индскихъ, когда знаменитые ораторы Боркъ, Фоксъ и Шериданъ, во имя закона и правды, заклеймили позоромъ въ парламентѣ, предъ лицемъ всей націи, политику компаніи, Питтъ младшій въ 1784 году предложилъ билль (India bill), по которому учреждено было *контрольное бюро* (board of control), для верховнаго надзора надъ дѣлами Остъ-Индской компаніи. Учрежденіе это, соотвѣтствовавшее сначала роли, которую играютъ при акціонерныхъ обществахъ комиссары правительства, тѣсно связало владѣнія компаніи съ интересами метрополіи. Предоставляя по прежнему компаніи свободу внутренняго управленія, правительство приняло въ свои руки чрезъ посредство контрольнаго бюро, верховное руководство всею внутреннею и внѣшнею ея политикою *). Съ этого времени быстрыми шагами пошло подчиненіе Остъ-Индіи владычеству компаніи при губернаторахъ: Корнвалиссѣ, Веслеслеѣ и Непирѣ.

4. *Сѣверо-американская революція.* Въ то время, когда Англія распространила свое могущество въ Остъ-Индіи, вслѣдъ за окончаніемъ семилѣтней колоніальной войны, приготовились въ сѣверной Америкѣ событія, отнявшія у Англичанъ значительную часть ихъ тамошнихъ владѣній.

---

*) Съ уничтоженіемъ въ 1834 году торговой монополіи, компанія окончательно потеряла всякій коммерческій характеръ; она не производила болѣе торговыхъ операцій и занималась только управленіемъ Остъ-Индіи. Она стала уже не коммерческою, а, такъ сказать, правительственною компаніею: вся движимая и недвижимая собственность ея, факторіи, крѣпости, огромныя территоріи отошли къ государству, а компаніи предоставлены были доходы страны и управленіе ею. Такъ продолжалось ея существованіе до половины 1857 г. Въ іюнѣ этого года противъ политики притѣсненія и завоеванія возстало по европейски обученное туземное войско (сипаи). Возстаніе обняло весь полуостровъ. Но магометане и брамины не могли соединиться между собою, и искуственно возбужденный фанатизмъ туземныхъ владѣтелей, не найдя себѣ поддержки въ апатическомъ народѣ, ничего не могъ сдѣлать предъ англійскими силами и опытными европейскими генералами. Въ концѣ февраля 1859 года вся Индія была усмирена. Еще до окончательнаго усмиренія возстанія, правительство, наученное опытомъ, почло необходимымъ преобразовать управленіе Остъ-Индіею. Билль 1 сентября 1859 года отнялъ у компаніи управленіе страною и поручилъ его особому вице-королю отъ короны. Такимъ образомъ прекратило свое существованіе единственное извѣстное въ исторіи общество, которое, владѣя въ теченіи ста лѣтъ богатѣйшею въ мірѣ страною, наконецъ, превратилось опять въ обыкновенную торговую компанію.

Еще въ концѣ XVI вѣка (1584), серъ Вальтеръ Ралейгъ, съ дозволенія королевы Елисаветы, основалъ въ сѣверной Америкѣ колонію, которую онъ прозвалъ, въ честь дѣвственницы королевы, *Виргиніею*; впрочемъ она скоро разрушилась. Начало прочной колонизаціи относится къ царствованію Іакова I, который въ 1606 году предоставилъ право заводить колоніи въ сѣверной Америкѣ *двумъ* торговымъ *компаніямъ—лондонской и плимутской*. Эти двѣ компаніи были родоначальницами всѣхъ колоній сѣверной Америки. 1) Высланные *лондонскою* компаніею колонисты основали въ Виргиніи г. Джемстоунъ, и новое поселеніе скоро пріобрѣло значеніе табачною фабрикаціею. Карлъ I, уничтоживъ права компаніи, объявилъ Виргинію королевскою провинціею и сѣверную часть ея подарилъ въ наслѣдственное владѣніе перешедшему въ католицизмъ лорду Бальтимору, который назвалъ полученную землю въ честь королевы *Мерилендомъ*. Въ 1669 году, на развалинахъ основанной еще въ XVI вѣкѣ французскими гугенотами колоніи, къ югу отъ Виргиніи основана была Англичанами колонія *Каролина* раздѣленная потомъ на сѣверную и южную. 2) Компанія *плимутская* основала колонію *Плимутъ* (1630) къ сѣверу отъ Виргиніи, въ странѣ, получившей названіе *Нью-Энгландъ* (Новой Англіи), и здѣсь потомъ, постепенно одна за другою, были основаны въ теченіи XVIII вѣка колоніи: *Массачусетсъ*, *Родъ-Эйландъ*, *Коннектикутъ*, *Менъ*, *Нью-Гемпширъ*, *Нью-Іоркъ*, *Нью-Жерзей* и, въ особенности, основанная въ 1683 г. Вильямомъ Пенномъ *Пенсильванія*. Не одни Англичане поселились въ этихъ колоніяхъ: онѣ были притономъ гонимыхъ за религіозныя и политическія убѣжденія людей всѣхъ націй—Нѣмцевъ,

---

Остъ-индская компанія, дѣйствуя въ свою пользу, не упускала ни одного источника дохода: эгоизмъ ея не разбиралъ средствъ, она истощала всѣ средства страны, выжимала всѣ лучшіе ея соки и, до самаго начала настоящаго столѣтія, въ замѣнъ не принесла ни одной плодотворной идеи. Но дѣйствуя такимъ образомъ, она дѣйствовала совершенно по понятіямъ своего вѣка, смотрѣла на дѣло колонизаціи, какъ смотрѣли на него современники, и была, если не лучше, то и не хуже Испанцевъ, Португальцевъ, Голландцевъ и Французовъ. Исторія англійскаго владычества въ Индіи написана кровію; много страницъ ея замараны вѣроломствомъ и предательствомъ Но все таки это владычество было странѣ во благо. Когда въ 1834 году объемъ англійскихъ владѣній былъ окончательно опредѣленъ, лордъ Бентикъ и сэръ Чарльзъ Метткольфъ положили начало возрожденію народа, находившагося подъ игомъ деспотизма и варварства. Тогда была предпринята борьба противъ закоснѣлыхъ предразсудковъ: варварскій обычай сожженія вдовъ сталъ прекращаться, разбойничьи шайки душителей (туговъ) стали выводиться, были подняты просвѣщеніе и правосудіе и положено основаніе проведенію обширныхъ путей сообщенія.

Ирландцевъ, Швейцарцевъ, Шотландцевъ. Въ южныхъ колоніяхъ, которыя заселены были въ періодъ революціи бѣжавшими изъ Англіи аристократами, преобладали монархическія убѣжденія: въ сѣверныхъ (нью-энгландскихъ) преобладали республиканскія начала. Но обитатели всѣхъ колоній, оставившіе родину, вслѣдствіе политическаго и религіознаго угнетенія, принесли въ новое отечество одинаковый духъ свободы, враждебный всякому стѣсненію и произволу. Правительство англійское, поставляя въ колоніи своихъ намѣстниковъ (губернаторовъ), предоставило колонистамъ значительныя льготы и преимущества; а именно: право составлять законодательныя собранія изъ выбранныхъ представителей и установлять посредствомъ ихъ свое собственное управленіе. Пока эти права оставались неприкосновенными, колоніи находились въ благопріятныхъ отношеніяхъ къ метрополіи. Но когда король Вильгельмъ III ввелъ въ колоніи новое устройство, по которому всѣ значительныя должности въ управленіи замѣщаемы были коронными чиновниками, когда онъ еще болѣе стѣснилъ ихъ торговлю, и безъ того уже стѣсненную навигаціоннымъ актомъ Кромвеля, то въ колоніяхъ возникло сильное неудовольствіе противъ метрополіи. Чтобы увернуться отъ торговыхъ стѣсненій, колонисты взялись за контрабанду, а правительство метрополіи, съ своей стороны, прибѣгло къ системѣ налоговъ и обложило пошлиною сахаръ, ввозимый во всѣ англійскія колоніи. Колоніи терпѣли это потому, что нуждались въ пособіи метрополіи противъ сосѣднихъ французскихъ и испанскихъ колонистовъ. Но, съ пріобрѣтеніемъ Англіею по парижскому миру Канады, Сѣверо-американцы были освобождены отъ опаснаго сосѣдства Французовъ. Въ войнѣ, оконченной этимъ миромъ, они принесли много жертвъ, но въ то же время возрасли ихъ силы и стремленіе къ самостоятельности. Эта же война увеличила долгъ Англіи до громадной суммы 184,000,000 фун. стерл. Тогдашнее министерство лорда *Гренвиля*, благопріятствовавшее видамъ двора, почитало законнымъ, чтобы сѣверо-американскія колоніи раздѣлили уплату издержекъ, затраченныхъ метрополіею на ихъ управленіе и на войну, и для нихъ выгодную, и потому вошли съ билемъ о новомъ налогѣ на колоніи. Не смотря на сильное противодѣйствіе старшаго Питта, утверждавшаго, что колоніи, не имѣя своихъ представителей въ англійскомъ парламентѣ, не могутъ быть облагаемы этимъ парламентомъ податями, предложеніе Гренвиля было принято: правительство получило право облагать колоніи и издало актъ, по которому на сахаръ,

кофе, индиго, вино, ость-индскія шелковыя издѣлія наложены огромныя пошлины. Это посягательство обременять колонистовъ произвольными поборами возбудило ропотъ и сопротивленіе не только въ Американцахъ, которыхъ права были нарушены, но и въ Англичанахъ, которые боялись и за свои права. Еще громче возбудилъ негодованіе такъ называемый *актъ о штемпелѣ* (stempel. act), 1765 г., которымъ введена была гербовая бумага въ колоніальномъ дѣлопроизводствѣ и сборъ за нее опредѣленъ на покрытіе издержекъ за управленіе колоніями и на погашеніе національнаго долга Англіи. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ новый законъ о постойной повинности, которую должны были отбывать колонисты для войскъ королевскихъ. Тогда собранія депутатовъ отдѣльныхъ колоній составили общій конгрессъ въ Нью-Іоркѣ и объявили оба акта противозаконными; американскіе же купцы рѣшились не вывозить товаровъ изъ Англіи. Послѣднее обстоятельство задѣло за живое интересъ англійскихъ купцовъ, и парламентъ въ 1766 г. былъ вынужденъ взять назадъ stempel-act, объявивъ впрочемъ, что англійскій парламентъ имѣетъ право облагать податями колонистовъ. При такихъ обстоятельствахъ продолжались неудовольствія. Волненіе усилилось, когда дошла вѣсть объ оскорбленіи въ Лондонѣ уполномоченнаго колоніи Массачусета—Франклина, съ которымъ правительство обошлось какъ съ бунтовщикомъ за то, что онъ перехватилъ и отправилъ въ Америку донесеніе массачусетскаго губернатора, совѣтовавшаго правительству крутыя мѣры противъ колоній.

Веніаминъ Франклинъ (род. въ Бостонѣ въ 1706 г.) былъ сынъ небогатаго мыловара. Онъ предназначался къ духовному званію, но его отецъ, не имѣя средствъ для образованія его, отдалъ двѣнадцатилѣтняго мальчика въ ученье старшему его брату типографщику. Франклинъ посвящалъ каждый свободный часъ, даже ночью, чтенію полезныхъ книгъ, и скоро типографщикъ сдѣлался извѣстенъ и выступилъ какъ писатель, участвуя въ газетѣ, которую издавалъ братъ его. Потомъ онъ разошелся съ братомъ, рѣшился завести свою типографію и отправился въ Англію за необходимыми для этого покупками. Здѣсь молодой, неопытный человѣкъ былъ вовлеченъ въ вѣтренную жизнь; но въ скоромъ времени доброе начало превозмогло увлеченіе молодости, и онъ навсегда покинулъ дорогу заблужденій. По возвращеніи въ Филадельфію Франклинъ основалъ собственную типографію; дѣла его скоро достигли цвѣтущаго состоянія, и все рѣшительнѣе возрастало ува-

женіе сограждан къ этому умному и строго нравственному человѣку. Въ особенности заботился Франклинъ о распространеніи народнаго образованія, заводя школы, издавая газеты и популярныя сочиненія. Съ любовью и успѣхомъ занимался онъ естественными науками; ему же между прочимъ обязаны мы изобрѣтеніемъ громоотводовъ. Среди научныхъ занятій онъ не переставалъ слѣдить за общественными дѣлами, и въ скоромъ времени его услуги были признаны согражданами, которые избрали его представителемъ пенсильванскаго конгресса. Какъ посланникъ конгресса, Франклинъ посѣтилъ Лондонъ, при этомъ случаѣ былъ принятъ въ члены королевской академіи наукъ и получилъ отъ оксфордскаго университета степень доктора правъ. Будучи снова посланъ въ Лондонъ во время возраставшихъ волненій въ колоніяхъ, онъ тщательно слѣдилъ за каждымъ шагомъ англійскаго правительства. Здѣсь ему удалось захватить въ свои руки донесеніе губернатора массачусетскаго, въ которомъ этотъ послѣдній совѣтывалъ правительству прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Захваченныя бумаги Франклинъ отослалъ въ Америку. Вслѣдствіе этого, онъ былъ потребованъ въ тайный совѣтъ и правительство Англіи, обращаясь съ нимъ какъ съ бунтовщикомъ, возбудило противъ себя страшное негодованіе въ Америкѣ.

Хотя министерство въ 1770 г. уничтожило таможенный законъ постановленный въ 1767 году, но вмѣстѣ съ тѣмъ удержало пошлину на привозный чай по 3 пенса съ фунта. Американцы не поддались на обманъ. Ни въ одну гавань не впускались корабли съ чаемъ Остъ-индской компаніи; только въ одномъ Бостонѣ могли они приставать подъ защитою англійскихъ военныхъ кораблей. Но здѣсь 18 декабря 1773 г. нѣсколько вооруженныхъ Бостонцевъ, переодѣтые въ дикарей, окружили только что приставшій къ берегу корабль съ чаемъ и выбросили въ море весь грузъ, цѣною въ 18,000 фун. стерл. Это событіе вызвало строгія мѣры со стороны Англіи: бостонская гавань была заперта и конституція Массачусета почти уничтожена. Подобныя мѣры только вызвали единодушіе въ колоніяхъ. Въ сентябрѣ 1774 года XII колоній составили *генеральный конгрессъ въ Филадельфіи* (къ которому въ слѣдующемъ году присоединилась еще 13-я, Сѣверная Каролина) и здѣсь рѣшили прекратить всѣ торговыя сношенія съ Англіею. Конгрессъ разошелся, назначивъ членамъ своимъ собраться снова 10-го мая 1775 г. Но борьба открылась раньше этого дня. Англійскій генералъ Гажъ велѣлъ укрѣпить гавань Бостона, ему

удалось уничтожить военные запасы, приготовленные колонистами; но на возвратномъ пути онъ былъ разбитъ колоніальною милиціею при Лексингтонѣ. Воодушевленіе въ колоніяхъ сдѣлалось всеобщее. Женщины охотно жертвовали своими украшеніями, даже квакеры взялись за оружіе, духовенство проповѣдывало войну, 20,000 человѣкъ войска осадило Бостонъ; отважные отряды волонтеровъ ворвались въ Канаду, и овладѣли на границѣ ея двумя укрѣпленными мѣстами; генералъ *Вашингтонъ* былъ назначенъ на конгрессѣ 10 мая главнымъ полководцевъ надъ войсками колоній. Впрочемъ колоніи еще разъ соглашались признать власть Англіи съ тѣмъ, чтобы гарантированы были ихъ права. Напрасно ораторъ Боркъ въ парламентѣ краснорѣчиво отстаивалъ колонистовъ, говоря министрамъ: „вамъ не покорить колонистовъ, а если и покорите, то не удержать въ повиновеніи; вы убиваете торговлю, вы готовитесь вести междоусобную войну!“ Напрасно старикъ Питтъ, опираясь на костыль, говорилъ: „какъ этимъ костылемъ я не въ силахъ прогнать васъ, такъ вамъ не удастся сломать Америки!“ Все напрасно: правительство Георга III съ упрямствомъ отказалось отъ мирной сдѣлки и рѣшилось энергически продолжать войну. Оно снарядило сильное войско и наняло отряды въ германскихъ земляхъ, для отправленія ихъ противъ колоній. Сначала успѣхъ былъ явно на сторонѣ Англичанъ; но Американцы не упали духомъ среди бѣдствій, а напротивъ *4 іюня 1776 года* конгрессъ смѣло объявилъ колоніи *независимымъ и самодержавнымъ государствомъ*, положивъ въ основу его конституціи демократическія начала Ж. Ж. Руссо. Разумѣется не легко было поддержать подобное объявленіе. Англичане рѣшились напасть съ трехъ сторонъ: съ сѣвера, съ юга и въ центрѣ. Положеніе конгресса было весьма затруднительно. Онъ выпустилъ три милліона долларовъ бумажными деньгами, но цѣнность ихъ все болѣе и болѣе упадала. Колоніальныя войска не имѣли достаточно ни оружія, ни пороха. Солдаты союзной арміи были большею частію новобранцы, обязанные только годичною службою, земледѣльцы и плантаторы, незнакомые съ тактикою, волонтеры, неподчинявшіеся строгой дисциплинѣ. Предводители были связаны въ своихъ дѣйствіяхъ недовѣріемъ гражданъ, боявшихся, чтобы войско не лишило ихъ свободы, и контролировавшихъ безъ такта и умѣнья дѣйствія военачальниковъ. Къ этому присоединились тайные происки и козни людей преданныхъ метрополіи и роялистическимъ убѣж-

деніямъ. Въ это бѣдственное время Вашингтонъ является спасителемъ отечества.

Георгъ Вашингтонъ родился въ 1732 году въ Виргиніи. Прадѣдъ его переселился сюда изъ Англіи въ половинѣ XVII вѣка, а отецъ его Августинъ Вашингтонъ, былъ богатый плантаторъ. Георгъ одинъ изъ 7 дѣтей его, уже на 11 году лишился отца; но его мать умная и энергичная женщина заботилась разумно о воспитаніи своего сына. Вскорѣ старательный мальчикъ усвоилъ себѣ всѣ знанія, которыя могла ему доставить мѣстная школа и потомъ дома ревностно занимался изученіемъ математики. Затѣмъ онъ хотѣлъ поступить въ англійскій флотъ; но по желанію матери, которой онъ былъ самою вѣрною опорою до глубокой ея старости, Вашингтонъ остался на родинѣ и сдѣлался землемѣромъ. Во время своихъ странствованій по пустымъ мѣстамъ своего отечества, ему представилась возможность укрѣпить свое тѣло, образовать умъ и завязать сношенія съ многими замѣчательными людьми. Ему не было еще и 19 лѣтъ, когда онъ былъ произведенъ въ майоры колоніальной милиціи, а по открытіи войны съ Французами, получилъ мѣсто полковника. Но не въ силахъ будучи сносить пренебреженіе, съ которымъ Англичане обходились съ офицерами милиціи, Вашингтонъ сложилъ съ себя эту должность, и удалился въ помѣстье Моунтъ Вернонъ, полученное имъ въ наслѣдство отъ одного изъ своихъ старшихъ братьевъ. Скоро однако любовь къ родинѣ увлекла его снова въ войну, и онъ сдѣлался полковникомъ и начальникомъ виргинской арміи. Но лишь только миновала опасность, Вашингтонъ опять воротился къ мирнымъ занятіямъ въ Моунтъ Вернонъ. Посредствомъ труда и порядка составилъ онъ себѣ видное состояніе и довѣріемъ согражданъ былъ избранъ въ депутаты законодательнаго собранія Виргиніи. Точно также былъ онъ депутатомъ генеральнаго конгресса, созваннаго въ Филадельфіи въ 1774 г. и назначенъ былъ главнокомандующимъ въ войнѣ за независимость. Вашингтонъ былъ именно такой человѣкъ, въ которомъ нуждались колонисты. Полный любви къ отечеству, олицетворенная честность, въ счастіи никогда не гордый и не заносчивый, онъ не терялъ присутствія духа ни въ какихъ неудачахъ, былъ остороженъ и бдителенъ въ опасности. Онъ не могъ одолѣть превосходныхъ непріятельскихъ силъ смѣлымъ нападеніемъ, имѣя слабое, дурно организованное войско; только терпѣливое выжиданіе и осторожная медленность могли привести его къ цѣли. Поэтому Вашингтонъ огра-

начивался наблюденіемъ за непріятелемъ и нападалъ на него урывками и въ расплохъ. Онъ былъ постоянно разбиваемъ въ 1776 г.; но конгрессъ облекъ его на 6 мѣсяцевъ диктаторскою властію и увеличилъ время службы солдат на 3 года. Тогда дѣла приняли лучшій оборотъ. И въ Европѣ тоже дѣло колонистовъ начало возбуждать участіе. Молодой, пламенный маркизъ *Лафейетъ* прибылъ изъ Франціи на кораблѣ, имъ самимъ купленномъ и вооруженномъ; позже стали подъ знамена его Поляки *Пулавскій* и *Костюшко*, нѣсколько нѣмцевъ и ирландцевъ. Франклинъ былъ еще разъ посланъ во Францію, чтобы уговорить Людовика XVI подать помощь колоніямъ. Онъ былъ тамъ принятъ съ огромнымъ почетомъ. Д'Аламберъ отъ имени французской академіи привѣтствовалъ его словами: eripuit coelo fulmen sceptrumque tiranis *). Наконецъ, когда американскій генералъ Гатесъ у *Саратоги* разбилъ совершенно Англичанъ, которые послѣ отчаянныхъ попытокъ спастись, должны были, наконецъ, отдаться въ плѣнъ въ числѣ 7000 человѣкъ, тогда Людовикъ XVI въ февралѣ 1778 г. въ Версалѣ заключилъ съ колоніями формальный союзъ и объявилъ Англіи войну. Испанія и Нидерланды тоже вооружились противъ нея. При такомъ возстаніи враговъ со всѣхъ сторонъ, англійское министерство, во главѣ котораго стоялъ лордъ Нортъ, готово было склониться на унизительные переговоры съ колоніями и признать ихъ независимость. Но тогда воспрянулъ старикъ Питтъ, создавшій колоніальное могущество Англіи и заклятый врагъ Франціи. Онъ былъ противъ войны съ колоніями и защитникомъ правъ ихъ въ то время, когда въ этомъ не было ничего безчестнаго для Англіи. Теперь же, когда, по его убѣжденію, приходилось терять и честь и выгоды его государству, онъ сильно возсталъ противъ уступокъ и 7 апрѣля 1778 года, задыхаясь отъ волненія, ска-

---

*) Вотъ что говоритъ Сегюръ о впечатлѣніи, произведенномъ въ Парижѣ появленіемъ Франклина: „Трудно представить что нибудь удивительнѣе того контраста, какой явился, съ одной стороны, въ роскоши нашей столицы, элегантствѣ нашихъ модъ, великолѣпіи Версаля, вѣжливой гордости нашего дворянства—этихъ живыхъ слѣдовъ монархической гордости Людовика XIV, и съ другой стороны, почти въ сельской одеждѣ, простой, но гордой осанкѣ, въ свободномъ и открытомъ разговорѣ, въ прическѣ безъ всѣхъ украшеній и пудры, наконецъ, въ этомъ античномъ образѣ человѣка, въ которомъ казалось видишь перенесеннымъ въ наши стѣны, въ изнѣженное и раболѣпное общество XVIII вѣка одного изъ мудрецовъ-современниковъ Платона или республиканцевъ-современниковъ Фабіевъ и Катоновъ. Это неожиданное зрѣлище тѣмъ болѣе поражало, что оно было ново и являлось въ ту пору, когда литература и философія распространили вкусъ къ нововведеніямъ и стремленіе къ свободѣ“.

залъ въ парламентѣ: „Благодарю небо, что оно не преградило гробовою доскою моему голосу доступа къ вамъ, соотечественники! Я возношу этотъ голосъ противъ раздробленія, униженія, стыда, безчестія нашего стараго благороднаго королевства. Какъ Бритты! Вы хотите торговать свободою! пожертвовать славою и властію! Не хотите смирить Франціи, которая недавно трепетала предъ вами; а теперь—съ презрѣніемъ и дерзостію говоритъ противъ васъ. Стыдно вамъ! Опомнитесь. Не то изъ гроба я буду свидѣтельствовать противъ васъ предъ потомствомъ. Нѣтъ, возстаньте, будемъ биться, и если ужъ такъ суждено, то падемъ на развалинахъ отечества!“

Сказавъ эти слова, Питтъ упалъ безъ чувствъ, былъ вынесенъ изъ парламента и черезъ нѣсколько недѣль умеръ (11 мая 1778 года), умеръ на своемъ постѣ.

Съ 1778 года сѣверо-американская война получила интересъ обще-европейскій и раздвинулась на всѣ части свѣта. Англіи пришлось бороться съ флотами всѣхъ европейскихъ державъ и въ то же время съ Маратами въ Остъ-Индіи; она выдержала войну съ удивительною силою и терпѣніемъ. Въ 1781 г., хотя она потеряла Минорку, но предпріятіе французско-испанскаго флота противъ Ямайки неудалось, точно также, какъ и трехъ-годовая осада Гибралтара. Комендантъ Элліотъ храбро и искусно защищалъ эту важную крѣпость и спасъ ее разрушеніемъ плавающихъ батарей, посредствомъ которыхъ хотѣли взять Гибралтаръ приступомъ. Такимъ образомъ Англичане все-таки удержали свое господство на моряхъ, но не удалось имъ привести въ подданство Сѣверную Америку. Правда, еще и послѣ побѣды при Саратогѣ, положеніе Вашингтона было нѣсколько времени довольно стѣснительно. Арнольдъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ американскихъ генераловъ, вступилъ въ измѣнническія сношенія съ Англичанами, и когда они были открыты, явно перешолъ на ихъ сторону. Англійскій генералъ Клинтонъ въ 1780 г. покорилъ сѣверную Каролину, и послалъ въ сѣверныя провинціи генерала Корнвалиса, который въ прахъ разорилъ эту страну и опустошилъ морскіе берега Нью-Іорка и Виргиніи. Въ началѣ 1781 г. обнаружилось возстаніе въ войскахъ Вашингтона, терпѣвшихъ во всемъ ужаснѣйшую нужду, и ему удалось подавить его только своею умѣренностію и твердостію. Онъ выхлопоталъ у Франціи въ займы 16 мил. ливровъ, этими деньгами уплатилъ жалованье и снабдилъ продовольствіемъ свои войска, а съ помощію французскаго флота быстро обратился

въ Виргинію, заперъ Корнвалиса въ *Іорктовнѣ* и принудилъ его сдаться съ 7,000 человѣкъ, съ оружіемъ и богатыми запасами. Эта побѣда была рѣшительною. Англичане были до того ослаблены осторожнымъ веденіемъ войны со стороны Вашингтона, что 3 сентября 1783 года принуждены были заключить *миръ въ Версалѣ* и признать независимость XIII соединенныхъ штатовъ. Границы новаго государства были опредѣлены слѣдующимъ образомъ: на западѣ Миссисипи, на югѣ рѣка Маріи и на сѣверѣ укрѣпленіе с. Круа. Затѣмъ Англичане оставили Нью-Іоркъ, а Вашингтонъ сложивъ съ себя санъ главнокомандующаго, и распустивъ войска, возвратился въ Моунтъ-Вернонъ, какъ простой плантаторъ.

Но еще предстояло много дѣлъ впереди. Молодое государство имѣло долга 43 мил. долларовъ, ему недоставало правильнаго устройства и кромѣ того существовали двѣ партіи: *демократическая*, которая хотѣла раздѣлить политическую власть между отдѣльными штатами, и *федеративная*, желавшая учредить союзное государство съ общимъ управленіемъ. Вашингтонъ съ самаго начала присталъ къ послѣдней. Конгрессъ въ 1787 г. созвалъ въ Филадельфіи генеральное собраніе изъ депутатовъ всѣхъ штатовъ и оно составило ту конституцію, которая была принята въ 1789 году всѣми штатами и существуетъ до сихъ поръ. Страна была объявлена союзнымъ государствомъ, въ которомъ власть исполнительная вручается одному *президенту* съ вице-президентомъ и министерствомъ, а законодательная *конгрессу*, состоящему изъ сената и палаты представителей. Каждая провинція избираетъ въ сенатъ 2 члена на 6 лѣтъ, которые не должны быть моложе 30 лѣтъ; въ палату представителей посылаютъ всѣ штаты каждые два года по одному депутату не менѣе 25-лѣтняго возраста, на 70,000 жителей. Президентъ избирается на 4 года всѣми гражданами способными къ подачѣ голосовъ и получаетъ жалованье въ 25,000 долларовъ. Онъ признается главнымъ начальникомъ сухопутной и морской силъ, заключаетъ съ согласія сената договоры и союзы, принимаетъ и назначаетъ посланниковъ, и ему же принадлежитъ право избирать чиновниковъ и офицеровъ; онъ созываетъ ежегодно конгрессъ и своимъ утвержденіемъ даетъ его постановленіямъ силу закона. Если президентъ отказываетъ въ своемъ утвержденіи, то въ такомъ случаѣ эти постановленія возвращаются обратно въ конгрессъ и, не смотря на президентскій отказъ, пріобрѣтаютъ все таки силу закона, если въ каждой палатѣ на ихъ сторонѣ окажется двѣ трети голосовъ. Президентъ подлежитъ суду конгресса

и, въ случаѣ измѣны, подкупа и другихъ тяжелыхъ преступленій, отрѣшается отъ должности.

Вашингтонъ въ 1789 г. былъ единодушно избранъ первымъ президентомъ и усердно занялся устройствомъ всѣхъ дѣлъ. Онъ привелъ въ порядокъ государственный долгъ и обезпечилъ его введеніемъ пошлинъ, разумѣется не безъ многихъ противорѣчій, установилъ администрацію, судебную власть, военную повинность и создалъ національный банкъ. Въ отношеніи внѣшней политики Соединенныхъ штатовъ онъ держался того правила, что они должны оставаться нейтральными въ ссорахъ европейскихъ морскихъ державъ. Но не смотря на свои великія заслуги, Вашингтонъ не избѣжалъ ненависти враждебной ему партіи. Когда въ 1798 г. онъ былъ вторично избранъ въ президенты, демократы обвинили его въ пристрастіи, потому что онъ, оставаясь вѣренъ принципу нейтралитета, не хотѣлъ открыто выступить противъ Франціи и заключилъ даже очень выгодный для Америки торговый договоръ съ Англіею и съ Испаніею. Вслѣдствіе этого положеніе его сдѣлалось ему въ тягость, и въ мартѣ 1799 г. онъ навсегда сложилъ съ себя должность президента и удалился въ свои помѣстья. Въ прощальномъ адресѣ онъ высказалъ соотечественникамъ послѣдніе совѣты, плоды долгихъ размышленій и опыта. А совѣтывалъ онъ имъ: быть единодушными, не коснѣть въ застоѣ, но и не идти впередъ очертя голову, не раздѣляться на партіи, держаться нейтралитета въ войнахъ между Европейцами и избѣгать торговыхъ монополій и стѣсненій. „Умышленныхъ ошибокъ я не сдѣлалъ, такъ заключилъ онъ адресъ свой, а не умышленныхъ только Богъ не дѣлаетъ, а за нихъ, надѣюсь, граждане не опорочатъ моей памяти. Пусть забудутъ они 44 года моей жизни, посвященные родинѣ, лишь бы вмѣстѣ съ ними забыли и неумышленныя ошибки мои. Простымъ гражданиномъ иду наслаждаться покоемъ и счастіемъ, которые созданы общими нашими усиліями.“ Впрочемъ, когда стала грозить война съ Франціею, Вашингтонъ еще разъ былъ назначенъ главнокомандующимъ; но до начала войны заболѣлъ простудою въ горлѣ, которая въ два дня прекратила его многотрудную жизнь въ Моунтъ-Вернонѣ (14 декабря 1799 года). Онъ умеръ въ полномъ сознаніи, спокоенъ и твердъ среди самыхъ ужасныхъ страданій. Въ завѣщаніи онъ даровалъ свободу своимъ невольникамъ, назначилъ большую сумму на заведеніе школъ, а остальное имущество отдалъ племяннику, потому что самъ былъ бездѣтенъ. Печаль о смерти Вашингтона была всеобщая, и всѣ

партіи воздали ему честь торжественнымъ трауромъ; позже, по рѣшенію конгресса, прахъ Вашингтона былъ перенесенъ въ союзный городъ, носящій его имя, и здѣсь надъ его могилою поставленъ памятникъ.

Франклинъ скончался гораздо раньше его (17 апрѣля 1790 года). Достигнувъ главнѣйшей цѣли своего посольства во Францію, т. е. признанія независимости своего отечества, онъ воротился на родину. Огромная толпа народа встрѣтила его въ гавани и съ радостными криками провела въ домъ. Палили изъ пушекъ и звонили въ колокола. Всѣ жители Филадельфіи стремились выразить предъ нимъ свою любовь и уваженіе. Въ 1789 г. онъ, какъ представитель Пенсильваніи, подписалъ конституцію Соединенныхъ штатовъ и былъ избранъ президентомъ „общества уничтоженія торговли неграми.“ Франклинъ до конца дней своихъ дѣйствовалъ въ пользу согражданъ, не смотря на то, что въ послѣдній годъ своей жизни онъ почти не вставалъ съ постели. Его смерть возбудила всеобщее сочувствіе. Конгресъ наложилъ по немъ мѣсячный трауръ, а французское національное собраніе трехдневный. Франклинъ самъ написалъ себѣ эпитафію: „здѣсь положенъ на съѣденіе червямъ прахъ типографщика Веніамина Франклина, подобно экземпляру старой книги, листы которой разорвались, позолота и заглавіе стерлись; но само произведеніе не должно потеряться, потому что (такъ я по крайней мѣрѣ надѣюсь) оно еще разъ появится на свѣтъ въ лучшемъ и новѣйшемъ изданіи, пересмотрѣнное и исправленное самимъ авторомъ.“

Цѣль, которую имѣли въ виду морскія державы въ сѣверо-американской войнѣ, не была достигнута: имъ не удалось, отнявъ у Англіи сѣверо-американскія колоніи, отнять вмѣстѣ съ тѣмъ ея морское и торговое первенство. Она вышла изъ борьбы, хотя и не побѣдительницею, но и безъ потерь, такъ что чрезъ 10 лѣтъ могла вступить въ упорную борьбу съ французскою республикою и продолжать ее 20 лѣтъ.

Изъ борьбы съ колоніями Англія въ особенности, да и Европа вообще, извлекли слѣдующіе результаты:

1. Сознаніе несостоятельности меркантильной колоніальной системы. Торговыя сношенія съ независимымъ сѣверо-американскимъ союзомъ принесли гораздо болѣе выгодъ Англіи, чѣмъ прежняя торговля съ подвластными колоніями, и наглядно доказали,

что выгоднѣе торговать съ народомъ свободнымъ, чѣмъ съ вассалами. Изъ этого же принципа между прочимъ произошло возстаніе противъ торговли неграми, по предложенію славнаго филантропа Вильдерфорса.

2. Развитіе кредита въ Англіи, недостатокъ его на континентѣ и соединенная съ величиною процентовъ потребность въ увеличеніи налоговъ и преобразованіи финансовой системы.

3. Понятіе о трудѣ, какъ объ источникѣ народнаго богатства, доставившемъ Англіи возможность выдерживать борьбу на всѣхъ моряхъ, противъ цѣлой морской Европы. Положенное въ основу знаменитыхъ изслѣдованій *Адама Смита* „о богатствѣ народовъ“, это ученіе дало начало стройной наукѣ политической экономіи *).

II.

Умственныя движенія въ Англіи съ конца XVII до конца XVIII вѣка.

Англія раньше другихъ континентальныхъ государствъ развила либеральныя учрежденія, раньше, чѣмъ на континентѣ, появилось въ ея наукѣ и литературѣ либеральное направленіе, враждебное средневѣковому государству и средневѣковой церкви. Начало смѣлой оппозиціонной литературы вызвано было посягательствами первыхъ двухъ Стюартовъ на конституцію и религію народа. Смѣлость ея нашла откликъ въ націи. Мильтонъ, и Кромвель были гораздо болѣе демократы, чѣмъ Вольтеръ, Руссо и энциклопедисты, которые въ Англіи почерпнули направленіе, получившее такую разрушительную и враждебную для старины силу во Франціи.

Съ эпохи реставраціи литература принимаетъ другой характеръ. Ханжество и религіозный фанатизмъ, которые господствовали въ Англіи во время республики, отразились и въ литературѣ страннымъ библейскимъ языкомъ и тономъ. Языкъ и тонъ литературныхъ произведеній временъ реставраціи отзывались напротивъ легкомысліемъ и распущенностію, во-первыхъ потому, что вмѣстѣ съ республикой и республиканцами стали въ то время ненавидѣть и библейскую форму языка республиканцевъ; во-вторыхъ потому,

---

*) Къ этому же періоду относятся замѣчательныя изобрѣтенія, создавшія новую эпоху въ промышленной жизни западной Европы. Джемсъ Уаттъ устроилъ въ 1769 году паровую машину, Крайтонъ и Акрамитъ изобрѣли прядильный станокъ и прядильную машину.

что Карлъ II, выросшій между Французами, внесъ въ Англію нравы временъ Фронды, и легкомысленный, насмѣшливый тонъ романовъ и мемуаровъ временъ, слѣдовавшихъ за Фрондою. Поэтъ *Бутлеръ* (1612—80) своимъ знаменитымъ „Гудибрасомъ" нанесъ такой же ударъ пуританизму и индепендентамъ, какой образецъ его—Сервантесъ нанесъ своимъ Донъ-Кихотомъ средневѣковому рыцарству. Карлъ II приходилъ въ восторгъ, читая Гудибраса; при немъ и при братѣ его Іаковѣ II религіозно-политическій фанатизмъ въ литературѣ смѣнился мало по-малу индиферентизмомъ и скептицизмомъ, сначала въ легкомысленно-насмѣшливомъ и беззаботномъ французскомъ тонѣ, а потомъ въ гораздо болѣе серьезномъ и опасномъ для стюартовскихъ политическихъ и церковныхъ стремленій духѣ. Съ одной стороны, возстановленіе прежней формы англійской іерархіи, непосредственно слѣдовавшее за возвращеніемъ Стюартовъ, предложеніе вопіющихъ злоупотребленій, соединенныхъ съ іерархіей, сохраненіе политической религіи даже послѣ революціи 1688 года, а съ другой стороны, абсолютическія замашки Стюартовъ и парламентская борьба между торіями и вигами, послѣ изгнанія ихъ, вызвали мыслящихъ людей на борьбу съ неподвижностью какъ церковной такъ и политической системы. Нападенія ихъ, какъ позднѣе во Франціи, направились противъ самой религіи.

Борьбу началъ *Локкъ* (1632—1704), подвергнувшій повѣркѣ своего остраго и критическаго ума религію и науку. Въ своемъ „Опытѣ о познавательныхъ способностяхъ" онъ изложилъ ученіе, которое, исходя отъ чувственнаго наблюденія и опыта, отрицало познаніе всѣхъ сверхчувственныхъ предметовъ, на сколько они не суть произведенія собственной дѣятельности нашего духа. Въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Локкъ развиваетъ раціонализмъ, совершенную терпимость въ дѣлахъ церкви и ученіе о естественной свободѣ человѣка, въ сферѣ политической. Впрочемъ онъ не нападаетъ еще рѣзко ни на христіанство, ни на іерархію: ученики и послѣдователи его пошли далѣе. Остроумный и даровитый *Шефтсбюри* († 1713) усвоилъ себѣ скептицизмъ, развитый Бэлемъ и другими Французами, эмигрировавшими въ Голландію, и поражалъ своею тонкою ироніею и остротами господствующую церковь и откровенную религію. Его „Характеристики людей, нравовъ и временъ", въ которыхъ раціональная религія и нравственный законъ представляются вѣрнѣйшими руководителями человѣка въ жизни, произвели своимъ легкимъ, остроумнымъ и наглядно яснымъ изло-

женіемъ огромное впечатлѣніе въ образованныхъ кругахъ общества и проложили дорогу Вольтеру и энциклопедистамъ. Въ своемъ „Моралистѣ“ и трактатѣ „О заслугѣ и добродѣтели“ Шефтсбюри развиваетъ противъ ученія богослововъ мысль о совершенствѣ міра и человѣка (оптимизмъ), и хотя его вдохновенное оправданіе творца міра (Ѳеодицея) очаровало современниковъ, но оно сильно отзывается фатализмомъ. Не въ такой остроумной и свѣтской формѣ, какъ Шефтсбюри, но гораздо солиднѣе и откровеннѣе нападалъ на церковную догматику другъ и ученикъ Локка *Самуэль Коллинсъ*, вызванный на это схоластическимъ, буквоѣднымъ споромъ двухъ современныхъ ученыхъ о природѣ души. Его сочиненія, въ особенности „О свободѣ мысли“ и „Изслѣдованіе библейскихъ пророчествъ“, были въ сильномъ ходу у крайнихъ французскихъ энциклопедистовъ, которые пользовались его ученостію для подкрѣпленія своихъ разрушительныхъ доктринъ. Еще рѣзче, хотя и не съ такимъ умѣньемъ и тактомъ, подрывали и разрушали господствующее ученіе церкви писатели, извѣстные подъ именемъ *деистовъ*: они оспаривали христіанское ученіе о тріединствѣ Божіемъ и допускали поклоненіе только одному высшему духовному существу, какъ Богу (Deus). Они защищали доводами обыкновеннаго человѣческаго смысла, а нѣкоторые и съ помощью ученыхъ пособій, ту мысль, будто естественное богопознаніе и совѣсть даютъ вполнѣ удовлетворительную религію, и потому одни изъ нихъ уважали христіанство лишь на столько, на сколько признавали въ немъ зародышъ этой естественной религіи, другіе же отвергали его, почитая вымысломъ, и всѣ одинаково отказывали ему въ историческомъ значеніи и историческихъ основахъ. Однимъ изъ самыхъ жаркихъ противниковъ христіанства былъ богачъ и пошлый, тупоумный диллетантъ въ наукѣ *Толэндъ*, который въ своемъ „Христіанствѣ безъ таинствъ“ и въ другихъ сочиненіяхъ такъ рѣзко вооружался противъ всякой положительной религіи, что его сочиненія были запрещены и онъ самъ подвергся преслѣдованіямъ. Для него существуетъ только пантеизмъ, а вѣра въ личнаго Бога, въ безсмертіе души и т. п. представлялась ему суевѣріемъ. Ближе касаясь мѣстной англиканской церкви, легкомысленный насмѣшникъ *Тиндаль* нападалъ въ своемъ сочиненіи „О ложной церкви“ на церковное устройство, соединенное съ государствомъ и свѣтскими имуществами, а въ своемъ „Столь же древнемъ, какъ міръ христіанствѣ“ училъ, будто бы христіанство ни что иное, какъ первобытная религія разума, очищенная отъ сдѣланныхъ Евреями

прибавокъ и переработокъ. Скромнѣе и умѣреннѣе Тиндаля старался честный *Уолластонъ* († 1724) въ своей "Картинѣ естественной религіи" доказать, что чистая, разумная религія есть стремленіе къ счастію, посредствомъ ревностнаго отыскиванія истины и образованія ума. Его сочиненія, подобно Коллинсовымъ, имѣли большой ходъ у французскихъ философовъ. Изъ другихъ деистовъ: *Морганъ* признавалъ всю историческую основу церкви вымысломъ и хотѣлъ замѣнить религію моралью; а безнравственный *Мандевиллъ* признавалъ пороки и страсти необходимыми для процвѣтанія человѣческихъ обществъ: это была сатира на нравственность и идеалы церкви*).

Число читателей всѣхъ этихъ сочиненій, противныхъ старой догматикѣ, было очень велико; самыя плохія книги въ этомъ духѣ выдерживали множество изданій, между тѣмъ какъ сочиненія людей (Уербертона, Пирса, Клерка, Филльмера и др.), писавшихъ противъ деизма, читались только тѣми, которые раздѣляли уже прежде ихъ мнѣнія. Горькія и слезливыя жалобы этихъ поборниковъ англійской церкви на то, что число читателей, деистовъ увеличивается на счетъ читателей, ищущихъ вѣрованій Сіона въ книгахъ защитниковъ его, далѣе—употребленіе, сдѣланное Французами изъ сочиненій деистовъ, все это доказываетъ, что сочиненія эти, не смотря на всю ложь ихъ, выражали потребность времени, которую не хотѣли признать ни богословы, ни политики—консерваторы.

Среди этихъ писателей, нападавшихъ почти исключительно и односторонне на одну іерархію и догматику, завѣщанную ихъ современникамъ средними вѣками, шли другіе, гораздо высшіе по талантамъ, гораздо болѣе многосторонніе по содержанію, которые придали другой видъ литературѣ своего отечества и измѣнили воззрѣнія людей образованныхъ на все существующее въ современномъ имъ обществѣ прежде, чѣмъ парижскіе философы, подчинясь ихъ неотразимому вліянію, начали борьбу съ средневѣковыми вѣрованіями и учрежденіями. На первомъ планѣ между этими писателями стоитъ извѣстный государственный человѣкъ *Болингброкъ* († 1751 г.), авторъ „Писемъ объ изученіи исторіи" и „Писемъ объ исторіи Англіи", котораго можно назвать основателемъ историческаго воззрѣнія, господствовавшаго въ концѣ XVIII вѣка въ Европѣ вообще, въ Англіи и Франціи въ особенности. Главныя

*) Изъ Вебера въ русскомъ переводѣ Е. и В. Корша т. IV стр. 2—4 Москва, 1861.

положенія ученія Болингброка слѣдующія: 1) Тотъ же всемірный разумъ, который управляетъ ходомъ историческихъ событій въ христіанствѣ, управлялъ ими испоконъ вѣка прежде. Это положеніе направлено противъ тогдашнихъ богослововъ. 2) Безпристрастный взглядъ умнаго общественнаго человѣка глубже проникаетъ въ жизнь народовъ, чѣмъ тяжеловѣстная ученость цеховыхъ ученыхъ. Это положеніе направлено противъ тогдашнихъ педантовъ-историковъ. 3) Борьба и перевороты неразрывно связаны въ жизни съ свободою; положеніе направленное противъ консерваторовъ-приверженцевъ застоя. 4) Эгоизмъ и своекорыстіе, а не добродѣтель и не патріотизмъ, суть двигатели всѣхъ историческихъ событій. Врагъ господствовавшаго тогда педантскаго, совершенно отрѣшавшаго науку отъ жизни направленія, Болингброкъ первый оторвалъ исторію отъ исключительнаго сообщества съ мертвыми и обратилъ ее къ созерцанію живой дѣйствительности. Слѣдствіемъ этого сближенія науки съ жизнію была та популярность, жизненность и ясность воззрѣнія, какою отличаются историческія сочиненія Англичанъ предъ исторіографіею другихъ народовъ. Но съ другой стороны, отъявленная антипатія къ средневѣкой церкви и средневѣковому государству, которою насквозь проникнутъ Болингброкъ, извратили и исказили, въ явный накладъ истинѣ, правильный взглядъ историковъ XVIII столѣтія вообще на исторію среднихъ вѣковъ. Этотъ недостатокъ, въ большей или меньшей степени, отразился у трехъ знаменитыхъ историковъ англійскихъ, воспитавшихся подъ вліяніемъ исторической теоріи Болингброка: у Юма, Гиббона и Робертсона.

Д. Юмъ (1711—1776), авторъ въ свое время прославленной, на всѣ языки переведенной и на расхватъ прочитанной, не смотря на ея многотомность „Исторіи Англіи“, можетъ служить образцемъ античной простоты, естественности, ясности, легкаго остроумія въ разсказѣ и, во многихъ мѣстахъ, образцемъ довольно безцеремоннаго обращенія съ историческою истиною. Въ своей исторіи онъ является отъявленнымъ врагомъ всей прошлой и современной ему Англіи, исключая времени Стюартовъ, которыхъ онъ превозноситъ, какъ Шотланцевъ и тори, въ ущербъ исторической правдѣ, искажая факты. Тамъ, гдѣ нужно знаніе эгоистической стороны человѣческой натуры, вѣрная оцѣнка предразсудковъ, разоблаченіе монашеской морали и ханжества, тамъ Юмъ неподражаемъ. *Э. Гиббонъ* (1757—1794), восторженный почитатель Юма, далеко превзошелъ его въ своей знаменитой „Исторіи упадка у

разрушенія Римской Имперіи", и по достоинствамъ сочиненія, и по вліянію его на современную жизнь и исторіографію. Основной взглядъ его заключается въ томъ, что онъ 1) римскую имперію, управляемую добрымъ и умнымъ деспотомъ (Антониномъ), выставляетъ идеаломъ цивилизованнаго государства и 2) приписываетъ христіанству и Германцамъ, разрушившимъ это образцовое, по его мнѣнію, государство, то же значеніе, какое новѣйшая наука придаетъ дикимъ народамъ среднеазіатскимъ; значеніе разрушителей величавой старой цивилизаціи, замѣнившихъ ее варварствомъ, деспотизмомъ и суевѣріемъ. Шотланцевъ *В. Робертсонъ* († 1793), авторъ исторіи Карла V, открытія Америки и исторіи Шотландіи, гораздо менѣе имѣлъ соціальнаго значенія въ свое время и гораздо менѣе таланта, но за то былъ гораздо добросовѣстнѣе и Юма и Гиббона.

Отрицательное философское направленіе преобладаетъ и въ англійской поэзіи XVIII вѣка, усвоившей себѣ въ то же время чопорныя и полированныя формы французскаго псевдо-классицизма. Поэтъ *Попъ* (1688—1744), другъ Болингброка, суетный и своекорыстный до низости человѣкъ, перевелъ Англичанамъ Гомера, нарядивъ его героевъ и героинь въ французскіе кафтаны и фижмы, изукрасивъ французскою риторикою и мишурою. Три другія произведенія Попа, на которыхъ, вмѣстѣ съ переводомъ Иліады, основывалась его слава, еще яснѣе показываютъ и содержаніемъ и формою, что поэзія Попа была только порожденіемъ духа, господствовавшаго при версальскомъ дворѣ, служила проповѣдницею искусственной, сладострастной, пустой салонной жизни и насквозь проникнута убѣжденіями Болингброка и деистовъ. Это обнаруживаютъ: относительно литературы—его „Опытъ о критикѣ" излагающій чопорную теорію Буало; относительно жизни—шутливая поэма „Похищенный локонъ", написанная въ духѣ современной распущенности нравовъ высшаго круга; наконецъ, относительно религіозныхъ и нравственныхъ правилъ—дидактическая поэма „Опытъ о человѣкѣ", въ которой онъ является не поэтомъ, но философомъ, проповѣдникомъ эгоистической нравственности Болингброка и естественной религіи деистовъ. Въ томъ же искусственно французскомъ тонѣ и съ тѣмъ же отрицательно философскимъ содержаніемъ написали: *Томсонъ* (1700—48) свою поэму „Времена года", и *Юнгъ* свои „Ночи" или грустныя размышленія и жалобы на жизнь и смерть. Сатира XVIII вѣка трудилась также надъ колебаніемъ обветшавшихъ вѣрованій и учрежденій, надъ

которымъ работала философія и исторія. Въ числѣ сатириковъ-юмористовъ первое мѣсто занимаетъ *Свифтъ* (1667 — 1745), странный, мрачный, нелюдимый характеръ, отталкивавшій отъ себя людей, составлявшій свою собственную муку, ,,злой и дурной человѣкъ, поэтъ обиды, гнѣва и презрѣнія къ людямъ,‘‘ по выраженію одного критика. Славнѣйшимъ его произведеніемъ почитается ,,Путешествіе Гуливера къ Лилипутамъ‘‘, въ которомъ онъ съ злобнымъ юморомъ выставляетъ наружу пороки и смѣшныя стороны современной церкви, слабости общества, глупости и пороки государственныхъ людей изъ партіи виговъ. Изъ остальныхъ юмористовъ замѣчателенъ тонкимъ юморомъ *Стернъ*, авторъ ,,Сантиментальнаго путешествія‘‘ и ,,Тристама Шанди‘‘. Рядомъ съ этимъ отрицательнымъ направленіемъ развился идеально сантиментальный и семейный романъ. Представителемъ перваго служитъ *Ричардсонъ* въ своемъ романѣ ,,Кларисса Гарловъ‘‘, представителемъ втораго *Гольдсмитъ* въ своемъ ,,Векфильдскомъ священникѣ‘‘.

Въ конституціонной Англіи, которой общественное развитіе совершалось въ борьбѣ парламентскихъ партій, раньше и болѣе, чѣмъ гдѣ либо на континентѣ, развилась политическая литература газетъ, журналовъ и панфлетовъ. Изъ самыхъ извѣстныхъ и наиболѣе вліятельныхъ журналовъ XVIII вѣка въ Англіи замѣчательны: вигскіе журналы—Spektator, издававшійся Эдиссономъ и Whig-Examiner, издававшійся Конгревомъ; а изъ торійскихъ—Tory Examiner, редакторомъ котораго былъ Болингброкъ. Изъ памфлетовъ надѣлали наиболѣе шума энергическія ,,Юніевы письма‘‘, настоящій авторъ которыхъ до сихъ поръ неизвѣстенъ.

ИСТОРІЯ ГЕРМАНІИ.

I.

Общій очеркъ исторіи священной Римской имперіи.

Вестфальскій миръ ограничилъ власть императора, предоставя общую законодательную властъ имперскому сейму и права суверенитета отдѣльнымъ князьямъ. Послѣднее обстоятельство произвело разрывъ въ германской націи, отсутствіе общаго германскаго интереса и упадокъ земскихъ сословій въ германскихъ земляхъ. Вслѣдствіе этого, какъ исторія отдѣльныхъ земель имперіи, такъ и исторія цѣлой имперіи, утративъ характеръ національный, получаетъ характеръ династическій.

1; Имперскій сеймъ съ 1666 г. сталъ постояннымъ. Ни императоръ, ни князья не присутствовали на немъ, а посылали: первый комиссара, послѣдніе своихъ уполномоченныхъ. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы быть представителемъ націи, сеймъ сталъ представителемъ государей, получилъ характеръ династическій и, вмѣсто улучшеній внутреннихъ и мѣръ обороны, занимался спорами о рангахъ. Турки и Франція грозили странѣ, а сеймъ разсуждалъ о томъ, на какого цвѣта креслѣ долженъ сидѣть какой уполномоченный. Сеймъ былъ безсиленъ, а если имѣлъ еще нѣкоторую тѣнь вліянія, то вліяніе это уже открытымъ и законнымъ образомъ находилось въ рукахъ чужеземцевъ: Франція, Швеція, Данія имѣли голосъ въ совѣщаніяхъ. Самъ германскій императоръ заботился исключительно о выгодахъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній, чуждыхъ общимъ интересамъ нѣмецкаго народа: онъ дѣйствовалъ какъ государь Венгріи, разныхъ славянскихъ и италіанскихъ земель, лежавшихъ внѣ границъ Германіи. Таково же было положеніе сильнѣйшихъ князей, напр. курфирстовъ саксонскихъ, бывшихъ королями польскими; духовные князья-архіепископы (майнцкій, кельнскій и трирскій) не имѣли даже и династическаго интереса; они руководились исключительно личными выгодами. Послѣ вестфальскаго мира, съ половины XVII вѣка, не было ни одной войны, въ которой германская имперія являлась бы какъ одно цѣлое: каждый разъ, какъ только вспыхивала въ западной Европѣ война, одни изъ германскихъ владѣтелей сражались за одну, другіе за другую изъ враждующихъ сторонъ, хотя обыкновенно Германіи не было собственно никакой нужды вмѣшиваться въ войну. Да и не могло быть иначе: кромѣ вліянія иноземцевъ, нѣмецкія области вовлекались въ чуждыя имъ распри и потому, что сильнѣйшіе изъ нѣмецкихъ князей владѣли государствами или провинціями внѣ Германіи: саксонскіе курфирсты были также польскими королями, курфирсты бранденбургскіе владѣли Пруссіею; такимъ образомъ, Бранденбургъ запутывался во всѣ распри, касавшіяся прусской области, и въ XVII вѣкѣ былъ государствомъ на половину чуждымъ Германіи, а Саксонія еще больше страдала отъ соединенія съ Польшею. Помераніею владѣла Швеція, Ганноверомъ—Англія, и обѣ эти державы пользовались силами Ганновера и Помераніи большею частію не для выгоды этихъ областей, а только по своимъ собственнымъ расчетамъ. Въ эти чуждыя національнымъ интересамъ, чуждыя всякому помышленію объ общемъ отечествѣ интриги и от-

ношенія сильнѣйшихъ германскихъ державъ вовлекались, какъ ихъ кліенты, десятки второстепенныхъ и третьестепенныхъ князей и князьковъ, пользовавшихся правами политической независимости графовъ, бароновъ и рыцарей, архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ и имперскихъ городовъ.

Рядъ событій, пагубныхъ для нѣмецкаго народа, былъ слѣдствіемъ политическаго раздробленія Германіи. Каждый разъ какъ только вспыхивала война въ Европѣ, враждебныя арміи устремлялись на нѣмецкую землю, опустошали ея поля, сожигали ея села, разоряли контрибуціями ея города. Чаще, нежели какая нибудь другая страна западной Европы, несчастная, беззащитная германская имперія подвергалась ужасамъ военнаго грабежа и подвергалась имъ единственно вслѣдствіе своей раздробленности и беззащитности, потому что причины всѣхъ войнъ были, собственно говоря, чужды ея интересамъ, и, однако же, она въ каждой войнѣ принимала участіе, чтобы быть добычею обѣихъ враждующихъ партій.

2. Какъ ни велики бѣдствія, какія терпѣла Германія отъ войнъ, эти временныя бѣдствія незначительны въ сравненіи съ постояннымъ временнымъ зломъ, тяготѣвшимъ надъ нѣмецкимъ народомъ. Дурное управленіе, беззаконность, расточительнось и насиліе—вотъ слова, которыми еще слишкомъ слабо характеризуется германскій государственный бытъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Послѣ тридцатилѣтней войны, которая нанесла страшные удары и благосостоянію и образованности Германіи, нравы огрубѣли, Германія стала полуварварскою землею. Когда, въ концѣ XVII вѣка, побѣды Людовика XIV, его могущество, его блескъ ослѣпили Европу и подражаніе Французамъ стало общею модою, роскошь и утонченный разврать, заимствованные изъ Франціи самымъ дикимъ образомъ соединились при нѣмецкихъ дворахъ съ прирожденною грубостью. Изъ этого сочитанія произошелъ порядокъ вещей, болѣе нелѣпый и пагубный, нежели все то, что угнетало Германію до XVIII вѣка. При грубости нравовъ, до французскаго вліянія въ привычкахъ высшихъ классовъ существовала простота и потребности вельможъ были ограничены. Теперь же каждый баронъ маленькаго нѣмецкаго двора хотѣлъ блистать подобно французскимъ аристократамъ; каждый князь, имѣвшій подъ своею властію кусокъ земли, едва равнявшійся одной французской провинціи, хотѣлъ соперничать великолѣпіемъ съ французскимъ королемъ, хотѣлъ имѣть свой Версаль, свой Parc aux cerfs, и

его фаворитки не хотѣли уступать въ роскоши фавориткамъ французскаго двора. Если прихоти Людовика XIV разорили Францію, большое и богатое государство, легко вообразить, каковы были послѣдствія подобныхъ претензій, для маленькаго Касселя или Вольфенбюттеля, для Саксоніи или Баваріи. Предавшись всѣми мыслями желанію блистать, находя единственное наслажденіе въ чувственныхъ удовольствіяхъ и пышныхъ праздникахъ, нѣмецкіе владѣтели перестали обращать всякое вниманіе на порядокъ управленія и рѣшительно не занимались дѣлами. При каждомъ былъ фаворитъ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы развлекать князя и всѣми правдами и неправдами добывать деньги для придворныхъ расходовъ. Онъ безотчетно распоряжался всѣмъ, и не было границъ его самовластію, лишь бы только доставлялъ онъ двору средства для роскошныхъ развлеченій. Только немногіе князья, оставшіеся чуждыми новому французскому образованію, сами занимались государственными дѣлами. Они подвергались всеобщимъ насмѣшкамъ со стороны придворныхъ и князей, увлеченныхъ версальскою модою. Къ чести этихъ немногихъ государей, сохранившихъ старо-нѣмецкіе нравы, надобно сказать, что они были единственными германскими владѣльцами, заботившимися о собственной чести и благѣ подданныхъ. Но хотя они были лучшими изъ германскихъ государей своего времени, въ ихъ личныхъ привычкахъ и въ системѣ ихъ управленія было чрезвычайно много грубаго, тяжелаго, жестокаго. Лучшимъ образцомъ государей грубыхъ, но честныхъ и дѣятельныхъ, былъ въ первой половинѣ XVIII вѣка отецъ Фридриха Великаго, король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ. Самыми блистательными представителями господствующаго направленія, состоявшаго въ подражаніи версальскому двору, были саксонскіе курфирсты Августъ II и Августъ III.

Исторіи Германіи, кромѣ нѣсколькихъ проблесковъ энергіи, вызванныхъ очевидною бѣдою, нѣтъ. Есть исторія молодой Пруссіи и старой Австріи.

II.

Исторія Пруссіи.

А. Образованіе королевства прусскаго.

Въ первыя времена своего существованія, Пруссія была самымъ незначительнымъ государствомъ. Въ началѣ XV вѣка, импе-

раторъ Сигизмундъ отдалъ маркграфство бранденбургское въ ленное владѣніе благородному *дому Гогенцоллерновъ*, который въ XVI столѣтіи, въ особѣ Альбрехта, бывшаго гросмейстеромъ тевтонскаго ордена, принялъ реформу, а въ первые годы XVII вѣка получилъ въ ленъ отъ польскаго короля герцогство прусское. Но даже послѣ такого усиленія, главы гогенцоллернскаго дома едва могли стоять наравнѣ съ курфирстами саксонскими и баварскими. Почва марграфства была по большой части неплодородная: самыя окрестности Берлина, столицы Бранденбургіи, и Потсдама, любимой резиденціи маркграфовъ, представляли совершенную пустыню; только кое-гдѣ, на глубокихъ пескахъ, послѣ тщательной обработки, росли кое-какъ тощіе колосья ржи и овса. Въ другихъ мѣстахъ стояли первобытные лѣса; только болотистыя мѣста были плодородны, но вредный ихъ климатъ столь же пугалъ земледѣльцевъ, сколько привлекали хорошіе урожаи. *Фридрихъ Вильгельмъ* (1640—88), „великій курфирстъ", политикой своей положилъ основаніе могуществу своихъ преемниковъ. Посредствомъ вестфалькаго мира, онъ увеличилъ предѣлы своего государства многими важными пріобрѣтеніями, въ числѣ которыхъ былъ богатый городъ Магдебургъ съ округомъ; сыну своему Фридриху I онъ оставилъ такое значительное владѣніе, что съ нимъ нѐ могло сравниться ни одно изъ европейскихъ государствъ, не носившее названіе королевства. *Фридрихъ I* (1688—1713) стремился получить королевское достоинство. Тщеславный и расточительный, жаждавшій ничтожныхъ отличій, онъ нисколько не увеличилъ истиннаго могущества государства, которымъ управлялъ. Но ему посчастливилось добиться цѣли своей жизни: онъ получилъ королевскій титулъ и въ 1700 г. возложилъ на себя новое достоинство, при чемъ ему пришлось испытать много непріятностей. Зависть государей того разряда, изъ котораго вышелъ Фридрихъ, и вѣжливое пренебреженіе тѣхъ, къ которымъ онъ втерся въ ровни, были очень и очень замѣтны. Австрія, хотя признала за Фридрихомъ королевское достоинство, но сдѣлала это довольно недружелюбно, не смотря на то, что за признаніе вынудила у Пруссіи много тяжелыхъ жертвъ. Дворъ Фридриха былъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ. Онъ отнималъ послѣдній грошъ у бѣдныхъ, чтобы пресыщать богатыхъ; фавориты его получали богатыя пенсіи, между тѣмъ, какъ народъ его погрязалъ въ нищетѣ; его постройки были роскошны, его праздники пышны; его конюшни и кухни поражали болѣе азіятскою пышностью, нежели

европейскимъ вкусомъ. Онъ далъ помѣстье въ 40,000 талеровъ псарю, съ которымъ затравилъ длиннорогаго оленя; хотѣлъ заложить Голландцамъ нѣкоторыя свои владѣнія, чтобы купить знаменитый бриллььянтъ Питтъ, пріобрѣтенный послѣ Людовикомъ XV; продавалъ 20,000 человѣкъ солдатъ союзникамъ, чтобы хвастаться тѣмъ, что содержитъ 30,000 солдатъ. Когда Софія-Шарлота, супруга Фридриха I, лежала при смерти и одна изъ ея статсъ-дамъ плакала о своей доброй и умной государынѣ, „не плачьте, сказала ей умирающая,—для короля, моего супруга, я приготовляю церемонію похоронъ, которая доставитъ ему новый случай выказать свое великолѣпіе“. И дѣйствительно мужъ ея утѣшился великолѣпіемъ похоронъ.

Фридриху наслѣдовалъ сынъ его *Фридрихъ Вильгельмъ I* (1713—1740). Онъ первый задумалъ, посредствомъ сильной военной организаціи, захватить для Пруссіи такое мѣсто въ ряду другихъ европейскихъ державъ, на какое она не могла имѣть притязанія ни по своему пространству, ни по населенію. Строгая бережливость дала ему возможность содержать въ мирное время 60-тысячную армію. Эта армія была такъ дисциплинирована, что далеко превосходила версальскую гвардію. Повелитель подобной военной силы могъ быть для своихъ сосѣдей или опаснымъ врагомъ, или драгоцѣннымъ союзникомъ. Умъ Фридриха-Вильгельма былъ такъ странно устроенъ, что всѣ его склонности носили на себѣ отпечатокъ какой-то моральной и умственной болѣзни. Бережливость его доходила до скупости, а между тѣмъ ему ни почемъ были всѣ издержки для набора рослыхъ солдатъ. Въ то же время посланники берлинскаго двора находились въ такой бѣдности, что служили посмѣшищемъ для иностранныхъ столицъ, а столъ предлагаемый прусскимъ принцамъ и принцессамъ королевскаго дома, былъ такъ скуденъ, что они едва могли утолить голодъ, и такъ дуренъ, что не понравился бы даже голодному. Король поставлялъ себѣ за честь собрать полкъ великановъ, и въ каждой странѣ агенты его отыскивали людей, которые были бы выше обыкновеннаго роста. Эти розыски не ограничивались Европой. Замѣчательно, что, хотя главною цѣлью Фридриха-Вильгельма было созданіе значительной военной силы, хотя его правленіе составляетъ важную эпоху въ исторіи военной дисциплины и хотя господствующею его страстью были разные маневры, однако онъ былъ самымъ миролюбивымъ государемъ. Любовь Фридриха-Вильгельма къ своимъ войскамъ походила на любовь скупаго къ своимъ день-

гамъ. Его величайшимъ удовольствіемъ было собирать своихъ солдатъ, пересчитывать ихъ и видѣть, какъ войско увеличивалось; но онъ никакъ не могъ рѣшиться растратить часть своего сокровища. Военныя силы, собранныя Фридрихомъ-Вильгельмомъ, были предназначены для того, чтобы ихъ употребилъ въ дѣло умъ болѣе смѣлый и находчивый.

Управленіе Фридриха-Вильгельма имѣло характеръ величайшаго произвола. Сначала онъ запретилъ въ Пруссіи всѣ газеты, но когда началась война со Шведами, было разрѣшено издавать газеты, чтобы знакомить публику съ подвигами его воиновъ. Онъ презиралъ многоученыхъ законовѣдовъ своего времени, которые безконечно растягивали процессы формальностями и тонкостями римскаго права. Когда спрошенный имъ педантъ начиналъ ему исчислять мнѣнія прежнихъ ученыхъ, онъ грубо прерывалъ его словами: „я хочу знать не то, что думали когда-то другіе, а что думаешь ты“. Часто онъ нарушалъ своимъ вмѣшательствомъ правильный ходъ судопроизводства. Пытки и казни при немъ были неимовѣрно жестоки. Людей, которые чѣмъ нибудь ему не понравились, онъ безъ церемоніи колотилъ своею палкою или просто кулакомъ, такъ что каждый дрожалъ, когда долженъ былъ представляться королю. Праздность и роскошь были ненавистны ему. Прогуливаясь по улицѣ, пѣшкомъ или въ экипажѣ, онъ часто останавливалъ прохожихъ, распрашивалъ, какого они званія, чѣмъ занимаются, и, если отвѣты казались ему подозрительны, тутъ же колотилъ палкою празднолюбцевъ и вертопраховъ. Дамы особенно боялись встрѣчъ съ нимъ, потому что строгость Фридриха-Вильгельма не разбирала ни пола, ни возраста. Полиція при Фридрихѣ-Вильгельмѣ была невыносима: она вмѣшивалась во все. Заботясь о равномѣрномъ распредѣленія налоговъ, онъ не щадилъ вредныхъ для государства, обременительныхъ для горожанъ и простонародья привилегій, которыми повсюду пользовались юнкеры, владѣльцы такъ называемыхъ рыцарскихъ (дворянскихъ) помѣстій, надменно обращавшіеся со всѣми не принадлежавшими къ ихъ классу людьми. Фридрихъ Вильгельмъ хотѣлъ обуздать ихъ заносчивость въ частной жизни, а въ государственномъ отношеніи заставить раздѣлять съ горожанами и поселянами тягость налоговъ. Юнкеры негодовали и подали ему протестъ, написанный, по свѣтскому обычаю, на французскомъ языкѣ и оканчивавшійся словами: tout le pays sera ruiné. Король далъ слѣдующій лаконическій отвѣтъ, въ насмѣшку надъ французскимъ краснорѣчіемъ

юнкеровъ, составленный изъ тарабарской смѣси нѣмецкихъ словъ съ латинскими и французскими: „tout le pays sera ruiné? Nihil credo; aber das credo, dass die Junkers ihre Authorität wird ruinirt werden. Jch stàbilire die Souverainität wie einen Rocher von Bronce“*). Юнкеры должны были повиноваться, и феодальныя права, отяготительныя для народа, были у нихъ отняты. Строгое правосудіе короля не щадило преступника за знатность рода. Потомка одной изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ фамилій, укравшаго 14,000 талеровъ, король велѣлъ повѣсить при входѣ въ то присутственное мѣсто, гдѣ служилъ преступникъ, чтобы товарищи его тверже помнили законъ. Но правосудіе и произволъ имѣли равное вліяніе на его дѣйствія. Онъ издавалъ декреты, которыми опредѣлялъ моды для своихъ подданныхъ: такъ напримѣръ никто въ Берлинѣ не смѣлъ носить матерій съ пестрыми узорами. Онъ не терпѣлъ хлопчатобумажныхъ тканей и вздумалъ запретить ихъ: повсюду начались самые возмутительные домовые обыски, съ цѣлью открыть и уничтожить всякій клочекъ хлопчатобумажной ткани.

Въ домашней жизни Фридрихъ-Вильгельмъ былъ еще хуже, страшнѣе и причудливѣе. Онъ особенно не любилъ сына своего Фридриха и дочь Вильгельмину. Самъ онъ былъ совершенно необразованъ и презиралъ литературу; онъ равно питалъ отвращеніе къ папистамъ, невѣрующимъ и философамъ, хотя не зналъ, какое существовало между ними различіе. Развлеченія его состояли въ томъ, чтобы сидѣть въ облакахъ табачнаго дыма, хлебать шведское пиво, травить дикихъ кабановъ и стрѣлять куропатокъ.

в. Фридрихъ II Великій (1740—1786).

I. *Молодость Фридриха Великаго.* Фридрихъ II, названный Великимъ, сынъ Фридриха-Вильгельма, родился въ январѣ 1712 года. Съ дѣтства онъ не оказывалъ большаго сочувствія ни къ занятіямъ, ни къ удовольствіямъ своего отца: не любилъ военной службы, не могъ курить безъ отвращенія, не находилъ удовольствія ни въ игрѣ, ни въ охотѣ. Обладая обыкновеннымъ слухомъ, онъ хорошо игралъ на флейтѣ. Первыми учителями его были французскіе эмигранты, которые пробудили въ своемъ воспитанникѣ страсть къ французской литературѣ и къ французскому

*) Все государство погибнетъ? Не вѣрю; а то вѣрно, что вліяніе юнкеровъ погибнетъ. Какъ мѣдный утесъ стоитъ надъ ними моя верховная власть.

обществу. Фридрихъ-Вильгельмъ смотрѣлъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ на склонности своего сына, но выговоры и преслѣдованія только усиливали ихъ, въ особенности, когда наслѣдный принцъ достигнулъ того возраста, когда происходитъ великая перемѣна въ физическомъ и умственномъ состояніи человѣка. Въ это время онъ сдѣлалъ нѣсколько необдуманныхъ поступковъ и высказалъ мысли, противныя господствующему вѣроученію. Король заподозрилъ, что сынъ его, чего-добраго, склоненъ сдѣлаться еритикомъ, кальвинистомъ и атеистомъ (большой разницы между этимъ онъ не видѣлъ). Жестокость была въ натурѣ Фридриха-Вильгельма; въ этомъ-же случаѣ жестокость онъ почиталъ своей обязанностью. Онъ сломалъ флейту, выбросилъ французскія книги, билъ принца ногами, сѣкъ и таскалъ его за волосы. За столомъ блюда летѣли ему въ голову, часто доводилось ему оставаться на хлѣбѣ и водѣ. Однажды гнѣвъ короля дошелъ до того, что даже жизнь Фридриха была въ опасности. Несчастный принцъ, доведенный до отчаянія, пытался (съ вѣдома любимой матери и сестры) спастись бѣгствомъ, и этимъ довелъ до крайней степени ярость своего отца. Фридрихъ былъ офицеромъ, слѣдовательно его бѣгство было вмѣстѣ съ тѣмъ дезертирствомъ. Принцъ заточенъ былъ въ крѣпость, одинъ соумышленникъ его, поручикъ Катте, былъ безпощадно казненъ, въ глазахъ принца. Такая же судьба ждала и самого принца. Только съ большимъ трудомъ голландской республикѣ, королямъ шведскому и польскому и нѣмецкому императору, удалось своимъ вмѣшательствомъ избавить бранденбургскій домъ отъ подобнаго событія. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тяжелаго ожиданія, узналъ наслѣдный принцъ, что жизнь его будетъ пощажена. Однако онъ долгое время оставался арестантомъ и въ своихъ тюремщикахъ нашелъ ту нѣжность, которой никогда не встрѣчалъ въ родномъ отцѣ. Когда заключеніе кончилось, то Фридрихъ былъ уже взрослымъ 22-лѣтнимъ человѣкомъ. Страданія развили его природный умъ, но очерствили сердцѣ и испортили характеръ. Онъ выучился самообладанію и притворству, старался показать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ заботится о видахъ короля, и съ покорностью изъ рукъ своего отца принялъ жену. Онъ съ честью служилъ подъ командою принца Евгенія, хотя и не имѣлъ случая отличиться блистательнымъ образомъ, потому что походъ не ознаменовался никакими событіями. Теперь ему довольно было имѣть собственный при-

дворный штатъ, и поэтому принцъ былъ въ состоянiи осторожно слѣдовать своимъ собственнымъ склонностямъ.

Любимымъ мѣстопребыванiемъ его былъ *Рейнсбергъ*, плодородное и цвѣтущее мѣсто среди песчаной пустыни. Здѣсь живя уединенно, Фридрихъ занимался садоводствомъ, музыкою, бесѣдами и литературою съ немногими товарищами, между которыми особенно любилъ французовъ по рожденiю или воспитанiю. Литература была главныхъ его развлеченiемъ. Онъ былъ воспитанъ преимущественно на французскiй ладъ, поклоненiе его моднымъ французскимъ писателямъ было безгранично. Честолюбивый и воспрiимчивый умъ рано подстрекалъ его подражать тому, что возбуждало его удивленiе, и потому, можетъ быть, ни одно изъ стремленiй его не было такъ сильно, какъ желанiе занять мѣсто между образцовыми французскими писателями; но природа совершенно отказала ему въ дарѣ поэзiи. Онъ не могъ владѣть въ совершенствѣ ни однимъ языкомъ. По нѣмецки онъ зналъ на столько, чтобы выбранить своего слугу или скомандовать гренадерамъ, по французски зналъ онъ, какъ иностранецъ. Лучшiя его стихотворенiя стоятъ на равнѣ съ худшими образцами. Въ исторiографiи ему болѣе посчастливилось: разсказъ его мемуаровъ отличается точностью, сжатостью, здравымъ смысломъ и какимъ-то простымъ, правдивымъ вглядомъ, имѣющимъ особенную привлекательность въ человѣкѣ, который, совершивши великiя дѣла, самъ ихъ разсказываетъ. Лучшiя эпопеи, трагедiи и историческiя произведенiя, которыя удавалось читать Фридриху, принадлежали Вольтеру: поэтому удивленiе къ высокому и многостороннему генiю его Фридрихъ доводилъ почти до обожанiя. Обожанiе это высказалъ онъ въ письмѣ къ фернейскому философу. и между ними началась переписка. Никто не умѣлъ платить за комплименты лучше Вольтера. Фридрихъ сообщалъ ему свои сочиненiя и получилъ за нихъ столько похвалъ, какъ будто совмѣщалъ въ себѣ таланты Расина и Боссюэта. Вольтеръ издалъ сочиненiе принца подъ заглавiемъ „Анти-Маккiавель", написанное противъ грабежа, измѣны, своеволiя и несправедливой войны, словомъ противъ всего того, чего не совсѣмъ чуждъ былъ впослѣдствiи самъ авторъ его. Старый король иногда сердито ворчалъ противъ рейнсбергскихъ увеселенiй, но здоровье его было разстроено; смерть приближалась и силы слабѣли. Въ 1740 году Фридрихъ-Вильгельмъ умеръ. Сыну его только что исполнилось 28 лѣтъ, онъ сдѣлался прусскимъ королемъ.

2. *Войны Фридриха Великаго.* Фридриха Великаго мало понимали. Самые близкіе къ нему люди ожидали, что изъ него выйдетъ фенелоновскій Телемакъ; другіе предсказывали возвращеніе временъ Медичи, благопріятствовавшихъ развитію искусствъ, наукъ и роскошной жизни. Никто и не подозрѣвалъ того, что на престолъ вступилъ либералъ на словахъ, но геніальный деспотъ на дѣлѣ, одаренный необыкновенными военными и правительственными талантами, не знавшій ни усталости, ни страха, ни вѣры, ни милосердія. Разочарованіе ожидало рейнсбергскихъ товарищей Фридриха. Они давно уже ожидали вступленія его на престолъ какъ такого событія, съ котораго должно было начаться ихъ собственное благосостояніе и величіе. „Ни слова больше объ этихъ глупостяхъ!“ такимъ рѣзкимъ напоминаніемъ надѣлилъ Фридрихъ одного изъ своихъ прежнихъ товарищей. Скоро сдѣлалось яснымъ, что въ важнѣйшихъ пунктахъ новый государь имѣлъ большое семейное сходство съ своимъ предшественникомъ. Конечно, между ними существовало ограмное различіе въ отношеніи къ обширности и силѣ ихъ ума, ихъ философскимъ взглядамъ, склонностямъ, занятіямъ и внѣшнимъ пріемамъ; но основаніе ихъ характеровъ было одинаково. Оба они любили порядокъ, практическую дѣятельность, солдатскіе нравы, бережливость, самовластіе.

а. Война за австрійское наслѣдство. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи на престолъ Фридриха II, умеръ нѣмецкій императоръ *Карлъ VI*, со смертью котораго угасла мужеская линія габсбургскаго дома. У Карла не было сыновей. Поэтому, въ продолженіе всей послѣдней половины своей жизни, онъ болѣе всего хлопоталъ о томъ, чтобы передать женской линіи габсбургскаго дома всѣ короны ему принадлежавшія. Съ этой цюлью онъ обнародовалъ новый законъ престолонаслѣдія, который извѣстенъ въ цѣлой Европѣ подъ именемъ „прогматической санкціи.“ Въ силу этого закона, владѣнія Карла VI переходили къ его дочери, эрцгерцогинѣ *Маріи Терезіи* супругѣ Франца лотарингскаго. Отъ всѣхъ лицъ, которыхъ права были хоть сколько нибудь нарушены вступленіемъ Маріи Терезіи на престолъ, добыты были формальныя объявленія о томъ, что они совершенно отступаются отъ своихъ правъ. Всѣ сословія всѣхъ королевствъ и княжествъ, составлявшихъ австрійскую имперію, утвердили новый законъ престолонаслѣдія. Англія, Франція, Испанія, Россія, Польша, Пруссія, Швеція, Данія и Германія обязывались поддерживать прагматическую санкцію, которая такимъ образомъ нахо-

дилась подъ общей защитой всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Поэтому всѣ европейскіе государи должны были свято охранять и защищать права эрцгерцогини. Независимо отъ этого, ея положеніе и личныя ея достоинства должны были возбуждать въ каждомъ благородномъ человѣкѣ состраданіе, удивленіе и рыцарскую готовность къ услугамъ. Маріи Терезіи было двадцать четвертый годъ. Она поражала всѣхъ своей величественной фигурой, прекрасными чертами кроткаго и одушевленнаго лица, пріятнымъ голосомъ и мягкими, исполненными достоинства пріемами, и, среди всеобщаго растлѣнія нравовъ, была безупречна въ своей семейной жизни. Когда умеръ Карлъ VI и она сдѣлалась правительницею обширнаго государства, то ни откуда не получала она такихъ положительныхъ увѣреній въ дружбѣ, какъ отъ Фридриха II, отчасти обязаннаго жизнію заступничеству отца ея, Карла VI, предъ его отцомъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Но увѣряя Марію-Терезію въ дружбѣ, онъ въ то же время окончательно рѣшился, измѣнивъ данному слову, тайно и поспѣшно собрать войско и отнять у нее Силезію, на которую гогенцоллернскій домъ имѣлъ нѣкоторыя старинныя права. Впрочемъ надо отдать Фридриху справедливость: онъ не имѣлъ притязаній на добродѣтель и, помѣщая въ манифестахъ своихъ, только ради формы нѣсколько ничего незначащихъ выраженій о своемъ правѣ на Силезію, въ разговорахъ своихъ и въ мемуарахъ говорилъ совершенно другое: „честолюбіе, интересы, желаніе заставить о себѣ говорить — окончательно одержали надо мною побѣду, и я рѣшился начать войну“.

Принявши однажды это намѣреніе, онъ дѣйствовалъ съ ловкостью и энергіей. Безъ всякаго объявленія войны, Фридрихъ началъ военныя дѣйствія. Нѣсколько тысячъ войска зимою 1740 года вступили въ Силезію. Австрійская армія въ то время была малочисленна и въ плохомъ состояніи; немногія крѣпости держались; но вообще вся страна скоро была покорена, и Фридрихъ въ январѣ 1741 года уже возвратился въ Берлинъ, гдѣ встрѣченъ былъ поздравленіями своихъ подданныхъ. Силезія была отдана безъ выстрѣла, но австрійскія войска весною пошли на выручку тѣхъ крѣпостей, которыя еще держались. Къ счастію прусскаго короля, австрійскіе генералы были весьма обыкновенные люди. Дисциплина прусскихъ войскъ, преимущественно пѣхоты, не имѣла себѣ подобной; кромѣ того, нѣкоторые способные и опытные офицеры были у Фридриха всегда подъ рукой и поддерживали его своими совѣтами. Самый замѣчательный изъ нихъ былъ фельдмаршалъ

Шверинъ, храбрый авантюристъ, человѣкъ служившій у половины европейскихъ государей, сражавшійся подъ начальствомъ Мальборо и Карла XII. Первое сраженіе дано было Фридрихомъ при *Мольвицѣ*, и никогда поприще великаго полководца не начиналось такъ дурно. Побѣда была одержана, но онъ обязанъ былъ ею искусству своихъ полководцевъ и храбрости войскъ, которыя бились тогда, когда самъ онъ бѣжалъ. Такъ мало обѣщалъ первый дебюдъ перваго воина своего времени.

Сраженіе при Мольвицѣ было сигналомъ къ общей тревогѣ въ Европѣ. Баварскій курфирстъ Карлъ объявилъ свои притязанія на австрійское наслѣдство, Франція приняла его сторону, Фридрихъ двинулся впередъ, а Французы и Баварцы прорвались въ Богемію, гдѣ соединились съ Саксонцами. Прага пала, баварскому курфирсту германскіе князья предложили императорскую корону, которою владѣлъ австрійскій домъ уже въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ и на которую почти имѣлъ право смотрѣть какъ на наслѣдственную собственность.

Но такія событія не могли уничтожить бодрость Маріи-Терезіи. Хотя предки ея считали Венгрію самою мятежною страною своего государства, но она рѣшилась довѣриться Венграмъ, народу, правда, грубому, безпокойному и нетерпѣвшему притѣсненій, но за то храброму, благородному и правдивому. Она поспѣшила въ Пресбургъ, тамъ на глазахъ безчисленнаго народа, на нее возложили корону и одѣяніе св. Стефана. Ни одинъ изъ зрителей не могъ удержаться отъ слезъ, при видѣ красивой молодой матери, когда она, по обычаю своихъ предковъ, въѣхала верхомъ на Королевскую гору, обнажила старый государственный мечъ и, съ мимолетнымъ румянцемъ на блѣдномъ лицѣ, махала имъ противъ сѣвера и юга, востока и запада, вызывая на бой всѣ четыре стороны свѣта, для защиты правъ своего сына. На первое засѣданіе сейма она явилась въ глубокомъ траурѣ по отцѣ своемъ и съ жаромъ и достоинствомъ призывала народъ на защиту праваго дѣла. Магнаты и депутаты поднялись съ мѣстъ, ударили по своимъ саблямъ и поклялись, съ неистовыми криками, пожертвовать для королевы кровью и имуществомъ. До той поры твердость Маріи-Терезіи ни разу не измѣнила ей въ глазахъ народа; но при этомъ взрывѣ усердія она безсильно опустилась на престолъ и громко заплакала. Еще трогательнѣе было зрѣлище, когда, чрезъ нѣсколько дней послѣ этого засѣданія, она снова появилась предъ сословіями своего государства и показала сейму

своего маленькаго сына Іосифа. Тогда то воодушевленіе Венгерцевъ разразилось военнымъ крикомъ: „Moriamur pro rege nostro Maria-Theresia!" Вся Венгрія ополчилась поголовно за королеву; сверхъ того Англія обѣщала ей помощь.

Фридрихъ, между тѣмъ, думалъ измѣнить свою политику. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы упрочить за собой захваченную часть добычи. Маріи-Терезіи очень не хотѣлось входить съ нимъ въ какія-бы то ни было соглашенія. Но англійское правительство, настоятельно представлявшее ей необходимость сдѣлки съ Пруссіей и новая побѣда одержанная Фридрихомъ, заставили ее согласиться на переговоры. Марія-Терезія уступила Силезію, а Фридрихъ отступился отъ своихъ союзниковъ. Саксонія послѣдовала его примѣру и королева такимъ образомъ развязала себѣ руки для нападенія всѣми силами на Французовъ и Баварцевъ. Она вездѣ побѣждала. Французы принуждены были очистить Богемію и едва успѣли убраться во свояси. Дорога, по которой они отступали, была покрыта тысячами труповъ, солдаты погибали отъ холода, голода и усталости. Баварія была наполнена толпами венгерскихъ славянскихъ пандуровъ, кроатовъ и гусаровъ. Побѣжденный Австріей, преданный Пруссіей, прогнанный изъ своихъ наслѣдственныхъ земель и оставленный всѣми своими союзниками, несчастный курфирстъ баварскій преждевременно умеръ отъ стыда и раскаянія. Англійская армія появилась въ срединѣ Германіи на защиту Маріи-Терезіи и поразила Французовъ при Деттингенѣ. Австрійскіе полководцы уже думали принудить Францію уступить Эльзасъ.

Находясь въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, версальскій дворъ ожидалъ помощи отъ Фридриха и отправилъ въ Берлинъ Вольтера для переговоровъ. Вольтеръ не имѣлъ успѣха; но чего не могло сдѣлать вліяніе Вольтера, то сдѣлали возрастающіе успѣхи австрійскаго оружія. Если бы Марія-Терезія и Георгъ II могли предписать Франціи условія мира, то какая надежда оставалась бы тогда Пруссіи на обладаніе Силезіею? Фридрихъ разсчиталъ, что вѣрнѣе будетъ соединиться съ Франціей и еще разъ напасть на Марію-Терезію. На этомъ основаніи, безъ всякаго предварительнаго увѣдомленія и сколько нибудь приличнаго предлога, онъ снова началъ непріятельскія дѣйствія: ворвался въ Богемію, взялъ Прагу и угрожалъ даже Вѣнѣ. Въ то же время Французы торжествовали въ Нидерландахъ. Прусскому королю уже нечего было бояться, что Марія-Терезія будетъ въ состояніи пред-

писывать законы Европѣ, и осенью 1745 г. онъ заключилъ миръ съ Англіей, а потомъ и съ Австріей. Францъ лотарингскій, супругъ Маріи-Терезіи, былъ избранъ императоромъ, по общему согласію всѣхъ германскихъ государей.

b) Семилѣтняя война. Для Пруссіи снова наступилъ миръ, хотя европейская война все продолжалась до 1747 года, когда заключенъ былъ ахенскій трактатъ. Изъ всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ немъ, одна только Пруссія была въ выигрышѣ. Не говоря уже о томъ, что Фридрихъ прибавилъ къ своему наслѣдству прекрасную провинцію Силезію, ему такъ выгодна была его не совсѣмъ нравственная ловкость, онъ такъ искусно вредилъ то Австріи, то Франціи, что на него всѣ смотрѣли, какъ на человѣка, въ рукахъ котораго находится равновѣсіе Европы. Марія-Терезія не могла забыть вѣроломнаго поступка Фридриха въ отношеніи къ ней. Она готова была презрѣть всѣ опасности, навлечь на своихъ поданныхъ всѣ бѣдствія, лишь бы насладиться мщеніемъ. Мщеніе представлялось ей религіознымъ долгомъ: Силезія была похищена не только у австрійскаго дома, но и у римской церкви. Фридрихъ, конечно, предоставилъ свободу вѣроисповѣданія своимъ новымъ подданнымъ; но для строгой католички, какова была Марія-Терезія казалось невыносимымъ притѣсненіемъ, что католическая церковь, прежде всегда господствовавшая въ Силезіи, была только уравнена въ правахъ съ лютеранскою. Этого мало: невѣріе, которымъ дышали сочиненія и разговоры Фридриха, слухи о безнравственности его частной жизни—казались страшными женщинѣ, вѣрившей всему, что говорилъ духовникъ ея, женщинѣ, хотя окруженной испытаніями, молодой, красивой и страстной, владѣвшей неограниченною властію, но заслужившей доброе имя въ полномъ смыслѣ этого слова. Возвратить Силезію, унизить династію Гогенцоллерновъ—это было главною цѣлью ея жизни. Она нѣсколько лѣтъ трудилась для этой цѣли съ неутомимымъ рвеніемъ и стремилась составить коалицію, какой Европа еще не видала: соединить противъ Фридриха весь цивилизованный міръ отъ Бѣлаго моря до Адріатическаго, и отъ Бискайскаго залива до Дона. Различными способами удалось ей склонить на свою сторону русскую императрицу Елисавету, про которую очень насмѣшливо отзывался Фридрихъ. Значительная часть добычи обѣщана была польскому королю, который, подъ вліяніемъ своего любимца, графа Брюля, согласился предоставить свои саксонскія войска на защиту импе-

ратрицы. Самое большое затрудненіе было со стороны Франціи. Соединеніе домовъ бурбонскаго и габсбургскаго для какой-нибудь общей цѣли, по выраженію Фридриха, долго считалось такъ же невозможнымъ, какъ соединеніе огня и воды. Вся европейская исторія въ теченіи трехъ столѣтій, состояла исключительно изъ обоюдной зависти и вражды между Франціей и Австріей.

Но вѣнскій дворъ не отчаявался. Австрійскіе дипломаты начали распространять новую политическую теорію. Двѣ великія державы Франція и Австрія, вслѣдствіе этой теоріи, долго находились въ заблужденіи: они взаимно смотрѣли другъ на друга, какъ на естественныхъ враговъ, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ, они были естественными союзниками. Главною цѣлью Австріи было возвратить Силезію, главною цѣлью Франціи—расширить свои предѣлы со стороны Фландріи. Если бы они соединились, то достигли бы своихъ цѣлей безъ труда и опасностей. Соединеніе такихъ могущественныхъ державъ сразу напугало бы прусскаго короля. Еслибъ онъ и рѣшился сопротивляться, то одинъ походъ немедленно рѣшилъ бы его участь. Франція и Австрія, привыкшія съ нѣкотораго времени къ потерямъ въ войнѣ, вышли бы теперь побѣдительницами, а пострадалъ бы только несправедливый и своевольный зачинщикъ, который не заслуживалъ пощады ни съ той, ни съ другой стороны. Это ученіе, привлекательное по своей новости, скоро вошло въ моду въ парижскихъ вечернихъ собраніяхъ и кофейняхъ. Но странная коалиція между Франціей и Австріей произошла не вслѣдствіе одной политической теоріи. Истинныя причины, побудившія два великія государства забыть свою давнюю враждебность и измѣнить своимъ правительственнымъ правиламъ, состояли въ личной ненависти къ прусскому королю, который своими насмѣшками и сарказмами оскорбилъ всѣхъ почти современныхъ государей и министровъ Европы. О женщинахъ онъ имѣлъ привычку выражаться такъ, что самая кроткая изъ нихъ никогда бы не простила ему; а къ несчастію, въ это время, почти вся Европа управлялась женщинами, которыя вовсе не отличались кротостью. Маркизѣ де-Помпадуръ, которая была истинною главою французскаго правительства, онъ наносилъ самыя тяжкія оскорбленія. Она пыталась было привлечь на свою сторону прусскаго короля, посредствомъ самой тонкой лести; но въ замѣнъ всѣхъ своихъ исканій, получила только сухіе и саркастическіе отвѣты. Совершенно другимъ образомъ поступила Марія-Терезія: жажда мести заставила ее забыть и достоинство своего

происхожденія и чистоту своего характера. Она написала собственноручное письмо къ Помпадуръ, въ которомъ назвала ее „своею любезною кузиною". Очарованная этимъ письмомъ Помпадуръ легко склонила на свою сторону Людовика XV, который также былъ обиженъ Фридрихомъ, выражавшимъ безграничное презрѣніе къ его лѣности и безразсудству. Такимъ образомъ Францiя вступила въ коалицію, и примѣръ ея опредѣлилъ поведеніе Швеціи, которая тогда находилась вполнѣ подъ французскимъ вліяніемъ. Такимъ образомъ *Францiя*, *Австрія*, *Россія*, *Саксонія*, *Швеція* и *Германія* условились въ одно и тоже время напасть на Фридриха и раздѣлить между собою большую часть его владѣній. Францію, которая, по своему географическому положенію, не могла принимать непосредственнаго участія въ дѣлежѣ, положено было вознаградить нидерландскими землями; Австрія должна была получить Силезію, Россія восточную Пруссію, Августъ саксонскій разсчитывалъ на Магдебургъ, а Швеція благосклонно довольствовалась частью Помераніи. Еслибъ эти планы удались, то бранденбургскій домъ сразу упалъ бы до такого положенія въ системѣ европейскихъ государствъ, какое занимаютъ теперь короли вюртембергскіе.

Фридрихъ понималъ, какъ опасно его положеніе, но видѣлъ также, что есть слабое средство къ спасенію, съ одной стороны, въ превосходствѣ его войска, единодушіи народа, сбереженныхъ финансахъ, и съ другой стороны, въ разстройствѣ, разбросанности и разнородности его враговъ. Надо было выиграть время, и съ мудрою отвагою рѣшился онъ нанести первый ударъ. Въ августѣ 1756 года, началась семилѣтняя война. Король потребовалъ у императрицы рѣшительнаго объясненія на счетъ ея видовъ и получилъ гордый и рѣшительный отказъ. Тотчасъ же курфиршество саксонское наводнено было 60 тысячнымъ прусскимъ войскомъ. Въ короткое время взятъ былъ Дрезденъ, Августъ разбитъ и бѣжалъ въ Польшу. Вся армія его сдалась на капитуляцію, и съ этого времени до самаго окончанія войны Фридрихъ смотрѣлъ на Саксонію, какъ на часть своихъ владѣній. 17,000 Саксонцевъ онъ силою и убѣжденіемъ заставилъ служить подъ своими знаменами. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько недѣль послѣ начатія военныхъ дѣйствій, одинъ изъ враговъ Фридриха былъ уже обезоруженъ и военныя силы его обращены противъ союзниковъ. Зима положила конецъ битвамъ. Но война еще не достигла всей

своей силы. Можно было предвидѣть, что 1757 годъ заставитъ Европу долго вспоминать о себѣ.

Французы, Русскіе, Шведы приготовлялись напасть на Пруссію. На сторонѣ Фридриха были только Англичане. Фридрихъ съ 30-тысячною арміей двинулся противъ австрійскаго фельдмаршала Дауна. Осторожный маршалъ занялъ при *Коллинѣ* почти неприступную позицію и ожидалъ тамъ нападеній короля. Фридрихъ напалъ на него и потерпѣлъ такое пораженіе, которое даже при равныхъ силахъ могло бы считаться гибельнымъ. Прежде вся Европа удивлялась его арміи; а теперь всѣ тѣ, которые оскорблены были сарказмами Фридриха, спѣшили отомстить за нихъ насмѣшками надъ насмѣшникомъ. Солдаты не переставали вѣрить его счастливой звѣздѣ. Казалось, что положеніе короля не могло быть хуже; а между тѣмъ его ожидалъ новый ударъ, не менѣе коллинскаго пораженія: Французы вторглись въ Германію, разбили вспомогательную ганноверскую армію Англичанъ и обратили оружіе на прусскія владѣнія. Къ довершенію несчастій Фридриха, въ это же самое время онъ потерелъ свою мать, и, кажется, это горе поразило его глубже, нежели можно было ожидать отъ его довольно черстваго характера. Щеки его впали, онъ исхудалъ, сонъ его былъ безпокоенъ, часто невольныя слезы выступали на глазахъ его, и гробъ казался ему лучшимъ убѣжищемъ отъ бѣдствій и стыда. Онъ принялъ твердое намѣреніе не отдаваться живымъ въ руки побѣдителей и никогда не заключать мира, потому что Пруссія сошла бы съ своего тогдашняго положенія въ ряду европейскихъ державъ. Съ этихъ поръ онъ постоянно носилъ съ собой ядъ.

Къ концу осени 1757 года, сѣти, казалось, были разставлены ему со всѣхъ сторонъ: Русскіе распространяли опустошеніе въ восточныхъ провинціяхъ прусскаго королевства; Силезія занята была Австрійцами; съ запада наступала сильная французская армія подъ начальствомъ маршала Субиза; самый Берлинъ былъ взятъ и ограбленъ Кроатами. Вотъ каковы были дѣла, изъ которыхъ Фридрихъ со славою выпутался въ продолженіи тридцати дней.

Прежде всего онъ двинулся на встрѣчу къ Субизу. Обѣ арміи встрѣтились у *Росбаха*. Французы были вдвое многочисленнѣе, но генералъ ихъ былъ человѣкъ неспособный. Тактика Фридриха и храбрость прусскихъ войскъ одержали рѣшительную побѣду: большая часть непріятелей, орудія, знамена, обозъ все попало въ

руки побѣдителей. Побѣдивъ врага на западѣ, король перенесъ оружіе въ Силезію, противъ Австрійцевъ, и встрѣтился съ ними при *Лейтенѣ*. Король, обыкновенно считавшій простыхъ солдатъ не болѣе, какъ машинами, въ этотъ день, для возбужденія энтузіазма, собралъ старшихъ офицеровъ, сказалъ имъ нѣсколько сильныхъ и горячихъ словъ и велѣлъ передать эти слова подчиненнымъ. Колонны двинулись въ атаку, при громѣ барабановъ и звукѣ трубъ, напѣвая древнія церковныя пѣсни. Никогда они такъ хорошо не дрались и ни въ одномъ случаѣ не выказался такъ блистательно геній ихъ предводителя. „Это сраженіе, сказалъ Наполеонъ, истинно образцовое: оно одно можетъ поставить Фридриха въ рядъ величайшихъ полководцевъ“. Побѣда была рѣшительная. Фридрихъ далъ отдохнуть своимъ войскамъ на зимнихъ квартирахъ.

Слава короля наполняла всю Европу. Въ продолженіе послѣдняго года, онъ побѣдоносно велъ войну съ тремя державами, изъ которыхъ самая слабая имѣла, по крайней мѣрѣ, въ-трое больше средствъ, нежели Пруссія. Лейтенская побѣда до сихъ поръ считается величайшимъ успѣхомъ прусскаго оружія. Росбахская побѣда въ военномъ отношеніи была менѣе замѣчательна, но нравственное вліяніе ея было огромное: всѣ прежнія побѣды Фридриха одержаны были надъ Нѣмцами и не могли возбудить національной гордости въ нѣмецкомъ народѣ; но ни разу, послѣ раздѣленія имперіи Карла Великаго, германскіе народы не одерживали такой рѣшительной побѣды надъ Французами, какъ при Росбахѣ. Извѣстіе о ней произвело общій взрывъ радости и гордости во всемъ великомъ поколѣніи, говорящемъ различными нарѣчіями нѣмецкаго языка. Но все одушевленіе Германіи, въ отношеніи къ Фридриху, едва-ли могло сравниться съ одушевленіемъ Англіи. День его рожденія праздновался здѣсь съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ и день рожденія собственнаго государя, и вечеромъ въ этотъ день улицы Лондона были великолѣпно иллюминованы. Изображеніе героя росбахскаго въ треугольной шляпѣ и съ длинною косою можно было найти во всякомъ домѣ. Нѣсколько молодыхъ и благородныхъ Англичанъ вызывались отправиться волонтерами въ Германію, для изученія военнаго искусства подъ начальствомъ величайшаго полководца. Отъ этого послѣдняго доказательства приверженности Англичанъ Фридрихъ вѣжливо, но рѣшительно отказался: дисциплина въ прусскихъ войскахъ была строга до жестокости, наслаждающіеся жизнью молодые Англичане, съ 20-тысячнымъ годовымъ доходомъ не могли бы подчи-

питься этой дисциплинѣ и истинно-спартанскимъ лишеніямъ лагерной жизни. Помощь Англіи принята была въ гораздо удобнѣйшемъ и полезнѣйшемъ случаѣ: ежегодный остатокъ отъ семисотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ субсидій позволилъ Фридриху увеличить свою армію на 50 тыс. человѣкъ. Питтъ старшій, который въ то время находился на вершинѣ своей славы и популярности, взялся защищать западную Германію отъ Франціи, требуя отъ Фридриха только искуснаго генерала. Фридрихъ избралъ для этого принца Фердинанда брауншвейгскаго. Онъ поставленъ былъ во главѣ войска, составленнаго частью изъ Англичанъ, частью изъ Ганноверцевъ, а частью изъ наемщиковъ, взятыхъ изъ различныхъ мелкихъ германскихъ княжествъ. Фердинандъ оправдалъ выборъ союзныхъ дворовъ и вскорѣ прославился, какъ второй полководецъ своего времени.

Въ продолженіе зимы Фридрихъ приготовлялся къ походу и къ веснѣ 1758 года былъ готовъ. Принцъ Фердинандъ держалъ Французовъ въ постоянномъ безпокойствѣ. Между тѣмъ король, послѣ нѣкоторыхъ, ни къ чему не послужившихъ дѣйствій противъ Австрійцевъ, обратился къ Русскимъ, которые, убивая, выжигая и опустошая все попадавшееся на пути, достигли наконецъ центра королевства. Онъ сразился съ ними при *Цорндорфѣ*; битва была продолжительна и кровопролитна; съ обѣихъ сторонъ не было пощады. Нѣмцы и Славяне всегда чувствовали другъ къ другу отвращеніе, и при томъ же видъ опустошеній, произведенныхъ чужестранцами, ожесточилъ Фридриха и всю его армію. Русскіе были отбиты, потерпѣли значительный уронъ, и съ ихъ стороны мѣсяца два нельзя было ожидать никакихъ покушеній.

Эту эпоху можно считать именно тою, когда военная слава Фридриха достигла своей вершины: въ самое непродолжительное время онъ одержалъ три значительныя побѣды надъ войсками трехъ могущественныхъ и воинственныхъ державъ—Франціи, Австріи и Россіи. Но судьбѣ угодно было, чтобы этотъ геній въ самое непродолжительное время испыталъ всѣ крайности и счастія и несчастія. За цѣлымъ рядомъ тріумфовъ слѣдовалъ цѣлый рядъ неудачъ, который затемнилъ бы славу и разбилъ бы сердце всякаго стараго полководца. Послѣ побѣды надъ Русскими, поспѣшилъ Фридрихъ въ Саксонію, и сразился съ войсками императрицы австрійской при *Гохкирхенѣ*. Присутствіе короля спасло войско его отъ совершеннаго истребленія, но не могло спасти отъ пораженія и отъ значительнаго урона. Для Фридриха это было большое несчастіе. Но лучше всѣхъ полководцевъ онъ зналъ, какъ

вознаградить свое пораженіе, между тѣмъ какъ враги не умѣли воспользоваться побѣдой. Дня чрезъ два, прусская армія была въ такомъ же положеніи, какъ и до сраженія.

Третій годъ семилѣтней войны уже прошелъ, а Фридрихъ все еще твердо стоялъ противъ своихъ враговъ *). Но четвертый походъ для него былъ самый несчастный. Въ началѣ весны Австрійцы грозили Берлину. Русскіе, разбивъ прусскихъ генераловъ, укрѣпились при *Кунерсдорфѣ*. Фридрихъ спѣшилъ на нихъ напасть. Въ продолженіе первой половины дня все уступало одушевленію Пруссаковъ и искусству ихъ полководца, такъ что король отправилъ въ Берлинъ курьера съ краткимъ извѣстіемъ о побѣдѣ. Между тѣмъ Русскіе, хотя и разбитые, но несломанные, заняли почти неприступное мѣсто, и битва возобновилась. Король самъ водилъ войско два раза въ атаку, двѣ лошади убиты были подъ нимъ, платье его въ нѣсколькихъ мѣстахъ было прострѣлено; но пѣхота была отбита съ огромнымъ урономъ, страхъ распространился между Пруссаками, произошло общее бѣгство, самъ Фридрихъ едва не попался въ руки непріятеля. Разбитый физически и морально, король достигъ деревушки, разоренной казаками, и тамъ, въ полуразрушенномъ пустомъ домѣ мызника, бросился въ изнеможеніи на связку соломы. Тотчасъ же онъ отправилъ въ Берлинъ новую депешу, совершенно различную отъ первой: „Пусть королевское семейство оставитъ Берлинъ. Какъ можно поспѣшнѣе перенести архивъ въ Потсдамъ. Городъ въ опасности отъ непріятеля“. Въ самомъ дѣлѣ пораженіе было окончательное. Изъ пятидесяти тысячъ Пруссаковъ осталось не болѣе трехъ тысячъ. Король вспомнилъ объ ядѣ и написалъ пріятелямъ послѣднее прости, поручая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ принять извѣстныя мѣры, въ случаѣ его смерти. „Мнѣ не осталось никакого средства къ спасенію“, писалъ онъ все потеряно! я не хочу пережить паденія своего отечества. Прощайте навсегда“.

---

*) Въ это время Фридрихъ нажилъ себѣ новаго врага: Климентъ XIII рѣшился испытать, что его власть могла сдѣлать въ пользу правовѣрующей Маріи-Терезіи, противъ еретика короля. Во время литургіи въ день Рождества Христова, папа торжественно освятилъ мечъ съ богатою перевязью и драгоцѣнными ножнами, шляпу изъ краснаго бархата, подбитую горностаемъ, и жемчужнаго голубя символическое изображеніе Св. Духа, и все это отправилъ къ австрійскому маршалу Дауну, побѣдителю при Коллинѣ и Гохкирхенѣ. Но подарки, которые въ XI вѣкѣ были бы приняты съ глубокимъ почтеніемъ, не возбудили теперь особеннаго благоговѣнія. Фридрихъ написалъ саркастическое стихотвореніе о подаркѣ, о томъ кто подарилъ, и о томъ, кто получилъ его. Видно было, что время крестовыхъ походовъ давно прошло.

Но союзники спорили и медлили два дня, а Фридрихъ двумя днями могъ воспользоваться лучше, нежели другой двумя годами. Утромъ, послѣ сраженія, у него было уже осьмнадцать тысячъ человѣкъ; а скоро войско его достигло до 30 тысячъ. Но между тѣмъ несчастія преслѣдовали короля, если не съ одного конца, то съ другого. Одинъ изъ его генераловъ съ значительнымъ отрядомъ былъ захваченъ въ плѣнъ, другой разбитъ и, когда, наконецъ, съ наступленіемъ суровой зимы, война была прекращена, то положеніе Пруссіи было самое печальное. Единственнымъ утѣшительнымъ обстоятельствомъ было то, что на западѣ Фердинандъ брауншвейгскій дѣйствовалъ успѣшнѣе, нежели его учитель на востокѣ, и нѣсколькими побѣдами уничтожилъ всѣ покушенія Французовъ, такъ что съ ихъ стороны не было уже никакой опасности. Такимъ образомъ окончился 4-й годъ семилѣтней войны. Казалось, Пруссія, нѣсколько разъ опустошенная превосходными силами непріятелей, не могла болѣе выдерживать бремя войны. Но Фридрихъ продолжалъ войну такъ, какъ ни одинъ изъ европейскихъ государей никогда ея не велъ. Деньги чеканились худшаго достоинства, чиновники не получали жалованья и нѣкоторыя провинціи остались совершенно безъ гражданскаго управленія. Доколѣ оставались рожь и картофель въ поляхъ, доколѣ оставались свинецъ и порохъ въ государствѣ, однимъ словомъ: доколѣ оставались средства къ поддержанію жизни своихъ и къ уничтоженію жизни непріятельскихъ солдатъ, Фридрихъ рѣшился ни за что не уступать.

Первая часть компаніи 1760 года была ему неблагопріятна. Берлинъ во второй разъ былъ занятъ непріятелями, огромныя контрибуціи взяты съ жителей и дворецъ ограбленъ. Но, наконецъ, послѣ двухъ лѣтъ несчастія, счастіе стало снова благопріятствовать Фридриху. Онъ одержалъ двѣ побѣды. Пятый годъ приходилъ къ концу, а ничего еще не было рѣшено. Въ странахъ, гдѣ свирѣпствовала война, жители бѣдствовали и были изнеможены больше, нежели когда либо; но въ Пруссіи были еще люди и животныя, оружіе и продовольствіе, и Фридрихъ продожалъ сражаться. Въ самомъ дѣлѣ, онъ почти сдѣлался какимъ-то дикаремъ. Сердце его полно было ненависти. Непримиримость враговъ его вызвала въ немъ какую-то жажду мести, которую онъ даже и не старался заглушить. „Тяжело для человѣка выносить то, что я выношу“, писалъ онъ въ одномъ письмѣ: „я начинаю чувствовать, что месть, какъ говорятъ Италіанцы, божественное удо-

вольствіе. Я не святой и сознаюсь, что съ радостью согласился бы умереть, еслибъ перенести на другихъ хоть часть своихъ страданій. Поддерживаемый такими чувствами, онъ велъ войну въ 1761 году съ перемѣннымъ успѣхомъ: непріятель не выигралъ ни одного значительнаго сраженія; но, не смотря на отчаянные скачки травленнаго тигра, кругъ его преслѣдователей все болѣе и болѣе стѣснялся. Вся страна была такъ опустошена, что Фридрихъ, по своему собственному признанію, со страхомъ началъ глядѣть вокругъ себя, не зная гдѣ набирать рекрутъ, гдѣ добывать лошадей и военные припасы.

Фридриха спасли два случившіяся въ это время событія: удаленіе Питта изъ министерства и смерть императрицы Елисаветы Петровны. Первое лишило короля единственнаго его союзника, вторая произвела совершенный переворотъ во всей политикѣ сѣверной Европы. Петръ III, наслѣдникъ Елисаветы, былъ поклонникомъ и подражателемъ великаго короля. Онъ освободилъ прусскихъ плѣнниковъ, снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ и отправилъ домой, просилъ короля зачислить его въ прусскую службу, надѣлъ прусскій мундиръ и, наконецъ, послалъ 15,000 войска, чтобъ пополнить ослабѣвшую армію Фридриха. Усиливъ такимъ образомъ свои средства, Фридрихъ снова покорилъ Силезію и въ концѣ года могъ сопротивляться Маріи-Терезіи точно также, какъ во время первыхъ сраженій. Предъ окончаніемъ кампаніи, союзникъ Фридриха Петръ III скончался. Императрица Екатерина II въ началѣ своего царствованія вовсе не была расположена къ Фридриху и вывела изъ Пруссіи войска, ему помогавшія; впрочемъ она не нарушала мира, заключеннаго ея супругомъ, и Пруссія такимъ образомъ была въ безопасности съ восточной стороны.

Между тѣмъ Англія и Франція заключили между собою договоръ, по которому обѣ державы согласились наблюдать строгій нейтралитетъ въ отношеніи къ германской войнѣ. Такимъ образомъ коалиція была разрушена, и первоначальные враги—Австрія и Пруссія—принуждены были вести войну одинъ на одинъ. Конечно, Австрія имѣла гораздо большія средства, нежели Пруссія, и къ тому же она не была такъ утомлена войною, но все-таки казалось невозможнымъ, чтобы Австрія могла остаться побѣдительницей при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда она и прежде ничего не могла сдѣлать. Кромѣ того ей начала угрожать опасность со стороны Оттоманской Порты: 100 тысячъ Турковъ были расположены въ Венгріи. Гордая мстительная императрица принуж-

дена была смириться и *губертсбургскій миръ*, заключенный въ февралѣ 1763 г., положилъ конецъ войнѣ, семь лѣтъ опустошавшей Германію. Фридрихъ ничего не уступилъ. Весь материкъ, вооруженный противъ него, не въ состояніи былъ исторгнуть у него Силезію.

Война кончилась. Фридрихъ спасся, показавъ единственный въ исторіи примѣръ того, что геній, дѣятельность и рѣшительность могутъ сдѣлать противъ превосходныхъ силъ. Онъ торжественно вступилъ въ Берлинъ, послѣ шестилѣтняго отсутствія. Городъ былъ великолѣпно иллюминованъ и когда въ открытомъ экипажѣ онъ проѣзжалъ съ Фердинандомъ брауншвейгскимъ по улицамъ Берлина, толпы народа привѣтствовали его громкими криками радости. Король былъ тронутъ этими знаками привязанности и нѣсколько разъ повторилъ: „да здравствуетъ мой любезный народъ! да здравствуютъ мои дѣти"! Посреди этой общей радости, вездѣ видны были слѣды разрушенія. Городъ нѣсколько разъ былъ ограбленъ. Частныя имущества до того были разорены, всѣ сословія до того обѣднѣли, что видъ тогдашней Пруссіи потрясъ бы самую твердую душу. Однѣ контрибуціи, собранныя врагами Пруссіи, говорятъ превышали сто милліоновъ талеровъ, а цѣнность того, что враги взяли съ собой не могла и сравниться съ тѣмъ, что они разорили. Поля оставались необработанными. Даже и то зерно, которое оставалось для посѣва, истреблено было во время голода. Голодъ и происходящія отъ него повальныя болѣзни похитили большую половину крупнаго и мелкаго скота; можно было опасаться чумы. Около 15,000 домовъ истреблено было огнемъ. Народонаселеніе королевства, въ продолженіи семи лѣтъ, уменьшилось на десять процентовъ: въ нѣкоторыхъ областяхъ, во время жатвы, однѣ только женщины занимались полевыми работами, въ другихъ мѣстахъ путешественникъ съ ужасомъ встрѣчалъ опустѣлыя селенія, гдѣ не оставалось ни одного человѣка.

3. *Дипломатическая дѣятельность Фридриха Великаго.* Въ семилѣтней войнѣ твердость и геній Фридриха, а подъ конецъ стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ упрочили за Пруссіею ея пріобрѣтенія и мѣсто въ ряду первостепенныхъ государствъ Европы. Оставалось: во первыхъ, довершить созданіе прусской территоріи, сдѣлавъ ее цѣльною, не черезполосною, чрезъ уничтоженіе промежутка между Бранденбургіею и Пруссіею, т. е., по выраженію тогдашнихъ дипломатовъ, „округлить ее"; во вторыхъ, указать такимъ образомъ сплоченному государству его настоящую

цѣль: первенство въ Германіи, вмѣсто старой, обветшавшей Австріи, и роль оберегателя правъ князей германскихъ. То и другое сдѣлалъ Фридрихъ.

а. Стремленіе округлить Пруссію имѣло въ результатѣ раздѣлъ Польши. Мысль о раздѣлѣ Польши была не новая: она существовала еще за цѣлые сто лѣтъ до Фридриха II; дѣлить Польшу замышляли и Швеція, и Бранденбургія, и Австрія; о дѣлежѣ пророчествовали короли польскіе Іоаннъ Казиміръ и Станиславъ Лещинскій. Идея была стара, но осуществилъ ее главнымъ образомъ Фридрихъ В. Если раздѣлъ Польши, по тогдашнимъ понятіямъ объ округленіи, былъ выгоденъ для всѣхъ участвовавшихъ въ немъ, то для Фридриха—онъ былъ необходимъ. Мысль объ немъ онъ питалъ будучи еще кронъ-принцемъ, для осуществленія ея заключилъ, по окончаніи семилѣтней войны, довольно выгодный для Россіи и невыгодный для него союзъ съ Екатериною II: имѣя собственнаго кандидата въ принцѣ Генрихѣ, онъ содѣйствовалъ къ возведенію на польскій престолъ русскаго кандидата Станислава-Августа Понятовскаго и обязался помогать войсками и деньгами Россіи. Впослѣдствіи когда Россія была впутана конфедератами польскими въ турецкую войну, тотъ же Фридрихъ, при посредствѣ министра Кауница и своего ученика Іосифа II, запугалъ Марію-Терезію присоединеніемъ Молдавіи и Валахіи къ Россіи, заставилъ Австрію первую посягнуть на польскія земли и приманилъ тѣмъ къ дѣлежу Екатерину II. Раздѣлъ состоялся, поднялся всеобщій крикъ за нарушеніе права народнаго, но Фридрихъ II вышелъ изъ воды сухъ, говоря, что поставленъ былъ въ необходимость: или видѣть усиленіе Россіи и, по условіямъ союзнаго договора, самому ей въ томъ содѣйствовать деньгами и войсками, или принять 600 квадратныхъ миль земли польской, имѣвшей 600,000 жителей, округлявшей его владѣнія, доставившей ему выгоды торговыя и политическія. Впрочемъ, онъ самъ себѣ измѣнилъ, отзываясь о раздѣлѣ въ письмѣ къ д'Аламберу. „Не знаю какой смертный откажется поработать со всѣмъ усердіемъ и удовольствіемъ, когда представляется случай присоединить земли, посредствомъ которыхъ можно сплотить свое разрозненное государство. А главное, замѣтьте, что это дѣло устроилось безъ пролитія крови. Энциклопедисты могутъ, сколько душѣ угодно, кричать противъ подкупленныхъ грабителей: пышныя фразы ихъ меня никогда не трогали (?). Немного чернилъ, при помощи пера, все совершили; Европа по крайней мѣрѣ отдохнетъ отъ волненій“.

b. Притязанія на роль оберегателя правъ германскихъ князей и главнаго представителя германскихъ интересовъ обнаружилъ Фридрихъ въ дѣлѣ о баварскомъ наслѣдствѣ. Дѣло сосостояло въ томъ, что вѣнскій дворъ, пользуясь переходомъ Баваріи, послѣ, безпотомственнаго курфирста, въ новую династію, хотѣлъ, въ ущербъ законному наслѣднику завладѣть ею. Но Фридрихъ II вступился за право обижаемаго князя и, при посредствѣ Екатерины, заставилъ Марію-Терезію, по *тешенскому* договору, отказаться отъ своей попытки. Когда, спустя нѣсколько времени, наслѣдникъ Маріи-Терезіи, Іосифъ II сдѣлалъ новую попытку вымѣнять Баварію за австрійскіе Нидерланды, то Фридрихъ II убѣдилъ князей германскихъ составить, въ обезпеченіе правъ своихъ, такъ называемый Fürstenbund, (1785), и намѣреніе Австріи опять не состоялось.

4. *Правительственная дѣятельность Фридриха Великаго.* Съ самаго начала своего царствованія, Фридрихъ занимался государственными дѣлами болѣе, нежели кто либо изъ современныхъ ему государей. Людовикъ XIV былъ самъ своимъ *первымъ* министромъ и постоянно наблюдалъ за всѣми отраслями государственнаго управленія; Фридрихъ же этимъ не довольствовался. Онъ хотѣлъ быть не первымъ, а *единственнымъ* своимъ министромъ, онъ не любилъ спрашивать совѣта у кого бы то ни было, повѣрять другимъ важныя тайны, или возлагать на нихъ обширныя полномочія. Высшіе государственные сановники были при немъ не болѣе, какъ писцами. Онъ былъ своимъ собственнымъ казначеемъ, полководцемъ, министромъ публичныхъ работъ, торговли и юстиціи, министромъ внутреннихъ дѣлъ, шталмейстеромъ, оберъ-гофмейстеромъ и камергеромъ. Въ своемъ государствѣ онъ не терпѣлъ чужой воли и чужаго мнѣнія.

Самъ онъ напрягалъ всѣ свои силы, такъ, что едва ли можно было ожидать, чтобъ человѣческое тѣло и человѣческій духъ могли выдержать столько усилій. Въ Потсдамѣ, своей обыкновенной резиденціи, онъ вставалъ лѣтомъ въ три, а зимой въ четыре часа. Тотчасъ же являлся пажъ съ огромной корзиной, наполненной бумагами на имя короля, привезенными послѣднимъ курьеромъ. Вполнѣ увѣренный, что его окружаютъ предатели, король всегда тщательно осматривалъ печати. Потомъ принимался за бумаги, дѣлилъ ихъ на нѣсколько кучъ и писалъ резолюціи въ двухъ или трехъ словахъ, а иногда въ рѣзкихъ эпиграммахъ. Въ 8 часовъ являлся генералъ-адъютантъ и получалъ приказанія относи-

тельно военнаго вѣдомства въ королевствѣ. Затѣмъ король отправлялся осматривать свои сады. Въ то же время, всѣ четыре кабинетъ-совѣтника должны были отвѣчать на бумаги, о которыхъ король утромъ объявлялъ свое мнѣніе. Эти несчастные должны были круглый годъ работать, какъ негры на плантаціяхъ. Король подписывалъ отвѣтныя бумаги, которыя въ тотъ же вечеръ отправлялись по принадлежности.

Общія правила, на которыхъ основывалось правленіе Фридриха, заслуживаютъ вниманія. Главнымъ стремленіемъ короля было составить значительную сильную и хорошо-дисциплинированную армію. Королевство его, по пространству и по населенію, едва занимало второстепенное мѣсто въ ряду европейскихъ державъ, и, не смотря на это, онъ все таки стремился стать на ряду съ Англіей, Франціей, и Австріей. Для этого нужно было содержать громадное войско, совершенно несоразмѣрное населенію. Эта сильная масса войска, вслѣдствіе постоянныхъ ученій, смотровъ и всегдашней строгости, доведена была до высшей степени быстроты и точности въ исполненіи всѣхъ военныхъ движеній. Въ рядахъ прусской арміи не было религіозной и политической восторженности, которою отличались индепенденты Кромвеля, не было и того патріотическаго рвенія, той жажды славы, той преданности великому предводителю, которыя воодушевляли впослѣдствіи старую гвардію Наполеона. Но что касается до механизма въ военномъ дѣлѣ, то прусскія войска стояли выше и англійскихъ и французскихъ.

Хотя жалованье прусскихъ солдатъ было самое незначительное, при всемъ томъ содержаніе войскъ на такой ногѣ было совершенно не по силамъ Пруссіи. Чтобы эти расходы не разоряли государства, необходимо было, какъ можно болѣе сокращать всѣ прочія издержки. Вотъ почему Фридрихъ не имѣлъ флота, не смотря на то, что владѣнія его были при морѣ. У него не было и онъ не желалъ имѣть колоній. Его чиновники получали весьма скудное содержаніе. Его резиденты при иностранныхъ дворахъ ходили пѣшкомъ или ѣздили въ старыхъ колымагахъ. Дома король жилъ бѣднѣе любого изъ богатыхъ людей между его подданными. Только одна страсть побѣждала иногда его бережливость, даже его разсудокъ,—это страсть къ постройкамъ.

Строгій порядокъ господствовалъ во всѣхъ его земляхъ. Частная собственность была неприкосновенна; дозволена была большая свобода въ словахъ и въ литературѣ. Надѣясь на свое непреоборимое могущество, поддерживаемое большимъ войскомъ,

король смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на недовольныхъ и либераловъ и очень мало поощрялъ шпіоновъ и доносчиковъ. Если случалось, что королю разсказывали о ненависти къ нему кого нибудь изъ его подданныхъ, то онъ спрашивалъ только: сколько тысячъ человѣкъ можетъ недовольный имъ выставить въ поле? Религіозныхъ гоненій при королѣ-философѣ не было; только Евреи подвергались нѣкоторымъ страннымъ стѣсненіямъ. Кромѣ того, Фридрихъ серьезно заботился о томъ, какъ бы устроить для своего народа скорое и дешевое правосудіе. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ государей, уничтожившихъ жестокія и нелѣпыя пытки. Ни одинъ смертный приговоръ не исполнялся безъ утвержденія, которое давалось очень рѣдко, если подсудимый не былъ убійцей. Совершенно иначе поступалъ король съ своими солдатами, которыхъ за промахи по службѣ колотили такъ жестоко, что они считали разстрѣливанье болѣе легкимъ наказаніемъ.

Главные недостатки въ управленіи Фридриха сводятся къ одному—*къ страсти во все вмѣшиваться*. Этотъ недостатокъ происходилъ отъ неутомимой дѣятельности его ума, отъ его властолюбія и военныхъ привычекъ. Онъ также безпокоилъ народъ, какъ, и своихъ гренадеровъ. Капиталъ и трудъ были сбиты съ естественнаго пути своего развитія цѣлою кучею слишкомъ поспѣшныхъ и неосмотрительныхъ учрежденій. Тутъ была монополія и на кофе, и на табакъ, и на рафинированный сахаръ. Общественныя деньги, на которыя король былъ вообще такъ бережливъ, бросались на то, чтобы дѣлать болота способными къ обработкѣ, чтобы среди песковъ сажать тутовыя деревья. Тратились деньги на построеніе фарфоровыхъ и шпалерныхъ, стальныхъ и кружевныхъ фабрикъ. Ни примѣръ другихъ государей, ни собственный опытъ короля не могли научить его, что нужно кое-что побольше указа и денежнаго вспомоществованія для того, чтобы основать городъ, подобный Ліону, Брюсселю или Бирмингаму. Какъ ни тяжко онъ ошибался въ этомъ, но ошибался за-одно съ своимъ вѣкомъ. За то въ другихъ случаяхъ, его страсть во все вмѣшиваться была совершенно неизвинительна. Онъ точно также вмѣшивался въ ходъ правосудія, какъ и въ торговлю, и свои личныя понятія о правдѣ ставилъ выше законовъ, которые были утверждены единогласнымъ приговоромъ самыхъ замѣчательныхъ юридическихъ коллегій. Никто не могъ путешествовать безъ позволенія его величества, а если позволеніе было дано, то король опредѣлялъ, сколько денегъ позволяется истратить путешественнику: купцу позволялось взять

съ собой 250 талеровъ золотомъ, а дворянину 400. Нужно замѣтить мимоходомъ, что Фридрихъ заботливо сохранялъ различіе между благородными и неблагородными, между дворянами и недворянами. По теоріи былъ онъ французскимъ философомъ, а на дѣлѣ—нѣмецкимъ деспотомъ.

5. *Частная жизнь Фридриха Великаго.* Таковъ былъ Фридрихъ, какъ правитель. Но былъ еще другой рейнсбергскій Фридрихъ—скрипачъ и флейтистъ, стихокропатель и философъ. Не смотря на правительственныя заботы, король сохранилъ свою страсть къ музыкѣ, чтенію, писательству и обществу литераторовъ. Этимъ развлеченіямъ посвящалъ онъ все время, которое оставалось ему отъ его военныхъ и правительственныхъ занятій, и то, что происходило въ эти часы его отдыха, можетъ пролить столь же яркій свѣтъ на его характеръ, какъ и всѣ его битвы и узаконенія.

Фридрихъ выражался о нѣмецкомъ языкѣ и о тѣхъ которые говорили на немъ, съ невѣжественнымъ презрѣніемъ. Библіотека его вся состояла изъ французскихъ книгъ; за столомъ его слышался всегда разговоръ на французскомъ языкѣ. Тѣ, съ которыми онъ проводилъ часы досуга, были большею частію иностранцы. Англія даровала королевскому кружку двухъ отличныхъ людей высокаго происхожденія, которые, вслѣдствіе смятеній, изгнаны были изъ своего отечества: это были два брата *Кэйты.* При дворѣ Фридриха не было ни одного человѣка, который бы въ равной степени съ ними пользовался заслуженнымъ уваженіемъ короля. Италія дала королевскому обществу въ Потсдамѣ остроумнаго и любезнаго *Альгаротти.* Но большую часть кружка Фридриха составляли Фрацузы: *Мопертюи* заслужилъ нѣкоторую извѣстность своимъ путешествіемъ по Лапландіи и занималъ должность президента берлинской академіи; *Маркизъ д'Аржанъ* надѣленъ былъ пріятными талантами и совершенно французскою любезностью въ обращеніи; но на дѣлѣ былъ лѣнивымъ, малодушнымъ и самонадѣяннымъ человѣкомъ. Ненавидя христіанство съ ожесточеніемъ, онъ между тѣмъ суевѣрно вѣрилъ снамъ и гаданьямъ, не рѣшался обѣдать, если за столомъ было 13 человѣкъ. Когда Фридрихъ хотѣлъ провести полчаса въ легкомъ, веселомъ разговорѣ, то д'Аржанъ являлся превосходнымъ товарищемъ; когда онъ хотѣлъ дать волю своему худому расположенію духа и презрѣнію къ людямъ, то тотъ-же д'Аржанъ былъ прекрасною цѣлью для насмѣшекъ.

Съ этими людьми и съ подобными имъ Фридрихъ проводилъ все время, свободное отъ государственныхъ дѣлъ. Онъ желалъ, чтобы за его столомъ всѣ были веселы и безцеремонны, и просилъ гостей своихъ забыть, что подъ его начальствомъ находится сто-шестидесятитысячное войско и что онъ воленъ надъ жизнью или смертью тѣхъ, которые сидятъ у него за столомъ. Потому въ этихъ собраніяхъ господствовалъ внѣшній видъ общаго довольства. Но истинной свободы и настоящей откровенности нельзя было найти въ этомъ блестящемъ обществѣ. Вопросъ о томъ, какъ держать себя съ Фридрихомъ, былъ очень щекотливъ. Являться въ его присутствіи осторожнымъ было не хорошо: про такого человѣка говорили, что онъ не повинуется приказаніямъ короля и портитъ его удовольствіе. А если собесѣдники, увлеченные любезностью короля, доходили до свободной откровенности, то могли быть увѣренными, что за довѣрчивость имъ заплатятъ сильнымъ оскорбленіемъ. Въ глазахъ Фридриха, тѣ которые возставали противъ обидъ, были безстыдны и неблагодарны, а тѣ, которые покорялись, должны были съ одинаковымъ терпѣніемъ принимать и пинки и благодѣянія. Потсдамъ на первый взглядъ казался восхитительнымъ мѣстопребываніемъ, гдѣ счастливаго авантюриста ожидали всякія духовныя и физическія наслажденія. Всякій новоприбывшій былъ принимаемъ съ необыкновеннымъ радушіемъ: его отуманивали лестью и надеждой на счастіе и величіе. Но цѣлый рядъ любимцевъ, вступившихъ съ надеждой и восхищеніемъ въ это мѣсто, былъ наказанъ за свою довѣрчивость цѣлыми годами бѣдствій и униженій. Изъ всѣхъ ихъ знаменитѣйшимъ былъ *Вольтеръ*. Многія обстоятельства заставили его желать найти себѣ убѣжище подальше отъ своего отечества, а въ Берлинъ его призывалъ цѣлый рядъ королевскихъ писемъ, наполненныхъ выраженіями восторженной дружбы и удивленія. Онъ пріѣхалъ и тогда же написалъ друзьямъ своимъ въ Парижъ, что внимательный и дружественный пріемъ, который ему сдѣлали, выше всякаго описанія, что король любезнѣйшій изъ людей, а Потсдамъ рай философовъ. Вольтеръ назначенъ былъ камергеромъ; и, вмѣстѣ съ золотымъ ключемъ, получилъ орденскій крестъ и патентъ на 5000 руб. пожизненной пенсіи; около 1000 руб. назначены были его племянницѣ, въ случаѣ, если бы она пережила его. Фридрихъ доходилъ даже до лести Вольтеру. Король говорилъ, что ко всѣмъ титуламъ, которыми онъ былъ обязанъ своимъ предшественникамъ и своему оружію, онъ хотѣлъ бы присоединить еще одинъ, происходившій

отъ послѣдняго и лучшаго пріобрѣтенія,—титулъ „обладателя Вольтера.“ Впрочемъ, уже черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда, Вольтеръ замѣтилъ, что любезный король имѣетъ дурную привычку—одной рукой всегда наносить легкія царапины, между тѣмъ какъ другою гладитъ и ласкаетъ. Фридрихъ и Вольтеръ были какъ будто сотворены для того, чтобъ мучить другъ друга. Каждый изъ нихъ имѣлъ именно тѣ недостатки, которые были всего несноснѣе для другого, и оба они, какъ нарочно, были самыми антипатичными людьми другъ для друга. Фридрихъ былъ бережливъ до скряжничества. Купивши въ Вольтерѣ игрушку, онъ нашелъ, что слишкомъ дорого заплатилъ за нее. Съ другой стороны, Вольтеръ былъ корыстолюбивъ до безстыдства, до плутовства, и думалъ, что монархъ, у котораго погреба набиты золотомъ и серебромъ, долженъ надѣлить своего любимца имѣніемъ, которому, по крайней мѣрѣ, могъ бы позавидовать богатый банкиръ.

Король и философъ скоро поняли другъ друга. Оба они были раздосадованы, и началась война. Но ссоры изъ-за денегъ были не единственными ссорами этихъ странныхъ друзей. Сарказмы короля вскорѣ начали жестоко обижать Вольтера. Д'Аржанъ могъ сносить изъ-за куска хлѣба грубости своего господина, но характеръ великаго философа былъ совершенно другаго разбора. Вольтеръ зналъ, что и онъ также повелитель въ своемъ родѣ, что европейская слава и даръ злой насмѣшки дѣлали его страшнымъ даже для предводителя армій и повелителя народовъ. Скоро поводы къ ссорѣ еще болѣе умножились. Весь дворецъ былъ въ волненіи отъ литературныхъ интригъ. Фридрихъ далъ Вольтеру множество своихъ стиховъ, прося его возвратить ихъ съ замѣтками и поправками: „Смотрите!“ сказалъ Вольтеръ, „сколько грязнаго бѣлья король заставляетъ меня мыть!“ Сплетники не замедлили довести эту остроту до свѣдѣнія Фридриха, который былъ этимъ страшно разсерженъ. Мопертюи пользовался расположеніемъ Фридриха болѣе, нежели кто-либо другой изъ ученыхъ. Вольтеръ написалъ чрезвычайно злую сатиру на него. Фридриху очень понравилась она, но Мопертюи былъ президентомъ его академіи и потому Фридрихъ просилъ Вольтера оставить свое сочиненіе въ тайнѣ. Вольтеръ обѣщалъ, но не сдержалъ слова: сатира была выпущена въ свѣтъ. Король приведенъ былъ въ ярость. Онъ приказалъ палачу сжечь ее, какъ пасквиль, и требовалъ отъ автора извиненій въ самыхъ униженныхъ выраженіяхъ. Вольтеръ отослалъ королю свои ордена, свой золотой ключъ и патентъ на

пенсіонъ. Но и тому и другому стало скоро стыдно своихъ порывовъ: рѣшились торжественно примириться. Примиреніе было не надолго, и философъ навсегда простился съ королемъ. Они разстались съ холодною вѣжливостью, но изъ своего знакомства вынесли много тягостныхъ впечатлѣній. У Вольтера сохранился томъ стихотвореній короля, который онъ забылъ возвратить Фридриху. Когда Вольтеръ достигъ Франкфурта, онъ вдругъ, по требованію прусскаго посланника, былъ арестованъ. Драгоцѣнная книжка была выдана. Но прусскіе агенты подвергли философа самымъ грубымъ оскорбленіямъ, пока выпустили его на свободу. Живя въ своемъ роскошномъ Ферне, Вольтеръ не забывалъ Потсдама и съ восторгомъ увидѣлъ, что вся Европа, во время семилѣтней войны, вооружилась на оскорбившаго его короля-философа.

Фридрихъ II, создавшій величіе Пруссіи, умеръ на другой годъ послѣ заключенія Fürstenbund'а въ 1786 году, оставя самую популярную о себѣ память въ народѣ прусскомъ *). Какое понятіе о его величіи имѣлъ простой народъ въ Пруссіи,—это наивно выразилъ одинъ поселянинъ, сказавшій, при вѣсти о смерти Фридриха: „кто-же теперь будетъ править міромъ?“

III.

Исторія Австріи.

Главныя явленія въ исторіи Австріи отъ вестфальскаго мира до Маріи-Терезіи заключаются: 1) въ борьбѣ Габсбургскаго дома съ домомъ Бурбоновъ, въ политикѣ по преданію, которой держался и Леопольдъ I, и Іосифъ I, и Карлъ VI, пока она не измѣнилась въ будуарѣ M-me Помпадуръ; 2) въ борьбѣ съ Турками и 3) въ стремленіи подчинить совершенно Венгрію и Трансильванію Австріи. Съ Маріею-Терезіею на первый планъ выступаютъ: борьба съ превозмогающею силою Пруссіи и попытки внутреннихъ реформъ.

а) Австрія до Іосифа II (1657—1764).

Послѣ смерти Фердинанда III, заключившаго вестфальскій миръ, вступилъ на престолъ сынъ его *Леопольдъ I*, (1657—1705). Воспитанный Іезуитами, онъ былъ ревностнымъ и узкимъ приверженцемъ старыхъ формъ и консерватизмъ считалъ свойствомъ геніальной мудрости. Слѣпое орудіе лживыхъ министровъ и злыхъ ксендзовъ, лѣнивый и недѣятельный, онъ боялся ереси болѣе, чѣмъ

*) Исторія Пруссіи и въ особенности Фридриха II взята изъ статьи Маколея.

Франціи, свободнаго духа подданныхъ болѣе, чѣмъ оружія Турковъ. Царствованіе его ознаменовано возстаніями Венгровъ, борьбою съ Портою и участіемъ въ войнѣ съ Франціею за испанское наслѣдство. Возстаніе Венгровъ вызвано было фанатическими преслѣдованіями отъ императора. Магнаты венгерскіе составили заговоръ, который былъ открытъ и преслѣдованія усилились. Венгрія объявлена была въ осадномъ положеніи, религіозныя гоненія воздвигнуты на протестантовъ. Венгры лишены политическихъ правъ, званіе венгерскаго палатина уничтожено и государственныя должности замѣщены Нѣмцами. Весь народъ, пользуясь старымъ правомъ возстанія, поднялся подъ начальствомъ отважнаго графа *Эммериха Теккели*, который призвалъ на помощь Турковъ и Французовъ. Испуганный Леопольдъ согласился на возстановленіе палатината, свободу вѣры и правъ Венгровъ; но это не помогло: Турція, оживленная талантами великихъ визирей Куприліевъ, отправила подъ начальствомъ Карла-Мустафы огромную армію въ Венгрію, короновала Теккелія и въ числѣ 230,000 человѣкъ появилась у Вѣны (1683 г. 14 іюля). Столица готова была уже сдаться, но была спасена королемъ польскимъ Яномъ Собѣскимъ и Карломъ лотарингскимъ, предводителемъ германскихъ войскъ. Вслѣдъ за освобожденіемъ Вѣны, императорскія войска привели всю Венгрію въ повиновеніе, и Леопольдъ превратилъ ее въ наслѣдственное королевство, уничтоживъ всѣ особыя права Венгровъ. Что касается Турковъ, то они потерпѣли также огромныя пораженія и принуждены были, по карловичскому миру, уступить Австріи Седмиградскую область и Славонію. Съ этихъ поръ начинается ослабленіе Порты подъ ударами Австріи, Польши, Венеціи и Россіи. Участіе Австріи въ войнѣ за испанское наслѣдство, начатое при Леопольдѣ, продолжалось во все царствованіе сына его *Іосифа I* (1705—1711) и окончилось при *Карлѣ VI* (1711—1740). Въ этой войнѣ австрійская армія одержала блистательныя побѣды подъ начальствомъ принца Евгенія, а войска императорскаго сейма покрылись позоромъ, и вообще имперскіе князья отличались самымъ эгоистическимъ хладнокровіемъ къ обще-германскимъ интересамъ. По утрехтско-раштадскому миру австрійскія наслѣдственныя владѣнія увеличены были присоединеніемъ къ нимъ изъ испанскаго наслѣдства Бельгіи, Милана, Мантуи, Неаполя и Сардиніи. Карлъ VI все свое царствованіе провелъ, во-первыхъ, въ хлопотахъ объ учрежденіи европейскими дворами его прагматической санкціи, которое купилъ уступкою

Неаполя и Сициліи въ пользу Испаніи, и, во-вторыхъ, въ неудачной войнѣ съ турками, которымъ, по бѣлградскому миру, долженъ былъ уступить часть завоеваній принца Евгенія.

Со смертію Карла VI пресѣкается мужеская линія габсбургскаго дома и въ 1740 году вступаетъ на престолъ дочь Карла *Марія-Терезія.* Въ исторіи Пруссіи изложены внѣшнія войны царствованія Маріи-Терезіи, про которую самъ политическій врагъ ея, Фридрихъ II сказалъ: „она честь своего пола и трона". Набожная и въ высшей степени чистая женщина, она всецѣло предана была интересамъ религіи и націи. Много дѣльныхъ улучшеній сдѣлано было ею во внутреннемъ отношеніи, въ промежуткѣ между ахенскимъ миромъ и семилѣтнею войной, но еще болѣе послѣ семилѣтней войны. Тутъ уже началось вліяніе сына ея Іосифа, хотя собственно говоря, мать еще сдерживала его рьяную дѣятельность.

б) ІОСИФЪ II (1764—1790).

Личность Іосифа II, его воспитаніе, молодость и участіе въ правленіи. Австрія обязана Іосифу многимъ, и хотя онъ дѣлалъ важныя ошибки, за то былъ государь, у котораго билось человѣческое сердце. Въ человѣкѣ онъ уважалъ человѣка. „Прежде чѣмъ я сталъ императоромъ, я былъ человѣкомъ—это лучшее мое званіе" говорилъ онъ. Воздавая каждому по его способностямъ, Іосифъ II былъ отцомъ слабыхъ и бѣдныхъ. Но, желая постоянно дѣлать добро, онъ умеръ съ сознаніемъ, что ничего не могъ сдѣлать. Причины этого заключаются отчасти въ немъ самомъ, а отчасти въ независѣвшихъ отъ него обстоятельствахъ. Во-первыхъ, онъ былъ слишкомъ крутъ и радикаленъ въ своихъ реформахъ, и, во имя правды, часто совершалъ неправду; онъ былъ врагъ историческаго права и, жертвуя самъ всѣмъ для отвлеченно понимаемаго имъ общаго блага, хотѣлъ насиліемъ заставить другихъ также всѣмъ для него жертвовать. Во-вторыхъ, ошибка его заключается въ томъ, что онъ дѣйствовалъ быстро, очертя голову, и дѣло вѣковъ хотѣлъ совершить въ одно царствованіе. Фридрихъ II прекрасно охарактеризовалъ его: „у императора хорошая голова, но жаль, что онъ дѣлаетъ второй шагъ, не кончивъ перваго. Съ неутомимою жаждою изученія онъ не имѣлъ терпѣнія научиться". Но много повредила ему и та среда, въ которой онъ дѣйствовалъ. Нарушай онъ только права народа, ему еще простили бы, его не запятнали бы, у него менѣе было бы враговъ, не по числу, конечно, а по силѣ. Но, будучи врагомъ привиллеги-

рованныхъ классовъ, онъ возбудилъ ненависть, упреки въ нарушеніи права, и долженъ былъ на смертномъ одрѣ сказать: „сердце мое тяготитъ воспоминаніе, что сколько ни старался я, но мало сдѣлалъ счастливыхъ и много неблагодарныхъ“. Привиллегированные были врагами его и помѣшали много благодѣтельности реформъ, независимо отъ собственной незрѣлости, поспѣшности, радикальности, запутанности этихъ реформъ.

Іосифъ родился въ Мартѣ 1741 г. въ три часа утра. „Онъ будетъ бдителенъ“ — сказалъ отецъ его. Страшная тревога окружала его дѣтство: Фридрихъ Великій началъ войну за австрійское наслѣдство. Пять мѣсяцевъ было Іосифу, когда Венгры ополчились поголовно за мать его, тѣ самые Венгры, которые потомъ возстали противъ Іосифа, когда онъ нарушилъ права ихъ. Среди военныхъ смутъ возрасталъ ребенокъ. Отецъ, добрый, но мелочный Францъ I, не имѣлъ на него вліянія; мать положила въ основаніе его воспитанія религіозность и стѣсненіе. Воспитателями его были: Венгръ Баттіани, суровый, но прямой, благородный солдатъ; Бартенштейнъ, ловкій, искусный придворный, познакомившій Іосифа съ исторіею и народнымъ правомъ по идеямъ Маккіавеля и Антимаккіавеля, познакомившій его, мимо воли матери, съ новымъ образованіемъ; наконецъ, два іезуита, стѣснявшіе нравственное и умственное развитіе воспитанника. Изъ наблюденія надъ дворомъ — по его словамъ — „школою подлости и притворства“, Іосифъ вынесъ не столько презрѣніе къ людямъ сколько сожалѣніе о людяхъ и желаніе исправить ихъ. Во время семилѣтней войны онъ былъ въ бездѣйствіи: вообще ему долго заграждали путь къ дѣятельности, потому-то она потомъ такъ бурно вырвалась и разлилась, все ломая и сокрушая. Онъ лишенъ былъ отрады семейной жизни, потерявъ въ короткое время двѣ жены, изъ которыхъ первую горячо любилъ; бракъ со второю былъ чисто политическій. Овдовѣвъ два раза, онъ велъ самую строгую жизнь. „Тронъ долженъ быть образцемъ“ — думалъ онъ, а что думалъ, то и дѣлалъ.

По смерти отца своего въ 1764 г. Іосифъ II, какъ соправитель, получилъ отъ матери въ завѣдываніе дѣла по военному управленію. Занимаясь постройкою укрѣпленій и введеніемъ прусской конскрипціи, онъ продолжалъ свое самообразованіе путешествіями и даже имѣлъ возможность оказывать нѣкоторое вліяніе на внутреннія улучшенія и на дипломатію. Пораженный видомъ печальнаго положенія страны во время путешествія по Банату,

Іосифъ ввелъ лучшій порядокъ въ налогахъ, уменьшилъ тягость феодальнаго рабства и былъ строгъ къ притѣснявшимъ народъ чиновникамъ, въ которыхъ встрѣтилъ первыхъ враговъ, громко противъ него кричавшихъ, тогда какъ облагодѣтельствованные имъ бѣдняки молчали. Путешествіе въ Италію познакомило Іосифа съ папою Ганганелли. Въ Миланѣ онъ принялъ императорскую корону.

Между тѣмъ Фридрихъ II затѣялъ вопросъ о раздѣлѣ Польши и ему нуженъ былъ союзъ съ Австріею. Съ этою цѣлію онъ имѣлъ свиданія съ Іосифомъ въ Нейсѣ и Нейштадтѣ. Вотъ что писалъ объ Іосифѣ Фридрихъ, послѣ этихъ свиданій, къ Вольтеру: „Я видѣлъ императора, который намѣренъ играть значительную роль въ Европѣ. Онъ родился при дворѣ ханжей и отбросилъ суевѣріе; онъ воспитанъ среди пышности и усвоилъ самую строгую простоту; его окурили ладономъ, а между тѣмъ онъ рѣшителенъ; онъ горитъ желаніемъ славы и однакожъ жертвуетъ честолюбіемъ сыновнимъ обязанностямъ; онъ имѣлъ учителей педантовъ и, не смотря на то, умѣетъ читать, понимать и цѣнить Вольтера“. Въ польскомъ раздѣлѣ Іосифъ II помогалъ своему учителю и образцу—Фридриху II и былъ вѣрнымъ его сотрудникомъ въ осуществленіи системы округленія. Въ вопросѣ о баварскомъ наслѣдствѣ онъ положилъ первое начало плану возвышенія власти австрійскаго императора; въ уничтоженіи іезуитовъ—первое начало антикатолическимъ своимъ стремленіямъ. По вопросу польскому онъ путешествовалъ по Россіи и сблизился съ Екатериною II. Во Франціи онъ посѣтилъ Руссо и Бюффона. Въ 1780 г. умерла Марія-Терезія и Іосифъ II сталъ править самъ.

1. *Самостоятельное правленіе Іосифа II* (1780—90). Voilà un nouvel ordre des choses! сказалъ Фридрихъ при вѣсти о смерти Маріи-Терезіи. Опираясь на правоту своихъ намѣреній, пустился Іосифъ, очертя голову, въ реформы.

Создать изъ австрійскихъ владѣній имперію однородную (безъ различія языковъ, обычаевъ, историческаго права), имперію эманципированную внутри и извнѣ: внутри отъ ига средневѣковыхъ вѣрованій и формъ, извнѣ отъ всякаго внѣшняго религіознаго, политическаго и экономическаго вмѣшательства—вотъ цѣль Іосифа II. Изъ стремленія къ ней проистекали его *реформы* внутреннія, его политика внѣшняя, во время войны и мира. Отсюда же проистекала и *реакція* его планамъ, внутренняя и внѣшняя.

а) Внутреннія реформы и реакція имъ. Какъ мыслитель XVIII вѣка, какъ государь и какъ обиженный сынъ, Іосифъ II поставленъ былъ во враждебныя отношенія къ *папѣ* и къ *современной церкви*. Какъ мыслитель XVIII вѣка, онъ былъ врагъ авторитета церкви и папы; какъ самостоятельный государь, онъ былъ врагъ всякаго иноземнаго и слѣдовательно папскаго вліянія; какъ сынъ, онъ былъ оскорбленъ презрѣніемъ папы къ поминовенію о Маріи-Терезіи. „Мало намъ нужды въ гнѣвѣ императора!“ отозвался папа, узнавъ о неудовольствіи Іосифа II. „Да и мнѣ мало нужды до того, грубъ или вѣжливъ епископъ римскій!“ сказалъ Іосифъ II, и въ теченіи своего царствованія, издалъ слѣдующія постановленія, ограничивавшія власть папы въ австрійскихъ владѣніяхъ: 1) всѣ папскія буллы могли имѣть силу въ имперіи только съ утвержденія императора; 2) присяга епископовъ въ повиновеніи Риму была измѣнена такъ, что на первомъ планѣ въ ней поставлено было повиновеніе императору; 3) буллы Unigenitus и In coena Domini были уничтожены; 4) папскія награды дозволено принимать только съ разрѣшенія мѣстныхъ властей; 5) монашескіе ордена освобождены были отъ духовной власти генераловъ, жившихъ въ Римѣ, и подчинены епархіальному духовенству. Далѣе старался Іосифъ эманципировать мірянъ-католиковъ отъ ига духовенства слѣдующими постановленіями: 1) сокращеніемъ числа и штата монастырей и духовенства. Убѣжденный въ томъ, что тѣ духовные ордена, которые ведутъ жизнь созерцательную, мало приносятъ пользы государству, Іосифъ оставилъ только монастыри, основанные съ благотворительною и просвѣтительною цѣлію, прочіе уничтожилъ; содержаніе и имущества ихъ ограничилъ. Изъ 2046 монастырей осталось только 903; госпитали, школы, казармы заступили мѣсто монастырей. 2) Іосифъ своими реформами коснулся обрядовъ и даже догматовъ. Онъ сократилъ процессіи и праздники, уничтожилъ мистеріи, лишилъ церкви иконъ, статуй и дорогихъ украшеній. Но рѣзкость этихъ реформъ вызвала возстаніе общественнаго мнѣнія противъ императора—врага эстетической религіозной обрядности. Индульгенціи позволено было раздавать только съ разрѣшенія императора. Бракъ объявленъ гражданскимъ договоромъ, уничтожены были обрученія и облегчены разводы, съ цѣлью увеличить населеніе; погребеніе объявлено не религіознымъ обрядомъ, но мѣрою общественнаго здравія. Наконецъ, 3) у духовенства отнята была цензура, и какъ послѣдователь идей XVIII вѣка, Іосифъ II призналъ необходи-

мость вѣротерпимости. По его постановленію только право публичности стало отличать господствующую католическую церковь отъ прочихъ церквей, а исповѣдующіе всѣ христіанскія религіи получили пользованіе политическими, гражданскими и служебными правами. Всякая христіанская община изъ 3000 душъ могла воздвигнуть храмъ, обязываясь содержать его. Евреи не были преслѣдуемы, хотя формально въ эдиктъ вѣротерпимости не включены.

„При вступленіи на престолъ, я нашелъ толпу чиновниковъ невѣждъ, министровъ безъ образованія, судей, неуважающихъ правъ и порабощенныхъ предразсудками, множество священниковъ безъ религіи и образованія, ремесленниковъ безъ чести и способностей, солдатъ безъ дисциплины и военной чести, граждапъ безъ гражданскихъ добродѣтелей. Вина всего этого—въ недостаткѣ *народнаго образованія*. Оно дѣлаетъ человѣка человѣкомъ и гражданиномъ, указываетъ ему его права и обязанности.“ Сообразно съ этими словами основаны были новыя учебныя заведенія (университетъ въ Лембергѣ), преобразованы старыя и снабжены достойными учителями съ обезпеченнымъ содержаніемъ. На родителей возложено было обязательство воспитывать дѣтей; изъ воспитанія изгнаны тѣлесныя наказанія. Реформа коснулась общаго образованія; въ высшемъ мало произошло перемѣнъ, исключая обширнаго преобразованія медицинскихъ учрежденій. Нѣмецкій языкъ введенъ былъ въ преподаваніе вмѣсто латинскаго. Цензурный уставъ подвергалъ запрещенію только сочиненія, оскорбляющія нравственность и вообще христіанство; политической цензуры не было. Но въ свободѣ книгопечатанія, лучшемъ подаркѣ Іосифа подданнымъ, онъ нашелъ врага, т. е. его враги воспользовались свободою печати, чтобы поражать его собственнымъ его оружіемъ.

Въ реформѣ *администраціи* главнымъ образомъ проявилась страсть Іосифа II къ объединенію. До него государство не имѣло даже одного общаго названія; а теперь австрійскія владѣнія обратились въ австрійскую монархію, которая раздѣлена была на 13 губерній *), а каждая губернія на округи, подъ управленіемъ капитана съ исполнительною властью и обязанностью покровитель-

*) 1) Галицію, 2) Богемію, 3) Моравію, съ австрійскою Силезіею, 4) нижнюю Австрію, 5) внутреннюю Австрію (Истрію) съ Илліріею, 6) Тироль, 7) переднюю Австрію (Швабскія земли), 8) Трансильванію, 9) Венгрію съ Темешварскимъ банатомъ, 10) Кроацію, 11) Ломбардію, 12) Нидерланды, 13) графства Грёцъ и Градиско съ Тріестомъ.

ствовать крестьянамъ. Въ каждомъ округѣ учреждена была судебная палата. Высшею судебною инстанціею былъ верховный трибуналъ въ Вѣнѣ. Центральное управленіе раздѣлено было на 4 департамента: дипломатическій, административный, юстиціи и военныхъ дѣлъ. Государственные канцлеры непосредственно представляли дѣла императору. Земскія сословія были уничтожены, штаты сокращены, роскошь при дворѣ изгнана. Всѣ разнородныя земли хотѣлъ Іосифъ подвести подъ одну мѣрку. Этого мало, онъ хотѣлъ ввести вездѣ общіе законы. Общій сводъ ихъ должна была составить коммиссія, учрежденная еще при Маріи-Терезіи. Достоинства законодательства Іосифа заключаются въ его гуманности, изъ которой проистекали: 1) стремленіе уничтожить смертную казнь, пытку и члено-раздробительныя наказанія, 2) улучшеніе пенитенціарной системы и положенія галерниковъ, 3) заведеніе пріютовъ и воспитательныхъ домовъ. Воспитанникъ XVIII вѣка, Іосифъ II не отринулъ отринутыхъ отцемъ и матерью. Недостатки его законовъ заключались въ колебаніи принциповъ, въ непрактичности и въ поспѣшности исполненія. Постоянныя передѣлки и перестройки уничтожили въ народѣ къ нимъ довѣріе. Такъ, смертная казнь была уничтожена, потомъ возобновлена и опять уничтожена.

Обративъ вниманіе на *отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ*, Іосифъ II что думалъ, то и дѣлалъ, былъ благороднѣе, но неосмотрительнѣе Фридриха, котораго поступки часто не согласовались съ словами. Іосифъ II въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ по двумъ побужденіямъ: какъ другъ человѣческаго права и какъ физіократъ. „Что благо для большинства или цѣлаго, то дѣйствительно благо“, говорилъ Іосифъ. „На сколько число поселянъ превосходитъ число прочихъ классовъ, на столько справедливый государь обязанъ этихъ, по невѣжеству бѣдныхъ, по бѣдности робкихъ, по робости притѣсняемыхъ тварей защищать и охранять“. На этомъ основаніи: 1) учреждены были правительствомъ, въ качествѣ посредниковъ между помѣщиками, чиновниками и крестьянами, фискалъ-прокураторъ и подчиненные ему чиновники; 2) опредѣлены права и обязанности крестьянъ и владѣльцевъ въ патентѣ 1781, проникнутомъ либеральнымъ духомъ; 3) уничтожено крѣпостное состояніе въ Австріи и въ Славяно-Венгерскихъ земляхъ. Инвентарями опредѣлены были барщина, рабочіе дни и часы.

Реакція реформамъ Іосифа II происходила, во-первыхъ, со стороны тѣхъ, которыхъ права были нарушены. Къ числу ихъ относились: 1) церковь и духовенство. Когда оказались напрасными попытки мѣстнаго духовенства остановить императорскія реформы, тогда самъ папа Пій VI жаловался, грозилъ, просилъ; но Іосифъ II основывалъ на постановленіяхъ соборовъ свое право измѣнять все, касающееся благочинія, а не ученія церкви. Наконецъ, папа въ 1782 году поѣхалъ самъ въ Вѣну, былъ принятъ съ почетомъ, но ни въ чемъ не успѣлъ. Тогда духовенство примкнуло 2) къ другимъ привиллегированнымъ: аристократамъ, чиновникамъ и земледѣльцамъ. Книгопечатаніе, неудачи противъ Турокъ, чуму, голодъ, суевѣріе народное, все они употребили, чтобы вооружить противъ императора облагодѣтельствованный имъ народъ. Но тутъ Іосифъ устоялъ. Его сломила 3) реакція со стороны національностей: венгерской и бельгійской. Венгры были недовольны введеніемъ у нихъ нѣмецкой администраціи и нѣмецкаго языка въ дѣлопроизводствѣ, новыми законами, худо исполненною размежевкою земель, конскрипціями и поборами, перенесеніемъ въ Вѣну короны св. Стефана. Неудовольствія усилились во время войны съ Турками. Подъ предлогомъ самозащиты, Венгры собрали войска и настоятельно просили у императора возвращенія старины. Ропотъ готовъ былъ уже обратиться въ возстаніе, когда въ январѣ 1790 года, на смертномъ одрѣ отмѣнилъ Іосифъ всѣ свои постановленія, возвратилъ Венграмъ корону и занесъ руку на всѣ творенія рукъ своихъ, кромѣ вѣротерпимости и отмѣны крѣпостнаго состоянія. Венгры успокоились. Бельгійцы заступились также за свои учрежденія. Религіозно-политическія посягательства при Филиппѣ II лишили габсбургскій домъ Голландіи, а теперь чуть не лишили Іосифа II Бельгіи. Первою причиною неудовольствій было отдѣленіе духовнаго образованія отъ свѣтскаго и освобожденіе лейденскаго университета отъ вліянія духовенства, для котораго учреждена главная семинарія въ Левенѣ. Первое возстаніе въ 1786 г. было подавлено оружіемъ. Введеніе новаго государственнаго устройства и раздѣленіе на округи вызвало новое возстаніе. Фанъ-деръ-Ноотъ, Фанъ-Эйпенъ и Еп. Мехельнскій, главы національнаго бельгійскаго комитета въ Бредѣ, провозгласили независимость Бельгіи. Іосифъ завѣщалъ усмиреніе этого возстанія брату своему Леопольду II, который возвратилъ Бельгійцамъ ихъ старыя учрежденія. „Ваша родина убила меня“ говорилъ Іосифъ

Бельгійцамъ, „какая обида мнѣ, какая обида мнѣ!... надо быть деревомъ, чтобы ея не чувствовать“.

Іосифъ II встрѣтилъ сопротивленіе не только со стороны тѣхъ, чье историческое право имъ было нарушено, но и со стороны людей, имъ облагодѣтельствованныхъ. Крестьяне были освобождены отъ рабства, но не отъ невѣжества и дикости: не умѣя пока пользоваться своею свободою, они употребили ее орудіемъ мести противъ прежнихъ господъ. Въ Трансильваніи, подъ начальствомъ Горья и Глочки, въ 1784 году возстали 15,000 крестьянъ и опустошили 300 помѣстій; повторились крестьянскія войны безъ религіознаго фанатизма, но съ страшнымъ остервененіемъ. Возстаніе было подавлено силою оружія и доставило злорадное торжество для привиллегированныхъ враговъ Іосифа. Духовенство воспользовалось суровымъ подавленіемъ возстанія для того, чтобы вооружить крестьянъ противъ государя, который хотѣлъ быть ихъ благодѣтелемъ.

b) Внѣшняя политика и противодѣйствіе ей. Цѣлью внѣшней дѣятельности Іосифа было образованіе изъ Австріи самостоятельной, округленной, первостепенной державы съ перевѣсомъ въ Германіи, на западѣ и на востокѣ Европы. Образъ дѣйствія во многихъ дѣлахъ былъ такой-же, какъ и внутри, т. е. ломка всѣхъ историческихъ препятствій, встрѣчавшихся въ международныхъ договорахъ. Для достиженія сказанной цѣли нужно было: уничтожить подчиненіе части австрійскихъ владѣній Голландіи, дать имъ самостоятельность торговли внѣшней, округлить ихъ Баваріею на западѣ, Молдавіею и Сербіею на югѣ.

Найдя себѣ союзницу въ русской императрицѣ Екатеринѣ II, Іосифъ II и во внѣшнихъ дѣлахъ встрѣтилъ отовсюду *реакцію*. Со стороны Голландіи, которая объявила ему войну за нарушеніе границъ, опредѣленныхъ утрехтскимъ конгресомъ, и за свободу плаванія по Шельдѣ; со стороны Пруссіи и имперскихъ князей—за посягательство на Баварію; со стороны Порты за Молдавію и Валахію.

Іосифъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ плановъ. Труды и скорбное чувство разочарованія разстроили его здоровье, и 20 февраля 1790 г. онъ умеръ, сказавъ въ послѣднія минуты: „Господи, тебя беру во свидѣтели: ты единый вѣдаешь сердце мое. Всѣ предпріятія мои имѣли одну цѣль—благо и пользу подданныхъ, которыхъ ты ввѣрилъ попеченію моему! Да будетъ Твоя воля!“

Ему было 40 лѣтъ отъ роду. „Здѣсь лежитъ Іосифъ II, который былъ несчастливъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ"—сказано въ составленной имъ для себя эпитафіи.

IV.

Умственныя движенія въ Германіи въ XVIII вѣкѣ.

Въ половинѣ XVIII вѣка положеніе нѣмецкой литературы было до крайности жалко и унижено. Она отзывалась рабскимъ подраженіемъ всему, что было мертваго и пустаго въ литературахъ французской и англійской, и оставалась совершенно чужда народной жизни. Около 1750-тыхъ годовъ сильнѣйшимъ лицомъ въ нѣмецкой литературѣ былъ *Готтшедъ*; чрезъ нѣсколько лѣтъ выступили противъ него и его послѣдователей (саксонской школы) *Бодмеръ* и его друзья (швейцарская школа). Борьба этихъ двухъ школъ ведена была обѣими враждующими партіями съ величайшимъ ожесточеніемъ и страшнымъ шумомъ, безъ малѣйшаго соблюденія всякихъ приличій. Споръ этотъ составляетъ важнѣйшій фактъ въ нѣмецкой литературѣ половины XVIII вѣка. Онъ шелъ о предметахъ мелочныхъ и ничтожныхъ, лишенъ былъ всякаго живаго содержанія и веденъ былъ собственно изъ-за оскорбленій личнаго самолюбія: изъ-за того, кому изъ двухъ противниковъ быть нѣмецкимъ Гораціемъ, законодателемъ въ области поэзіи. Полемика была пуста, но не безплодна, потому что заставила публику нѣсколько недовѣрчивѣе прежняго смотрѣть на авторитеты, нѣсколько самостоятельнѣе прежняго судить о достоинствѣ писателей и сочиненій. Чрезъ нѣсколько лѣтъ побѣда стала склоняться на сторону швейцарской школы. Въ самомъ дѣлѣ, хотя послѣдователи ея вообще не отличались ни вкусомъ, ни дарованіями, но въ партіи Готтшеда было еще больше безвкусія и бездарности; хотя швейцарцы держались понятій педантическихъ и безжизненныхъ, но въ школѣ Готтшеда педантизмъ былъ еще безжизненнѣе; хотя первые были чистые формалисты, но у послѣднихъ формализмъ былъ еще болѣе сухъ и мелоченъ. Такъ, напримѣръ, въ спорахъ о языкѣ швейцарцы защищали употребленіе оригинальныхъ выраженій, Готтшедъ былъ пуристомъ и осуждалъ каждый новый терминъ, но доходилъ въ этомъ случаѣ до очевидной тупости.

Когда люди, подобные Готтшеду и Бодмеру, спорили о владычествѣ надъ литературою, конечно, не могло быть истинно замѣчательныхъ дарованій между знаменитостями этой литературы, и сама литература не могла имѣть живаго содержанія. Къ писателямъ, которые считались тогда славными и которые были забыты, какъ только оживилась литература, принадлежатъ Галлеръ, Рабенеръ и Геллертъ. Дидактическія поэмы Буало и особенно Попа имѣли рѣшительное вліяніе на *Галлера*, который былъ великимъ ученымъ, но самъ сознавался, что лишенъ поэтическаго таланта. Собственныя произведенія Галлера, особенно знаменитыя его поэмы „Альпы“ и „О происхожденіи зла“, могутъ имѣть ученое достоинство, но чужды поэтическаго одушевленія. Многочисленные послѣдователи Галлера, безъ всякой заботы о требованіяхъ поэзіи, цѣликомъ перелагали на стихотворный языкъ философскіе трактаты о намѣреніяхъ Божіихъ при созданіи вселенной, о законахъ разума, о прививаніи коровьей оспы, объ искусственномъ орошеніи полей, о пользѣ математическихъ наукъ для поэта, о томъ, что произрастаніемъ травы доказывается существованіе Божіе и т. д. Сатиры *Рабенера*—чистая проза. Смѣлости и рѣзкости онъ совершенно лишенъ; онъ робокъ и скученъ. Довольно взглянуть на заглавіе его сатиръ, чтобы убѣдиться въ этомъ: „О поздравленіяхъ съ праздникомъ“, „Похвала постельнымъ собачкамъ“, „О несчастныхъ мужьяхъ“—вотъ каковы поучительныя задачи рабенеровой сатиры. Рабенеръ прямо отказывается говорить о предметахъ, въ которыхъ замѣшаны „превосходительные люди“. Еще слабѣе и ничтожнѣе Рабенера былъ, по своему направленію *Геллертъ*, пользовавшійся, однакожъ, огромною популярностью. Онъ никакъ не могъ выйти изъ узкаго круга пустыхъ вопросовъ о гладкости слога и литературныхъ красотахъ, жизнь и міръ для него ограничиваются сочиненіемъ стиховъ и полученіемъ заслуженныхъ похвалъ отъ Готтшеда или Бодмера, да милостиваго покровительства отъ министра, за благонамѣренность стремленій и красоту слога.

Въ такомъ жалкомъ состояніи находилась нѣмецкая литература около половины XVIII вѣка; она вполнѣ была выраженіемъ общества. Германія находилась въ нравственной зависимости отъ чужеземцевъ, а литература ея была рабскимъ подражаніемъ англійской и французской литературамъ. Нравственное единство народа, вслѣдствіе продолжительнаго политическаго раздробленія, было утрачено; нѣмецкая литература также утратила свое единство: Лейпцигъ былъ центромъ саксонской школы, Цюрихъ—швей-

царской, въ Берлинѣ была своя школа, въ Гамбургѣ своя, въ Кенигсбергѣ своя. Въ жизни нѣмецкаго народа господствовала апатія, пустота, и та же самая пустота господствовала и въ литературѣ; подобострастный формализмъ сковывалъ жизнь общества, онъ же сковывалъ и литературные таланты; общество было робко, безпрекословно отдавалось въ добычу каждому, кто хотѣлъ грабить его, такъ и литература подчинялась каждому шарлатану съ громкимъ голосомъ, который хотѣлъ господствовать въ ней. Неудивительно послѣ этого, что высшіе классы общества пренебрегали родною литературою и читали исключительно французскія книги; въ нѣмецкихъ нашли бы они только повтореніе того, что гораздо лучше было высказано французскими писателями временъ Людовика XIV. Наука, которая должна была бы противодѣйствовать этимъ неблагопріятнымъ для народнаго развитія отношеніямъ и вести націю впередъ, при распространившейся привычкѣ къ педантству и формализму, получила такой видъ, что сама служила однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій прогрессу умственной и общественной жизни. Университеты и школы, вообще говоря, не просвѣщали, а только еще болѣе затуманивали умы. Всѣ науки преподавались съ кафедръ и разработывались въ кабинетахъ въ самой сухой и мертвой формѣ. Ученый обыкновенно былъ педантомъ и формалистомъ, слѣпо вѣрившимъ тому, чему научился отъ своего бывшаго наставника; онъ безъ всякой критики компилировалъ факты, не отыскивая въ нихъ смысла, заботясь только о систематичности и внѣшней ученой формѣ. Мертвый догматизмъ владычествовалъ во всѣхъ отрасляхъ науки, отъ философіи до изученія древнихъ языковъ, отъ законовѣдѣнія до теоріи словесности. Въ исторіи больше всего занимались хронологическими и генеалогическими таблицами и мелочными подробностями, не обращая вниманія на смыслъ фактовъ и связь событій; въ законовѣдѣніи господствовалъ взглядъ совершенно отвлеченный и односторонній, такъ что примѣненіе его къ жизни было страшнымъ бѣдствіемъ для всего народонаселенія: юристы были чистыми мучителями для Германіи; въ богословіи сохранились понятія, свойственныя среднимъ вѣкамъ, и самый протестантизмъ сталъ неподвиженъ и безжизненъ если не больше, то не меньше католицизма. Книги вообще писались такъ сухо и тяжело, что только записные ученые рѣшались читать ихъ.

Но въ то время, какъ средней руки таланты и рабскія натуры охотно поддавались духу времени, превозносили и поощряли

чужое на счетъ своего, нѣкоторые даротивые и благородно-мыслящіе люди выступили противъ господствующаго зла и проложили путь новому, *національному* образованію. Такими преобразователями въ области науки явились Лейбницъ и за нимъ Вольфъ, въ обласки языка и преподаванія—Томазіусъ, въ области религіи и церковныхъ дѣлъ—Шпенеръ. *Лейбницъ* (1646-716) былъ одинъ изъ самыхъ многостороннихъ ученыхъ, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ мыслителей всѣхъ временъ. Начало своему образованію положилъ онъ въ родномъ городѣ своемъ Лейпцигѣ, но собственный трудъ, путешествія, продолжительное пребываніе въ Лондонѣ и Парижѣ и личныя связи съ великими умами чужихъ странъ скоро возвысили этого человѣка надъ его современниками. Имъ учреждена берлинская академія; различные дворы почтили его внѣшними отличіями, титулами, пенсіями; всѣ ученыя общества избрали его въ свои члены. Лейбницъ былъ одинаково знакомъ со многими науками. Изученіе юриспруденціи, которой онъ посвятилъ себя сначала, навело его на глубокія изслѣдованія по части государственнаго и международнаго права. Его великолѣпно задуманный трудъ—„Лѣтописи нѣмецкой исторіи"—оставался, къ великому ущербу исторической науки, неизданнымъ болѣе столѣтія. Въ математикѣ и естественныхъ наукахъ ознаменовалъ Лейбницъ новую эпоху; онъ открылъ дифференціальное счисленіе, и споръ о первенствѣ этого открытія, поднятый противъ него величайшимъ англійскимъ физикомъ Исаакомъ Ньютономъ, отравилъ конецъ его жизни. Средоточіе философскихъ его убѣжденій составляетъ „ученіе о монадахъ и о предустановленной гармоніи". Монадами Лейбницъ называетъ простыя, недѣлимыя начала, лежащія въ основаніи всего сложнаго; онѣ однѣ истинно сущи и бытіемъ своимъ обязаны творчеству Божію. Изъ нихъ развиваются одушевленныя и неорганическія тѣла. Богъ, источникъ всего сущаго и возможнаго, изъ коего исходятъ всѣ монады, отъ начала предустановилъ гармонію въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ. Эту-то вѣчную соотвѣтственность во всѣхъ измѣненіяхъ монадъ и называетъ Лейбницъ предустановленною гармоніей. Начала философіи, изложенныя Лейбницемъ въ разныхъ сочиненіяхъ, собралъ ученикъ его Вольфъ и привелъ въ систему, отличающуюся математическимъ способомъ доказательствъ. Одною изъ главныхъ заслугъ Вольфа было то, что онъ примѣнилъ нѣмецкій языкъ къ изложенію ученыхъ предметовъ, и это все болѣе способствовало къ великому распространенію и прочному вліянію лейбницъ-вольфовской системы.

Еще важнѣе въ отношеніи къ нѣмецкому языку была заслуга *Христіана Томазіуса* (1655-1728), профессора законовѣдѣнія сначала въ лейпцигскомъ университетѣ, потомъ въ Галле, знаменитаго борьбою противъ варварскаго законодательства о вѣдьмахъ, противъ пытокъ и жестокихъ наказаній. Въ то время, какъ Томазіусъ получилъ каѳедру въ Лейпцигѣ, всѣ науки преподавались на латинскомъ языкѣ; нѣмецкій языкъ былъ презираемъ учеными. Томазіусъ жестоко нападалъ на жалкую школьную латынь и совѣтовалъ Нѣмцамъ, по примѣру Французовъ, полюбить свой родной языкъ. Онъ доказывалъ, что отъ привычки писать всѣ учебныя и ученыя книги на латинскомъ языкѣ, масса публики лишается всѣхъ средствъ къ образованію. Въ 1688 г. смѣлый противникъ школьной латыни изумилъ всѣхъ, объявивъ, что будетъ на нѣмецкомъ языкѣ читать лекціи. Тысячи голосовъ поднялись противъ дерзкаго латынеотступника, но Томазіусъ одержалъ побѣду: хотя не скоро, лѣтъ черезъ двадцать или двадцать пять, въ лейпцигскомъ университѣ уже многіе профессоры читали лекціи по нѣмецки. Въ томъ же году (1688) Томазіусъ началъ издавать ученокритическій журналъ на нѣмецкомъ языкѣ—дѣло неслыханное до того времени. Онъ назывался „Забавныя и серьезныя, разумныя и серьезныя, разумныя и простодушныя мысли о всякаго рода полезныхъ книгахъ и вопросахъ“. Въ журналѣ Томазіуса слышался голосъ здравомыслящаго человѣка, думающаго не о томъ, чтобы затуманить читателямъ глаза мелочнымъ геллертерствомъ, а о томъ, чтобы прояснить ихъ понятія, сдѣлать ихъ также людьми здравомыслящими. По примѣру его, возникло множество нѣмецкихъ журналовъ; скоро историки, юристы, потомъ и философы стали предпочитать нѣмецкій языкъ латинскому въ своихъ сочиненіяхъ; число профессоровъ, читавшихъ лекціи по-нѣмецки, быстро увеличивалось, въ гимназіяхъ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ распространилось еще быстрѣе. Послѣ вестфальскаго мира безплодная вѣра въ букву символическихъ книгъ, мало по-малу совершенно вытѣснившихъ изъ новой церкви Евангеліе, вредно дѣйствовала на христіанскую жизнь и теплоту истинно-религіознаго чувства. Оживленіе нравственности чрезъ прилежное изученіе Библіи было предметомъ усилій берлинскаго пастора *Шпенера* (1635-1705) съ его друзьями и приверженцами, которые, за преувеличенное заявленіе своего благочестія во внѣшнемъ быту, прозваны были *піэтистами*. Шпенеръ, среди жестокихъ нападеній со стороны поборниковъ символической буквы лютеранизма, старался и словомъ, и дѣломъ,

и проповѣдью, и преподаваніемъ, и назидательными сочиненіями, особенно при содѣйствіи основаннаго по его мысли въ Лейпцигѣ общества для истолкованія и благочестиваго примѣненія Слова Божія, пробудить въ народѣ религіозное чувство, христіанскій образъ мыслей и задушевное вѣрованіе, и совершенно устранить весь теологическій наборъ словъ. Изъ учениковъ Шпенера всѣхъ болѣе отличился *Германъ Франке*, основавшій сиротскій домъ, справедливо названный „побѣднымъ памятникомъ упованія на Бога и любви къ человѣчеству". Вначалѣ стремленія и дѣятельность піэтистовъ были въ высшей степени благотворны. Они говорили сердцу народа библейскимъ языкомъ и ратовали за свободу вѣры отъ гнета школьныхъ богослововъ и консисторій и за пробужденіе истинной религіозности; но когда противники ихъ, побѣжденные духомъ времени, совершенно замолкли съ своей стороны, тогда вмѣстѣ съ свободнымъ преобразовательнымъ направленіемъ, піэтизмъ утратилъ свою прежнюю энергію и впалъ въ приторную сантиментальность и робкій, аскетическій квіетизмъ. Форму общиннаго устройства піэтизмъ получилъ въ учрежденной графомъ Цинцендорфомъ (1700-60) гернгутерской братской общинѣ.

Во 2-й половинѣ XVIII вѣка появились между спеціальными учеными люди, стоявшіе въ уровень съ требованіями вѣка. Первыми изъ этихъ людей были: *Винкельманъ*, создавшій теорію и исторію античнаго искусства; *Гейне*, обновившій изученіе древнихъ языковъ, сдѣлавшій классическую филологію наукою о древнемъ мірѣ изъ науки, руководившей единственно къ педантической болтовнѣ на искаженномъ латинскомъ языкѣ; *Шлецеръ*, знаменитый въ исторіи нѣмецкаго просвѣщенія столько же сколько и въ русской исторіографіи; *Мозеръ*, извѣстный авторъ сочиненія „Владыка и служитель". Въ собственно такъ называемой литературѣ около половины XVIII вѣка также начали являться писатели-поэты и критики новаго направленія съ дѣльными понятіями о литературѣ, съ живымъ содержаніемъ. Наконецъ, явился *Лессингъ*, который сдѣлалъ нѣмецкую литературу средоточіемъ народной жизни, указалъ ей прямой путь и ускорилъ тѣмъ развитіе своего народа.

ИСТОРІЯ ПИРИНЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

I.

Исторія Испаніи.

1. *Филиппъ V* и *планъ Альберони*. Паденіе Испаніи было еще быстрѣе ея возвышенія. Было время, когда солнцу не было заката въ Испаніи, и, въ теченіи одного столѣтія, рядомъ политическихъ ошибокъ она срамила, губила себя, даже тѣмъ, что служило къ ея возвышенію. Открытіе Новаго свѣта, вмѣсто добра, принесло вредъ испанской промышленности. Есть золото, думали Испанцы, все можно купить! И вся Европа работала на Испанцевъ, они отдали Европѣ свое золото, а сами остались съ лѣнью, гордостью, рабствомъ и ханжествомъ. Прекрасная страна стала добычею скорпіоновъ, послужила страшнымъ урокомъ для денежной маніи и, заграждая отъ всѣхъ Америку кончила тѣмъ, что ни пяди земли въ ней не удержала. Съ другой стороны, губилъ Испанію прозелитизмъ. Открытіе Америки, замѣнившее въ Европѣ фанатизмъ стремленіемъ къ матеріальнымъ интересамъ, въ Испаніи, напротивъ, усилило религіозно-политическія преслѣдованія. Инквизиція и іезуиты преслѣдовали и убивали въ Маврахъ и Евреяхъ самое промышленное населеніе.

Какъ пошло было правительство Испаніи при послѣднихъ короляхъ изъ габсбургскаго дома, видно изъ того, что при Филиппѣ IV оно униженно признало первенство Франціи и позволило Людовику XIV грабить свои Нидерланды, а при Карлѣ II, которымъ управляли жена да іезуиты, западныя государства заживо дѣлили испанскія владѣнія. Изъ войны за испанское наслѣдство Испанія вышла, утративъ свои италіянскія и нидерландскія земли.

Основныя черты характера *Филиппа V* (1700—1746), перваго короля изъ дома Бурбоновъ испанскихъ, составляли: сонливая лѣность, чувственность и формальная казенная нравственность*). Для этой пошлой личности, которая была faite exprès pour se laisser enfermer et gouverner, необходимы были жена и налой, существеннѣйшія его потребности, по выраженію Альберони. Та-

*) Вотъ, что писалъ ему Людовикъ XIV: „Ты обманываешься, если думаешь, что легко быть королемъ: не только на войнѣ, но и при веденіи дѣлъ, нужны умъ, дѣятельность, смѣлость. Лѣнь твой главный врагъ. Не побѣдишь его —и твое дѣло погибло“.

кимъ образомъ, Филиппомъ управляли жены и тѣ люди, которые имѣли вліяніе на женъ, а чрезъ нихъ на государство. Но къ женамъ своимъ онъ былъ привязанъ болѣе животною, чѣмъ человѣческою привязанностію. Онъ жить не могъ ни безъ первой, ни безъ второй жены; а когда первая умерла, отправился на охоту, взглянувъ холодно на ея трупъ. Первая жена Филиппа была подъ вліяніемъ *Урсини*, Француженки (изъ Тремуйлей) родомъ, Испанки по нравамъ и языку, Италіянки по воспитанію и связямъ въ Римѣ. Она была горда, умна, очаровательна въ обращеніи. Ее недолюбливалъ Людовикъ XIV, потому что она не давала ничтожнаго короля въ совершенное ему подчиненіе, когда послѣ утрехтскаго мира, прошла нужда во Франціи. По смерти королевы власть Урсини возвысилась: она задумала было сдѣлаться, подобно своей пріятельницы Ментенонъ, женою короля; скоро впрочемъ оставила эту мысль за тѣмъ, что была стара и боялась, чтобы гордые Испанцы, неравенъ случай, не дали ей яду. Но такъ какъ казенно-нравственнымъ королемъ можно было управлять только чрезъ законную жену, то Урсини старалась найти ему жену, впрочемъ такую, которою можно было бы владѣть въ свою очередь. Выборъ ея палъ на Елисавету, дочь герцога пармскаго. Она казалась ей вѣтренною, нарядами занятою женщиною, была некрасива, но свѣжа, молода, а этого королю и Урсини только и было нужно. Но Урсини не подозрѣвала въ ней энергіи, ума, честолюбія и независимости характера. Лучше всего очертилъ Елисавету Фридрихъ II: „горда какъ Спартанка, настойчива какъ Англичанка, хитра какъ Италіянка, жива и остра какъ Француженка". Она давно хотѣла вырваться изъ-подъ зависимости отца и съ восторгомъ приняла предложеніе. Урсини опомнилась когда бракъ былъ уже заключенъ; вслѣдъ за нимъ потеряла свое значеніе и удалившись отъ двора, жила поперемѣнно въ Парижѣ, Генуѣ и Римѣ.

Новая жена разгадала слабость Филиппа и, совершено овладѣвъ имъ, задумала сдѣлать Испанію орудіемъ для обезпеченія своихъ дѣтей. Помощникомъ и исполнителемъ эгоистическихъ видовъ королевы, какъ матери, сталъ *Джуліо Альберони*, имѣвшій въ виду возвысить собственно Испанію.

Сынъ садовника, воспитанникъ іезуитовъ, Джуліо Альберони, при безобразной наружности, одаренъ былъ высокимъ умомъ, хитростью, искусствомъ дипломата и удивительнымъ краснорѣчіемъ. Современные ему Французы называли его арлекиномъ, за его паскинады, буффонство, поваренное искусство, которыми онъ про-

бился въ милость циника Вандома; Италіянцы называли его колоссальнымъ кардиналомъ; потомство видитъ въ немъ нравственнаго дипломата среди общей безнравственности. Первый вывелъ его въ люди герцогъ Вандомъ, познакомившій его съ Урсини, которою онъ былъ опредѣленъ къ испанскому двору. Послѣ паденія Урсини, онъ уже всѣмъ завѣдывалъ, хотя оффиціально министромъ сдѣлался не прежде, какъ получилъ отъ папы санъ кардинала. Королевѣ обѣщалъ онъ доставить ленныя владѣнія въ Италіи для дѣтей ея отъ Филиппа V, королю—тронъ Франціи. Но и королева и король были у него только орудіями великаго плана: пробудить внутреннія силы Испаніи и доставить ей прежнее огромное значеніе въ Европѣ.

Чтобы развязать себѣ руки и имѣть средства къ достиженію своей цѣли, Альберони старался совершенно уничтожить кортесы и сосредоточить все управленіе въ кабинетѣ; преобразовалъ пошлинную и таможенную системы; уменьшилъ подати, снялъ внутреннія таможни, ограничилъ монополіи, покровительствовалъ земледѣлію; на полученныя отъ оживленной народной дѣятельности деньги сформировалъ флотъ и сильное войско. О преобразованіяхъ, касавшихся іерархіи, Альберони не думалъ и сжегъ въ 3 года 150 еретиковъ.

Цѣлью внѣшней его политики было возвращеніе Испаніи итальянскихъ и нидерландскихъ владѣній. Разглашая слухъ, что собираетъ войска на помощь германскому императору противъ Турокъ, онъ велъ тайные переговоры съ Турками, обѣщая имъ субсидіи на войну съ императоромъ; съ Амедеемъ савойскимъ заключилъ союзъ о промѣнѣ Неаполя на Ломбардію, которую предположилъ отнять у Австріи. Сначала Альберони полагалъ, что Франція не будетъ мѣшать ему, даже поможетъ, если останется вѣрна идеямъ Людовика XIV о противодѣйствіи габсбургскому дому. Но когда Дюбуа продалъ интересы Франціи Англичанамъ, тогда Альберони сталъ покровительствовать заговору Селамарра, направленному къ низверженію регента, тогда заключилъ онъ тайный союзъ съ Швеціею и съ Петромъ В., тогда рѣшился выставить противъ Англіи претендента. Планъ былъ обширенъ, но не безуменъ; онъ исполнился-бы, если бы Франція осталась вѣрна политикѣ Людовика XIV. Онъ не удался отъ низости Дюбуа, ему повредилъ и случайный миръ императора съ Турками. Ударъ былъ расчитанъ вѣрно и только случайно не попалъ въ цѣль. Огромный флотъ испанскій завладѣлъ Сардиніею, высадился въ Сициліи, съ согласія Амедея, и уже готовился напасть на Неаполь. Тогда тайный тройной союзъ Франціи, Голландіи и Англіи, обратившійся съ присоедине-

ніемъ императора въ явный четверной, забилъ тревогу. Англичане уничтожили флотъ Альберони; Французы вторгнулись въ Бискайю; возстаніе въ Бретани и заговоръ Селамарра не удались; буря разрушила флотъ, посланный съ претендентомъ въ Англію, Карлъ XII былъ убитъ; Петръ устранился отъ участія въ чуждомъ ему дѣлѣ. Ни одна изъ надеждъ Альберони не исполнилась. Четверной союзъ заставилъ Испанію отказаться опять и навсегда отъ нидерландскихъ и италіянскихъ владѣній въ пользу Австріи и удалить Альберони. За то донъ-Карлосъ, сынъ Елисаветы, долженъ былъ получить инвенституру на Парму, Піаченцу и Тоскану; а дочь ея объявлена невѣстою Людовика XV. Елисавета согласилась. Видя разрушеніе своего плана, Альберони удалился въ Римъ и жилъ частнымъ человѣкомъ до 1752 года.

Филиппъ V между тѣмъ совсѣмъ оглупѣлъ и отрекся было отъ короны; но по убѣжденію Елисаветы опять принялъ ее. Королевѣ удалось, по ахенскому миру, на испанскія деньги посадить донъ-Карлоса въ Неаполѣ, а донъ Филиппу, другому своему сыну, дать Парму, Піаченцу и Гвасталу. Когда умеръ Филиппъ, то всѣ плоды управленія Альберони погибли въ войнахъ, долгъ возросъ до 45 мил. піастровъ, золото американское перешло къ врагамъ. Завѣщаніе короля въ пользу Елисаветы еще болѣе разграбило націю. Также ничтожно, какъ и правленіе Филиппа V, было правленіе ипохондрика *Фердинанда VI*. Эпоха реформъ начинается послѣ сближенія Испаніи съ Франціею, посредствомъ фамильнаго договора.

2. *Карлъ III и монархическіе реформаторы въ Испаніи* (1759—1784). Донъ-Карлосъ, со смертію брата своего Фердинанда, сдѣлался королемъ Испаніи подъ именемъ *Карла III*, уступилъ Неаполь своему сыну, 8-лѣтнему Фердинанду, а Парму своему брату, донъ-Филиппу. Не слишкомъ возвышаясь надъ другими королями Испаніи, Карлъ III, по крайней мѣрѣ, не былъ врагомъ улучшеній, хотя и не былъ другомъ ихъ, хотя также, особенно въ старости, подпалъ вліянію духовника своего. Слабою стороною его характера, властолюбіемъ, умѣли воспользоваться окружавшие его люди и совершить много добраго хотя не на долго.

Рѣшительную дорогу къ приливу новыхъ идей въ Испанію проложилъ Шуазель своимъ фамильнымъ договоромъ (pacte de famille), который имѣлъ цѣлью возобновленіе политики Людовика XIV относительно Англіи, тогда какъ Питтъ старшій возобновилъ политику Вильгельма Оранскаго относительно Франціи. Подъ влі-

яніемъ Франціи явилось при Карлѣ III нѣскокько даровитыхъ государственныхъ людей. Затрогивая страсть къ самовластію, слабую струну въ характерѣ короля, они увлекали его за собою по пути реформъ и хотѣли двинуть Испанію въ догонку за западною Европою, отъ которой она отстала на цѣлый вѣкъ.

Въ Испаніи, какъ и вездѣ, на западѣ нужно было сломать прежде всего главную опору стараго порядка, лежавшую бревномъ поперегъ всѣхъ улучшеній,—іезуитовъ. За этотъ трудъ первый взялся *Скилаччи*, личный другъ короля, работавшій надъ реформою финансовъ и полиціи и надъ введеніемъ европейской одежды (вмѣсто національной), ненавидимый Испанцами, какъ врагъ ихъ національности и какъ монополистъ, а также вслѣдствіе интригъ іезуитовъ. Борьбу съ іезуитами Скилаччи началъ въ колоніяхъ, въ Мехико, гдѣ правительство испанское возстало противъ нихъ во время спора ихъ съ архіепископомъ за десятину и за духовную свѣтскую власть. Неудачу свою въ колоніяхъ орденъ выместилъ, возбудивъ въ Мадридѣ два народныя возстанія противъ Скилаччи. Скилаччи, какъ иноземецъ, палъ въ этой борьбѣ (1763). Гораздо удачнѣе дѣйствовалъ донъ *Пабло Аранда*, благородный Аррагонецъ, соединявшій французское образованіе съ испанскимъ характеромъ, истинный глава и руководитель всѣхъ реформъ въ духѣ народнаго благосостоянія. Занявъ при королѣ мѣсто Скилаччи, Аранда началъ розыскъ о тайныхъ подстрекателяхъ мадридскихъ бунтовъ и, напавъ на слѣдъ іезуитовъ, убѣдилъ короля принять самыя энергическія мѣры. Для сохраненія тайны, король самъ былъ писцомъ продиктованныхъ Арандою повелѣній. Аранда распорядился очень ловко и рѣшительно. Іезуиты ничего не подозрѣвали, когда 31 марта 1767 года, съ удивительною быстротою и точностію были всѣ арестованы и на ихъ имѣнія наложена конфискація. Объ этомъ переворотѣ въ Мадритѣ народъ узналъ только тогда, когда 5000 іезуитовъ плыли уже въ Чевитта-Веккію. За тѣмъ изданъ былъ манифестъ въ которомъ объяснялось, что „къ этому поступку король побужденъ былъ не только своими мудрыми совѣтниками, но и другими настоятельными, справедливыми и необходимыми основаніями, которыхъ впрочемъ онъ не почитаетъ нужнымъ объявлять“. Въ письмѣ къ папѣ король говоритъ довольно иронически: „Я увидѣлъ себя поставленнымъ въ необходимость изгнать всѣхъ іезуитовъ, находившихся въ моемъ королевствѣ, и отправить ихъ подъ святой, отеческій покровъ вашего святѣйшества, за тѣмъ, что ваше святѣйшество—всемилостивѣйшій отецъ и владыка всѣхъ вѣрую-

щихъ. Но я не такъ невѣжливъ, чтобы обременять казну вашего святѣйшества содержаніемъ изгнанныхъ іезуитовъ, которымъ, какъ моимъ поданнымъ, я опредѣлилъ каждому деньги на первое содержаніе". Гнѣвъ Климента XVI противъ короля обрушился только на изгнанникахъ: папа не принялъ изгнанныхъ іезуитовъ, и они, вытерпѣвъ не мало бѣдъ на корабляхъ, высадились, наконецъ, въ Корсикѣ. Тогда же изгнаны были они и изъ Неаполя и Пармы. Освободивъ государство и себя отъ помѣхъ къ улучшеніямъ, Аранда принялся за реформы.

Раздѣляя экономическія начала физіократовъ и въ особенности Тюрго, онъ ввелъ налогъ на землевладѣльцевъ и уничтожилъ замкнутость цеховъ и внутреннія таможни. Раздѣляя общую тогда вражду противъ духовенства, онъ старался освободить Испанію изъ путъ іерархіи. Вслѣдствіе этого, онъ произвелъ визитацію монастырей и старался исправлять нравственность монаховъ посредствомъ свѣтской полиціи. Далѣе, освободилъ духовные ордена отъ вліянія иноземныхъ генераловъ; ограничилъ jus asyli и число процессій (rosarios); преобразовалъ инквизицію въ полицейское учрежденіе, безъ права цензуры, и передалъ народное просвѣщеніе въ руки бѣлаго духовенства. Основаны были новыя семинаріи и академія св. Исидора, въ которыхъ преобладало реальное направленіе. Аранда не могъ совершить всего, что задумалъ; ему помѣшали: во-первыхъ, старость короля, который, подъ вліяніемъ духовника-доминиканца, сталъ бояться ада; во-вторыхъ, похвалы энциклопедистовъ, навлекшія на Аранду подозрѣніе въ революціонерствѣ и безбожіи, и, наконецъ, неосмотрительность его товарища, довольно поверхностно образованнаго Перуанца *Олавидеса*, который, толкаясь, во время пребыванія въ Парижѣ, въ литературныхъ салонахъ и мажду энциклопедистами, набрался модныхъ въ то время во Франціи воззрѣній на общество и церковь и сталъ довольно рьяно и очертя голову примѣнять ихъ къ ортодоксальной Испаніи. Аранда употребилъ его орудіемъ при изгнаніи іезуитовъ, а потомъ далъ ему мѣсто генералъ-интенданта Андалузіи, съ цѣлію населить и воздѣлать пустыри Сьерра-Морены. Пышными обѣщаніями и обманчивыми афишками*) Олавидесъ примапилъ сюда множество поселянъ и ремесленниковъ изъ протестантскихъ земель. За переселеніемъ, которое совершалось безъ толку и безъ всякихъ

---

*) Гавань счастія или богатѣйшая сокровищница, открытая королемъ испанскимъ для пользы и утѣшенія всѣхъ неимущихъ нидерландскихъ крестьянъ и рабочихъ.

правильныхъ понятій о колонизаціи, слѣдовалъ ропотъ обманутыхъ колонистовъ и ненависть ихъ къ Испанцамъ за монашескія миссіи и, наоборотъ, ненависть Испанцевъ къ колонистамъ и Олавидесу за населеніе ихъ земли еретиками. Олавидесъ по доносу былъ вызванъ въ Мадритъ, преданъ инквизиціи и осужденъ на покаяніе. Вслѣдъ за тѣмъ, самъ Аранда получилъ дипломатическое назначеніе въ Парижъ и, со времени отъѣзда его, началась реакція его реформамъ. Впрочемъ она не была крутая, ибо дѣло Аранды берегъ *Компоманесъ*. Ученый юристъ, экономистъ и вполнѣ эманципированный государственный человѣкъ, онъ дѣйствовалъ перомъ, совѣтомъ и дѣломъ въ духѣ Аранды. Перомъ онъ писалъ сочиненія объ отношеніи церкви къ господству; совѣтомъ и дѣломъ продолжалъ Арандово уравненіе духовенства въ податяхъ съ прочими сословіями и совершилъ реформу уголовныхъ законовъ. Его умѣренность доставила ему уваженіе не только Карла III, но и его наслѣдника Карла IV (въ 1788 году). Послѣдній въ ряду испанскихъ преобразователей XVIII вѣка былъ *Монино*, впослѣдствіи возведенный въ санъ графа *Флориды Бланки*. Сначала онъ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, какъ Аранда и Компоманесъ: украшалъ столицу, воздвигалъ училища и академіи. Но французская революція сдѣлала его реакціонеромъ. Поворотъ къ старинѣ обнаружился: a) въ возстановленіи инквизиціи, при чемъ гранды спѣшили быть ея альгвазилами; b) въ уничтоженіи театра, заведеннаго Олавидесомъ, и въ замѣнѣ его auto-da-fé и бычачьими боями.

Всѣ означенныя реформы имѣли два результата: непосредственный—рѣзкое раздѣленіе между людьми новыхъ идей и массою, которая осталась вѣрна старымъ убѣжденіямъ; посредственный—вызванное партизанскою войною XIX вѣка народное сознаніе и борьбу народа съ Французами и іезуитизмомъ своего правительства (при Фердинандѣ VII).

II.

Исторія Португаліи.

1. *Исторія Португаліи отъ ея освобожденія до Іосифа I.* Въ 1640 г. Португалія отложилась отъ Испаніи и получила короля въ *Іоаннѣ браганискомъ*. Этотъ возстановитель независимости Португаліи былъ образцемъ всѣхъ королей ея. Не онъ возстановилъ тронъ, но его посадила на тронъ его жена (Луиза Гусманъ) и духовенство: женщины и монахи съ тѣхъ поръ управ-

ляли государствомъ до самаго Іосифа, а короли были или ханжи, или слабоумные, или то и другое вмѣстѣ. Подъ владычествомъ испанскимъ Португалія потеряла свою колоніальную торговлю въ пользу Голландіи; подъ владычествомъ собственныхъ королей—монахи и договоръ 1703 года съ Англіею убили ея промыслы и отдали ее въ жертву Англіи. По смерти Іоанна IV правили, одинъ за другимъ, сыновья его *Альфонсъ VI* и *донъ-Педро*, первый идіотъ, второй визіонеръ и ханжа. Въ 1706 г. вступилъ на престолъ *Іоаннъ V*, который въ средніе вѣка былъ бы признанъ за святаго, а для XVIII вѣка казался болѣе чѣмъ страннымъ: Европа искала благосостоянія въ положительномъ улучшеніи юридическихъ и экономическихъ отношеній и вела борьбу съ средневѣковыми предразсудками, а онъ занимался увеличеніемъ числа церквей и обрядовъ, тратя на это и время и деньги народа. Съ XVIII вѣка въ Португаліи было уже множество и монаховъ и церквей; но Іоанну ихъ было мало. Главными дѣлами его правленія были: 1) постройка *Мафры*, гдѣ по-царски жили тунеядцы и на которую употребилъ онъ 45,000,000 крузадъ. Планъ дворца—монастыря, понятный при Филиппѣ II, въ XVIII вѣкѣ могъ прійти въ голову только восторженному Индійцу. 2) Ходатайство предъ римскимъ дворомъ о согласіи на учрежденіе лиссабонскаго патріарха съ особымъ дворомъ кардиналовъ. Папы очень хорошо воспользовались желаніемъ короля и вытянули отъ него много денегъ. Для постройки дворца патріарху было сломано до 100 домовъ въ Лиссабонѣ; на выдумку одежды его капитулу король тратилъ всю дѣятельность. Впослѣдствіи, когда Іоаннъ заболѣлъ, прежнее настроеніе его духа усилилось: огромныя суммы расточались на чудодѣйственныя средства для излеченія короля и потомъ, когда здоровье на минуту поправилось на благодарственные вклады въ монастыри и на пенсіи монахамъ. Не мало также заплатилъ король Риму за позволеніе сжечь 30 еретиковъ. Всѣмъ распоряжались въ государствѣ іезуиты и королева. Подъ вліяніемъ ихъ изданъ былъ промышленный законъ, запрещавшій ввозъ иноземныхъ предметовъ роскоши для свѣтскихъ, но не для духовныхъ. За все это папа Бенедиктъ XIV далъ Іоанну V титулъ *короля вѣрнѣйшаго* (rex fidelissimus), безъ всякаго сомнѣнія—папѣ, а не Христу.

Вообще, когда умеръ въ 1750 г. Іоаннъ V, финансы или шли въ Римъ, или образовывали, мертвый капиталъ, земледѣлія не было, торговля находилась въ рукахъ Англичанъ и іезуитовъ, вой-

ска и флота не было, просвѣщеніе было монополісю также іезуитовъ. Время Аларнха тяготѣло надъ Португаліею.

2. На такое поприще явился *Себастіанъ-Іосифъ-Карвальо Маркизъ де Помбаль*. Онъ родился въ 1739 г. отъ мелкихъ дворянъ; учился въ коимбрскомъ университетѣ, враги говорятъ—лѣниво, друзья говорятъ—ревностно. Первые нравы: мертвечины ни въ жизни, ни въ наукѣ не любила славолюбивая, кипучая душа Помболя, и іезуитское ученіе было ему не по душѣ. Дядя и вотчимъ опредѣлили его въ военную службу, но обойденный производствомъ, онъ скоро вышелъ въ отставку. Жажда возвышенія мучила его: дядя каноникъ заграждалъ путь его неугомонному духу, какъ бы предвидя разрушителя іезуитизма. „Изъ моихъ трехъ племянниковъ я боюсь старшаго, горячаго, предпріимчиваго, способнаго на самые отважные планы“. Не любилъ его, какъ мы увидимъ, и ханжа—король Іоаннъ V, говорившій „у этого человѣка щетинистое сердце!“ Молодой Карвальо стремился породниться съ вельможами, но возбудилъ къ себѣ обидное презрѣніе грандовъ, которое имѣло вліяніе на его послѣдующія отношенія къ грандамъ. Поприще свое онъ началъ довольно незначительными дипломатическими миссіями въ Лондодѣ и Вѣнѣ; болѣе рѣшительное вліяніе на его карьеру имѣлъ второй бракъ его съ дочерью австрійскаго генерала Дауна, пріятельницею королевы португальской. Помбаль былъ вызванъ въ Лиссабонъ и, чтобы пробиться въ люди сквозь ненависть короля. онъ по-іезуитски заискивалъ у іезуитовъ и вошелъ въ милость у духовника королевскаго. Но всѣ старанія его занять вакансію министра разбивались объ антипатію Іоанна V. „Этотъ человѣкъ сожжетъ мое государство“ говорилъ король. Въ 1750 г. умеръ Іоаннъ и въ тотъ-же день Карвальо сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ, по ходатайству духовника и матери новаго короля—*Іосифа*. Пробившись къ правленію, Карвальо понялъ тотчасъ, что нужно овладѣть королемъ. А король былъ развратный трусъ и суевѣръ. Имъ можно было овладѣть заставя бояться или за жизнь временную, или за жизнь вѣчную. Помбаль овладѣлъ Іосифомъ, употребивъ первое средство, и палъ, когда нашлись люди, съумѣвшіе подѣйствовать на короля послѣднимъ средствомъ.

Помбаль, подобно императору Іосифу II, принадлежалъ къ числу реформаторовъ, почитавшихъ позволительными всякія мѣры для искорененія злоупотребленій и не обращавшихъ никакого вниманія на историческое право. Монархическій революціонеръ, онъ слѣдовалъ тому же правилу, котораго держался потомъ во Фран-

ціп революціонеръ—республиканецъ Дантонъ: oser—c'est tout! Насиліемъ только почиталъ онъ возможнымъ вырвать Португалію изъ лапъ среднихъ вѣковъ и приблизить къ современной Европѣ. Собственно великимъ реформаторомъ назвать Помбаля нельзя, за тѣмъ, что у него не было ни ясно-сознанной новой системы, ни опредѣленной цѣли. Во имя гуманности, употреблялъ онъ мѣры негуманныя, много начиналъ и бросалъ, вводилъ много вреднаго, часто самъ себѣ противорѣчилъ.

Помбаль приступилъ къ преобразованіямъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что они не могутъ совершиться безъ уничтоженія главныхъ опоръ древней системы—іезуитовъ и грандовъ; и потому, вступя въ министерство, онъ сейчасъ-же сталъ во вражду 1) съ грандами, у которыхъ нерѣдко не взирая на трехвѣковую давность, отбиралъ земли въ колоніяхъ, подаренныя имъ въ разное время королями, и 2) съ іезуитами, которыхъ считалъ втройнѣ опасными: какъ независимую аристократію съ главою въ Римѣ, въ государственномъ отношеніи; какъ незаконныхъ монополистовъ, завладѣвшихъ всею торговлею, въ экономическомъ, и, наконецъ, какъ систематически сдавливавшихъ всякое развитіе—въ умственномъ отношеніи. Противъ нихъ въ особенности и противъ духовенства вообще направлены были Помбалемъ слѣдующія мѣры: ослаблена инквизиція уничтоженіемъ auto-da-fé и передачею власти ея свѣтскимъ судамъ; запрещено португальскимъ монастырямъ принимать въ монахини богатыхъ Бразиліанокъ; приведенъ къ рѣшительному исполненію договоръ объ обмѣнѣ ос. С.-Сакраменто на парагвайско-урагвайскія миссіи іезуитовъ. Пользуясь слабостью испанскихъ и португальскихъ королей, іезуиты въ Парагваѣ и Урагваѣ утвердили, въ такъ называемыхъ миссіяхъ, свое свѣтское и духовное владычество и основали здѣсь коммунистическую теократію, которая доставляла подвластному имъ народу благосостояніе не человѣческое, но овечье. Впрочемъ, и правителямъ, и управляемымъ было не худо: Индійцы, насильно сдерживаемые въ невѣжествѣ страхомъ ада, боготворили своихъ учителей, а эти, въ свою очередь, извлекали огромныя выгоды изъ труда своихъ учениковъ—подданныхъ. Между тѣмъ всеобщія жалобы на нечестность торговыхъ операцій іезуитовъ вынудили у папы Бенедикта XIV буллу Immensa pastorum, запрещавшую іезуитамъ торговлю и банкирство. Въ испанскомъ Парагваѣ ее приводили въ исполненіе медленнѣе, чѣмъ въ португальскомъ, а потому іезуитамъ выгоднѣе было оставаться подъ властію Испаніи; какъ вдругъ еще Іоаннъ V рѣшился

кончить долгій споръ съ Испаніею объ островѣ С.-Сакраменто, уступивъ его Испаніи въ обмѣнъ на испанскую часть Парагвая. Іезуиты противились обмѣну сначала посредствомъ придворныхъ интригъ, а когда онѣ не удались и Помбаль заключилъ договоръ, тогда посредствомъ подстрекательства Индійцевъ къ возстанію. Братъ Помбаля усмирилъ возставшихъ, страшно опустошивъ миссіи, и Португалія вмѣсто страны блаженствовавшихъ невѣждъ, получила въ добычу пустыню.

Уничтоженіемъ миссій, отнятіемъ монополіи бразильской торговли и торговли виномъ Помбаль уничтожилъ іезуитовъ внѣ Португаліи. Теперь взялся онъ за іезуитовъ въ самой Португаліи.

Лиссабонсское землетрясеніе (1-го ноября 1755 г.), среди коего Помбаль явился кормильцемъ, строителемъ, спасителемъ для несчастныхъ и страшнымъ карателемъ для воровъ, подало іезуитамъ поводъ къ нападкамъ на министра. Духовникъ внушилъ королю, что землетрясеніемъ небо караетъ государя за безбожнаго министра. „Чѣмъ смирить намъ гнѣвъ Божій?“ спросилъ блѣдный перепуганный король входившаго къ нему, по окончаніи бѣды, Помбаля. „Похоронить мертвыхъ и накормить живыхъ“, отвѣчалъ министръ и въ свою очередь запугалъ короля страхомъ не вѣчной, но земной опасности со стороны іезуитовъ и грандовъ, и король все подписывалъ, что онъ ни подавалъ. Духовникъ былъ изгнанъ, а въ 1757 г. всѣ іезуиты схвачены при дворѣ белемскомъ, гдѣ жилъ король, и отвезены въ Лиссабонъ. Дворъ былъ очищенъ. Чтобы опереться на общественное мнѣніе, Помбаль пошелъ далѣе и 1) издалъ въ 20,000 экземплярахъ двѣ брошюры о поступкахъ іезуитовъ въ колоніяхъ и при дворѣ лиссабонскомъ, въ которыхъ въ самыхъ черныхъ краскахъ были выставлены козни іезуитовъ; 2) убѣдилъ папу назначить визитацію и слѣдствіе надъ орденомъ въ португальскихъ владѣніяхъ и, наконецъ, 3) нашелъ случай нанести послѣдній ударъ іезуитамъ и, за одно съ ними, грандамъ. Случай этотъ былъ покушеніе на жизнь короля, которое было чуть-ли не дѣломъ семейной мести знатной фамиліи Авейро, но Помбаль умѣлъ впутать въ него іезуитовъ и другихъ грандовъ. Въ 1758 году казнены были гранды, обвиненные въ заговорѣ, іезуитскія коллегіи запечатаны, конфискованы имущества іезуитовъ, сами же они частью изгнаны въ Италію, частью заключены въ тюрьмахъ, а главные изъ обвиненныхъ сожжены на auto-da-fé, которое при этой оказіи было возобновлено. Ни гранды, ни іезуиты мѣшать не могли: Помбаль

понесся еще шибче по начатому пути. Вниманіе его главнымъ образомъ обращено было на пробужденіе духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны. Чтобы противодѣйствовать проповѣдямъ оскорбленнаго духовенства, правительство, посредствомъ *газетъ* и *брошюръ*, распространяло въ народѣ понятія о различіи вѣры отъ фанатизма и суевѣрія. Не для одной Португаліи, но и для цѣлой Европы, имѣла сильное значеніе удавшаяся попытка вырвать самую іерархическую страну изъ рукъ іерархіи и іезуитизма. Въ то же время разоблачено было зло іезуитскаго воспитанія: вѣра въ ихъ ученость и въ ихъ стремленіе къ просвѣщенію поколебалась, когда было указано, что вся цѣль ихъ образованія состояла въ обращеніи человѣка въ quasi ac ca daver. Вслѣдъ за изгнаніемъ іезуитовъ, преобразовано было *воспитаніе* низшее и высшее: заведеніемъ народныхъ и ремесленныхъ школъ, въ которыя набирали силою всѣхъ праздношатающихся, реформою коимбрскаго университета, которая была личнымъ дѣломъ Помбаля, учрежденіемъ высшаго училища для аристократовъ. Какъ плохо было состояніе учебной части до Помбаля, доказывается тѣмъ, что для новыхъ школъ не могли найти учителей въ Португаліи и взяли ихъ изъ Ирландіи и Италіи. Другъ гуманнаго образованія, Помбаль постановилъ, что всякій, родившійся въ Португаліи свободенъ и что различія между старыми и новыми христіанами нѣтъ. *Цензура* отнята была у духовенства, впрочемъ сохранила строгость, особенно для сочиненій іезуитовъ. Въ то же время, по странному противорѣчію съ предъидущими постановленіями, была возобновлена инквизиція.

Какъ физіократъ, Помбаль старался поднять *земледѣліе*. Онъ уничтожилъ многіе виноградники, отнялъ хлѣбную монополію у спекулянтовъ и, обратя ее въ регалію, продавалъ хлѣбъ по установленной таксѣ. Учреждены были винноторговыя общества и ярмарки, проведены каналы и дороги. Отняты были земли и имѣнія у патріархата, построены монархическія зданія вмѣсто іерархическихъ. Преобразованіе коснулось и войска. До Помбаля оно состояло изъ всякаго сброда, цыганъ и бродягъ, и, пока войны не было, Помбаль употреблялъ его для полиціи; но когда обстоятельства поставили Португалію во вражду съ Испаніею, преобразованіе войска стало необходимо. Помбаль улучшилъ систему набора, ввелъ строгую дисциплину, назначилъ жалованье, построилъ флотъ и артиллерію. Многіе монахи обращены были въ солдатъ, впрочемъ не надолго.

Всѣ преобразованія Помбаля, будучи основаны на его личности, должны были пасть вмѣстѣ съ нимъ; къ народу они не привились. Только преобразованіе воспитанія могло принести плоды, да и то чахлые: народъ былъ слишкомъ испорченъ. Въ 1777 г. заболѣлъ король, и Помбаль подалъ регентшѣ просьбу объ отставкѣ отъ должности министра. Еще онъ не получилъ отвѣта какъ король 1 марта 1777 года умеръ. Дочь его *Марія* вступила на престолъ. Помбаль получилъ отставку отъ министерства, но не отъ службы. При суевѣрной и полу-сумашедшей королевѣ шибко пошла реакція Помбалевой реформѣ: связи съ Римомъ были возобновлены, заключенные гранды и іезуиты освобождены, духовенство получило обратно имѣнія. Надъ Помбалемъ назначенъ былъ судъ осудившій его на смерть. Приговоръ былъ смягченъ, но на другой годъ (1782) Помбаль умеръ, составляя предметъ ненависти для своихъ и предметъ удивленія для чужихъ. По смерти его Португалія погрузилась опять въ средневѣковой мракъ *).

ИСТОРІЯ ИТАЛІЯНСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

(XVI—XVIII в.).

Въ общемъ ходѣ исторіи государствъ Аппенинскаго полуострова въ три послѣдніе вѣка можно различить довольно явственно три періода.

I.

Время нашествія иноземцевъ. Цвѣтъ эпохи возрожденія. (1495—1559).

I. Знаменитый италіянскій историкъ XVI вѣка Макіавелли замѣчаетъ, что римскіе папы, не будучи довольно сильными, чтобы овладѣть вполнѣ Италіею, и не дозволивъ никому другому овла-

*) Во второй половинѣ XVII вѣка пріостанавливается, вслѣдсдвіе политическаго и религіознаго фанатизма, оригинальная литературная дѣятельность на Пиринейскомъ полуостровѣ, и полтора вѣка (съ половины XVII до начала XIX) наполнены отчасти подражаніями итальянской (гонгоризмъ) и французской литературамъ, отчасти переводами сочиненій иностранныхъ писателей, наконецъ, пошлыми и уродливыми оригинальными произведеніями. На испанскихъ писателяхъ временъ Карла III рѣзко отпечаталось вліяніе философскаго анализа и скепцизма Франціи XVIII вѣка.

дѣть ею, были виновниками того, что она распалась между многими государями и владѣтелями и, вслѣдствіе этого, была постоянною добычею каждаго, кто на нее нападалъ. Со временъ такъ называемаго лонгобардскаго періода, папы призывали на италіянскій престолъ чужестранцевъ, передавали этотъ престолъ, въ видѣ папскаго подарка, Карлу Великому, нѣмецкимъ королямъ, Норманамъ, Французамъ, Австрійцамъ, Испанцамъ. Главмѣйшіе владѣтельные дома западной Европы перебывали такимъ образомъ въ разныхъ частяхъ Италіи, и каждый изъ нихъ могъ указать на родство съ какою-нибудь италіянскою династіею и, слѣдовательно, предъявлять свои династическія права на ту или другую часть Италіи. Французскіе Валуа были въ родствѣ, во-первыхъ, съ домомъ Анжу, который папа призвалъ на тронъ неаполитанскій противъ Гогенштауфеновъ, во-вторыхъ, съ Сфорцами и Висконтіями въ сѣверной Италіи. Обѣ вѣтви габсбургскаго дома, нѣмецкая и испанская, независимо отъ наслѣдственныхъ правъ императорскихъ, имѣли права чрезъ родство съ аррагонскимъ домомъ, царствовавшимъ въ Сициліи. Сверхъ тохо, сами италіянскіе владѣтели призывали чужеземцевъ на помощь въ своихъ распряхъ. Такимъ образомъ, съ конца XV до второй половины XVI вѣка, идетъ рядъ чужеземныхъ нашествій на Италію. Она становится театромъ, на которомъ постоянно разыгриваются всѣ эпизоды борьбы трехъ сильныхъ династій европейскаго материка: Французы, Испанцы, Нѣмцы поочередно проходятъ по ней вдоль и поперегъ. Отъ имени дома неаполитанскихъ Анжу и дома миланскихъ Висконти, короли французскіе Карлъ VIII, Людовикъ XII и Франсуа I нападали на Неаполь и Миланъ. Они дважды брали и дважды теряли первый, три раза брали и трижды теряли второй, а борьба окончилась тѣмъ, что оба государства достались Испаніи: Неаполь при Фердинандѣ Католикѣ (1503), Миланъ при Карлѣ I (V), который сначала господствовалъ въ немъ отъ имени посаженнаго имъ на престолъ Франца Сфорцы, а по смерти этого послѣдняго занялъ его окончательно (1535). Замкнутая между Неаполемъ и Миланомъ и двумя остравами, Сициліею и Сардиніею, которые также принадлежали Испанцамъ, остальная часть Итатіи, не завися только номинально отъ Испаніи, находилась совершенно подъ ея вліяніемъ съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ V въ Болоньи вѣнчался императоромъ и королемъ римскимъ. Изъ Флоренціи онъ сдѣлалъ наслѣдственное герцогство для Медичей, ленниковъ имперіи. Генуа, пріобрѣвшая свободу при Доріяхъ, была самостоятельна только

внутри стѣнъ своихъ; другія италіянскія владѣнія, слабыя и разоренныя, были независимы только пока угодно было императору. Главную роль, при изгнаніи Французовъ изъ Италіи и при передачѣ почти цѣлой Италіи подъ власть габсбургскаго дома, играли сознательно и безсознательно папы. Развратный эгоистъ Александръ VI Борджія составлялъ союзы противъ Французовъ, съ цѣлію образовать изъ италіянскихъ владѣній помѣстья для своихъ непотовъ; но онъ окончилъ тѣмъ, что открылъ Испанцамъ доступъ въ южную Италію. Энергическій Юлій II стремился освободить полуостровъ отъ Французовъ, съ болѣе безкорыстною цѣлію—возвести церковную область на степень первенствующей державы въ Италіи; но кончилъ тѣмъ, что привелъ Испанцевъ въ среднюю Италію. Левъ X, въ союзѣ съ Карломъ V, способствовалъ изгнанію Французовъ и утвержденію Испанцевъ въ сѣверной Италіи (въ Миланѣ). Климентъ VII первый опомнился, при видѣ результатовъ политики своихъ предшественниковъ, въ которой и самъ принималъ участіе, будучи кардиналомъ. Воспользовавшись ненавистью Италіянцевъ къ Нѣмцамъ и Испанцамъ Карла V, онъ составилъ противъ императора св. лигу изъ Франціи, Англіи, Швейцаріи и изъ большей части италіянскихъ народцевъ, мечтавшихъ уже о рѣшительномъ освобожденіи Италіи. Но дѣло кончилось разграбленіемъ Рима, плѣномъ папы и рѣшительнымъ перевѣсомъ Испанцевъ въ Италіи. Попытка папы Павла IV изгнать ихъ, съ помощью короля французскаго Генриха II, имѣла въ результатѣ окончательное признаніе господства испанскихъ Габсбургцевъ надъ Италіею, по миру въ Шато-Камбрези (1559).

2. Среди этой борьбы иноземцевъ, среди безпрестаннаго перехода отъ однѣхъ властей къ другимъ, исказилась и унизилась политическая жизнь націи: въ ней мы видимъ совершенное равнодушіе, страдательное подчиненіе всѣмъ формамъ и всѣмъ владычествамъ. Но остатокъ сохранившихся силъ въ народѣ италіянскомъ направился на сферу фантазіи и мысли, въ искусство и литературу. Италія стала жить искусствомъ и для искусства, въ искусствѣ создала она себѣ новое отечество, въ замѣнъ утраченнаго земнаго отечества. Первая половина XVI вѣка—время глубокаго упадка политической самобытности и время общественнаго разложенія Италіи, было временемъ самаго пышнаго цвѣта возрожденнаго искусства. *Браманте, Рафаэль, Микель-Анджело, Леонардо-да-Винчи, Тиціанъ, Корреджіо* оставили вѣчно не умирающія произведенія зодчества, ваянія и живописи. *Палестрина*

создалъ духовную музыку. *Аріосто*, *Макіавелли*, *Гвиччіардини* писали на народномъ языкѣ свои безсмертныя произведенія.

II.

Время Австрійско-Испанскаго владычества. Періодъ упадка въ искусствѣ (1560—1700).

1. Въ этомъ періодѣ, вообще бѣдномъ событіями, важнѣйшимъ явленіемъ, которое имѣло извѣстную долю вліянія на общую судьбу Италіи, были усилія Франціи при Ришлье противодѣйствовать испанскому господству на полуостровѣ. Войною за вальтелинскіе проходы умный кардиналъ помѣшалъ сліянію у подошвы Альпъ власти обѣихъ линій габсбургскаго дома; а войною за мантуанское наслѣдство воспрепятствовалъ переходу Мантуи въ руки владѣтеля, дружившаго съ Испаніею. Войны Людовика XIV въ концѣ XVII вѣка не измѣнили до поры до времени положенія Италіи, а только подвергли ее разоренію и грабежу французскихъ и нѣмецкихъ солдатъ. Политическая и общественная жизнь націи въ этомъ періодѣ совершенно замираетъ подъ мертвящимъ игомъ испанскаго деспотизма и фанатизма, какъ въ совершенно подвластныхъ Испаніи земляхъ, такъ и въ находившихся подъ косвеннымъ ея вліяніемъ. Древній представительный образъ правленія вездѣ погибъ, вмѣстѣ съ нимъ погибла гражданская свобода; тяжкія подати уничтожили благосостояніе народа, владѣніе землею сосредоточилось исключительно въ рукахъ дворянства и духовенства. Среднее сословіе было бѣдно, крестьянство угнетено рабствомъ; невѣжественное, лѣнивое и безнравственное духовенство поощряло слѣпое обрядное суевѣріе, распущенность нравовъ, ханжество, и держало массы народа въ нравственномъ отупѣніи и въ невѣдѣніи обо всѣхъ высшихъ интересахъ. Изрѣдка появляются проблески національнаго чувства, но проблески лихорадочные и потому непродолжительные и неудачные. Такъ, около половины XVII в., въ *Неаполѣ* и *Сициліи*, толпы народа, выведеннаго изъ терпѣнія жестокостію и алчностію испанскихъ баскаковъ, возмутились подъ начальствомъ рыбака *Мазаньелло* и принудили вице-короля испанскаго запереться въ крѣпости. Мазаньелло нѣсколько дней управлялъ въ Неаполѣ, но за тѣмъ впалъ въ помѣшательство и былъ убитъ, вслѣдствіе козней враговъ. Еще нѣсколько времени инсургенты безпощадно убивали въ память Мазаньелло

попадавшихся имъ въ руки Испанцевъ, и Неаполь управлялся на республиканскій ладъ. Спокойствіе возстановилось, когда испанское правительство смягчило налоги и отозвало ненавистнаго народу вице-короля.

Образцами полусамостоятельныхъ династовъ итальянскихъ въ этомъ періодѣ были *Медичи*, управлявшіе почти два вѣка *Тосканою*, сначала въ качествѣ герцоговъ, а потомъ великихъ герцоговъ (съ 1560 г.). Даровитый, но коварный и подозрительно жестокій *Козимо I* (1537—47) сначала хитро удалилъ испанскіе гарнизоны изъ всѣхъ значительныхъ городовъ своего герцогства, а потомъ для подавленія остатковъ республиканской старины, ввелъ инквизиціонный судъ, систему шпіонства, щедро награждаемыхъ доносовъ и строгую цензуру и чуть не уничтожилъ вовсе книжной торговли. Эти мѣры доставили ему самому у современниковъ печальную извѣстность правителя, возвышавшаго людей, обрызганныхъ кровью и пустившихъ наиболѣе вдовъ и сиротъ по міру, а его семейству—позорную, но едва-ли заслуженную славу новыхъ Атридовъ, истребившихъ другъ друга рядомъ ужасныхъ злодѣйствъ. Утвердивъ страхомъ свое господство, Козимо покровительствовалъ промышленности и изящнымъ искусствамъ (но не наукѣ). Совершенно въ томъ же духѣ дѣйствовали его преемники, *Франческо* и *Фердинандъ*, энергическіе и вмѣстѣ съ тѣмъ страстные и неразбиравшіе средствъ деспоты. Отравленія, тайныя и явныя убійства и развратъ съ одной стороны *), покровительство искусствамъ и обширныя промышленныя предпріятія съ другой—вотъ фамильныя черты этихъ Медичей. Но сначала XVII вѣка тосканскіе Медичи измѣняютъ направленію своихъ предшественниковъ. Промышленное развитіе прекращается, духовенство получаетъ огромное значеніе и, вмѣстѣ съ Австрійцами и Испанцами, вытягиваетъ богатство у народа, у котораго предъидущіе Медичи отняли свободу. Особенно бѣдственно было для Тосканы правленіе *Козимо III* (1670—1723). Воспитанный монахами, онъ самыми насильственными мѣрами выжималъ у подданныхъ деньги на устроеніе новыхъ монастырей, дары духовенству, пенсіи новообращеннымъ еретикамъ. Государственный долгъ достигъ огромныхъ размѣровъ, и Тоскана была близка къ банкротству. Между тѣмъ, какъ самъ великій герцогъ хотѣлъ купить

---

*) Образцемъ этой стороны Флорентійской исторіи служитъ трагическая жизнь Біанки Капеллы, жены Франческо Медичи.

себѣ на трудовую копѣйку народа вѣчное спасеніе, въ семействѣ его господствовалъ развратъ и расточительная роскошь: жена его бросила и вела въ Парижѣ самую грязную жизнь, сынъ умеръ преждевременною жертвою распутства. Въ 1736 г. пресѣкся домъ Медичей, и Тоскана, перейдя къ родственному габсбургамъ *лотарингскому* дому, подчинилась совершенному вліянію Австріи.

Еще въ худшемъ состояніи, чѣмъ Тоскана, находилась *Церковная область*: по свидѣтельству всѣхъ историковъ, не было въ Европѣ страны, послѣ Турціи, управляемой хуже Папской области. Послѣ Григорія XII не было между папами замѣчательныхъ личностей. Папы конца XVII вѣка разорили народъ хлѣбною монополіею и находились подъ гнетомъ самовластныхъ поступковъ Людовика XIV, который не разъ распоряжался въ Римѣ, какъ у себя дома *).

2. Вмѣстѣ съ глубокимъ упадкомъ общества въ Италіи, палъ въ ней и человѣкъ. Изящный вкусъ подвергся искаженію: *Тассъ* былъ послѣдній великій поэтъ, стоящій на рубежѣ двухъ эпохъ. Мѣсто его заступилъ изысканный и чопорный *Марини*, исказившій италіянскую поэзію и заразившій своимъ примѣромъ французскую и испанскую. Въ архитектурѣ и пластикѣ изломанный, испещренный и декоративный стиль *Бернини* замѣнилъ грандіозныя созданія Микель-Анджело, а въ живописи—эклектическая болонская школа, основанная тремя *Карачи*, старалась совмѣстить оригинальныя особенности великихъ мастеровъ эпохи возрожденія, но сама не выработала вполнѣ оригинальнаго направленія. Соціальная наука Италіи сохранила не долго серьезное практическое направленіе, данное ей Макіавеллемъ. Тиранія, олигархія, чужеземное владычество сгладили слѣды средневѣковыхъ свободныхъ учрежденій и убили политическій смыслъ въ гражданахъ. До какой степени разбиты были всѣ политическія убѣжденія и вѣрованія въ Италіи къ началу XVII вѣка, доказываетъ *Кампанелла*, сочиненія котораго наполнены несогласимыми противорѣчіями и чудовищными представленіями о государствѣ. Онъ является защитникомъ самыхъ враждебныхъ началъ, разрушителемъ священныхъ законовъ человѣческаго союза, не признаетъ ни брака, ни собственности; его идеи о верховной власти напоминаютъ нынѣшнюю секту мормоновъ. Вообще его „Civitas solis“ могла явиться только въ эпоху тираніи, подъ вліяніемъ обскурантизма и грязнаго разврата; на

---

*) Иннокентій X, Александръ VII, Иннокентій XI и Иннокентій XII.

ней ярко отражается упадокъ политической жизни въ обществѣ. За то эта эпоха упадка политической науки въ Италіи ознаменована появленіемъ одного изъ величайшихъ геніевъ въ области физики, математики и астрономіи. Это былъ *Николо Галлилей* (1564—1642), современникъ Кеплера, открывшій законы качаній маятника и паденія тѣлъ, изобрѣвшій или усовершенствовавшій термометръ и, съ помощью незадолго предъ тѣмъ открытаго и имъ же усовершенствованнаго телескопа, открывшій спутниковъ Юпитера. Галлилей, за то, что раздѣлялъ убѣжденіе Коперника о движеніи земли, подвергся преслѣдованію инквизиціи, томился нѣсколько лѣтъ въ тюрьмахъ ея и впослѣдствіи ослѣпъ. Для спасенія жизни онъ долженъ былъ торжественно, на колѣняхъ предъ невѣжественными судьями, отречься отъ ученія о движеніи земли, какъ противнаго св. Писанію; но отрекаясь, онъ не могъ побѣдить своего внутренняго убѣжденія и, говорятъ, сказалъ: „e pur si muove“ (а все таки движется!). Вмѣстѣ съ Галлилеемъ прославилъ Италію *Торричелли* (1608—47), изобрѣтатель барометра и микроскопныхъ стеколъ.

III.

Время появленія новыхъ династій и попытокъ къ реформамъ. Новое возрожденіе науки и искусства (1700–1789.)

1) Огромныя войны между сильными западно-европейскими державами за равновѣсіе, въ первой половинѣ XVIII вѣка и господствовавшая въ то время система округленія государственныхъ территорій вырвали нѣкоторыя части полуострова изъ исключительной власти и изъ-подъ вліянія Испаніи и образовали нѣсколько самостоятельныхъ государствъ. Италія является по прежнему не дѣятелемъ, но предметомъ политики. На нее смотрятъ во-первыхъ, какъ на страну, которую можно было гдѣ урѣзать, а гдѣ прирѣзать, для уравновѣшенія и округленія территорій главныхъ европейскихъ державъ. Она является во-вторыхъ, какъ бы пустопорожнею землею, въ которой сильныя династіи могли пристроивать своихъ размножающихся членовъ и, подъ видомъ разныхъ родственныхъ связей (такъ называемыхъ секундогенитуръ и терціогенитуръ), прибирать къ рукамъ своимъ разные клочки земель, которые взять инымъ путемъ не позволила бы политика равновѣсія. Такимъ образомъ, по мирнымъ трактатамъ утрехтскому (1713),

вѣнскому (1738) и ахенскому (1748), разныя части Италіи поочередно переходятъ изъ рукъ въ руки, мѣняются одна на другую, то урѣзываются, то прирѣзываются въ своихъ границахъ. Неаполь, Парма, Тоскана, Модена становятся удѣлами младшихъ линій испанско-бурбонскаго и австрійско-габсбургскаго (лотарингскаго) домовъ. Миланъ и Ломбардія изъ рукъ Испаніи переходятъ окончательно въ руки Австріи. Само собою разумѣется, что такая смѣна владѣтелей не могла поднять упавшей національности: и дѣйствительно, ни одно сопротивленіе не показало, чтобы въ этой массѣ, которую кроили и рѣзали по чужому произволу, была хоть искра національнаго чувства. Полуживыми памятниками средневѣковой Италіи, являются только: 1) *Римъ* съ своимъ владѣтельнымъ епископомъ, устарѣлыми теократическими притязаніями и мелкими интригами. 2) *Венеція*, утратившая въ борьбѣ съ Турками всѣ свои владѣнія въ восточныхъ частяхъ Средиземнаго моря, но сохранившая свою ветхую инквизиціонную олигархію, и 3) полуаристократическая, полукупеческая *Генуя*, постоянно боровшаяся за свою независимость съ сильными сосѣдями (Франціею, Савойею и Австріею).

Но среди этихъ, едва уцѣлѣвшихъ развалинъ минувшаго величія возникаетъ и крѣпнетъ новое *королевство Сардинское*. Герцоги Піемонта и Савоіи втихомолку, ловко лавируя между двумя могучими сосѣдями и пользуясь каждою ихъ распрею, умѣли расширить свое герцогство до того, что со времени пріобрѣтенія по утрехтскому миру Сициліи, обмѣненной вскорѣ на Сардинію, приняли титулъ *королей* Сардиніи. *Викторъ Амедей II*, первый король сардинскій (1675—1730), заботился о внутреннихъ улучшеніяхъ въ судопроизводствѣ и народномъ образованіи для чего основалъ университетъ въ Туринѣ. *Карлъ Эммануилъ III* (1730—73) въ войнѣ за Австрійское наслѣдство пріобрѣлъ значительные участки герцогства Миланскаго и округлилъ ими свое королевство. Строгимъ порядкомъ въ государственномъ хозяйствѣ и обложеніемъ духовенства податьми, онъ старался покрыть издержки на содержаніе арміи, заботился объ отмѣнѣ феодальныхъ повинностей и ознаменовалъ свое правленіе благоразумными реформами. Вообще, во второй половинѣ XVIII столѣтія, стремленіе къ административнымъ реформамъ, общее всей Европѣ, отразилось и въ Италіи. Между тѣмъ, какъ Беккарія возставалъ противъ инквизиціи и вводилъ разумныя начала въ науку уголовнаго права, а графъ Верри, Филанджіери, Галіани и многіе другіе

изслѣдовали разные вопросы государственнаго хозяйства и законодательства, Іосифъ II и графъ Фирміанъ въ Ломбардіи, Карлъ-Эммануилъ III въ Сардиніи, великій герцогъ Леопольдъ и архіепископъ Риччи въ Тосканѣ, Карлъ III и маркизъ Тануччи и въ Неаполѣ и Сициліи, Французъ Дютильо въ Пармѣ неутомимо заботились объ улучшеніи финансовъ и экономическаго устройства своихъ владѣній, уничтожали внутреннія таможни, феодальныя привиллегіи и монополіи, стѣснявшія промышленную жизнь, приводили въ порядокъ путаницу устарѣвшихъ законовъ, преобразовывали суды, учреждали училища. Главное препятствіе своимъ улучшеніямъ встрѣчали италіянскіе правители-реформаторы въ римскомъ дворѣ, который вмѣшивался въ народное образованіе и судопроизводство, тянулъ съ Италіянцевъ деньги и поборы. Понятно, что противъ такихъ притязаній Рима направлены были всѣ усилія италіянскихъ реформаторовъ. Имъ удалось только сокрушить іезуитскій орденъ, да и то потому, что уничтоженія его требовали Австрія, Франція, Испанія, Португалія. Пій VI, преемникъ умнаго папы Климента XIV, уничтожившаго орденъ, началъ сильную реакцію противъ новаго преобразовательнаго движенія. Только въ Ломбардіи, принадлежавшей энергичному императору Іосифу II, да въ Тосканѣ уцѣлѣли отчасти плоды реформъ; въ другихъ частяхъ Италіи было не то. *Викторъ Амедей III*, вступивъ на престолъ сардинскій (1773), тотчасъ удалилъ всѣхъ министровъ своего предшественника и отдался совершенно въ руки духовенства и аристократіи, запретилъ даже своимъ подданнымъ посѣщать основанный Іосифомъ II университетъ въ Павіи, почитая его еретическимъ. Въ Пармѣ и Неаполѣ также всѣ преобразованія остановились, съ удаленіемъ прежнихъ министровъ. Преслѣдуя философовъ и философію въ чужихъ владѣніяхъ, папа *Пій VI*, конечно, не допустилъ ихъ въ своемъ государствѣ, и всѣ улучшенія его ограничились осушкою небольшой части Понтинскихъ болотъ.

Такимъ образомъ, обнаруживъ мѣстами проблески жизни, потушенные всеобщимъ гасителемъ папою, Италія въ послѣдніе годы XVIII вѣка погрузилась въ апатію и подчинилась порядку вещей, существовавшему при отцахъ и дѣдахъ. Масса народа, почти всюду угнетенная и разоренная, была, если не враждебна, то совершенно равнодушна къ существовавшему порядку вещей, пробудить ее должны были французскія революціонныя войны.

2. Но въ наукѣ и искусствѣ это пробужденіе началось раньше. Подъ вліяніемъ умственнаго движенія, занесеннаго изъ Франціи,

Беккарія и *Филанджіери*, внесли человѣчныя начала въ науку права, *Вико*, въ своей „Scienzi nuova старался открыть общіе законы историческаго развитія человѣчества. *Муратори* собиралъ огромные матеріалы для исторіи обще-италіянскаго отечества. Въ естествознаніи Италіянцевъ *Вольта* открылъ могучую силу гальванизма. Въ концѣ XVIII вѣка оживаетъ италіянская поэзія. Поэты, начавшіе въ это время свою дѣятельность, главнымъ образомъ дѣйствовали уже въ XIX вѣкѣ. Они сообщили поэзіи характеръ соціальный, стремясь поднять народъ изъ вѣковаго усыпленія и привести его къ сознанію своего униженія и къ увѣренности въ своихъ силахъ. Одни изъ нихъ, какъ напр. *Касти* въ своихъ „Говорящихъ звѣряхъ", дѣйствовали сатирою, чтобы насмѣшкою надъ настоящимъ пробудить желаніе лучшаго; другіе, какъ напр. *Фосколо* въ „Могилахъ", оплакивали печальную судьбу униженнаго и порабощеннаго отечества; наконецъ, гордый меланхоликъ, глубоко огорченный униженіемъ италіянскаго народа и закоренѣлый врагъ тираніи *Альфьери* (1749—803) дѣйствовалъ на пробужденіе общества политическою трагедіею. Къ этому же періоду относятся успѣхи италіянской комедіи въ произведеніяхъ *Карло Гальдони* (1707—93), въ которомъ Италіянцы видятъ своего Мольера, и *Карло Гоцци* (1718—802), который стремился воскресить старую народную фарсъ-комедію. Гораздо раньше появилась въ музыкальной и пластической Италіи *опера*, но достигла она впервые высокаго развитія въ произведеніяхъ *Метастазіо* (1693—782), который, не смотря на его недостатки, почитался знаменитѣйшимъ поэтомъ своего времени, „единственнымъ, по словамъ Ж. Ж. Руссо, поэтомъ сердца, созданнымъ для того, чтобы восхищать прелестью поэтической и музыкальной гармоніи". Музыка не только не отставала отъ поэзіи, но опередила ее: *Порпора*, *Сарти*, *Перголезе*, *Пиччини*, *Чимароза* и другіе маэстро такъ называемой неаполитанской школы далеко подвинули драматическую музыку и приготовили великихъ италіянскихъ композиторовъ настоящаго столѣтія. Съ открытіемъ развалинъ Геркуланума и Помпеи, съ появленіемъ трудовъ Винкельмана по теоріи и археологіи искусства, поднимается въ самой Италіи архитектура: вычурныя постройки въ стилѣ Бернини замѣняются постройками въ болѣе чистомъ классическомъ вкусѣ *Ванвители*. Пластику поднимаетъ великій ваятель *Канова* (1756—822), котораго статуи „Амуръ и Псиѳея", „Магдалина", „Геба" и „Гораціи" отличаются удивительною мягкостію и нѣжностію рѣзца. Живопись одна не возстала изъ своего паденія.

ИСТОРІЯ СКАНДИНАВСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

I.

Иторія Швеціи.

1. *Швеція отъ смерти Густава Адольфа до реформы Карла XI.* Швеція вынесла изъ тридцатилѣтней войны первенство на сѣверѣ, вліяніе на дѣла Германіи (чрезъ Померанію и Бременъ), громкую славу и сознаніе своего достоинства. Но поддерживать значеніе, пріобрѣтенное военными и государственными дарованіями Густава-Адольфа и деньгами Ришлье, было не по силамъ Швеціи: ибо внутреннія средства не удовлетворяли внѣшнему значенію. Величіе Швеціи было искусственное: растянутая кругомъ б(реговъ Балтійскаго моря, мало доступная непріятелю сама въ себѣ, она была открыта его нападеніямъ въ своихъ забалтійскихъ провинціяхъ, отдѣленныхъ отъ центра мѣстностью и народностью. Государству недоставало населенія, разнообразія промысловъ, естественнаго богатства. Завистливо смотрѣли на него сосѣди. Значеніе Швеціи было непрочно уже потому, что пріобрѣтенное оружіемъ, по убѣжденію большей части государственныхъ людей того времени, могло быть поддержано только оружіемъ: quando habemus pacem, non habemus panem. Но не только бѣдность въ финансовыхъ средствахъ, самое устройство Швеціи мало представляло обезпеченій государству. Королевскую власть, по уложенію Густава-Адольфа- обнародованному послѣ его смерти въ 1634 г., ограничивали: 1) *государственный совѣтъ*, посредникъ между королемъ и народомъ, состоявшій изъ 25 членовъ, исключительно аристократовъ; 2) *государственный сеймъ*, который мало имѣлъ значенія, затѣмъ, что право иниціативы принадлежало не ему, а королю. Совѣщанія сейма происходили и голоса въ немъ подавались отдѣльно по сословіямъ, а утвержденіе опредѣленій его предоставлялось королю, который дѣйствовалъ подъ вліяніемъ государственнаго совѣта, слѣдовательно аристократіи.

Между сословіями былъ разрывъ. *Дворянство* надъ всѣмъ возвышалось, угнетая другія сословія. Оно пользовалось исключительно доступомъ къ высшимъ должностямъ, само налагало подати на своихъ крестьянъ, владѣло монополіею охоты, рыбной ловли, безпошлинной торговли. Въ малолѣтство Христины, во время регентства, еще болѣе усилилось исключительное значеніе нѣсколь-

кихъ фамилій. *Духовенство* не пользовалось большимъ значеніемъ: высшее примыкало къ дворянству и лишено было земель, а низшее было слабо и бѣдно; часть десятины шла къ королю, приходы раздавалъ король. *Гражданство* было обременено коронными налогами, страдало отъ запретительной торговой системы, не имѣло доступа къ высшимъ должностямъ (бракъ дворянина съ гражданиномъ лишалъ дворянина всѣхъ правъ). *Крестьяне,* помѣщичьи и государственные, терпѣли отъ барщины, подводной, военной, квартирной повинностей, отъ безсудности. А между тѣмъ они были важнѣе другихъ сословій, за тѣмъ, что земледѣліе составляло главное богатство Швеціи. Финансы находились въ страшной запутанности отъ шаткости и неправильнаго распредѣленія богатствъ и повинностей, отъ закона, допускавшаго аренду коронныхъ земель только дворянству. Религіозная нетерпимость была въ полной силѣ. Основанный Густавомъ-Адольфомъ университетъ въ Або и обогащенный имъ упсальскій—шли по узкой дорогѣ схоластики и пустыхъ преній.

Таково было положеніе государства, когда Христина въ 1644 году достигла совершеннолѣтія и стала сама править государствомъ.

Уже ребенкомъ Христина была по характеру болѣе похожа на мальчика, чѣмъ на дѣвочку. Воспитаніе получила она самое тщательное; порывистая страстность, воспріимчивость, неутомимая любовь къ занятію, презрѣніе къ женственности, мужескія ухватки предвѣщали въ ней женщину, выходившую изъ ряда обыкновенныхъ. 14-ти лѣтъ стала она обращать вниманіе на дѣла и присутствовать въ государственномъ совѣтѣ, 16-ти—приняла правленіе и короновалась. Ночи и утра проводила она въ разсматриваніи дѣлъ, предлагаемыхъ на обсужденіе государственнаго совѣта, и присутствовала въ немъ даже во время пароксизмовъ лихорадки. Выслушавъ мнѣнія другихъ, она умѣла увѣренно излагать и импонировать свое. Не мало содѣйствовала она къ ускоренію вестфальскаго мира, желая имѣть славу примирительницы. Она обуздала усилившуюся въ ея малолѣтство аристократію, сама избрала себѣ въ наслѣдники *Карла Густава* цвейбрикенскаго, противъ воли совѣта и сословій; сама же объявила, что лучше умреть, чѣмъ выберетъ мужа. Показавъ способности государственнаго человѣка, Христина захотѣла быть ученымъ. И тутъ, какъ во всемъ, дѣйствовала съ увлеченіемъ и страстью: съ страннымъ нетерпѣніемъ ожидала она ребенкомъ учебныхъ часовъ и въ 14 лѣтъ,

по собственнымъ ея словамъ, знала всѣ языки, которымъ ее обучали. Но послѣ, безъ посторонней помощи, выучилась многому: никто не училъ ее по-англійски, по-французски и по-испански. Время, когда жила она, было временемъ увлеченія наукою и педантизма въ богословскихъ преніяхъ. Знаменитостями науки окружила себя королева: *Гуго Гроцій* и *Декартъ* нашли у нея пріютъ; *Николай Гейнзій* хвалилъ небо за то, что жилъ при Христинѣ, что былъ знакомъ Христинѣ и что умѣлъ угодить Христинѣ; онъ былъ орудіемъ ея къ пріобрѣтенію древностей, на грабежъ которыхъ жаловалась Италія. Къ одному ученому писала она: „приходи учить меня, или я сама прійду къ тебѣ учиться!“

Дѣйствуя подъ вліяніемъ страсти, какъ женщина, Христина въ тоже время представляетъ какую-то аномалію между женщинами. Она не скрывала своихъ наружныхъ недостатковъ, презирала свое лучшее украшеніе—волоса, по собственному признанію, питала отвращеніе ко всему, что дѣлаютъ и говорятъ женщины, не заботилась о туалетѣ, радовалась, когда слыхала, что ее принимали въ дѣтствѣ за мальчика, что она ребенкомъ хлопала при выстрѣлахъ и похожа была на дочь полка. Верховую ѣзду и охоту любила, какъ наѣздникъ и псарь; Тацита и Платона толковала, какъ философъ; Декарта поражала смѣлостію выводовъ; дѣлами занималась, какъ дѣятельный государственный человѣкъ. Вполнѣ проникнутая сознаніемъ своего призванія, она зависимости терпѣть не могла ни для себя ни для подданныхъ, которымъ запретила даже носить иноземные ордена; государственный совѣтъ и вождей, громившихъ Германію, прибрала къ рукамъ.

Такое неестественное направленіе, утрированіе и странность, безъ здороваго равновѣсія и сознанія удовлетворенной души, держаться долго не могли. Сверхъ того, во всѣхъ поступкахъ Христины проглядывалъ и эгоизмъ. Она трудилась не для Швеціи: собственная независимость и самообразованіе были ея цѣлью, народъ—орудіемъ. Неудивительно, что народъ былъ холоденъ къ ней, тѣмъ болѣе, что отечественнаго она ничего не любила: ни преданій, ни законовъ, ни обрядовъ, ни религіи, ни науки. Все это она презирала и, желая пользоваться правами королевы, ненавидѣла обязанности своего званія, какъ стѣсненіе. Такъ напр. она не любила лютеранизма потому, что законъ не допускалъ другой вѣры. Не владѣй она короною, она искала бы ея; но она владѣла— и удовлетворенная душа презирала то, чѣмъ владѣла. Величіе духа, энергія, умъ странно сталкивались въ ней съ увлеченіемъ, при-

хотями, неумѣніемъ уравновѣсить желаній съ потребностями, отсутствіемъ сердца, презрѣніемъ къ отцу и матери, быть можетъ, потому, что обязана была любить отца и мать *). И вдругъ неугомонно-пытливый, независимый, ничѣмъ недовольный и дѣятельный духъ ея обращается къ вопросамъ религіи. Такой поворотъ былъ критическимъ въ ея жизни.

Сначала она, вмѣстѣ съ любимымъ духовникомъ своимъ, задумала проектъ взаимнаго соглашенія церквей, но епископы и великій канцлеръ рѣзко напомнили ей, что королева должна быть лютеранка и что иной вѣры въ государствѣ законъ не допускаетъ. Напоминаніе взорвало Христину. „Я увѣрена что они хотятъ заставить меня дѣйствовать по своему, хотятъ страхомъ обмануть меня и управлять мною", говорила она. Твердыхъ убѣжденій въ превосходствѣ одной религіи надъ другою у нея не было. Особыхъ недостатковъ въ лютеранизмѣ она не видѣла, да и вообще въ дѣлѣ вѣроученія была индеферентистка. Измѣнить лютеранизму ее подтолкнули: во-первыхъ, неугомонность ея натуры вообще, во-вторыхъ, государственная необходимость быть лютеранкою по внѣшнему закону, въ-третьихъ, длиннота и сухость тогдашнихъ лютеранскихъ проповѣдниковъ, нетерпимость и формализмъ духовенства, наконецъ, покровительство брачной жизни въ лютеранизмѣ. „Будучи католичкою, говорила она, имѣешь по крайней мѣрѣ утѣшеніе принадлежать къ церкви, произведшей столько дѣвъ, которыя побѣдили слабости своего пола и принесли себя въ жертву Богу". Врагъ всякаго внѣшняго авторитета, Христина, по свойственному только ея натурѣ противорѣчію, рѣшилась пожертвовать властію, славою, общественнымъ мнѣніемъ для того, чтобы признать надъ собою непогрѣшимый папскій авторитетъ. Безъ іезуитовъ дѣло обращенія обойтись не могло, и дѣйствительно они являются тайными агентами и ведутъ все дѣло подъ ширмою дипломатическихъ переговоровъ. Сначала Христина пыталась отречься отъ вѣры, сохранивъ корону; но когда ее убѣдили, что папа недозволитъ сохранить лютеранскую евхаристію, "ну такъ нечего дѣлать: надо отказаться отъ короны", отвѣчала она. Ей это было и не трудно: дѣла ей давно надоѣли, въ государственный совѣтъ она уже не ходила. Въ 1654 г. Христина, выхлопотавъ себѣ

---

*) На слова матери, „что отецъ не потерпѣлъ бы ея поведенія", Христина отвѣчала: „хорошо, что умеръ". Про мать отзывалась такъ: „мать моя женщина самая пошлая, мнѣ стыдно быть дочерью такой матери".

достаточную пенсію, сложила корону и, выславъ впередъ всѣ свои драгоцѣнности, оставила Швецію; на дорогѣ, въ Баваріи, приняла католицизмъ и явилась въ Римъ, гдѣ была встрѣчена съ неописаннымъ великолѣпіемъ. Живя въ Италіи, она сначала всецѣло предалась наукѣ и искусству, но скоро и эта жизнь ей пріѣлась. Она не могла усидѣть на одномъ мѣстѣ и въ одномъ положеніи: путешествовала по Франціи и Нидерландамъ, была два раза въ Швеціи, гдѣ встрѣтила холодный пріемъ; вездѣ вмѣшивалась въ политическія интриги; хотѣла возвратить себѣ корону шведскую или получить вновь польскую; нося титулъ королевы, не могла понять своего дѣйствительнаго значенія и, наконецъ, сдѣлалась смѣшна и всѣмъ надоѣла: Франціи и папѣ за интриги и насмѣшки надъ королемъ и католицизмомъ *), Шведамъ—за попытки возвратить корону и за огромную пенсію, которую брала съ государства. Она умерла въ 1689 году, и въ храмѣ с. Петра лежитъ дочь Густава-Адольфа. Въ шведской исторіи она имѣетъ значеніе разорительницы государства, особенно въ послѣднее время царствованія.

6-ти лѣтнее правленіе наслѣдника Христины—*Карла X Густава* все наполнено войною, все основано на изреченіи: имѣя миръ, не будемъ имѣть хлѣба. Побѣды его надъ Поляками и Датчанами покрыли Швецію славою, но едва-ли доставили ей существенныя выгоды. Польша была почти покорена, Данія—также, и Карлъ составилъ первый проектъ раздѣла Польши. На личности его основанное величіе съ нимъ и погибло; осталась зависть сосѣдей, осталось истощеніе. Къ несчастію, въ малолѣтство сына его *Карла XI* началось вельможедержавіе со всѣми его гибельными слѣдствіями. Войны Карла X прекращены были мирами *оливскимъ* съ Польшею, *копенгагенскимъ* съ Даніею и *кардисскимъ* съ Россіею. Но, вслѣдъ затѣмъ, Швеція впуталась въ планы Людовика XIV и пораженіемъ заплатила за вмѣшательство. Воевала она собственно изъ-за субсидій, да потому, что государственный совѣтъ былъ подкупленъ. Положеніе государства было самое печальное: разрывъ между сословіями, вопли податныхъ классовъ, ненависть между старымъ и новымъ дворянствомъ, безсиліе короны, у которой дворянство захватило всѣ имущества, совершенное

*) „Въ Римѣ я не нашла людей, но статуи, картины, зданія; въ Римѣ я видѣла четырехъ папъ и ни одного съ здравымъ человѣческимъ смысломъ“.

безденежье. Приходилось жить на жалованьи у Франціи, если бы не умный и твердый Карлъ XI.

2. *Отъ реформы Карла XI до реформы Густава III* (1660—1771). Достигнувъ совершеннолѣтія и выпутавшись, послѣ нимвегентскаго мира, изъ обще-европейской войны, Карлъ XI рѣшился соблюдать миръ и уничтожить преобладающее значеніе аристократіи, корень всего зла въ государствѣ. Въ 1660 г. страхомъ и обѣщаніями выпудилъ онъ у государственнаго сейма: 1) опредѣленіе произвести ревизіи дѣйствія регенства и повѣрку поземельныхъ правъ дворянства на коронныя земли, 2) утвержденіе самодержавія короля и обращеніе государственнаго совѣта въ королевскій совѣщательный совѣтъ. При приведеніи въ исполненіе сеймоваго опредѣленія о повѣркѣ поземельной собственности, особенно пострадало дворянство Лифляндіи: много графствъ и баронствъ было вымороченo въ королевскую казну. Дворяне протестовали чрезъ Іоганна Паткуля, который за это долженъ былъ бѣжать изъ отечества. Послѣ реформы Карлъ XI заплатилъ долги, поощрилъ торговлю и земледѣліе, создалъ вновь флотъ, помѣстилъ войско въ нѣмецкихъ земляхъ, а для защиты Швеціи—образовалъ милицію, которая содержалась изъ розданныхъ ей земель, конфискованныхъ у дворянъ; наконецъ, основалъ университетъ въ Лундѣ. Въ 10-ть лѣтъ Швеціи нельзя было узнать: если она когда первенствовала, то именно въ 1697 г., когда умеръ Карлъ XI. Благополучіе и силу ея нарушилъ блистательно начавшій свое царствованіе *Карлъ XII*. Отецъ положительно, а сынъ отрицательно доказали, что не имѣя мира, нельзя имѣть хлѣба.

Карлъ XII правилъ сначала подъ опекою матери, но въ 1697 году, имѣя около 15 лѣтъ, объявилъ себя совершеннолѣтнимъ. Его видимая безпечность, любовь къ медвѣжьей охотѣ, праздникамъ и театру, обманула сосѣднихъ государей? Данія, Польша и Россія думали, что настало удобное время отомстить Швеціи за старыя обиды. Но они ошиблись. Карлъ XII былъ одинъ изъ великихъ военныхъ геніевъ вѣка, односторонній, какъ дѣдъ его Карлъ X, и страстно-порывистый, какъ Христина. Онъ проснулся отъ безпечнаго бездѣйствія, когда Данія, Польша и Россія заключили великій сѣверный союзъ противъ Швеціи: Данія домогалась Голштиніи, родственной Шведамъ; Польша думала воротить себѣ Лифляндію, недовольную шведами; Петръ В. старался добыть участокъ при балтикѣ, необходимый ему для его великихъ цѣлей. Союзники напали одновременно, и Карлъ неожиданно показалъ себя

грознымъ воиномъ. Въ 1700 г. онъ оставилъ Стокгольмъ, котораго уже не видалъ больше, съ клятвой: „воевать, побѣждать и мстить“. Быстро обложилъ Копенгагенъ и заставилъ Данію отстать отъ союза: разбилъ наголову превосходныхъ въ числѣ Русскихъ подъ Нарвой; очистилъ Лифляндію отъ Поляковъ, овладѣлъ почти всею Польшей, посадилъ въ ней своего короля Станислава Лещинскаго, опустошилъ Саксонію и принудилъ Августа, послѣ пятилѣтней войны, отказаться отъ Польши и отъ союза съ Петромъ. Петръ между тѣмъ, въ отсутствіи Карла, покорилъ Ингерманландію, Эстляндію, часть Лифляндіи и Курляндіи. Русскіе не разъ предлагали миръ; но Карлъ самонадѣянно отвѣчалъ, что онъ поговоритъ о мирѣ въ Москвѣ, и, управившись съ Августомъ, въ самомъ дѣлѣ пошелъ со всѣми силами на Петра чрезъ Украйну, гдѣ малороссійскій гетманъ Мазепа обѣщалъ примкнуть къ нему съ своими казаками. Петръ повелъ войну оборонительную и, опустошая все передъ непріятелемъ, сталъ морить его голодомъ. По переходѣ Карла чрезъ Днѣпръ, начались неудачи Шведовъ; но онъ упорно шелъ впередъ и осадилъ Полтаву. Петръ спѣшилъ тудаже, и здѣсь (27 іюня 1709 г.) данъ былъ рѣшительный бой: шведская армія въ нѣсколько часовъ была истреблена и самъ Карлъ. съ немногими изъ своихъ, едва спасся отъ плѣна и ушелъ въ Турцію: сѣверный союзъ возобновился, а Петръ упрочилъ за собой свои завоеванія въ прибалтійскомъ краѣ.

Между тѣмъ Карлъ XII успѣлъ уговорить султана въ войнѣ съ Россіей. Петръ съ войскомъ спѣшилъ предупредить вторженіе Турокъ, какъ вдругъ нечаянно былъ окруженъ на рѣкѣ Прутѣ трехъ-сотъ-тысячною арміею непріятелей и, къ удивленію всѣхъ, заключилъ довольно выгодный миръ съ великимъ визиремъ. Карлъ снова пытался поднять султана противъ Петра и наскучилъ Туркамъ: силой былъ онъ высланъ изъ Бендеръ и, послѣ 15-лѣтней отлучки, явился почти безпомощнымъ въ Швецію, противъ которой вооружилась еще Пруссія, Англія и Голландія.. Сеймъ представилъ Карлу отчаянное положеніе Швеціи, молилъ его о мирѣ и получилъ отвѣтъ: *я лучше потеряю жизнь и корону, чѣмъ уступлю врагу хотя одинъ фунтъ земли.* Союзники скоро перессорились, и Петръ отдѣлился отъ нихъ: полномочный министръ Карла Герцъ мирилъ своего государя съ Петромъ, уступая ему всѣ завоеванія, вошелъ въ связи съ Альберони—и готовилъ войну европейскую: но Карлъ XII былъ вдругъ убитъ подъ норвежской крѣпостью Фридрихсгаломъ въ 1718 г.

Слѣдствіями смерти Карла XII для Швеціи были: a) преобразованіе государственнаго устройства. Самъ Карлъ XII своимъ донъ-кихотовскимъ отсутствіемъ, отвѣчая на вызовъ правителей, что пришлетъ свой сапогъ управлять ими и государствомъ, содѣйствовалъ усиленію государственнаго совѣта и возбудилъ въ дворянствѣ ненависть къ военному деспотизму. „Вы очень выросли въ мое отсутствіе, графъ!“ замѣтилъ онъ одному магнату, по возвращеніи изъ Турціи. Теперь послѣ его, чуть-ли не насильственной, но во всякомъ случаѣ таинственной смерти шведское дворянство воспользовалось спорнымъ престолонаслѣдіемъ, чтобы возвратить права, отнятыя у него Карломъ XI. Меньшая сестра Карла XII *Ульрика Элеонора* и мужъ ея *Фридрихъ гессенъ-кассельскій* возведены были на престолъ государственнымъ сеймомъ, мимо законнаго наслѣдника (сына старшей сестры Карла, герцога голштейнъ-готторпскаго), съ тѣмъ, чтобы власть королевская была ограничена аристократическимъ государственнымъ совѣтомъ. Въ качествѣ постояннаго представителя государственныхъ чиновъ, этотъ совѣтъ замѣщалъ всѣ высшія должности въ войскахъ, судахъ и администраціи, рѣшалъ всѣ государственныя дѣла и, мало-по-малу, сдѣлался правительствующею властію, а король, имѣвшій въ совѣтѣ два голоса, лишился всякой силы и носилъ только пустой титулъ безъ дѣйствительной власти, которая перешла къ олигархамъ. b) Цѣлый рядъ невыгодныхъ для Швеціи мирныхъ трактатовъ непосредственно слѣдовалъ за этимъ усиленіемъ государственнаго совѣта. Миры съ Пруссіею, Ганноверомъ, Даніею и Польшею заключены были, вслѣдствіе подкупа магнатовъ, а миръ съ Россіею, вслѣдствіе того, что Петръ В. опустошалъ загородныя виллы магнатовъ. c) Результатомъ этихъ трактатовъ были: потеря Швеціею всѣхъ стороннихъ владѣній вмѣстѣ съ всякимъ значеніемъ на сѣверѣ и образованіе въ ней чуждаго вліянія. Особенно сильно было вліяніе французское и русское. Магнаты, бравшіе деньги отъ Франціи, образовывали партію *шляпъ*, были сторонники войны и первенствовали до 1765 г.: главою ихъ былъ графъ Гилленборгъ. Магнаты, бравшіе деньги отъ Россіи, составляли партію *колпаковъ*, держались мирной политики, первенствовали до 1770 года и имѣли главою графа Горна. Государственный сеймъ былъ поприщемъ эгоистическихъ стычекъ обѣихъ партій, въ немъ повторялись сцены рѣчи посполитой. О славѣ и благоденствіи страны никто не думалъ. При ничтожномъ, суетномъ, распутномъ и, наконецъ, разбитомъ параличемъ Фридрихѣ, Франція и шляпы, чтобы отвлечь Елисавету

Петровну отъ помощи Маріи-Терезіи въ войнѣ за австрійское наслѣдство, заставили Швецію объявить войну Россіи, окончившуюся только новыми потерями для Шведовъ. Избранный въ короли послѣ Фридриха герцогъ голштейнъ-готторскій *Адольфъ-Фридрихъ* (1751—70), былъ еще ничтожнѣе и своею слабостію парализировалъ энергію своей жены, сестры Фридриха II прусскаго. Pacta conventa, имъ подписанныя, передавали совершенно власть въ руки олигарховъ. Подпись короля на бумагахъ замѣняли штемпель и государственная печать, находившіеся у правительственнаго совѣта. Тотъ же совѣтъ руководилъ воспитаніемъ кронъ-принца и выбралъ ему супругу, замѣтивъ королю, что кронъ-принцъ сынъ не его, а государства. И король, и королева часто должны были безмолвно выслушивать выговоры государственнаго совѣта. Правленіе сначала находилось у партіи шляпъ, которая, по требованію Франціи, впутала Швецію въ семи-лѣтнюю войну; но по окончаніи ея, вмѣстѣ съ миромъ, выдвинулись колпаки, а съ ними вліяніе Россіи. Панинъ и Остерманъ господствовали въ Стокгольмѣ: колпакамъ льстили надеждою республики, а между тѣмъ съ Фридрихомъ II вели переговоры о раздѣлѣ шведскихъ владѣній между Россіею, Пруссіею и Даніею. Наконецъ, положеніе стало такъ невыносимо, что король требовалъ созванія чрезвычайнаго сейма. Поддерживаемый кронъ-принцемъ Густавомъ, который съ колыбели извѣдалъ, что такое колпаки и что шляпы и какъ страдаетъ отъ нихъ народъ, поддерживаемый женою и шляпами, онъ оказалъ неожиданную, хотя минутную энергію и грозилъ отреченіемъ. Колпаки согласились созвать сеймъ въ 1769 году. Шляпы одержали опять верхъ и готовились дѣйствовать по прежнему; но въ 1771 году умеръ Адольфъ-Фридрихъ и вступилъ на престолъ Густавъ III.

3. *Реформы Густава III.* Густавъ III принадлежитъ къ числу монархическихъ реформаторовъ, напитанныхъ идеями XVIII вѣка по образцу Фридриха II, съ которымъ впрочемъ никто изъ его послѣдователей не могъ сравниться, а менѣе всѣхъ Густавъ III. Характеръ Густава III представляетъ смѣсь противоположныхъ качествъ: гуманности съ эгоистическимъ властолюбіемъ, ловкости, хитрости, притворства не по лѣтамъ съ увлеченіемъ, пылкостію и необдуманностію, скептической положительности XVIII вѣка съ идеальнымъ настроеніемъ среднихъ вѣковъ. Вслѣдствіе этого самыя реформы Густава, совершавшіяся не по одному принципу, были не прочны и едвали могутъ быть отнесены къ категоріи реформъ XVIII вѣка, ибо конечною цѣлью ихъ былъ абсолютизмъ.

Воспитаніе Густава и семейныя обстоятельства имѣли вліяніе на будущій образъ его дѣйствій. Дѣтство его протекло безрадостно среди борьбы партій, вторгавшихся въ его учебную комнату; когда онъ выросъ, партіи посягнули на его сердце, пылкое и страстное, навязавъ ему политическій бракъ. Противъ воли отца и матери, противъ его собственнаго желанія, по интригамъ шляпъ, онъ долженъ былъ жениться на принцессѣ датской, которую не любила его мать. Кронъ-принцъ поставленъ былъ между женою и матерью, очутился въ омутѣ мелочныхъ, угнетающихъ человѣка семейныхъ непріятностей. Отыскивая причину безрадостнаго дѣтства и безрадостной молодости, онъ естественно находилъ ее въ конституціи, посягавшей на самыя святыя его привязанности, и возненавидѣлъ ее. Крѣпкіе характеры абсолютистовъ выработываются обыкновенно среди анархіи; но абсолютистомъ на манеръ Людовика XIV Густавъ не могъ быть: XVIII-й вѣкъ взялъ свое. Дядя его, монархъ-философъ Фридрихъ II, научилъ его употреблять философію и либерализмъ орудіемъ господства. Ненависть къ олигархіи, развитая съ-измала, и бывшія тогда въ модѣ начала филантропизма утверждены были въ немъ путешествіями по своему государству, гдѣ онъ собственными глазами увидѣлъ разорительные слѣды правленія олигарховъ и за границею, особенно во Франціи, гдѣ онъ увлекался энциклопедизмомъ народной партіи и абсолютизмомъ двора. Недаромъ государственный совѣтъ не хотѣлъ этого путешествія: и энциклопедизмъ и абсолютизмъ били основанную на аристократическихъ формахъ конституцію 1720 года. Въ 1771 году, живя въ Парижѣ, Густавъ III узналъ о смерти отца и поспѣшилъ домой, склонивъ на свою сторону Шуазеля, котораго интересы сошлись съ его интересами. Господство колпаковъ, находившихся подъ вліяніемъ Россіи и Англіи, заставило французскаго министра поддерживать самодержавные виды Густава, тогда какъ Россія поддерживала въ Швеціи партію олигарховъ. На возвратномъ пути заѣхалъ Густавъ къ дядѣ своему Фридриху II, и тотъ обѣщалъ ему также содѣйствіе. Такимъ образомъ, Густавъ явился въ Стокгольмъ съ заранѣе начертаннымъ планомъ реформы и пріисканными средствами къ ея исполненію. По пріѣздѣ въ Швецію, онъ нашелъ новыя средства. Его туземное происхожденіе, краснорѣчіе, ловкость, притворство, образованіе—доставили ему популярность. Много съ руки были ему раздоры, господствовавшіе въ государственномъ сеймѣ касательно новаго охранительнаго акта: шляпы требовали акта 1751 года, колпаки, руководимые

русскимъ посломъ, желали еще большаго ограниченія власти; ихъ поддерживали и прочія сословія. Долго спорили и шумѣли, наконецъ колпаки одержали верхъ: охранительный актъ составленъ былъ подъ русскимъ вліяніемъ и поднесенъ королю. Густавъ съіезуитничалъ: принимая актъ, онъ сказалъ: „подписываю это клятвенное и священное обезпеченіе, не читая его. Такъ сильна моя довѣренность къ сословіямъ. Увѣренъ, впрочемъ, что, при составленіи акта, имѣли вы въ виду благо государства, а потому клятву, которой вы теперь отъ меня требуете, я давно далъ уже въ своемъ сердцѣ“.

Торжествующіе колпаки не обратили вниманія на іезуитское reservatio mentalis; они занялись новымъ составомъ государственнаго совѣта и приготовленіемъ къ пышной коронаціи; и то и другое усилило партію короля: исключенныя изъ новаго совѣта шляпы образовали придворную партію; а два милліона, употребленные на коронацію, отяготили народъ, который возненавидѣлъ олигарховъ. Такимъ образомъ и шляпы, и народъ искали опоры въ королѣ. Густавъ, по видимому, велъ жизнь безпечную, но между тѣмъ на французскія деньги склонилъ на свою сторону гвардію, а приверженцы его успѣли произвести возстаніе въ провинціяхъ въ пользу короля. Государственный совѣтъ опомнился, но поздно. Король принялъ начальство надъ гвардіею, вооружилъ народъ столицы, и съ словами: „друзья! вѣетъ сѣверный вѣтеръ; тотъ же вѣтеръ дулъ, когда Ваза съ поселянами предпринялъ освобожденіе родины отъ предателей и иноземцевъ!“—повелъ ихъ къ мѣсту собранія государственнаго совѣта и штыками разогналъ его. Собранный Густавомъ государственный сеймъ былъ окруженъ солдатами и принялъ предложенную королемъ конституцію, по которой у сейма было отнято право законодательной инициативы, а государственный совѣтъ, лишенный всякаго правительственнаго значенія, обращенъ въ совѣщательный королевскій совѣтъ. Король получилъ право объявлять войну (кромѣ наступательной) и заключать миръ, право налагать въ военное время подати, право опредѣленія въ должности, и признанъ главою морскихъ и сухопутныхъ силъ. Такимъ образомъ открыто было свободное поле реформъ.

Впрочемъ Густавъ былъ не долго популяренъ: скоро народъ охладѣлъ къ нему. Не доброй воли, но зрѣло сознанныхъ началъ недоставало ему: желая разомъ преобразовать государство, онъ поразилъ выгоды многихъ; его покровительство наукѣ и искусству стоило дорого и истекало больше изъ подражанія Франціи, изъ

любви къ роскоши, чѣмъ изъ желанія пользы народу. Какъ государь XVIII вѣка, Густавъ III учреждалъ благотворительныя заведенія, ввелъ гуманное судопроизводство, изгналъ пытку и позволилъ печатать судебные дебаты; заботился о просвѣщеніи въ космополитическихъ французскихъ формахъ; ѣздилъ самъ узнавать потребности государства, особенно Финляндіи; проводилъ каналы и дороги.

Какъ отсталый государь, Густавъ хотѣлъ воскресить рыцарство и безполезно тратилъ для этой пустой прихоти много денегъ; завелъ академію съ псевдоклассическимъ направленіемъ; хотѣлъ ввести шутовскую quasi-національную одежду: изъ подражанія пышности Версаля, завелъ турниры и карусели, тратилъ деньги на путешествія по Франціи и Италіи, наконецъ, запретивъ вводить чужой хлѣбъ въ Швецію, хотѣлъ пополнить недостатокъ туземнаго запрещеніемъ винокуренія, а потомъ обращеніемъ его въ королевскую регалію. Такія распоряженія охладили къ Густаву націю, а враждебныя отношенія его къ Россіи и еще болѣе раздражали противъ него народъ.

Освободивъ государство изъ-подъ зависимости олигарховъ, Густавъ III хотѣлъ возвратить ему первенство на сѣверѣ и пріобрѣсть себѣ славу Густава-Адольфа, что скорѣе гармонировало съ рыцарскимъ настроеніемъ его духа, чѣмъ съ обстоятельствами: ему надо было вести дѣло съ Екатериною II. Когда не спрашивая согласія сейма, Густавъ началъ войну съ Россіею, финляндское войско, подбиваемое русскими агентами, послѣ нѣсколькихъ ошибокъ, воспротивилось этой неконституціонной войнѣ. Встревоженный Густавъ покинулъ армію и съ помощью народа, особенно энергическихъ Далекарловъ, получилъ возможность отмстить своимъ противникамъ. Въ силу такъ называемаго „акта соединенія и государственной безопасности“, который онъ вынудилъ у сейма, ослабленнаго взятіемъ подъ стражу 30 главныхъ недруговъ короля, онъ присвоилъ себѣ право вести войну безъ спроса сословій, упразднилъ государственный совѣтъ и вообще всѣ ограниченія, уцѣлѣвшія еще при перемѣнѣ конституціи, и предоставилъ среднему сословію доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ и право пріобрѣтать рыцарскія (дворянскія) помѣстья. Добывъ необходимыя суммы новымъ тяжкимъ налогомъ, Густавъ продолжалъ снова войну противъ Россіи на сушѣ и на морѣ съ усиленной настойчивостью: но сколько ни явилъ онъ доказательствъ личной храбрости, однакожъ *верельскій* миръ (1790) оставилъ прежнія

границы нетронутыми и много стоившая война не принесла ровно никакой пользы. Еще не зажившись раны, нанесенныя этою борьбой и тяжкое бремя долга давило Швецію, какъ Густавъ, теперь уже въ союзѣ съ Россіею, сталъ думать о новой войнѣ противъ Франціи, чтобы положить преграды разливу революціонныхъ идей и доказать свой рыцарскій образъ мыслей спасеніемъ несчастнаго Людовика XVI. Этотъ замыселъ встрѣтилъ преграду въ упорномъ сопротивленіи чиновъ дать нужныя на то денежныя средства; а для отвращенія какого либо новаго насилія со стороны короля, нѣсколько обиженныхъ имъ дворянъ составили заговоръ, вслѣдствіе котораго Густавъ III былъ раненъ изъ пистолета отставнымъ гвардейскимъ офицеромъ Анкарстремомъ на маскарадномъ балѣ и умеръ отъ раны нѣсколько дней спустя (1792 г.).

II.

Исторія Даніи.

1. *Состояніе Даніи до государственнаго переворота 1660 года.* Слѣдствіемъ религіозно-политическаго переворота въ Даніи въ половинѣ XVI вѣка было олигархическое устройство государства, потому что новая династія и новая религія введены были аристократіею къ ущербу прочихъ сословій и, слѣдовательно, поставили короля въ совершенную зависимость отъ тѣхъ, которые дали ему корону. Король былъ *избираемъ*. Дворянство предписывало ему Haandfaestninge, условія, направленныя въ пользу магнатовъ, присвоившихъ себѣ право за нарушеніе ихъ вести войну противъ короля. Горожане были лишены политическихъ правъ; поселяне находились въ крѣпостномъ состояніи, слѣдовательно были безправны и въ гражданскомъ отношеніи. Если король желалъ удержаться на тронѣ, онъ долженъ былъ тѣснить общины. Верховная власть принадлежала государственному совѣту изъ аристократовъ, которые сами замѣщали свободныя мѣста въ немъ. Государственные чины обратились въ собраніе дворянства и съ 1536 до 1660 года не были созываемы.

Безсиліе власти, самое неправильное распредѣленіе повинностей и средствъ къ удовлетворенію государственныхъ потребностей, малое число богатыхъ и правоспособныхъ, захватившихъ въ свои руки всѣ движимые и недвижимые капиталы и расточавшихъ ихъ внѣ государства, бѣдность массъ, истощеніе государственныхъ фи-

нансовъ и огромный долгъ, ничтожность средствъ къ оборонѣ— вотъ какія явленія были слѣдствіемъ такого устройства и причиною политическаго ничтожества Даніи на сѣверѣ. При *Христіанѣ IV*, въ 30-ти лѣтнюю войну, государство, по милости дворянства, должно было заключить постыдный миръ въ Лютерѣ, изъ котораго вышло съ долгами. Но сильнѣйшій ударъ испытала Данія при *Фридрихѣ III*, въ борбѣ съ шведскимъ королемъ Карломъ X. Въ 1656 г., когда Карлъ велъ успѣшную войну съ Польшею и готовился уже покорить ее, Датчане, опасаясь усиленія Швеціи, заключили союзъ съ Польшею и вторгнулись въ шведскіе предѣлы на Везерѣ. Раздраженный помѣхою его планамъ касательно Польши, Карлъ X, оставя Польшу и Лифляндію, отправился въ Данію. Оплошность Датчанъ, начавшихъ войну безъ приготовленія, доставила Карлу Голштинію, Шлезвигъ и Ютландію почти безъ сопротивленія. Вслѣдъ за тѣмъ, смѣло перейдя чрезъ замороженные Бельты, онъ явился у Копенгагена и заставилъ Данію заключить миръ въ *Роскильдѣ*, по которому Датчане должны были уступить ему Голландъ, Шонію, Блекингенъ, Дронтгеймъ и Борнгольмъ. Удача ободрила Карла X. Онъ мечталъ о покореніи Даніи и образованіи на сѣверѣ огромнаго государства, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ снова началъ войну и явился опять у Копенгагена. На вопросъ: по какому праву онъ нарушилъ миръ? Карлъ отвѣчалъ: „Завоевавъ Данію, докажу мое право. Впрочемъ, вамъ все равно, Фридрихъ или Карлъ будетъ вашимъ королемъ“. Фридрихъ созвалъ государственный совѣтъ изъ дворянъ и гражданъ Копенгагена. Дворянство предложило покориться необходимости. Но Фридрихъ III сказалъ, что не переживетъ чести и свободы королевства, а граждане рѣшили, что стыдно предаться безъ сопротивленія клятвопреступному Карлу X. Всѣ жители Копенгагена вооружились и рѣшились биться до крайности; Поляки, Нѣмцы и Голландцы подали имъ помощь. Карлъ X долженъ былъ снять осаду и въ февралѣ 1660 года умеръ. Миръ въ Копенгагенѣ, выгоднѣйшій чѣмъ роскильдскій, прекратилъ войну.

2. *Отъ государственнаго переворота 1660 года до смерти Струэнзе.* Послѣдняя война открыла весь вредъ тогдашняго государственнаго устройства, основаннаго на владычествѣ олигарховъ. Не одни граждане и крестьяне, но мелкіе дворяне-помѣщики негодовали на придворную знать, стоявшую въ главѣ правленія и обнаружившую во время войны эгоизмъ и равнодушіе. Такимъ расположеніемъ умовъ въ большинствѣ воспользовалась королев-

ская партія, чтобы ниспровергнуть существовавшую конституцію. Съ помощью высшаго духовенства и всѣми уважаемаго копенгагенскаго бургомистра Нанзена, а также при содѣйствіи военныхъ силъ, двору удалось склонить собравшіяся въ 1660 году на сеймъ земскія сословія отмѣнить избирательность королевской власти и основанную на ней конституцію Даніи и вручить наслѣдственную власть фамиліи Фридриха III. Вмѣстѣ съ тѣмъ сеймъ довѣрилъ королю же составленіе новаго государственнаго уложенія, и составленный при дворѣ актъ самодержавія приписалъ королю неограниченную влась. Новый образъ правленія былъ вполнѣ организованъ при наслѣдникѣ Фридриха III *Христіанѣ V* (1670—1699) великимъ канцлеромъ Шумахеромъ (графомъ Грейфенфельдомъ), составителемъ *королевскаго закона*. По мысли Шумахера, государственный совѣтъ обращенъ былъ въ королевскую совѣщательную канцелярію, и аристократія изъ сословія съ независимымъ политическимъ значеніемъ обратилась въ придворную знать, посредствомъ учрежденія титулованнаго дворянства (графовъ и бароновъ) и ордена Данеброга. И орденъ и титулы раздавалъ король, котораго власть вполнѣ замѣнила старую сословно-представительную конституцію. Шумахеръ на себѣ испыталъ тягость организованнаго имъ деспотизма: вооруженный противъ него придворною знатью король бросилъ его въ тюрьму, гдѣ онъ томился 23 года.

„Со времени государственнаго переворота 1660 года положеніе края обусловливалось одними личными качествами правителей. *Фридрихъ VI* (1700—30), современникъ и врагъ Карла XII, подражалъ пышности французскаго двора. Преемникъ его *Христіанъ VI* (1730—46) былъ въ высшей степени благочестивъ, строго держался богослужебныхъ обрядовъ и церковнаго благочинія, но, при заботливости внушить своимъ подданнымъ такой же образъ мыслей, онъ до того пренебрегалъ государственною экономіей, что королевство впало при немъ въ долги. Золотымъ вѣкомъ науки и искусства въ Даніи было правленіе *Фридриха V* (1746—66). При немъ возникли великолѣпныя зданія, учреждена академія, устроенъ ботаническій садъ; театръ и опера, запрещенные въ предшествовавшее царствованіе, снова были открыты, нѣмецкому поэту Клопштоку назначена пенсія для окончанія его „Мессіады“, и употреблены большія суммы на путешествіе по востоку, предпринятое извѣстными учеными (въ томъ числѣ Нибуромъ старшимъ). За то для улучшенія быта простонародія, ремесленниковъ и крестьянъ правительствомъ сдѣлано было мало.

Только графъ *Бернсторфъ* старшій, во всѣхъ отношеніяхъ образцовый вельможа, котораго дѣятельность была столько же обращена на пользу торговли, промышленности и наукъ, сколько и на пользу земледѣлія, освободилъ крѣпостныхъ людей въ своихъ имѣніяхъ съ предоставленіемъ имъ достаточнаго поземельнаго надѣла и этимъ далъ такой примѣръ, которому вскорѣ вынуждены были послѣдовать казна и все остальное дворянство. *Христіанъ VII* (1676—1807) былъ слабодушный государь, сбитый съ толку превратнымъ воспитаніемъ. Вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, онъ предпринялъ такое безразсудное, много-стоющее и обременительное для бѣдной страны путешествіе, что на покрытіе издержекъ понадобилось обложить поголовной податью даже домашнюю прислугу. Изъ этого путешествія ничтожный король возвратился разслабленный тѣломъ и духомъ. Слабостью его воспользовался сопровождавшій его нѣмецкій врачъ *Струэнзе*. Назначенный лейбъ-медикомъ, онъ сдѣлался у короля совершенно необходимымъ лицомъ и, съ помощью королевы Каролины-Матильды, сестры Георга III англійскаго, возвысился постепенно до званія имперскаго графа и всемогущаго министра, управлялъ по своему произволу государствомъ и государемъ и получилъ такую неслыханную власть, что всѣ повелѣнія за его подписью и съ приложеніемъ королевской печати исполнялись точно такъ же, какъ и подписанныя самимъ королемъ. Струэнзе удалилъ бывшихъ министровъ и собесѣдниковъ Христіана, доставилъ гораздо болѣе вліянія благодушной королевѣ, чувствовавшей къ чужеземцу необыкновенное расположеніе, и окружилъ государя, котораго слабоуміе становилось все очевиднѣе, благонадежными людьми. Самъ онъ, сдѣлавшись изъ воспитаннаго въ строгомъ правовѣріи и въ благочестіи пасторскаго сына министромъ-либераломъ въ духѣ Вольтера и энциклопедистовъ, началъ производить въ Даніи цѣлый рядъ важныхъ нововведеній. До сихъ поръ большую часть должностныхъ мѣстъ раздавало дворянство—высшіе своей братьѣ, низшіе своимъ прислужникамъ,—первые съ огромнымъ содержаніемъ, послѣдніе съ ничтожнымъ окладомъ. Этому коренному злу Струэнзе положилъ рѣшительный конецъ и распорядился такъ благоразумно, что управленіе улучшилось, расходы уменьшились. Такъ же точно упростилъ и удешевилъ онъ судопроизводство, отмѣнилъ множество титуловъ и почетныхъ отличій и, какъ физіократъ, уничтожилъ монополіи, гильдіи и цехи. Этими мѣрами Струэнзе сильно раздражилъ дворянство; въ то же самое время, употребленіемъ

нѣмецкаго языка въ своихъ указахъ, въ администраціи и въ судебныхъ дѣлахъ, онъ оскорблялъ національное чувство Датчанъ, и безъ того уже всегда соперничавшихъ съ нѣмцами, а отмѣною трехдневныхъ праздниковъ и смягченіемъ строгой церковной дисциплины возстановилъ противъ себя узкихъ лютеранъ. При такихъ обстоятельствахъ, упраздненіе цензуры было дѣломъ очень рискованнымъ, потому что освобожденная печать направила свои нападенія преимущественно на самого же министра. Надъ головою Струэнзе и неразрывно связанной съ нимъ королевы собралась страшная гроза и разразилась тѣмъ скорѣе, что онъ самъ содѣйствовалъ къ тому недостаткомъ мужества и рѣшимости. Смятеніе, произведенное матросами и гвардіею, перепугало его до того, что онъ убѣжалъ вмѣстѣ съ дворомъ и согласился на всѣ требованія возмутившихся. Малодушіе и нерѣшительность, выказанныя Струэнзе при этомъ и другихъ случаяхъ, возбудили во властолюбивой мачихѣ короля Юліанѣ и въ ея повѣренныхъ мысль низвергнуть перваго министра. Приступивъ къ королю ночью, врасплохъ, и живо изобразивъ ему предстоящія опасности, они заставили его подписать заготовленныя уже повелѣнія о взятіи подъ стражу Струэнзе и 13-ти бывшихъ въ силѣ и близкихъ министру лицъ, а королеву, собственноручнымъ рескриптомъ, заточить въ крѣпость. Струэнзе, послѣ пятинедѣльнаго заточенія, среди всѣхъ возможныхъ ужасовъ и лишеній, какъ виновный въ государственной измѣнѣ, былъ казненъ: ему отрубили голову и правую руку. Королева Матильда, выданная слабостію Струензе, была разведена съ своимъ супругомъ и умерла спустя три года жертвою печали и злосчастія (1775). По сверженіи Струэнзе, правленіемъ завладѣла Юліана и отмѣнила всѣ ненавистныя нововведенія. Только спустя двѣнадцать лѣтъ, она была удалена наслѣднымъ принцемъ Фридрихомъ, который потомъ управлялъ государственными дѣлами отъ имени своего отца, а главное завѣдываніе министерствомъ и администраціей поручилъ младшему Бернсторфу. Этотъ замѣчательный государственный человѣкъ до самой смерти несъ энергически и умно обязанности своего высокаго сана и ревностно заботился объ успѣхахъ земледѣлія, промышленности, торговли и наукъ (Веберъ)*)“.

*) Умственное развитіе въ скандинавскихъ государствахъ. Письменная литература на скандинавскомъ полуостровѣ начинается въ строгомъ смыслѣ со временъ реформаціи: подобно тому, какъ въ Германіи, переводъ библіи и сочиненія реформаторовъ имѣли вліяніе на образованіе литературнаго языка и дали богословско-филологическое направленіе умственной дѣятельности и въ Швеціи, и въ Даніи.

Изъ всего предъидущаго видно, что вторая половина XVIII вѣка была на всемъ европейскомъ материкѣ періодомъ административныхъ реформъ. Реформы эти были попытками осуществить на практикѣ господствовавшія тогда въ наукѣ общественныя теоріи. А самыя теоріи были вызваны дѣйствительною жизнію, а именно крайнимъ усиленіемъ государственнаго начала и сословныхъ привилегій въ юридическихъ и экономическихъ отношеніяхъ европейскихъ обществъ. Передовые мыслители этой эпохи, видя въ дѣйствительности крайнее стѣсненіе личности человѣка деспотизмомъ правительствъ и привилегированныхъ сословій, отрицали въ своихъ сочиненіяхъ ихъ исключительныя права, во имя общихъ правъ человѣка. Но ученія мыслителей, и основанныя на нихъ реформы государственныхъ дѣятелей, большею частью министровъ и самыхъ государей, увлеченныхъ умственными движеніями вѣка— были односторонни. И философы и реформаторы XVIII вѣка, увлекаясь мечтами о человѣчествѣ, имѣли въ виду всегда человѣка, какъ члена человѣчества, но не народа,—государство, но не націю. Съ одной стороны, они хотѣли осуществлять свои мысли прямо, какъ почерпали ихъ изъ отвлеченныхъ результатовъ

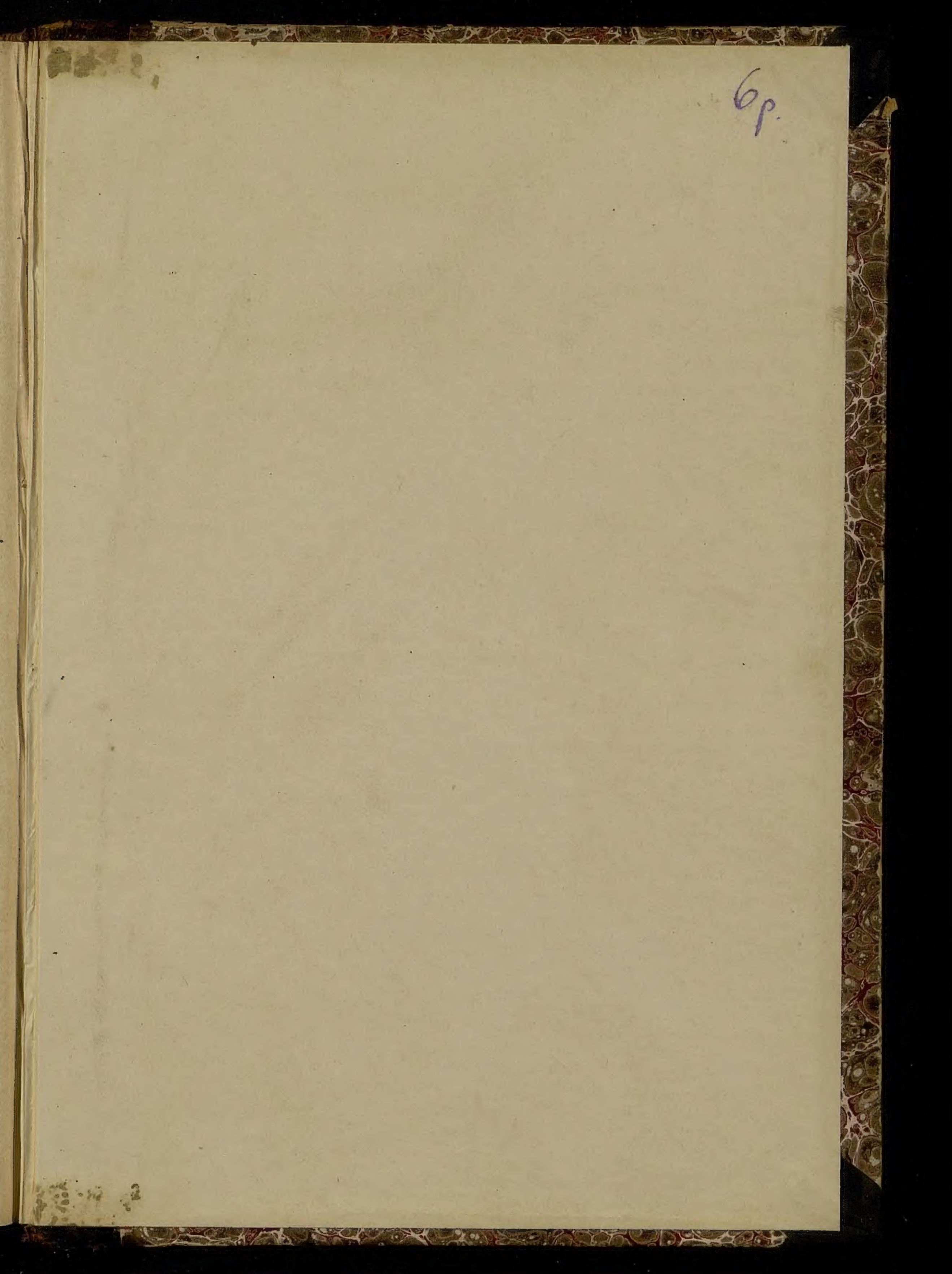
1) Въ Швеціи покровительствомъ наукѣ и искусству отличались: Густавъ-Адольфъ, который далъ особыя привилегіи упсальскому университету, и Христина, которая скликала къ своему двору ученыя знаменитости современной ей Европы. Начавшееся при ней вліяніе нѣмецкаго и латинскаго языковъ на шведскую литературу усилилось по воцареніи пфальцскаго дома: нѣмецкій языкъ сдѣлался общественнымъ, а латинскій ученымъ. При Карлѣ XI прежнее, исключительно богословское направленіе въ наукѣ нѣсколько видоизмѣняется реальнымъ, которому особенно сочувствовалъ самъ король. Въ XVIII в. Ульрика Элеонора учредила въ Стокгольмѣ академію наукъ точныхъ и естественныхъ (1737), а жена Адольфа Фридриха, сестра Фридриха В. (Луиза Ульрика), основала академію художествъ (1757) и библіотеку. Академія, издавая всѣ свои сочиненія на шведскомъ языкѣ, вообще содѣйствовала ученой его обработкѣ. Политическія пренія на сеймахъ выработали въ частности юридическій языкъ, а произведенія знаменитаго Линнея создали, вмѣстѣ съ новою ботаническою систематикою, ботаническій языкъ. При Густавѣ III, основавшемъ новую академію, шведская литература подчиняется сильному вліянію современныхъ умственныхъ движеній Франціи. Густавъ III особенно любилъ театръ и самъ написалъ нѣсколько шведскихъ пьесъ для исключительно-переводнаго его репертуара.

2. Въ Даніи, строго говоря, литературное развитіе начинается въ XVIII в. съ Гольберга (1684—1755), который былъ творцомъ датской національной драмы и замѣчательнымъ историкомъ. Рядомъ съ Гольбергомъ выступили лирическій поэтъ и сатирикъ Фольстеръ. Съ Гольбергомъ же начинается новая эпоха и въ ученой литературѣ. Подъ его вліяніемъ образуется критико-историческая школа, основанная Торфейсомъ и имѣвшая лучшихъ представителей въ Лангебекѣ и Сумѣ, которые оказали огромныя услуги разработкою исторіи скандинавскаго сѣвера и начали издавать критическія собранія сагъ.

науки, мало заботясь о примиреніи ихъ съ исторіею и народностію; съ другой стороны, они руководились правиломъ, которое позднѣе высказалъ Наполеонъ; „дѣлать все для народа, ничего посредствомъ народа (tout pour le peuple, rien par le peuple), и вслѣдствіе этого, ратуя за право личности, сами оскорбляли священныя права ея. Такъ Фридрихъ II, называвшій себя „первымъ слугою народа“, на дѣлѣ требовалъ, чтобы этотъ господинъ его, безъ воли и мысли, повиновался безусловно всѣмъ распоряженіямъ своего слуги. Такимъ образомъ, даже при всей чистотѣ своихъ намѣреній, которой нельзя заподозрить по крайней мѣрѣ въ такой личности, какъ Іосифъ II, реформаторы XVIII вѣка впадали въ ошибки: ибо кто же могъ высказать имъ нужды народа, когда самъ народъ не имѣлъ у нихъ права голоса? Понятно поэтому, что реформы ихъ не могли возбуждать довѣрія и сочувстія, не могли быть и долговѣчны; но тѣмъ не менѣе они имѣли большое вліяніе на современную жизнь. Вопервыхъ этими реформами добыто было непосредственно нѣсколько великихъ результатовъ, каковы: уничтоженіе іезуитовъ—главной опоры стараго обскурантизма, извѣстная доля свободы мысли и, наконецъ, уничтоженіе крѣпостнаго права въ нѣкоторыхъ государствахъ. Вовторыхъ, эти попытки къ преобразованіямъ привели мысли народа на западѣ къ сознанію необходимости улучшеній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ сознанію своего права на участіе въ распоряженіи своими судьбами. И такъ, хотя одинъ Фридрихъ II, самый практическій, но за то чуть-ли не самый недобросовѣстный реформаторъ, не пережилъ своихъ реформъ, а всѣмъ прочимъ суждено было видѣть всю непрочность и разрушеніе затѣянныхъ ими плановъ и заплатить за нихъ или потерею значенія и собственности (Помбаль, Шуазель, Аранда), или горькимъ разочарованіемъ и сознаніемъ, что желая дѣлать добро народу, ничего для него не сдѣлали (Іосифъ II), или, наконецъ, насильственною смертію (Густавъ III и Струэнзе): но дѣятельность ихъ не была безплодна. Между старымъ и новымъ порядкомъ нужна была борьба не на жизнь, а на смерть; нужна была инщіатива къ борьбѣ со стороны народа, который до послѣдняго времени имѣлъ инщіативу во всѣхъ общественныхъ переворотахъ, у котораго новыя идеи получили наибольшее развитіе и въ жизни котораго рѣзче, чѣмъ гдѣ-либо, бросался въ глаза разрывъ между этими идеями и разлагавшимся правительствомъ; нуженъ былъ сигналъ отъ Франціи.

Въ концѣ XVIII вѣка въ западной Европѣ, особенно во Франціи, носилось въ воздухѣ ожиданіе переворота. Одни ожидали его съ богатыми надеждами на лучшее, другіе съ тоскливымъ, а иные съ злораднымъ предчувствіемъ грозы и разрушенія. „Все, что я вижу“, писалъ Вольтеръ, „сѣетъ революцію. Взрывъ послѣдуетъ при первомъ случаѣ. Молодое поколѣніе увидитъ многое!“

9cy
40000=

6р.

